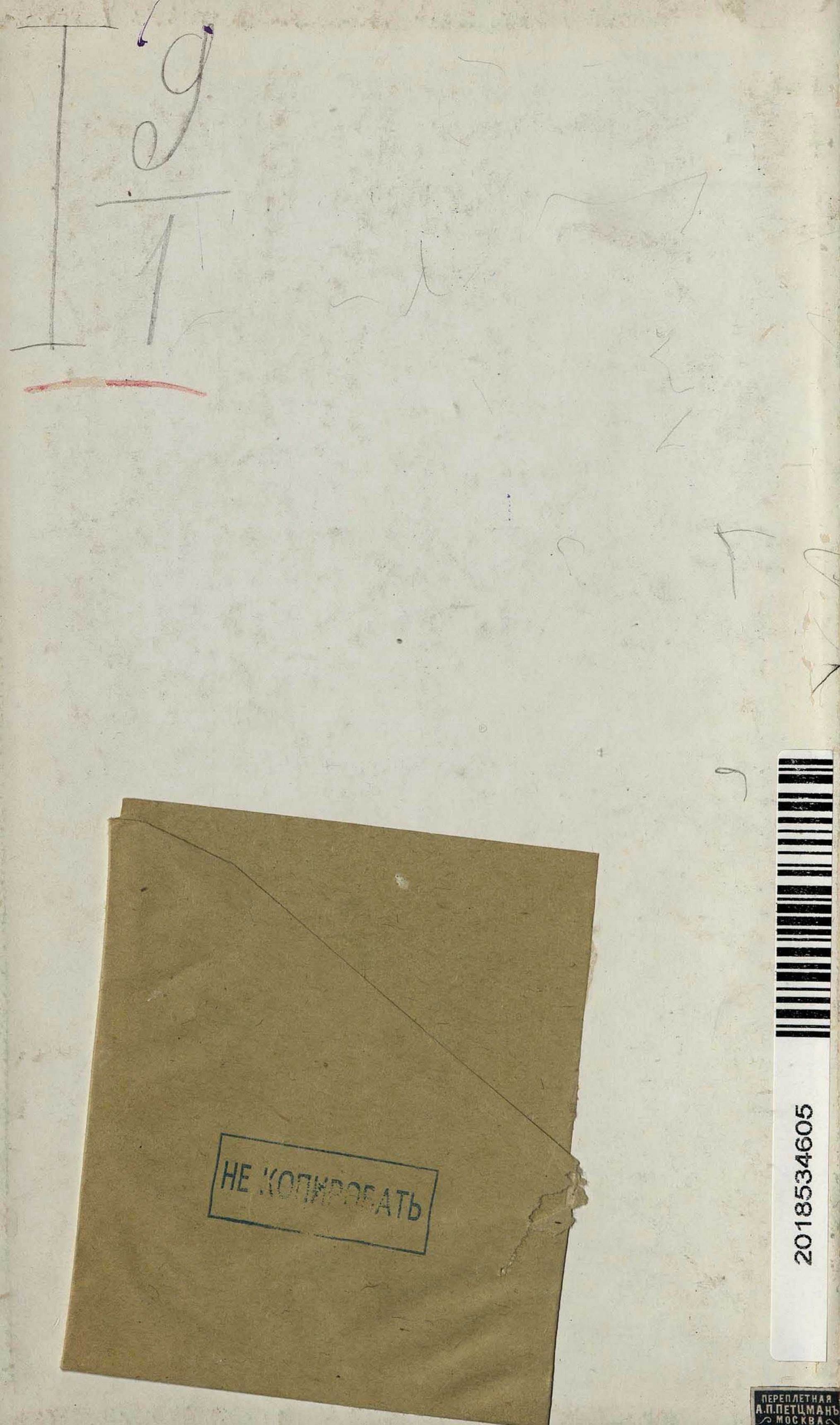
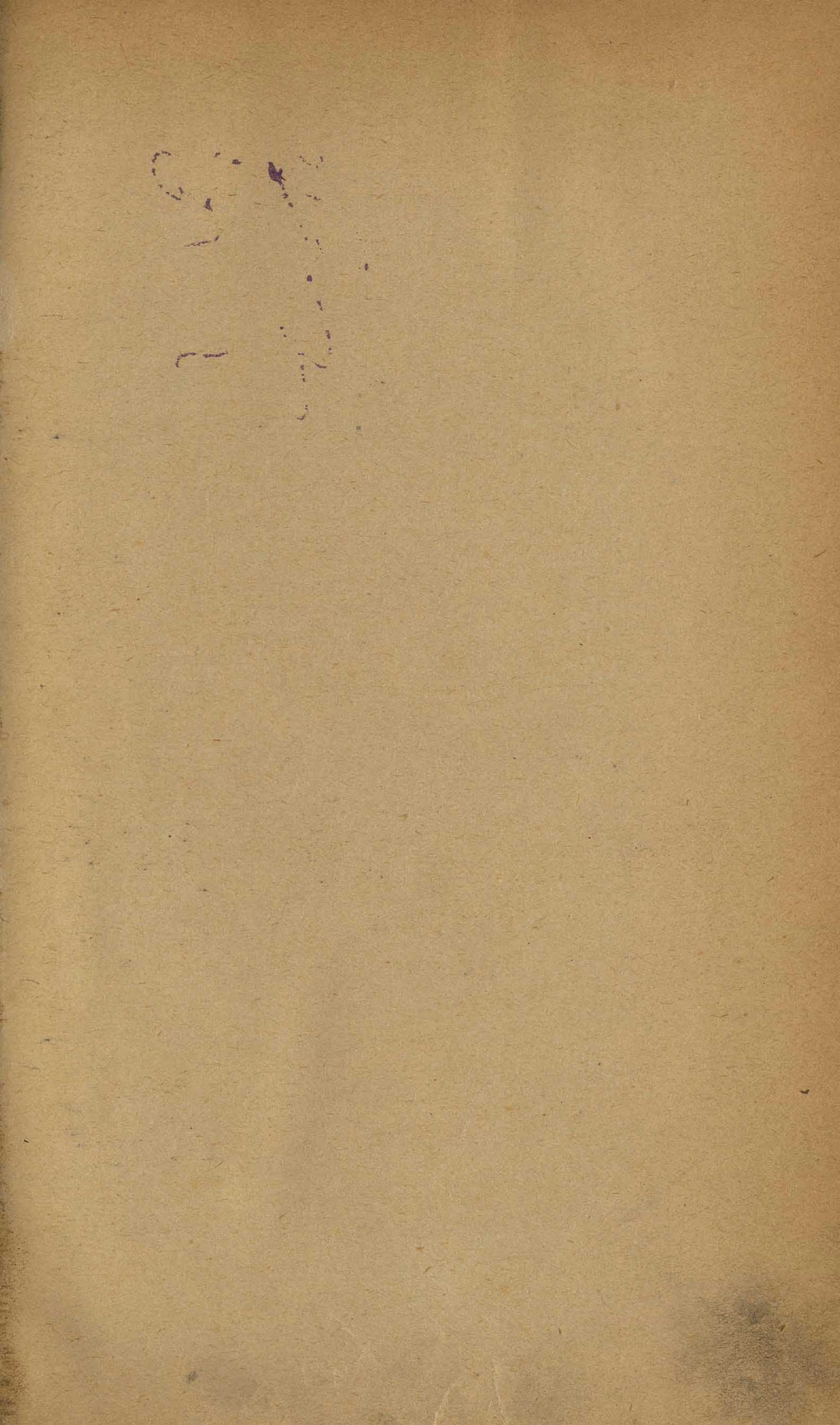
I 9/1 1897
№7

I 9/1
НЕ КОПИРОВАТЬ
2018534605
ПЕРЕПЛЕТНАЯ
А.П.ПЕТЦМАНЪ
МОСКВА

НЕ КОПИРОВАТЬ

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ.

(Изъ моихъ воспоминаній.)

I.

По словамъ покойной матери, не довѣрять которымъ нѣтъ основанія, родился я 6 апрѣля 1834 года въ городѣ Пензѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Ильи Алексѣевича Очкина. По случаю трудныхъ родовъ появился я на свѣтъ на половину синимъ, т.-е. наполовину парализованнымъ, а такъ какъ и подъ старость меня постигла та же участь, то, слѣдовательно, русская пословица: «какимъ въ колыбельку, такимъ и въ могилку», — сбылась со мной какъ нельзя лучше.

Дѣтство провелъ я въ родовомъ имѣніи своего отца Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, въ селѣ Никольскомъ, Ожга тожъ. Имѣніе въ смыслѣ доходности не отличалось, такъ какъ состояло изъ песчанаго грунта, дававшаго плохіе урожаи. Когда-то у отца былъ винокуренный заводъ, но завода этого я уже не засталъ, а помню только его печальныя развалины. Итакъ, въ хозяйственномъ отношеніи село Никольское было незавидное, но за то оно отличалось красивыми мѣстоположеніями, которыя до сихъ поръ ясно рисуются въ моей памяти. Господскій домъ съ мезониномъ и двумя балконами—верхнимъ и нижнимъ—помѣщался какъ разъ на берегу огромнаго пруда и отдѣлялся отъ послѣдняго небольшимъ садомъ. Прудъ, поросшій мѣстами густыми камышами, изобиловалъ и рыбой, и всевозможной дичью, и на этомъ-то пруду, будучи юношей, я пристрастился къ охотѣ. Спишь, бывало, на верхнемъ балконѣ и слышишь кряканье дикихъ утокъ, крики чибисовъ и свистъ всевозможныхъ куликовъ... А чуть займется заря, ужъ я бѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ на берегъ пруда и начиналъ охоту. Окрестности села Никольскаго были тоже очень живописны, въ особенно-

сти мнѣ нравился прудъ, раздѣлявшій нашу усадьбу отъ чугунно-литейнаго завода господина Манухина. Прудъ этотъ тянулся версты на четыре и со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Ежели читатель помнитъ мои разсказы *Забытая усадьба*, *Французъ и помѣщикъ Баклажановъ*, то онъ находилъ въ нихъ описаніе этого пруда.

Первымъ учителемъ русской грамоты былъ приходскій дьяконъ Алексѣй Кузьмичъ Ласточкинъ, который, приходя ко мнѣ на урокъ, каждый разъ рекомендовался такимъ образомъ: «Чикъ-Перевйчъ Алексѣй Кузьмичъ господинъ Ласточкинъ». Фраза эта до сихъ поръ запечатлѣлась въ моей памяти, а также и невзрачная фигура самого дьякона. Это былъ мужчина довольно высокаго роста съ рыжими густыми волосами, краснымъ носомъ и веснушчатымъ лицомъ.

Удачно ли шли наши занятія, я не помню, но помню, что мать, за что-то разсердившись на дьякона, отказала ему отъ уроковъ и вмѣсто него сталъ пріѣзжать ко мнѣ изъ уѣзднаго города Краснослободска учитель тамошняго уѣзднаго училища крайне суроваго, сердитаго вида. Учителя этого я боялся какъ Богъ знаетъ чего и чуть не со слезами на глазахъ вспоминалъ своего дьякона. Это былъ мужчина высокаго роста съ длинными ногами, которыми всегда, сидя на стулѣ, неистово качалъ, съ нависшими бровями и суровымъ выраженіемъ лица. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно на телѣгѣ, запряженной тройкой лошадей, съ трудомъ выбирался изъ этой телѣги, кряхтѣлъ, морщился, а увидавъ меня, выбѣгавшаго къ нему на встрѣчу, сурово кивалъ головой и дѣлалъ рукою знакъ, чтобъ я отправлялся въ классную комнату. Этотъ-то учитель и научилъ меня русской грамотѣ. Помимо этого господина, состоялъ при мнѣ дядька, нѣмецъ Андрей Карловичъ Трумхеллеръ. Трумхеллеръ былъ колонистъ Саратовской губерніи и явился онъ къ намъ, какъ теперь помню, въ сюртукѣ изъ толстаго зеленаго сукна, какимъ въ настоящее время обыкновенно обиваютъ двери, съ плисовымъ черным воротникомъ и, отрекомендовавшись, поцѣловалъ у матери руку, а меня ласково потрепалъ по щекѣ.

Этотъ Трумхеллеръ пришелся мнѣ по сердцу, такъ какъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Онъ охотно бѣгалъ со мной, игралъ въ лапту, въ горѣлки и охотно раздѣлялъ со мною всѣ мои дѣтскія шалости.

Отца я помню смутно. Помню только, что онъ былъ громаднаго роста, сырого тѣлосложенія и отличался замѣчательною силой. Онъ сгибалъ пальцами цѣлковый, разламывалъ тарелки двумя руками

и останавливалъ за колесо телѣги, запряженныя въ одну лошадь. Ходилъ онъ обыкновенно въ халатѣ, громко кашлялъ, часто закашливался и, закашлявшись, обыкновенно спѣшилъ въ какой-нибудь уголъ комнаты и принимался плевать. Помню, какъ однажды зимой онъ посадилъ меня съ собой въ сани и, выѣхавъ на прудъ, травилъ зайца, котораго предварительно охотникъ привезъ въ мѣшкѣ. Вообще, отецъ мой былъ страстный охотникъ: и борзятникъ, и ружейникъ.

Потомъ я помню его смерть. Какъ лежалъ онъ на смертномъ одрѣ и какъ благословлялъ меня. Эта печальная картина врѣзалась мнѣ въ память, и я какъ теперь смотрю на нее. Отецъ мой былъ женатъ два раза. Въ первый разъ на Авдотьѣ Васильевнѣ Олферьевой, отъ которой имѣлъ сына Андрея, а второй разъ на моей матери, Анастасіи Юрьевнѣ Бибиковой, съ которою и прижилъ двухъ сыновей: меня и брата Александра Александровича. Когда онъ умеръ, мнѣ было лѣтъ пять-шесть, и потому матери пришлось возиться съ двумя сыновьями. Братъ мой родился тремя годами позже меня, но я, несмотря на этотъ младенческій возрастъ, отлично помню, какъ меня ввели въ дѣтскую и, указавъ на колыбель, въ которой лежалъ братъ, объявили, что вотъ Господь послалъ мнѣ брата. Помню, что братъ мнѣ крайне не понравился, что былъ красенъ, какъ ракъ, почему я и просилъ закинуть его въ прудъ. Братъ Андрей во время моего ранняго дѣтства съ нами не жилъ, такъ какъ состоялъ на службѣ въ какомъ-то уланскомъ полку. Но онъ пріѣзжалъ въ Никольское и всегда приводилъ меня въ восхищеніе своимъ красивымъ уланскимъ мундиромъ. Помню, какъ однажды пріѣхалъ онъ на Крещеніе и во время водосвятія, совершавшагося на пруду, несмотря на сильный крещенскій морозъ, присутствовалъ во время этой церемоніи въ одномъ мундирѣ. Братъ Андрей пожилъ однако недолго, оставивъ послѣ себя двухъ дѣтей: сына Александра и дочь Екатерину, впослѣдствіи вышедшую замужъ за инженера Борейша. Но и та уже померла. Такъ что послѣ брата Андрея не осталось никакого потомства.

Мать моя тоже была сиротой. На такъ какъ отецъ ея, Юрій Богдановичъ Бибиковъ, былъ въ свое время какимъ-то важнымъ генераломъ, то мать моя и воспитывалась на счетъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и вмѣстѣ со своею родною сестрой, Маріей Юрьевной Бибиковой, по распоряженію той же Императрицы, была подъ опекой графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и воспитывалась на казенный счетъ въ Смольномъ монастырѣ. Въ описываемое время фамилія Бибиковыхъ была въ милости. Дмитрій Гаври-

ловичъ Бибиковъ былъ потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а родной братъ его, Илья Гавриловичъ,—виленскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Помню, что въ дѣтствѣ у матери былъ процессъ съ какимъ-то Севастьяновымъ, и процессъ этотъ былъ рѣшенъ не въ пользу матери, вслѣдствіе чего мы должны были лишиться всего имѣнія. Тогда мать моя поѣхала въ Петербургъ и взяла меня съ собой. Поѣхала она къ своему бывшему опекуну, Бенкендорфу, который въ то время былъ, кажется, шефомъ жандармовъ. Бенкендорфъ ласково принялъ насъ и посовѣтовалъ матери обратиться къ императору Николаю Павловичу, что она и сдѣлала. Помню радость матери, когда результатомъ этого прошенія было то, что рѣшеніе суда найдено было неправильнымъ, а прошеніе было возвращено съ Высочайшею резолюціей: «Утѣшить вдову Салову и дѣло пересмотрѣть». Искъ Севастьянова найденъ потомъ неправильнымъ.

Помимо нѣмца Трухмеллера былъ у меня еще гувернеромъ французъ мосье Поле, называвшій себя sous-lieutenant de la grande armée. Но француза этого я помню очень мало. Помню только, что онъ отлично ходилъ на ходуляхъ, чѣмъ и пугалъ горничныхъ дѣвокъ. А меня бралъ на охоту въ качествѣ лягавой собаки. Я носилъ ему его патронташъ, ягдташъ и лазалъ въ воду за убитой имъ дичью. Французъ этотъ жилъ у насъ очень недолго и за какую-то скандальную исторію былъ уволенъ матерью отъ занимаемой имъ должности.

Съ братомъ Александромъ Александровичемъ я провелъ дѣтство вмѣстѣ, такъ какъ разница въ лѣтахъ между нами была незначительная—три съ половиною года. Воспитывали насъ на спартанскій манеръ, почему мы и не хворали, по крайней мѣрѣ, я, сколько мнѣ помнится, доживъ до старости, никогда серьезно не болѣлъ. Насъ не держали въ хлопкахъ и выросли мы не тепличными растеніями, а просто-напросто такими же неизнѣженными, какими растутъ деревенскія дѣти. Помню, что зимой насъ одѣвали въ заячьи шубки, крытыя зеленымъ атласомъ, на ноги надѣвали валенки, а на голову ваточныя шапки, крытыя такимъ же зеленымъ атласомъ. Въ такихъ-то неприхотливыхъ костюмахъ мы въ трескучіе морозы лазали по снѣжнымъ сугробамъ, катались съ ледяныхъ горъ и даже не чувствовали холода. Докторовъ въ то время не было, а былъ фельдшеръ Поликарпъ Ивановичъ при чугунномъ заводѣ Манухина, который въ случаѣ надобности и лѣчилъ насъ. Но прибѣгали къ его помощи весьма рѣдко, довольствуясь домашними средствами, какъ-то: липовымъ цвѣтомъ и горчичниками.

Сосѣдей у насъ было мало. Самымъ ближайшимъ былъ Манухинъ, къ которому мы ѣздили очень часто, и затѣмъ Платонъ Богдановичъ Огаревъ, отецъ извѣстнаго поэта Николая Платоновича Огарева. Старика Огарева я не помню, но сына его помню отлично, такъ какъ часто встрѣчался съ нимъ въ селѣ Яхонтовѣ въ домѣ моего опекуна Алексѣя Алексѣевича Тучкова, на дочери котораго, Наталіи Алексѣевнѣ, поэтъ Огаревъ впослѣдствіи женился. Но встрѣчался я съ нимъ недолго, такъ какъ онъ навсегда оставилъ Россію. Будучи ребенкомъ, я, конечно, не могъ достаточно оцѣнить Огарева, какъ поэта, но все-таки почему-то чувствовалъ къ нему симпатію, несмотря даже на то, что отзывы о немъ были крайне для него неблагопріятные: его осуждали, что онъ занимается такими пустяками, какъ сочинять стишонки, что это совсѣмъ не дворянское дѣло и что лучше было бы, еслибъ онъ, вмѣсто этихъ стиховъ, занялся своимъ имѣніемъ. Имѣніе это называлось село Акшино, и когда намъ съ матерью случалось проѣзжать мимо, мы почему-то всегда останавливались въ господскомъ домѣ, въ которомъ никого изъ господъ не жило. Это была старинная барская усадьба, тонувшая въ густой тѣни стариннаго парка. Я отлично помню огромный залъ съ хорами, на которыхъ когда-то гремѣлъ крѣпостной оркестръ музыки, и тотъ громадный паркъ, въ которомъ когда-то молодой Огаревъ писалъ свои стихи. Въ концѣ парка протекала рѣка, и вотъ про эту-то самую рѣку поэтъ писалъ когда-то:

А тамъ, на берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой...

И все, что было тамъ говорено
И сколько пережито,
Осталось для людей сокрыто
И на вѣкъ погребено...

Послѣ, когда я настолько выросъ, что сталъ понимать прелесть поэзіи, я, бывая въ Акшинѣ, всегда убѣгалъ на эту рѣку, садился на берегъ и какъ будто переживалъ то же, что̀ переживалъ когда-то самъ Огаревъ.

Нѣсколько лѣтъ послѣ этого село Акшино, помнится мнѣ, перешло во владѣніе Николая Михайловича Сатина, извѣстнаго переводчика Шекспира. Огаревъ и Сатинъ были женаты на родныхъ сестрахъ Тучковыхъ: жену Сатина звали Елена Алексѣевна, а жену Огарева—Наталья Алексѣевна.

Сатина я помню тоже очень хорошо. Это былъ видный и красивый мужчина: высокаго роста, съ длинными волосами на головѣ, блѣдно-матовымъ лицомъ и изящною бородкой. Онъ первый выучилъ меня пить шампанское.

Въ трехъ верстахъ отъ Никольскаго былъ такъ называемый Акшинскій винокуренный заводъ, принадлежавшій Огареву. Сатинъ часто бывалъ на этомъ заводѣ, и вотъ тамъ-то я и встрѣчался съ нимъ. Пріѣзжалъ онъ туда, конечно, по хозяйству, такъ какъ Огарева уже въ Россіи не было, но это нисколько не мѣшало Сатину заниматься переводами Шекспира, и, помнится мнѣ, онъ какъ разъ въ это время переводилъ *Бурю*.

Сатинъ также, какъ и Огаревъ, не пользовался расположеніемъ тогдашняго общества, и про обоихъ про нихъ отзывы были самые неблаговидные: ихъ осуждали и за писаніе стиховъ, и за переводы, и за бороды, носить которыя въ то время было запрещено.

Точно такую же бороду носилъ и мой опекунъ, Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, бывшій въ то время уѣзднымъ предводителемъ инсарскаго дворянства.

Въ селѣ Яхонтовѣ, въ домѣ у Тучкова, я встрѣчалъ брата его, Павла Алексѣевича Тучкова, впослѣдствіи сдѣлавшагося московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Тамъ же встрѣчался я и съ Анной Алексѣевной Тучковой, родной сестрой моего опекуна, на дочери которой я впослѣдствіи женился. Анна Алексѣевна знала меня еще мальчикомъ и всегда, восхищаясь моимъ миловиднымъ личикомъ, увѣряла всѣхъ, что моя головка напоминаетъ ей головки Греза. Это я отлично запомнилъ и потомъ, много лѣтъ спустя, бывши въ Парижѣ въ какомъ-то музеѣ, я нарочно разыскалъ картины Греза, съ цѣлью узнать въ нихъ себя. И, Боже мой, какое было разочарованіе!... А чтобы было съ этой госпожей Тучковой, еслибъ она могла посмотрѣть на меня теперь!

Былъ у насъ и еще одинъ сосѣдъ. Это нѣкто Мартыновъ, но такъ какъ онъ умеръ прежде моего отца, то я его не помню. Знаю только, что это тотъ самый Мартыновъ, сынъ котораго много лѣтъ послѣ описываемаго имѣлъ дуэль съ Лермонтовымъ.

Самый ближайшій сосѣдъ Манухинъ, у котораго мы бывали каждое воскресенье, такъ какъ до построенія храма въ Никольскомъ мы состояли приходомъ въ село Сивинь, поссессіонное имѣніе господина Манухина. Отстоявъ обѣдню, мы обыкновенно съ матерью заѣзжали къ нему и пили чай. Поѣздки эти запечатлѣлись

въ моей памяти, думаю, потому только, что дорога, ведшая изъ села Никольскаго въ село Сивинь, была крайне живописна. Лѣтомъ она пролегала по громадному сосновому бору, который всегда восхищалъ меня своей грандіозной колоннадой сосновыхъ деревьевъ, по вѣтвямъ которыхъ быстро перелетали красивыя бѣлки съ одной сосны на другую. Зимой же дорога пролегала тѣмъ самымъ прудомъ, о которомъ я говорилъ выше, и была короче лѣтней и отличалась тѣмъ, что на ней не было ни одного ухаба. Запряжемъ, бывало, голубую повозку тройкой и мчимся во весь духъ отъ своего подъѣзда до самой церкви.

Господинъ Манухинъ былъ крайне благообразный старичокъ: сѣденькій, чисто выбритый и всегда изящно одѣтый. Онъ былъ купецъ, но ничего купеческаго въ немъ не было, а напротивъ выглядывалъ бариномъ лучше иного барина. Жилъ онъ открыто, домъ имѣлъ большой, хорошо меблированный и былъ великій хлѣбосолъ. При домѣ у него имѣлась большая галлерея, уставленная тропическими растеніями и представлявшая изъ себя нѣчто вродѣ маленькаго зимняго сада. У него были свои оранжереи, свои теплицы и красивый садъ съ роскошными цвѣтниками. Но болѣе всего мнѣ нравился тотъ прудъ, о которомъ я только что говорилъ. Боже мой, какой только не было на немъ дичи въ весеннюю и лѣтнюю пору! Стоило только заѣхать въ камыши этого пруда, какъ милліоны утокъ всевозможныхъ породъ шумно поднимались съ воды и оглашали своимъ кряканьемъ воздухъ, а въ концѣ этого пруда, затоплявшагося весеннею водой, были луга, переполненные всевозможною болотною дичью. Тутъ были и дупеля, и бекасы, и гаршнепы, и всевозможныхъ сортовъ кулики.

Былъ со мной на этихъ лугахъ слѣдующій случай, заставившій меня всю жизнь бояться грозы. Отправился я разъ на охоту по бекасамъ. Луга были уже скошены и заставлены стогами сѣна. Съ утра день былъ превосходный, но къ обѣду надвинулась громадная туча и полилъ дождь, сопровождавшійся страшною грозой. Чтобъ укрыться отъ дождя, я прижался къ стогу, а по сосѣдству къ другому стогу прижался пастухъ, пасшій овецъ и завтракавшій варенымъ яйцомъ. Ѣлъ онъ стоя, прислонившись къ стогу. Вдругъ грянулъ громъ, и я не успѣлъ опомниться отъ этого страшнаго удара, какъ вдругъ увидалъ, что стогъ, возлѣ котораго былъ пастухъ, вспыхнулъ и задымился чернымъ густымъ дымомъ. Я былъ тогда уже въ гимназіи и мнѣ было лѣтъ 14—15. Я побѣжалъ туда и увидалъ, что пастухъ былъ уже перекинутъ на другую сторону стога. Онъ лежалъ совершенно голымъ и наповалъ убитымъ мол-

ніей. Только тогда я понялъ, въ чемъ дѣло и, не дожидаясь конца дождя, опрометью бросился домой, до котораго было версты двѣ-три. Съ той поры и до самой старости я боялся грозы и только теперь, угнетенный поразившимъ меня недугомъ, желалъ бы умереть такимъ путемъ, какимъ умеръ пастухъ.

Помнится мнѣ, что каждый разъ Манухинъ, какъ только мы бывали у него, надоѣдалъ матери упреками, что она слишкомъ неразсчетливо тратится на окончаніе постройки церкви, которую началъ покойный отецъ.

— Помилуйте,—говорилъ Манухинъ, понюхивая табакъ изъ своей золотой табакерки.—Къ чему, напримѣръ, раздѣлывать стѣны подъ мраморъ и дѣлать церковь теплою? Лѣсъ у васъ и безъ того порубленъ. Мужикъ на вашъ мраморъ даже не обратитъ вниманія, а зимой, какъ бы ни была тепла церковь, все-таки тулупа съ себя не сниметъ. А вы могли бы простоять обѣдню и въ салопѣ.

Но мать ничего и слышать не хотѣла. И дѣйствительно, на отдѣлку церкви она ничего не жалѣла. Стѣны и четыре колонны, поддерживающія потолокъ, были раздѣланы подъ мраморъ и украшены художественною живописью. Такой же живописью былъ украшенъ и потолокъ. Какъ теперь помню, что на первомъ планѣ потолка была изображена фигура ангела, державшаго въ рукѣ церковное паникадило, а на второмъ Богъ Саваоѳъ, окруженный сонмомъ херувимовъ. Живописью наша церковь, дѣйствительно, отличалась, такъ какъ ею завѣдывалъ извѣстный въ то время въ Пензѣ живописецъ Макаровъ, сынъ котораго, Иванъ Кузьмичъ Макаровъ, сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ художникомъ. Этотъ-то, тогда еще очень молодой человѣкъ, писалъ у насъ мѣстныя иконы, запрестольный образъ и нѣкоторыя картины на стѣнахъ. Въ описываемое время онъ еще не имѣлъ званія художника и, будучи ученикомъ отца, работалъ въ его мастерской. Но кисть молодого Макарова превзошла кисть своего учителя. Мнѣ отлично помнится, что мать первая обратила свое вниманіе на молодого художника и посовѣтовала старику Макарову похлопотать о томъ, чтобъ его сыну было предоставлено званіе художника, и вызвалась даже помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Старикъ долго не соглашался на это, сомнѣваясь въ успѣхѣ, но молодой Макаровъ, обрадованный и польщенный предложеніемъ матери, принялся приставать къ отцу съ тою же просьбой и послѣ долгихъ приставаній добился, наконецъ, его согласія. Въ то же время онъ принялся писать картину, изображавшую группу мордовокъ въ ихъ оригинальныхъ національныхъ костюмахъ. Помню даже, какъ изъ сосѣдняго мордовскаго селенія

Шайгува привозили къ молодому Макарову мордовокъ, съ которыхъ онъ и писалъ свои этюды. Картина эта предназначалась для представленія въ академію на полученіе званія художника. Мать писала по этому случаю кому-то въ Петербургъ, но сослужили ли эти письма какую-нибудь службу Макарову,—я не знаю, знаю только, что старанія молодого человѣка не пропали и что онъ за эту картину получилъ званіе художника. Молодой Макаровъ проработалъ у насъ всѣ лѣто до 1 октября, т.-е. до самаго того дня, когда состоялось въ Никольскомъ освященіе новосооруженнаго храма во имя Спаса Нерукотвореннаго. Освященіе совершалъ преосвященный Амвросій, бывшій въ то время пензенскимъ епископомъ. Преосвященный Амвросій прожилъ у насъ со своей свитой три дня и каждый день совершалъ въ новоосвященномъ храмѣ всенощныя и литургіи. Народу нахлынула такая масса, что мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчать такого громаднаго стеченія. Пришлые богомольцы помѣщались вокругъ церкви, гдѣ и ночевали, кто въ разбитыхъ палаткахъ, кто подъ телѣгами, а кто и просто подъ открытымъ воздухомъ. Были привезены и всевозможные больные, чаявшіе получить исцѣленіе, а въ особенности много было такъ называемыхъ кликушъ, которыя обыкновенно во время чтенія евангелія или великаго выхода принимались неистово кричать и бѣсноваться. Ихъ считали тогда одержимыми бѣсами.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ ко мнѣ и брату Александру Александровичу приходили обыкновенно наши кормилицы. Мою кормилицу звали Маѳой, а братнину Еленой. Это были простыя крестьянскія бабы, всегда приносившія намъ гостинцы, состоявшія изъ нѣсколькихъ каленыхъ яицъ или калинниковъ (ржаныя лепешки съ запеченною въ нихъ калиной). Послѣднее кушанье мнѣ очень нравилось. И вотъ, уписывая за обѣ щеки эти калинники, я слушалъ, бывало, разсказы кормилицы о кликушахъ и всевозможныхъ порченыхъ людяхъ. И наслушивался такихъ страстей, что долгое время не могъ ходить безъ оглядки: мнѣ такъ и представлялось, что вотъ-вотъ сейчасъ встрѣчу какую-нибудь колдунью, которая и начинитъ меня дьяволами.

Первымъ священникомъ въ селѣ Никольскомъ былъ нѣкто Петръ Сергѣевичъ Охотскій, только что окончившій семинарію и посвященный во священники въ нашей же церкви. Священникъ этотъ тоже училъ меня русской грамотѣ и закону Божію. Я забылъ сказать, что учили меня по старому, т.-е. заставляли долбить склады: буки—азъ-ба, вѣди—азъ-ва и т. д. Азбука, по которой я учился, была съ картинками и, какъ теперь помню: на первой страницѣ было

Азъ—Ананасъ, Буки—Быкъ, Вѣди—Водовозъ, Глаголь—Гусь, Добро—Дровосѣкъ и т. д. Несмотря на такой анаѳемскій методъ, русскіе люди все-таки выучивались грамотѣ и умѣли читать и писать. Священникъ Охотскій былъ, такъ сказать, на второмъ планѣ, главнымъ же моимъ учителемъ былъ тотъ суровый господинъ, о которомъ я говорилъ прежде. Но кто изъ нихъ болѣе успѣвалъ въ дѣлѣ моего обученія — я не помню. Съ Трумхеллеромъ мы занимались обыкновенно по вечерамъ. Этому нѣмцу какъ-то посчастливилось, и я въ скоромъ времени научился не только читать и писать по нѣмецки, но даже и говорить. Вѣроятно, это произошло оттого, что Трумхеллеръ не умѣлъ говорить по-русски, и я волей-неволей принужденъ былъ объясняться съ нимъ по-нѣмецки. Трумхеллеръ, котораго мы просто называли Андреасъ, жилъ со мной въ одной комнатѣ, въ которой мы и спали. Помню я то великое огорченіе, которое я перенесъ, когда меня отняли отъ няньки и перевели въ комнату въ мезонинѣ къ Андреасу. Я заливался слезами и первую ночь положительно не могъ заснуть. Я привыкъ къ своей дѣтской, къ тому образу въ уголкѣ, передъ которымъ на ночь зажигалась обыкновенно лампадка, привыкъ къ своей нянѣ, такъ любовно убаюкивавшей меня въ моей постелькѣ, привыкъ даже къ той занавѣскѣ, которая висѣла на окнѣ нашей дѣтской, рисунокъ которой изображалъ какой-то швейцарскій видъ съ какимъ-то пѣшеходомъ, взбиравшимся на гору... И вдругъ—ничего!... Ни няни, ни швейцарскаго вида, ни той иконы, ярко освѣщенной лампадкой. И вмѣсто всего этого одинъ Андреасъ. Онъ даже опротивѣлъ мнѣ въ эту ночь. А когда послышалось его храпѣніе, я готовъ былъ спрыгнуть со своей кровати и бѣжать въ дѣтскую къ своей нянѣ. И убѣжалъ бы, еслибы только не боялся разныхъ привидѣній, о которыхъ мнѣ такъ много говорили и няня и кормилица. Возненавидѣла нѣмца и нянька, которая долгое время не могла даже съ нимъ разговаривать. Нянька не давала прохода даже и матери:

— Что ужъ это,—ворчала она,—нагнали какихъ-то колбасниковъ и отдали имъ барское дитё. Вотъ какъ изъ барскаго дитё нѣмецъ-то сдѣлаетъ какого-нибудь сапожника, въ тѣ поры и спохватитесь.

Однако барское дитё къ колбаснику привыкло быстро, такъ какъ колбасникъ этотъ былъ въ сущности премилый человѣкъ. Мы съ нимъ удили рыбу, бѣгали по лѣсу, собирая ягоды и грибы, а зимой занимались преусердно ловлей пѣвчихъ птицъ. Новая моя дѣтская была увѣшана клѣтками съ прыгавшими въ нихъ пестрыми щеглами, красивыми снигирями и чижами. Птицы эти заводили та-

кую музыку, что иной разъ, бывало, ничего не слышишь, что говорили люди. Мы съ Андреасомъ сами дѣлали для этихъ птичекъ клѣтки и дѣлали ихъ такъ изящно, что онѣ превосходили покупныя.

Иногда Андреасъ занимался со мной и русскимъ диктантомъ и, помнится мнѣ, при этомъ страшно коверкалъ слова. Разъ онъ диктовалъ мнѣ такъ:

«Тогда Петръ Аміенскій надѣлъ на голова каблукъ и со скандаломъ на ногахъ»... Это значило: «Тогда Петръ Амьенскій надѣлъ на голову клобукъ и съ сандаліями на ногахъ»... и т. д.

Но диктанты эти продолжались не долго, такъ какъ мать, замѣтивъ эту ерунду, запретила ему браться не за свое дѣло.

Вскорѣ послѣ освященія церкви въ Никольскомъ совершилось и перенесеніе праха моего покойнаго отца изъ села Сивинь, гдѣ онъ дотолѣ покоился, въ село Никольское. Помню я то ужасное впечатлѣніе, которое произвели на меня раскопка могилы отца и тотъ моментъ, когда могильщики докопались до гроба. Помню, я съ напряженнымъ любопытствомъ стоялъ на краю могилы и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ лопаты. И вотъ вдругъ мелькнуло что-то серебряное, что-то блеснувшее въ глаза, и вдругъ это блеснувшее опять запорошилось землей. Но вотъ лопата шмыгнула еще разъ, выкинула изъ могилы кучку земли, и блеснувшее снова мелькнуло у меня въ глазахъ. Я притаилъ дыханіе, нагнулся надъ могилой и увидалъ, что то былъ парчевый крестъ, прибитый къ крышкѣ гроба. Дальнѣйшая церемонія совершилась обычнымъ порядкомъ. Гробъ былъ извлеченъ изъ могилы, опущенъ въ другой желѣзный, поднятъ на носилки и понесенъ народомъ въ Никольское. При этомъ присутствовала, конечно, и полиція; былъ исправникъ, становой и еще какіе-то чиновники. Затѣмъ, когда гробъ былъ принесенъ въ Никольское, его встрѣтила тамъ новая духовная процессія, во главѣ которой былъ архимандритъ Краснослободскаго монастыря, отецъ Никонъ. Старичокъ этотъ часто бывалъ у насъ, былъ знакомъ съ покойнымъ отцомъ моимъ и потому отлично сохранился въ моей памяти.

II.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, мать объявила мнѣ:

— Ну, голубчикъ, будетъ тебѣ щегловъ-то ловить! Поѣдемъ-ка въ Пензу, я тебя опредѣлю въ гимназію.

А на другой день у подъѣзда нашего дома стояла уже, запряженная четверикомъ, коляска и толпа дворовыхъ, вышедшая провожать господъ.

Мать усѣлась въ коляску, посадила меня съ собой, помѣстился въ той же коляскѣ Андрей Карловичъ, и мы на своихъ лошадяхъ отправились въ Пензу, до которой было верстъ полтораста. Дѣло это было въ концѣ іюля и, кажется въ 1844 году.

Тогдашнія гимназіи и тогдашніе порядки гимназическіе не походили на нынѣшніе, и потому мнѣ придется остановиться на нихъ подольше.

Директоромъ пензенской гимназіи былъ въ то время Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ, старичокъ лѣтъ шестидесяти, худенькій, лысенькій и съ длиннымъ острымъ носомъ. Въ классъ онъ приходилъ обыкновенно въ форменномъ вицъ-мундирѣ, которые тогда шились не сюртуками, а фраками, и съ серебряными очками на концѣ носа. Когда же онъ выходилъ на улицу, то надѣвалъ на себя какое-то длиннополое пальто съ таліей, на манеръ наполеоновскаго, и всегда по-наполеоновски же надѣвалъ на голову трехугольную шляпу. Этотъ-то самый Рыбушкинъ и экзаменовалъ меня.

Экзаменовалъ онъ меня въ какой-то особой комнатѣ, въ которой не было никого, кромѣ матери и брата Александра Александровича, увѣшаннаго игрушечными ружьями и саблями. Какіе задавались мнѣ экзаменаторомъ вопросы и удачны ли были мои отвѣты— я не помню, помню только, что онъ меня гладилъ по головѣ своей костлявой рукой, а я смотрѣлъ ему на носъ, съ конца котораго капали результаты нюхательнаго табаку. Мать моя сидѣла рядомъ съ нимъ и о чемъ-то непрерывно разговаривала. А возлѣ матери стоялъ братъ, потрясая ружьями и саблями.

Экзаменъ продолжался недолго, а по окончаніи экзамена директоръ объявилъ матери, что я принятъ и чтобы она озаботилась: 1) остричь мнѣ волосы и 2) обмундировать меня. Это послѣднее распоряженіе директора пришлось мнѣ крайне по сердцу, такъ какъ, насмотрѣвшись на гимназистовъ, мнѣ очень хотѣлось облечься въ ихъ форму. Тогда и форма была не та, что теперь. Тогда были и вицъ-мундиры, и мундиры, и куртки. Вицъ-мундиры шились на манеръ военныхъ или студенческихъ, съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, а мундиры состояли изъ фрака съ остроконечными фалдочками, краснымъ стоячимъ воротникомъ, серебряными петлицами и такими же красными обшлагами на рукавахъ съ тремя пуговицами. Шинели у насъ были тоже на манеръ военныхъ: съ капюшонами и стоячимъ краснымъ воротникомъ, почему уличные мальчишки и дразнили насъ красной говядиной. Тѣмъ не менѣе, однако, я былъ въ восторгѣ, обмундировавшись въ это платье, корчилъ изъ себя какого-то военнаго офицера и гордо проходилъ мимо мальчишекъ,

дразнившихъ меня красной говядиной. Лавровъ на фуражкахъ у насъ никакихъ не было, за то были другіе лавры, которые по пятницамъ покупались на базарѣ и которые просто на просто назывались березовой кашей, пробовать которую мнѣ однако не приходилось, такъ какъ дворянъ не сѣкли, а замѣняли это наказаніе карцеромъ. Учился я, надо думать, хорошо, такъ какъ въ первомъ и второмъ классѣ былъ на золотой доскѣ, но озорникъ былъ не послѣдній. Помню, что въ первый же день моего поступленія въ гимназію я чуть не сломалъ палецъ одному изъ моихъ товарищей. Случилось это такъ: у насъ были доски, устроенныя такимъ образомъ: двѣ колонки, а на колонкахъ этихъ вращалась доска на двухъ желѣзныхъ осяхъ. Товарищъ подошелъ къ доскѣ, положилъ палецъ на одну изъ этихъ осей, а я совершенно машинально повернулъ доску, и вдругъ ужаснѣйшій крикъ... Дверь съ шумомъ отворилась, въ классную комнату вбѣжалъ надзиратель Ѳедоръ Ивановичъ Потатуевъ и, уцѣпивъ меня и того товарища, которому я прищемилъ палецъ, за уши, повелъ на расправу къ инспектору Брунону Матвѣевичу Ольшевскому. Расправа была недолга: товарищу перевязали палецъ мокрой тряпкой, а меня отвели въ карцеръ. Карцеръ состоялъ изъ маленькой комнаты съ небольшимъ окномъ подъ потолкомъ, а потому въ комнатѣ этой царилъ постоянный полумракъ.

Гимназія въ то время находилась на скверѣ рядомъ съ гауптвахтой и губернаторскимъ домомъ. Это было одноэтажное деревянное строеніе съ двумя подъѣздами по концамъ. Одинъ изъ подъѣздовъ назывался учительскимъ, а другой гимназическимъ. Весь этотъ домъ раздѣлялся корридоромъ на двѣ половины, въ которыхъ и помѣщались классы, а въ концѣ корридора—физическій кабинетъ, учительская комната и небольшая комната съ мѣднымъ бассейномъ на манеръ громаднаго самовара съ нѣсколькими кранами, изъ котораго мы и пили воду.

Библіотеки у насъ никакой не было, а равно не было и такъ называемой «уборной», ибо уборная эта, состоявшая изъ небольшого тесоваго сарайчика, находилась внѣ зданія гимназіи, позади конюшни.

Учительскій персоналъ при мнѣ былъ слѣдующій: батюшка Кузьма Романовичъ преподавалъ Законъ Божій, господинъ Дьяконовъ—исторію, Покровскій—латинскій языкъ, математику—Василій Михайловичъ Безобразовъ, географію—нѣкто господинъ Макке. Василій Арефьевичъ Покровскій былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, съ бакенбардами на манеръ запятой и сѣдыми же шершавыми волосами на головѣ. Учителемъ живописи былъ Петръ Герасимовичъ

Жидковъ, толстый кудрявый мужчина съ шишкой на лбу. Помню я, что мы особенно не любили Дьяконова, за то, что онъ имѣлъ привычку щелкать насъ по лбу, и такъ свирѣпо, что у насъ у всѣхъ во время класса исторіи были лбы съ красными пятнами на манеръ кокарды. Василія Арефьевича Покровскаго мы всѣ очень любили, вѣроятно потому, что онъ былъ чудакъ большой руки, а еще и потому, что мы у него ничего не дѣлали.

Василій Арефьевичъ былъ изъ духовнаго званія и почти постоянно находился въ нетрезвомъ видѣ. Бывало, придетъ въ классъ и крикнетъ, нахмурившись: «Читайте молитву!» Всеобщее молчаніе. «Молитву читайте!»—крикнетъ, бывало, Василій Арефьевичъ, топнувъ ногою, и опять молчаніе. «Мельгуновъ, читай молитву!» Мельгуновъ встаетъ и объявляетъ, что онъ молитву читать не можетъ, такъ какъ охрипъ. Василій Арефьевичъ начнетъ тыкать пальцемъ то на одного, то на другого ученика съ приказаніемъ читать молитву, но всѣ опять-таки отказываются: одинъ говоритъ, что осипъ, другой кашляетъ, и Василій Арефьевичъ начинаетъ выходить изъ себя.

— Читай хоть ты, скотина,—кричитъ онъ, ткнувъ пальцемъ на Ситникова.

Встаетъ Ситниковъ, вѣжливо раскланивается и объявляетъ, что онъ, пожалуй, прочтетъ, но не иначе, какъ басомъ.

— Хоть съ квасомъ, а читай!—кричитъ опять Василій Арефьевичъ и замахивается на Ситникова журналомъ.

Ситниковъ встаетъ, подходитъ къ образу и читаетъ басомъ всѣ молитвы, какія только знаетъ. Это опять выводитъ изъ терпѣнія Василія Арефьевича.

— Будетъ, довольно! Что ты, всенощную, что ли, служить затѣялъ? Довольно!

Наконецъ, молитва кончена, и всѣ усѣлись по мѣстамъ. Вдругъ на задней партѣ раздается чей-то крикъ.

— Кто это кричитъ? — восклицаетъ Василій Арьфьевичъ и, вскочивъ на ноги, оглядываетъ весь классъ молніеноснымъ взглядомъ.

— Это Мельгуновъ, Василій Арефьевичъ, — отвѣчаетъ кто-нибудь.

— Гдѣ онъ?

— Онъ еще не пришелъ, Василій Арефьевичъ.

— А, не пришелъ!... Такъ сказать, когда придетъ.

— Слушаемъ, Василій Арефьичъ!

Наконецъ, Василій Арефьевичъ усаживается за каѳедру и, раз-

вернувъ журналъ, тянется за перомъ. Но оказывается, что и чернильница, и перо были поставлены ему совсѣмъ особеннаго свойства, а именно: чернильница крошечная-раскрошечная, а перо въ ней громадное орлиное. (Тогда еще стальныхъ перьевъ не было и мы писали гусиными, а о стальныхъ не имѣли понятія). При видѣ этой чернильницы и этого пера Василій Арефьевичъ снова вспыхивалъ гнѣвомъ, а весь классъ начиналъ хохотать. Наконецъ, все утихало, и классъ начинается.

Василій Арефьевичъ вызываетъ какого-нибудь ученика. Выходитъ ученикъ, развертываетъ книгу и громко провозглашаетъ: asinus et bos.

— Какъ asinus et bos? — кричитъ Василій Арефьевичъ. — Это въ прошлый разъ было, а къ нынѣшнему уроку я приказалъ вамъ перевести слѣдующую басню: brebis et pastor.

— Нѣтъ, Василій Арефьевичъ, вы забыли. Вы ошибаетесь. Точно, — продолжаетъ ученикъ, подходя къ Василію Арефьевичу и прикладывая руку къ сердцу, — вы хотѣли было задать намъ brebis et pastor, а потомъ махнули рукой: нѣтъ, говорите, не надо. Переводите старое.

Вдругъ классная дверь растворяется, и входитъ Мельгуновъ. Онъ вѣжливо расшаркивается передъ Василіемъ Арефьевичемъ, справляется о его здоровьѣ, хорошо ли онъ почивалъ, и потомъ начинаетъ разсказывать, какихъ прекрасныхъ курицъ привезла его мать изъ деревни.

— Пестренькія, — говоритъ онъ, — съ голубиными хохолками и совершенно бѣлыми хвостиками.

Василій Арефьевичъ былъ большой охотникъ до куръ, а потому и пускается въ разговоръ съ Мельгуновымъ. Но въ это время ему кто-то напоминаетъ, что Мельгуновъ пришелъ, и лицо Василія Арефьевича мгновенно свирѣпѣетъ, а глаза загораются гнѣвомъ.

— На колѣни! — кричитъ онъ, указывая Мельгунову мѣсто гдѣ онъ долженъ встать на колѣни.

— За что же, Василій Арефьевичъ? Помилуйте!...

— А за то, что ты кричалъ.

— Когда?

— На колѣни... безъ разговоровъ!

— Помилуйте, — возражаетъ Мельгуновъ, — я только сейчасъ пришелъ.

— Безъ разговоровъ на колѣни!

Мельгуновъ становится на колѣни, а когда гнѣвъ Василія Арефьевича остылъ, подползаетъ къ Василію Арефьевичу и начи-

наетъ упрашивать его спросить его сегодня, такъ какъ онъ приготовилъ урокъ какъ никогда.

— Пожалуйста, спросите меня! — пристаетъ онъ. — Честное слово благороднаго человѣка, никогда такъ не готовилъ. Всю ночь долбилъ... Думаю себѣ: сдѣлаю удовольствіе Василію Арефьевичу.

Василій Арефьевичъ улыбается и заставляетъ Мельгунова переводить басню. Но Мельгуновъ, даже и не думавшій готовить урока, конечно, переводитъ басню скверно, почему и получаетъ единицу.

Между Васильемъ Арефьевичемъ и Мельгуновымъ начинается споръ, продолжающійся нѣсколько минутъ и кончающійся тѣмъ, что Василій Арефьевичъ такъ-таки и награждаетъ Мельгунова единицей.

— Хорошо,— говоритъ Мельгуновъ,— коли такъ, такъ нѣтъ же вамъ ни одной курицы! А я-то сдуру хотѣлъ вамъ самыхъ лучшихъ подарить, а теперь нѣтъ вамъ ничего!

Однако къ концу класса недоразумѣніе, происшедшее между Василіемъ Арефьевичемъ и Мельгуновымъ, принимаетъ нѣсколько иной видъ. Мельгуновъ обѣщаетъ ему подарить куръ, а Василій Арефьевичъ — измѣнить поставленную единицу. А въ слѣдующій классъ Мельгуновъ торжественно объявляетъ Василію Арефьевичу, что онъ отнесъ ему три самыхъ лучшихъ курицы, которыхъ и передалъ его кухаркѣ.

— Три, говоришь ты? — спрашиваетъ Василій Арефьевичъ.

— Три, Василій Арефьевичъ, но вы посмотрите какія!

— Посмотримъ, посмотримъ... — говоритъ Василій Арефьевичъ и перепpавляетъ единицу на три.

— Это что такое?—возмущается Мельгуновъ.— Да развѣ три надо ставить? На плохой конецъ четыре...

— А ты сколько куръ принесъ? — подсмѣивается Василій Арефьевичъ.

— Три, — отвѣчаетъ Мельгуновъ.

— Ну, значитъ и я три.

Но не подумайте, чтобы Василій Арефьевичъ былъ взяточникъ,—нѣтъ, это просто былъ чудакъ, да еще чудакъ нетрезвый, и если я разсказалъ только-что эту сценку, въ дѣйствительности бывшую, то единственно съ тою цѣлью, чтобъ обрисовать типъ этого курьезнаго учителя. И Боже мой, чего только не творили съ этимъ Василіемъ Арефьевичемъ!

Разъ какъ-то во время класса кто-то изъ учениковъ заигралъ на маленькой игрушечной скрипкѣ... Василій Арефьевичъ разгнѣ-

вался, вырвалъ у ученика скрипку, засунулъ ее въ задній карманъ и побѣжалъ жаловаться директору. Но пока онъ бѣжалъ корридоромъ, ученики столпились вокругъ него и успѣли замѣнить скрипку рѣдькой. Предоставляю судить объ изумленіи Василія Арефьевича, когда онъ, изложивъ директору суть своей жалобы, выкинулъ на полъ, въ видѣ вещественнаго доказательства, не скрипку, а рѣдьку.

Я бы могъ разсказать десятки подобныхъ продѣлокъ, но думаю, что достаточно и этихъ двухъ случаевъ для характеристики этого злосчастнаго учителя. Да, это былъ чудакъ великой руки, но за то никто не помянетъ его дурнымъ словомъ. Онъ былъ вспыльчивъ, но не золъ и не мстителенъ. Онъ умеръ давнымъ-давно, когда я былъ еще въ гимназіи. И помню, когда его мертваго стали одѣвать въ мундиръ, то изъ кармановъ этого мундира была вынута цѣлая масса стихотвореній на его счетъ. Это были стихотворенія юмористическаго содержанія, въ которыхъ и описывались курьезные случаи, бывшіе съ Василіемъ Арефьевичемъ. Онъ былъ человѣкъ холостой, и послѣ него никакой семьи не осталось.

Большинство нашихъ учителей, за исключеніемъ немногихъ, были люди воспитанные, постоянно вращавшіеся въ обществѣ и крайне деликатные.

Особенной любовью и уваженіемъ пользовался у насъ учитель русской словесности Егоръ Карловичъ Р—ъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ лицомъ до крайности симпатичнымъ и нѣсколько женоподобнымъ. Онъ былъ очень религіозный, не пропускавшій ни одного воскреснаго и праздничнаго дня, чтобы не побывать въ церкви. Придя въ церковь, онъ обыкновенно становился куда-нибудь въ уголъ и тамъ со слезами на глазахъ начиналъ молиться. Помимо обычныхъ уроковъ, Егоръ Карловичъ читалъ намъ произведенія лучшихъ писателей. Онъ первый познакомилъ насъ съ произведеніями Тургенева, въ то время еще только начинавшаго писать. Я отлично помню, какъ разсказъ Тургенева *Хорь и Калинычъ* былъ напечатанъ въ *Современникѣ* не на первомъ мѣстѣ, въ началѣ книги, а гдѣ-то въ смѣси на концѣ.

Сверхъ того Егоръ Карловичъ познакомилъ насъ съ произведеніями Загоскина, Евгеніи Туръ и въ то же время строго-настрого запретилъ читать Марлинскаго. Откровенно сознаюсь, что онъ первый внушилъ намъ любовь къ русской литературѣ и научилъ отличать хорошее отъ дурного.

Марлинскій былъ въ то время въ большой модѣ и всѣ читали его съ увлеченіемъ, но когда Егоръ Карловичъ, превосходно читавшій, указалъ намъ на произведенія молодого Тургенева, объяс-

нилъ его красоты, то мы какъ-то невольно сами собой отстали отъ Марлинскаго. Нравились мнѣ также произведенія Загоскина и Евгеніи Туръ. Помнится мнѣ, что тогда только что вышелъ ея романъ *Три поры жизни*, и романъ этотъ такъ понравился мнѣ, что я имъ буквально зачитывался. О Егорѣ Карловичѣ у меня сохранились самыя теплыя и свѣтлыя воспоминанія. Онъ любилъ насъ, а мы любили его. Я не знаю, живъ ли онъ теперь, но ежели живъ, то посылаю ему самую теплую благодарность за его развитіе въ насъ любви къ русской литературѣ. Даже и теперь, на склонѣ лѣтъ, я не забылъ его и сохранилъ въ своей душѣ его симпатичный образъ. Любили мы также и учителя математики Василія Михайловича Безобразова, хотя и не чувствовали особенной любви къ тому предмету, который онъ преподавалъ. Нашъ классъ, помнится мнѣ, не отличался математическими способностями, но тѣмъ не менѣе мы, все-таки, учились, стараясь изо всѣхъ силъ сдѣлать Василію Михайловичу удовольствіе и тѣмъ самымъ поддержать, такъ сказать, его реноме.

Мы учились какъ бы для него, а не для себя.

Другой учитель математики, преподававшій геометрію и тригонометрію, былъ Николай Васильевичъ Птенцовъ. Мы его любили за его веселый нравъ и ласковое обращеніе съ нами. Называлъ онъ насъ не по фамиліямъ, а уменьшительными собственными именами, такъ, напримѣръ, Григорія—Гришей, а меня, Илью—Иленькой.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, довольно красивый, щеголеватый и большой мечтатель. Ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ по классу и о чемъ-то самъ съ собою разговариваетъ, то улыбается, то хмурится, то пожимаетъ плечами и разводитъ руками. Онъ, бывало, мечтаетъ, а вызванный имъ къ доскѣ ученикъ рисуетъ на доскѣ, вмѣсто заданной задачи, какія-нибудь фигуры.

— Ну что, скоро, Вася?—спроситъ, бывало Птенцовъ,—даже не оборачиваясь на доску.

— Кончилъ, Николай Васильевичъ!

— Прекрасно, Вася! Садитесь.

Вася торопливо стиралъ съ доски нарисованную имъ фигуру, а Николай Васильевичъ торопится къ каѳедрѣ и торопливо же ставилъ Васѣ баллъ.

Второпяхъ онъ иногда ставилъ баллъ не тому ученику, котораго спрашивалъ, а кому-нибудь другому,—словомъ, ошибался клѣточкой, что ему и замѣчали тѣ ученики, которые сидѣли возлѣ каѳедры.

— Ну, Иленька, теперь вы къ доскѣ.

Я выходилъ къ доскѣ, а Николай Васильевичъ, задавъ мнѣ задачу, снова принимался за прерванныя мечтанія, а я повторялъ то же самое, что продѣлывалъ мой предшественникъ, т.-е. рисовалъ на доскѣ какія-нибудь фигурки. Я считался у Николая Васильевича первымъ ученикомъ. Учился я дѣйствительно недурно, но далеко отставалъ отъ первыхъ. По математикѣ на меня какъ-то находило. Найдетъ, бывало, какая-то счастливая минута, и разрѣшишь, какъ нельзя лучше, наитруднѣйшую задачу, а не найдетъ—такъ не сладишь и съ самой простѣйшей.

Помню я, какъ пріѣхалъ къ намъ однажды помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа (Пензенская гимназія принадлежала къ Казанскому округу), нѣкто господинъ Антроповъ. Вошелъ онъ къ намъ въ классъ какъ разъ въ то время, когда съ нами занимался Николай Васильевичъ. Желая передъ нимъ похвастаться своими учениками, онъ вызвалъ меня и... о ужасъ!—я срѣзался, какъ послѣдній ученикъ и не могъ не только рѣшить задачу, но даже начать ее.

— Что съ вами, Иленька?—говорилъ мнѣ послѣ Николай Васильевичъ, — вы, на котораго возлагались всѣ мои упованія, и вдругъ...

— Виноватъ, оробѣлъ, Николай Васильевичъ.

Николай Васильевичъ былъ великій танцоръ и каждое воскресенье отправлялся въ дворянское собраніе, гдѣ по воскресеньямъ бывали танцы, и проводилъ тамъ всю ночь.

Въ собранья эти по недостатку кавалеровъ водили и насъ, учениковъ старшихъ классовъ. Заставляли, конечно, надѣвать мундиры и мы должны были танцовать подъ наблюденіемъ надзирателя Федора Ивановича Потатуева. Танцовать я тоже былъ великій охотникъ, а потому даже покупалъ у тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые танцовать не любили, очередные наряды, такъ какъ въ собранія насъ водили по очереди и по нарядамъ. Я всегда съ удовольствіемъ посѣщалъ эти собранія, хотя, откровенно сказать, мы терпѣли тамъ незавидную участь. Дѣло въ томъ, что всѣхъ хорошенькихъ барышенъ разбирали кавалеры общества, а намъ оставались однѣ бракованныя.

— Ты что же вонъ энту барышню не берешь?—говоритъ, бывало Потатуевъ,—подбѣжавъ къ кому-нибудь изъ насъ. Не видишь ништо, что съ ней никто танцовать не хочетъ? Ступай, танцуй!

И вотъ, бывало, танцуешь съ этой некрасивой барышней и съ завистью посматриваешь на Николая Васильевича, летающаго мимо

съ прехорошенькой блондинкой. А на другой день, придя въ классъ, Николай Васильевичъ начиналъ подтрунивать и подсмѣиваться надъ нами, перенесшими вчера столь тяжелыя испытанія.

Помню я и другой казусный случай, происшедшій при томъ же Антроповѣ, когда посѣтилъ онъ нашъ физическій кабинетъ. Какъ разъ въ то время, когда вошелъ Антроповъ, учитель физики, Василій Михайловичъ Безобразовъ, вызвалъ Ситникова и заставилъ его объяснить, что такое Лейденская банка.

Ситниковъ былъ малый рослый, лѣтъ 25—26, брившій бороду и усы и страшно картавившій. И вотъ, едва Антроповъ отворилъ дверь, какъ Ситниковъ принялся густымъ басомъ объяснять Лейденскую банку.

— Лейденская банотька,—говорилъ онъ,—есть такая склянотька, на которой есть клишечка, на клишечкѣ шишечка, а на шишечкѣ тяпочка виситъ.

Дружный хохотъ огласилъ весь физическій кабинетъ, такъ что расхохотался и самъ Антроповъ.

Въ мое время классныя занятія были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: отъ девяти часовъ утра до полудня, затѣмъ съ трехъ до шести часовъ. Время отъ двѣнадцати до трехъ назначалось для обѣда и для отдыха. Исправные ученики отпускались въ двѣнадцать часовъ по домамъ, а неисправные, или въ чемъ-либо провинившіеся оставлялись въ гимназіи безъ обѣда. Они или запирались въ который нибудь изъ классовъ, или въ карцеръ, ежели провинились въ чемъ-либо серьезномъ.

Въ зимнее время приходилось заниматься при огнѣ, а такъ какъ въ то время керосина еще не было, то классы освѣщались масляными лампами, издававшими копоть и плохо горѣвшими. Въ это-то время происходили у насъ слѣдующія шалости: разжевывали, бывало, бумагу и размягчивъ ее въ видѣ тѣста, сшибали ею стекла съ лампъ. Зимой приходилось возвращаться домой въ потемкахъ, и за нами обыкновенно присылали лошадей.

Однажды у насъ захворалъ кучеръ, а на дворѣ была метель, и необходимо было прислать за мною лошадь. Мать, долго не думая, посадила на козлы свою горничную Анисью, краснощекую и толстую дѣвку, нарядивъ ее въ кучерской кафтанъ и шапку. Этотъ замаскированный кучеръ не ускользнулъ, однако, отъ зоркихъ и наблюдательныхъ глазъ гимназистовъ. Всѣ обступили нашу лошадь, и десятки молодыхъ голосовъ принялись кричать: Анисья, Анисья! Результатомъ всего этого было то, что товарищи прозвали меня Анисьей, чѣмъ, конечно, и выводили меня изъ себя. Точно такъ

же и экзамены наши происходили не весной, какъ теперь, а въ августѣ мѣсяцѣ. Это имѣетъ свою и дурную, и хорошую сторону. Дурно было потому, что въ ожиданіи экзамена гимназистъ, все-таки, находился въ тревожномъ состояніи, а хорошо потому, что неисправному ученику была возможность приготовиться и повторить то, чего онъ не зналъ. Экзамены эти тоже отличались и простотой и наивностью. Билетики мы нарѣзали сами, и потому они почти всѣ имѣли свои примѣты. На одномъ билетикѣ, напримѣръ, штемпель фабрики, на другомъ какое-нибудь не замѣтное пятнышко, а на нѣкоторые наклеивались волосочки и т. п. Вызывали насъ къ экзаменаторскому столу по алфавиту, и выходили мы съ программами въ рукахъ. Вынешь, бывало, билетъ и въ ожиданіи очереди отойдешь отъ стола къ сторонкѣ. Ежели билетъ попадался знакомый, то на него и отвѣчали, а ежели незнакомый, то мы настолько располагали временемъ, что могли обмѣниваться билетомъ. Вскорѣ послѣ экзамена происходили торжественные акты. Во время этихъ актовъ приглашались архіерейскіе пѣвчіе, а иногда даже и оркестръ музыки, принадлежавшій тогдашнему пензенскому губернатору, Александру Алексѣевичу Панчулидзеву. На актахъ этихъ сперва, конечно, прочитывался отчетъ гимназіи за истекшій годъ, а за тѣмъ начинали раздаваться награды отличившимся ученикамъ, которыя раздавались обыкновенно или губернаторомъ, или архіереемъ. Послѣ наградъ мы начинали читать разныя рѣчи и стихотворенія. Такъ какъ я хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, то мнѣ на этомъ языкѣ и приходилось читать рѣчи. Обыкновенно онѣ начинались такъ: Geehrteste Anwesenden и т. д. Въ произнесеніи этихъ рѣчей мы упражнялись заранѣе, сопровождая ихъ извѣстными жестами и подходящею мимикой. Тутъ же въ этомъ же актовомъ залѣ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на которомъ и были разложены въ живописномъ безпорядкѣ ученическія классныя работы. Я никогда не умѣлъ рисовать, и каково же было мое изумленіе, когда однажды на этомъ столѣ я увидалъ голову Спасителя, нарисованную тушью, а внизу подпись: «рисовалъ ученикъ 4 класса И. Саловъ». Оказывается, голову эту рисовалъ самъ учитель Жидковъ, за что мать была ему очень признательна и отъ умиленія даже расплакалась.

— Посмотрите,—говорила она,—какъ мой Илюша рисуетъ-то! И картина эта пошла по рукамъ публики, а я едва поспѣвалъ на всѣ стороны раскланиваться.

Когда я былъ въ младшихъ классахъ, жили мы на Верхней Пѣшей улицѣ въ домѣ учителя музыки Кабаневскаго, рядомъ съ боль-

шимъ домъ Лысова. Домъ этотъ, стоявшій посреди огромнаго двора, скорѣе походилъ на деревенскую усадьбу. По бокамъ этого дома возвышались службы, а позади дома паркъ. Вотъ въ этомъ-то паркѣ я съ своимъ товарищемъ, сосѣдомъ по квартирѣ, нѣкіимъ Чупахинымъ, и занимался ловлей птичекъ. Ловили мы ихъ силками, западками и сѣтью, почему даже очень часто не ходили въ гимназію. Паркъ этотъ, состоявшій изъ большихъ липовыхъ деревьевъ и наполнявшійся весной соловьями, производилъ на меня грандіозное впечатлѣніе. Зайду, бывало, въ этотъ паркъ, усядусь на какой-нибудь полусгнившій пень и, прислушиваясь къ опьяняющимъ трелямъ соловья, забуду про все и про всѣхъ.

Научныхъ экскурсій или прогулокъ въ наше время не существовало, за то мы сами въ праздничные и воскресные дни сговаривались между собою и дѣлали свои экскурсіи за такъ называемую монастырскую рощу, за которой широко разстилались монастырскіе луга съ извивавшейся по нимъ рѣкою Сурой. Это была очень живописная мѣстность.

Мы брали съ собой закуску: самоваръ, чай, сахаръ, удочки, бредни и цѣлый день съ утра до ночи рѣзвились тамъ, какъ намъ хотѣлось. Нѣкоторые играли, а нѣкоторые ловили удочками или бреднями рыбу въ Сурѣ. Къ обѣду у насъ пылалъ гдѣ-нибудь котелокъ, и мы варили уху, но такую уху, какую не всегда приходилось ѣсть. Сурскія стерляди и понынѣ отличаются своимъ вкусомъ. И вотъ изъ этихъ-то стерлядей мы варили уху слѣдующимъ образомъ: изъ мелкихъ стерлядокъ варили бульонъ, затѣмъ выкидывали ихъ, а въ бульонъ клали новыхъ стерлядей, болѣе крупныхъ. Раковъ ловилась тамъ масса, а потому раки эти во время нашего обѣда, который происходилъ тутъ же вокругъ котла, лежали цѣлыми грудами. А послѣ обѣда опять игры, хоровое пѣніе, купанье, и мы веселились, какъ можетъ только веселиться цвѣтущая и свѣжая юность. А что всего было восхитительнѣй—это то, что полнѣйшая свобода и отсутствіе какихъ бы то ни было надзирателей, гувернеровъ и вообще гимназическаго начальства. Иногда присоединялись къ нашей веселой толпѣ и семинаристы.

И вотъ какой былъ однажды со мной случай. Я и одинъ изъ бурсаковъ, нѣкто Гавріилъ Разумовскій, купались въ Сурѣ. Замѣтивъ, что Разумовскій, сорвавшись съ обрыва, началъ тонуть, я протянулъ ему руку, но на ногахъ не удержался и вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ омутъ. Подтянувъ меня къ себѣ, Разумовскій сѣлъ на меня верхомъ и такъ прижалъ мнѣ руки, что я не могъ двинуться. Сидѣвшіе на берегу думали, что мы шалимъ, и, глядя на насъ, под-

грунивали. Я помню, что опустившись на дно, я поползъ по немъ, но что было дальше—не помню. Опомнился я только тогда, когда очутился на песчаномъ и отлогомъ берегу Суры, по которому съ испуга долгое время продолжалъ ползти и везти на себѣ Гавріила Разумовскаго. Съ той поры и до самой старости я всегда былъ крайне остороженъ, когда приходилось купаться въ открытой и незнакомой рѣкѣ. Не знаю, цѣла ли та монастырская поляна, такъ какъ теперь мимо самаго монастыря пролегаетъ желѣзная дорога, строящаяся со Ртищева на Пензу.

Помнится мнѣ, что одно время гимназію нашу, кажется, по случаю ремонта, перевели временно въ помѣщеніе уѣзднаго училища. Домъ уѣзднаго училища былъ какъ разъ напротивъ духовной семинаріи и противъ той улицы, которая спускалась къ рѣкѣ Пензѣ и упиралась въ такъ называемый Казанскій мостъ. И гимназистовъ, и семинаристовъ распускали въ одинъ и тотъ же часъ, и тогда между нами непремѣнно завязывалась драка, кончавшаяся обыкновенно тѣмъ, что семинаристы, отличавшіеся и ростомъ, и дородствомъ, одерживали надъ нами верхъ и буквально загоняли насъ въ мелководную рѣку Пензу, изъ которой всѣ, перепачканные грязью, и выходили только тогда, когда семинаристы съ хохотомъ расходились по домамъ. Драки эти повторялись почти ежедневно.

Во время моего пребыванія въ гимназіи однимъ изъ моихъ любимѣйшихъ развлеченій было посѣщеніе театра. Пенза отличалась тогда преобладаніемъ дворянскаго элемента, среди коего было много любителей драматическаго искусства, одного изъ которыхъ могу назвать, наприм., Ивана Николаевича Горсткина, до того любившаго драматическое искусство, что въ его домѣ былъ устроенъ театръ, который, кажется, до сихъ поръ еще существуетъ.

ВъПензѣ въ мое время содержалъ труппу нѣкто Залѣсскій, вся семья котораго играла на сценѣ.

Пензенскій театръ не отличался особою изящностью, но все-таки имѣлъ, помнится мнѣ, три яруса ложъ, галлерею и довольно помѣстительный партеръ. Вся бѣда была въ томъ, что онъ освѣщался такъ же, какъ и гимназія, масляными лампами. На потолкѣ, конечно, висѣла люстра и, конечно, зрителямъ галлерей препятствовала смотрѣть на сцену. Былъ при театрѣ и буфетъ съ громадными графинами водки и кое-какими закусками. Папиросы тогда еще не были въ ходу, а курили трубки и табакъ Василія Андреевича Жукова, а потому въ буфетѣ было устроено нѣсколько горокъ для чубуковъ и трубокъ, которыми посѣтители и могли пользоваться за извѣстную плату. Люди небрезгливые курили прямо изъ чу-

буковъ, не разсуждая о томъ, у кого во рту былъ предварительно этотъ чубукъ, но брезгливые требовали непремѣнно, чтобы въ чубукъ было воткнуто гусиное перышко, каковыхъ и заготовлялось великое множество. Нечего говорить, что когда публика закуритъ эти трубки, то въ буфетъ не было возможности войти, а ежели къ этимъ дымнымъ облакамъ мы прибавимъ еще копоть отъ лампъ и запахъ водки, то можно судить, на что былъ похожъ этотъ буфетъ. Пива тогда еще не пили, о лимонадахъ и шипучихъ водахъ никто не имѣлъ понятія, но за то меды варились такіе, какихъ теперь не встрѣтите. И вотъ тогдашняя публика, вмѣсто прохладительныхъ напитковъ, упивалась этими медами. Въ театрѣ играла музыка губернатора Панчулидзева, и спектакли ранѣе его появленія начинаться не могли. Я отлично это помню. Бывало, оркестръ играетъ, назначенный для спектакля часъ проходилъ, а занавѣсъ всетаки не поднимается. Выражать свое нетерпѣніе тогдашняя публика не смѣла, да никому и въ голову не приходило, а всѣ сидѣли и молча ожидали появленія его превосходительства. Но вотъ въ партерѣ появился полицеймейстеръ Клушинъ и объявляетъ: «губернаторъ ѣдетъ», а вслѣдъ за этимъ въ партерѣ показывается и самъ Панчулидзевъ. Это былъ старикъ средняго роста, гладко остриженный и гладко выбритый. Взглядъ у него былъ строгій, быстрый, носъ орлиный, вообще типъ лица не русскаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе старикъ производилъ впечатлѣніе крайне симпатичное. Одѣвался онъ всегда щеголевато и въ театръ являлся не иначе, какъ во фракѣ и съ двумя звѣздами. «Губернаторъ, губернаторъ»,— раздавалось въ партерѣ шепотомъ, а онъ быстро направлялся къ первому ряду, раскланивался во всѣ стороны, а достигнувъ своего мѣста, опускался въ кресло. И вотъ именно въ этотъ-то моментъ занавѣсъ взвивался, и начинался спектакль. Мнѣ, мальчишкѣ, все это даже очень нравилось, и я находилъ это совершенно приличнымъ и необходимымъ. Мнѣ нравилась и осанка губернаторская, и его молніеносный взглядъ, и даже слѣдовавшая за губернаторомъ фигура полицеймейстера.

Точно такіе торжественные входы совершалъ Панчулидзевъ и въ соборъ, съ тою только разницей, что въ соборѣ губернаторскаго появленія не ожидали, а начинали литургію въ свое время.

Труппа Залѣсскаго пріѣзжала въ Пензу лишь на лѣтній сезонъ, такъ какъ зимой играла, кажется, въ Саратовѣ. Залѣсскій и нѣкоторые артисты и артистки въ большинствѣ случаевъ снимали себѣ квартиры на Верхней Пѣшей улицѣ, во флигелѣ при домѣ генерала Юшкова. Это былъ домикъ о пяти окнахъ съ мезониномъ и

былъ наискось отъ нашей квартиры, такъ что, отправляясь въ гимназію, мнѣ каждый разъ приходилось проходить мимо этого домика. Дѣло прошлое... по нѣкоторымъ артисткамъ я вздыхалъ, а потому и судите о томъ волненіи, которое я испытывалъ, проходя мимо этого домика, особливо, когда у растворенныхъ оконъ сидѣли артистки съ работой въ рукахъ и посматривали на проходящихъ. На досугѣ ли тутъ было думать объ алгебрѣ, да геометріи?

Охотникъ былъ до театровъ и Николай Васильевичъ Птенцовъ. Заведешь, бывало, съ нимъ рѣчь о вчерашнемъ спектаклѣ и на душѣ снова сдѣлается легче. Я помню въ труппѣ Залѣсскаго комика Михайлова, у котораго, кажется, было двѣ дочери: одна была водевильная актриса, а другая—танцовщица, танцовавшая въ дивертисментахъ. Пьесы давались въ то время трагическія, наприм.: *Уголино*, *Цампа или дочь разбойника*, *Эсмеральда*, *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока* и т. п.

Помню я, былъ у Залѣсскаго трагикъ Карауловъ, такъ тотъ, бывало, такого нагонитъ страху, что всю ночь не заснешь. Помню даже, какъ этотъ Карауловъ въ пьесѣ *Уголино*, когда онъ былъ заточенъ въ тюрьму, пишетъ что то на стѣнѣ углемъ, а потомъ вдругъ, съ ужасомъ отскочивъ отъ написаннаго, бросаетъ въ надпись углемъ и разражается громовымъ хохотомъ. Хохотъ этотъ всегда производилъ потрясающій эффектъ. Залъ оглашался рукоплесканіемъ, а я, вскочивъ съ мѣста, оралъ: Караулова, Караулова! За то, когда, бывало, послѣ этого *Уголино* начинался какой-нибудь водевиль и на сцену выходилъ Михайловъ, у меня словно гора сваливалась съ плечъ и я буквально отдыхалъ отъ ужасовъ предыдущей пьесы. Помню я, когда Милославскій былъ въ Пензѣ освистанъ въ пьесѣ *30 лѣтъ или жизнь игрока*, то я, чуть не молившійся на Милославскаго, до того расплакался, что вынужденъ былъ бѣжать изъ зала. Меня поразили тѣ козни, жертвою которыхъ сдѣлался этотъ талантливый артистъ, именно славившійся исполненіемъ этой пьесы. Любилъ я и Берга, который былъ тогда еще женатъ на первой женѣ, вскорѣ умершей. Въ *Эсмеральдѣ* онъ игралъ синдика, а жена—заглавную роль. Помню я то ужасно трогательное впечатлѣніе, которое производила на меня сцена съ башмачкомъ. Нравился мнѣ въ этой пьесѣ и Карауловъ въ роли Квазимодо. Тогда онъ мнѣ казался такимъ добрымъ и ласковымъ уродомъ, что я готовъ былъ броситься на сцену, чтобы обнять и расцѣловать его.

На Петровъ день въ Пензѣ открывалась такъ называемая Петропавловская ярмарка. На ярмаркѣ этой строился огромный тесовый

балаганъ, въ которомъ и давались театральныя представленія. Это было каникулярное время, и ежели намъ случалось почему-либо оставаться въ Пензѣ, то я цѣлые дни проводилъ въ этомъ театрѣ. По знакомству съ Бергомъ и его женой мнѣ разрѣшалось присутствовать при репетиціяхъ, ходить за кулисы, на сцену, и вообще я тамъ былъ своимъ человѣкомъ. Вотъ однажды Залѣсскій подходитъ ко мнѣ:

— Послушайте, мамочка, — говоритъ онъ мнѣ (у него была привычка говорить «мамочка»),—сегодня идетъ у насъ *Русалка*, а у меня русалокъ-то не хватаетъ, не поплаваете ли вы у меня сегодня?

Признаться, я этого не ожидалъ.

— Какъ, гдѣ плавать? — спрашиваю я.

— Да вы, мамулечка, не бойтесь: плавать не придется, а вы пройдите только раза два-три промежъ водяныхъ декорацій, помахивайте вотъ этакъ головой (онъ показалъ, какъ надо помахивать), а руками махайте, какъ будто плывете.

И, схвативъ меня за руку, онъ побѣжалъ къ водянымъ кулисамъ и показалъ, что именно я долженъ былъ продѣлать. Мнѣ было тогда лѣтъ 12—13, и я тотчасъ же согласился быть русалкой. Въ этотъ же день вечеромъ на меня надѣли какую-то рубашку, обнажили шею и плечи, и я въ компаніи съ другими русалками плавалъ взадъ и впередъ по рѣкѣ и былъ очень доволенъ. За то мать, когда узнала о моемъ поступленіи въ число русалокъ, преисправно наказала меня, и съ тѣхъ поръ уже я никогда русалкой не былъ.

На Петровскую ярмарку пріѣзжалъ обыкновенно и циркъ, который въ то время назывался не циркомъ, а труппою волтижеровъ. Труппа эта возвѣщала обыкновенно гражданамъ о своемъ прибытіи не афишами, а просто разъѣзжала по улицамъ въ своихъ блестящихъ костюмахъ, оглашая воздухъ трубными звуками. Когда совершалось это шествіе, то труппу сопровождала цѣлая толпа зѣвакъ и уличныхъ мальчишекъ, а окна домовъ быстро распахивались, и изъ нихъ высовывались головы обывателей. Волтижеры эти не мало портили дѣла драматической труппы, и актеры, бывало, не безъ злобы относились къ представленіямъ этой труппы. Представленія эти были самыя примитивныя: по канатамъ, наприм., ходили съ длинными шестами, которые служили балансомъ, а когда волтижеръ терялъ равновѣсіе, то просто-на-просто упирался этимъ шестомъ въ землю, причемъ лицо его искажалось отъ страха упасть съ каната. Клоуновъ въ то время не было, а были либо простые

паяцы, либо кто-нибудь изъ труппы выводилъ танцовавшую собачку, либо обезьянку.

Я хотя и посѣщалъ эти представленія, но особеннаго влеченія къ нимъ не чувствовалъ. Бывалъ я на нихъ только тогда, когда почему-либо въ театрѣ не было спектаклей.

— А вы никакъ, мамулечка, вчерась у волтижеровъ были?

— Былъ,— каялся я,— да вѣдь и вы, кажется, были? — прибавлялъ я.

— Ахъ, мамулечка, да вѣдь я дѣлаю это изъ вѣжливости,—и они у насъ бываютъ, такъ надо же визитъ отдать, а вы-то съ какой стати? Ай-ай-ай!

За то когда кончалась ярмарка и когда труппа Залѣсскаго куда-то уѣзжала, я чувствовалъ себя положительно какъ бы осиротѣвшимъ. Сѣренькій домикъ Юшкова пустѣлъ, ставни его оконъ запирались, и, когда я проходилъ мимо него, у меня невольно вырывался тяжелый вздохъ изъ груди.

Лѣтъ десять тому назадъ въ Саратовѣ я былъ въ театрѣ и во время какого-то антракта зашелъ въ буфетъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ какой-то дряхлый старичокъ, согбенный и, потирая руками, ласково проговорилъ:

— А вы не узнаете меня, Илья Александровичъ?

— Виноватъ,— говорю,— не узнаю.

— Я—Залѣсскій.

Я прямо въ восторгъ пришелъ, увидавъ его живымъ, обнялъ старика, расцѣловалъ его, и въ ту же минуту передо мной словно снова воскресла моя юность и то счастливое время, когда я былъ русалкой.

И. Саловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Посланіе къ Іоакиму Лелевелю *).

А. Мицкевича.

Bellorum causas, et vitia, et modos
Ludumque Fortunae, gravesque
Principum amicitias, et arma...

Periculosae plenum opus aleae
Tractas, et incedis per ignes
Suppositos cineri doloso.

Horat., Lib. II, car. 1.

Когда-жъ къ намъ явишься, о, Лелевель желанный,
Къ кому сердца неслись съ мольбою неустанной,
Кумиръ страны родной, властитель нашихъ думъ?
Ты чувство будишь въ насъ и возвышаешь умъ.
Пусть тѣ, въ комъ острыхъ словъ всегда запасъ блестящій,
Гремятъ по всей странѣ молвою преходящей,
Пусть пóлки книжныя гнететъ томóвъ ихъ строй,—
Потомкамъ имя ихъ—одинъ лишь звукъ пустой;
Отчизна вознесетъ такого только сына,
Кто съ славой сочеталъ и доблесть гражданина.
О, Лелевель, счастливъ ты участью своей!
Ты славою богатъ, любовію друзей,
На жизненной стезѣ, хотя не старъ годами,
Умомъ опередилъ маститыхъ сѣдинами
И имя, наравнѣ съ героемъ старины,
Далеко перенесъ за грань своей страны;
А какъ въ родной Литвѣ почтенъ соотчичъ славный,—
Всеобщій шумъ похвалъ свидѣтельствуетъ явно.
Какъ долго ужъ, томясь въ стѣнахъ ученыхъ залъ,

---

*) По поводу открытія курса всеобщей исторіи въ Виленскомъ университетѣ 6 января 1822 г.

Нашъ избалованный тобою слухъ алкалъ!
И вотъ примись опять, какъ то и прежде было,
Предъ жадною толпой, магическою силой
Невѣдомыхъ чудесъ одушевляя прахъ,
Міръ древній вызывать въ безчисленныхъ тѣняхъ.
И рѣетъ ужъ ихъ сонмъ... Плутоново забрало *)
Съ ихъ лицъ откинуто, и въ истины зерцало
Глядится сонмъ тѣней; ихъ грудь обнажена
Отъ панцырей и латъ, и глубь души ясна.
Вотъ мысль глубокую, какъ бездна океана,
Вотъ ненасытный духъ и дерзость силъ титана **)
Рокъ въ искоркѣ одной, лишь въ зернышкѣ таитъ;
Но вотъ нежданный вихрь событій налетитъ,—
И мысли зарево ужъ надъ землей горитъ,
И страшный исполинъ простеръ надъ міромъ длани...
Такъ въ мірѣ властвуютъ то умъ, то геній брани
И власти ихъ печать не только налегла
На современныхъ имъ, но въ вѣчность перешла,
И въ глубинѣ вѣковъ тьмы будущихъ созданій
Несутъ великій гнетъ иль отблескъ ихъ дѣяній.
Но равенъ имъ почти, кто силой дивной власти
Измѣрилъ ихъ дѣла, уразумѣлъ ихъ страсти.

Случается, земля, раскрывъ свой алчный зѣвъ,
Вдругъ городъ поглотитъ, иль лоно водъ, вскипѣвъ,
До звѣздъ огнемъ дохнетъ, иль солнце тѣнь покрыла...
На памяти людей, и многихъ, это было;
Но рѣдкій постигалъ, откуда грозный бичъ,
А тотъ, кто мыслію пытливой могъ постичь
(Сплетая, словно сѣть изъ частой паутины,
Связь неразрывную послѣдствій и причины),
Какъ общее начало слѣдствій пестрый рядъ
Родитъ на диво всѣмъ,—тотъ рѣже во сто кратъ;

Съ нижайшихъ перейдя на верхнія ступени,
Вступаемъ мы въ среду духовныхъ проявленій,
Гдѣ человѣкъ—среда, порывы духа въ немъ—
Стихіи... Какъ связать звено тамъ за звеномъ
Цѣпь слѣдствій и причинъ? Блуждать умъ будетъ вѣчно
Средь этой пестроты явленій безконечной,

---

*) Плутоновъ шлемъ дѣлалъ невидимкой того, на кого былъ надѣтъ.
**) Платонъ и Александръ Великій.—*Прим. автора.*

А геній истины, закрывъ свой свѣтлый ликъ,
Едва скупымъ лучомъ блеснетъ на краткій мигъ.
Вѣдь истину признать не каждому возможно,—
Ужъ съ дѣтства взглядъ у насъ направленъ какъ-то ложно.
Мы все глядимъ изъ рукъ далекихъ мастеровъ,
И вдаль, и на себя, сквозь стекла ихъ очковъ,
Въ которыхъ, поглядишь, и шире поле зрѣнья,
И глубже видишь суть желаннаго явленья,
Да только—вотъ бѣда—съ окраскою такой,
Какая имъ дана стороннею рукой.
И вотъ чужая кисть и зрѣнья недостатокъ
На все извнѣ кладутъ невѣрный отпечатокъ.
Всегдашніе рабы! Несемъ безъ горькихъ словъ
Мы бремя чувственныхъ и нравственныхъ оковъ:
Въ малюткѣ отчій духъ грудь нѣжную питаетъ,
На юношу ярмо обы́чай налагаетъ,
И часто ты всосалъ въ родимомъ молокѣ,
Что̀, мнилось, создалъ самъ въ душевномъ тайникѣ,
Иль этимъ напоилъ твое наставникъ ухо,
Въ напитокъ подмѣшавъ часть собственнаго духа.
И такъ, куда судьба тебя ни кинь,—съ собой
Ты всюду понесешь печать страны родной.
А солнце истины всѣмъ хочетъ быть отрадой
И свѣтъ любой странѣ всегда умножить радо,
Сіяя надъ людьми въ теченіе временъ,
Не знаетъ избранныхъ народовъ и племенъ.
И тотъ, кого манитъ безсмертной Правды геній,
Пусть сброситъ чуждую кору предубѣжденій,
Навязанныхъ послугъ, чужихъ даяній гнетъ—
И человѣка сущность чистой бережетъ.
Хоть много по̀званныхъ, за то избранныхъ мало.
Бытописателемъ тому лишь быть пристало,
Кто вдохновеніемъ и духомъ исполинъ
И матери-земли признательнѣйшій сынъ,
Въ комъ бурею страстей душа не клокотала;
Надъ современностью паритъ лишь онъ одинъ.
Въ пучинахъ вѣчности онъ вѣщими крылами
Туманъ грядущаго развѣетъ передъ нами
И въ безднахъ старины, зіяющихъ какъ адъ,
Изъ мрака извлечетъ забытой мысли кладъ...
Избранникъ этотъ—ты. Гордиться каждый вправѣ,

Что наша родина такой причастна славѣ.
Глашатай всѣхъ временъ! Сознанье въ насъ буди:
Вѣщай, что̀ было, есть, что̀ будетъ впереди.
Впервые племена на пастбищѣ богатомъ,
Между твердынями Ливана и Евфратомъ,
Гдѣ пасъ свои стада мечтательный пастухъ,
Сплотилъ въ одинъ союзъ общественности духъ.
Но тутъ насилья гнетъ высокими валами
Обводитъ города, народы же—цѣпями.
А тамъ, на берегахъ, изрѣзанныхъ волной,
Грекъ мирно заводилъ республиканскій строй.
Чрезъ бухты, острова народецъ муравьиный
(Подъ кличкой *мирмидонъ* онъ слылъ не безъ причины *)
Несъ благодатный даръ искусства и труда.
Тамъ пышно эллина блистали города.
Онъ смѣло идеалъ нашелъ въ самой природѣ,
Молился красотѣ, воздвигъ алтарь свободѣ
И, вдохновляемый свободой, красотой,
Грекъ мыслилъ, пѣлъ, любилъ, сражался, какъ герой.
Но вотъ уже Востокъ грозитъ ему напастью:
Тамъ все клонитъ чело передъ мидійца властью;
Надменный властелинъ, на Западъ ополчась,
Толпы своихъ рабовъ низринулъ за Кавказъ.
И орды развились,—несмѣтными полками
Роится континентъ, а море — кораблями.
Но греческій мірокъ перунами разитъ,—
Бѣгутъ полки царя и флотъ его разбитъ.
Европа поднялась и, сломленный судьбою,
Ужъ стонетъ азіатъ подъ эллина пятою,
А тотъ едва чело усталое склонилъ,
Какъ то̀мно на коврахъ персидскихъ опочилъ
И въ нѣгѣ сладостной онъ ржавый мечъ роняетъ...
Но соннаго давно уже подстерегаетъ
Ватага хищная, Италіи сыны,
Добычливый, злой родъ, приспѣшники войны,
Питавшіе вражды отравленное жало
Для брата и врага. Имъ дома тѣсно стало,—
Другъ друга бѣшено они какъ волки рвутъ,
То сообща въ бѣдѣ сосѣдей стерегутъ,

*) Мирмидоняне, по миѳологіи, потомки муравьевъ.

И силою меча и сѣтью ухищреній
Всю землю полонилъ суровый Рима геній.
Но нѣтъ противниковъ,— слабѣетъ крѣпость рукъ,
Имъ сталъ овладѣвать бездѣйствія недугъ:
Римъ, міровой палачъ, самъ стонетъ отъ тирана...
И вскорѣ римскій міръ — колоссъ лишь бездыханный.
Кто вновь въ немъ духъ зажжетъ? Дитя холодныхъ странъ,
Ты, съ пламенемъ въ душѣ, воинственный норманнъ!
Вотъ доблестный баронъ, весь сталію окованъ,
Съ копьемъ и четками на подвиги готовъ онъ
Для славы, за любовь; для игръ и для пировъ
Вассаловъ онъ зоветъ подъ островерхій кровъ.
Тамъ красота царитъ, тамъ барды ударяютъ
На лютнѣ по струнамъ и витязи ломаютъ
О панцыри копье. Впервые въ эти дни
Съ небесъ въ грѣховный міръ любовь зовутъ они.
Стальная эта грудь не такъ любить умѣла,
Какъ духа рабъ, еврей, иль грекъ, поклонникъ тѣла.
Гдѣ право попрано, гдѣ хищный сторожитъ,
Тамъ слово рыцаря — несокрушимый щитъ
Для жертвы трепетной и молотъ для злодѣя *).
Сквозь пущи, за моря, подъ солнце Іудеи
Шелъ вѣрный паладинъ, чтобъ въ брани за Христа
Стяжать иль вѣчный лавръ иль райскія врата.
Засѣли той порой по замкамъ ихъ аббаты,
Тѣсниться въ келью радъ и бѣдный, и богатый,
Престолы падаютъ подъ громомъ папскихъ буллъ,
Объятья жадныя Римъ снова протянулъ
И вновь тиранитъ свѣтъ, пока порывовъ гнѣва
Его не заглушилъ ревъ пушечнаго зѣва.
Вотъ хартій письмена, въ которыхъ видитъ взоръ
Народа и властей взаимный договоръ,
Какія Ягеллонъ намъ съ высоты далъ трона,
Иль коими сыны гордятся Альбіона,
А рядомъ крѣпнетъ власть, равняя предъ собой
Высокомѣрный мечъ съ смиренною сохой.
Испанецъ за морей таинственною дымкой
Срываетъ пелену надъ міромъ-невидимкой,
Тамъ злато откопалъ, грузитъ имъ корабли

*) Redresser les torts — лозунгъ паладина.

И вскорѣ сталъ грозить Европѣ. Короли
Тогда въ отпоръ ему отважно ополчились;
Предъ близкою грозой союзы народились,
Дыханье бранное какъ буря пронеслось,
И дипломатіи искусство родилось,
Растетъ въ усобицѣ, мужаетъ тайны силой
И цѣпко какъ полипъ Европу охватило.
Изъ страха за свое иль зарясь на добро
Чужое, сторожатъ и зорко и хитро
Сосѣдей, становясь за общими межами
Съ ружьями на-голо... коварствъ отсюда рядъ,
Утраты частыя, стремительный захватъ...
Какъ собственнымъ добромъ торгуютъ областями,
Народы шли въ дѣлежъ или въ обмѣнъ дарами,
Враговъ заступники бывали злѣе тутъ
И для округлости концы чужіе рвутъ.
Пока сгущалась тѣнь въ картинѣ безотрадной,
Надъ Сеной назрѣвалъ часъ мести безпощадной
И грянулъ страшный взрывъ! Тамъ—дремлющій законъ,
И застарѣлый гнетъ, и все растущій стонъ,
И мысли смѣлый взлетъ, у звѣздъ парить готовый,
И бѣшенство раба, разбившаго оковы...
И какъ когда-то міръ, въ бореніи началъ
Враждебныхъ, грозныя чудовища рождалъ,
Такъ въ омутѣ страстей и дикаго раздора
Чудовищный драконъ рождается террора...
Насилье пробуетъ во прахъ его втоптать,
Изъ брошенныхъ клыковъ, однако, снова рать
Задорная встаетъ... Горятъ желаньемъ эти
По схемамъ мудрецовъ все перестроить въ свѣтѣ,
Тѣ-жь созиданію готовятъ матерьялъ,
И каждый тамъ просторъ своимъ желаньямъ далъ
И, отчій домъ заливъ кровавыми струями,
Стремятся кровь точить еще за рубежами...
Но царственный орелъ взлетаетъ изъ гнѣзда
Народовластія и вспыхнула звѣзда
Кровавая побѣдъ... Уже титаны пали,
Но кровью грудь земли не даромъ упитали.
Но гдѣ я, Лелевель? Пою ту даль морей,
Гдѣ утлой не скользить во вѣкъ ладьѣ моей.
Ничтожный мотылекъ, тянусь на тѣ вершины,

Куда ты важныхъ думъ стремишь полетъ орлиный.
Учитель, ты великъ! Ты станешь на челѣ
Именъ, что̀ видятъ свѣтъ въ сѣдой былого мглѣ;
Не разъ вскрывая ложь въ ученой небылицѣ
И правду въ лжи самой сбирая по крупицѣ,
Ты знаешь, какъ никто, какъ велики труды
Науки и ея сколь сладостны плоды.
Подъ громкій шумъ похвалъ не откажи въ признаньи,
Какъ на такую высь ты поднялъ факелъ знанья,
Въ столь юные года? На твой крутой Парнасъ
Смиренныхъ насъ мани сіяньемъ кроткихъ глазъ.
Уста достойнѣйшихъ хвалу тебѣ слагали,
Но не отринь вѣнка, что̀ юноши сплетали,
И гордо разнесемъ мы по̀ свѣту: въ вѣнкѣ
Томъ собраны цвѣты въ твоемъ лишь цвѣтникѣ.

Юл. Г. Короленко.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ДАВНИХЪ ЛѢТЪ *).

IX.

Въ то лѣто Анюта уже раза три или четыре заходила послѣ обѣдни къ о. Николаю, поздравила Костю съ окончаніемъ и пожелала ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

— Премного вамъ благодаренъ, Анна Михайловна!—проговорилъ онъ басомъ.—Ваше доброе пожеланіе для меня дорого...

Послѣднія слова онъ, очевидно, хотѣлъ сказать вполголоса, но тѣмъ не менѣе, все-таки, загудѣлъ на всю комнату и, какъ показалось Анютѣ, дѣйствительно, съ глубокою признательностью посмотрѣлъ на нее.

Въ другой разъ, когда Анюта была у нихъ, молодой человѣкъ, по обыкновенію, подалъ ей чай.

— Зачѣмъ вы безпокоитесь! Я взяла бы сама,—сказала ему Анюта.

— Позвольте... Доставьте мнѣ удовольствіе услужить вамъ... Не даромъ же меня всегда звали вашимъ кавалеромъ!—пробасилъ онъ, стараясь быть какъ можно галантнѣе, но галантность и расшаркиванья къ нему такъ же шли, какъ и городское платье.

— Васъ звали моимъ кавалеромъ, когда вы были еще мальчикомъ!—смѣясь, отозвалась Анюта.

— А теперь, значитъ...—вопросительно проговорилъ Костя, прижимая подносъ къ груди.

— А теперь вы уже академикъ! — шутливо замѣтила она Костѣ.

Онъ громко расхохотался и отошелъ къ чайному столу, за которымъ предсѣдательствовала матушка.

Кромѣ такихъ любезностей и самыхъ обыденныхъ разговоровъ,

*) *Русская Мысль* 1897 г., кн. VI.

Анюта отъ него ничего не слыхала, но въ его рукопожатіяхъ, въ его взглядѣ, пристальномъ и горячемъ, вообще въ его обращеніи съ нею сказывалось что-то такое неуловимое, чего Анюта въ отношеніи къ себѣ ранѣе не замѣчала ни въ немъ, ни въ другихъ знакомыхъ ей мужчинахъ: тутъ сказывались и нѣжность, и почтительность, желаніе и въ то же время боязнь обратить на себя ея вниманіе, желаніе ей нравиться, быть съ нею вмѣстѣ... Иногда молодой человѣкъ подолгу глазъ съ нея не сводилъ; она чувствовала на себѣ этотъ пристальный взглядъ, какъ бы искавшій встрѣчи съ его глазами, но лишь только Анюта взглядывала на него, онъ вдругъ смущался, какъ человѣкъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ въ рукахъ, отворачивался, поникалъ головой или же подъ какимъ-нибудь предлогомъ уходилъ на другой конецъ комнаты. Въ тѣ минуты на смуглыхъ щекахъ его вспыхивалъ румянецъ...

Костя не сказалъ Аннѣ Михайловнѣ ни одного такого слова, котораго нельзя было бы повторить при обществѣ, но Анна Михайловна уже угадывала, что онъ, какъ говорится, «неравнодушенъ» къ ней, что онъ всячески пытается и не рѣшается, — не смѣетъ даже намекомъ дать ей знать о своемъ чувствѣ... Костя былъ юноша честный, съ чистымъ сердцемъ, и не могло быть у него дурныхъ помысловъ. Эту первую, робкую любовь его можно было назвать обожаніемъ, но и объ этой скромной, нетребовательной любви онъ не рѣшался вымолвить ни слова. Анна Михайловна была замужняя женщина, богатая помѣщица,—липягинскіе господа въ то время считались еще большими барами. А онъ — бѣднякъ, семинаристъ, сынъ сельскаго священника и съ дѣтства привыкъ— вмѣстѣ со всѣми семьянами—смотрѣть на нее съ глубокимъ уваженіемъ.

Если же молодой человѣкъ отваживался *такъ* смотрѣть на нее, при прощаньѣ жать ей руку дольше и крѣпче, чѣмъ принято, если онъ въ ея присутствіи краснѣлъ и смущался, то, значитъ, чувство его было уже очень сильно и брало перевѣсъ надъ его робостью и надъ всѣми практическими доводами разсудка. Онъ слыхалъ разсказы о невеселой жизни Анны Михайловны, объ ея домашнемъ тиранѣ, и мученичество придало въ его глазахъ еще болѣе обаянія любимой имъ женщинѣ, окруживъ ея прелестный, нѣжный образъ какъ бы сіяющимъ ореоломъ. Какъ благородный юноша, съ добрыми, великодушными порывами, Костя искренно, глубоко жалѣлъ молодую женщину, бывшую для него съ дѣтства идеаломъ совершенства, а потомъ, съ теченіемъ времени, незамѣтно для него са-

мого, какъ часто бываетъ съ мужчинами, сожалѣнія его перешли въ болѣе горячее чувство.

Рыцарское сочувствіе, сквозившее въ его наивномъ ухаживаньѣ, привлекало къ нему Анну Михайловну, хотя она, зная себя, уже ясно видѣла, что ихъ любовь неминуемо должна кончиться разлукой. Она никогда не рѣшилась бы поддаться его юношескому увлеченію и броситься ему на шею, да она считала себя и слишкомъ старою (хотя ей не было еще и 23 лѣтъ), и слишкомъ измученною для того, чтобы со всѣмъ пыломъ, беззавѣтно предаться страстнымъ восторгамъ и радостямъ любви. Было поздно... «Спустя лѣто по малину въ лѣсъ не ходятъ никогда!» — думала про себя Анна Михайловна. Но ей было очень пріятно видаться и разговаривать съ нимъ... Вѣдь это же былъ единственный человѣкъ, видимо, съ искреннимъ сочувствіемъ относившійся къ ней, понимавшій ее; по лѣтамъ онъ могъ быть ея братомъ, научными познаніями онъ, конечно, стоялъ несравненно выше ея, а знанія жизни у нихъ обоихъ было еще мало...

Однажды послѣ вечерняго чая, часу въ седьмомъ, Анна Михайловна пошла въ поле. Наступалъ прелестный іюльскій вечеръ, тихій, ясный, благоухающій. Жара начинала спадать... Анна Михайловна дошла до своихъ березокъ, немного отдохнула тамъ и затѣмъ направилась домой по узкой дорожкѣ, извивавшейся между двумя полосами колосистой ржи. Она сорвала нѣсколько васильковъ и, прижавъ ихъ къ губамъ, вдыхала ихъ нѣжный ароматъ. Липягино еще не показывалось изъ-за косогора... Анна Михайловна шла тихо и чувствовала себя хорошо въ своемъ одиночествѣ, на свободѣ.

Заслышавъ за собой чьи-то шаги, она оглянулась и увидала подходившаго къ ней Костю.

— Мое почтеніе, Анна Михайловна!—тихо пробасилъ молодой человѣкъ, здороваясь съ нею.—Гуляете?... Погода чудесная, какъ быть для сѣнокоса... А я вотъ съ рыбной ловли...

Онъ, дѣйствитильно, шелъ съ удочкой и съ небольшимъ сачкомъ въ рукѣ.

— Много ли же добычи?—спросила Анна Михайловна, идя съ нимъ рядомъ.

— Немного-съ! Такъ, пустяки... два окунька, да штукъ шесть ершей... — отвѣтилъ онъ, заглядывая въ сачокъ.

Анна Михайловна спросила его о здоровьѣ о. Николая и его семьянъ. Потомъ нѣсколько минутъ они шли молча.

— А вы, Анна Михайловна, очень измѣнились за послѣдній годъ,—замѣтилъ Костя, пристально глядя на свою спутницу.

— Измѣнилась? Въ чемъ же? — отозвалась та.

— Очень похудѣли, поблѣднѣли... Вы больны были? — спросилъ Костя.

— Нѣтъ! Но у меня вообще здоровье плохое... дрянное здоровье! — сказала она.

— Можетъ быть какія-нибудь непріятности... — осторожно началъ Костя.

— Да вѣдь у всякаго свои непріятности... свое горе! — перебила его Анна Михайловна.

— Такъ-то такъ! — смутившись проговорилъ онъ, замедляя шагъ. — Но у васъ-то, кажется, его больше, чѣмъ у многихъ другихъ...

Анна Михайловна хотѣла бы пойти скорѣе, но ей казалось неловко бѣжать отъ Кости. А между тѣмъ его голосъ волновалъ ее; она чувствовала, что краснѣетъ, и поникла головой подъ его горячимъ взглядомъ.

— Ахъ, еслибъ я... Ахъ, жизнь, жизнь! — дрогнувшимъ голосомъ скорбно промолвилъ молодой человѣкъ. — Святая вы женщина! — восторженно прошепталъ онъ, схватилъ ея руку и, припавъ къ ней лицомъ, сталъ крѣпко цѣловать ее...

— Костя! Костя! — чуть слышно говорила она, напрасно стараясь освободить свою руку.

Она была въ смятеніи и растерянно смотрѣла на этого высокаго, сильнаго мужчину, благоговѣйнаго склонявшагося надъ ея рукой. Еще ни разу въ жизни ей не хотѣлось такъ, какъ въ ту минуту, отвѣтить лаской на ласку и сказать Костѣ: какой онъ добрый, хорошій, и какъ отрадна для нея дружба. Конечно, чувство, волновавшее ее, въ дѣйствительности было не совсѣмъ дружбой, но она мысленно *такъ* называла его. Но она рѣшительно не знала, какъ высказать то, что̀ было у нея на душѣ...

Когда Костя, выпрямившись, опять пошелъ съ нею рядомъ, Анна Михайловна замѣтила, что онъ сильно разстроенъ, что онъ порывается что-то сказать и не рѣшается. Онъ только вздыхалъ и печально смотрѣлъ на нее... Аннѣ Михайловнѣ стало жаль его, стало какъ-то жутко, и больно, и отрадно; она, кажется, была бы счастлива, еслибъ осмѣлилась приласкать и утѣшить его, какъ брата. Но что̀ же утѣшительнаго она могла бы сказать ему?... За минуту оживленное лицо ея покрылось теперь мертвенной блѣдностью, и на глазахъ у нея навернулись слезы...

— Анна Михайловна! Простите вы меня... — заговорилъ юноша, наклоняясь къ ней. — Я вижу, что я обидѣлъ васъ... напу-

галъ... Я—такой... Но, право же... вотъ, какъ передъ Богомъ... я готовъ все отдать, только бы вы никогда не плакали... А теперь самъ же довелъ васъ до слезъ... Эхъ, несчастье мое!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не о томъ... я не сержусь... и вы... вы вы меня не обидѣли...—старалась она успокоить Костю.

Говорятъ, сердце — вѣщунъ... Да! Въ то мгновеніе недоброе предчувствіе смутило ее: какъ будто кто-то нашептывалъ ей, что счастье ей не суждено и напрасно стала бы она стараться вырвать его у судьбы.

Въ это время они дошли до межника, по которому Аннѣ Михайловнѣ слѣдовало идти домой, а Костѣ нужно было идти прямо, п дорогѣ къ погосту.

— Прощайте,— проговорила она, протягивая ему руку.

— Прощайте, Анна Михайловна! — съ чувствомъ сказалъ Костя, опять цѣлуя ея руку. — И помните, что у васъ есть другъ вѣрный... и если онъ вамъ понадобится когда-нибудь, вы только скажите! Извините... говорить я не умѣю складно... Ну, да все равно... Вы меня поймете!... Я только хочу сказать, Анна Михайловна, что я вамъ преданъ... и буду всегда...

Костя говорилъ отрывисто, какъ бы торопясь, тяжело переводя духъ, и мялъ въ рукахъ фуражку.

— Благодарю васъ за ваше доброе расположеніе... Я знаю, что вы и вся ваша семья относитесь ко мнѣ хорошо... и... я желаю, чтобы вы были счастливы... Прощайте!—въ волненіи промолвила Анна Михайловна.

— Въ воскресенье мы увидимся... Вы зайдете къ намъ? — спросилъ ее Костя.

— Не знаю... можетъ быть...— отвѣтила она, повернулась и пошла по узкому межнику.

— Анна Михайловна! Дайте мнѣ цвѣточекъ... пожалуйста! — сказалъ Костя. — На память... одинъ цвѣточекъ!

Она молча подала ему василекъ.

Потомъ, уже на ходу, она раза два оглядывалась и привѣтливо-дружески кивала ему головой. А онъ съ фуражкой въ рукѣ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, гдѣ она оставила его, и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Скоро, однако, высокая, колосистая рожь скрыла его отъ глазъ Анны Михайловны — и навсегда...

«Шпіонили за мной,— разсказывала Анна Михайловна,— или кто-нибудь случайно увидалъ, какъ я съ Костей шла въ полѣ, мнѣ

и теперь неизвѣстно. Но только въ тотъ же день мужъ узналъ обо всемъ...

«Александръ Семеновичъ въ тотъ вечеръ былъ на охотѣ, и ему, какъ водится, были оставлены двѣ кружки чая. Я слышала, какъ онъ возвратился и, стуча дверями, ходилъ по комнатамъ. Няня сообщила мнѣ, что онъ пришелъ съ охоты съ пустымъ ягдташомъ и «страсть какой сердитый, темнѣе-то темной ноченьки». Яшка, ходившій съ нимъ, разсказывалъ, что Александръ Семеновичъ пустилъ въ Трезорку цѣлый зарядъ дроби за то, что тотъ не послушался его окрика и бросился за птицей. Няня сидѣла у окна и вздыхала: вязать ей было темно, а зажигать огонь еще не хотѣлось... Мягкій свѣтъ лѣтнихъ сумерекъ былъ такъ пріятенъ для глазъ... Я не могла усидѣть на мѣстѣ и въ какомъ-то неспокойномъ, возбужденномъ состояніи ходила по комнатѣ.

«Пришла горничная Стеша и сказала, что «баринъ» проситъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Когда горничная дѣвушка передала мнѣ это приглашеніе, сердце у меня такъ заколотилось, что я невольно прижала руку къ груди. Александръ Семеновичъ уже не разъ вызывалъ меня къ себѣ для непріятныхъ объясненій, и я каждый разъ съ трепетомъ шла къ нему въ кабинетъ. А въ тотъ вечеръ мнѣ какъ-то особенно было не по себѣ.

— «Чего опять ему понадобилось?»—проговорила няня.

— «Не знаю! Сегодня что-то все сердится, — прошептала Стеша.—Велѣлъ Петрушку завтра выстегать...»

— «Мучитель!»—вполголоса промолвила няня.

Кабинетъ Александра Семеновича служилъ спальней и рабочею комнатой; тамъ стояли два токарные станка, и на нихъ валялись всякіе инструменты; по стѣнамъ висѣли ружья, пистолеты, охотничьи ножи, рога; въ углу виднѣлись медвѣжьи рогатины съ красными чехлами на остріяхъ; стѣны украшались двумя старинными гравюрами въ черныхъ рамкахъ, подъ стекломъ, изображавшими битву подъ Полтавой и при деревнѣ Лѣсной, да кромѣ того еще надъ кушеткой висѣла довольно большая картина, написанная масляными красками, миѳологическаго содержанія. Эта комната — большая и мрачная—скорѣе походила на застѣнокъ, чѣмъ на жилой покой въ барскомъ домѣ.

Когда Анна Михайловна вошла въ кабинетъ, тамъ шторы на окнахъ были спущены, на столѣ горѣли свѣчи и стояла недопитая кружка чая.

— Садись!—рѣзко сказалъ ей Александръ Семеновичъ.

Она присѣла на край кушетки и посмотрѣла на мужа. Онъ за-

ложилъ руки за спину и прислонился спиной къ двери, какъ будто ожидая, что жена можетъ убѣжать. Эта предосторожность невольно бросилась въ глаза Аннѣ Михайловнѣ и не предвѣщала ничего добраго. Мужъ ей казался сильно раздраженнымъ; не только лицо его, но и глаза были красны, какъ обыкновенно случалось съ нимъ въ минуты гнѣва. Волосы его растрепались и падали на лобъ.

Съ злорадною улыбкой, исподлобья посмотрѣлъ онъ на жену.

— Такъ-съ!—заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово и, видимо, наслаждаясь ея душевною тревогой. — Добродѣтель-то, видно, наскучила... изволили, сударыня, любовника завести... бѣгаете къ нему въ поле на свиданія... лазаете черезъ плетни, какъ точно какая-нибудь горничная дѣвка... И кого выбрала-то! Хоть бы ужъ человѣка... А то—срамъ!—вздумала завлекать мальчишку, семинариста... Вотъ теперь и понятно, за что вы посылали *имъ* ягодъ, фруктовъ и всякихъ гостинцевъ! Вы, значитъ...

— Вы лжете! — крикнула Анна Михайловна, возмутившись до глубины души взводимою на нее напраслиной.

— Лгу?!—заревѣлъ мужъ.—Ха! А съ кѣмъ ты сегодня гуляла въ полѣ... и любезничала? Съ поповскимъ сыномъ не гуляла?... И открыто, середи бѣла дня... Безстыдница!... Сама лжетъ, да еще смѣетъ другихъ во лжи обвинять!

— Да! И повторяю: вы лжете... вы клевещете на меня!—съ отчаяніемъ говорила Анна Михайловна, чувствуя, что мужъ каждымъ словомъ какъ будто даетъ ей пощечину. — Ни къ кому на свиданья я не ходила... Никого у меня нѣтъ и не было! Мы сегодня случайно встрѣтились... Константинъ Николаевичъ возвращался съ рыбной ловли.

— Такъ-съ, такъ-съ! Знаемъ мы эти рыбныя ловли,—продолжалъ мужъ нахально глумиться и злорадствовать надъ нею. — За такую-то «рыбную ловлю» ему, сукину сыну, слѣдовало бы ребра переломать... Что-жъ! Скажете, что вы не цѣловались?

— Онъ руку у меня поцѣловалъ... да!—сказала она.

— *Только* руку?—съ циничнымъ смѣхомъ спросилъ ее мужъ.

— Александръ Семеновичъ! За что вы меня мучаете?—не слушая его, перебила Анна Михайловна.—Вы ужъ давно бросили меня... вы меня не любите... вы сами не разъ говорили... У васъ—другія женщины...

— Я тебя не только не люблю, но ненавижу, ненавижу отъ всей души, терпѣть тебя не могу!... Да, да! — разразился Александръ Семеновичъ, давъ, наконецъ, волю долго сдерживаемой

ярости.—У меня можетъ быть десятокъ женщинъ, и тебѣ до того дѣла нѣтъ: мужчина чужихъ ребятъ въ семью не таскаетъ, женѣ ихъ не подкидываетъ... Да мало ли, что я тебя не люблю... а ты все-таки на свиданія съ поповичами бѣгать не смѣешь! Я не позволю, чтобы ты дошла до неприличій, чтобы ты позорила мою фамилію... И ты, пожалуйста, носъ не задирай, не говори свысока о тѣхъ—«другихъ»—женщинахъ... Можетъ быть, онѣ ничуть не хуже тебя! Да я тебѣ прямо скажу, что у насъ, въ порошинскомъ роду, барыни за поповичами по полямъ не бѣгали... у насъ еще не бывало *такихъ*, какъ ты...

Подъ этимъ градомъ оскорбленій и надругательствъ бѣдная женщина сидѣла, склонивъ голову и закрывъ лицо руками, но, услыхавъ послѣднія слова, она не выдержала и поднялась съ кушетки.

— Безсовѣстно такъ оскорблять меня... Со мной такъ еще никто не говорилъ,—дрогнувшимъ голосомъ и задыхаясь отъ волненія, сказала она, подходя къ мужу, заслонявшему ей дверь.—Нѣтъ... я этого не могу... Пустите меня!

— Что-о-о?—зарычалъ онъ, какъ звѣрь, и схватилъ жену за руку такъ, что едва не вывихнулъ ей руку.

Нагайка свистнула...

Отъ неожиданности у Анны Михайловны духъ захватило, и она не могла даже крикнуть. А удары, какъ ни попало, сыпались ей на спину, на плечи...

Она почти не помнила, какъ дотащилась до своей комнаты въ изорванномъ платьѣ, избитая, униженная. Няньки, на ея счастье, въ ту пору не было въ комнатѣ... Анна Михайловна заперлась, рыдая, бросилась на постель и зарылась лицомъ въ подушки, чтобы никто не слыхалъ ея плача и стоновъ.

— Папа, папа!—бормотала она, какъ въ бреду, внѣ себя отъ ужаса и отчаянія, обращаясь мысленно къ дорогому покойнику.

Но отецъ уже не могъ помочь ей.

Анна Михайловна чувствовала, что какое-то изнеможеніе нападаетъ на нее. Слезы высохли, и Анна Михайловна долго лежала, какъ въ столбнякѣ. Когда же она очнулась, была уже ночь, и въ открытое окно было видно, какъ изъ-за вѣтвей деревьевъ съ далекаго, яснаго неба искрились звѣзды..

X.

«Бѣжать! Бѣжать изъ этого проклятаго дома, бѣжать сейчасъ, немедленно, — бѣжать, куда глаза глядятъ!» — вотъ что прежде

всего подумалось Аннѣ Михайловнѣ, когда она окончательно пришла въ себя и поднялась съ постели.

Она подошла къ окну и взглянула въ садъ... Полная іюльская луна какъ-то таинственно просвѣчивала изъ-за деревьевъ, а подъ деревьями и межъ кустами лежали тѣни. Она прислушалась: въ домѣ и на дворѣ все тихо. Огни вездѣ погашены... Анна Михайловна наскоро перемѣнила изодранное платье, набросила на себя большой сѣрый платокъ и осторожно, крадучись, спустилась изъ окна въ садъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ она еще разъ прислушалась... Только кузнечики трещали въ травѣ, да въ кустахъ сирени какая-то птичка пропищала съ просонокъ.

Вскорѣ Анна Михайловна очутилась на берегу знакомаго круглаго пруда. Зачѣмъ, почему она пришла туда?... Просто, машинально, по привычкѣ: выходя въ садъ, она обыкновенно направлялась въ эту сторону... Въ этотъ разъ, впрочемъ, она не сѣла на дерновый диванчикъ, но остановилась на берегу пруда и, вздрагивая какъ бы отъ холода подъ своимъ сѣрымъ платкомъ и тяжело дыша, испуганно смотрѣла своими широко раскрытыми глазами на темныя воды пруда.

«Зажмуриться, броситься—и черезъ минуту кончены страданія, все кончено... Ну, а что если тамъ... послѣ смерти?...»—подумала она, и все, чему вѣрилось съ дѣтства, словно молнія, полыхнуло передъ ея помутившимся сознаніемъ... Прудъ, осѣненный густыми деревьями, лежалъ въ своихъ высокихъ берегахъ такой темный, черный, и теперь, ночью, при видѣ его холодъ пробѣгалъ по тѣлу... Смерть въ этомъ темномъ, илистомъ пруду показалась Аннѣ Михайловнѣ отвратительной.

Но, нѣтъ! Не одинъ темный страхъ передъ неизвѣстностью о загробномъ будущемъ и не отвращеніе передъ родомъ смерти остановили въ эту минуту Анну Михайловну. Она была молода, жить ей хотѣлось...

Легкій ночной вѣтерокъ пронесся по саду и зашелестилъ вершинами деревьевъ. Анна Михайловна вздрогнула... Ей почудилось, что въ темной глубинѣ сада поднялось какое-то движеніе, какъ будто слышался чей-то шепотъ... Вотъ она неясно различаетъ чьи-то шаги, кто-то крадется... Ознобъ пробѣжалъ по ея спинѣ. Кузнечики въ травѣ, казалось, трещали все громче и громче...

И вдругъ Анна Михайловна чуть не вскрикнула и обмерла отъ испуга... На противоположномъ берегу пруда выступило изъ сумрака высокое, блѣдное привидѣніе... Въ явившемся призракѣ ея разстроенное воображеніе уже различало знакомыя черты и фигуру

ея покойной матери... Что это? Она какъ будто машетъ Анютѣ своею блѣдною рукой, киваетъ ей, зоветъ ее куда-то, манитъ... Куда?... Анна Михайловна всмотрѣлась попристальнѣе — и у нея отлегло отъ сердца: то бѣлый стволъ березы, озаренный мѣсяцемъ, выступилъ въ эту минуту изъ мрака...

«Бѣжать! Бѣжать!» — какъ будто кто-то нашептывалъ мнѣ въ уши, — разсказывала впослѣдствіи Анна Михайловна. — Я пробѣжала садъ, цвѣтникъ и черезъ маленькую, боковую калитку вышла на дворъ. Собаки не залаяли: онѣ знали меня, — одна изъ нихъ проводила меня за ворота, помахала хвостомъ, поласкалась ко мнѣ, но у воротъ остановилась и какъ бы съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня...

«Я знала, что въ то время сестра моя, Людмила, была въ Никольскомъ, присматривала за уборкой хлѣба. Куда-жъ мнѣ было идти, какъ не въ Никольское? Для меня не было на свѣтѣ другого пріюта... Я надѣялась, что ночью никто — даже няня — меня не хватится, а къ утру я буду уже на родномъ пепелищѣ. Далеко ли — семь верстъ! Живо перебѣгу... Я не знала, который часъ. Взглядывала я на небо, но по звѣздамъ не умѣла опредѣлить время.

«Первыя три-четыре версты я шла довольно бодро, но потомъ скоро стала уставать: при своей замкнутой жизни я отвыкла много ходить. Я чувствовала, что ноги мои отяжелѣли, и я съ трудомъ передвигала ихъ. Особенно мнѣ становилось тяжело, когда приходилось подниматься на пригорки. Такъ, по моимъ разсчетамъ, я прошла уже болѣе половины дороги, — небо на востокѣ стало свѣтлѣть, и скоро загорѣлась заря. Птички зачирикали... Я хотѣла бы пойти скорѣе, но не могла и послѣднія двѣ версты плелась тихо, шагъ за шагомъ и съ трепетомъ прислушивалась: не звенитъ ли вдали колокольчикъ, не слышенъ ли лошадиный топотъ. Я ожидала за собой погони.

«Вотъ пошли знакомыя мѣста. Вотъ Тихоновская пустошь — съ мелкимъ лѣсомъ и съ почернѣлыми, обгорѣлыми пнями посреди разросшихся кустовъ; вонъ въ сторонѣ отъ дороги деревня Митино, — тамъ жила моя кормилица, моя добрая Акулина... А вонъ, за Митинымъ, и тотъ сосновый и еловый лѣсъ, куда я бывало съ няней и съ горничными дѣвушками ходила за грибами».

Горько было у нея на душѣ, слезы стали подступать къ горлу и затуманили ея глаза, когда при розовомъ сіяніи зари она снова увидала знакомый садъ, знакомый дворъ и родной домъ. Роса блестѣла на деревьяхъ и на кустахъ, когда она шла вдоль плетня и заглядывала въ садъ. Голубое безоблачное небо раскидывалось надъ

садомъ, надъ старымъ домомъ. Птички пѣли и щебетали такъ же весело и беззаботно, какъ во дни ѻны. Пахло цвѣтами, коноплей, крапивой, разраставшейся около плетня. Сколько разъ Анюта видала надъ Никольскимъ разсвѣтъ такихъ же лѣтнихъ дней, видала яркій, жаркій полдень и вечеромъ сгущавшіяся тѣни и чудныя, синія ночи!...

И вспомнились ей дѣтство и ранняя молодость; ожили въ памяти образы милыхъ, дорогихъ людей, съ которыми вмѣстѣ она переживала и ясные дни и ненастье, радость и горе. Отецъ, мать, Наташинъ отецъ-весельчакъ, скотникъ Андрей, дѣлавшій ей дудки и маленькіе лапти вродѣ туфель, кормилица ея, Акулина, такая хорошая, добрая, угощавшая ее ржаными пирогами. И всѣ они исчезли, ушли навсегда и оставили ее одну. А какъ хорошо ей жилось съ этими людьми! Охъ, чтобы только она не дала теперь за то, чтобы возвратить ихъ къ жизни и самой опять зажить съ ними, какъ прежде!

Въ усадьбѣ, очевидно, еще спали. Анюта прошла черезъ дворъ и направилась къ заднему крыльцу. Тутъ какой-то незнакомый ей казачокъ, заспанный и растрепанный, сопя и позѣвывая, чистилъ самоваръ, сидя на нижней ступени крыльца. Мальчикъ съ изумленіемъ взглянулъ на Анюту, вскочилъ и убралъ съ дороги свою суконку и кирпичъ. Анюта, молча, прошла черезъ сѣни въ дѣвичью, гдѣ на ту пору горничная умывалась подъ рукомойникомъ, громко фыркая и плеща на себя воду. Ея постель на полу была еще не прибрана. На столѣ валялись огуречныя корки и кусокъ хлѣба. Цѣлый рой мухъ гудѣлъ въ комнатѣ. Каждая мельчайшая подробность въ то утро живо запомнилась Анютѣ.

— Ахъ, барыня!—вскрикнула горничная, обернувшись и увидавъ Анюту.

Увидавъ Анюту въ такую неурочную пору и въ необычномъ костюмѣ—въ одномъ платьѣ и платкѣ, дѣвушка совсѣмъ растерялась, словно передъ ней явилось привидѣніе. Усталая, блѣдная отъ безсонной ночи и перенесенныхъ нравственныхъ потрясеній, Анюта, дѣйствительно, походила на призракъ.

— Сестра еще спитъ?—спросила она, идя въ столовую.

— Спятъ-съ! — отвѣтила дѣвушка, наскоро утираясь. — Да какъ же вы, матушка Анна Михайловна, такъ тихо подъѣхали,— мы и не слыхали.

Анюта уже знала, что сестра, во время пріѣздовъ въ Никольское, занимала бывшую спальню ихъ матери,—и осторожно, на

цыпочкахъ вошла къ ней. Но дверь скрипнула и разбудила Людмилу Михайловну.

— Кто тутъ? Маша,—ты?—спросонокъ спросила та изъ-за полога.

Синія шторы были спущены, и вся комната оставалась въ полумракѣ.

Анюта подошла къ кровати, распахнула пологъ и въ изнеможеньи опустилась на колѣни, уронивъ голову на руки.

— Анюта!... Господи! Да что съ тобой?—съ испугомъ вскричала Людмила Михайловна, приподнимаясь съ подушекъ и обнимая сестру.—Да что такое сдѣлалось? Ты откуда?—спрашивала она.

Анюта не могла и слова промолвить отъ душившихъ ее рыданій. Поцѣлуи и ласки сестры были послѣднею каплей, переполнившей чашу душевныхъ волненій, пережитыхъ ею за послѣднія полсутокъ. Рыдая, сквозь слезы, Анюта отрывочно разсказала сестрѣ о происшедшемъ и заявила, что она дольше не въ состояніи выносить тиранства мужа. Людмила Михайловна старалась всячески успокоить ее, дала ей лавро-вишневыхъ капель и, наскоро одѣвшись, приказала подать завтракъ, заварила чай. Анюта не могла ничего ѣсть, но чай пила, потому что смертельная жажда уже давно томила ее.

Напрасно сестра пыталась уложить ее спать. Лишь только Анюта очутилась въ своей дѣвической свѣтелкѣ, лишь только увидѣла она себя въ своей прежней знакомой кровати, увидѣла знакомыя занавѣски у оконъ и на стѣнахъ раскрашенныя картинки изъ священной исторіи, зеленую лампадку передъ образомъ и за нимъ сухую вербу, Богъ вѣсть когда и чьею рукой заткнутую въ уголокъ,—опять воспоминанія о счастливомъ прошломъ заставили ее горько расплакаться.

Въ осеннее ненастье тяжело вспоминать о свѣтлыхъ лѣтнихъ дняхъ.

Когда Анюта немного отдохнула, сестра увела ее въ садъ, въ бесѣдку изъ акацій, говоря, что свѣжій воздухъ, можетъ быть, оживитъ ее. И тутъ опять каждая аллея, каждая куртина, каждый кустъ будили цѣлый рой воспоминаній. Анюта, проходя по заглохшему саду, испытывала такое же горькое чувство, какое, вѣроятно, должны были бы испытать Адамъ и Ева, еслибы—послѣ изгнанія изъ рая—имъ удалось заглянуть на тѣ кущи, гдѣ они нѣкогда были такъ счастливы, пока не познали жизни и ея золъ.

«Вотъ тутъ былъ мой маленькій цвѣтникъ,—говорила себѣ Анюта,—онъ уже давно заросъ, и рабатокъ не найти! А тамъ

былъ мой огородъ! Вотъ въ этой самой бесѣдкѣ изъ акацій она любила въ лѣтнюю пору, по утрамъ, сидѣть съ книгой. И какъ хорошо бывало здѣсь въ саду—въ тѣни цвѣтущихъ липъ!... По этой аллеѣ однажды отецъ носилъ меня на плечахъ; я со смѣхомъ хваталась за вѣтви деревьевъ, а отецъ говорилъ мнѣ: «Смотри, дѣвушка, не свернись!...» Невыносимо-болѣзненны были теперь всѣ эти воспоминанія.

Сестры строили множество плановъ, но ни на одномъ изъ нихъ не могли остановиться. Людмила Михайловна предлагала Анютѣ поѣхать пока въ имѣніе мужа—въ сосѣдній уѣздъ. Она говорила, что можно просить защиты у предводителя дворянства,—можно, наконецъ, обратиться къ прокурору, къ губернатору... Но сестры не были знакомы съ этими дѣлами и не могли прійти ни къ какому рѣшенію.

«Вечеромъ, когда мы съ сестрой сидѣли на балконѣ и пили чай,—разсказывала Анна Михайловна, послышался колокольчикъ. Я вздрогнула и поблѣднѣла... Мы видимъ, какъ тройка сѣрыхъ промчалась изъ-за сада и влетѣла во дворъ... Я опрометью бросилась наверхъ въ свою комнату. Сестра приняла Александра Семеновича и долго разговаривала съ нимъ; она не разъ сильно возвышала голосъ, но *его* голоса я не слыхала.

Со страхомъ ждала я, чѣмъ кончатся переговоры. Наконецъ, я услыха, что сестра поднимается ко мнѣ по лѣстницѣ.

— «Не знаю, милая, что̀ и дѣлать! — сказала она, садясь ко мнѣ на диванъ.— *Онъ* ревнуетъ тебя къ поповичу... Я, конечно, тебѣ вѣрю, — вѣрю, что между вами ничего не было... Ну, онъ извиняется, говоритъ, что вспылилъ, погорячился... проситъ, чтобы ты съ нимъ сейчасъ же возвратилась домой. Говоритъ, это все будетъ забыто.

— «Сестрица, голубушка, не выдавай меня! — умоляла я сестру, хватая ее за руки.—Онъ убьетъ... убьетъ меня, сестрица! Я боюсь его.

— «Да, вѣдь, я тебя не гоню!—возразила мнѣ сестра: мое горе, видимо, растрогало ее.—Но дѣло въ томъ... Ты знаешь, какъ у насъ смотрятъ на права мужа... Онъ всегда можетъ сказать, что это — дѣло домашнее, семейное, что онъ только «поучилъ» жену... Если мы начнемъ дѣло, то онъ еще пуще обозлится. А теперь онъ и самъ струсилъ, боится огласки. Теперь онъ больше не посмѣетъ поднять на тебя руку.

— «Родная моя! Оставь меня здѣсь!—уговаривала я сестру.— «Чувствую, что онъ меня въ гробъ вгонитъ.

— «Теперь онъ будетъ посмирнѣе! Ты своимъ бѣгствомъ, кажется, порядкомъ напугала его,—сказала она.—Я, вѣдь, Нюточка, хочу, чтобы тебѣ было лучше... Если ты добровольно не пойдешь къ нему, то я, право, боюсь, что мы только напрасно раздразнимъ его, а свое онъ все-таки возьметъ... Черезъ полицію можетъ тебя вытребовать.

— «А за жестокое обращеніе... Ты, вѣдь, сама говорила...— начала было я.

— «Такъ, вѣдь, надо еще доказать...—перебила меня сестра.—А ты развѣ согласишься, чтобъ тебя свидѣтельствовали, стали бы разглядывать на твоемъ тѣлѣ знаки побоевъ... Ты не пойдешь на это,—а кто-жъ тебѣ на слово повѣритъ!»

«Я замолчала и поникла головой. Конечно, я не могла на *это* пойти.

— «Такъ, значитъ, только одна смерть можетъ освободить меня отъ *него*!—съ отчаяніемъ прошептала я.

— «Ну, полно, милая! Успокойся! Теперь онъ, можетъ быть, перестанетъ дурить!—утѣшала меня сестра, взяла за руку и повела меня внизъ, а я наклонялась къ ея плечу и все твердила свое.

— «Сестрица... голубушка!...

«Мнѣ въ ту минуту показалось, что сестра ласково, ободряя и утѣшая, какъ будто вела меня на смертную казнь.

«Когда я сошла въ гостиную, Александръ Семеновичъ, не смотря мнѣ въ глаза, но съ самымъ непринужденнымъ видомъ—подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ у меня руку. Этого ужъ давно не бывало, и я со страхомъ подумала: «Не къ добру»!...

— «Мы оба виноваты, оба немного погорячились... Но что̀ было, то прошло... Нечего вспоминать старое!— сдержанно проговорилъ онъ.

«Онъ боялся скандала, ему было непріятно, что жена убѣжала отъ него, и теперь старался напустить на себя добродушіе.

— «Горячъ я, Людмила Михайловна!—обратился онъ къ сестрѣ, держа меня за руку.—«Вотъ—моя бѣда! Сдѣлаешь что-нибудь, а потомъ самъ же каешься, упрекаешь себя»...

— «Нужно себя обуздывать, Александръ Семеновичъ!— наставительнымъ тономъ замѣтила ему сестра.

— «Нужно! Это вѣрно!—серьезно промолвилъ онъ и смиренно потупилъ глаза.

«Сестра, очевидно, принимала его слова за чистую монету, а не за злую фальшь.

«Когда мы собрались уѣзжать, она строго сказала Александру Семеновичу:

— «Помните же, что̀ я вамъ говорила и что̀ вы обѣщали мнѣ!

— «Будьте спокойны, Людмила Михайловна,—отозвался онъ.

«И сѣрые помчали насъ по дорогѣ въ Липягино...

— «Такъ вы вотъ какъ-съ!— сказалъ Александръ Семеновичъ, когда мы выѣхали за околицу. — Въ бѣга пустились... Значитъ, нужно будетъ присматривать за вами...

— «Вы только что сказали: что было, то прошло...—напомнила я ему.

— «Ну, да, да, конечно...—проговорилъ онъ. — Но если вы станете продолжать свои шашни, то—согласитесь—долженъ же я принять мѣры...

— «Никакихъ шашенъ и не было!—замѣтила я вполголоса.

— «А это ужъ позвольте знать мнѣ!— рѣзко сказалъ онъ и затѣмъ уже всю дорогу не промолвилъ со мной ни слова, а только приказывалъ кучеру погонять лошадей.

«Черезъ полчаса мы были уже дома, и я снова очутилась въ спальнѣ».

XI.

Какъ Анюта предчувствовала, такъ все и сбылось. Она уже настолько знала мужа, что могла легко угадать фальшь въ его словахъ о томъ, что «нечего вспоминать старое»... Лукавство продиктовало ему эти слова для успокоенія Людмилы Михайловны. Та вѣдь не жила съ нимъ, не знала его душевныхъ качествъ и по своей простотѣ не могла себѣ представить, до какихъ низостей могъ доходить этотъ человѣкъ. Людмила Михайловна даже думала, что ея «сестренка» преувеличиваетъ, слишкомъ сгущаетъ краски, что, въ дѣйствительности, чортъ вовсе не такъ ужасенъ, какъ малюетъ его Анюта. Такой добродушный взглядъ Людмилы Михайловны на Порошина объяснялся ея спокойной, сдержанной, даже нѣсколько апатичной натурой и тѣмъ, что ея жизнь текла привольно, безъ печали, безъ тревогъ...

На другой же день послѣ того, какъ Анюту водворили на ея прежнее, законное мѣстожительство, къ ней была приставлена въ качествѣ тюремщицы и шпіонки одна противная старая дѣва, Гла-

фира, по прозвищу «Монашка», — бывшая крѣпостная Порошиныхъ.

Эта женщина нѣсколько лѣтъ жила на оброкѣ, служила въ Петербургѣ у какого-то стараго холостяка ключницей, а въ липягинской сторонѣ говорили, что она была не только ключницей, но и исполняла другія многоразличныя обязанности и такъ сумѣла угождать всѣмъ затѣямъ стараго развратника, что сдѣлалась необходима для него: за весьма значительную сумму онъ выкупилъ Глафиру на волю у покойнаго Семена Григорьевича Порошина. Глафира сумѣла удалить отъ своего «барина» всѣхъ его родныхъ и знакомыхъ, со всѣми его перессорила—такъ, что при его кончинѣ около него никого не случилось, кромѣ его «Глафирушки»; лишь черезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины своего «барина» Глафира съ душевнымъ прискорбіемъ дала знать роднымъ объ его смерти. Она немало попользовалась отъ него при его жизни и еще болѣе хапнула послѣ его смерти.

Въ ея сундукахъ, кромѣ порядочнаго количества денегъ, оказались золотыя кольца, перстни съ брилльянтами, мозаиковыя картинки въ золотыхъ рамахъ, куча столоваго серебра, серебряные—довольно увѣсистые—подсвѣчники, шторы, драпри, цѣлые куски какой-то штофной матеріи, фарфоровыя бездѣлушки, не мало также мужского бѣлья изъ шелковой матеріи и изъ тонкаго голландскаго полотна и много всякой всячины — настолько цѣнной, что Глафира, очевидно, могла ее или украсть, или получить въ подарокъ, но отнюдь была не въ состояніи пріобрѣсти покупкой.

Наслѣдники, разумѣется, немедленно же прогнали Глафиру съ ея насиженнаго гнѣзда, и Глафира объ этихъ наслѣдникахъ вспоминала всегда съ большой горечью и отзывалась о нихъ очень ядовито.

— «Какъ только узнали, что баринъ померъ, такъ они сейчасъ и набѣжали, налетѣли... голоштанники!—съ усмѣшкой разсказывала обиженная женщина.—Набросились, точно собаки голодныя... О покойникѣ и не вспомянутъ, точно не его наслѣдство собрались дѣлить... Другъ за дружкой подглядываютъ, — поднялись всякіе дрязги, споры, да раздоры... Всѣ переругались, перегрызлись... Я двѣнадцать лѣтъ за покойнымъ ухаживала,—тоже, видитъ Богъ, иногда не легко приходилось: барскому-то нраву тоже не во всякъ часъ угодишь... Поломалась я таки съ нимъ! А они мнѣ—хоть бы одно доброе слово... Плюнула я на нихъ и ушла...

Заключеніе этого разсказа, впрочемъ, не вполнѣ соотвѣтствовало тому, что̀ было въ дѣйствительности. Вовсе не Глафира плюнула, а Глафиру наслѣдники прогнали со срамомъ, чуть въ шею не вытолкали, обозвали ее «воровкой» и еще какъ-то похуже, грозили ей судомъ... И такого поношенья Глафира никогда не могла имъ простить и презрительно называла ихъ не иначе, какъ «голодными собачонками».

Послѣ смерти своего «барина» Глафира одѣлась въ черное, напустила на себя благочестіе и принялась странствовать по монастырямъ. Долго она шаталась по бѣлу-свѣту и, наконецъ, послѣ различныхъ приключеній, возвратилась на родину. Два брата ея—крестьяне деревни Алексино, въ двухъ верстахъ отстоявшей отъ Липягина—на перебой звали жить къ себѣ богатую «богомолку».

И Глафира устроилась отлично, — купила самоваръ, кофейникъ, полъ въ своей избѣ устлала ковромъ, стѣны оклеила обоями, весь передній уголъ уставила иконами въ серебряныхъ ризахъ,—и зажила барыней. Братьямъ она почти ничего не давала, за исключеніемъ привезенныхъ ею изъ Питера подарковъ, жила припѣваючи на ихъ счетъ и только при каждомъ удобномъ случаѣ говорила имъ:

— Умру,—все вамъ останется! Съ собой ничего не возьму.

Такъ какъ она при этомъ тяжко вздыхала, то можно было подумать, что она очень сокрушается и досадуетъ на то, что ничего не можетъ «взять съ собою», но должна все братьямъ оставить.

Народъ ея не долюбливалъ; надъ нею подсмѣивались, звали ее «Монашкой», «чернохвостой». А она къ деревенскому люду относилась свысока и поддерживала знакомство лишь съ семьей старосты, съ просвирней, дьячкомъ и другими высокопоставленными лицами.

Глафира, хотя она, по ея словамъ, и была «взыскана отъ Господа», нимало не возгордилась и, возвратившись въ Алексино, сочла для себя «пріятнымъ долгомъ» явиться къ Александру Семеновичу и засвидѣтельствовать ему свое «нижайшее почтеніе». Она и на волѣ сохранила рабскія ухватки и поцѣловала руку у барина, хотя тотъ и показалъ видъ, что уклоняется отъ такого знака покорности съ ея стороны.

Это представленіе происходило при Анютѣ въ столовой—за утреннимъ чаемъ. Глафира и къ барынѣ было подошла за тѣмъ, чтобы поцѣловать у нея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуста!... Этого не надо!—сказала Анюта, рѣшительно убирая руки за спину,—послѣ чего «монашка» проворно и почтительно поцѣловала ее въ «плечико».

Анютѣ стало непріятно отъ этого холопскаго поцѣлуя. Глафира, кажется, замѣтила ея неудовольствіе и, быстро отойдя отъ нея, встала у двери.

Глафирѣ въ ту пору уже минуло 36 лѣтъ. Она была довольно высокаго роста, худощава, пряма, какъ палка, съ сухимъ, желтоватымъ лицомъ и съ тонкими, безцвѣтными губами; подъ темными, широкими бровями безпокойно бѣгали сѣрые глазки, и взглядъ ихъ было трудно уловить. Темные волосы ея были гладко причесаны. Она старалась—хотя иногда и неудачно—придавать мягкій, нѣжный тонъ своему грубому, почти мужскому голосу. Въ ея взглядахъ, манерахъ и выраженіяхъ было что-то гадкое, льстивое, приниженное.

— Смотрю я на васъ, Александръ Семеновичъ. А-ахъ, позвольте вамъ сказать... сладкимъ, тягучимъ тономъ заговорила Глафира, склонивъ голову на бокъ.—Папинька вашъ покойный, царство ему небесное, былъ красивый мужчина... это—точно... всѣ скажутъ, что красивый... но, все-таки, извините, до васъ далеко... Вы похожи на него... а только—позвольте сказать—ежели бы теперь надѣть на васъ прежнюю военную форму,—такъ вѣдь это что же бы и было!...

И Глафира возвела глаза къ потолку, сложивъ руки на груди.

Эта узколобая, умственно ограниченная, но лукавая женщина сразу сумѣла затронуть слабую струнку Александра Семеновича; закатываньемъ глазъ и нѣсколькими, ничего незначащими словами, сказанными восторженнымъ тономъ, Глафира съ перваго же визита завоевала себѣ его расположеніе.

— Глафира... какъ васъ по батюшкѣ-то?...—началъ онъ.

— Васильевна-съ!—подсказала «монашка», почтительно подавшись слегка впередъ.

— Что-жъ вы стоите, Глафира Васильевна!—милостиво обратился къ ней Александръ Семеновичъ.—Возьмите стулъ! Садитесь!... Анюта, чаю!

— Что вы, что вы, батюшка Александръ Семеновичъ! Да развѣ могу я... Барыня милая! И не безпокойтесь... не наливайте!—почти съ испугомъ заговорила Глафира, пятясь къ двери.

И тутъ вдругъ, оборотившись лицомъ въ передній уголъ, начала тереть глаза, а затѣмъ стала класть на себя широкое крест-

ное знаменіе и такъ быстро, ловко сдѣлала три земные поклона, что Анюта не могла удержаться отъ улыбки при видѣ подобнаго гимнастическаго упражненія. «Монашка», повидимому, замѣтила улыбку на губахъ Анюты и, обратившись къ Александру Семеновичу, серьезно, даже строго проговорила:

— Всегда молилась и молюсь за ваше здравіе и благополучіе. И, позвольте сказать, никогда не забуду я милостей вашего покойнаго папиньки...

И смиренница-«монашка» своимъ отказомъ сѣсть въ присутствіи господъ добилась-таки того, что Александръ Семеновичъ кликнулъ Никандра и велѣлъ подать стулъ «Глафирѣ Васильевнѣ». Анюта, молча, протянула ей черезъ столъ чашку чая. Эта «черная женщина» ей положительно не нравилась, даже пробуждала въ ней какое-то гадливое чувство, до тѣхъ поръ вовсе неизвѣстное Анютѣ.

— Глафира—женщина бывалая,—съ усмѣшкой сказалъ женѣ Александръ Семеновичъ.—Она была и въ Соловкахъ, и на Валаамѣ, и всѣ кіевскія пещеры выползала, по всѣмъ іерусалимамъ прошла.

Анюта уже и сама видѣла, что Глафира «женщина бывалая»...

— Такъ вы находите, Глафира Васильевна, что я еще молодецъ и могу нравиться?—спросилъ Александръ Семеновичъ, покручивая усы и впадая въ игривый тонъ...

— Нравиться!—воскликнула Глафира, чуть не захлебываясь не то отъ восторга, не то отъ изумленья, что такой красивый мужчина, какъ Александръ Семеновичъ, еще сомнѣвается въ неотразимомъ обаяніи своихъ прелестей.—Да отъ любви къ вамъ, позвольте сказать, самая превосходная дама даже умереть можетъ, а не только что... А вы что изволили сказать!... Нравиться!... Да у насъ, въ Петербургѣ, изъ-за васъ первая что ни на есть красавица мужа броситъ...

Анюта съ удивленіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ «монашка» послѣ крестныхъ знаменій и земныхъ поклоновъ быстро переходила въ игривый тонъ. Глафира, повидимому, догадалась, что выраженій благочестія уже достаточно для Александра Семеновича, что, продолжая въ томъ же направленіи, можно было ему наскучить, что, слѣдовательно, уже пора пустить въ ходъ «свѣтское обращеніе».

— Хороши же *у васъ*, въ Петербургѣ, первыя красавицы, если онѣ готовы бросать своихъ мужей ради посторонняго мужчины!— съ иронической усмѣшкой замѣтила Анюта.

— Ахъ, милая барыня!... Ангельская невинная душенька,— протяжно-слащавымъ тономъ запѣла Глафира.—Не при васъ, ма-

тушка, будь сказано, въ Петербургѣ барыни рѣдко съ мужьями по чести живутъ... У каждой, почитай, есть свой воздыхатель... Ну, и мужья тоже на сторонѣ утѣшаются... Грѣхъ—это, конечно! Нехорошо... кто-жъ говоритъ! Да, вѣдь, позвольте сказать, всѣ люди—всѣ человѣки. Духъ бодръ, плоть немощна-съ... Богъ милостивъ—и большіе грѣхи прощаетъ... Господь къ фарисеямъ и мытарямъ снисходилъ, разбойника на крестѣ помиловалъ,—и блудницу тоже... Да что-жъ, сударыня, я стану вамъ разсказывать... сами, чай, лучше меня изволите знать...

И Глафира опять, какъ ни въ чемъ не бывало, съ изумленнымъ видомъ закатила глаза подъ лобъ.

Когда она собралась уходить и съ поклонами пятилась къ двери, Александръ Семеновичъ сказалъ ей на прощанье:

— Приходите къ намъ какъ-нибудь вечеромъ... Поболтаемъ!

— За неимѣніемъ общества можно иногда и съ Глафирой пріятно провести время. Право!—сказалъ Александръ Семеновичъ, по ея уходѣ.—Видно, бойкая баба... И пикантно, чортъ возьми... Смѣсь странницы съ камеліей! Вѣдь, она, говорятъ, въ Питерѣ такія колѣнца откалывала, что — мое почтеніе! Преинтересная штучка!

— Ничего интереснаго въ ней не нахожу!—сухо отозвалась Анюта.—Просто, ханжа и лицемѣрка!... Она мнѣ противна...

— Ну, разумѣется, что мнѣ интересно, то для тебя противно... это въ порядкѣ вещей! Такъ ужъ у насъ заведено,—вспылилъ Александръ Семеновичъ.—А-а, чортъ! Тихоня!—рявкнулъ онъ, пиная подъ столомъ несчастнаго Милонку, попавшагося ему подъ ноги.

Къ кому относилось это энергичное восклицаніе—неизвѣстно, пиналъ онъ Милонку, а смотрѣлъ-то на жену, и смотрѣлъ сердито, изподлобья.

Глафира, какъ женщина «бывалая» не злоупотребляла сдѣланнымъ ей приглашеніемъ и приходила къ господамъ лишь изрѣдка—въ праздникъ. Она приносила своимъ «благодѣтелямъ» по просфорѣ и за чашкой чая бесѣдовала почти исключительно съ Александромъ Семеновичемъ. Сначала, обыкновенно, шли разсказы о монастыряхъ, о различныхъ чудесахъ, о путевыхъ приключеніяхъ, а затѣмъ собесѣдники мало-по-малу переходили на легкія темы и, наконецъ, договаривались прямо до сальностей. Анюта всегда старалась уходить изъ столовой, когда разговоръ «монашенки» съ Александромъ Семеновичемъ принималъ уже слишкомъ свободный характеръ.

— Вы, Глафира Васильевна, находите меня молодцомъ, а вотъ женѣ я не нравлюсь, никакъ понравиться не могу... не любитъ меня!—сказалъ однажды, какъ бы въ шутку, Александръ Семеновичъ.

— Какъ! Не любитъ?—съ удивленіемъ воскликнула «монашка», приподнимая свои черныя брови и затѣмъ, недовѣрчиво покачивая головой, искоса, съ недоумѣвающимъ видомъ посмотрѣла на Анюту.—Шутить изволите!—протянула она.

— Какія тутъ къ чорту шутки! Хоть сами спросите ее! Вѣдь, вонъ она сидитъ... живая! Спросите! Сама вамъ скажетъ...

Глафира вопросительно взглянула на барыню, но у нея не хватило нахальства обратиться къ ней съ вопросомъ. Анюта молчала.

— Никакъ невозможно тому повѣрить,—промолвила она, обращаясь къ Александру Семеновичу.—Позвольте вамъ сказать, кого же имъ послѣ того любить-съ?

— Вѣроятно, покрасивѣе меня нашлись,—со смѣхомъ возразилъ Александръ Семеновичъ.

— Ну, ужъ пардонъ-съ! Ни въ жизнь не повѣрю!—самымъ рѣшительнымъ тономъ сказала Глафира.

Конечно, въ сердцѣ каждаго человѣка, даже въ сердцѣ мудреца, «льстецъ всегда отыщетъ уголокъ». Но Анютѣ думалось, что на мѣстѣ Александра Семеновича мужчина, по крайней мѣрѣ, постарался бы сдѣлать видъ, что онъ не придаетъ серьезнаго значенія глупой и грубой лести Глафиры. А мужъ ея совсѣмъ растаялъ. Хотя Анюта уже знала, что человѣкъ, желающій снискать его расположеніе, долженъ унижаться передъ нимъ, а главное, восторгаться его наружностью, его физической силой, удальствомъ и молодечествомъ, но она не могла ожидать, чтобы первая же встрѣчная женщина, вовсе несимпатичной наружности, далеко не умная, была въ состояніи нѣсколькими льстивыми словами такъ расположить его къ себѣ, увлечь и одурачить.

Знакомство съ Глафирой завязалось въ началѣ великаго поста, за полгода до бѣгства Анюты изъ Липягина. Теперь же, когда Александру Семеновичу понадобилось приставить къ женѣ тюремщицу и шпіонку, его выборъ немедленно же палъ на «монашку». Сама судьба, казалось, пріурочила Глафиру къ занятію этихъ печальныхъ должностей.

Когда Глафира въ первый разъ въ своей новой должности явилась къ Аннѣ Михайловнѣ въ своемъ черномъ полумонашескомъ одѣяньѣ, та даже слегка вздрогнула отъ неожиданности, словно

при видѣ какой-нибудь зловѣщей тѣни,—до того непріятное, тяжелое впечатлѣніе произвела на нее эта женщина. Глафира, очевидно, ждала приглашенія садиться, но, не дождавшись его, спокойно усѣлась на стулъ. Анна Михайловна изъ-за работы вопросительно и вовсе не любезно посмотрѣла на Глафиру. Это была для нея гостья вовсе нежеланная.

— Александръ Семеновичъ послали меня къ вамъ... Вѣдь, онѣ вамъ, сударыня, навѣрное ужъ говорили,—вкрадчивымъ тономъ заговорила «монашка».—Все о васъ, матушка барыня, заботятся... Часто онѣ бываютъ-съ въ отлучкѣ, такъ боятся, чтобы вы не заскучали.

— Я ужъ привыкла къ его отлучкамъ... я не скучаю!—перебила ее Анна Михайловна.

— Я было отговаривалась, милая барыня,—продолжала Глафира.—Какая-жъ, говорю, я имъ компанія. А Александръ Семеновичъ все-таки приказали-съ... Какъ вамъ угодно-съ! Воля ваша... А я, позвольте сказать, не смѣла ослушаться, какъ, значитъ, они—нашъ благодѣтель, и мы должны завсегда въ сердцѣ держать...

Анна Михайловна уже не слушала, о чемъ далѣе разглагольствовала Глафира. Для нея стало ясно, что ее отдали подъ негласный надзоръ «монашки», навсегда устранили возможность вторичнаго побѣга и лишили ее послѣдней отрады—уединенія и откровенныхъ бесѣдъ съ няней. Анна Михайловна молчала: не могла же она признаться Глафирѣ, что мужъ ни однимъ словомъ не обмолвился съ нею по поводу того, что хочетъ дать ей такую «компаньонку».

Въ тотъ же день глафиркины сундуки съ награбленнымъ добромъ были поставлены въ той комнатѣ, сосѣдней со спальней Анны Михайловны, гдѣ предназначалось быть дѣтской. Но эта комната была «глафиркиной» лишь номинально, потому что эта старая дѣва почти цѣлые дни проводила въ комнатѣ Анны Михайловны. Если же она отлучалась, то оставляла вмѣсто себя горничную — «по приказанію Александра Семеновича», какъ разъ навсегда объяснила она Аннѣ Михайловнѣ. Она уходила въ свою комнату пить чай, обѣдать и ужинать, да еще въ томъ случаѣ, когда Александръ Семеновичъ дѣлалъ честь «пожаловать къ ней».

Иногда онъ приходилъ къ Глафирѣ полураздѣтый, заваливался къ ней на кровать, и на ея обязанности лежало развлекать его разными пошлыми разсказами. Иногда въ комнату Глафиры Васильевны подавали имъ самоваръ, закуску, вино, и новѣйшая Шехеразада, поощряемая милостивымъ вниманіемъ липягинскаго султана,

становилась все развязнѣе и развязнѣе. Иногда поднималась возня, слышались крики и смѣхъ,—и послѣ того, являясь къ Анютѣ, Глафира казалась въ крайне возбужденномъ состоянiи, растрепанная, навеселѣ и съ какими-то красновато-бурыми пятнами на щекахъ. Эти бурыя пятна замѣняли собой румянецъ... Глафирины щеки уже давно потеряли способность краснѣть—такъ же, какъ сама она, повидимому, подъ своимъ чернымъ, полумонашескимъ одѣяньемъ, навсегда утратила чувство стыдливости...

— Ахъ, какой же онъ простой, добрый баринъ!—расхваливала она Александра Семеновича, едва переводя духъ отъ усталости.—Шутитъ со мной—со старухой! Ну, ужъ и веселый же баринъ!...

Когда Александръ Семеновичъ бывалъ у Глафиры, то, разумѣется, ни Анюта, ни няня не проходили черезъ ту комнату, даже близко къ двери не подходили.

— Опоганили они нашу дѣтскую!—ворчала няня.

Анна Михайловна почти не разговаривала съ Глафирой, старалась не замѣчать ея, но и та въ свою очередь какъ будто не обращала вниманiя на ея молчаливость. Иногда Анна Михайловна не могла отказать себѣ въ удовольствiи посмѣяться надъ ея напускнымъ благочестiемъ, но было трудно вывести Глафиру изъ себя,—и даже едва ли возможно.

«Она ни разу не возвысила голосъ,—разсказывала Анна Михайловна,—ни разу не позволила себѣ ни малѣйшей дерзости, но мучила она насъ съ няней ужасно. Самыя обидныя, жестокiя вещи она говорила тихимъ, смиреннымъ тономъ и такъ, что придраться было рѣшительно невозможно. Иногда эта «черная женщина» просто нагоняла на меня тоску; я не могла видѣть ее. А она сидитъ и глазомъ не моргнетъ. То бывало примется разсказывать о своихъ хожденiяхъ по монастырямъ, о разныхъ чудесахъ, на половину все перевираетъ, путаетъ и сама кое-что присочиняетъ.

— «Перестаньте, пожалуйста! Наскучило! — скажешь бывало ей.

— «Молчу, молчу, милая барыня! Болтлива стала... Извините! — пропищитъ она своимъ смиреннымъ, противнымъ тономъ и послѣ того, дѣйствительно, сидитъ, молчитъ и только вздыхаетъ».

Трудно сказать: который изъ двухъ мучителей сильнѣе истязалъ нравственно Анюту,—мужъ или Глафира. Но къ мужу она все-таки не чувствовала такого отвращенья, какъ къ «монашкѣ». Постоянное, не видимое и не слышимое подглядыванье Глафиры

покрывало Анюту точно какою-то паутиной; шпіонство Глафиры, ея хладнокровіе и невозмутимое нахальство могли свести съ ума Анюту.

Вся прислуга искренно ненавидѣла «монашку», но боялась ея пуще огня, потому что изъ-за нея, по ея наушничеству, нѣсколькимъ дворовымъ уже шибко досталось.

XII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ бѣгства и возвращенія Анюты, однажды подъ вечеръ, когда ни няни, ни Глафиры не было въ комнатѣ, пришелъ къ ней Александръ Семеновичъ и, отославъ горничную, грозно приступилъ къ Анютѣ—не какъ строгій судья, но какъ разсвирѣпѣвшій разбойникъ. Въ рукѣ у него было письмо.

— Для васъ еще мало скандала! — говорилъ онъ, помахивая почтовымъ листочкомъ.—Вы еще изволили переписку затѣять, а?

Анюта не знала, чье письмо у него въ рукахъ и въ чемъ еще ее обвиняютъ, но она уже достаточно знала самодурство и вспыльчивый нравъ Александра Семеновича, а поэтому хотѣла отойти отъ него и встала съ кресла. Мужъ схватилъ ее за руку.

— Какую переписку?—спросила Анюта.

— А это что?—сказалъ онъ, показывая ей письмо.—Вы все-таки продолжаете шуры-муры со своимъ поповичемъ... Ну-съ, я все это покончу—и живо!...

И, словно окончательно озвѣрѣвъ, онъ схватилъ жену за горло и сталъ бить ее. Та съ жалобнымъ крикомъ вырвалась изъ его рукъ и, плача, прижалась въ уголъ.

Въ дверяхъ показалась няня. Она не видѣла, какъ Александръ Семеновичъ ударилъ Анюту, но, вѣроятно, она слышала крикъ и по жалкому, несчастному виду своей «барышни», да по возбужденному, раскраснѣвшемуся лицу и по сжатымъ кулакамъ Александра Семеновича, легко догадалась, въ чемъ дѣло.

— Уходи, сударь! Уходи, уходи отсюда!—вся дрожа и задыхаясь отъ волненія, крикнула она Александру Семеновичу, становясь между имъ и женой.

— А ты чего лѣзешь?—зарычалъ на нее тотъ.—Я—мужъ, я—господинъ здѣсь... А ты тутъ что такое? Забываешься, старая!

— Не мужъ ты, а извергъ! Уходи, уходи до грѣха! —завопила няня своимъ дрожащимъ, старушечьимъ голосомъ, съ разъяреннымъ видомъ смотря на Порошина.

Голова ея тряслась; рѣдкія пряди сѣдыхъ волосъ выбились

у нея изъ-подъ платка; сморщенное, желтоватое лицо покрылось блѣдностью; глаза блестѣли изъ-подъ нависшихъ, косматыхъ бровей; выраженіе злости и упрямства читалось въ ея крѣпко-сжатыхъ губахъ. Старуха, повидимому, рѣшительно была готова вступить въ борьбу за свою «ненаглядную барышню». Старуха, какъ говорится, «разошлась во всю», и никакіе страхи и опасенія за себя лично уже не могли удержать ее.

Анюта потомъ удивлялась: откуда въ этой маленькой, сморщенной старушонкѣ взялось столько смѣлости, и еще болѣе удивлялась тому, что Александръ Семеновичъ послѣ ея окрика вдругъ какъ-то осѣлъ и, присмирѣвъ, круто повернулся и пошелъ изъ комнаты. На порогѣ, впрочемъ, онъ остановился и, обернувшись къ нянькѣ, съ злостью прошипѣлъ:

— Я тебѣ, старая чертовка, голову оторву!

— Оторви-и-и!—съ такой же злостью, но еще съ бо̀льшей яростью завизжала старуха.—Моя-то голова недорого и сто̀итъ. А ты, разбойникъ, въ Сибирь уйдешь!

Александръ Семеновичъ ушелъ, не дослушавъ ея причитаній, и съ такою силой хлопнулъ дверью, что стукъ ея раздался по всему дому.

— Да и въ Сибири-то тебя мать-сыра земля не станетъ носить, людоѣда окаяннаго!—кричала няня ему въ слѣдъ.

Можно навѣрное сказать, что еще никто никогда не говорилъ такъ съ Порошинимъ, никто такъ не кричалъ на него. Положимъ, онъ не могъ истязать старуху: она была не его крѣпостная,— но, вѣдь, онъ всегда могъ прогнать ее и почему-то оставлялъ въ Липягинѣ при Анютѣ. Порошинъ ее терпѣть не могъ, постоянно насмѣхался надъ нею, ругалъ ее въ глаза, звалъ ее не иначе, какъ «старой чертовкой», «вѣдьмой», но ни разу пальцемъ ея не тронулъ и не рѣшился прогнать ее изъ Липягина.

Очевидно, въ этой маленькой, сморщенной старушкѣ скрывалась какая-то сила, обуздывавшая домашняго тирана, нагонявшая на него страхъ. Только одна Терентьевна отваживалась давать ему отпоръ, говорить съ нимъ его же языкомъ, — рѣзко, грубо, крикливо. Старуха знала объ его ненависти къ ней, но, сознавая за собой силу, безбоязненно смотрѣла въ его нахмуренныя очи.

— На чужой ротокъ не накинешь платокъ! — говорила она разъ послѣ одной стычки съ Александромъ Семеновичемъ. — Я раззвоню про его дѣла-то! Я подведу его, дьявола... найду на него управу!... Найду! Не уйдетъ!

Все это говорилось въ присутствіи Глафиры, и шпіонка, разумѣется, все—до послѣдняго слова—передала Александу Семеновичу, а тотъ, слушая ея докладъ, только молча кусалъ свой усъ. Угрозы Терентьевны были всегда какъ-то туманны, но высказывались такъ рѣшительно, такимъ энергичнымъ тономъ, что невольно заставляли Порошина задуматься. «Что у нея въ головѣ, у старой чертовки?—спрашивалъ онъ себя.—Куда она можетъ пойти? Какъ она можетъ подвести его?»—оставалось неизвѣстно. Старуха своихъ картъ не вскрывала. И вотъ эта-то неизвѣстность, эта-то туманность угрозъ, вѣроятно, и мѣшала Порошину по-свойски расправиться со старухой.

Въ свое время и до семейства священника дошли слухи о ночномъ бѣгствѣ Анны Михайловны, но дѣйствительная причина побѣга оставалась неизвѣстна: говорили и то, и се,—и все какъ-то смутно. От. Николай жалѣлъ молодую женщину и со вздохомъ говорилъ:

— Да. Ей, бѣдной, тяжелый крестъ достался. Охъ, чуяло мое сердце, когда я вѣнчалъ ихъ,—чуяло, что не будетъ добра.

Костя догадывался о непріятностяхъ, вызвавшихъ побѣгъ, и въ душѣ мучился за Анну Михайловну. И пришла ему въ голову несчастная мысль — написать письмо Аннѣ Михайловнѣ. Что заключалось въ этомъ злополучномъ посланіи, Анюта такъ никогда и не узнала, потому что Костю такъ же, какъ и его родныхъ, она уже болѣе не видала съ тѣхъ поръ.

Впослѣдствіи Анна Михайловна узнала отъ няни, что Костя попросилъ одну бѣдную женщину-бобылку, Ѳедосью, липягинскую крѣпостную изъ деревни Ведрово, отнести письмо въ Липягино, не говоря ей, отъ кого письмо, и сказалъ, чтобъ она какъ-нибудь незамѣтно передала его барынѣ или прямо ей въ руки, или черезъ няньку. Онъ сказалъ Ѳедосьѣ, что письмо «очень нужное» и далъ ей немного деньжонокъ, сколько у него случилось на ту пору. Ѳедосья была очень жалкая женщина, почти нищая; лѣвый глазъ ея былъ затянутъ бѣльмомъ, за что ее и звали Кривушей. Ѳедосья каждому грошу была рада и охотно взялась отнести письмо.

Когда Ѳедосья пришла въ усадьбу и, стараясь увидать няню, шаталась между кухней и людской, Александръ Семеновичъ въ то время, какъ на-грѣхъ, возвращался съ охоты и замѣтилъ ее. Вѣчно подозрительный, вѣчно мнительный, Порошинъ, конечно, тотчасъ же обратилъ на нее вниманіе. Что нужно тутъ этой лохмотницѣ? Зачѣмъ она бродитъ около барскаго дома? Почему такъ

пристально посматриваетъ она своимъ единственнымъ глазомъ на барское крыльцо и такъ боязливо озирается по сторонамъ? Она кого-то высматриваетъ, кого-то поджидаетъ... но, кого? Надо непремѣнно сейчасъ же узнать. Не шашни ли затѣяла которая-нибудь изъ горничныхъ дѣвушекъ?

И Александръ Семеновичъ мигомъ накрылъ ее, крикнулъ конюховъ и велѣлъ взять ее и обыскать. Гдѣ-то за пазухой нашли у нея письмо. Адреса не было на конвертѣ, письмо оказывалось безъ подписи, но Александръ Семеновичъ, пробѣгая его, съ первыхъ же строкъ догадался: отъ кого оно и кому послано,—и побогровѣлъ отъ гнѣва. Несчастной Ѳедосьѣ пришлось жестоко поплатиться. Во то время въ липягинской сторонѣ разсказывали ужасы о постигшемъ ее наказаніи. Говорятъ, ее увели въ сарай, привязали за ноги къ перекладинѣ, внизъ головой и истязали до полусмерти. Александръ Семеновичъ самъ допрашивалъ ее: сколько разъ она носила письма въ Липягино и изъ Липягина? Ѳедосья подъ пыткой показала, что только въ первый разъ она принесла письмо, а изъ Липягина ни разу не нашивала. Ѳедосью безъ чувствъ унесли изъ сарая; дворовыя женщины отливали ее водой и кое-какъ отходили.

Анна Михайловна съ тѣхъ поръ постоянно жила подъ угрозой кулака.

Костя неумышленно причинилъ людямъ много горя и страданій своимъ письмомъ, но никому письмо его не помогло, хотя диктовало его доброе чувство.

Вскорѣ послѣ расправы съ Ѳедосьей, Порошинъ уѣхалъ въ городъ и пробылъ тамъ недѣли двѣ. Впослѣдствіи узнали, что онъ побывалъ въ консисторіи и «подмазалъ тамъ», какъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ потомъ хвалился подъ хмѣлькомъ; затѣмъ ѣздилъ къ тогдашнему архіерею, Наѳанаилу. Неизвѣстно, что Порошинъ говорилъ его преосвященству (говорить-то онъ умѣлъ, когда хотѣлъ); только послѣдствіемъ его поѣздки вышло то, что от. Николаю въ непродолжительномъ времени было объявлено о переводѣ его въ дальній уѣздъ. Такое неожиданное извѣстіе совсѣмъ ошеломило старика.

Приходъ-то ему дали хорошій,—да что-жъ изъ того! Вѣдь здѣсь, въ Возвиженьѣ, онъ провелъ всю жизнь, и по доброй волѣ ни за что не промѣнялъ бы свой приходъ ни на какой другой. Здѣсь священствовалъ и его отецъ въ теченіе 36 лѣтъ; здѣсь рядомъ съ могилами отца и матери онъ уже выбралъ и для себя мѣстечко близъ церкви на восточной сторонѣ погоста. Онъ любилъ свою

паству, почти каждаго изъ своихъ прихожанъ зналъ съ его дѣтства, зналъ каждый кустъ по дорогѣ, каждую тропинку въ полѣ. Здѣсь старику все было дорого и мило, какъ свое, родное,—и тяжело было ему подниматься съ семьей съ насиженнаго гнѣзда, покидать свой старый домъ, имъ самимъ разведенный садъ, покидать свою бѣдную, скорбную паству—послѣ того, какъ въ теченіе 40 лѣтъ онъ дѣлилъ съ нею радость и невзгоды.

Напрасно старикъ хлопоталъ, ѣздилъ въ городъ, обивалъ пороги въ консисторіи, являлся къ архіерею.

— Ну, попъ, поѣзжай съ Богомъ! Что-жъ дѣлать!...—нахмурившись, сказалъ ему со вздохомъ владыка.

От. Николай даже не могъ узнать причинъ его неожиданнаго перевода. Въ консисторіи ему только смутно говорили что-то о «немилости» и «враждѣ» къ нему какого-то «сильнаго лица». Старикъ былъ въ недоумѣніи. Ни съ кѣмъ изъ прихожанъ онъ не ссорился, никого онъ не обидѣлъ,—ни сильнаго, ни слабаго, и долго для него оставалось тайной: чью вражду навлекъ онъ на себя, чья немилость погнала его въ даль съ родной стороны.

Въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ старикъ ходилъ какъ въ воду опущенный, былъ разсѣянъ, то что-то бормоталъ про себя, то принимался утирать слезы и тяжело вздыхалъ. Трогательно было его прощаніе съ прихожанами.

Анна Михайловна, узнавъ объ его переводѣ и догадавшись о причинахъ такой напасти, сильно сокрушалась, сознавая себя невольною виновницей горя, постигшаго почтеннаго, добраго старика, такъ любившаго ее. От. Николай пріѣзжалъ прощаться и въ Липягино, но Александръ Семеновичъ приказалъ сказать, что его нѣтъ дома, а «барыня больна». Такъ старикъ и уѣхалъ, не простившись съ своей любимицей.

Жена его знала, по чьей милости и за что стряслась надъ ними такая бѣда; дочери также знали всю правду, знало ее и большинство прихожанъ. Семьяне, жалѣючи Костю, оставляли старика въ невѣдѣніи, а прихожане не рѣшались заговаривать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Гораздо позже, уже передъ самой смертью, старикъ узналъ правду. Костя, въ то время уже кончившій курсъ академіи и готовившійся въ профессора, пріѣхалъ домой къ умирающему отцу. Тогда между сыномъ и отцомъ произошла трогательная сцена. Костя бросился на колѣни передъ смертнымъ ложемъ и во всемъ, какъ на исповѣди, сознался отцу.

— Изъ-за меня, изъ-за меня, отецъ, ты пострадалъ!—глотая слезы, говорилъ молодой человѣкъ.

Старикъ ничего не сказалъ и только, молча, въ знакъ прощенья, положилъ руку ему на голову.

Съ исчезновеніемъ Кости, испытанія Анны Михайловны не кончились; разговоры объ ея «любовникахъ» продолжались, продолжались и угрозы «переломать имъ бока», а ее, Анну, сдѣлать «шелковой».Если Порошинъ подъ словомъ «шелковой» подразумѣвалъ женщину глубоко несчастную, живущую подъ вѣчнымъ страхомъ, то ужъ «шелковѣе» Анны Михайловны трудно было бы сыскать жену.

А той порой въ ея мучителя словно бѣсъ вселился: Порошинъ кутилъ и пьянствовалъ до помраченія разсудка. Иногда онъ положительно допивался до чортиковъ, и ему уже начинало мерещиться. Оставаясь одинъ въ столовой или у себя въ кабинетѣ, Александръ Семеновичъ вдругъ принимался очень оживленно разговаривать съ какими-то невидимыми собесѣдниками, то смѣясь съ ними, то начиналъ ругаться, кричалъ на нихъ, лѣзъ драться, швырялъ въ нихъ стульями, стучалъ кулакомъ въ стѣну, — словомъ, приходилъ въ неистовство. То онъ воображалъ себя звѣремъ и, вставъ на четвереньки, бѣгалъ по комнатѣ, завѣсивъ лицо волосами и оскаливъ зубы.

— Я—тигръ... тигръ ревущій!—рычалъ онъ.—Крови, крови мнѣ!... Съѣмъ... загрызу... у-у-у!

Въ это время и Глафира побаивалась его и запиралась съ няней въ комнатѣ Анны Михайловны, заставляя дверь комодомъ.

Такъ Анна Михайловна вступила въ девятый годъ супружества.

Какъ-то въ къ концѣ октября выдался сѣрый, тусклый денекъ, съ легкой изморозью. Деревья въ саду стали уже голыя, и даль, виднѣвшаяся между ихъ обнаженными вѣтвями, была задернута мглой. Сѣрыя облака низко ходили по небу и грозили не то снѣгомъ, не то дождемъ. Желтый, увядшій листъ покрывалъ сырую землю. Вотъ что въ то утро Анна Михайловна видѣла въ окно своей комнаты. Аннѣ Михайловнѣ въ тотъ день нездоровилось; у нея болѣла голова, чувствовалось недомоганье, какая-то слабость во всемъ тѣлѣ.

— Ужъ ты, голубушка, не хворать ли вздумала?—говорила няня.—Личико-то у тебя сегодня что-то ужъ очень блѣдное... Право, глянь-ка въ зеркало! Вѣдь сама на себя не похожа...Не послать ли за лѣкаремъ асв?

— Нѣтъ, няня! Пройдетъ. Ужо порасхожусь...—сказала Анна Михайловна.

Въ тотъ день устроилась большая охота. Александръ Семеновичъ возвратился съ гостями домой уже въ сумерки. Вскорѣ онъ прислалъ горничную за Анной Михайловной, но та велѣла передать ему, что ей неможется и къ обѣду она не выйдетъ. Няня потомъ опрашивала горничную: что сказалъ Александръ Семеновичъ, когда она доложила ему, что барыня не можетъ выйти.

— Да ничего не сказалъ, только выбранился!—отвѣтила дѣвушка.

Анна Михайловна уже давно привыкла къ такому милому обращенію и на заочную брань мужа не обратила вниманія.

А обѣдъ позатянулся и подъ конецъ перешелъ въ оргію. Шумъ, пѣсни, звонъ разбиваемой посуды доносились изъ залы. Анна Михайловна надѣялась, что мужъ за картами и за виномъ позабудетъ о ней, и ей на тотъ разъ удастся остаться въ покоѣ. Она въ исходѣ одиннадцатаго часа легла въ постель, но напрасно старалась заснуть. На душѣ у нея было неспокойно. Лишь только она начинала дремать, какъ взрывъ хохота или дикіе крики пирующихъ заставляли ее вздрагивать и открывать глаза. Глафира куда-то скрылась,—должно быть, ушла подслушивать у дверей залы: она любила такое времяпрепровожденіе. Уходя, она просила не запирать дверь до ея возвращенья.

— Я сію минуту!—сказала она.

Няня уже спала. Свѣча была потушена. Только лампада теплилась передъ образомъ и разливала по комнатѣ слабый, брезжущій полусвѣтъ: тихое сіяніе лампады по ночамъ всегда нравилось Аннѣ Михайловнѣ, напоминало ей золотое дѣтство и успокоительно дѣйствовало на нее.

Было уже далеко за-полночь, когда вдругъ спросонокъ Анна Михайловна услыхала въ сосѣдней комнатѣ мужскіе шаги и сердитое бормотанье. Она еще не успѣла вполнѣ очнуться и вскочить на постели, чтобы замкнуть дверь, какъ въ комнатѣ появился Александръ Семеновичъ, пьяный, раскраснѣвшійся, съ растрепанными волосами. На рукѣ его была замотана нагайка. Онъ сильно пошатывался, и по его безсмысленно-вытаращеннымъ глазамъ можно было видѣть, что онъ, въ чаду опьянія, уже плохо сознавалъ, что онъ дѣлаетъ и говоритъ. Тяжело дыша, сопя и что-то ворча себѣ подъ носъ, онъ подошелъ къ кровати. Анна Михайловна только мелькомъ увидѣла фигуру мужа и замерла отъ ужаса. Она закрыла глаза, притворилась спящею, но тутъ

же почувствовала, что голова ея начинаетъ кружиться и ей дѣлается дурно. Мужъ схватилъ ее за плечо.

— Ты выходить не хотѣла! Нѣтъ, выйдешь... Вставай! — заплетающимся языкомъ бормоталъ пьяный, стаскивая Анну Михайловну съ постели.

— Такъ дайте же мнѣ хоть одѣться!—пролепетала несчастная женщина, едва держась на ногахъ.

— Одѣться! Не надо... Ничего знать не хочу! Приказываютъ, такъ иди, иди!—хрипѣлъ Александръ Семеновичъ, толкая и волоча ее къ двери.

— Что ты, что ты дѣлаешь?—закричала нянька, спросонья ничего не понимая, и бросилась на помощь къ Аннѣ Михайловнѣ.

Александръ Семеновичъ однимъ ударомъ ноги оттолкнулъ ее, и старуха съ воемъ повалилась на полъ.

А онъ уже тащилъ жену по корридору и съ пьянымъ хохотомъ твердилъ:

— А-а! Ты не хотѣла... Иди-ка, иди!

Когда онъ подтащилъ почти къ самымъ дверямъ залы Анну Михайловну, та сдѣлала послѣднее отчаянное усиліе вырваться изъ желѣзныхъ лапъ, влекшихъ ее на поруганіе передъ пьяными мужчинами, и, задыхаясь, съ мольбой прошептала:

— Александръ Семеновичъ! Опомнитесь!...

Что произошло далѣе, о томъ Анна Михайловна помнитъ смутно. Она помнитъ, что при входѣ въ залу ее ослѣпилъ яркій огонь свѣчей и оглушилъ шумъ и грохотъ; помнитъ, что въ залѣ было много народа и носились клубы табачнаго дыма. Мужъ схватилъ ее за косу, повалилъ на полъ и сталъ стегать нагайкой. Какъ сквозь сонъ помнитъ она жгучую, адскую боль.

Даже пьяные гости были возмущены такимъ неслыханно, чудовищно безобразнымъ поступкомъ Порошина и силой отняли у него жену, лежавшую безъ чувствъ. Вскорѣ же послѣ того всѣ гости разсѣялись,—словно метлой вымело ихъ изъ Липягина.

Анна Михайловна очнулась уже у себя въ постели, вся разбитая, оцѣпенѣвшая отъ ужасовъ пережитой ночи. Нянька стояла надъ нею и горько плакала. Впрочемъ, страдалица ненадолго пришла въ себя. Вспомнивъ о томъ, что̀ произошло ночью, она опять лишилась чувствъ.

Нервная горячка нѣсколько недѣль продержала ее въ полузабытьѣ, и, благодаря болѣзни, Анна Михайловна хотя на время избавилась отъ удручающаго сознанія окружавшей ее дѣйствительности. Въ началѣ января она стала понемногу ходить по комнатѣ,

но почти постоянная дрожь и нервные припадки не прекращались. За время болѣзни Анна Михайловна еще болѣе похудѣла, еще прозрачнѣе сдѣлалась матовая блѣдность ея лица, и голубые глаза на этомъ блѣдномъ, похудаломъ лицѣ, казалось, стали еще больше, и глубже сдѣлался ихъ взглядъ. Выраженіе лица ея такъ измѣнилось, до того стало непохожимъ на прежнее, что она сама даже невольно вздрогнула и смутилась, когда въ первый разъ послѣ болѣзни увидала себя въ зеркалѣ. Правду говорила няня, что на нее смотрѣть страшно...

О душевномъ состояніи Анны Михайловны въ ту пору ничего неизвѣстно,—можно только догадываться о немъ. На всѣхъ, кто видалъ ее въ это время, она производила странное впечатлѣніе. Какъ будто какое-то отупѣніе, полное, безграничное равнодушіе ко всему охватило ее. Она, повидимому, ничѣмъ не интересовалась,—ничего не желала, ни на что не надѣялась, ни о чемъ не сожалѣла и уже ничего не страшилась. Ни упрека, ни ропота никто отъ нея не слыхалъ. Всѣ чувства въ ней словно были придавлены, замерли.

То она по цѣлымъ часамъ лежала въ постели, то сидѣла въ своемъ креслѣ у окна и молча, сосредоточенно смотрѣла куда-то вдаль. Она и прежде была не болтлива, теперь же стала совсѣмъ неразговорчива: во время разговора иногда она вдругъ задумывалась и не слыхала, что̀ ей говорятъ. Даже съ няней она разговаривала нехотя, и то лишь о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Ей, повидимому, было трудно оторваться отъ своихъ думъ и принудить себя разговаривать. Ея письма къ сестрѣ за это время были крайне лаконичны: «Живемъ попрежнему. Я прихварывала, но теперь оправилась... Стоятъ сильные морозы, и я ужъ давно никуда не выѣзжала. Навѣсти насъ, когда будешь въ здѣшней сторонѣ. Передай поклонъ твоему мужу. Няня цѣлуетъ у тебя ручки...» и т. д. въ томъ же родѣ. За работу она бралась рѣдко... Однажды было вздумала она порисовать, вынула краски, но сдѣлала только нѣсколько мазковъ и въ безсиліи опустила кисть.

— Нѣтъ, не могу,—прошептала она про себя, и свои рисовальныя принадлежности опять убрала въ шкапикъ.

Александръ Семеновичъ послѣ ночного издѣвательства не показывался къ ней, а Анна Михайловна не выходила изъ своей комнаты даже и въ то время, когда мужа не было дома.

Анна Михайловна словно постоянно жила подъ гнетомъ кошмара, и одинъ случай, происшедшій въ это время, даетъ намъ возможность догадываться о томъ, что въ душѣ этой несчастной жен-

щины въ ту пору жило только *одно* желаніе,—можетъ быть, сначала смутное, полусознанное, но ни днемъ, ни ночью не покидавшее ея, не дававшее ей покоя,— желаніе перервать, прекратить этотъ тягостный, мучительный кошмаръ,—желаніе уничтожиться, перестать думать, чувствовать,—желаніе *уйти* отъ жизни. Вотъ это-то желаніе она, вѣроятно, и лелѣяла, облюбовывала въ тѣ долгіе часы, когда молча сидѣла у окна или лежала въ постели, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Наконецъ-то она рѣшилась привести въ исполненіе томившее ее желаніе... или, по словамъ Александра Семеновича, «выкинула фортель».

Въ началѣ февраля, поздно вечеромъ, когда Глафира зачѣмъ-то была позвана въ кабинетъ къ Александру Семеновичу, а няня уже спала, Анна Михайловна потихоньку встала съ постели и въ одной рубашкѣ, босая, крадучись, выбралась изъ своей комнаты, прошла въ сѣни, на крыльцо, пробѣжала въ садъ и направилась по тропинкѣ къ банѣ. Здѣсь, подъ деревьями, она остановилась.

Наканунѣ была оттепель, а въ тотъ день къ вечеру опять стало подмораживать. Шелъ снѣгъ, и его холодныя, пушистыя хлопья падали Аннѣ Михайловнѣ на обнаженныя руки и на плечи, попадали за рубашку—на грудь—и заставляли вздрагивать ее. Довольно рѣзкій вѣтеръ проносился по саду и глухо шумѣлъ сухими, обледенѣлыми вѣтвями деревьевъ. Анна Михайловна сошла съ тропинки въ сугробъ почти по колѣни въ снѣгъ и, прислонившись къ березѣ, стояла неподвижно, какъ бѣлая статуя, заносимая снѣгомъ. А вѣтеръ налеталъ на Анну Михайловну и, казалось, прохватывалъ ее до костей. Вся дрожа, она застывала отъ холода... А съ темнаго, заволочавшаго неба снѣгъ все падалъ и падалъ... Наконецъ, у Анны Михайловны ноги до того закоченѣли, что она съ трудомъ могла передвигать ихъ, и сама не знаетъ, какъ только она добралась до дому.

Няня съ Глафирой тою порой уже пустились въ поиски за нею и, растерянныя, встревоженныя, встрѣтили ее въ сѣняхъ, всю посинѣвшую и продрогшую отъ холода.

— Гдѣ это вы были?—спросила ее Глафира.

Анну Михайловну била лихорадка, такъ что она съ трудомъ могла проговорить:

— Тамъ... въ саду!

— О, Господи, спаси и помилуй!... И что-жъ это такое?—бормотала няня, укладывая ее въ постель.

Старушка живо поставила самоваръ, заварила липоваго цвѣта («первѣющее», по ея мнѣнію, лѣкарство отъ простуды) и хотѣла

поить имъ Анну Михайловну. Но та отнѣкивалась. Нянька продолжала приставать къ ней; Анна Михайловна оттолкнула ее и вышибла чашку у нея изъ рукъ.

— Да что-жъ это, моя голубушка!—жалобно причитала надъ нею старуха. — Выпей хоть чашечку... Смотри: вѣдь зубъ на зубъ не попадаетъ.

Анна Михайловна повернулась къ стѣнѣ и умоляла оставить ее въ покоѣ.

— Не надо... теперь все хорошо... согрѣюсь!—съ трудомъ выговаривала она, и было слышно, какъ ее билъ ознобъ и зубы ея стучали.

Бѣдная старуха была въ полномъ отчаяніи.

— Съ ума сошла у насъ барыня! — вполголоса замѣтила Глафира.

— А кто съ ума-то ее свелъ?—злымъ, раздраженнымъ тономъ спросила ее Терентьевна.

— Кому же надо было ее съ ума сводить!—возразила Глафира.—Знать, ужъ у нея смолоду былъ такой характерецъ.

— «Смолоду»!—ворчала няня.—Да теперь-то она старуха, что ли? Она и теперь-то еще сущій ребенокъ... да ребенкомъ ужò, Богъ дастъ, и въ гробъ ее уложимъ...

На другое утро, оставшись ненадолго наединѣ съ Анной Михайловной, няня приступила къ ней съ разспросами, для чего она убѣгала вчера въ садъ?... Та коротко отвѣтила ей, что «стояла тамъ на снѣгу»... Нянька заплакала. Она поняла, что ея «ненаглядная барышня» была готова руки на себя наложить.

Только уже впослѣдствіи старуха узнала поподробнѣе отъ своей питомицы объ ея хожденіи по саду, занесенному сугробами снѣга.

XIII.

Вскорѣ у Анны Михайловны заболѣла грудь; въ правомъ боку началось сильное колотье; спина у нея постоянно зябла и холодѣли ноги. Опять пошло лѣченье. Ставили ей горчишники, и банки, и шпанскія мушки; съ праваго боку у нея почти всю кожу содрали. На спинѣ стали дѣлаться пролежни. Больная терпѣливо все переносила. Няня почти не могла смотрѣть на нее безъ слезъ.

— Страдалица ты моя... голубушка!—шептала про себя Терентьевна, смотря на нее и скорбно качая головой.—Ужъ подлинно сказать: не пожила ты, не порадовалась...

Колотье въ боку стало слабѣе, но грудь болѣла, и Анна Михайловна постоянно жаловалась на то, что она зябнетъ. Она очень кашляла, особенно по ночамъ, и ея сухой, отрывистый кашель тревожилъ, мучилъ няню.

Объ этомъ періодѣ жизни Анны Михайловны извѣстно лишь по отрывочнымъ разсказамъ ея няни, Терентьевны, да горничной Стеши. Глафира весной отправилась на богомолье въ Воронежъ, а оттуда хотѣла пройти въ Кіевъ и потомъ далѣе—къ Почаевской Божіей Матери. Ее ждали домой не ранѣе первыхъ чиселъ августа.

Въ эту самую темную пору въ жизни Анны Михайловны радостный слухъ, какъ веселый, праздничный благовѣстъ, сталъ расходиться по нашей деревенской глуши все настойчивѣе и настойчивѣе. Посреди мрака блеснулъ вдали яркій лучъ... Черезъ няню слухъ дошелъ до Анны Михайловны; только отъ няни она и узнавала всѣ новости. У Анны Михайловны уже давно сношенія съ міромъ были порваны: дамы къ ней не ѣздили, да и мужчины — порядочные—не бывали въ Липягинѣ; ей самой было запрещено выѣжать, даже въ церковь; сестру ея, Людмилу Михайловну, не приказано было принимать.

На этотъ разъ няня сообщила ей слухъ, упорно ходившій въ народѣ, о томъ, что молодой царь хочетъ дать волю всѣмъ крѣпостнымъ—крестьянамъ и дворовымъ.

— Ой, да правда ли, няня? — вся оживившись, спросила ее Анна Михайловна.

— Правда, матушка, правда!—шептала Терентьевна.—Люди сказываютъ, что, можетъ быть, еще и въ этомъ году... Въ иныхъ мѣстахъ, слышь, по деревнямъ ужъ стали объявлять *ее*, волю-то, только до насъ, значитъ, еще не дошло... А ужъ дойдетъ скоро...

Былъ ясный мартовскій вечеръ. Синія сумерки заглядывали въ окна. Анюта сидѣла на постели, обложенная подушками, а няня на скамеечкѣ сидѣла у ея кровати.

— Ахъ, няня! Какъ это будетъ хорошо! Будетъ весело, какъ въ Христовъ день... Всѣ обрадуются!—промолвила Анюта, протягивая руки поверхъ одѣяла и задумчиво смотря передъ собой.

— Ну, тоже... иные бары не больно-то обрадуются, — говорила няня.—Царю-батюшкѣ, поди, «спасибо» не скажутъ... А наши за то перекрестятся!

И горяча была въ тотъ вечеръ молитва Анюты... Эта больная, измученная женщина, сочувствовавшая несчастнымъ и сама глубоко несчастная, съ восторгомъ представляла себѣ молодого государя, съ такими благородными, великодушными замыслами при-

ступавшаго къ своему дѣлу. Она желала ему долгой, счастливой и славной жизни, желала успѣха въ его добрыхъ начинаніяхъ... и не она одна,—милліоны людей желали ему успѣха на томъ пути, по которому народная молва уже вела его... Громъ пушекъ Малахова кургана уже пробудилъ Русь отъ ея тяжелаго сна... Русь уже всколыхнулась отъ края до края, и весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, былъ готовъ откликнуться на призывъ...

Анюта страстно желала скораго освобожденія крѣпостнымъ—этимъ смиреннымъ, долготерпѣливымъ людямъ. Она искренно и глубоко сочувствовала имъ, можетъ быть, отчасти и оттого, что одна и та же рука тяготѣла надъ ними и надъ нею самой. Придетъ день—и освободитъ крѣпостныхъ отъ дикаго произвола Александра Семеновича, но ея ничто, кромѣ смерти, не выведетъ изъ рабства. Анюта это знала и могла только радоваться за другихъ...

Въ это время Порошина не было дома. Онъ уѣзжалъ въ Петербургъ—для того, какъ подозрѣвали дворовые, чтобъ узнать, вѣрны ли слухи о «волѣ». Возвратился онъ домой въ половинѣ апрѣля, и тутъ онъ дошелъ до такого неистовства, что напомнилъ старожиламъ своего дѣда и отца. Съ сосредоточенною яростью онъ издѣвался надъ подвластными ему бѣдняками. Почти каждую недѣлю на конюшнѣ происходили, по выраженію Александра Семеновича, «генеральныя репетиціи», то-есть пороли по нѣскольку человѣкъ заразъ. Особенно доставалось отъ него дворовымъ, постоянно бывшимъ у него на глазахъ. Казачка, прислуживавшаго ему, за каждый неловкій отвѣтъ, за пустяшный недосмотръ, даже за взглядъ, почему-нибудь не понравившійся ему, онъ приказывалъ сѣчь тутъ же при себѣ въ комнатѣ,—и липягинскій барскій домъ оглашался отчаянными криками, заставлявшими Анну Михайловну трепетать отъ ужаса и затыкать уши...

— Въ конюшню!... Розогъ! Запорю каналій! Въ солдаты!... Въ Сибирь сошлю!... Въ острогѣ сгніешь!—то и дѣло выкрикивалъ Александръ Семеновичъ своимъ хриплымъ, рычащимъ голосомъ.

— Видно, почувствовалъ, аспидъ, что конецъ его царствію приходитъ!—ворчала Терентьевна, хмуря свои сѣдыя, косматыя брови.—Вотъ и хочетъ напослѣдяхъ душеньку отвести, попить крови человѣческой....

Наконецъ, о неистовствахъ Порошина заговорили въ околодкѣ, даже въ помѣщичьихъ усадьбахъ стали относиться неодобрительно къ такому поведенію Александра Семеновича. Помѣщики, конечно, въ большинствѣ случаевъ, не столько жалѣли людей, избиваемыхъ Порошинымъ, сколько сами за себя боялись...

— Зарывается!—говорили они.—Онъ, пожалуй, и насъ, дуралей, подведетъ... Не такое нынче время... Взыскивай, да съ оглядкой!...

А такъ какъ Порошинъ взыскивалъ «безъ оглядки», то дѣло и дошло до того, что въ Липягино пріѣзжалъ самъ Сумбуловъ, предводитель дворянства, и, запершись въ кабинетѣ, долго разговаривалъ съ Александромъ Семеновичемъ... Послѣ того Порошинъ понялся, сталъ даже какъ будто чего-то побаиваться. Да и не мудрено: вѣдь, ужъ давно извѣстно, что тираны—трусы, а напугать ихъ легко...

Въ началѣ мая выставили зимнія рамы.

Анюта въ то время была такъ слиба, что только съ помощью няни могла перейти съ кровати на кресло къ открытому окну.

День былъ теплый, солнечный. Въ воздухѣ вѣяло весной. Блѣдною зеленью начинали опушаться деревья. Въ чащѣ сада птички чирикали...

Прежде въ такую пору Анюту манило въ поле, въ лѣсъ, въ зеленый лугъ,—и въ такое весеннее утро она не усидѣла бы дома. Тогда жизнь ее манила, была для нея полна очарованья; какими-то смутными надеждами была заткана въ тѣ дни золотистая даль,—и какъ бы въ ожиданіи чего-то Анюта съ сильно бьющимся сердцемъ вдыхала тогда пахучій весенній воздухъ, еще отзывавшійся запахомъ сырой, недавно оттаявшей земли... Теперь она ужъ ничего не ждала для себя отъ жизни, жизнь опостыла... да и ея больныя, слабыя легкія уже отказывались служить, и Анюта не могла, какъ бывало прежде, вдохнуть полною грудью свѣжій, живительный воздухъ. Она дышала часто, отрывисто, но не глубоко, какъ дышитъ въ жаркій день усталая, загнанная собака... И кашляла она, кашляла почти поминутно.

Въ это свѣтлое майское утро Анютѣ, повидимому, было очень грустно, грустнѣе обыкновеннаго, и, откашливаясь, она не разъ закусывала губы, какъ бы стараясь не расплакаться. Няня въ то время вязала чулокъ... Обѣ женщины молчали, передумывая про себя свои невеселыя думы...

Со двора донесся крикливый голосъ Александра Семеновича, какой-то глухой говоръ,—и Анюта вспомнила о томъ, что наканунѣ, какъ разсказывала няня, опять происходили истязанія.

— Охъ, няня! Скоро ли же будетъ «воля?»—съ тоской промолвила она, ожидая снова услыхать жалобные вопли и крики.

— Скоро, голубушка, скоро! Доживемъ, Богъ дастъ и до воли,—говорила Терентьевна.

И сколько народа, начиная отъ большихъ городовъ и до самыхъ глухихъ поселковъ, задавало въ то время этотъ вопросъ о «волѣ»... У всѣхъ онъ былъ если не на языкѣ, то въ мысляхъ. И люди на этотъ вопросъ все чаще и чаще отвѣчали: «Доживемъ, Богъ дастъ»...

Но Анютѣ было не суждено дожить до того свѣтлаго, радостнаго дня, когда въ отечествѣ нашемъ пало рабство...

Анюта съ каждымъ днемъ становилась слабѣе,—по выраженію няни, «таяла, какъ свѣчка».

Прошло два мѣсяца. Лѣто стояло уже во всемъ разгарѣ...

Послѣ томительно-жаркаго дня спустилась надъ землей ароматная, полная нѣги, іюльская ночь во всей ея обаятельной прелести. Въ глубокой синевѣ небесъ горѣли звѣзды... Липы, росшія передъ окнами той комнаты, гдѣ томилась Анюта, стояли всѣ въ цвѣту. Легкій вѣтерокъ разносилъ по саду запахъ дикаго жасмина и розъ. Какая-то ночная птичка чирикала подъ окномъ въ кусту сирени... А въ комнатѣ больной пахло лѣкарствами, и желтоватое пламя одинокой свѣчи, горѣвшей на столѣ, слегка колыхаясь подъ дуновеніемъ ночного вѣтерка, тусклымъ, мерцающимъ свѣтомъ озаряло комнату.

Анюта умирала...

Въ ту ночь только няня оставалась у ея изголовья.

— Тяжело тебѣ, родная?—спрашивала няня, наклоняясь надъ нею.

— Да!—чуть внятно шептала Анюта, мечась на подушкахъ.— Охъ, тошно мнѣ, няня... голубушка!... Окно открыто?... Мнѣ оттого-то воздуху не хватаетъ... Какъ душно! Видно, сегодня ночь ужъ очень тихая... Ахъ, еслибы вѣтерокъ!...

Няня часто давала ей пить съ ложечки, но губы у нея сохли,— и она поминутно проводила по нимъ языкомъ. На лбу и на вискахъ ея крупными каплями выступилъ потъ... Анютѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе дышать.

Анюта, вѣроятно, почувствовала, что она умираетъ, что конецъ близокъ, и ей захотѣлось повидаться съ мужемъ, попросить у него прощенья и самой простить его. Съ ея души, казалось, уже слетѣли послѣднія тѣни житейскихъ страстей, тщеславія и суеты. Теперь, очевидно, она уже не чувствовала къ мужу ни страха, ни злобы, ни презрѣнья, не разъ омрачавшихъ ея духовный міръ. Ей, можетъ быть, думалось, что Александръ Семеновичъ станетъ жа-

лѣть потомъ, если узнаетъ, что она умерла, не вспомнивъ о немъ, не простившись съ нимъ передъ послѣднею, вѣчною разлукой...

За окномъ, въ кусту сирени, птичка пѣла. Но въ комнатѣ было тихо; слышался только одинъ ровный безостановочный и страшно однообразный звукъ: «тикъ-тикъ, тикъ-тикъ»!... То длинный маятникъ старыхъ стѣнныхъ часовъ, заключенныхъ въ футляръ краснаго дерева, медлительно раскачивался, отсчитывая умирающей послѣднія минуты... Почти 25 лѣтъ тому назадъ, въ спальнѣ барскаго дома въ Никольскомъ, этотъ же маятникъ при рожденіи Анюты также однообразно, также безстрастно отсчитывалъ ей первыя минуты жизни...

— Который часъ?—тихо спросила Анюта.

— Первый часъ, матушка, въ исходѣ!—отвѣтила няня, поглядѣвъ на часы.

— Няня! Пошли Стешу за Александромъ Семеновичемъ,—торопливо зашептала умирающая.—Да поскорѣе... няня! Скажи, что я прошу его... придти ко мнѣ... что мнѣ очень худо... мнѣ его на минуту...

Стеша спала въ сосѣдней комнатѣ. Няня пошла, растолкала ее и послала за бариномъ. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка возвратилась, страшно испуганная, и сказала, что Александръ Семеновичъ не придетъ.

— Ну, нянюшка! И напугалась же я... не приведи Богъ!—запыхавшись, говорила Стеша.—Только что я дверь-то къ нему въ комнату отворила, а онъ какъ спросонокъ-то привскочитъ, выхватитъ изъ-подъ подушки пистолетъ, да и бормочетъ: «Кто тутъ? Кто тутъ?...» У меня, просто, рученьки и ноженьки задрожали... «Это я, говорю, Александръ Семеновичъ! Барыня, говорю, просятъ васъ къ себѣ... Очень, говорю, имъ худо стало... Ну, тутъ ужъ онъ опомнился, пистолетъ опять подъ подушку ткнулъ... Страсть! Какъ онъ еще меня не убилъ... Какъ бы со сна-то трахнулъ...

— Что же онъ тебѣ сказалъ-то?—шепотомъ спросила няня.

— Убирайтесь, говоритъ, спать хочу!—шепотомъ же отвѣтила ей Стеша.

Слухъ у Анюты сталъ такъ тонокъ, что няня, подойдя къ кровати и взглянувъ на умирающую, тотчасъ же догадалась по ея грустному, тревожному взгляду, что она слышала ихъ разговоръ со Стешей. Анюта промолчала, ни о чемъ не спросила няню,—и послѣ того Терентьевна окончательно убѣдилась, что барыня уже знаетъ отвѣтъ Александра Семеновича...

Птичка уже замолкла въ кусту сирени. Въ комнатѣ—такъ же,

какъ и во всей природѣ, какъ будто стало еще тише... Вѣтви потемнѣвшихъ деревьевъ висѣли неподвижно, и, казалось, ни одинъ листочекъ на нихъ не шевелился... А длинный маятникъ старыхъ стѣнныхъ часовъ продолжалъ медлительно раскачиваться. Въ комнатѣ только и слышалось его «тикъ-тикъ, тикъ-тикъ», да тяжелое дыханіе, съ глухимъ хрипомъ вырывавшееся изъ груди умирающей.

— Который теперь часъ?—опять спросила Анюта.

Былъ уже третій часъ въ половинѣ.

— Охъ, *онъ* еще не скоро встанетъ, — прошептала Анюта, какъ бы про себя.

Немного погодя, она попросила няню сходить за Александромъ Семеновичемъ.

— Скажи, что я очень... очень прошу его... — наказывала она нянѣ. — Да ты поскорѣе, няня... голубушка...

Дыханіе дѣлалось все рѣже и тяжелѣе; становилось очень трудно дышать...

Когда няня со свѣчкой въ рукѣ потихоньку пріотворила дверь въ спальню Александра Семеновича, тотъ пробудился и осипшимъ съ перепоя голосомъ сердито спросилъ ее:

— Ну, что еще нужно?

— Барыня, кажется, *отходитъ*...—тихо промолвила няня.— Очень тревожится... васъ хочетъ видѣть... очень проситъ... Ужъ сдѣлайте милость, батюшка Александръ Семеновичъ! Побезпокойтесь... придите, хоть на минутку...

— Вотъ еще глупости какія! Дня-то ей не будетъ, что ли? — проворчалъ Александръ Семеновичъ, позѣвывая.—Да что ей надо отъ меня?... Подождетъ до утра... Чай, не помретъ... Только спать не даете... чортъ бы васъ побралъ!

И, говоря послѣднія слова, Александръ Семеновичъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ закутался въ одѣяло.

Нянька еще съ минуту постояла, вздохнула и, покачавъ головой, пошла изъ спальни.

— Нейдетъ, матушка! — сказала она въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ умирающей.

Анюта тяжело вздохнула... И двѣ крупныхъ слезы выкатились изъ ея глазъ и медленно потекли по ея щекамъ... Кто скажетъ, чѣмъ были выжаты эти слезы? Было ли то прощанье съ жизнью или сожалѣнье о томъ, что ея послѣдняя просьба осталась неисполнена?...

— Ну, что-жъ... Ему, видно, спать хочется... можетъ быть,

усталъ... — уже съ большимъ трудомъ промолвила Анюта. — Ну, Богъ съ нимъ! Не надо его больше будить... пусть спитъ!...

Свѣча въ комнатѣ догорала... Передъутренній вѣтерокъ пробѣжалъ по вершинамъ деревьевъ... Звѣзды уже блѣднѣли...

Няня, по просьбѣ Анюты, немного приподняла ее на подушкахъ.

— Вотъ хорошо... Спасибо! — прошептала Анюта. — Теперь ужъ скоро... разсвѣтъ... Прощай, няня... И я... спать...

Жизнь кончилась, догорѣла... Александръ Семеновичъ ошибся: жена его не дождалась утра, «*дня для нея не было...*»

Только одна няня оставалась съ нею въ послѣднія минуты; ее за руку держала Анюта, умирая; ея старческія, дрожащія руки закрыли глаза Анютѣ, — тѣ руки, всегда нѣжныя, ласковыя, что̀ носили ее въ дѣтствѣ и учили ходить, — и только ея слезы падали на сомкнутые глаза Анюты и на ея блѣдныя, холодѣвшія щеки...

На другой день Александръ Семеновичъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, отдавалъ только необходимыя приказанія—рѣзко, отрывочно, ходилъ насупившись, но не дрался и даже казачка не ударилъ ни разу.

Рано поутру, въ день похоронъ, онъ велѣлъ садовнику нарвать цѣлую охапку лучшихъ цвѣтовъ и этими цвѣтами, какъ бы въ насмѣшку, усыпали покойницу въ гробу, между тѣмъ, какъ при жизни Анютѣ ни разу не позволяли сорвать даже самаго скромнаго цвѣточка.

Александръ Семеновичъ не могъ быть на погребеніи, потому что уже съ утра напился и сказался больнымъ. За поминальнымъ обѣдомъ вмѣсто него должна была присутствовать старушка-домоправительница или, какъ ее звали, «ключница», Анисья Никифоровна.

Въ то время, какъ шла заупокойная обѣдня, Александръ Семеновичъ, пошатываясь, бродилъ по дому и, наконецъ, зашелъ въ комнату своей покойной жены. Почему? Зачѣмъ зашелъ онъ сюда, въ эту опустѣвшую комнату?—трудно сказать, да и онъ самъ, я думаю, не сумѣлъ бы толкомъ отвѣтить на этотъ вопросъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ захотѣлъ быть вполнѣ откровеннымъ...

Одна изъ горничныхъ, Настя, случайно въ ту пору заглянувъ въ дверь, видѣла, какъ Александръ Семеновичъ постоялъ у окна, посмотрѣлъ въ садъ, потомъ подошелъ къ туалету, взялъ маленькій, серебряный наперстокъ, посмотрѣлъ на него, повертѣлъ въ рукѣ и опять положилъ на мѣсто. Затѣмъ онъ оглянулся на портретъ покойной жены... Въ ту минуту издали донесся печальный, похоронный перезвонъ колоколовъ... Мелькомъ, исподлобья, взгля-

нувъ на опустѣвшую кровать, Александръ Семеновичъ быстро пошелъ изъ комнаты, такъ что Настя едва успѣла на цыпочкахъ убѣжать въ дѣвичью...

Горничная потомъ божилась, что она видѣла у барина на глазахъ слезы, когда онъ уходилъ изъ комнаты Анны Михайловны.

— Ну-у!—съ удивленіемъ говорили въ людской.—Да неужто онъ плакалъ?

Дѣвушка всѣхъ святыхъ перебирала въ свидѣтели того, что у барина, дѣйствительно, въ ту минуту были слезы на глазахъ.

А почему бы имъ и не быть? Почему бы Порошину и не заплакать въ ту минуту, когда его жену-страдалицу опускали въ могилу?... Никто не зналъ и не узнаетъ, что̀ почувствовалъ онъ въ то время, когда его красные, воспаленные глаза, повидимому, такъ тупо, безсмысленно уставились на портретъ... Нѣтъ и не было на свѣтѣ такой темной души, въ которую хотя бы разъ въ жизни не пробился свѣтлый лучъ и не озарилъ бы ее какимъ-нибудь благороднымъ порывомъ, минутой восторга, любви къ человѣку или раскаяніемъ въ содѣянномъ злѣ...

Вечеромъ, въ сумерки, послѣ того, какъ гости уже давнымъ-давно разъѣхались, Александръ Семеновичъ долго бродилъ по залѣ, по гостиной и, наконецъ, опять, словно увлекаемый какою-то невидимою силой, очутился въ комнатѣ покойной жены. Нѣсколько минутъ ходилъ онъ по комнатѣ взадъ и впередъ, потомъ онъ направился въ буфетъ и, взявъ графинъ съ водкой, заперся у себя въ кабинетѣ и уже болѣе не показывался въ тотъ вечеръ.

XIV.

Порошинъ кончилъ печально.

Послѣ смерти жены онъ сильно запилъ, пилъ безъ просыпа, пилъ и въ компаніи, и въ-одиночку. Когда же слухи о близкой «волѣ» стали дѣлаться все настойчивѣе и настойчивѣе, онъ, казалось, ужъ окончательно ошалѣлъ со злости. То, взявъ ружье, ходилъ онъ по саду, по двору и стрѣлялъ въ своихъ невидимыхъ враговъ, стрѣлялъ иногда и изъ оконъ своего кабинета. А то вдругъ начиналъ прятаться отъ тѣхъ же невидимыхъ враговъ, забивался за диванъ, становился за дверь, а всего чаще въ такихъ случаяхъ забирался въ полутемную буфетную, за шкапъ.

Но ни выстрѣлы, ни его игра въ прятки не нагоняли на дворовыхъ такого страха, какъ одна злая потѣха, какую онъ придумалъ себѣ спьяна.

Порошинъ надѣвалъ на себя какое-нибудь старое, рваное платье, бралъ на руку дырявую корзинку, прикрывалъ ее грязною тряпицей и въ такомъ видѣ, въ лаптяхъ на босу ногу, безъ шапки, съ всклокоченными волосами, опираясь на палку, выдернутую изъ плетня, шелъ онъ собирать милостыню. Онъ подходилъ къ конторѣ, къ избѣ старосты, къ людской, къ кухнѣ, стучалъ подъ окномъ палкой и, низко кланяясь, гнусливымъ голосомъ, какъ настоящій нищій, протяжно твердилъ:

— Подайте, хозяева, Христа ради! Подайте, добрые люди, бѣдному помѣщику перехожему!

Съ такими же поклонами и воззваніями онъ смиренно обращался ко всѣмъ крестьянамъ и дворовымъ, встрѣчавшимся ему на пути, и тѣмъ приводилъ ихъ въ страшное смятеніе. Не подать такому «нищему» было опасно, а подать ему милостыню люди не рѣшались, боясь обидѣть его. И такая недостойная комедія продѣлывалась Порошинымъ не разъ и не два.

Одна дворовая женщина, служившая стряпухой въ людской, отвѣтила было на его причитанье обычнымъ: «Богъ подастъ!» Но такой развязный отвѣтъ бойкой бабенки не понравился комедіанту.

— А ты-то что-жъ?—съ ехидствомъ вдругъ обратился къ ней мнимый нищій, выпрямляясь во весь ростъ въ своихъ жалкихъ, грязныхъ лохмотьяхъ и сразу принимая свою барскую осанку.

— Я, батюшка, сама женщина бѣдная... Не обезсудь! — порядкомъ струхнувъ, сказала баба, стараясь попасть въ надлежащій тонъ, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ опаснаго нищаго.

Но не тутъ-то было... Разговоръ съ нею еще только-что начинался.

— Бѣдная! Ха! — зарычалъ на нее Александръ Семеновичъ, потрясая пустой корзиной. — Нѣтъ-съ... шалишь! Вы всѣ скоро вольные будете,—баръ-то ограбите и разбогатѣете... заживете ай-ай-ай какъ!... Ты станешь барыней, въ соболяхъ будешь ходить, чисто сѣребро носить,—какъ въ пѣснѣ-то поется, знаешь? Станешь наряжаться въ шелкъ да въ бархатъ... да? Шлейфъ сдѣлаешь во-о-о какой! По землѣ на сажень будетъ волочиться... Намъ, бѣднымъ дворянамъ, будешь имъ пыль въ глаза пускать... Да ты знаешь ли, что такое шлейфъ? Не знаешь?... Да ты не конфузься, миленькая! Все въ свое время придетъ... тогда все узнаете!... Тогда тебя, голубушка, на конюшню ужъ не поведутъ и не всыплютъ тебѣ, этакъ, примѣрно, «полсотни горяченькихъ»...

Александръ Семеновичъ при этомъ выразительно помахалъ своей суковатой нищенской клюкой,—даже зубами скрипнулъ отъ

ярости, и такъ посмотрѣлъ на бѣдную стряпуху, что у той,—по ея собственному сознанію,—«загривку холодно стало».

— Батюшка-баринъ... Александръ Семеновичъ!—умоляющимъ голосомъ возопила она, позабывъ свою роль и совсѣмъ сбившись съ толку.

— Нѣтъ! Какъ можно!... Тогда ужъ все по-другому будетъ... Насъ вы нищими пустите... Такъ вѣдь, красотка? — продолжалъ глумиться Порошинъ.—И всѣ мы, вѣрные столпы трона царскаго, всѣ мы, потомственные, столбовые дворяне, князья и графы, безъ сапогъ будемъ бѣгать, по-міру пойдемъ... Да, да! Придетъ такое время, что мы у васъ же подъ окнами будемъ руку протягивать... А вы-то насъ какъ станете выпроваживать? Въ шею?... Вотъ такъ, да вотъ этакъ?

И Порошинъ принялся съ ожесточеніемъ самъ себя бить кулакомъ по затылку... А несчастная бабенка, слушая такія непутевыя рѣчи, совсѣмъ обезумѣла отъ ужаса и уже представляла себѣ хожденіе на конюшню... Блѣднёшенька, ни жива, ни мертва стояла она передъ бариномъ, трясясь со страха и готовясь повалиться ему въ ноги.

— Батюшка... баринъ... — лепстала она, посматривая на Александра Семеновича.

— Какой я тебѣ баринъ?... Я — нищій! — грозно воскликнулъ тотъ, нахмуривъ брови.

— Воля ваша... какъ прикажете! — бормотала перепуганная женщина, не зная, какъ говорится, на которую ногу ступить въ разговорѣ съ этимъ необыкновеннымъ нищимъ.

Разсудокъ Александра Семеновича, уже достаточно помутившійся отъ продолжительнаго, безпробуднаго пьянства, наконецъ не выдержалъ и былъ готовъ совсѣмъ пошатнуться.

Порошинъ сталъ иногда заговариваться. То онъ приказывалъ послать къ нему музыкантовъ, которыхъ у него никогда не бывало, и требовалъ, чтобъ они играли похоронный маршъ. То онъ строго наказывалъ Анисьѣ Никифоровнѣ, что если пріѣдетъ великій князь Михаилъ Павловичъ, то доложили бы его высочеству, что «охота ужъ распущена», а самъ онъ, штабсъ-ротмистръ Порошинъ, выбылъ за границу... То онъ хотѣлъ ѣхать въ С—къ и просить, чтобы прислали немедленно роту солдатъ, а если можно, то и двѣ. То собирался онъ писать кому-то «докладную записку» подъ слѣдующимъ нѣсколько страннымъ заглавіемъ: «Точныя указанія на тѣ мѣры, какія надлежитъ неотложно принять для спасенія отечества отъ насъ самихъ, изысканныя на досугѣ и по пунк-

тамъ изложенныя потомственнымъ русскимъ дворяниномъ, землевладѣльцемъ С—каго уѣзда, никогда не измѣнявшимъ Царю и всегда готовымъ истреблять, кого слѣдуетъ».

Люди думали, что Порошинъ ужъ окончательно рехнулся, но въ дѣйствительности дѣло было не такъ: затменія разсудка пока были у него только временными, хотя иногда и продолжались по нѣскольку недѣль. Въ минуты же просвѣтлѣнія, когда онъ опять становился самимъ собой, то-есть переставалъ прятаться, ходить по міру и стрѣлять изъ ружей въ пространство, онъ начиналъ страшно свирѣпствовать.

— У Липягинскихъ скоро и лѣсу не останется! Весь изведутъ на розги,—толковали сосѣдніе крестьяне.

Глафира, по возвращеніи съ богомолья, не долго пожила въ Липягинѣ. Александръ Семеновичъ чуть не застрѣлилъ ея за то, что она осмѣлилась ослушаться его и не пожелала исполнить роль Евы въ живой картинѣ, какую онъ было задумалъ изобразить въ саду, принявъ роль Адама на себя. «Монашка» осталась жива только благодаря тому, что у Порошина въ ту пору руки уже сильно дрожали отъ пьянства, и зарядъ крупной дроби, предназначавшійся ей, почти весь цѣликомъ попалъ въ стѣну, а на долю Глафиры досталось въ спину лишь 2—3 дробины, да и тѣ остались въ мякоти, и Анисья Никифоровна вынула ихъ безъ особеннаго труда.

Въ тотъ же день «монашка» и ея сундукъ навсегда исчезли изъ Липягина.

А время шло,—и наконецъ появился давно жданный, давно желанный манифестъ 19 февраля. Этотъ маленькій печатный листокъ залетѣлъ и въ липягинскую сторону. Манифестъ былъ прочитанъ съ церковнаго амвона, и по поводу «воли» никакихъ сомнѣній уже болѣе не оставалось. Сознаніе, что для произвола и насильничества пробилъ послѣдній часъ, доканало Порошина.

Въ тотъ же день, когда былъ обнародованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, Александръ Семеновичъ за что-то, за какую-то пустяшную неисправность — хотѣлъ схватить казачка за ухо, но тотъ какъ-то ловко увернулся отъ него и убѣжалъ изъ комнаты.

— А-а, началось!—прохрипѣлъ Александръ Семеновичъ.

Онъ побагровѣлъ, вскочилъ съ дивана, хотѣлъ что-то крикнуть, но остался безгласенъ, съ разинутымъ ртомъ, зашатался и грохнулся на полъ. Его хватилъ параличъ.

Единственные наслѣдники Порошина, два его дальніе родствен-

ника, въ то время были еще несовершеннолѣтніе (одинъ изъ нихъ, впрочемъ, вскорѣ умеръ). Надъ имѣніемъ была назначена опека, большая часть дворни распущена, оставили лишь самое необходимое количество, а ухаживать за больнымъ наняли знающаго, опытнаго человѣка.

Паралитикъ могъ только лежать или сидѣть въ креслѣ, когда его посадятъ. Онъ еле двигалъ лѣвою рукой, а ногами совсѣмъ не владѣлъ. Говорить онъ не могъ, только мычалъ. Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, и тѣмъ ограничивалось все содержаніе его жизни. Кормили и поили его съ ложки.

Сознаніе неполное—иногда возвращалось къ паралитику, но не надолго, и выражалось лишь тѣмъ, что онъ дѣлался безпокойнѣе обыкновеннаго. Въ такія безпокойныя минуты—въ минуты сознанія—то онъ давалъ знать глазами и мычаньемъ, чтобы кресло его подкатили къ окну, то, чтобы передвинули его въ глубь комнаты, то поставили бы поближе къ кровати, спиной къ свѣту. Въ такую пору иногда, повидимому, смертельная тоска и какое-то душевное смятеніе овладѣвали больнымъ, а въ другой разъ злой огонекъ загарался въ его помутившихся глазахъ.

Въ такомъ жалкомъ состояніи онъ прожилъ послѣ смерти Анны Михайловны около 20 лѣтъ.

Кончина его была ужасна.

Однажды зимой, въ сумерки, больного оставили въ креслѣ передъ топившейся печкой. Человѣкъ, ухаживавшій за нимъ, не надолго отлучился изъ комнаты. А во время его отлучки, очевидно, уголекъ стрекнулъ изъ печи и попалъ больному на халатъ. Паралитикъ, можетъ быть, и замѣтилъ на себѣ горячій уголекъ, но былъ не въ состояніи стряхнуть его... Халатъ затлѣлся, затаялъ, загорѣлось бѣлье, и когда человѣкъ, почуявъ запахъ гари, вбѣжалъ въ комнату, больной былъ уже весь въ огнѣ. Онъ дико мычалъ и лѣвой рукой безсильно билъ по ручкѣ кресла. Обивка кресла горѣла, горѣло все платье на паралитикѣ, горѣли волосы, кожа кое-гдѣ на лицѣ и на шеѣ уже трещала и лопалась.

Огонь, конечно, мигомъ погасили, но несчастный, полуобгорѣлый паралитикъ не пережилъ и ночи—и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. До послѣдняго мгновенія онъ испуганно таращилъ глаза, протяжно-жалобно мычалъ и лѣвою рукой все стучалъ по краю постели.

— Да-съ! Все это *было*... было въ дѣйствительности,—происходило въ нашей сторонѣ и не далѣе, какъ 35 лѣтъ тому назадъ... А вотъ ужѣ пройдетъ еще лѣтъ 40—50, и наши потомки

не повѣрятъ этой были... Сочтутъ ее за вымыселъ... Скажутъ: это—народныя преданья, легенды!...

Такъ закончилъ свой разсказъ мой знакомый земскій докторъ, передававшій мнѣ нѣкоторые отрывки этой печальной повѣсти.

XV.

Послѣ смерти Порошина имѣніе его перешло къ его дальнему родственнику, жившему за границей. Наслѣдникъ только одинъ разъ въ концѣ 80-хъ годовъ—на короткое время пріѣзжалъ въ Липягино и привезъ изъ Петербурга управляющаго—эстонца, Палунзена.

Въ прошломъ году этотъ послѣдній заочный владѣлецъ Липягина умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ. У насъ уже стали поговаривать, что имѣніе, какъ выморочное, должно быть, поступитъ въ продажу и деньги, вырученныя за него, будутъ причислены къ капиталу, принадлежащему дворянству С—ской губерніи. Но эти предположенія не оправдались. Оказалось, что послѣднимъ владѣльцемъ была оставлена духовная, по которой Липягино со всѣми его землями и угодьями было завѣщано с—скому земству. Земскіе люди еще не рѣшили: что̀ имъ дѣлать съ этимъ барскимъ наслѣдіемъ: устроить ли въ немъ колонію для малолѣтнихъ преступниковъ или лѣчебницу для душевно-больныхъ. Послѣднее было бы для Липягина достойнымъ концомъ...

Нынѣ лѣтомъ, пріѣхавъ однажды изъ деревни въ С—скъ, я случайно встрѣтилъ въ почтовой конторѣ секретаря нашей земской управы и, между прочими новостями дня, узналъ отъ него, что на 26 іюня въ сельцѣ Липягинѣ назначена распродажа движимости—экипажей, мебели, старинной посуды, картинъ, книгъ и всякаго домашняго хлама.

Нѣсколько человѣкъ изъ числа моихъ знакомыхъ собирались поѣхать туда: два-три земца—по обязанности, аптекарь Виндлеръ, завзятый охотникъ, отставной полковникъ Горяиновъ, жившій въ С—скѣ на покоѣ, одинъ изъ служащихъ въ Крестьянскомъ банкѣ и еще кое-кто. Маклаки туда же навостряли лыжи.

Я слыхалъ, что прежніе липягинскіе владѣльцы составили довольно обширную библіотеку,—и задумалъ съѣздить въ Липягино въ той надеждѣ, что авось найду тамъ какія-нибудь библіографическія рѣдкости—изданія прошлаго или начала нынѣшняго вѣка. Кромѣ того, надо признаться, разсказы знакомыхъ объ Аннѣ Михайловнѣ Порошиной очень заинтересовали меня, и мнѣ хотѣлось

взглянуть на сцену дѣйствія заинтересовавшаго меня романа изъ крѣпостныхъ временъ,—на тѣ мѣста, гдѣ жила, страдая и томясь, несчастная молодая женщина и гдѣ тиранствовалъ ея мужъ. Кстати и тамошній управляющій, г. Палунзенъ, любезнѣйшій эстонецъ, какого только мнѣ приходилось знавать на своемъ вѣку, уже не однажды звалъ меня къ себѣ.

Четыре станціи по желѣзной дорогѣ—до станціи Сосновской, да верстъ 18 на лошадяхъ — часовъ шесть ѣзды. Погода стояла отличная, лучше не выдумаешь для сѣнокоса,—на небѣ ни облачка. Я живо собрался и 25 іюня вечеромъ былъ уже въ Липягинѣ. Въ домѣ управляющаго и въ конторѣ размѣстились ранѣе меня пріѣхавшіе изъ города, а мнѣ для ночлега отвели комнату въ барскомъ домѣ. Одинъ изъ земцевъ, членъ управы, Махоткинъ, еще мальчикомъ видалъ Порошина, зналъ Измайловыхъ, Кузьминскихъ, Остапьевыхъ, Волынцевыхъ и другихъ тамошнихъ помѣщиковъ. Пока гости пили чай и закусывали, я освѣдомлялся у Махоткина объ участи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, появлявшихся въ липягинскомъ романѣ.

Прежде всего я спросилъ его: жива ли сестра покойной m-me Порошиной.

— Людмила Михайловна?—переспросилъ Махоткинъ.—Жива, какъ же? Послѣ того, какъ схоронила мужа, живетъ у себя въ Никольскомъ... ужъ старушка! Вѣдь, ей за шестьдесятъ... Взяла было себѣ воспитанницу, выростила ее, выхолила, а та съ ямщикомъ сбѣжала... Теперь, говорятъ, у нея другая дѣвочка живетъ... Въ лѣтнее время часто къ сестрѣ на могилу ѣздитъ... Все еще не можетъ простить Порошину. «Подлецъ, говоритъ, былъ покойникъ, царство ему небесное!»

Наташу Остапьеву, самую близкую подругу покойной Анны Михайловны, Махоткинъ хорошо помнитъ: она жила съ мужемъ въ Сибири и тамъ умерла. А братъ ея, шаферъ Анны Михайловны, былъ въ Москвѣ присяжнымъ повѣреннымъ.

— Я съ нимъ знакомъ! —добавилъ разсказчикъ.—Теперь онъ состарѣлся, дѣлъ не ведетъ, живетъ на покоѣ, на своей Тверской-Ямской, близъ церкви Василія Кесарійскаго. Впрочемъ, совѣты и теперь еще даетъ... И мнѣ въ позапрошломъ году помогъ въ дѣлѣ съ Тулябкой.

— А Лиза Волынцева?—спросилъ я.—Что съ ней сталось?

— Да, вѣдь, она была замужемъ за генераломъ Вязовскимъ!—отвѣтилъ Махоткинъ.—Старикъ ея давно уже умеръ, а она жуируетъ... То живетъ въ усадьбѣ, то въ Вильнѣ, въ семействѣ сво-

его пасынка. Все еще, говорятъ, видная женщина... по театрамъ, да по баламъ такъ и рыщетъ!

О нянькѣ Терентьевнѣ собесѣдникъ мнѣ ничего не могъ сообщить; старуха, разумѣется, уже давно въ могилѣ. Ни о «монашкѣ» Глафирѣ, ни о семействѣ о. Николая я также не могъ ничего узнать.

Потолковали еще о томъ, о семъ, и когда стало смеркаться— управляющій предложилъ проводить меня въ приготовленную мнѣ комнату. Махоткинъ и другой членъ управы, весельчакъ-аптекарь и Горяиновъ отправились съ нами взглянуть на старый барскій домъ.

Г. Палунзенъ—съ виду человѣкъ добродушный, но дѣловитый, брюнетъ лѣтъ 40, довольно высокаго роста, худощавый, съ замѣчательно сильнымъ, громкимъ голосомъ и съ веселымъ, раскатистымъ смѣхомъ. По-русски онъ говорилъ какъ русскій, съ едва лишь замѣтнымъ акцентомъ.

— Я васъ проведу кратчайшимъ путемъ, черезъ заднее крыльцо,—сказалъ онъ, проходя съ нами черезъ обширный, пустой дворъ, заросшій травой.—Надо бы вотъ покосить... да не успѣлъ!— какъ бы про себя замѣтилъ онъ.

Домъ былъ большой, двухъэтажный, потемнѣвшій отъ бурь и непогодъ. Когда мы входили на крыльцо, полусгнившія ступени, изъ-подъ которыхъ выбивалась травка и былъ виденъ мохъ, слегка затрещали подъ нашими ногами. Управляющій не безъ усилія отперъ дверь, и дверь, словно плача, съ тихимъ, жалобнымъ скрипомъ растворилась передъ нами. Пройдя сѣни, мы вступили въ довольно большую комнату съ однимъ окномъ, выходившимъ во дворъ.

— Ну, Августъ Иванычъ, будьте нашимъ чичероне! Что это за аппартаментъ?—спросилъ аптекарь.

— Это была дѣвичья!—отвѣтилъ управляющій.

— Здѣсь, можетъ быть, происходили посѣканціи!—замѣтилъ подполковникъ.

— Можетъ быть!—согласился Августъ Ивановичъ.

— Вонъ въ томъ темномъ углу, за печкой, не сохранился ли еще какой-нибудь пучокъ розогъ?—сказалъ аптекарь.

— А ты поищи!—посмѣялся Махоткинъ.—Не хочешь ли взять на память о добромъ старомъ времени?

— А вотъ это—лѣстница наверхъ!—говорилъ Палунзенъ.— Вонъ, видите—люкъ! Теперь онъ закрытъ... Если хотите, господа, пройдемъ туда.

— Нѣтъ, ужъ лучше завтра при дневномъ свѣтѣ полюбуемся остатками прошлаго величія!—отозвался аптекарь.

— Ну, такъ пойдемъ далѣе!—сказалъ управляющій.

Пошли коридоромъ.

— Вотъ тутъ, направо, все запертыя комнаты! — говорилъ Августъ Ивановичъ. — Здѣсь — библіотека, а въ этой — свалены картины, за исключеніемъ фамильныхъ портретовъ... эти портреты висятъ въ разныхъ комнатахъ, въ продажу пускать ихъ не стоитъ, никто не купитъ. А картины есть недурныя... Вотъ тутъ—столовая, а рядомъ—кабинетъ... тутъ стоятъ два токарные станка, много всякихъ инструментовъ; тутъ же и ружья, и пистолеты, и рогатины...

— И знаменитая нагайка, которою дрался грозный липягинскій баронъ?—съ усмѣшкой замѣтилъ аптекарь.

— Всякій хламъ тутъ!—отвѣтилъ уклончиво Августъ Ивановичъ.

— Въ этой комнатѣ Порошинъ-то сгорѣлъ? — полюбопытствовалъ я.

— Да! Говорятъ, что тутъ.

Затѣмъ мы вышли въ «парадную» переднюю, а изъ нея — въ залу.

Это была очень большая комната, теперь вся—почти до потолка—загроможденная мебелью, сундуками, старинными баулами и ящиками съ посудой; только посерединѣ комнаты оставался узкій проходъ,—черезъ него мы и прослѣдовали гуськомъ одинъ за другимъ въ гостиную. Здѣсь также была навалена мебель и всякая рухлядь, а въ глубинѣ комнаты стояло старое лихтенталевское фортепіано. Высокая, наполовину стеклянная дверь вела отсюда черезъ балконъ въ садъ. «Такъ вотъ въ этихъ-то комнатахъ и происходили тѣ шумныя, буйныя оргіи, о которыхъ мнѣ разсказывали всякіе ужасы», подумалъ я, оглядываясь кругомъ. Изъ гостиной мы прошли въ какую-то узкую комнату съ однимъ окномъ. «Это, должно быть, та самая комната, гдѣ въ день свадьбы пряталась отъ матери Анна Михайловна!»—опять подумалъ я, заглядывая въ окно. Окно выходило въ садъ.

Опять мы вышли въ коридоръ, неподалеку отъ двери въ дѣвичью, и, завернувъ направо, очутились въ довольно большой, пустой комнатѣ.

— Здѣсь, говорятъ, предполагалось быть дѣтской, но дѣтей не было,— и комната стояла пустая, — пояснилъ намъ Августъ Ивановичъ.—Здѣсь я нашелъ какія-то старыя ландкарты, да кар-

тину масляными красками не совсѣмъ приличнаго содержанія... купальщицы, знаете,—ну, и все такое... Ее куда-то забросили. Я не знаю, какимъ манеромъ такая картинка могла попасть въ комнату, гдѣ хотѣли устроить дѣтскую.

Августъ Ивановичъ, очевидно, не зналъ, что въ этой предполагаемой дѣтской одно время жила Глафира, и Порошинъ у нея въ комнатѣ иногда устраивалъ дебоши.

Хотя до того времени нога моя не была въ Липягинѣ, но по разсказамъ я уже составилъ себѣ совершенно ясное представленіе объ этомъ барскомъ домѣ, и уже зналъ, что мы теперь должны быть близко отъ комнаты Анны Михайловны.

— А вотъ и ваша спяльня! Ужъ не взыщите... обстановка не особенно шикарна!—сказалъ мнѣ Августъ Ивановичъ, вводя насъ въ сосѣднюю комнату.

Въ одно мгновеніе мнѣ припомнились всѣ слышанные разсказы — и комната мнѣ показалась знакомою. Да, я узналъ ее,—рѣшительно узналъ эту комнату... какъ будто я уже не разъ когда-то давно видалъ ее, бывалъ въ ней, сиживалъ у этого самаго окна, вотъ въ этомъ креслѣ.

— Это — комната покойной госпожи Порошиной! — сказалъ управляющій.—Когда я сюда пріѣхалъ, старые дворовые называли ее «спальней молодой барыни».

Комната мнѣ показалась мрачною, можетъ быть, потому, что она была довольно глубока, да къ тому же и два окна ея выходили въ садъ, и липы, росшія близко къ дому, раньше времени сгущали въ ней вечернія тѣни. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ небольшой столъ съ черною аспидною доской, истрескавшеюся по угламъ; у окна пріютилось небольшое мягкое, низенькое кресло, обитое краснымъ, потемнѣвшимъ сафьяномъ; были еще два стула новѣйшаго издѣлія,—одинъ у стѣны, другой у кровати.

— Зеркала нѣтъ... всѣ зеркала стащили въ залу!—говорилъ Августъ Ивановичъ.— Умывальника здѣсь тоже нѣтъ, — завтра вамъ принесутъ... А кровать вонъ какая,—полюбуйтесь!

И онъ указалъ мнѣ въ глубину комнаты.

Вмѣсто кровати тамъ стояли простыя деревянныя козлы съ натянутою парусиной, на которой лежали матрасъ и подушка. Я сказалъ любезному хозяину, что зеркала мнѣ не нужно, кровать для такого походнаго человѣка, какъ я, даже роскошна, а умываться утромъ я пойду на рѣчку и заодно выкупаюсь.

Темно-малиновыя бархатныя обои, покрывавшія стѣны и, вѣроятно, въ свое время, стоившія не дешево, пришли уже въ пол-

ную ветхость: понизу, вдоль панелей, они были изгрызены мышами, мѣстами порваны и лоскутьями висѣли въ видѣ лохмотьевъ. Эти темно-малиновыя обои, закоптѣвшія, оборванныя, придавали комнатѣ еще болѣе сумрачный видъ.

Я увидѣлъ на стѣнѣ потемнѣвшій портретъ — довольно большой, въ овальной, золоченой рамѣ, съ которой позолота, впрочемъ, мѣстами уже сошла и замѣнилась бѣлыми и красноватыми пятнами. Я уже зналъ, чей это портретъ; зналъ, когда, кѣмъ и при какихъ условіяхъ онъ былъ написанъ и насколько въ немъ было сходства съ оригиналомъ.

— А вотъ и портретъ «молодой барыни»... хозяйки этой комнаты!—сказалъ Махоткинъ.

— Да, это она!—подтвердилъ Августъ Ивановичъ.

— А очень недурна,—замѣтилъ подполковникъ, считавшійся большимъ знатокомъ въ женской красотѣ.—Ее мужъ нагайкой-то хлесталъ?

— Да... говорятъ...—промолвилъ Августъ Ивановичъ.—Несчастная была женщина...

— Вы пойдете съ нами или уже—баиньки?—спросилъ меня земецъ.

Я, признаться, усталъ съ дороги, и мнѣ хотѣлось поскорѣе на покой.

— Ну-съ, такъ спокойной ночи! Спите хорошенько!—сказалъ Августъ Ивановичъ, протягивая мнѣ руку.—Свѣчка на столѣ, если понадобится... Спички есть? Ну, отлично... Только предупреждаю: не испугайтесь, если ночью гдѣ-нибудь скрипнетъ или треснетъ... Въ старыхъ деревянныхъ домахъ, знаете, это бываетъ... Можетъ быть, пробѣжитъ мышь, погрызетъ... Но клоповъ и всякой такой нечисти—ни-ни! Если и были, то ужъ давно всѣ съ голоду подохли...

— А какъ у васъ насчетъ привидѣній? Тихо?—съ усмѣшкой спросилъ аптекарь.

— Нѣтъ, этого не полагается!—въ тонъ ему отвѣтилъ нашъ хозяинъ.

— Разочаровали вы меня, Августъ Иванычъ! — сказалъ я ему. — А я думалъ, что въ этихъ пустыхъ хоромахъ мнѣ опять придется испытать чувство дѣтскаго страха.

— Нѣтъ, нѣтъ! На привидѣнія не разсчитывайте! Спите спокойно!... Ни Порошинъ, ни жена его ночью по дому не ходятъ,—смѣясь, промолвилъ Августъ Ивановичъ.—А вотъ чтобы живые васъ не безпокоили, такъ вы, если хотите, заприте за нами дверь!—предложилъ онъ мнѣ.

Я проводилъ ихъ на крыльцо.

— Вотъ тутъ въ углу стоитъ засовъ, имъ и задвиньте дверь!—сказалъ мнѣ на прощанье Августъ Ивановичъ.

Я стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ, какъ г. Палунзенъ со своими гостями и въ сопровожденіи ласкавшихся къ нему собакъ медленно проходилъ черезъ дворъ. Гости о чемъ-то оживленно разговаривали и смѣялись, и громкій хохотъ г. Палунзена вторилъ имъ. Я все слѣдилъ за ними... Вотъ они зашли въ проулокъ между сараемъ и конторой, вотъ уже завернули за уголъ. Ихъ уже не видно, слышны только ихъ удаляющіеся голоса, да отрывистое взлаиванье собакъ. Надо было возвращаться въ домъ, я уже было повернулся, но остановился на порогѣ сѣней. На безоблачномъ западѣ заря ужъ давно догорала, блѣдныя звѣзды проступали въ глубокой синевѣ небесъ, а на землѣ сгущались тѣни... Въ сѣняхъ было совсѣмъ темно.

И странное дѣло! Только что за нѣсколько минутъ, смѣясь, я сожалѣлъ о томъ, что репутація этого стараго дома безупречна, что въ немъ не являются привидѣнія, что я лишенъ возможности пробудить въ себѣ уже давно, казалось, исчезнувшее чувство дѣтскаго страха,—того глупаго, безотчетнаго страха, который заставлялъ насъ, бывало, въ темной комнатѣ, когда мы оставались наединѣ, чувствовать за собой кого-то невидимаго, не слышно ходившаго за нами по пятамъ и такъ близко отъ насъ, что его холодное дыханіе какъ будто шевелило и приподнимало волосы у насъ на головѣ, когда нивѣсть отчего намъ становилось такъ жутко, мурашки бѣжали по тѣлу и сердце такъ сильно билось и замирало... И вотъ теперь, при видѣ темноты, при мысли, что мнѣ придется проходить по темнымъ, пустымъ комнатамъ и одному ночевать въ незнакомомъ, нежиломъ домѣ, я вдругъ почувствовалъ, что гдѣ-то тамъ, глубоко, со дна души опять поднимается, пробуждается прежній безотчетный страхъ...

«Не нужно давать воли нервамъ!»—подумалъ я, вошелъ въ сѣни и, тутъ же ощупавъ засовъ, началъ затворять дверь, но въ ту минуту совершенно забылъ, что дверь скрипитъ, и когда она теперь подъ моей рукой жалобно заплакала, я вздрогнулъ и на этотъ разъ уже явственно ощутилъ въ себѣ всѣ характерные признаки, обыкновенно, сопровождающіе то непріятное, тягостное душевное состояніе, котораго я не испытывалъ уже съ дѣтства: сердце забилось неспокойно, меня бросало въ жаръ, и мнѣ очень, очень не хотѣлось оглядываться назадъ, словно я непремѣнно долженъ былъ увидѣть за собой что-то ужасное...

«Развѣ пойти къ управляющему?»—мелькнуло было у меня въ головѣ. Да, признаюсь: меня тянуло къ людямъ... «Но, вѣдь, это же малодушіе!—усовѣщивалъ я себя.—Ну, что же я скажу почтенному Августу Ивановичу? Скажу, что не буду одинъ ночевать въ этомъ домѣ... Скажутъ: почему же?... Боюсь... Чего же, скажутъ, вы боитесь? Чего?»

Вотъ въ томъ-то и бѣда, что, несмотря на все богатство, на всю гибкость человѣческаго языка,—для выраженія нѣкоторыхъ тонкихъ, мимолетныхъ, едва уловимыхъ чувствъ и ощущеній, у насъ не находится словъ. Поэтому-то и самый краснорѣчивый человѣкъ, прекрасно владѣющій роднымъ языкомъ, о нѣкоторыхъ своихъ ощущеніяхъ или долженъ молчать, или довольствоваться извѣстными избитыми словами, придавая имъ, какъ дѣлаютъ нынѣ декаденты, свой особенный смыслъ, непонятный для другихъ и, естественно, для непосвященныхъ въ эту шифрованную поэзію, кажущійся чепухой.

«Нѣтъ, останусь!»—рѣшительно сказалъ я себѣ. Понятно: сыграть дурака никому не лестно.

Я притворилъ дверь, задвинулъ засовъ и пошелъ, не оглядываясь, но и не стараясь ускорять шаги—въ томъ смутномъ, инстинктивномъ опасеніи, чтобы не показать *кому*-то, слѣдовавшему за мной, что я замѣтилъ его, боюсь и бѣгу отъ него... Признаюсь, что эта лукавая уловка вполнѣ достойна сумасшедшаго... Я упоминаю о ней потому, что задался цѣлью добросовѣстно проанализировать и точно описать то, что я чувствовалъ въ ту пору, ничего не прикрашивая, не сочиняя и не выставляя себя человѣкомъ мужественнѣе, чѣмъ я есмь.

Такъ, не оборачиваясь, прошелъ я сѣни, дѣвичью, дѣтскую, или, вѣрнѣе, «глафиркину комнату» и, наконецъ, очутился въ «спальнѣ молодой барыни». Торопливо захлопнулъ я за собой дверь, словно бы за мной и въ самомъ дѣлѣ гнались цѣлыя полчища какихъ-нибудь чудовищъ, заперъ ее на ключъ и изо всей силы потрясъ за ручку, чтобъ окончательно убѣдиться, что дверь мною заперта...Ну, не смѣшонъ ли этотъ дѣтскій страхъ?—думаю я теперь, вспоминая пережитыя тогда минуты. Если разъ допустить возможность существованія призраковъ, то развѣ можно преградить призраку путь, захлопнувъ у него подъ носомъ дверь? Развѣ деревянная доска или одѣяло, наброшенное на голову, можетъ избавить насъ отъ воображаемаго безплотнаго существа, задержать его и помѣшать его каверзнымъ дѣйствіямъ? Подъ давле-

ніемъ страха мысль не знаетъ и знать не хочетъ никакихъ резоновъ, никакой логики, никакихъ физическихъ законовъ.

Я вздохнулъ съ облегченьемъ: здѣсь, въ ограниченномъ пространствѣ, въ сравнительно-небольшой комнатѣ, я, по логикѣ страха, почувствовалъ себя въ безопасности...

Несмотря на то, что комната была погружена въ сумракъ, я могъ болѣе или менѣе ясно различать въ ней всѣ предметы, видѣлъ щели и висѣвшія тамъ и сямъ лохмотья обоевъ. Первымъ моимъ дѣломъ было зажечь свѣчу... Мерцающимъ свѣтомъ озарилась комната, и почти въ ту же минуту изъ сада влетѣла въ окно сѣрая ночная бабочка и, какъ безумная, начала кружиться вокругъ свѣчи. Вотъ я уже и не одинъ... Я оглянулъ комнату, и глаза мои невольно остановились на портретѣ. Я со свѣчкой подошелъ къ нему, смахнулъ съ него платкомъ пыль и паутину, поднялъ свѣчу и направилъ свѣтъ такъ, чтобы мнѣ лучше разсмотрѣть портретъ.

И вотъ на темномъ фонѣ выступило передо мной милое, симпатичное женское лицо,—лицо еще очень молодой дѣвушки. Ея густые, бѣлокурые волосы съ легкимъ золотистымъ оттѣнкомъ были высоко зачесаны сзади и придерживались небольшою гребенкой. Голубые глаза изъ-подъ длинныхъ, темныхъ, рѣсницъ смотрѣли задумчиво и грустно. Губы были полураскрыты; съ нихъ словно былъ готовъ сорваться,—но замеръ,—вопросъ. Легкій румянецъ горѣлъ на щекахъ... Бѣлое бальное платье оставляло открытыми ея шею, плеча и руки—чуть не до плечъ. Чайная роза была приколота къ корсажу. (Я уже зналъ, что въ дѣйствительности не было ни этой чайной розы, ни румянца на щекахъ,—такъ же точно, какъ не было и обнаженныхъ плечъ.) По худенькимъ рукамъ этой женщины и по ея слабо-развитой груди ее можно было принять за дѣвочку, даже во взглядѣ ея глазъ еще отражалась дѣтская наивность и еще не потускнѣвшая въ житейскомъ чаду душевная чистота, что бываетъ у людей, еще не обжившихся на свѣтѣ, не вкусившихъ плода съ древа познанія.

«Бѣдная, бѣдная, ты, женщина-ребенокъ!» — съ искреннимъ сожалѣніемъ подумалъ я, смотря на портретъ и вспоминая всѣ слышанные мною разсказы объ Аннѣ Михайловнѣ.

Долго стоялъ я передъ портретомъ. Наконецъ, подсвѣчникъ задрожалъ въ моей уставшей рукѣ. Я поставилъ свѣчу на столъ, закурилъ папиросу и, нѣсколько разъ пройдясь по комнатѣ, загасилъ огонь и сѣлъ въ кресло у открытаго окна. Окно было стариннаго устройства: нижняя половина его рамы поднималась

и теперь была подперта какою-то палочкой (въ прежнее время, конечно, для каждаго окна имѣлась аккуратно сдѣланная подставка).

Въ комнатѣ, какъ и вообще во всемъ домѣ, пахло сыростью, затхлостью, отзывалось запахомъ нежилыхъ покоевъ, и я съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій ночной воздухъ, вливавшійся въ окно вмѣстѣ съ тонкимъ, нѣжнымъ ароматомъ какихъ-то цвѣтовъ. Достаточно осмотрѣвшись въ комнатѣ, я успокоился и чувствовалъ, что подъ вліяніемъ окружавшей меня обстановки и припомнившихся мнѣ разсказовъ тихая, грустная мечтательность мало-по-малу стала овладѣвать мною.

Всходившая луна блестѣла изъ-за деревьевъ. Изъ-за темныхъ вѣтвей липы, близко склонившейся къ окну, искрились, мигали звѣзды... Какая-то ночная птичка щебетала въ чащѣ сада, и только ея однообразное, жалобное щебетанье нарушало безмолвіе... Садъ, повидимому, расходился далеко, насколько можно было догадываться при сумеречномъ ночномъ освѣщеніи... Въ которой-то сторонѣ тотъ прудъ, тотъ дерновый диванчикъ, пріютившійся подъ березами, гдѣ иногда проводила лѣтніе вечера Анна Михайловна?— думалъ я, и хотѣлъ утромъ сходить въ садъ и отыскать этотъ прудъ...

Садъ уже давно былъ запущенъ. Въ цвѣтникѣ уцѣлѣли только куста два-три піоновъ, кустики венериной колесницы, анютины глазки, барская спѣсь, лиловые колокольчики, да царскія кудри,— утромъ я разглядѣлъ ихъ, выйдя въ садъ...

Смотрѣлъ я на потемнѣвшій садъ, на старыя развѣсистыя липы, и мнѣ думалось: сколько жизней, сколько поколѣній прошло здѣсь и исчезло! Сколько здѣсь пережито горя, позора и тяжкихъ страданій! Свидѣтелями какихъ комедій и драмъ были эти стѣны, эти липы, эти—теперь заросшія—аллеи!... Я оперся на подоконникъ, прислонилъ голову къ косяку и, закрывъ глаза, съ наслажденіемъ чувствовалъ, какъ ночная свѣжесть обвѣваетъ мнѣ лицо... И въ то время я задумалъ написать повѣсть или, вѣрнѣе, собрать и въ хронологическомъ порядкѣ сгруппировать всѣ разсказы, слышанные мною въ разное время отъ знакомыхъ о Порошинѣ и его женѣ. И тутъ же я подумалъ: не покажется ли устарѣлой эта повѣсть? Вѣдь, говорятъ, семейный деспотизмъ вмѣстѣ съ ужасами крѣпостныхъ временъ уже отошелъ въ область преданій. Нагайки и плетки, говорятъ, нынѣ стали уже анахронизмомъ. Но прежде, чѣмъ справлять тризну по этимъ предметамъ домашняго обихода, не мѣшало бы доказать, что они дѣйствительно вышли уже изъ употребленія... Не долги были мои колебанія. Я рѣшился.

Порой я раскрывалъ глаза, смотрѣлъ на темный садъ, на цвѣтникъ, смотрѣлъ на полный мѣсяцъ, все выше и выше поднимавшійся за деревьями,—и глаза мои опять слипались. Начинала одолѣвать дремота, но мнѣ не хотѣлось вставать съ мѣста, и я продолжалъ сидѣть въ мягкомъ, низкомъ креслѣ, почти полулежа на подоконникѣ. Мнѣ было такъ хорошо... Ночной воздухъ, лаская и нѣжа, обвѣвалъ меня...

Мнѣ пришло на память грустное, милое молодое лицо, глядѣвшее съ потемнѣвшаго полотна, и теперь, сидя съ закрытыми глазами, я какъ будто все еще видѣлъ его передъ собою, видѣлъ этотъ взглядъ, задумчивый и грустный, и въ памяти моей ярко оживали отрывки изъ разсказовъ о страдальческой жизни и кончинѣ Анны Михайловны,—такъ ярко, что хоть сейчасъ же садись и пиши...

Мнѣ показалось, что пѣнье птички и шелестъ листьевъ, расходившійся по саду, стали какъ будто удаляться отъ меня; то они какъ будто совсѣмъ смолкали, то снова были слышны и становились все тише, тише... Я чувствовалъ легкое головокруженіе, и не могу сказать, чтобъ оно было непріятное...

Вдругъ я услыхалъ въ комнатѣ легкій, едва уловимый шорохъ... не услыхалъ, но, скорѣе, почувствовалъ... Я чувствовалъ, что въ комнатѣ кто-то есть... я услыхалъ легкій шелестъ женскаго платья и въ то же мгновеніе при сумеречномъ ночномъ освѣщеніи я увидѣлъ неподалеку отъ себя какую-то бѣлую, призрачную фигуру... Она выступала неясно, какъ сквозь туманъ... Я ничуть не испугался и совершенно спокойно смотрѣлъ на нее... Но чѣмъ пристальнѣе я вглядывался въ эту фигуру, тѣмъ отчетливѣе сталъ различать ея наружность...

Туманъ разсѣевался... или, какъ будто, полная іюньская луна начала ярче свѣтить изъ-за деревьевъ, разгоняя ночной сумракъ.

Почти противъ меня, на стулѣ, у края стола съ черной аспидной доской, положивъ одну руку на столъ, сидѣла блѣдная женщина въ бѣломъ платьѣ, съ чайной розой на груди...

Ну, конечно, это —*она*... это ея голубые глаза, ея грустный, задумчивый взглядъ... Я въ ту же минуту узналъ ее и продолжалъ, какъ въ столбнякѣ, смотрѣть на нее, не сводя глазъ...

«Девять лѣтъ... — тихимъ-тихимъ шепотомъ заговорила женщина, какъ будто не столько обращаясь ко мнѣ, сколько говоря сама съ собой.—Да, девять лѣтъ я прожила здѣсь... вотъ въ этой комнатѣ... Сколько тревожныхъ, мучительныхъ дней, сколько ночей безсонныхъ провела я здѣсь...»

Женщина замолкла, облокотилась на столъ и, грустно поникнувъ головой, смотрѣла въ садъ...

«Эти же темныя деревья стояли подъ окнами... была такая же лѣтняя ночь, когда я умирала...»—со вздохомъ промолвила она.

Я очнулся... Въ ушахъ у меня все еще отдавался чей-то вздохъ...

Съ тяжелымъ чувствомъ, съ недоумѣніемъ оглядѣлся я по сторонамъ... Стулъ, конечно, стоялъ на своемъ мѣстѣ у стѣны, и въ комнатѣ не было никого... Неужели я вздремнулъ?

Мѣсяцъ, поднявшійся высоко, заглядывалъ въ окна, и его синевато-серебристые лучи падали на портретъ... Узорчатая тѣнь отъ листьевъ слегка, чуть замѣтно, передвигалась по портрету, озаренному блѣднымъ сіяніемъ, и эта причудливая игра свѣта и тѣней посреди окружавшей темноты придавала какую-то странную, призрачную *жизнь* блѣдному лицу, глядѣвшему съ полотна.

Припомнились мнѣ народныя повѣрья...

И на мгновенье мнѣ почудилось, что изстрадавшаяся душа несчастной молодой женщины все еще таинственно витаетъ, живетъ въ полусумракѣ этой комнаты въ тихій полуночный часъ...

П. Засодимскій.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ БРАКЪ.

(Les justes Noces).

Романъ Андре Мореля.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Разсказъ.

Жаку Бревену минуло тридцать лѣтъ. Онъ былъ сыномъ одного фабриканта изъ окрестностей Мо. Тамъ онъ родился въ 186... году и тамъ воспитывался. Его отецъ, дѣла котораго шли превосходно, переѣхалъ на жительство въ Парижъ, продолжая лично управлять фабрикой. Это дало возможность Жаку докончить свое образованіе, не покидая родительскаго дома. Свои университетскіе годы онъ провелъ въ семьѣ, гдѣ его мать и сестра Фани окружали его нѣжными заботами. Даже и теперь, будучи уже адвокатомъ, онъ занималъ небольшое помѣщеніе рядомъ съ квартирой родителей.

Фабрикантъ Бревенъ питалъ къ сыну большую слабость. Ради извѣстной родительской похвальбы онъ затѣвалъ съ женою дружескіе споры, поддразнивалъ ее придуманными претензіями противъ дочери, любимицы матери.

— О, вы на сынка своего не нарадуетесь!—говорила мать.

Отецъ отвѣчалъ на это похвалами Жаку, котораго на самомъ дѣлѣ корить было нечѣмъ.

Это былъ безупречный молодой человѣкъ, совершенно прямодушный и очень деликатный, съ открытымъ и честнымъ взглядомъ, полнымъ здоровой веселости. Жизнь въ довольствѣ, привычка къ гигіенѣ и правильное распредѣленіе занятій, обезпеченность въ будущемъ, доброе согласіе въ семьѣ дали ему въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи надежную устойчивость.

Жакъ Бревенъ былъ человѣкъ здоровый тѣломъ и душой.

Четверги и воскресенья отдавались продолжительнымъ прогулкамъ верхомъ съ г. Бревеномъ и съ Фани или катаньямъ на яликѣ

по Марнѣ,—лѣтомъ семья жила въ домѣ при фабрикѣ,—а остальные дни недѣли были посвящены занятіямъ въ школѣ, бодрымъ и почти веселымъ, дополнявшимся систематическимъ чтеніемъ дома. Въ училищѣ Жакъ не былъ классическимъ зубрилой, сухимъ и несимпатичнымъ товарищемъ. Онъ просто былъ хорошимъ ученикомъ, прилежнымъ и способнымъ и занимался, повидимому, скорѣе ради удовольствія, чѣмъ ради экзаменовъ. Съ неизмѣнною доброю улыбкой на лицѣ онъ прекрасно кончилъ курсъ въ университетѣ. И преподаватели всегда были довольны такимъ ученикомъ, не особенно блестящимъ, но очень милымъ, въ которомъ не замѣчалось страсти къ наукѣ, но чувствовалось стремленіе къ знанію.

Отбывши воинскую повинность вольноопредѣляющимся, онъ вернулся въ семью, переселившуюся въ Парижъ. На нѣкоторое время молодой человѣкъ увлекся такою перемѣной образа жизни, очень желательной его матери, одержимою маніей пріемовъ и выѣздовъ. Жакъ бывалъ всюду, отдалъ обязательную дань молодости, познакомился съ прелестями ночныхъ ресторановъ.

Къ концу года онъ угомонился. Не отказываясь абсолютно отъ нѣкоторыхъ излишествъ въ удовольствіяхъ съ доброю компаніей, онъ много рѣже сталъ принимать въ нихъ участіе. Жизнь въ Латинскомъ кварталѣ сблизила его съ обществомъ молодыхъ людей, изнервничавшихся въ покушеніяхъ на писательство. Его здоровой и прямой натурѣ они оказались не по вкусу. Слушая лекціи въ Сорбоннѣ, Жакъ скоро разобралъ, кто изъ профессоровъ даетъ истинныя знанія и чье преподаваніе пригодно только для будущихъ педантовъ или для свѣтскихъ женщинъ. Все это нравилось ему, привлекало его, и его мать готова была воскликнуть вмѣстѣ съ Бодлеромъ:

«О, лучше бы родить на свѣтъ мнѣ змѣй клубокъ!»...

Жакъ, однако, удержался во-время и улыбнулся, вѣрно сообразивши, что не по характеру и не по складу ума пускаться ему въ литературу. Онъ понималъ, что написанное имъ никогда не заслужитъ иной похвалы, кромѣ той, которой удостоиваются любительскія произведенія.

На томъ онъ и рѣшилъ, что остаться ему любителемъ и тонкимъ цѣнителемъ, и спокойно окончилъ курсъ юридическихъ наукъ, сохранивши веселый нравъ и полную ясность ума.

Съ полученіемъ ученой степени, возникъ въ семьѣ серьезный вопросъ о будущей карьерѣ Жака. Онъ объявилъ отцу, что желалъ бы устроить себѣ жизнь, вполнѣ свободную и независимую. Молодой человѣкъ былъ убѣжденъ въ томъ, что, при своемъ уравновѣ-

шенномъ характерѣ, онъ сумѣетъ прожить въ свое удовольствіе, не стѣсняя себя обязательствами, налагаемыми профессіей. Но, съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что современному молодому человѣку непристойно оставаться безъ какого-либо опредѣленнаго дѣла. Въ нашемъ обществѣ крѣпко сложился такой взглядъ, что, при склонности и при возможности оставаться празднымъ, всего лучше и приличнѣе укрывать свою лѣнь за какимъ-нибудь видимымъ занятіемъ.

Заявленіе Жака встревожило г. Бревена, и сынъ поспѣшилъ его успокоить. Онъ вовсе не разсчитываетъ показывать только видъ, будто дѣлаетъ что-то. Если онъ возьмется за дѣло, то исполнять его будетъ добросовѣстно и постарается стать на немъ изъ первыхъ. А потому онъ избираетъ профессію адвоката, обезпечивающую ему желательную независимость, при опредѣленномъ трудѣ. Помимо продолжительныхъ и частыхъ каникулъ, онъ будетъ имѣть возможность соразмѣрять свои профессіональныя обязанности съ своими потребностями, точно исполняя все то, что укажетъ долгъ.

Жакъ устроился въ своей семьѣ, нашелъ практику, провелъ нѣсколько процессовъ и скоро заслужилъ уваженіе и симпатіи товарищей по профессіи, какъ своею привлекательною наружностью, такъ и нравственною порядочностью и отличнымъ знаніемъ дѣла. Всѣ знали, что онъ богатъ и не честолюбивъ, а стало-быть никому дороги не перейдетъ, признали его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,— человѣкомъ милымъ и добрымъ, умнымъ и образованнымъ, неспособнымъ, правда, стать героемъ или сдѣлаться лирическимъ поэтомъ, но, несомнѣнно, принадлежащимъ къ той категоріи, изъ которой выходятъ честные люди, одаренные истиннымъ здравымъ смысломъ, настоящіе счастливцы.

Онъ и былъ совершенно счастливъ, не задаваясь пустымъ вопросомъ, «чѣмъ онъ заслужилъ это», а отдавая должную дань благодарности тѣмъ, кто поставилъ его въ хорошія жизненныя условія, при возможности пользоваться неоцѣнимымъ благомъ—жить такъ, какъ ему нравится. Вспоминая про начало карьеры отца, по его разсказамъ, молодой человѣкъ проникался къ нему глубокою признательностью за то, что онъ не требовалъ отъ сына такого же упорнаго труда. Что же касается матери, то Жакъ посмѣивался иногда надъ постоянно волновавшими ее свѣтскими заботами, но умѣлъ высоко цѣнить ея доброту и нѣжность. Обоихъ родителей онъ любилъ одинаково горячо и ни на какую будущность не про-

мѣнялъ бы своего настоящаго — спокойной жизни въ дружной и любимой семьѣ...

У него бывали любовницы, и ихъ онъ любилъ, и страдалъ искренно, когда онѣ его бросали. Причиняло ли это ему горе? Несомнѣнно, но лишь въ извѣстной мѣрѣ, такъ какъ счастливая жизнь въ семьѣ скоро, въ нѣсколько недѣль, сглаживала всякіе слѣды печали, и Жакъ всякій разъ оставался доволенъ тѣмъ пониманіемъ любви, какимъ одарила его природа.

Изъ двухъ видовъ любви ея внѣшнія проявленія представлялись ему скорѣе второстепенною потребностью, чѣмъ основною необходимостью. Всякимъ ласкамъ и нѣжностямъ онъ предпочиталъ милыя бесѣды съ любимою женщиной, хорошія прогулки съ нею. Жакъ не прочь былъ вѣрить, что проявленія любви не столько даютъ наслажденія, сколько льстятъ тщеславію, и что для истиннаго единенія двухъ существъ,—въ чемъ и заключается сущность любви,—самое важное—интимное сродство душъ. Все остальное есть не болѣе какъ формальное признаніе и заявленіе любви, имѣющія, конечно, весьма не малое значеніе, по его мнѣнію. Вотъ почему онъ не винилъ и не упрекалъ тѣхъ женщинъ, которыя покидали его. Онѣ безсознательно почувствовали разъединяющую ихъ пропасть и удалились отъ него въ поискахъ болѣе подходящаго къ ихъ запросамъ. Такимъ образомъ, его страданія имѣли исключительно нравственный характеръ и проходили довольно быстро потому, что въ кругу семьи онъ находилъ все то, что обусловливало, по его понятіямъ, полноту любви: сходство убѣжденій, тождественность чувствъ, прелесть воздѣйствія на близкую душу, словомъ, все, что имѣлъ онъ съ избыткомъ при отцѣ, матери и сестрѣ.

Только одна задача долго волновала его. Глядя на семейное счастье родителей, видя счастье добрыхъ друзей, которыхъ онъ зналъ мальчиками и маленькими дѣвочками, ставшими на его глазахъ нѣжными супругами, Жакъ задумывался надъ вопросомъ, нѣтъ ли въ бракѣ такихъ высшихъ радостей, отъ которыхъ онъ отказывается. Заключая представленіе о личномъ счастьѣ въ слишкомъ тѣсныя рамки душевнаго общенія съ людьми, воспитавшими его, не ограничиваетъ ли онъ, неразумно, кругъ наслажденій, которыя онъ видѣлъ и призналъ?

Онъ не замедлилъ найти побѣдоносный отвѣтъ. Первымъ дѣломъ, всѣ тѣ, чье семейное согласіе и благополучіе были у него на глазахъ, пережили тревожное дѣтство и бурную юность. Его отецъ, напримѣръ, молодымъ человѣкомъ испыталъ много тяжелаго и въ бракѣ нашелъ такое довольство, которое могло лишь уси-

лить его привязанность къ женщинѣ, принесшей съ собою миръ и покой.

Такъ же точно и его мать получила при замужствѣ блестящее, завидное положеніе, неизмѣримо болѣе подходящее къ ея вкусамъ, чѣмъ жизнь въ деревнѣ, хотя и на широкую ногу, при родителяхъ, богатыхъ провинціальныхъ фермерахъ.

То же самое онъ видѣлъ и во всѣхъ извѣстныхъ ему семьяхъ. Вездѣ бракъ принесъ съ собою улучшеніе общественнаго положенія, весьма способствующее упроченію добраго согласія, отклоняющее поводы къ раздору, располагающее обоихъ супруговъ къ благодушію.

Такъ было, впрочемъ, лишь въ счастливыхъ семьяхъ. А что дѣлалось въ такихъ, которыя ползли врознь, не могли скрыть отъ постороннихъ глазъ свои ссоры, дѣлавшіяся достояніемъ салонныхъ пересудовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ окончательному разрыву? И сколько еще было такихъ, въ которыхъ совмѣстная жизнь, при полномъ разладѣ, поддерживалась на виду у общества лишь изъ боязни худшихъ послѣдствій,—спора изъ-за дѣтей, обнаруженія разстроеннаго состоянія, держащагося, пока оно остается общимъ, и могущаго разлетѣться въ прахъ отъ раздѣла,—изъ опасенія утратить извѣстное положеніе. И какъ часто такая-то трусость заставляетъ людей все выносить, чтобы не подвергнуться невѣдомому риску!

Въ такихъ различныхъ видахъ представлялся ему бракъ, и молодой человѣкъ считалъ за вѣрное, что бракъ можетъ дать счастье лишь въ томъ случаѣ, когда улучшаетъ положеніе людей или создаетъ имъ новую жизнь. Могъ ли Жакъ разсчитывать на что-либо лучшее своего настоящаго положенія?

А кромѣ того, онъ не принималъ еще во вниманіе заботъ о дѣтяхъ, требующихъ ежедневнаго попеченія, вынуждающихъ хлопотать объ увеличеніи средствъ на удовлетвореніе постоянно возрастающихъ потребностей семьи.

Заключительный выводъ получался такой, что Жакъ Бревенъ не женится, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ.

Передъ нимъ было, по меньшей мѣрѣ, добрыхъ двадцать лѣтъ мирнаго благополучія, двадцать лѣтъ спокойствія и тихихъ радостей безъ облачка, безъ тревоги. А черезъ двадцать лѣтъ, быть можетъ, и самого-то его не будетъ на свѣтѣ. Жизнь лежала передъ нимъ прямою и гладкою дорогой, на которой если и встрѣтились бы препятствія, то совершенно безопасныя и даже пріятныя тѣмъ, что̀ ихъ предстояло миновать безъ опасенія сбиться съ пути.

Въ этомъ году, съ первыхъ дней іюня, Бревены переѣхали въ Вильнуа, гдѣ ихъ занимало очень важное дѣло.

Ихъ друзья, графъ и графиня де-Лорель, передъ отъѣздомъ въ свое помѣстье, должны были погостить нѣсколько дней у Бревеновъ.

Посѣщеніе это въ особенности волновало Фани. Она чувствовала, что Лорелей пригласили ради нея. У графа де-Лорель, небогатаго и получившаго дворянство во время имперіи, былъ сынъ Шарль, только что кончившій курсъ, и отецъ очень желалъ найти ему подходящее положеніе въ промышленномъ мірѣ. И Фани задумывалась надъ вопросомъ, не имѣетъ ли въ виду ея отецъ отдать ее этому молодому человѣку вмѣстѣ съ фабрикой.

Какъ благовоспитанная дѣвица, она расположена была полюбить Шарля и выйти за него замужъ, если этого хотятъ родители. Она часто танцовала съ нимъ и знала его за достаточно свѣтскаго человѣка для того, чтобы не разстаться съ Парижемъ и продолжать въ немъ такую же точно жизнь, какую вели Бревены. Въ Шарлѣ то и нравилось особенно молодой дѣвушкѣ, что онъ ни въ чемъ не измѣнитъ ея привычекъ. Живя постоянно съ братомъ, она въ значительной мѣрѣ усвоила его взгляды на жизненныя удобства и была только немного болѣе пылкою, болѣе сантиментальною, чѣмъ Жакъ, что придавало ей извѣстную привлекательность. Не раздумывая, она чувствовала, однако, что Жакъ поступаетъ такъ, какъ можетъ поступать только мужчина.

И Фани отлично ладила съ братомъ, ничего отъ него не скрывала. Когда выяснился угаданный ею проектъ выдать ее замужъ, она тотчасъ же сообщила объ этомъ Жаку. Онъ подразнилъ ее немножко, но скоро порѣшилъ дѣйствовать съ нею за-одно, и они сговорились просить отца везти ихъ этимъ же лѣтомъ на морскія купанья. Присутствіе Лорелей облегчитъ переговоры, послужитъ даже поводомъ ихъ начать.

Когда Лорели пріѣхали, ихъ встрѣтили почти по-родственному, какъ людей, съ которыми желаютъ близко сойтись. И Шарль де-Лорель на третій же день замѣтилъ, что онъ нравится. Молодыя дѣвушки часто соглашаются на бракъ, который имъ не противенъ, изъ-за того только, чтобы не вызывать неудовольствія отказомъ на томъ единственномъ основаніи, что къ предлагаемымъ женихамъ онѣ равнодушны. Вотъ почему онѣ благосклонно относятся къ подготовленному и заранѣе условленному ухаживанію молодыхъ людей, предназначаемыхъ имъ въ мужья. Такимъ образомъ, безъ особеннаго влеченія чувствъ, онѣ оказываются подготовленными къ

тому стыдливому волненію, которое представляется имъ любовью. Когда же, наконецъ, имъ сказано это слово,—хотя бы далеко не убѣжденнымъ тономъ, чего онѣ разобрать не умѣютъ,—тревога, имъ вызванная, заставляетъ ихъ вѣрить въ дѣйствительность этого чувства, какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ сердцѣ того, кто шепчетъ имъ про любовь. Такъ, именно, относилась Фани къ любезностямъ Шарля, который, съ своей стороны, какъ не рѣдко бываетъ, начиналъ самъ увлекаться своимъ ухаживаньемъ.

Поѣздка и пребываніе на морѣ въ Динарѣ были скоро разрѣшены. Г. Бревенъ пытался было возражать что-то, но ему доказали, что для осуществленія его намѣренія выдать замужъ Фани необходимо, чтобы молодые люди свободно видались прежде, чѣмъ покончить задуманное дѣло.

— Я— разсудительная мать,—не безъ наивности говорила мадамъ Бревенъ.—Для того, чтобы совѣсть моя была спокойна, мнѣ недостаточно спросить дочь, нравится ли ей молодой человѣкъ. Я нахожу, что надо въ теченіе нѣкотораго времени видѣть ихъ вмѣстѣ и тогда уже судить о ихъ взаимныхъ чувствахъ. Говоря коротко, мы обязаны воспользоваться нашею опытностью и рѣшить, подходятъ ли они другъ къ другу, какъ по ихъ чувствамъ, такъ и по ихъ достаткамъ.

И она добавила:

— Скажи, мой другъ, намъ можно будетъ тамъ принимать кого-нибудь?

Г. Бревенъ нѣсколько разъ осторожно побесѣдовалъ съ г-номъ де-Лорель, убѣдился въ томъ, что со стороны родныхъ Шарля не встрѣтится никакихъ препятствій къ этому браку, могущему дать фабриканту желательнаго помощника и упрочить будущность его предпріятія, и поѣздка въ Динаръ была рѣшена окончательно.

Жакъ отправился съ своими, очень довольный тѣмъ, что такъ легко улаживается столь важное дѣло, какъ замужество его сестры. Судьба видимо благоволила къ нему.

КНИГА ВТОРАЯ.

Дневникъ Жака Бревена.

Динаръ, 28 іюня 189...—Вчера вечеромъ мы пріѣхали въ этотъ прекрасный край. Пять лѣтъ я здѣсь не былъ и очень доволенъ тѣмъ, что опять увидалъ его. Теперь разсчитываю объѣхать его основательно. Вдвоемъ съ Фани, на велосипедѣ, мы будемъ пускаться въ длинныя экскурсіи. Ея вздыхатель можетъ слѣдовать

за нами, если ему угодно, — такой спутникъ въ высшей степени пріятенъ и уже отнюдь не стѣснителенъ.

Вилла, нанятая для насъ Лорелями, восхитительна. Папа, разумѣется, сдѣлаетъ гримасу, когда узнаетъ ея цѣну. Но мы расположились такъ близко отъ Лорелей, что не жаль и переплатить немного... Вилла стоитъ высоко надъ обрывомъ, и когда сидишь на верандѣ, то кажется, будто попалъ въ сторожа на маякъ. Передъ нами открытое море вплоть до Джерсея, который, какъ говорятъ, бываетъ иногда виденъ, а также и острова, необыкновенно живописные и поразительные причудливою игрой тоновъ. Внизу—заливъ Сенъ-Мало, Сезамбра, По-де-Бёръ и мало ли что еще! Всѣ скалы кругомъ—точно живыя, точно ныряютъ, то прячутся, то выплываютъ въ полномъ блескѣ, облитыя солнцемъ и приливомъ. Съ нихъ стаями улетаютъ бѣлыя чайки, проносятся надъ моремъ, задѣваютъ воду, сверкающую на ихъ крыльяхъ жемчужною росой. Потомъ вдругъ, точно по знаку декоратора, появляются лодки съ бѣлыми или красными парусами и бѣгутъ, накренившись подъ вѣтромъ, безсильнымъ ихъ одолѣть. Отъ времени до времени выходитъ изъ порта пароходъ и придаетъ нѣкоторую торжественность шаловливому полету птицъ и веселому бѣгу лодокъ между хорошенькими островами. Онъ величественно и спокойно несется въ океанъ, кажется его властителемъ. Онъ удаляется, становится все меньше и меньше, почти исчезаетъ и оказывается самъ во власти безбрежнаго моря, тихаго и ласковаго, благосклоннаго къ гордымъ пловцамъ, ввѣрившимъ себя его необъятному простору.

Въ день нашего пріѣзда мы были приглашены обѣдать у Лорелей. Приняли насъ очень радушно, съ нѣсколько преувеличеннымъ восхищеніемъ, съ приподнятыми восторгами, обычными парижанамъ, перемѣняющимъ мѣсто жительства. Весьма возможно, что не безъ вліянія было и то обстоятельство, что хозяева немного стѣснялись. На самомъ дѣлѣ, для всѣхъ наступалъ періодъ исключительной важности,—въ теченіе этого сезона должна рѣшиться судьба нашихъ милыхъ дѣтокъ. Ихъ родители волнуются изъ-за этого больше, чѣмъ они сами. Женихъ и невѣста обыкновенно утрачиваютъ надлежащее представленіе о дѣйствительности даже въ томъ случаѣ, если ихъ взаимное влеченіе является только слѣдствіемъ соглашенія между родителями. Птенцы оказываются часто забавными, но настолько наивно, что это перестаютъ замѣчать. Таковы же, какъ всѣ, и тѣ птенцы, при которыхъ я состою въ должности насѣдки. Они знаютъ, что имъ дозволено нравиться другъ другу, и вотъ они жеманятся, краснѣютъ, украдкой обмѣни-

ваются взглядами, продѣлываютъ все и говорятъ совершенно такъ, какъ будто на самомъ дѣлѣ влюблены другъ въ друга.

Только на настоящую любовь это едва ли похоже. Кто полюбитъ глубоко, тотъ не станетъ принимать очаровательныя позы. Мнѣ кажется, что истинная любовь должна выражаться проще и прямѣе. Тутъ уже не до придумыванія фразъ, а говорятъ люди то, что̀ думаютъ, въ полной увѣренности, что сказаны будутъ такія именно слова, какія нужны.

А затѣмъ—вопросъ: необходима ли пламенная любовь для семейнаго счастья? Я думаю, что нѣтъ, полагаю, что достаточно милой взаимности моихъ птенчиковъ, и пусть они не торопясь знакомятся, да потихоньку влюбляются. А когда людей повѣнчаютъ, тогда явятся и крѣпкія узы: дѣти, положеніе въ обществѣ, сознаніе долга, привычка удержатъ ихъ на мирномъ пути даже въ томъ случаѣ, если они перестанутъ любить другъ друга, надъ чѣмъ они, вѣроятно, не станутъ задумываться.

1 іюля. —Я и сестра, не забывая *нашихъ* «сердечныхъ тревогъ», сдѣлали двѣ отличныя прогулки на велосипедѣ. Очень мила была моя миссъ Фани въ своемъ сѣромъ костюмѣ, въ широкихъ шароварахъ, въ курточкѣ и въ маленькой мужской шляпѣ. Не знаю, потому ли, что это ново, но я нахожу, что женщина на бициклетѣ имѣетъ какой-то особенный, бравый и рѣшительный видъ, что̀ любопытно наблюдать въ дѣвушкѣ, очень скромной и изящной. Мнѣ такая дѣвушка на велосипедѣ напоминаетъ кошечку въ офицерской фуражкѣ...

Бѣдняга Шарль совсѣмъ потерялъ отъ этого голову. Я видалъ, какъ онъ ловко ѣздилъ по Булонскому лѣсу, а теперь его можно было принять за смѣшного новичка. Моя сестра, дѣвица не хитрая, дала ему возможность показать свое геройство безъ особеннаго труда. Дорога, по которой мы ѣхали, пролегала недалеко отъ моря, и метрахъ въ десяти отъ края луга мы замѣтили прекрасные каприфоліи. Фани вскрикнула отъ восторга, и нашъ Шарль тотчасъ же помчался напрямикъ къ морю, не слушая никакихъ возраженій... Когда онъ вернулся, не подвергнувшись ни малѣйшей опасности, моя сестра была настолько взволнована, что не могла продѣть въ петличку своей куртки ни одной цвѣтущей вѣтки. Я уже помогъ въ то время, какъ Шарль привязывалъ къ ея рулю цѣлый благоухающій снопъ.

Мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе играть роль папаши и любоваться на ихъ игру въ чистую любовь. По милости этихъ юнцовъ, я проведу нѣсколько восхитительныхъ недѣль.

2 іюля.—Мои влюбленные обожаютъ другъ друга. Это мило и забавно, совсѣмъ по-дѣтски. Я никогда не любилъ на этотъ ладъ, съ такою важною перспективой, какъ женитьба, и если, въ виду такой цѣли, необходимо продѣлывать все то, что они дѣлаютъ, то я нахожу очень непривлекательнымъ влюбляться по-жениховски. Доведись мнѣ увлечься хорошею молодою дѣвушкой, я поставлю первымъ условіемъ избавить меня отъ подобнаго миндальничанья. А такъ какъ въ нашемъ обществѣ нельзя, повидимому, любить дѣвушку и не жеманиться, то я и спокоенъ,—должно быть, еще не дозрѣлъ...

3 іюля.—Вчерашній день проведенъ на берегу моря. Вѣроятно, мы имѣли видъ каравана въ пустынѣ. Динарскій *пляжъ* отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что на немъ никогда и никого не увидишь. Городъ полнехонекъ, а на пескѣ — ни души. Толпа является только въ часы купанья. Есть во Франціи десятка три знатныхъ дамъ, герцогинь и маркизъ, которыхъ я ни за что не узнаю до тѣхъ поръ, пока онѣ не нарядятся въ купальные костюмы. Мнѣ хорошо знакомы формы ихъ икръ и бюстовъ безъ корсетовъ, и только. Для гостиной этого не достаточно. Отдѣлавшись съ купаньемъ, все здѣшнее общество расходится по своимъ вилламъ, по великолѣпнымъ садамъ, и затѣмъ никого уже не видно. Динаръ— городъ очень чопорный, гдѣ каждый изнываетъ отъ скуки у себя дома. Мы положили дѣлать, какъ другіе, и къ морю не возвращаться, а то, пожалуй, насъ сочтутъ за странствующихъ торговцевъ, пользующихся днемъ отдыха. Я, впрочемъ, полагаюсь на мою мать. Она скорехонько разыщетъ знакомыхъ, къ которымъ мы будемъ отправляться играть въ теннисъ, пить чай въ пять часовъ и, можетъ быть,— о верхъ блаженства! — танцовать вечеромъ!...

5 іюля.—Готово. Мы нашли друзей. Я говорю—друзей, а разумѣть надо такихъ людей, которыхъ мы встрѣчали два-три раза въ обществѣ. По здѣшнему мѣсту, этого довольно. Ихъ фамилія Мирбанъ. Онъ—инженеръ, окружный инспекторъ, археологъ, человѣкъ большихъ знаній. Я постараюсь бывать у него часто и многому научиться. Она, уже немолодая женщина, понабралась кое-чего отъ мужа, очень любезна и крайне довольна тѣмъ, что насъ встрѣтила. Они въ первый разъ проводятъ лѣто въ Динарѣ, никого здѣсь не знаютъ и, повидимому, немножко скучаютъ въ прекрасной виллѣ Малуине. Живетъ еще съ ними молодая дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, кажется, племянница Мирбана, которую онъ пріютилъ у себя въ домѣ послѣ смерти ея родителей. Это высокая

и стройная дѣвушка, нѣсколько худая, болѣзненнаго вида, но съ чудесными глазами, ясными и правдивыми. Говорятъ, что она ученая настолько, что можетъ помогать дядѣ въ его археологическихъ трудахъ. Короче сказать, это типъ очень образованной и основательной женщины, которая могла бы быть отличной директрисой лицея, еслибъ у нея не было скромнаго достатка и дяди, занимающаго высокое положеніе. Почему только г. Мирбанъ не отдалъ ее замужъ?

Какъ бы ни было, а maman обзавелась знакомыми. Каждый день они будутъ занимать ее два часа, отъ 5 до 7! Кромѣ того, она будетъ сопровождать въ экипажѣ нашихъ влюбленныхъ, велосипедирующихъ со мною, потомъ препоручитъ ихъ мнѣ. Я окончательно превращаюсь въ добрую тетеньку, живущую на хлѣбахъ изъ милости и присматривающую за дѣтьми. Хорошо, что у меня покладистый нравъ и что меня забавляетъ такая должность. А еслибъ я вздумалъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ? Если г. Мирбанъ захочетъ подѣлиться со мной своими знаніями? И если я тоже надумаю за кѣмъ-нибудь поухаживать, хотя бы, напримѣръ, за племянницей почтеннаго археолога? Мнѣ не повѣрятъ, пожалуй, но я легко могу отказаться отъ свободы, которая, впрочемъ, ни на что мнѣ не нужна!...

6 іюля. Сегодня утромъ я наслаждался незабвеннымъ зрѣлищемъ. Въ первый разъ Шарль осмѣлился купаться одновременно съ нами. Моментъ торжественный! Какъ-то понравится Фани лишенный обычной одежды поэтически-щеголеватый молодчикъ, котораго она обожаетъ? Когда онъ вышелъ изъ своей будочки, мы всѣ были въ сборѣ и ждали его, Фани тоже въ купальномъ костюмѣ. Шарль подошелъ, кокетливо и красиво драпируясь бѣлымъ пеньюаромъ. Всѣ двинулись къ водѣ. Шарль, повидимому, очень увѣренный въ себѣ, первый смѣло сбросилъ пеньюаръ и побѣжалъ. Моя сестра покраснѣла и послѣдовала за нимъ. Мы кинулись въ воду одни. Maman догнала насъ потомъ. Шарль плаваетъ очень хорошо, Фани тоже. Они тотчасъ же направились къ плоту, я остался доволенъ окончательнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ молодымъ человѣкомъ на мою сестру, — она такъ усердно старалась отличиться.

Мнѣ пришлось послѣдовать за ними, по просьбѣ maman, что я и сдѣлалъ не безъ маленькой досады, такъ какъ мадемуазель Мирбанъ просила меня выучить ее лежать на водѣ, не двигаясь. Просьба немного смѣлая, быть можетъ... Но развѣ не можетъ она быть простымъ проявленіемъ такого моральнаго состоянія, по милости

котораго люди не замѣчаютъ дурного и всегда предполагаютъ лишь хорошее и честное? Такимъ образомъ я принужденъ былъ отказаться отъ урока и отправиться къ плоту, на которомъ уже сидѣли наши влюбленные, свѣсивши ноги въ воду. Они спокойно разговаривали, Фани оглядывала статный торсъ Шарля, Шарль осматривалъ красивый станъ Фани. Говорили они, разумѣется, о плаваньи. Но, конечно, не то было у нихъ на умѣ, и, хотя почти незамѣтно, но очень опредѣленно, сказывалось въ движеніяхъ влеченіе ихъ другъ къ другу.

Домой мы вернулись вмѣстѣ, и вечеромъ я убѣдился въ томъ, что во время купанья любовь Шарля и Фани возросла процентовъ на сто. По-моему, надо бы и предложеніе дѣлать, не стóитъ продолжать испытанія. Для женитьбы и для замужства довольно и того, что уже имѣется въ наличности.

7 іюля. Вчера вечеромъ, послѣ обѣда у Лорелей, папаша Шарля предложилъ мнѣ пройтись немного. Къ моему удивленію, никто не выразилъ желанія идти съ нами. Мы отправились вдвоемъ. За обычными любезностями послѣдовалъ такой разговоръ:

— Надо говорить прямо, — обратился ко мнѣ графъ де-Лорель. — Вы замѣтили, вѣроятно, что ваша сестра и мой сынъ, строго держась въ границахъ приличія, относятся другъ къ другу съ нѣсколько болѣе живымъ сочувствіемъ, чѣмъ то, которое обусловливается просто лишь добрымъ знакомствомъ.

— Правда, — отвѣтилъ я съ невиннымъ видомъ, — они, кажется, нравятся другъ другу.

— Разъ это не ускользнуло отъ вашего вниманія, я продолжать буду съ большею смѣлостью. Я знаю, насколько высоко васъ цѣнитъ вашъ отецъ, и съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ томъ, насколько вы заслуживаете такое уваженіе... (Комплименты пропускаю.) Вотъ почему раньше, чѣмъ приступить къ важному дѣлу, я хотѣлъ поговорить съ вами.

— Я слушаю васъ и смѣю завѣрить...

— Отъ души благодарю и никогда не забуду, чѣмъ обязанъ вамъ. (Я ровно ничего не сказалъ и не обѣщалъ, но легко понимается то, что понять было бы желательно). Итакъ, скажите мнѣ, по сущей правдѣ, можемъ ли мы, я и моя жена, дозволить нашему сыну поддерживать и впредь тѣ же отношенія съ вашею сестрой. Скажите, не лучше ли будетъ, если мы постараемся сдержать увлеченіе нашего сына и остановить его на пути, не безопасномъ для спокойствія мадемуазель Фани. Никого и ни къ чему не обязывая, я скажу, если конецъ нашего пребыванія здѣсь не долженъ или,

пожалуй, не можетъ привести ни къ чему иному, кромѣ установленія между нами добрыхъ сердечныхъ отношеній, я сочту, въ такомъ случаѣ, своимъ долгомъ предупредить сына. Я говорю это исключительно только въ интересахъ вашей сестры. Я искренно ее люблю и ни подъ какимъ видомъ не желалъ бы моею слабостью къ сыну причинить ей малѣйшее огорченіе, хотя бы и кратковременное. Прошу еще принять во вниманіе, насколько неловко было бы мое положеніе, еслибъ показалось, будто я моимъ молчаніемъ способствую такимъ искательствамъ, которыя не будутъ одобрены вашими родителями.

— Ваша осторожность, — отвѣтилъ я, — понятна и почтенна и глубоко меня трогаетъ. Но я крайне затрудняюсь вамъ отвѣтить...

— Это почему? — воскликнулъ онъ съ тревожнымъ изумленіемъ, въ которомъ слишкомъ явно сказались страхъ и тщеславная гордость небогатаго дворянчика.

— Вѣдь, я же только братъ...

— А! — вырвалось у него съ видимымъ облегченіемъ. — Но вы братъ настолько разумный...

— Какъ бы ни было, я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Я считаю такъ же, какъ вы, что флиртъ доходитъ до того предѣла, когда становится необходимымъ вмѣшательство родныхъ. Шарля я давно знаю и всегда очень его цѣнилъ. А о положеніи дѣла я поговорю съ моимъ отцомъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Лорель просто и крѣпкимъ рукопожатіемъ подчеркнулъ значеніе этихъ словъ.

Мы возвращались къ дому, Лорель задумчивымъ, я — совершенно спокойнымъ. У воротъ онъ пристально посмотрѣлъ на меня и живо проговорилъ:

— Стало-быть, я могу разсчитывать на ваше содѣйствіе?

Онъ хваталъ немного далеко! Не зная, что отвѣтить, я отворилъ калитку и, входя въ нее, слегка наклонился, что онъ могъ принять за выраженіе согласія.

Завтра же я поговорю съ родителемъ, и скоро послѣдуетъ формальное предложеніе. Maman-то какъ будетъ счастлива! Придется устраивать большой обѣдъ ради помолвки! Вотъ ужъ гдѣ она развернется и покажетъ себя.

10 іюля. Въ жизнь мою никогда ногой я не ступлю на бойко посѣщаемое морское побережье. На томъ основаніи, что мнѣ тридцать лѣтъ, что я занимаю приличное положеніе, что у меня большое состояніе и не числится за мною никакой любов-

ницы, на меня тотчасъ же по пріѣздѣ накинулись маменьки, желающія пристроить своихъ дочекъ!

Я принимаю всѣ зависящія отъ меня мѣры предосторожности. Всякій разъ, являясь въ незнакомое общество, я спѣшу изложить въ короткихъ словахъ мой взглядъ на бракъ. Это ничуть не обезкураживаетъ маменекъ. Мы двѣ недѣли въ Динарѣ, и вотъ ровно восемь дней какъ меня удручаютъ приглашеніями въ дома, гдѣ молодыя дѣвушки ждутъ жениховъ. Я замѣтилъ, впрочемъ, что дѣвицы, ловящія жениховъ, водятся въ необычайномъ изобиліи на морскихъ купаньяхъ. Въ салонѣ вы встрѣтите ихъ десятокъ, здѣсь онѣ точно изъ песка выростаютъ, какъ осока на болотѣ. Не трудно угадать, съ немалымъ прискорбіемъ, что половина такихъ семей всю зиму занималась перешиваніемъ прошлогоднихъ нарядовъ, стиркою грязныхъ перчатокъ и мало ли еще чѣмъ. И все это ради того, чтобы скопить деньжонокъ для поѣздки на бойкій приморскій курортъ.

Въ теченіе сезона, казино, прогулки, теннисъ, купанья допускаютъ всякія вольности, не вызывая скандала. Вечеромъ на балѣ что же дѣлать, какъ не играть капельку въ любовь? На палубѣ парохода какъ не поухаживать немножко за сосѣдкой? Въ теннисѣ надо поддержать игру партнерки, во время купанья нельзя не поучить дѣвицу лежать на водѣ, — а, я думаю, всѣмъ извѣстно, что такое подобные уроки, —затѣмъ приходится подвязать спадающую сандалію, любоваться пухленькими локотками... Къ тому же море способствуетъ большому развитію мужской влюбчивости,— быть можетъ, вслѣдствіе недостатка отвлекающихъ средствъ...

И маменьки отлично знаютъ это, про себя, конечно, никогда не признаваясь въ томъ. Вотъ ихъ и тянетъ сюда, и онѣ вѣрятъ, что здѣсь лучше и скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, имъ удастся «пристроить Антуанету», что, по моему словарю, означаетъ: выдать дочку замужъ. Всѣ вольности, допускаемыя дачнымъ житьемъ и оправдываемыя бездѣльемъ, вызываютъ ихъ надежды на то, что отъ скуки какой-нибудь праздношатающійся влюбится и попадетъ въ ловушку... Бѣдныя мамаши! Онѣ не видятъ, что, при такой игрѣ мужчина утрачиваетъ всякое уваженіе къ дѣвушкѣ, нерѣдко очень честной и достойной лучшей участи. Въ большинствѣ случаевъ къ концу сезона все это сводится къ поцѣлуямъ украдкой и къ клятвамъ, забываемымъ тотчасъ по уходѣ поѣзда, къ такимъ вещамъ, которыя развращаютъ несчастныхъ молоденькихъ дѣвушекъ, раздражаютъ ихъ до бѣшенства, когда онѣ сообразятъ, что объ нихъ и думать забыли, и наводитъ на дрянныя мысли, побуждающія ихъ

изловить мужа, во что бы то ни стало, а изловивши таковаго, обзавестись любовникомъ.

И вотъ такая-то милая компанія преслѣдуетъ меня своими зазываніями... Будете сегодня въ казино?... Играемъ завтра въ теннисъ? Мы ѣдемъ на пруды Кроше,—надѣемся, вы съ нами? Еслибъ не рѣшалась теперь судьба Фани, я сбѣжалъ бы отсюда. Но не могу же я бросить своихъ. Надо претерпѣть и поменьше волноваться. Я долженъ, впрочемъ, признаться, что общество Мирбановъ помогаетъ мнѣ философски выносить такое положеніе. Они необыкновенно милы, въ особенности—онъ, настоящій ученый, простой и скромный. Я все чаще и чаще бываю у нихъ, и съ каждымъ разомъ они все больше мнѣ нравятся. По крайней мѣрѣ, мое время не потеряно даромъ. Я намѣренъ поддерживать знакомство съ ними и въ Парижѣ, что̀, несомнѣнно, доставитъ мнѣ пріятные часы серьезныхъ бесѣдъ.

12 іюля.—Вчера мы обѣдали у Мирбановъ. Мнѣ не удалось хорошо поговорить съ Рамзесомъ, какъ я прозвалъ Мирбана. За то я долго болталъ съ племянницей. Она—далеко не заурядная женщина. Проста до безстыдства! Это, пожалуй, слишкомъ крѣпко сказано, но она настолько не похожа на «молодую дѣвушку», что другой такой я не встрѣчалъ. Она скорѣе производитъ впечатлѣніе молодой вдовы, умъ которой окрѣпъ отъ тяжелой жизни до того, что равняется съ умомъ мужчины. Она говоритъ обо всемъ, нисколько не стѣсняясь, прямо и опредѣленно, хотя очень сдержанно, такъ что не знаешь доподлинно, есть ли это результатъ основательныхъ знаній или слѣдствіе горделиваго отношенія ко всему дурному. Я искренно считаю ее безукоризненно честною женщиной. Всякія житейскія гадости, если только затрогивали ее, должны были соскользнуть съ нея, какъ вода съ мрамора. Неспособная представлять себѣ жизнь иначе, какъ правдиво, честно и ясно, она невозмутимо проходитъ мимо того, что ей кажется мерзкимъ, и вниманія не обращаетъ, не смотритъ... Не смотритъ она, разумѣется, потому, что знаетъ, чего ей видѣть не слѣдуетъ. Ей, разъ было, должно быть, сказано, что есть вещи, знать которыя дѣвушкамъ не полагается, и этого для нея достаточно.

Съ этой стороны она оградила свой умъ занавѣской и не заглядываетъ за нее. Если она не понимаетъ нѣкоторыхъ вещей, происходящихъ передъ ея глазами, она причисляетъ ихъ къ тому, что должно находиться за занавѣской, и конецъ дѣлу. Ко всему остальному въ области морали она чутка удивительно. Я заговорилъ съ нею о печальномъ впечатлѣніи, которое производитъ на меня окру-

жающее насъ общество сомнительнаго достоинства, общество, гдѣ знаютъ лишь одну заботу—«пристроить Антуанету». Молодая дѣвушка отвѣтила:

— Антуанета, какъ вы называете, просто глупа. Это не женщина, а птица. Она хорошенькая, блеститъ, щебечетъ, а дальше—что?... Я убѣждена въ томъ, что жизнь складывается такъ, какъ человѣкъ того заслуживаетъ и какъ ее самъ устроитъ... Еслибъ у Антуанеты было хотя сколько-нибудь возвышенное сердце, развѣ бы она допустила, чтобъ ее кидали въ объятія всѣхъ встрѣчныхъ молодыхъ людей?

— Да, вѣдь, она, бѣдняжка, ничего не понимаетъ!

— Хорошо оправданіе! Чтобъ оставаться честною, женщинѣ нѣтъ надобности понимать. Мы очень многое угадываемъ чувствомъ, не понимая, и намъ достаточно имѣть чувство для того, чтобъ одного остерегаться, а къ другому стремиться. Это дѣло нравственнаго такта.

— Но Антуанета хочетъ замужъ выйти?

— Увѣрены ли въ этомъ? И *хочетъ ли* кто-нибудь замужъ?... Дѣвушка съ прямою душой выходитъ замужъ, но вовсе не хочетъ этого заранѣе. Эту фразу она повторяетъ какъ попугай, потому, что мамаша такъ выучила. Въ сущности она ничего не хочетъ. Ее просто забавляютъ только маленькія гадости, которыя ей позволяютъ дѣлать. Всѣ флирты—непристойности, невинныя, быть можетъ, но все-таки непристойности, которыя она съ восторгомъ продѣлываетъ, нисколько не стыдясь, потому что все происходитъ на глазахъ у маменьки. Не маминькино ли дѣло смотрѣть за дочерью? Если маменька ничего не говоритъ, стало быть, все хорошо.

— Слѣдовательно, дѣвушка ни въ чемъ не виновата.

— Наоборотъ, виновата. Еслибъ душа у нея была по-настоящему прямая, не было бы надобности въ запрещеніяхъ пускаться въ нехорошую игру. Прирожденный инстинктъ возмутился бы и предостерегъ бы отъ такого легкомыслія.

— Вы строги, сударыня!

— Нѣтъ, не строга. Я умѣю быть снисходительной, и, быть можетъ, когда вы меня узнаете лучше, вамъ не разъ представится случай подивиться тому, насколько я всѣхъ легко извиняю. Мой добрый дядя Рамзесъ, какъ вы его называете, научилъ меня немного понимать свѣтъ и передалъ мнѣ свою снисходительность къ проступкамъ мужчинъ... и женщинъ! Но одного я не могу допустить, это—инстинкта порочности. Я не вѣрю тому, будто женщина отдается порочной жизни по врожденной склонно-

сти. Возможно, что до извѣстной степени въ этомъ виновато воспитаніе. Но и воспитанію ея не придаю особенно большого значенія. Огромное вліяніе я признаю, почти всецѣло, за вѣтренностью, за *усвоенною* привычкой заниматься исключительно изукрашеніемъ тѣла, а не развитіемъ ума. А это уже дѣло собственной воли и зависитъ вполнѣ отъ насъ самихъ. Повѣрьте мнѣ, въ пятнадцать лѣтъ такъ же легко выучиться читать и такъ же пріятно, какъ научиться декольтироваться.

Обѣдъ кончился. Направляясь въ гостиную, я замѣтилъ, что мадемуазель Мирбанъ не чужда тоже нѣкотораго кокетства. Она была одѣта со вкусомъ, немного декольтирована. Ея руки, обнаженныя до локтя, были красивы, на одной изъ нихъ блестѣлъ тонкій золотой обручикъ. Я сказалъ молодой дѣвушкѣ какой-то комплиментъ, по поводу ея туалета. Она улыбнулась и отвѣтила:

— Понимаю, вы хотите сказать, что я, осуждая легкомысліе молодыхъ дѣвушекъ, сама не прочь нарядиться. Я могла бы возразить, что дѣлаю это, главнымъ образомъ, изъ вѣжливости: довольно непріятно сидѣть за обѣдомъ рядомъ съ плохо одѣтою женщиной. Я предпочитаю докончить мою мысль и вывести заключеніе: далеко не такъ трудно, какъ вы полагаете, согласовать кокетство внѣшностью съ умственнымъ развитіемъ. Еслибъ Антуанета подѣлила свое время между тѣмъ и другимъ, она не превратилась бы роковымъ образомъ... въ то, во что,— какъ мы увѣрены,— она превратится непремѣнно.

Очень досадно, что я не могу передать всю искренность тона, настоящаго прямодушія, простоты и полной безвычурности, съ которыми все это говорилось. Дѣвушка разсуждала о вещахъ довольно щекотливыхъ, какъ ея дядя толкуетъ про двѣнадцатую династію, и съ такою же опредѣленностью, съ такимъ же милымъ интересомъ. Очень странная молодая дѣвушка!...

15 іюля.—Совершилось крупное семейное событіе, пріѣзжалъ г. де-Лорель и сдѣлалъ формальное предложеніе. Родитель объявилъ, что ничего не имѣетъ противъ этого брака, спроситъ, согласна ли дочь, и вернется съ отвѣтомъ.

Фани гуляла со мной въ саду. Мы видѣли, какъ подъѣхалъ г. де-Лорель, и скромненько удалились. Отецъ подошелъ къ намъ и раскрылъ объятія. Фани бросилась ему на шею. Пока г. де-Лорель, котораго я видѣлъ въ открытое окно, шагалъ по гостиной и теребилъ свои усы, отецъ передалъ намъ, въ чемъ дѣло. Онъ спросилъ мое мнѣніе и, получивши благопріятный отвѣтъ, обратился къ Фани:

— А ты, дочка, что скажешь? Бракъ этотъ мы всѣ одобряемъ. Но достаточно тебѣ сказать, что онъ тебѣ не нравится, и мы откажемъ. Отвѣть же мнѣ прямо, и твой отвѣтъ, каковъ бы онъ ни былъ, я передамъ отцу Шарля.

Фани опять обняла отца и, должно быть, шепнула что-нибудь ему на ухо, такъ какъ едва она успѣла убѣжать, отецъ вернулся въ гостиную, и я видѣлъ необыкновенно радостныя движенія г. де-Лорель.

До чего все это потѣшно и глупо! Всѣ давнымъ-давно согласны и знаютъ это, и тѣмъ не менѣе разыгрываютъ комедію соблюденія собственнаго достоинства и свѣтскихъ приличій, точно величайшее достоинство и самыя настоящія приличія не въ томъ состоятъ, чтобъ отнестесь просто къ такому хорошему дѣлу, какъ бракъ между двумя существами, которыя нравятся другъ другу. Нѣтъ, почему-то непремѣнно нужно раздѣлывать драму. Я думаю, что такія безсмыслицы происходятъ по милости нашихъ театровъ, нашихъ современныхъ пьесъ, въ которыхъ постоянно приподнимается тонъ всякихъ чувствъ и мыслей, въ которыхъ самыя простыя вещи совершаются съ торжественностью царскихъ парадовъ. Это не только смѣшно, но даже зловредно. Видъ того, съ какою напыщенностью совершаются зауряднѣйшія дѣла, вѣчное повтореніе въ приподнятомъ тонѣ фразъ, требующихъ полной естественности, пріучаетъ наши бѣдные умы вносить драматизмъ во всѣ наши дѣянія. А какъ только жизнь войдетъ опять въ свое обычное тихое теченіе, послѣ грозы превратится въ маленькій ручеекъ, наступаетъ почти роковое разочарованіе, утрата равновѣсія, побуждающая многихъ женщинъ искать драматизма тамъ, гдѣ его тоже нѣтъ, и пускаться слишкомъ часто въ разыгрываніе сценъ третьяго акта.

Вотъ что представляетъ много мрачнаго въ бракѣ. Можетъ быть, это только кажется мнѣ вслѣдствіе моего личнаго нерасположенія къ женитьбѣ. Во всякомъ случаѣ, я считаю себя правымъ въ томъ отношеніи, что никому не навязываю тѣхъ идей, которыхъ самъ держусь для собственнаго обихода. Никто не можетъ сказать, что я этимъ причинилъ кому-нибудь непріятность: я первый ободрялъ Шарля и убѣждалъ Фани. И все-таки я всегда впадаю въ прескверное расположеніе духа, когда вижу, что люди подвергаются риску при очень ничтожныхъ гарантіяхъ. На самомъ дѣлѣ, могутъ ли имѣть какое-нибудь значеніе соображенія о приличности партіи, объ обезпеченности положеній, и даже маленькія ухаживанія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, да еще въ періодъ полнаго бездѣлья? Характеры оказываются совершенно разными, смотря по тому,

удручаютъ ли насъ заботы о существованіи, или же намъ не о чемъ думать, кромѣ развлеченій. Но бракомъ Фани я останусь доволенъ и, болѣе того, увѣренъ, что Фани будетъ хорошею женой и счастливою женщиной. Въ чемъ же дѣло?... А дѣло въ томъ, что я понимаю возможность риска съ ихъ стороны, а самъ я на такой рискъ не пойду, если только,—что совсѣмъ невѣроятно,—мнѣ не будетъ вполнѣ доказано, что, женившись, я буду счастливѣе, чѣмъ себя чувствую холостымъ. Только никакими вычисленіями доказать этого нельзя.

17 іюля.— Сегодня я предоставилъ нашихъ влюбленныхъ самимъ себѣ. Имъ дозволяется уединяться въ саду. Я воспользовался моею отставкой и провелъ этотъ день у Мирбановъ. Рамзесъ соблаговолилъ прочесть мнѣ цѣлую лекцію по египетской археологіи, изъ чего я почерпнулъ нѣкоторое общее понятіе объ этомъ интересномъ народѣ. И вотъ на зиму у меня уже есть въ виду, что надо прочесть. Часамъ къ пяти я пошелъ къ дамамъ на террасу. Мадамъ Мирбанъ отправилась за чѣмъ-то по хозяйству, и я остался вдвоемъ съ мадемуазель Каролиной Марбанъ, *vulgo*—Каро.

Она начала слегка подшучивать надо мной, что я допускаю замужество сестры вопреки моимъ убѣжденіямъ.

— Это доказываетъ мое благоразуміе,— отвѣтилъ я.— Революціонеръ я тихенькій, у себя въ комнатѣ, ничего не проповѣдую, свои идеи прилагаю только къ себѣ самому, никому ихъ не навязывая. Я считаю результатомъ заносчиваго самомнѣнія желаніе заставить своихъ современниковъ держаться одинаковыхъ со мною мнѣній. Много людей думало, будто ими открыта истина, оказавшаяся нынѣ, по тщательной провѣркѣ, совершеннымъ заблужденіемъ, и теперь надо быть настоящимъ глупцомъ для того, чтобы догматизировать. Вотъ я и довольствуюсь тѣмъ, что имѣю кое-какія убѣжденія про себя лично, самъ поступаю согласно съ моими убѣжденіями и предоставляю другимъ дѣлать, что имъ угодно. Быть можетъ, правы-то они, а я ошибаюсь.

— Въ такомъ случаѣ, вы допустили бы совершать всякія несправедливости?

— Дѣлайте, что хотите, только мнѣ не мѣшайте жить. Хотите купаться въ полдень, если это вамъ нравится, но не заставляйте меня слѣдовать вашему примѣру. Никому до этого дѣла нѣтъ, а мнѣ это вредно. Я непоколебимо вѣрю въ торжество истины. Что̀ бы кто ни дѣлалъ, она всегда выйдетъ наружу. Проявленіе ея можно отсрочить, но уничтожить ее нельзя. А міру нѣтъ надобности торопиться, такъ какъ онъ погибнетъ въ тотъ день,

когда узнаетъ все. Пусть же онъ и путается сколько угодно, если ему нравится, это его дѣло.

— Нечего сказать, комфтортабельное существованіе...

— Что вы хотите этимъ сказать?

Она поколебалась немного, потомъ рѣшилась и отвѣтила:

— Вотъ что я хочу сказать: если вы такъ смотрите на міръ, если допускаете міръ запутываться въ заблужденіяхъ, а сами улыбаетесь надъ его глупостью и остаетесь въ положеніи критика, смотрящаго новую пьесу, не только не принимающаго участія въ трагедіи, не только не волнующагося, не только избѣгающаго высказать свое мнѣніс и невозмутимо относящагося къ совершенію безобразій, но еще поощряющаго ихъ развитіе своимъ безучастіемъ, то я полагаю, что вы устраиваете себѣ жизнь—спокойную и безпечальную, конечно, но преступную.

— О, это уже слишкомъ сильно!

— Не будемъ впадать въ трагическій тонъ. Я полагаю, что, по крайней мѣрѣ, дорогихъ намъ людей мы должны дѣлать участниками того, что сами почитаемъ за истину. Вы только что сказали, что заблужденія не имѣютъ важнаго значенія, такъ какъ истина восторжествуетъ, несмотря ни на что. Еслибъ я думала, что мой дядя поступаетъ дурно, когда откапываетъ муміи людей, желавшихъ только покоя, я воспротивилась бы всѣми моими силами такому святотатству. Я понимаю, что такое маленькое апостольство нисколько не привлекательно, и это внушаетъ мнѣ опасеніе за то противоположное положеніе, которое вы для себя выбрали. Оно представляется мнѣ слишкомъ... личнымъ, слишкомъ чуждымъ альтруизма, для того, чтобы можно было признать его хорошимъ. Мы живемъ другъ съ другомъ и другъ для друга—и не имѣемъ права утаивать отъ близкихъ людей то, что мы знаемъ. Умывать руки всегда было нехорошимъ дѣломъ. Я не стану приводить вамъ знаменитѣйшаго въ исторіи примѣра...

— А я васъ остановлю! Еслибъ Пилатъ не сдѣлалъ этого, Христосъ не былъ бы распятъ, и человѣчество не получило бы тѣхъ великихъ благъ, какія дало ему христіанство.

— Пилатъ могъ приговорить Христа къ смерти и поступилъ бы лучше... Но онъ тоже хотѣлъ сохранить свою крохотную независимость и не пожелалъ вмѣшиваться въ споры, «которые его не касались», и за то ничего не получилъ, кромѣ общаго презрѣнія...

— Такъ договаривайте, я—ужасный эгоистъ!

— Нѣтъ, не ужасный, даже не эгоистъ, такъ какъ вы очень любите близкихъ вамъ людей. Вы, просто, придаете чрезмѣрную

цѣну своимъ личнымъ удобствамъ. Надо умѣть побольше себя стѣснять. Выраженіе нежеланія мѣшать кому бы то не было есть не болѣе какъ предлогъ избавить себя самого отъ всякихъ стѣсненій. Это—то же самое, что уступить свой стулъ въ гостиной: въ большинствѣ случаевъ это дѣлается потому, что предлагающій разсчитываетъ занять мѣсто получше.

— Слѣдовательно, по вашему мнѣнію, я долженъ былъ помѣшать замужству сестры?

— Нѣтъ, мѣшать ничему не надо, такъ какъ я не раздѣляю вашихъ взглядовъ.

— А, вы иного убѣжденія?

— Нѣтъ, но это совсѣмъ другой вопросъ. Только, еслибъ я смотрѣла на бракъ такъ, какъ вы, я сочла бы своею обязанностью высказать мое мнѣніе тѣмъ, кого я люблю. Я не умѣю смѣяться надъ глупостью. Она всегда огорчаетъ меня, и когда я сознаю, что могла бы помѣшать сдѣлать глупость и не помѣшала, я чувствую угрызенія совѣсти.

Я хотѣлъ отвѣчать, но вернулась г-жа Мирбанъ, и мы сочли за лучшее перемѣнить разговоръ. Рѣчь пошла, разумѣется, о великомъ событіи въ моей семьѣ. Свадьба откладывается, повидимому, до декабря. А черезъ нѣсколько дней у насъ будетъ обѣдъ по случаю помолвки. Maman, навѣрное, устроитъ все на славу!

Въ то время, какъ я пишу это, бьетъ одиннадцать часовъ. Въ открытое окно сверкаютъ огни маяка надъ дремлющимъ моремъ. А разговоръ съ мадемуазель Каро не выходитъ у меня изъ головы. Что говоритъ эта дѣвушка, не болѣе и не менѣе справедливо, чѣмъ то, что я думаю, но говоритъ она тономъ настолько убѣжденнымъ, такъ искренно и опредѣленно, что я смущенъ. Не она ли права? Надѣюсь, сумѣю разобрать!... Я знаю, что живу счастливо—такъ, какъ я живу, и эта правда, эта достовѣрность, стоитъ всякой другой правды. Она, по крайней мѣрѣ, одна не обманываетъ.

18 іюля.—Выдался денекъ! Почтенныя матери семействъ, желающія пристроить Антуанетъ, устроили экскурсію къ прудамъ Кроше. Само собою разумѣется, я былъ приглашенъ однимъ изъ первыхъ на эту эротико-сантиментальную прогулку. Сначала я было отказался, но наши женихъ съ невѣстой и maman пожелали присоединиться къ компаніи, да и мнѣ самому давно хотѣлось взглянуть на красивую мѣстность, въ которой расположены эти пруды, и въ послѣднюю минуту я рѣшилъ ѣхать.

На сборномъ пунктѣ меня встрѣтили радостными привѣт-

ствіями, которыя очень польстили бы мнѣ, если бы вызваны были тѣмъ, что можетъ сдѣлать мнѣ хоть какую-нибудь честь. Но никогда не умѣлъ я возгордиться тѣмъ, за что на меня обращаютъ вниманіе въ обществѣ, т.-е. моимъ положеніемъ, лѣтами, состояніемъ, родителями,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, въ чемъ я нисколько не повиненъ, кромѣ, развѣ, положенія, которое досталось мнѣ слишкомъ легко. Я считаю, что мужчинѣ чваниться такого рода преимуществами настолько же глупо, насколько безсмысленно женщинѣ кичиться своею красотой. Гордиться можно только тѣмъ, что зависѣло или зависитъ отъ насъ самихъ. Что же касается остального, то всѣ привѣтственные комплименты слѣдуетъ направлять къ судьбѣ. А потому встрѣтившія меня лестныя восклицанія я послалъ моей счастливой звѣздѣ и полѣзъ въ брикъ, нанятый ради этой поѣздки.

Насъ было человѣкъ двадцать, въ томъ числѣ шесть Антуанетъ, не считая моей сестры, которая уже «пристроена»! Едва я усѣлся среди этой стаи, крикливой и прыгливой, какъ меня охватила горькая скука, самое непріятное росположеніе духа, нападающее на меня всякій разъ въ компаніи веселыхъ людей изъ того сорта, что «любятъ посмѣяться». А веселье ихъ заключается въ томъ, чтобы говорить громко, болтать всякій вздоръ, подталкивать другъ друга, голосить всѣмъ вмѣстѣ, хохотать безъ всякаго повода и толка. Это веселье буживальскихъ гризетокъ противно мнѣ до гадости.

Я очень скоро сообразалъ, насколько должна представляться непристойною моя нахмуренная фигура и насколько невѣжливо, согласившись попасть въ компанію, имѣть такой видъ, будто ее презираешь. Надо было подладиться къ общему тону. Дѣлать нечего, я встряхнулся и, осмотрѣвшись, увидалъ, что рядомъ со мной сидитъ одна изъ моихъ милыхъ Антуанетъ. Медлить я не сталъ, и черезъ пять минутъ Антуанета считала меня въ числѣ ухаживателей.

Бѣдная дѣвочка! Навѣрное мать говорила ей не разъ: «Видишь, вонъ, г. Бревенъ... Ахъ, еслибъ ты не была такой индюшкой!» И Антуанеточка была трогательна своимъ смущеніемъ отъ того, что очутилась такъ близко отъ чудовища, которое она *должна* очаровать въ нѣсколько часовъ! Она была, впрочемъ, хорошенькая. Глазки чудесные, носикъ тонкій и острый, только немного излишне склоняющійся къ подбородку. Но въ ея лѣта и это довольно мило. За то шейка... о, какая шейка, совсѣмъ алебастровая, самыхъ нѣжныхъ очертаній! Антуанета, конечно, знаетъ это,

почему и носитъ корсажи спеціальнаго покроя, родъ блузъ,—въ деревнѣ, разумѣется, только въ деревнѣ,—что даетъ возможность всласть любоваться соблазнительною шейкой.

Я ринулся въ ухаживанье. Моя матушка смотрѣла на меня немного озадаченная. Она давала мнѣ даже понять знаками, что я началъ прелюдію слишкомъ высокимъ тономъ, вызывающимъ ея опасенія за корректность моихъ заключительныхъ нотъ... Я продолжалъ, говорилъ любезности на-прямикъ, достаточно грубыя, потомъ пустился въ легкія заигрыванія, ловилъ ея ручки, дотрогивался до ея волосъ и шейки подъ тѣмъ предлогомъ, что снимаю съ нихъ мухъ и пауковъ. Добрался я и до ея ногъ, дѣлая видъ, будто хочу смахнуть съ нихъ пыль. Надо полагать, что игра выходила не дурная!...

Антуанета сначала было растерялась, но скоро вошла во вкусъ. Она хохотала, какъ «милая шалунья», ко всѣмъ моимъ штукамъ относилась съ самымъ невиннымъ видомъ, не защищалась,—словомъ, исполняла добросовѣстно роль увлекаемой Антуанеты. Всего забавнѣе были тревоги ея мамаши. Она кидала грозные взгляды и восклицала: «Антуанета, держи же себя приличнѣе!» Но предостереженія оказывали самое кратковременное дѣйствіе и, сказать правду, приводили, послѣ маленькой сдержанности, къ усиленію хохота и подпрыгиваній.

Добрались мы до прудовъ. Прежде, чѣмъ мамаша успѣла задать распеканцію дочкѣ, я взялъ Антуанету подъ руку и пустился съ нею впередъ, не особенно далеко и не очень близко отъ другихъ. Мы исчезали изъ вида только на поворотахъ. Восхитительны были эти повороты. На второмъ я поцѣловалъ ее въ шейку. Антуанета разсердилась до того, что побагровѣла. Я тотчасъ же принялся подбирать каштаны, исколол себѣ пальцы и тѣмъ далъ ей случай посмѣяться надо мной, что и успокоило ее. На послѣднемъ поворотѣ я уже цѣловалъ ее сколько мнѣ было угодно, подъ единственной угрозой, часто повторенной, но ни разу не исполненной, вернуться къ отставшей отъ насъ группѣ.

Эта игра не помѣшала мнѣ любоваться прудами. Мѣсто, восхитительное прохладой и тишиной. Деревья, окружающія пруды, затѣняютъ берега, въ то время какъ на серединѣ вода блеститъ, точно зеркало. Кругомъ обрывы, поросшіе огромными вязами и каштанами, кое-гдѣ видны зеленыя лужайки, кажущіяся нарочно устроенными пристанями для лодокъ.

Черезъ полчаса ходьбы мы добрались до хорошенькой фермы. Остальное общество догнало насъ, и мамаша Антуанеты, подъ

предлогомъ, что надо поправить прическу дочери,—порядочно-таки растрепавшуюся,—прочла дѣвушкѣ строгую нотацію. Бѣдняжка была очень мила съ опущенными глазками и надутыми губками подъ грозой родительницы. Такова логика маменекъ! Антуанета послѣдовала совѣтамъ своей мамаши, хотѣла соблазнить холостого человѣка и дѣлала то же, что другія дѣлаютъ. На самомъ дѣлѣ много ли есть способовъ завлекать мужчинъ? Всего два: или ничего не дѣлать, или поступать, какъ поступаютъ ловкія женщины. Антуанета выбрала послѣдній потому, во-первыхъ, что я не оставилъ ей свободы выбора, а во-вторыхъ—потому, что полученное ею воспитаніе не обучило ее первому, о существованіи котораго она даже понятія не имѣетъ.

Закуска послужила, разумѣется, поводомъ къ новой игрѣ—въ тартинки съ масломъ... Пили бѣлое вино, всѣ оказались слегка возбужденными, и нашъ обратный путь совершился безъ особенныхъ скандаловъ. Каждый болѣе или менѣе подражалъ намъ, Антуанетѣ и мнѣ. И вернулись мы въ Динаръ, Антуанета убѣжденною, что вскружила мнѣ голову, я—очень довольнымъ моею экскурсіей: теперь я спокоенъ, приглашать меня больше не станутъ.

Пораздумавши хорошенько, я немножко раскаиваюсь въ томъ, что продѣлывалъ съ молоденькою дѣвушкой. Но преувеличивать ничего не слѣдуетъ, въ сущности, ей только это и было нужно. Еслибъ я на ней женился, стала ли бы она жалѣть о томъ, что дала волю моимъ заигрываніямъ? Нѣтъ, она похвалила бы себя за это. А кто осуждаетъ дурное лишь тогда, когда не получаетъ отъ него выгоды, тотъ не заслуживаетъ никакой пощады.

19 іюля.—Этого надо было ожидать. Сегодня утромъ мать сдѣлала мнѣ рѣзкій выговоръ за мое вчерашнее поведеніе. Повидимому, я компрометировалъ дѣвчонку... Я улыбнулся на упреки maman, но, не желая вступать въ споръ, я заявилъ о моихъ наилучшихъ намѣреніяхъ... оставаться совершенно равнодушнымъ къ этой дѣвицѣ. Это успокоило maman, желавшую единственно только, чтобъ я ее успокоилъ. Къ тому же у нея было много другихъ заботъ! Вечеромъ у насъ обѣдъ и помолвка. Мирбаны были, разумѣется, въ числѣ приглашенныхъ. Меня посадили рядомъ съ мадемуазель Каро. Ей уже извѣстно мое вчерашнее приключеніе, и,—какъ я предполагалъ,—она отнеслась съ крайнимъ неодобреніемъ не къ моимъ вольностямъ, а къ глупому легкомыслію Антуанеты, потомъ заговорила о красотѣ прудовъ. Меня задѣло немного за живое сквозившее во всемъ этомъ презрѣніе... Надо сказать правду, задѣло меня то, что она не нашла нужнымъ сдѣлать мнѣ какой-

нибудь упрекъ. Эта дѣвушка слишкомъ увѣрена въ своемъ умѣ. Я предпочелъ бы видѣть ее болѣе женственною, немного кокетливою, те-есть готовою ревновать къ другимъ... Вмѣсто того, она высокомѣрничаетъ и за мое приключеніе смотритъ на меня такъ, какъ будто я участвовалъ въ состязаніи на бѣганьѣ въ мѣшкахъ.

Вотъ почему въ теченіе всего обѣда я былъ въ очень дурномъ расположеніи духа. Моя матушка торжествовала, все было великолѣпно, почти какъ въ Парижѣ! Что не помѣшало нашей доброй maman ныть о трудностяхъ «устроить что-либо прилично, когда приходится принимать не у себя дома». За дессертомъ г. Мирбанъ провозгласилъ очень приличный тостъ за счастье помолвленныхъ дѣтокъ, вполнѣ гарантированное положеніемъ ихъ семействъ, всѣми уважаемыхъ и извѣстныхъ своею безукоризненностью. Я вспомнилъ, въ видѣ контраста, тостъ, провозглашенный при такомъ же случаѣ однимъ старымъ врачемъ и законченный такимъ восклицаніемъ:—«*Hipp*! *hipp*! *hurrah*!»—Восторгаться бракосочетаніемъ такъ, какъ прославляютъ Васистаса или Бициклету II, мнѣ всегда казалось резоннымъ. Чтобы разогнать мое нехорошее настроеніе, я разсказалъ про этотъ тостъ мадемуазель Каро и добавилъ:

— Это было не особенно пристойно, за то совсѣмъ не глупо. Бракъ—то же, что скачка, и шансовъ выиграть не больше, чѣмъ на ипподромѣ. Маленькое счастьице, а въ барышахъ только посредники.

21 іюля.—Пошла въ ходъ другая музыка. Повидимому, начались на виллахъ пересуды и сплетни о моихъ продѣлкахъ съ мадемуазель Санпенъ,—такова фамилія моей Антуанеты, забавлявшей меня на прудахъ. Меня это ни капельки не волнуетъ. Мамаша Антуанеты желаетъ извлечь выгоду изъ неприличнаго поведенія дочки и пускаетъ въ дѣло общественное мнѣніе! Она воображаетъ, что компрометированная молодая дѣвушка всегда вызываетъ сочувствіе, что молодой человѣкъ неизбѣжно подвергается осужденію, и мало ли что можетъ изъ этого выйти: восчувствовавши позоръ, которымъ его караютъ, молодой человѣкъ одумается и все загладитъ... женитьбой. Но моя совѣсть совершенно спокойна, и на такую ловушку я не дамъ себя поймать. Тѣмъ не менѣе, я принужденъ буду предпринять что-нибудь для яснаго доказательства всѣмъ, что никакихъ злостныхъ намѣреній не имѣлъ, что ничего, кромѣ шутки, не было, и что усилія маменьки ни къ чему ровно не приведутъ. И какъ только маменька увидитъ, что я рѣшилъ не поддаваться, она приставать не будетъ, пустится на поиски другой жертвы, а меня оставитъ въ покоѣ. Но что же придумать?...

22 іюля.—Средство найдено. Случайный разговоръ навелъ меня на отличную мысль, какъ «сбить гончихъ со слѣда». У моей матери были съ визитомъ дамы, болтуньи и отчаянныя дуры. Занимались, по обыкновенію, пересудами насчетъ купальщиковъ. Рѣчь зашла о Мирбанахъ, и одна хорошенькая сорока, желая подпустить острую шпильку, воскликнула:

— Мадемуазель Мирбанъ—женщина выдающаяся. Не даромъ мосье Жаку такъ нравится ея общество!

О! вы совершенно правы, красота неописуемая, общество мадемуазель Каро я предпочитаю разговорамъ съ вами. Я имѣю слабость любить умныхъ и толковыхъ женщинъ. Мордочка—на второмъ планѣ.

Вотъ мнѣ и средство! Раза три-четыре я покажусь въ публикѣ съ Мирбанами, и объ насъ тотчасъ же начнутъ плести какой - нибудь вздоръ. Про юную Антуанету скорехонько забудутъ. Компрометированною она окажется всего на нѣсколько дней. А женщины нашего времени компрометируются такъ часто, что осрамить ихъ можно только при особенно упорномъ стараніи. Антуанета можетъ позволить себѣ пошалить еще разъ десять такъ же точно, какъ на прудахъ, и, все-таки, найдетъ глупыша или проходимца, который на ней женится.

Мнѣ даже нѣтъ надобности задумываться надъ тѣмъ, будетъ ли хорошо и пристойно мое поведеніе съ мадемуазель Каро. Не говоря уже о томъ, что она изъ тѣхъ, кого нѣтъ возможности компрометировать, я не вижу лично для нея никакой опасности отъ того, что я выкажу передъ публикой предпочтеніе ея уму, остававшееся до сихъ поръ скрытымъ. Съ самою дѣвушкой я буду держать себя какъ всегда, только, вмѣсто прогулокъ съ нею и ея дядей въ ихъ саду, я затѣю съ ними какія-нибудь покупки въ городѣ, насъ увидитъ «улица» и заволнуется! Что же касается общества, то я знаю, насколько мадемуазель Мирбанъ равнодушна къ мнѣнію постороннихъ людей, особливо въ вопросахъ этого рода.

Отмѣчаю для памяти: вчера я засталъ, какъ цѣловались мои женихъ съ невѣстой.

Поцѣловались они, должно быть, въ первый разъ, такъ какъ Фани покраснѣла точно Антуанета на прудахъ. И меня огорчило немного такое сходство. Соображеніе объ обязательности подобныхъ манифестацій, какъ только начинается практическая любовь, укрѣпило во мнѣ отвращеніе полюбить женщину, которую я уважаю. Фани не имѣетъ ничего общаго съ Антуанетами, и я бы хотѣлъ, чтобы цѣловать себя она дозволяла не такъ, какъ Антуане-

ты. Если бы я полюбилъ женщину или дѣвушку, достойную моего уваженія, я бы предпочелъ доказывать ей это иными способами, а не такими обычными демонстраціями.

24 іюля.—Два дня я исполняю намѣченную мною программу. Къ тому же случай отлично помогъ мнѣ. Мадемуазель Каро нужно было сдѣлать много покупокъ для себя и для своей тетки, которая «терпѣть не можетъ ходить по магазинамъ», а г. Мирбанъ разыскивалъ хорошую карту здѣшняго края. Мы перерыли всѣ лавки. Если будетъ нужно, я заявлю о возвратѣ моей страсти къ фотографіи ради новаго хожденія по магазинамъ для покупки бумаги и аппаратовъ.

Какъ бы ни было, мы на виду у всѣхъ странствовали по Динару, потомъ прогуливались по берегу въ часъ купанья. Толпа маменекъ зорко слѣдила за мною, все еще продолжая сильно волноваться. Трудно представить себѣ что-либо болѣе забавное, чѣмъ ихъ довольныя физіономіи, когда онѣ увидали, что я едва поклонился семьѣ Саппенъ и выказывалъ большое вниманіе мадемуазель Каро. Если ни одна изъ нихъ не могла похвалиться побѣдой, за то вся коллекція избавлена была отъ огорченія признать торжество одной изъ ихъ партіи.

Такимъ образомъ инцидентъ оказался законченнымъ. Мадамъ Саппенъ будетъ предаваться отчаянію дня два или три, если не успѣетъ утѣшиться ранѣе. Что же касается ея дочки, то за нее я спокоенъ со вчерашняго дня, когда видѣлъ, какъ она играла въ крокетъ съ восхитительнымъ «бѣлымъ беретомъ». Если отъ нея ускользнетъ и этотъ, такъ найдутся другіе. «Бѣлыхъ беретовъ» тутъ не пересчитать. Числомъ и достоинствомъ они равны Антуанетамъ. Я былъ тоже «бѣлымъ беретомъ» въ теченіе одного дня на прудахъ.

27 іюля.—Я-то вообразилъ, будто все покончено! Со стороны Антуанеты — да, а со стороны мадемуазель Каро? Начать съ того, что моя добрая матушка спросила, съ чего я вздумалъ бѣгать за *всѣми* молодыми дѣвушками,—вчера за мадемуазель Саппенъ, сегодня за мадемуазель Мирбанъ,—это неприлично. Maman просто не узнаетъ меня—такого разсудительнаго и положительнаго. Я могъ бы привести въ оправданіе моей влюбчивости укрѣпляющее вліяніе моря, но предпочелъ выйти изъ затрудненія тѣмъ, что сдѣлалъ видъ, будто меня оскорбляетъ сопоставленіе моего обращенія съ Антуанетой, не заслуживающей никакого вниманія, и моихъ отношеній къ мадемуазель Каролинѣ, самой безукоризненной и умной дѣвушкѣ изъ всѣхъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Если люди такъ

глупы, что не умѣютъ понять, насколько чисты и деликатны мои отношенія къ мадемуазель Мирбанъ, и если кому угодно придавать имъ значеніе какого-то низменнаго и пошлаго ухаживанія, то я не лишенъ еще здраваго смысла для того, чтобы считаться съ ихъ мнѣніемъ, и, въ особенности, для того, чтобы отказаться отъ общества милыхъ людей, интеллектуальная прелесть которыхъ способна заставить меня забыть обо всемъ остальномъ.

— Къ чему же это поведетъ, однако, мой милый?

— Ни къ чему, дорогая моя мама! Ни къ чему иному, какъ къ тому, что я буду пріятно проводить время съ добрыми людьми, умственное развитіе которыхъ мнѣ нравится.

Мой отвѣтъ, повидимому, успокоилъ maman, точно она боялась, что дѣло можетъ дойти до интриги. А такъ какъ сближеніе мое съ миссъ Каро, во всякомъ случаѣ, сохранитъ характеръ самой чистой безупречности, то я никому не позволю стѣснять въ чемъ-либо мою свободу. Я счелъ лишнимъ заходить такъ далеко въ моемъ объясненіи съ матерью, не хотѣлъ ее тревожить химерическими предположеніями.

Но на этомъ не кончилось, и, признаюсь, дальнѣйшее живо меня затронуло. Я даже краснѣю, вспоминая объ этомъ,—такъ я былъ потрясенъ! Насколько она оказалась выше меня, какъ была проста, какъ глубоко огорчена и какъ добра, наконецъ... Нужна вся моя правдивость, мое твердое рѣшеніе не скрывать въ этомъ дневникѣ самыхъ затаенныхъ моихъ мыслей, для того, чтобы писать объ этомъ.

Когда я пришелъ съ обычнымъ, ежедневнымъ визитомъ къ Мирбанамъ, миссъ Каро сидѣла недалеко отъ входа, но такъ, что ее нельзя было видѣть ни изъ дома, ни съ дороги. Молодая дѣвушка усадила меня рядомъ съ собой и тотчасъ же заговорила:

— Я должна извиниться передъ вами. Нѣсколько дней назадъ я сказала вамъ, что не допускаю безучастнаго отношенія къ поступкамъ тѣхъ, кого мы любимъ или уважаемъ. И, тѣмъ не менѣе, когда я узнала о вашемъ похожденіи на прудахъ, я ничего вамъ не сказала. Я поступила дурно. Если меня оправдываетъ соображеніе, что дѣло было уже сдѣлано, то все же я раскаиваюсь въ томъ, что не помѣшала вамъ, быть можетъ, сдѣлать то же вторично.

Я началъ догадываться, опустилъ голову и ждалъ.

Миссъ Каро сдѣлала надъ собой усиліе и продолжала:

— Ваша игра съ Антуанетой была такъ... гадка, что вы принуждены были отказаться отъ нея. Зачѣмъ же было прибѣгать къ такому средству заявленія о своемъ легкомысліи? Признавать себя

виновнымъ, повторяя свою вину, вѣдь, это ни съ чѣмъ не сообразно! О, въ особенности, принимайте мои слова въ томъ прямомъ значеніи, какое они имѣютъ, и не придавайте имъ какого-либо иного смысла. Лично я ничуть не обезпокоена. Вы знаете, что я достаточно уважаю себя для того, чтобы ничего не бояться, моя жизнь такъ ясна, что для меня не опасно никакое злословіе... Я говорю это не изъ гордости, но потому, что привыкла смотрѣть на вещи прямо и полагаю, какъ уже говорила вамъ, что скомпрометировать можно лишь ту, которая сама этого хочетъ. Говорю я это только ради васъ самихъ, по дружбѣ. Вы дали мнѣ на это право, впутывая меня въ вашу... дипломатію.

— О, продолжайте, продолжайте! Я съ наслажденіемъ слушаю васъ, хотя вы меня и браните,— сказалъ я довольно неловко.

— Къ чему шутить? Ничего въ этомъ нѣтъ смѣшного. Разумѣется, я не хочу преувеличивать и признаю, что относительно меня вы не измѣнили вашего поведенія, которое было и *останется*, не правда ли, неизмѣнно дружескимъ? Но все-таки вы мною немножко поиграли. Вы воспользовались моею доброю репутаціей для того, чтобы возстановить свою. Въ теченіе трехъ или четырехъ вечеровъ я была орудіемъ въ вашихъ рукахъ, вы заставили меня служить не совсѣмъ хорошему дѣлу. Это причинило мнѣ нѣкоторое огорченіе, затронувши, во-первыхъ, мою гордость и, во-вторыхъ, мое расположеніе къ вамъ. Первое огорченіе прошло, второе длится потому, что не угасло расположеніе.

Она смолкла. Я взялъ ея руку и почтительно поцѣловалъ пальцы.

— А затѣмъ,—сказала мадемуазель Каролина,—кончено. Не будемъ говорить объ этомъ.

И она добавила, необычайно деликатнымъ тономъ, какъ бы желая загладить свои рѣзкости:

— Хоть предупредили бы меня! Быть можетъ, я бы согласилась...

Не восхитительно ли это? А, maman, maman! Большое счастье, что у тебя такой разсудительный сынъ! Будь чуть-чуть поменьше довольства въ одиночествѣ, поменьше ласки въ семьѣ, поменьше спокойной философіи и непоколебимаго хладнокровія, и послѣ такой сцены я сдѣлалъ бы то, что всякій мужчина сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ,—объяснился бы въ любви.

Я же, просто, возобновилъ мои извиненія съ искренно опечаленнымъ видомъ, и мы перемѣнили разговоръ. Но какая другая молодая дѣвушка могла бы быть настолько увѣренной въ себѣ и въ

своемъ положеніи, чтобы посмѣть такъ говорить съ молодымъ человѣкомъ? Всякую другую тотчасъ заподозрили бы въ маккіавелизмѣ. Миссъ Каро, наоборотъ, своимъ тономъ, своею серьезностью и деликатностью ни на секунду не вызвала во мнѣ подозрѣнія въ чемъ-либо подобномъ. Она оставалась во все время своей проповѣди чѣмъ-то вродѣ директрисы, дѣлающей выговоръ взрослымъ ученицамъ.

Моя исповѣдь кончена. Я поступлю теперь, какъ миссъ Каро,— спрячу все это за перегородку, въ тотъ уголъ, куда складываютъ вещи, о которыхъ не слѣдуетъ думать, и нехорошее воспоминаніе будетъ вычеркнуто изъ нашей жизни.

31 іюля.—Намъ остается пробыть здѣсь еще дней пятнадцать. Отецъ уѣхалъ сегодня утромъ и просилъ насъ вернуться скорѣе въ Вильнуа, гдѣ онъ скучаетъ, когда живетъ одинъ. Лорели тоже собираются уѣзжать. Они отправляются въ свой маленькій зâмокъ, близъ Пьерефона, гдѣ въ октябрѣ мы прогостимъ у нихъ съ недѣлю. Раньше же они побываютъ у насъ въ Вильнуа на время охоты въ сентябрѣ.

Мирбаны остаются здѣсь до конца августа. Я возобновилъ съ ними прежнія отношенія, и мы опять сдѣлались добрыми друзьями. Г. Мирбанъ удостоиваетъ меня наилучшаго расположенія, и каждый день мы втроемъ съ его племянницей проводимъ долгіе часы въ интереснѣйшихъ бесѣдахъ. Чудный сезонъ выдался для меня въ нынѣшнемъ году! И съ какимъ удовольствіемъ я жду будущей зимы! Извиняясь въ моей навязчивости, я просилъ г. Мирбана сохранить ко мнѣ доброе расположеніе и дать мнѣ возможность, по возвращеніи, пользоваться спеціальными сочиненіями для изученія всего того, что составляло здѣсь предметъ нашихъ разговоровъ. Онъ отвѣтилъ:

— Да, разумѣется, мой другъ, съ величайшимъ удовольствіемъ. Моя библіотека къ вашимъ услугамъ. Я распоряжусь, чтобы она была для васъ всегда открыта.

Я не совсѣмъ хорошо понялъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но не рѣшился его спросить. Вѣроятно, онъ хотѣлъ намекнуть на то, что самъ онъ слишкомъ занятъ и что поручитъ своему секретарю быть руководителемъ въ моихъ экскурсіяхъ по его книгамъ.

3 августа.—Грустно мнѣ, грустно до слезъ. Это глупо, но это такъ. И зачѣмъ я такъ раздражаюсь отъ малѣйшей неудачи? Должно быть, жизнью слишкомъ избалованъ, и это дѣлаетъ меня до смѣшного чувствительнымъ къ самымъ ничтожнымъ толчкамъ.

Дѣло очень простое, однако, и странно, что я этого не сообра-

зилъ сразу. Я все время тѣшилъ себя мыслью провести зиму съ пользой, работая съ Мирбаномъ, и вотъ извѣстіе о необходимости отказаться отъ такой надежды страшно меня взволновало.

— Скажите, любезный человѣкъ секретарь вашего дяди?

Мадемуазель Каро разсмѣялась.

— Любезный ли?... А вы до сихъ поръ еще не убѣдились въ этомъ?

— Да это вы?... Какой восторгъ для меня!

— Почему?

— Потому, что, если я вѣрно понялъ слова вашего дяди, мнѣ придется зимой обращаться къ содѣйствію его секретаря для завершенія моихъ знаній.

Она посмотрѣла на меня и, сдѣлавшись вдругъ серьезною, сказала просто:

— Вы ошибаетесь. Я объясню вамъ... Служба дяди заставляетъ его побывать нѣсколько разъ въ зиму на югѣ Франціи. Мы каждый годъ устраиваемся на это время въ Марсели, откуда дядя объѣзжаетъ свой округъ. Дядя хотѣлъ вамъ сказать, что распорядится въ Парижѣ открыть вамъ свободный доступъ въ его библіотеку.

Я испыталъ такое чувство, будто меня ударили обухомъ по головѣ. У меня въ глазахъ помутилось, я поднялся съ мѣста и, не поклонившись даже миссъ Каро, ушелъ отъ Мирбановъ.

Насколько же я долженъ былъ показаться смѣшнымъ! Разумѣется, мнѣ пріятнѣе было бы заниматься въ обществѣ добрыхъ друзей, съ которыми я чувствую себя такъ хорошо. Но уже особенно-то огорчаться все-таки нѣтъ повода. Но какъ я ни стараюсь убѣдить себя въ этомъ, я не могу отдѣлаться отъ моей тоски,— слишкомъ тяжело мнѣ разочарованіе.

Выходитъ, милѣйшій мой Жакъ, что пора тебѣ отправляться во-свояси. Очень ужь ты здѣсь раскисаешь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказъ.

На этомъ обрывается дневникъ Жака Бревена, относящійся къ его пребыванію въ Динарѣ. Далѣе не произошло ничего такого, что стоило бы записывать.

Послѣдніе дни прошли въ сборахъ къ отъѣзду и въ посѣщеніяхъ немного на-удачу любимыхъ мѣстностей края. Поѣздка въ Динаръ была заключительною прогулкой, которую сдѣлали сообща

три семьи, Бревеновъ, Лорелей и Мирбановъ, причемъ каждый былъ занятъ своими думами. Помолвленные мечтали о томъ, гдѣ бы найти укромный уголокъ для своей любви, мадемуазель Каролина безмятежно наслаждалась прелестью цвѣтущаго края, Жакъ загрустилъ еще сильнѣе,—онъ въ послѣднiй разъ былъ съ своими друзьями... Такiя непрочныя связи, какъ сложившiяся изъ эфемернаго сосѣдства, могутъ ли когда-нибудь возстановиться, и не порветъ ли ихъ окончательно разлука на нѣсколько мѣсяцевъ?

Жакъ вернулся въ Вильнуа и зажилъ своею обычною жизнью, но безъ той сердечной радости, съ какою всякiй разъ, послѣ долгаго отсутствiя, онъ возвращался въ домъ, гдѣ провелъ дѣтство и юность, въ любимый край, гдѣ ему былъ хорошо знакомъ каждый уголокъ. Безъ признака прежняго сладкаго волненiя увидалъ Жакъ опять большой тѣнистый паркъ, окружающiй домъ и прилегающiй къ фабрикѣ, непрерывное храпѣнiе которой побуждало его къ дѣятельности постояннымъ напоминанiемъ о трудѣ и терпѣнiи. Да и къ самой фабрикѣ Жакъ отнесся безучастнѣе, какъ и къ массѣ рабочихъ, нуждамъ которыхъ онъ горячо сочувствовалъ, и ко всей округѣ, не особенно эффектной, ровной и гладкой, но богатой и плодородной, и къ старому епископскому городу, давно мертвому и черному, но милому по воспоминанiямъ о счастливомъ прошломъ. Жакъ говорилъ мало, совсѣмъ не смѣялся, и мадамъ Бревенъ жаловалась на унылую жизнь, которую устраиваютъ ей дѣти.

Фани цѣлыми днями меланхолически бродила по парку, гдѣ ее заставали ощипывающею лепестки маргаритки или разыскивающею трефоль о пяти листкахъ. И недовольная мать ворчала на свою единственную дочь. Что она вздыхаетъ о женихѣ, это понятно, и пусть вздыхаетъ, но подъ условiемъ не нагонять тоски на другихъ. Вильнуа и самъ по себѣ не такъ увеселителенъ, чтобы омрачать еще пребыванiе въ немъ печальными лицами.

Къ счастью, прiѣздъ Лорелей измѣнилъ настроенiя. Фани стала веселою, по-прежнему, и Жакъ нѣсколько подбодрился. Катались верхомъ и на велосипедахъ, ѣздили къ сосѣдямъ, охотились и провели двѣ недѣли въ суетѣ и въ развлеченiяхъ.

Потомъ Лорели уѣхали, и, когда наступило время отправляться погостить у нихъ въ имѣнiи, Жакъ объявилъ, что возвращается въ Парижъ одинъ. Суды должны скоро открыться,— объяснялъ онъ,—и ему необходимо быть готовымъ къ услугамъ клiентовъ.

Къ концу сентября Жакъ вернулся къ своимъ всегдашнимъ парижскимъ привычкамъ и занятiямъ. Надо полагать, впрочемъ,

что онъ избѣгалъ заглядывать внутрь себя, такъ какъ за это время не находится ни одной помѣтки въ его дневникѣ.

Онъ часто думалъ о Мирбанахъ. Это была даже единственная дума, на которой онъ останавливался, помимо занятій дѣлами. И каждый разъ онъ сожалѣлъ о ихъ отъѣздѣ на югъ. Когда же, по его предположеніямъ и разсчетамъ, они должны были вернуться изъ Динара въ Парижъ на нѣсколько недѣль, онъ увѣрилъ себя въ томъ, что приличіе требуетъ заѣхать къ нимъ и оставить свою карточку у ихъ швейцара. Три дня спустя, Жакъ получилъ записку отъ Мирбана съ приглашеніемъ обѣдать у нихъ, когда ему угодно, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ находится въ Парижѣ одинъ, безъ семьи.

На другой день онъ явился къ Мирбанамъ и былъ принятъ очень радушно. Мадемуазель Каро встрѣтила его привѣтливо, безъ напускной сдержанности, но и безъ особенныхъ изліяній.

Съ этой минуты къ Жаку вернулось его полное довольство жизнью. Отъ времени до времени, подъ самыми основательными предлогами, онъ посѣщалъ своихъ новыхъ друзей. Не желая каждый разъ безпокоить г. Мирбана, онъ часто проходилъ прямо въ библіотеку, гдѣ находилъ мадемуазель Каро занятою писаніемъ или женскою работой. Жакъ просилъ молодую дѣвушку дать нужную ему книгу, и между ними завязывался разговоръ о томъ предметѣ, которымъ Жакъ занимался. А такъ какъ мадемуазель Каро была въ этой области свѣдущѣе его, то ей приходилось давать ему длинныя объясненія и почти всегда напоминать, что ему пора уходить.

Иногда онъ говорилъ ей:

— Что станется со мной, когда вы уѣдете? Безъ васъ я ни за что не разберусь во всемъ невѣдомомъ мнѣ.

— О, разберетесь,—отвѣчала она.—Вы уже знаете мой методъ. А потомъ мало-по-малу все выяснится само собой. Когда мы вернемся, вы насъ поучите.

Они уѣхали. Наканунѣ Жакъ приходилъ къ нимъ проститься. Г. Мирбанъ передалъ ему ключъ отъ библіотеки и приказалъ сторожу дома во всякое время пропускать Бревена. Мадемуазель Каро дружески сказала:—«до свиданія»,—и Жакъ пришелъ къ себѣ окончательно уравновѣшеннымъ. Онъ ретиво принялся за изученіе египетскихъ древностей, что давало ему возможность, подъ благовиднымъ предлогомъ, не прерывать сношеній съ его друзьями. Онъ часто приходилъ въ библіотеку и даже иногда занимался въ ней. Когда же встрѣчалось сомнѣніе или недоумѣніе, онъ припоминалъ

не оставили ли ему мадемуазель Каро и ея дядя какихъ-нибудь словесныхъ указаній по затруднявшему его вопросу.

Мало-по-малу онъ впалъ, однако, въ ту же безотчетную тоску, которая одолѣвала его по возвращеніи изъ Динара въ Вильнуа. Изъ нѣкоторыхъ записей, сдѣланныхъ имъ за это время въ дневникѣ, можно вывести слѣдующія заключенія:

Очень уравновѣшенная натура Жака Бревена помогала ему до сихъ поръ обходиться, если не безъ дружбы, то безъ интеллектуальной поддержки. Умственно онъ вполнѣ довольствовался самимъ собою, и всѣ его свѣтскія связи имѣли характеръ скорѣе сантиментальный, чѣмъ разумный. Происходило это отъ того, что онъ, помимо учителей, которые не могли быть его друзьями, никогда не встрѣчалъ человѣка, равнаго себѣ по натурѣ,—не то, что особенно возвышенной, а просто—здоровой и независимой. Страсти, волновавшія тѣхъ, къ кому онъ былъ расположенъ, оставляли его совершенно равнодушнымъ, если не вызывали улыбки. Ни въ комъ не видалъ онъ нравственной дисциплины не только болѣе крѣпкой, но даже равной его собственной.

Вотъ почему Мирбаны произвели на него очень сильное впечатлѣніе. Въ нихъ онъ нашелъ такую интеллектуальную выдержку, передъ которою его уравновѣшенность оказывалась ребяческою. Большая прямота, простота, при обширности знаній, немного пылкая искренность, разумная задушевность, постоянство въ стремленіи къ добру, неизмѣнно ровная, чисто сердечная, но необычайно живая страстность,—все то, что составляло нравственныя основы семейства Мирбановъ,—сильно повліяло на Жака Бревена. За свою разсудительность онъ всегда считалъ себя стоящимъ выше тѣхъ, кто окружалъ его, такъ какъ онъ умѣлъ съ большою ясностью ума относиться къ такимъ вещамъ, которыя ихъ жестоко волновали, и вотъ онъ встрѣтилъ въ этой семьѣ людей болѣе сильныхъ и устойчивыхъ, чѣмъ онъ самъ, и въ то же время много болѣе сердечныхъ.

Съ одной стороны, онъ видѣлъ умственное превосходство, съ другой—удивительно развитую чуткость къ добру, нисколько не вредящую разсудительности. Безсознательно, не отдавая еще себѣ полнаго въ томъ отчета, онъ чувствовалъ, что натолкнулся на настоящихъ учителей, на такихъ, которые укажутъ ему жизненные пути, ему еще неизвѣстные, но тоже очень привлекательные. Болѣе ли привлекательные, чѣмъ тотъ, котораго онъ держался до сихъ поръ? На это должно было отвѣтить будущее, и рѣшенія этого вопроса онъ еще не искалъ. Но онъ испытывалъ непре-

одолимое влеченіе къ тѣмъ, кто, сами того не зная, раскрывали передъ нимъ иную жизнь. Ихъ закалъ, ихъ нравственная устойчивость представляли собою маленькіе огоньки въ темномъ лѣсу. Что это за огоньки и что они сулятъ, онъ не зналъ, но они манили его къ себѣ, и онъ шелъ къ нимъ.

Когда онъ пріѣхалъ опять въ Вильнуа, а огоньки для него исчезли, онъ почувствовалъ тоску, неопредѣленную, какъ тоска по родинѣ, причемъ человѣкъ самъ не можетъ опредѣлить, что собственно томитъ его. Жакъ опять свидѣлся съ Мирбанами, и снова, подъ ихъ опекой, окрѣпъ духомъ, счастливый тѣмъ, что опять его ведутъ нечувствительно для него, но твердою рукой. Показались огоньки, и онъ къ нимъ шелъ.

Еще разъ исчезли они, и онъ упалъ духомъ. Нѣкоторое время его занималъ трудъ, заимствованный имъ отъ учителей. Но Жаку не доставало, въ особенности, задушевныхъ бесѣдъ, въ которыхъ перетирались и улучшались его идеи, измѣнялись, по меньшей мѣрѣ. Ему необходимо было возобновить прерванный разговоръ, увидать огонекъ, продолжать путь, въ концѣ котораго онъ свѣтился.

Есть ли, на самомъ дѣлѣ, достаточно сильный, достаточно увѣренный въ себѣ человѣкъ, который способенъ былъ бы идти одинъ въ жизни, въ особенности когда жизнь только что начата? Такъ или иначе, у всѣхъ есть свой вожакъ. Чѣмъ Бюрнуфъ былъ для Ренана, тѣмъ, приблизительно, стали Мирбаны для Жака Бревена. Такіе люди будятъ самосознаніе личности, и мы хватаемъ руку такого человѣка, когда чувствуемъ, что не заблудились мы еще, а не рѣшаемся идти, и сознаемъ, что эта рука выведетъ насъ на хорошую дорогу.

Жакъ Бревенъ не достаточно долго держалъ такую руку. Она была еще необходима ему, и онъ искалъ ее, и нашелъ, разумѣется.

Разъ онъ сталъ въ совершенный тупикъ при своихъ занятіяхъ археологіей. Тогда онъ рѣшился просить указаній письмомъ. Началась переписка; изъ нея выясняется, какое благотворное нравственное вліяніе она оказала на Жака Бревена.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„То было раннею весной".

I.

Поликарпъ Ивановичъ вошелъ въ классъ, сѣлъ на свое обычное мѣсто, скорбно склонилъ лысую голову на бокъ и началъ свою рѣчь такъ:

— Милостивыя государыни барышни! На правахъ вашего учителя и такъ сказать отца вашего духовнаго, я позволю себѣ сказать вамъ нѣчто... нѣсколько мыслей, о которыхъ бы вы... которыя бы васъ заставили призадуматься...

Онъ съ минуту помолчалъ, какъ бы что-то соображая. Потомъ вдругъ дико мотнулъ голымъ черепомъ, словно его что-то ужалило, хитро прищурилъ одинъ глазъ и спросилъ скороговоркой:

— А слыхали ли вы, барышни, что у насъ появился волкъ?

Мы переглянулись между собою съ испугомъ и недоумѣніемъ. Вопросъ былъ такой странный, неожиданный, а видъ у Поликарпа Ивановича былъ такой чуднóй... Ужъ не сошелъ ли онъ съ ума?..

— Да, волкъ... Одинъ изъ тѣхъ волковъ, которые рыщутъ по святой Руси и соблазняютъ бѣдное юношество мерзкими книжонками и громкими фразами о свободѣ, о равенствѣ и братствѣ людей, о гражданскомъ долгѣ.

Ага! Наконецъ-то мы догадались въ чемъ дѣло, о какомъ волкѣ идетъ рѣчь.

— Это онъ о Коржинѣ,—сказалъ кто-то, но такъ громко, что всѣ услышали. Дружный, взволнованный шепотъ двадцати трехъ голосовъ пронесся по классу... Моя сосѣдка, большая пріятельница, Маня Высоцкая, толкнула меня ногою подъ партой, я взглянула на нее, она на меня.

— Понимаешь?—тихо спросила она.

— Понимаю,—отвѣтила также тихо я.

Послѣ чего мы обѣ улыбнулись, какъ два авгура, таинственно и многозначительно.

А Поликарпъ Ивановичъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Скрытымъ, невидимымъ ядомъ пропитаны ихъ волчьи рѣчи, а пылкая, неопытная юность упивается этими рѣчами и погибаетъ отравленная... Ой, берегитесь, барышни, берегитесь!...

Ораторъ вытянулъ вверхъ тощую руку, похожую на лапу цапли, и угрожающе потрясъ ею въ воздухѣ.

— Берегитесь, ибо и у насъ появился волкъ, который ждетъ только удобнаго случая, чтобы погубить ваши юныя души ядовитыми фразами.

— Поликарпъ Ивановичъ, а развѣ волки говорятъ?—звонко спросила Анюта Захарова тономъ трехлѣтней наивной дѣвочки. И въ ту же минуту кто-то съ задней парты отвѣтилъ басомъ:

— Конечно, говорятъ—въ сказкахъ.

Двадцать три дѣвицы раскатились громкимъ хохотомъ на всѣ голоса. Поликарпъ Ивановичъ смутился. Такого веселаго эффекта онъ совсѣмъ не ожидалъ. Легкомысліе наше безпощадно разрушало всю серьезность и глубокую торжественность его настроенія. Онъ нахмурилъ брови и громко крикнулъ:

— Я, барышни, съ вами шутить не намѣренъ и говорю вамъ совсѣмъ не для потѣхи. Госпожа Рыковская, чего вы тамъ ржете?

Рыковская подавилась смѣхомъ и мигомъ смолкла. А за нею смолкли и всѣ остальныя.

У Поликарпа Ивановича на лбу собрались складки, подъ бровями побѣлѣло, а лысина покраснѣла—это былъ дурной знакъ: «отецъ нашъ духовный» обозлился не на шутку.

— Я свое дѣло сдѣлалъ, свой нравственный долгъ выполнилъ, а ужъ тамъ какъ знаете,—сказалъ онъ ледянымъ тономъ, немного помолчалъ и потомъ зловѣще добавилъ: «Ну-съ, а теперь обратимся къ «Войнѣ Алой и Бѣлой розы».

И помню я, что «Война Алой и Бѣлой розы» принесла намъ въ этотъ разъ такое количество двоекъ, какое хватило бы на цѣлую гимназію. И несмотря на это, весь урокъ веселье положительно душило насъ, и мы еле-еле сдерживались. Наконецъ, пробилъ звонокъ. Только что успѣлъ Поликарпъ Ивановичъ скрыться за дверью, какъ въ классѣ началась настоящая потѣха. Шумъ, смѣхъ, шутки, остроты.

— Ахъ, я умираю отравленная,—стонала хорошенькая, какъ картинка, и отчаянная шалунья Перцева.—Сегодня я встрѣтила

волка. Онъ дохнулъ на меня своимъ скрытымъ, невидимымъ ядомъ, и вотъ я погибаю... Спасите!...

Перцева уморительно гримасничаетъ глазами и дѣлаетъ «обморокъ». Причемъ, падая на полъ, она зацѣпила стулъ. Двойной громъ отъ паденія Перцевой и стула покрываетъ неистовый хохотъ всего класса. На шумъ вбѣгаетъ классная дама Антонина Петровна и кричитъ:

— Что здѣсь такое?

— Перцева отравлена,—отвѣчаетъ изъ толпы чей-то робкій голосъ.

— Что такое?

Антонина Петровна блѣднѣетъ, какъ смерть, и со всѣхъ ногъ бросается къ Перцевой.

— Что съ вами, Перцева?

Но Перцева безмолвна. Она вытянулась на полу въ живописной позѣ умирающей на сценѣ актрисы и томно закрыла глаза. Отъ напора едва сдерживаемаго смѣха ея алыя губы дергаетъ судорога, а полная грудь слегка колышется.

— Ее отравилъ волкъ,—опять робко поясняетъ кто-то.

— Какой волкъ? Что за чепуха?

Въ отвѣтъ на это мы хохочемъ, какъ сумасшедшія, и Антонина Петровна наконецъ догадывается, что ее мистифицируютъ.

— Перцева, встаньте!—хрипло кричитъ она, и изъ блѣдной превращается въ багровую отъ гнѣва.

Перцева грузно и неуклюже подымается, вся ея полная фигура принимаетъ глупый и виноватый видъ.

— Фу, какъ не стыдно!... Вѣдь вы уже взрослая дѣвушка и такъ глупите.

— Да, Антонина Петровна,—лепечетъ въ свое оправданіе Перцева,—какъ же, подумайте сами: Поликарпъ Ивановичъ говоритъ, что Коржинъ—волкъ, и дышетъ отравою,—а я встрѣтилась сегодня утромъ съ нимъ на бульварѣ, ну и...

Перцева закрыла лицо руками и залилась беззвучнымъ смѣхомъ.

— Рѣшительно недоумѣваю, что съ вами? чего вы всѣ смѣетесь?

Мы, наконецъ, объяснили Антонинѣ Петровнѣ, въ чемъ дѣло. «Волкъ» разсмѣшилъ и ее, но только на одно мгновеніе: она тщательно подавила въ себѣ улыбку, строго поджала губы и тоже посовѣтовала намъ «подумать хорошенько обо всемъ»... Но что такое это *все*, о чемъ намъ нужно было «подумать», мы рѣшитель-

но не знали и потому всю перемѣну и весь слѣдующій урокъ рукодѣлія мы только дурачились и болтали всякій вздоръ, а «думать» ни о чемъ не думали.

II.

За обѣдомъ я разсказывала исторію съ «волкомъ» своей матери и опять много смѣялась. Но мать не только не сочувствовала моей веселости, а напротивъ вся какъ-то поджалась, словно испугалась чего-то. Она долго молчала, внимательно слушала и смотрѣла на меня холодно и строго узкими прищуренными глазами.

— Ой, смотри!... Ты—сирота и вся зависишь отъ дяди. И если что случится, дядя первый отступится.

— Да что же, мамочка, можетъ случиться?

— А я почемъ знаю?... Дѣло темное и во всякомъ случаѣ не шуточное; о Коржинѣ этомъ давно идутъ толки, и вообще личность эта подозрительная.

— Но вѣдь я же съ нимъ и не знакома даже. Встрѣчаюсь иногда только на улицѣ.

— А ты старайся не встрѣчаться.

— Ну, вотъ еще. Ужъ это совсѣмъ, какъ Перцева: встрѣтился, дохнулъ скрытымъ ядомъ и отравилъ...

Я опять звонко расхохоталась, но мать даже не улыбнулась.

— Именно всю жизнь буду раскаиваться, что не отдала тебя въ институтъ, какъ совѣтовалъ дядя,—сказала она раздумчиво, и лицо ея сдѣлалось еще холоднѣе и строже.

Предстояла длинная и скучная нотація, которая всегда слѣдовала послѣ сожалѣній объ институтѣ.

Я перестала смѣяться.

— Въ институтѣ развѣ мыслимо что-либо подобное тому, что творится у васъ въ гимназіи? Развѣ институтки бываютъ такъ дерзки, какъ ваша Захарова, и такъ распущены, какъ Перцева и какъ вообще всѣ вы?... Осмѣять учителя цѣлымъ классомъ вмѣсто того, чтобы вникнуть въ суть дѣла, подумать хорошенько.

Она нервно скомкала салфетку, бросила ее передъ собою и встала изъ-за стола совершенно разстроенная. Я съежилась, словно вся уменьшилась, и виновато и тихо скользнула къ себѣ въ комнату. Здѣсь я машинально подошла къ окну, распахнула его настежь и сѣла на подоконникѣ. Весна ворвалась ко мнѣ въ комнату острою и влажною теплотой. Въ полисадникѣ чернѣли еще голые кусты сирени съ жирными надувшимися почками, но было такъ тепло и мягко въ воздухѣ, какъ лѣтомъ. Какая-то птичка

суетливо прыгала съ вѣтки на вѣтку и кричала монотонно и однообразно: «чиликъ, чиликъ». Отъ разрытыхъ клумбъ, обсаженныхъ дерномъ, тянуло сыростью. Я задумчиво смотрѣла на птичку, на желтый, прошлогодній дернъ, сквозь который со страстнымъ молодымъ усиліемъ пробивалась маленькая ярко-зеленая травка, и мнѣ грустно было и чего-то было жаль. Отъ веселости моей не осталось и слѣда.

Чего злится мама? Чего хочетъ Поликарпъ? Чего вообще всѣ *они* отъ насъ хотятъ? О чемъ мы должны подумать? И какъ все странно и непонятно...

И невольно припомнились мнѣ безчисленные «слухи» и «толки», которые ходили въ нашемъ городѣ про Коржина. И то, что о немъ такъ много говорятъ, его ругаютъ, за нимъ слѣдятъ, его боятся,—все это впервые приковало мое вниманіе, и я задумалась.

Рѣчь Поликарпа Ивановича опять пронеслась въ моемъ мозгу почти дословно, и на этотъ разъ все, что было въ ней смѣшного и курьезнаго, исчезло, а осталось только одно загадочное, таинственное и любопытное до такой степени, что не думать обо всемъ этомъ я уже не могла... И я сидѣла на подоконникѣ и все думала-думала и не замѣтила, какъ совсѣмъ завечерѣло и все кругомъ потемнѣло... Зажгли огни. Я вышла въ столовую и долго пила чай и во время чая все думала о Коржинѣ и не слушала, о чемъ разговаривали мать и дядя. Потомъ я усѣлась за уроки, но учиться не могла: голова у меня слегка кружилась, словно отъ вина, и вся я была какъ-то черезчуръ возбуждена и приподнята. И я сидѣла надъ черновою тетрадкой съ алгебраическими задачами, дѣлала безчисленные росчерки своей фамиліи и все собиралась рѣшать уравненіе со многими неизвѣстными и не рѣшала. Въ мозгу шумѣли и кружились, какъ стая птицъ, мысли, не имѣющія ничего общаго съ алгебраическими иксами и игреками, мысли, которыя разжигали мое любопытство, волновали сладко и увлекали и въ то же время слегка пугали и наполняли сердце смутнымъ предчувствіемъ какой-то бѣды.

Въ сосѣдней комнатѣ часы прохрипѣли десять. Тогда я, окончательно убѣдившись, что заниматься сегодня не буду, вышла на дворъ. Ночь темная, звѣздная, ночь весенняя пахнула на меня чѣмъ-то тревожнымъ и возбуждающимъ и еще сильнѣе взволновала мои нервы. Мнѣ вдругъ чего-то захотѣлось страстно, къ чему-то потянуло неудержимо, и всю меня охватилъ какой-то безотчетный, восторженный порывъ... Я быстро вернулась въ комнату, набросила на плечи теплую материну шаль, опять выскочила на улицу и

какъ рѣзвый вѣтеръ понеслась къ Манѣ Высоцкой, которая жила дома черезъ три отъ насъ.

Маня сидѣла у воротъ на лавочкѣ и давно уже ожидала меня.

— Знаешь что,—обратилась она ко мнѣ съ привычнымъ восклицаніемъ, за которымъ обыкновенно слѣдовало какое-либо важное сообщеніе,—знаешь, сижу я здѣсь уже часа полтора и все думаю... о комъ?—угадай!...

И не дождавшись моего отвѣта, объявила:

— О Коржинѣ.

— Ты?... И ты тоже?—воскликнула я, пораженная тѣмъ, что и Маня весь вечеръ была увлечена тѣми же мыслями, какъ и я; и въ этомъ совпаденіи я увидала что-то роковое и неизбѣжное для насъ обѣихъ.

— О чемъ же ты думала?

— О многомъ... Во-первыхъ...

Маня повернулась ко мнѣ всѣмъ корпусомъ и сказала:

— Я рѣшила съ нимъ познакомиться.

— Ты съ ума сошла!—вскрикнула я испуганно и въ то же время обрадовалась, сама не зная чему.

— Да, я рѣшила съ нимъ познакомиться... По крайней мѣрѣ испытаю, такъ ли это опасно и пагубно... Но самое главное — узнаю, что такое этотъ Коржинъ. И почему онъ волкъ? Для чего нужна ему неопытная юность?... Все, все это меня занимаетъ ужасно.

— И меня, и меня тоже,—взволнованно подхватила я.—И я тоже объ этомъ думала весь вечеръ. Но, только, позволь, это же невозможно. Прежде всего Поликарпъ со свѣта сживетъ, и, пожалуй, даже выключатъ... А что дома скажутъ?

— Ахъ, оставь! Меня возмущаетъ твоя трусость.

Я смолкла, а Маня начала съ жаромъ доказывать, что «мы не дѣти и пора же намъ, наконецъ, раскрыть глаза и относиться ко всему критически»... Я жадно слушала и внутренно замирала отъ какой-то странной, безпричинной радости, но изъ упорства продолжала возражать: «Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно... и ты этого не сдѣлаешь»,—хотя въ душѣ безусловно вѣрила, что это возможно и что Маня это «сдѣлаетъ», и удивлялась ей, и завидовала ея смѣлости. Воображеніе начинало рисовать что-то фантастическое, необычайное, головокружительное, смѣлое и заманчивое. Напускное благоразуміе мое съ каждою минутой все слабѣло и таяло, какъ воскъ передъ огнемъ. Наконецъ исчезло совсѣмъ, и я воскликнула:

— Манька! да неужели же это возможно? Ну, если ты познакомишься, то и я тоже...

— Правда? а не струсишь?

Въ отвѣтъ на это я только блаженно разсмѣялась. Внутри у меня такъ все и прыгало и трепетало. На сердцѣ было и жутко, и сладко, и жадное любопытство разжигало меня.

— Итакъ, тайна?

— Тайна, тайна, Манька!...

Мы порывисто обнялись и поцѣловались.

Запахъ весны, и тишина ночи, и наша «тайна» — все это подхватило насъ и закружило и понесло куда-то далеко-далеко; и мы говорили-говорили горячо и безпорядочно, говорили о Коржинѣ, вспоминали безчисленные разсказы о немъ, разбирались—гдѣ правда, а гдѣ анекдотъ, высказывали собственныя предположенія и догадки на его счетъ, выдумывали проекты знакомства съ нимъ и спорили, и волновались, и смѣялись безъ конца... Но вотъ на колокольнѣ каѳедральнаго собора медленно пробило двѣнадцать часовъ. Пора, пора! Наши давно спятъ. Мы бросились по домамъ. Но только что я пробѣжала нѣсколько шаговъ, какъ слышу за собой:

— Лида!

— Что?

— Погоди!

Маня подбѣжала ко мнѣ и звонко и радостно расхохоталась.

— Чему ты?—удивилась я.

— А такъ... сама не знаю чему. Лида, вѣдь, мы уже взрослыя, большія, совсѣмъ большія!

— Ну?

— Да только всего... Прощай!

Она опять разсмѣялась и убѣжала.

— Какая ты дурочка!—закричала я ей вслѣдъ.

— А небо-то, небо... Те-е-мное, звѣ-ѣздное... Ахъ, хорошо... такъ бы и улетѣла куда-то!—раздался въ послѣдній разъ голосъ Мани, и затѣмъ все смолкло.

Я постояла еще съ минуту у своей калитки, посмотрѣла на небо и потомъ боязливо и осторожно направилась въ домъ.

III.

«Мечта» осуществилась... Мы познакомились...

Но, Боже мой, какъ все это случилось вдругъ, неожиданно и необыкновенно... Мы только что окончили свои занятія и вышли на улицу, какъ вдругъ видимъ—идетъ *онъ*... Я такъ и обомлѣла

— Сюда идетъ,—взволнованно шепнула Маня.

Коржинъ поровнялся съ нами и остановился.

— Это домъ Янчиной?—спросилъ онъ глуховатымъ теноромъ, указывая по направленію къ большому бѣлому дому, виднѣвшемуся въ концѣ улицы.

Я вспыхнула до корней волосъ, сконфуженно заморгала глазами и осталась нѣма, какъ рыба. Маня же, наоборотъ, вся пріободрилась и отвѣтила съ преувеличенною смѣлостью:

— Да, да... это самый... Идите въ парадную, а то во дворѣ собаки.

Коржинъ приподнялъ шляпу, ласково закивалъ намъ головою и направился своею дорогой.

Мы нѣсколько минутъ молчали, ошеломленныя неожиданною встрѣчей, потомъ обѣ встрепенулись и заговорили быстро, радостно волнуясь и перебивая другъ друга... Но не успѣли мы еще обмѣняться своими впечатлѣніями, какъ Коржинъ опять предсталъ передъ нами. И вотъ тутъ-то произошло то, чего я никакъ не ожидала: Маня вдругъ подошла къ нему и безъ всякихъ предисловій выпалила:

— А мы давно хотимъ съ вами познакомиться.

Богъ мой!... Я какъ стояла, такъ и обмерла на мѣстѣ... Если бы громъ небесный грянулъ и поразилъ меня, то это не было бы такъ ужасно, какъ то, что я слышала... Я закусила до крови губы и смотрѣла на Маню, какъ на помѣшанную.

А Коржинъ тоже смотрѣлъ на насъ обѣихъ, то на меня, то на Маню долгимъ пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилось и изумленіе, и любопытство, и еще что-то тревожное и робкое, и вдругъ словно вспомнилъ о чемъ-то, оживился, улыбнулся простою, широкою и какою-то особенно славною улыбкой.

— Вы? со мною?... Очень радъ!—воскликнулъ онъ, и улыбка его стала еще милѣе... И глаза его, большіе сѣрые, немного близорукіе, тоже засіяли весело и ласково.

Я кое-какъ перевела духъ.

— Очень радъ... очень радъ... что же собственно побудило...

Но Маня перебила его.

— Мы такъ много о васъ слышали... такъ много... и насъ такъ заинтересовало... Мы хотимъ узнать... Вообще, все это такъ любопытно...

Маня волновалась, торопилась и путалась.

— Скажите, вы—нигилистъ? — опять неожиданно вылетѣло у нея.

Коржинъ посмотрѣлъ на насъ обѣихъ еще удивленнѣе и пристальнѣе.

Маня ждала его отвѣта съ лицомъ серьезнымъ, дѣловитымъ и немного нахмуреннымъ.

— Да вы прелюбопытныя!—воскликнулъ, наконецъ, онъ и залился тихимъ долгимъ смѣхомъ.—Нѣтъ, не нигилистъ, а что?

— Да какъ же не нигилистъ? Вѣдь, вы же все отрицаете, разрушаете, ничего не признаете...

— Да кто вамъ сказалъ?

— И Бога отрицаете,—продолжала Маня сконфуженною скороговоркой, не глядя ему въ лицо,—проповѣдуете, что Бога нѣтъ и начальства нѣтъ.

Коржинъ опять фыркнулъ и весело воскликнулъ:

— Начальства нѣтъ... вотъ такъ штука!... Это даже и для меня ново...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣла сказать... Не нѣтъ начальства, а что его не нужно... Однимъ словомъ, проповѣдуете свободу, безначаліе и еще...

Маня запнулась, но вдругъ опять оживилась, и глаза ея сверкнули.

— А главное, Бога отрицаете... Говорите, что Бога нѣтъ... И какъ же это можно, чтобы Бога не было? Какъ же безъ Бога?...

— Успокойтесь, успокойтесь,—добродушно сказалъ онъ.—Это все неправда... Я вообще человѣкъ смирный и ничего не «проповѣдую», а про Бога... какъ же я могу говорить, что Его нѣтъ, когда Онъ есть и даже вотъ тутъ, и я Его вижу сейчасъ...

— Гдѣ? Что вы говорите?—въ недоумѣніи спросила Маня.

— Да въ вашей дѣтской прямотѣ и искренности, въ вашей страстной тревогѣ по поводу того, что какой-то несчастный вздумалъ отрицать Бога...

— Ничего не понимаю... Вы говорите яснѣе... Впрочемъ, объ этомъ оставимъ... Скажите намъ прямо, чего вы хотите?

— Вотъ вопросъ!—громко воскликнулъ онъ и опять расхохотался до слезъ.

— Честное слово, съ ума можно сойти отъ восторга... Послушайте, сколько вамъ лѣтъ?

Маня покраснѣла, какъ свекла, и впервые храбрость покинула ее.

— Шестнадцать,—тихо промолвила она, но въ ту же секунду спохватилась и добавила болѣе увѣреннымъ тономъ, — семнадцатый.

— Значитъ все же шестнадцать?... Ну, хорошо... буду отвѣчать вамъ... Впрочемъ, какъ же тутъ отвѣчать: чего я хочу? Да всего хочу или, вѣрнѣе, многаго и на это имѣю такое же право, какъ вообще всякій человѣкъ. Скажите, вѣдь, вы тоже чего-нибудь хотите и навѣрное многаго?

— Мы?..—Маня смущенно оглянулась на меня, какъ бы ища во мнѣ поддержки.

Я немного уже оправилась отъ смертельнаго конфуза, собрала всю свою храбрость и робко подала голосъ:

— Конечно, всякій человѣкъ желаетъ чего-нибудь. И мы съ Маней тоже многаго желаемъ, — степенно отвѣтила я и опять смолкла.

— Но мы желаемъ законнаго,—горячо подхватила Маня,—а вы незаконнаго, злого, нехорошаго, какъ всѣ нигилисты.

— Да кто вамъ сказалъ? Вотъ чудачка!... затвердили: нигилистъ, нигилистъ... И слово-то старомодное и давнымъ-давно всѣми позабытое... Ну, что такое этотъ вашъ нигилистъ? Эхъ, ужъ если вы такъ хотите, чтобъ я отвѣтилъ вамъ «прямо», такъ вотъ вамъ: я такой же простой и безхитростный человѣкъ, какъ и вы. Разница только въ томъ, что вы,—простите, если обижу,—дѣти и, какъ дѣти же, наивны, а я уже взрослый и, какъ говорятъ «умудренный опытомъ» и помятый и потрепанный жизнью.

Онъ вдругъ оборвалъ, затихъ, и глаза его перестали улыбаться и подернулись тайною грустью.

Мнѣ вдругъ стало его жаль и опять невыразимый стыдъ за себя и за Маню опалилъ меня огнемъ. Маня тоже притихла и виновато и смущенно взглядывала то на меня, то на Коржина.

— Однако, мнѣ пора,—сказалъ Коржинъ, первый прерывая неловкое молчаніе.—Мы съ вами еще увидимся, вы вѣдь здѣсь, на этой улицѣ живете? Ну, вотъ, и я къ вамъ по сосѣдству переберусь...—И онъ опять улыбнулся простодушно и ласково.

— Куда это?—спросила Маня.

— А къ Янчиной... затѣмъ и приходилъ сейчасъ: у нея двѣ комнаты сдаются.

Онъ крѣпко пожалъ намъ руки, опять улыбнулся и направился отъ насъ скорою походкой.

— Боже мой, что ты надѣлала, что онъ подумаетъ о насъ?

Это были первыя слова, которыя произнесла я послѣ долгаго молчанія, и даже не слова, а вопль безнадежнаго отчаянья. Но Маня словно не слышала: она растерянно смотрѣла куда-то передъ собой и о чемъ-то напряженно думала. Но вотъ глаза ея, слегка затума-

ненные печалью, глаза провинившагося и вдругъ раскаявшагося ребенка, медленно обратились ко мнѣ, и она сказала:

— И сама не знаю, какъ это вышло... Первыя слова выскочили совсѣмъ нечаянно, а потомъ спохватилась, да было ужъ поздно. И вотъ сорвалась и словно подъ гору покатилась.

Раскаяніе звучало въ ея голосѣ, свѣтилось въ робкомъ взорѣ, во всемъ ея существѣ, вдругъ присмирѣвшемъ и опустившемъ крылья. Я тоже молчала, подавленная массою неожиданныхъ и сильныхъ впечатлѣній, волнуемая хаосомъ чувствъ, въ которыхъ стыдъ, и отчаяніе, и досада на Маню переплетались съ какимъ-то неуловимымъ радостнымъ ощущеніемъ, которое живительнымъ тепломъ разлилось во мнѣ и вызывало на уста улыбку безотчетнаго умиленія.

Въ эту ночь я долго не могла уснуть.

IV.

Какъ разъ въ это время подкатилась страдная экзаменаціонная пора. На цѣлыя двѣ недѣли мы погрузились въ сумасшедшую, одуряющую зубряжку.

Мы перешли въ 7-й классъ. Настали каникулы, настала свобода. Но странное дѣло, эта свобода впервые показалась намъ тягостной, и мы не знали, что съ собой дѣлать. Намъ вдругъ стало скучно, скучно первый разъ въ жизни. А также впервые въ жизни мы замѣтили, что и вокругъ насъ все томится скукою, все безцвѣтно и не интересно. И отъ этого открытія намъ стало еще скучнѣе, и мы не знали, куда себя дѣвать, въ чемъ искать отраду.

Мать моя—существо нервное и болѣзненное—или раздражалась по пустякамъ съ утра до ночи, или читала длинныя сентенціи на тему о благонравіи и послушаніи, и очень рѣдко была здорова, весела и занимательна. И гости ходили къ намъ неинтересные и все пили безконечный чай и вели разговоры о развращенности прислуги и о цѣнахъ на говядину. Но въ особенности меня донималъ дядя полковникъ, старый холостякъ, отъ котораго я, по словамъ матери, «зависѣла». И потому, вѣроятно, что я «зависѣла», дядя заставлялъ меня по цѣлымъ часамъ набивать ему папиросы и читать *Сынъ Отечества*, а если я отлынивала, онъ называлъ меня «неблагодарной» и начиналъ желчно скорбѣть о «нынѣшнихъ тяжелыхъ временахъ» вообще и о «нынѣшней молодежи» въ частности, и это меня утомляло: я бѣжала къ Манѣ и искала спасенія у нея.

Но и у Мани въ домѣ царила такая же скука и нищета духов-

ная, какъ и у насъ. Мать ея пухлая, вялая и равнодушная ко всему на свѣтѣ женщина, безконечно рожала, кормила и по цѣлымъ днямъ спала. Говорила она мало и всегда съ какимъ-то нытьемъ, словно вѣчно жаловалась, была лѣнива и почти ни во что не вмѣшивалась. Хозяйствомъ управляла горбатая бабушка, злая и жадная. Отецъ рѣдко бывалъ дома, а когда приходилъ, то садился играть въ шашки съ младшимъ сыномъ Костей и игралъ по цѣлымъ часамъ. Были у Мани и сестры, много сестеръ, однѣ замужнія, другія еще дѣвушки и дѣвочки, и всѣ онѣ жили тускло, вяло и безвкусно. Старшія сестры днемъ ходили нечесаныя въ бумажныхъ папильоткахъ, которыя почему-то приберегали къ вечеру, пѣли страстные романсы и ничего не дѣлали. Младшія играли въ куклы, ссорились, дрались и учились въ гимназіи. Одна изъ сестеръ, Конкордія, была уже второй годъ просватана за кандидата на судебную должность, но свадьба почему-то откладывалась. Кандидатъ являлся каждый день къ обѣду, но никакого оживленія въ домъ не вносилъ. Былъ онъ такъ же безцвѣтенъ, какъ и его невѣста, хотя и думалъ про себя, что онъ человѣкъ «безшабашный» и «большой оригиналъ», почему лѣтомъ ходилъ въ зимнемъ пальто, а зимой въ лѣтнемъ и утверждалъ, что это здорово; курилъ дамскія папиросы, былъ влюбленъ въ самого себя больше, чѣмъ въ Конкордію, и всѣхъ знакомыхъ за глаза называлъ «идіотами».

Въ общемъ въ домѣ у Мани было людно, шумно, но какъ-то все неинтересно, безтолково, неуютно и такъ же скучно, какъ и у насъ. Сама же Маня была способна, тонко впечатлительна, съ яркимъ, колоритнымъ темпераментомъ и Богъ знаетъ почему не походила ни на кого изъ своихъ семейныхъ ни лицомъ, ни чертами характера и выдѣлялась среди сестеръ, какъ красивый яркій цвѣтокъ среди сорной травы и бурьяна. Дружба моя съ ней становилась тѣмъ тѣснѣй, чѣмъ больше мы подрастали и чѣмъ менѣе находили удовлетворенія въ окружающей жизни.

И вотъ теперь мы вмѣстѣ скучали, хандрили и томились невѣдомою грустью.

Цвѣтущій май стоялъ въ полномъ разгарѣ, распускалась сирень, бѣлѣли, какъ молокомъ облитые, кусты черемухи и жасмина, гудѣли пчелы и день и ночь въ саду стоялъ сладкій ароматъ. А мы носились съ своею странною, непонятною грустью, ходили словно въ воду опущенныя и не хотѣли замѣчать ни этихъ яркихъ красокъ, ни этого блеска природы. Съ нами творилось что-то небывалое. Въ душѣ у меня нарастала какая-то смутная тревога и томленье, и тоска безпричинная, и какой-то скрытый невѣдомый

голосъ звалъ меня—куда, зачѣмъ—я и сама не знала. Въ мозгу бродили мечты и грезы безпредметныя и неясныя, но все-таки волнующія и сладкія, какъ предчувствіе счастья, и поэтичныя, какъ чудная пѣсня безъ словъ. И Маня испытывала почти то же. И она часто задумывалась и смотрѣла куда-то вдаль, и въ глазахъ ея свѣтилась трепетная и сладкая мечтательная грусть. Но иногда на нее вдругъ налетала безпричинная радость, она бросалась мнѣ на шею и говорила восторженно:

— Ахъ, Лидка! Чего-то хочется!... Страстно, до смерти хочется... и *оно* придетъ... я вѣрю, вѣрю!...

И восторгъ этотъ сообщался и мнѣ, и меня тоже охватывала жгучая радость жизни и молодости. Сердце во мнѣ стучало громко и часто, и хотѣлось и плакать, и смѣяться безъ причины.

Мы стали часто ходить въ церковь, въ вечернѣ. И здѣсь въ тишинѣ и прохладномъ полумракѣ мы страстно и горячо молились безъ словъ и уходили домой умиленныя и растроганныя. А по вечерамъ мы отправлялись въ городской садъ, въ которомъ играла полковая музыка и гуляли толпы разряженныхъ дамъ.

Обыкновенно мы ходили съ Маниными сестрами и съ «кандидатомъ». Въ саду къ намъ присоединялись еще какіе-то дѣвицы и кавалеры, все знакомые сестеръ; они безъ умолку говорили, острили безвкусно и много смѣялись. Мы съ Маней по большей части молчали, тихо двигались въ толпѣ за сестрами и ихъ знакомыми, безучастно разсматривали костюмы дамъ или же наблюдали, какъ маленькіе гимназисты «ухаживали» за маленькими гимназистками. А такихъ «ухаживающихъ» маленькихъ паръ было масса, и они шныряли между ногами взрослыхъ, и трещали какъ кузнечики, и называли другъ друга именами цвѣтовъ: «господинъ піонъ, господинъ нарцисъ, мадмузель незабудка»... И при этомъ смѣялись тоненькими дѣтскими голосами, а глаза у нихъ маслились и блестѣли, и всѣ они намъ казались такими противными.

А звуки вальса, тягучіе и грустные, хватали за сердце, и деревья надъ головами тихо шумѣли, и намъ хотѣлось тишины и уединенія. Мы незамѣтно отставали отъ шумной компаніи и усаживались гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ.

Обыкновенно это была низенькая, вся заросшая бурьяномъ деревянная лавочка въ самомъ концѣ виноградной аллеи. Отсюда былъ виденъ узкій и длинный прудъ, и небо со своими звѣздами и мѣсяцемъ отражались въ немъ. Толпа продолжала двигаться передъ нами, но уже вдали, и мы уже не слыхали глупаго смѣха

взрослыхъ и не видали скверныхъ глазъ влюбленныхъ дѣтей. До насъ доносился только неясный общій гулъ, отъ этого звуки музыки становились еще выразительнѣе, еще сильнѣе хватали за сердце и, казалось, неслись откуда-то съ небесной высоты... Мы слушали, сидѣли смирно, неподвижно, смотрѣли на небо и томно вздыхали. И звуки эти, и ночь, и шелестъ деревьевъ, и весь міръ казался намъ чѣмъ-то волшебнымъ, неразгаданнымъ, таинственнымъ и сказочно очаровательнымъ. И мы сами себѣ и другъ другу казались такими же неразгаданными и прекрасными, какъ окружающій міръ, и были увѣрены, что никто, никто не испытываетъ того, что испытываемъ мы, и никто насъ не понимаетъ... Сладкая истома овладѣвала нами, мы погружались въ туманную мечту и утопали въ ней, и на время забывали, гдѣ мы и что съ нами.

Поздно возвращались мы домой. На улицахъ было тихо и жутко. Маня съ сестрами провожали меня до воротъ и прощались. Я на цыпочкахъ, крадучись, чтобы не разбудить мать, шла къ себѣ въ комнатку, наскоро ужинала холодной телятиной, раздѣвалась, но въ постель не ложилась. Въ одной рубашонкѣ, съ голыми плечами и руками, я взбиралась на подоконникъ и усаживалась передъ открытымъ окномъ на корточкахъ, положивъ голову на колѣни, и сидѣла до тѣхъ поръ, пока холодная ночная сырость не прохватывала меня насквозь. Тогда я бросалась въ постель, закутывалась въ одѣяло съ головою и засыпала сладкимъ сномъ. А ночью видѣла во снѣ, что за плечами у меня выросли огромныя крылья, и я, какъ птица, высоко летала надъ землею.

V.

Мы лежали въ саду на зеленой травѣ, смотрѣли въ далекое синее небо и молчали. Быстрый рѣзвый вѣтеръ бѣгалъ по верхушкамъ деревьевъ и разносилъ по саду сладкій запахъ петуній и левкоевъ. Надъ головой у меня качалась вѣтка калины и то закрывала, то открывала передъ моими глазами маленькое облачко, пушистое и нѣжное, какъ комочекъ бѣлой ваты. Облачко это давно уже ползло на лазури неба, принимая разнообразныя, причудливыя формы, и я давно уже лѣниво и безучастно слѣдила за нимъ и ни о чемъ не думала.

— Послушай, Лидка,—сказала Маня, по обыкновенію первая прерывая молчаніе.

— Ну?

— Давай что-нибудь придумаемъ.

— Давай.

— Пойдемъ сейчасъ къ Янчиной.

Я мигомъ очнулась отъ лѣниваго созерцанія и съ живостью воскликнула:

— Да развѣ ты съ ней знакома?

— А какъ же? Вѣдь, она же папина крестная мать. Только она въ ссорѣ съ мамой, потому и не ходитъ къ намъ.

— Такъ ты хочешь видѣть *ее*? — спросила я насмѣшливо, умышленно дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Я думаю, и ты не откажешься повидать *ее*!—отвѣтила Маня съ тѣмъ же удареніемъ. И мы расхохотались, быстро подскочили съ земли, и вдругъ намъ обѣимъ стало весело до безумія...

Капитанша Янчина—высокая, худая и страшная, какъ смерть, старуха встрѣтила насъ съ недоумѣніемъ, но все же надѣлила насъ обѣихъ сухимъ беззубымъ поцѣлуемъ, потрепала Маню по щекѣ и назвала ее умницей. Но не прошло и пяти минутъ, какъ наше присутствіе, видимо, стало ее утомлять и она сказала:

— Ну, красавицы, чѣмъ же я васъ потчивать буду? Пройдитека въ садъ, тамъ у меня сирень...

— А квартирантъ вашъ дома?—спросила Маня, стараясь сдѣлать тонъ своего вопроса какъ можно безразличнѣе.

— Дома, дома,—простодушно отвѣтила старуха,—гдѣ ему быть? Все съ своими книжками... Никакъ сейчасъ въ саду читаетъ.

Маня лукаво подмигнула мнѣ, и мы вышли. Прошли дворъ и черезъ калитку вступили въ широкую липовую аллею сада. Сердце во мнѣ сперва замерло, потомъ затрепетало и заколотилось, какъ пойманная птица въ клѣткѣ.

— Пойдемъ назадъ,—умоляюще шепнула я Манѣ. Но уже было поздно. Коржинъ сидѣлъ недалеко отъ насъ на лавочкѣ и читалъ. Еслибъ мы повернулись и вышли, онъ все равно увидалъ бы насъ и тогда было бы еще стыднѣе... И мы двинулись дальше.

— А-а, это вы, какъ поживаете?—воскликнулъ онъ привѣтливо и просто, захлопнулъ книжку и пошелъ къ намъ навстрѣчу. На немъ была бѣлая парусиновая блуза, голова была не покрыта, и весь онъ показался намъ какимъ-то другимъ.

— А я вотъ читалъ... но что-то не читается... погода такая чудная... Не правда ли, какъ здѣсь хорошо?

— У насъ еще лучше, больше цвѣтовъ,—отвѣтила Маня.

— Да, вотъ это чудесно!... Я очень люблю цвѣты и еще люблю дѣтей. Цвѣты и дѣти—моя страсть. Воображаю, какъ вы рѣзвитесь среди цвѣтовъ...

Маня кисло улыбнулась.

— Напрасно воображаете... Мы съ Лидой вовсе не рѣзвимся,— напротивъ, скучаемъ по цѣлымъ днямъ.

— Скучаете, въ ваши годы?— удивился онъ, но сейчасъ же раздумчиво добавилъ,—впрочемъ, ваши годы—странные годы...

Онъ посмотрѣлъ на насъ обѣихъ тѣмъ уже знакомымъ намъ ласковымъ взоромъ и широко улыбнулся.

— Чего вы все смѣетесь?—сказала Маня обидчиво. Но онъ ничего не отвѣтилъ, словно не слышалъ и въ свою очередь спросилъ:

— Вы, вѣроятно, теперь много читаете?

Мы обѣ вспыхнули. Даже Маня переконфузилась и сейчасъ же, какъ всѣ сильно самолюбивые люди, разсердилась на самоё себя за это и отвѣтила съ напускною бравадою:

— Мы совсѣмъ не читаемъ книгъ... Что въ книгахъ? Жизнь гораздо интереснѣе всякой книги...

Фразу эту она подслушала у «кандидата».

— И вы такъ думаете?

Коржинъ обратился ко мнѣ.

Вотъ она мука!... Надо было отвѣчать, а у меня языкъ прилипъ къ гортани. Глупая робость и ни съ чѣмъ несообразная застѣнчивость всегда были моими мучителями, но никогда еще робость моя не была такъ сильна, какъ въ первое время знакомства съ Коржинымъ. Прежде чѣмъ отвѣтить или спросить что, я краснѣла, волновалась и изо всѣхъ силъ старалась сказать умно и изысканно и всегда говорила глупо и по-дѣтски нескладно. И на этотъ разъ я что-то пролепетала о жизни и книгахъ, вѣроятно, очень глупое, потому что Коржинъ посмотрѣлъ на меня съ нѣжною жалостью, какъ на грудного младенца, и ужъ больше не обращался ко мнѣ, а все къ Манѣ.

Онъ заговорилъ о литературѣ, о писателяхъ, о журналахъ и о современныхъ литературныхъ направленіяхъ, говорилъ занимательно, живо, съ увлеченіемъ и все время не переставая ласково улыбаться. Видно было, что онъ массу читаетъ и знаетъ много, и память у него была прекрасная. Я многаго не понимала изъ того, о чемъ онъ говорилъ, но слушала его напряженно и смотрѣла на него съ тайнымъ восхищеніемъ, любовалась его добрымъ лицомъ и глазами и сама испытывала какую-то странную доброту и довѣрчивость. Маня сидѣла безъ движенья, какъ статуя, смотрѣла куда-то передъ собой серьезными и умными глазами и, казалось, вся замерла въ слухѣ.

— Ахъ, какъ вы много знаете!... обо всемъ знаете!—въ по-

креннемъ восторгѣ воскликнула она и тотчасъ же смутилась. Коржинъ тоже смутился и какъ-то скомкалъ, оборвалъ конецъ своей рѣчи.

Неловкое молчаніе воцарилось между нами. Мы поднялись и стали прощаться.

— А то взяли бы у меня книжечекъ, а?—сказалъ Коржинъ, смотря Манѣ въ глаза. И не дождавшись ея отвѣта, воскликнулъ съ живостью:

— Погодите-ка минутку!...

И онъ оставилъ насъ на дворѣ и быстро прошелъ въ домъ. Вскорѣ онъ вышелъ къ намъ навстрѣчу съ книгами.

— Вотъ тутъ Тургеневъ... а вотъ Некрасовъ и Добролюбовъ... почитайте, можетъ понравится...

Я поблагодарила его кивкомъ головы, а Маня опять вспыхнула и сердито нахмурилась, словно ее кто обидѣлъ; но все же книги она взяла, молча подала ему руку, и мы вышли.

— Боже мой, какія мы дурочки!—съ грустью сказала она, какъ только мы отошли отъ дома.—Ничего мы не знаемъ, а вѣдь мы пятерошницы, лучшія ученицы и ужъ въ 7-й классъ перешли.

— Чѣмъ же мы виноваты? По литературѣ мы еще всего не проходили,—оправдывалась я, сама не зная для чего. Маня такъ и закипѣла вся.

— Не проходили!—передразнила она.—Что же съ того, что не проходили? А сами мы чего смотримъ?

— Да вѣдь ты же только сейчасъ говорила, что жизнь интереснѣе книги...

— Мало ли какой глупости я не говорила... Потому и говорила, что я дурочка... Надо же что-нибудь ему отвѣчать!

Маня смолкла и задумалась. Потомъ вдругъ тихо засмѣялась и сказала, какъ бы отвѣчая на какія-то свои тайныя мысли:

— Да, глаза у него дивные...

— А губы, губы какія, когда онъ улыбается,—подхватила я съ восторженной горячностью,—а борода курчавая и смѣшная...

Маня бѣгло и зорко посмотрѣла на меня, словно желая проникнуть въ самую глубь моей души, и протяжно и многозначительно разсмѣялась. А я вся застыдилась, уши у меня загорѣлись, и на глазахъ выступили слезы.

VI.

На другой день съ утра мы усѣлись за Тургенева. Съ первыхъ же страницъ въ изумленной, взволнованной душѣ моей проснулся

сладкій трепетъ невѣдомаго еще восторга, да такъ и не покидалъ меня все время, пока мы читали, весь тотъ день. Въ главной героинѣ повѣсти, Еленѣ, мы словно себя увидали. Эти смутныя порыванія къ счастью, это томленіе молодой души по чемъ-то невѣдомомъ, таинственномъ и прекрасномъ, и сладкія муки предчувствія любви — какъ все это волновало насъ и восхищало, и увлекало страстно...

Помню, мы читали сначала у меня въ комнаткѣ, читали вслухъ по очереди, то одна, то другая. Потомъ, послѣ обѣда, вышли на дворъ, усѣлись подъ навѣсъ сарая на полусгнившихъ бревнахъ и читали до сумерокъ, пока стемнѣло...

Но вотъ повѣсть кончена. Маня сложила книжку на колѣняхъ, прислонилась къ стѣнѣ и закрыла глаза. Мы сидимъ обѣ въ глубокомъ молчаньи, какъ очарованныя. Чудная повѣсть кончена, но *они* всѣ, всѣ герои и героини, продолжаютъ все еще стоять передъ нами, продолжаютъ жить, волноваться, страдать и любить... И долго-долго мы слѣдимъ за ними въ своемъ воображеніи и не можемъ оторваться отъ грёзъ волшебныхъ, навѣянныхъ фантазіей художника, не можемъ уйти отъ всей этой необычайной, увлекательной жизни, которая вдругъ открылась передъ нами, словно страна невѣдомая... А когда меня позвали ужинать и мы разстались съ Маней, то вся я была какая-то другая, вся встревоженная и внутренно разстроенная.

За ужиномъ мать спросила, что мы весь день читали. Я отвѣтила.

— Турге-еневъ! — презрительно протянулъ дядя. — Пустой писатель... все про любовь... разныя шуры-муры и глупости. А вотъ Аксаковъ, Хомяковъ...

И дядя сталъ говорить объ Аксаковѣ что-то длинное и утомительное. Мать набожно его слушала, а я разсѣянно ѣла свою котлету, задумчиво смотрѣла черезъ открытое окно на дворъ, весь залитый лучами мѣсяца, и въ душѣ у меня что-то ныло-ныло тревожно и сладко...

Послѣ ужина мы опять сошлись съ Маней на улицѣ и, взявшись подъ руки, стали гулять по тротуару. Долго мы молчали. Обѣ полны были новыхъ впечатлѣній, полны образовъ, картинъ и мыслей, и говорить не хотѣлось, хотѣлось тишины и мечтательнаго созерцанія. А вокругъ насъ надвигалась такая чудная ночь. На небо медленно выплывалъ полный мѣсяцъ, и свѣтъ его, бѣлый и нѣжный, заливалъ широкую улицу и крыши домовъ, и они подъ лучами мѣсяца казались серебряными. Отъ ряда южныхъ тополей,

росшихъ по краямъ тротуара, бѣжали черныя тѣни, стройныя и длинныя, пересѣкали улицу поперекъ и упирались въ стѣны противоположныхъ домовъ. И листья тополей беззвучно трепетали и тоже казались серебряными.

— Вотъ такая же свѣтлая ночь есть тамъ, у Тургенева,— сказала Маня.—Помнишь, когда влюбленный Берсеневъ шагаетъ по большой дорогѣ изъ Кунцева къ себѣ на дачу?

— И думаетъ о своей любви, и мечтаетъ объ Еленѣ, — подхватила я,—помню, помню!... Ахъ, какая это прелесть!...

И мы, наконецъ, заговорили о прочитанномъ... Говорили мы съ такимъ увлеченіемъ и такъ громко, что не замѣтили Коржина, который, какъ потомъ оказалось, минутъ пять уже шелъ позади насъ и слушалъ.

— А это хорошо!... Ей-Богу, великолѣпно!—раздался, наконецъ, его голосъ.

Мы обѣ вздрогнули, словно облитыя ушатомъ холодной воды, и обернулись назадъ.

— Ахъ, вотъ испугали-то!... Здравствуйте! — воскликнула Маня. — А мы все о вашей книжкѣ... Весь день нынче читали, и такъ понравилось намъ...

Въ нервномъ голосѣ Мани слышалась неподдѣльная искренность и волненье скрытаго восторга.

— Слышалъ, слышалъ и вижу... Вы такъ увлеклись, что даже и не замѣтили, какъ васъ подслушиваютъ... Что же, я радъ... Это очень хорошо!

И потомъ помолчалъ съ минутку и опять повторилъ:

— Очень, очень хорошо, что вы такъ взволнованы... А Некрасова не читали? И Некрасовъ вамъ понравится... я увѣренъ.

— Послушайте, — сказала Маня, — почему же говорятъ, что вы даете зловредныя, опасныя книги? Развѣ Тургеневъ опасный, зловредный?

— Ахъ, вы опять за свое, за старое!—засмѣялся Коржинъ.— Почему? да клянусь же вамъ Богомъ, — все это глупая выдумка моей «опасности». Почему *говорятъ?* Я и самъ не знаю почему. Все, вѣроятно, потому же, почему я вдругъ нежданно-негаданно долженъ былъ покинуть Питеръ и очутиться вотъ тутъ у васъ...

Онъ помолчалъ съ минуту, подумалъ и сказалъ:

— Если ужъ это васъ такъ интересуетъ, пожалуй, я разскажу вамъ, почему меня считаютъ «опаснымъ»... Но только, предупреждаю, исторія простая и ни капельки не занимательная.

И онъ сталъ разсказывать намъ эту свою «исторію». Мы за-

медлили шаги, еле двигались по тротуару, боясь проронить хоть одно слово. «Исторія», дѣйствительно, оказалась очень простая и несложная, до смѣшного простая, невинная и мало интересная. И когда онъ кончилъ, я и Маня почти въ одинъ голосъ воскликнули:

— Только и всего? А мы-то думали...

Мы были удивлены и отчасти разочарованы и обмануты въ своихъ ожиданіяхъ и нѣсколько минутъ обѣ молчали. Онъ чутьемъ угадалъ, о чемъ мы думали, и насмѣшливо спросилъ:

— Что, разочаровались? Вы, небось, думали встрѣтить во мнѣ «интереснаго» злодѣя, преступнаго героя? Ахъ, дѣвочки мои милыя, какъ вы ошиблись!... Развѣ такіе герои бываютъ? Это только обыватели вашего городка произвели меня въ герои.

— А все же мы съ вами открыто знакомства вести не можемъ, — сказала Маня.

Онъ посмотрѣлъ на насъ обѣихъ долгимъ и немного грустнымъ взоромъ и тихо спросилъ:

— Почему же?

Маня отвѣтила не сразу. Она съ минуту колебалась, раздумывала: сказать или не сказать? Наконецъ, рѣшилась.

— Вотъ видите ли, — начала она замѣтно волнуясь, — о васъ говорятъ такіе ужасы... Говорятъ, что вы «сидѣли» и потомъ «бѣжали», что вы «переряженый», что вы богоотступникъ, преступникъ и что со дня вашего пріѣзда вся полицція на ногахъ и неусыпно «слѣдитъ».

— Батюшки-свѣты! — воскликнулъ Коржинъ въ комическомъ ужасѣ, хватаясь руками за голову. — Ну, ну, продолжайте, это любопытно...

Маня дошла, наконецъ, и до «волка» и почти дословно передала ему рѣчь Поликарпа Ивановича.

Коржинъ все смѣялся добродушно и безпечно, но вдругъ совершенно неожиданно затихъ, словно вспомнилъ что, задумался, и лицо его какъ-то осунулось и постарѣло. Маня тоже затихла, какъ виноватая, и робко взглядывала то на него, то на меня. Наконецъ, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ, жизнь человѣческая! Сколько въ ней безсмысленнаго, темнаго и злого! Знаете, — началъ онъ, снова оживляясь и обращаясь къ Манѣ, — вотъ вы прошлый разъ сказали: «жизнь интереснѣе книги». Положимъ, это — вѣрно. И у Тургенева есть такая фраза: «жизнь лучше книги, какъ здоровье лучше болѣзни». Положимъ... Но вѣдь и книга — та же жизнь... И какая еще жизнь!... И еслибъ не было умной, хорошей книги, что бы было

со всѣми нами? Ну, подумайте только, что вы видите вокругъ себя? что слышите? Что могутъ вамъ дать всѣ эти Поликарпы Ивановичи? А книга... впрочемъ, что мнѣ вамъ говорить, когда вы сами только что прочли Тургенева и сейчасъ подъ обаяніемъ его...

Въ этотъ вечеръ онъ долго гулялъ съ нами и опять говорилъ о литературѣ, въ особенности о Некрасовѣ, и мы опять слушали его, какъ и въ прошлый разъ, съ жаднымъ вниманіемъ и тайнымъ восхищеніемъ и какъ живительную влагу впивали въ себя каждое слово его. А на прощанье онъ прочелъ намъ свое любимое стихотвореніе *Рыцарь на часъ*. И когда читалъ, то голосъ его звучалъ совсѣмъ просто, словно онъ говорилъ не заученное, а передавалъ намъ свои собственныя мысли и ощущенія словами прекрасными, глубоко-печальными. И лицо его, озаренное лучами мѣсяца, тоже было прекрасное и печальное.

Я смотрѣла на него, не отрываясь, и вся наполнялась какимъ-то безыменнымъ и сложнымъ ощущеніемъ, въ которомъ странная и сладкая тоска преобладала надъ всѣми другими чувствами, и мнѣ казалось, что я слышу не стихи, а дивную, мучительно-грустную музыку:

— «Не умѣлъ я съ собой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...
Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать».

И мнѣ хотѣлось рыдать... И жгучая жалость къ «бѣдному рыцарю» разрывала мнѣ душу.

А когда онъ кончилъ, и мы попрощались и разошлись по домамъ, я чувствовала усталость смертную, и опять же тоску странную и сладкую. Оставшись наединѣ сама съ собою въ своей маленькой темной комнаткѣ, я упала на кровать, не раздѣваясь, заломила руки за голову и заплакала... Голова у меня шла кругомъ, а сердце словно таяло во мнѣ, и все тѣло горѣло, и я все плакала, плакала странными слезами и не знала, что со мной, откуда эти слезы...

VII.

И вотъ началась новая жизнь... Закипѣла страстная работа молодого, нетронутаго ума... Открывались новые, невѣдомые горизонты, возникали вопросы, нараждалось жадное нетерпѣніе все узнать, извѣдать, во все проникнуть умомъ... Мы читали, раз-

суждали, волновались и мечтали, и жили въ мечтахъ. И окружавшая насъ дѣйствительность со всѣми ея обыденными мелочами, скучными и надоѣдливыми, на время исчезла для насъ, и мы ходили какъ въ туманѣ...

Помню я эти знойные лѣтніе дни въ саду у Мани, когда мы замирали надъ книгами, расположившись гдѣ-нибудь подъ деревомъ,—и сумерки блѣдные и задумчивые, когда мы переставали читать и дѣлились впечатлѣніями и спорили горячо и страстно... А ночи лунныя и звѣздныя, и наши молчаливыя прогулки по тротуару съ тайною и трепетною надеждой увидѣть его!... А эти встрѣчи, эти долгіе разговоры и стыдливое волненье, и сладкій трепетъ неясныхъ чувствъ, а потомъ томленье и грёзы въ тиши одиночества!... Ахъ, что это было за чудное время!...

Быстро, какъ сладкій сонъ, промчалось лѣто. Исчезли знойные, долгіе дни и ночи короткія и душныя. Утомилось, обезсилѣло солнце... Медленно увядалъ нашъ садъ. Блекла зелень, безшумно обнажались кусты и деревья, и листья желтые падали на земь и уныло шелестѣли подъ ногами. Умирали душистые левкои, осыпались флексы и петуніи, печально блѣднѣли анютины глазки. Только астры да георгины не унывали, разрослись и окрѣпли и теперь стояли въ полномъ разгарѣ своей яркой, чувственной красоты... Насталъ конецъ августа съ его туманными утрами и свѣжими мглистыми ночами.

Началось ученье. Мы пришли въ гимназію и не узнали самихъ себя. Въ первый разъ за всѣ семь лѣтъ мы почувствовали какое-то странное отчужденіе отъ всего того, что было раньше намъ такъ близко и понятно и съ чѣмъ срослись души наши въ теченіе долгихъ дѣтскихъ лѣтъ. Небывалое равнодушіе къ вопросамъ школьной жизни медленно вползало въ сердце, и возникало сомнѣніе: къ чему все это намъ? для чего?

Старая, выжившая изъ ума начальница, злой и грубый директоръ и убогіе учителя съ ихъ убогими уроками, и классныя дамы съ ихъ безконечными окриками, ученицы безотвѣтныя, неинтересныя, съ наивными разговорами объ отмѣткахъ, о «несправедливости» начальства и о трудности выпускного класса,—какъ все это вдругъ показалось намъ чужимъ, далекимъ и безнадежно-скучнымъ!... И въ этой толпѣ чужихъ намъ людей и чужихъ интересовъ мы съ Маней еще сильнѣе почувствовали свою дружбу. На урокахъ опять мы сидѣли рядомъ, на перемѣнахъ мы гуляли, обнявшись или взявшись подъ руки и держались отъ всѣхъ въ сторонѣ. И въ этомъ уединеніи нашемъ было столько же горделиваго

сознанія собственнаго превосходства надъ окружающими, сколько и искренней печали, что никто, никто насъ не пойметъ, потому что никто не испытываетъ того, что испытываемъ мы.

Но прошло нѣсколько дней, и мы не выдержали одиночества. Молодость всегда обаятельна, всегда влечетъ и манитъ къ себѣ неотразимо, и мы опять слились съ общею молодой жизнью, но на этотъ разъ мы уже внесли въ нее то свое новое, что пріобрѣли за это лѣто и чѣмъ мы такъ на первыхъ порахъ гордились.

Мы стали носить книжки въ классъ и читать на перемѣнахъ и на свободныхъ отъ занятія часахъ. Съ торопливою страстностью мы передавали нашимъ подругамъ все, что имѣли сами, и старались всѣми силами заразить ихъ своимъ возвышеннымъ настроеніемъ и дѣлились съ ними каждою новою мыслью, каждымъ впечатлѣніемъ... Нужды нѣтъ, что не всѣ и не всегда насъ слушали, что остроты, насмѣшки и колкія замѣчанія сыпались на насъ градомъ,—это не смущало насъ и не разочаровывало ни на минуту. Напротивъ, каждое несогласіе, всякій отпоръ мы встрѣчали съ радостнымъ молодымъ задоромъ и искренно воображали, что «боремся за свои убѣжденія». Домой изъ класса мы стали ворочаться возбужденныя, приподнятыя, наскоро учили уроки и опять садились за чтеніе книгъ и журналовъ и штудировали прочитанное, и дѣлали выписки «замѣчательныхъ мѣстъ», и запасались аргументами...

Въ лексиконѣ нашемъ появилось много новыхъ книжныхъ оборотовъ и иностранныхъ словъ, и мы щеголяли ими съ невиннымъ форсомъ, свойственнымъ зеленой юности, которая живетъ и дышетъ только книгами. Вмѣстѣ съ этимъ все существо наше было проникнуто какою-то приподнятою добротою, напряженнымъ и нерѣдко комичнымъ великодушіемъ и трогательною жалостью ко всему, что страдало, было обездолено и несчастно. Маня отдавала всѣ свои деньги бѣдной прачкѣ, которая квартировала у нихъ во дворѣ, въ подвалѣ; и если на дорогѣ ей встрѣчались нищіе и жалобно просили, она, за неимѣніемъ денегъ, отдавала носовой платокъ, пустое портмоне, книжку, и однажды сняла съ шеи теплый гарусный шарфъ и повязала имъ посинѣвшую отъ холода, оборванную маленькую дѣвочку.

А я почти каждый вечеръ бѣгала къ молоденькой портнихѣ Танюшкѣ, которую всѣ считали «падшей» и называли «тварью негодной» за то, что она незаконно прижила ребенка, убѣжала отъ матери и жила теперь одна. Она была несчастна, всѣми покинутая и презираемая, брошенная отцомъ ея ребенка, и день и ночь

билась надъ грошовою работой, и день и ночь ея кроткіе дѣтскіе глаза не просыхали отъ слезъ. Танюшку я знала давно, она шила на насъ съ матерью, но почему-то раньше, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, участь ея меня не занимала нисколько; а теперь, когда во мнѣ, благодаря чтенію, проснулась умственно и нравственно душа, теперь я часто думала о ней и объ ея блѣдненькомъ мальчикѣ, и сердце мое наполнялось такимъ чувствомъ, выше и чище котораго ничего нѣтъ на землѣ... Я утѣшала ее, какъ только могла, ласкала, учила грамотѣ, читала ей книжки и возилась съ ея худенькимъ, блѣднымъ мальчикомъ... И все это дѣлалось украдкой, тайно, подъ вѣчнымъ страхомъ, чтобы не узнали объ этомъ какъ-нибудь мать или дядя и не оскорбили бы, не осмѣяли моихъ чистыхъ побужденій. Вообще въ это время мы съ Маней массу силъ тратили на то, чтобы скрывать,—скрывать безъ конца. Вся жизнь наша была «тайной», которую мы должны были тщательно скрывать отъ нашихъ домашнихъ, отъ гимназическаго начальства, учителей и классныхъ дамъ. Съ Коржинымъ по-прежнему мы видались тайно, тайно отъ дяди по ночамъ я читала у себя въ комнатѣ книги, тайно отъ классныхъ дамъ мы носили эти книги въ классъ, читали ихъ ученицамъ на перемѣнахъ и раздавали на домъ. И если подумаешь, какую бездну нервнаго напряженія потребовало сохраненіе всѣхъ этихъ «тайнъ», невольно дивишься, сколько силъ у этой по виду хрупкой и нѣжной юности...

А. Р. Крандіевская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ **Генрика Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ домѣ купца Амилея Збышко и Мацько держали совѣтъ о томъ, что имъ дѣлать. Старый рыцарь ожидалъ скорой смерти, а такъ какъ близкую кончину ему предсказывалъ знатокъ по части ранъ, францисканецъ о. Цыпекъ, то онъ хотѣлъ возвратиться въ Богданецъ, чтобъ найти вѣчное успокоеніе возлѣ своихъ предковъ, на Островскомъ кладбищѣ.

Однако, не всѣ «предки» лежали тамъ. Когда-то это былъ многочисленный родъ. Во время войнъ они скликали другъ друга крикомъ «Грады!»,—а въ гербѣ носили Тупую Подкову. Въ 1331 году въ битвѣ подъ Пловцами нѣмецкіе лучники убили семьдесятъ четыре воина изъ Богданьца. Остался только одинъ Войцехъ, по прозванію Туръ, за которымъ король Владиславъ Локетекъ, послѣ разгрома нѣмцевъ, особымъ указомъ утвердилъ гербъ и земли Богданьца. Войцехъ возвратился къ домашнимъ пенатамъ лишь только затѣмъ, чтобъ созерцать гибель своего рода,—въ то время, когда мужчины изъ Богданьца падали подъ стрѣлами нѣмцевъ, разбойники-рыцари изъ сосѣдней Силезіи напали на ихъ гнѣздо, сожгли до тла поселеніе, жителей или перебили, или увели въ неволю для того, чтобы продать ихъ въ отдаленные нѣмецкіе края. Войцехъ остался одинъ, владѣльцемъ обширныхъ, но пустыхъ земель, до тѣхъ поръ принадлежавшихъ всему роду. Пять лѣтъ спустя онъ женился, прижилъ двухъ сыновей, Яська и Мацька, и погибъ отъ роговъ тура на охотѣ въ лѣсу.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Сыновья его росли подъ покровительствомъ матери, Кахны изъ Спаленицы, которая въ двухъ экспедиціяхъ отомстила силезскимъ нѣмцамъ за старыя обиды, а въ третьей погибла сама. Но передъ этимъ она, руками невольниковъ, соорудила въ Богданьцѣ городокъ, вслѣдствіе чего Ясько и Мацько стали людьми значительными. Ясько, когда вошелъ въ лѣта, взялъ въ жены Ягенку изъ Моцажева. Отъ этого брака родился Збышко. Мацько остался холостымъ, присматривалъ за имуществомъ и племянникомъ, насколько это позволяло его военное дѣло.

Но когда, во время домашней войны Налэнчовъ съ Грималитами, городокъ въ Богданьцѣ былъ сожженъ во второй разъ, а крестьяне разбѣжались, одинокій Мацько напрасно старался возстановить все въ прежнемъ видѣ. Пробившись нѣсколько лѣтъ, онъ, наконецъ, заложилъ землю своему родственнику аббату, а самъ со Збышкомъ отправился вмѣстѣ съ литовцами на нѣмцевъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ изъ глазъ Богданьца. Въ Литву онъ направлялся собственно для того, чтобы на пріобрѣтенную добычу выкупить землю, населить ее плѣнниками, построить городъ и посадить въ немъ Збышка. Теперь, послѣ счастливаго избавленія молодого рыцаря, Мацько и толковалъ съ нимъ объ этомъ въ домѣ купца Амилея.

Землю было на что выкупить. Изъ добычи, изъ выкупа, который вносили взятые въ плѣнъ рыцари, изъ даровъ Витольда составлялась порядочная сумма. Въ особенности большую выгоду принесла Мацькѣ борьба на смерть съ фризами. Одно оружіе, которое досталось ему, по тогдашнимъ временамъ, равнялось цѣлому состоянію, не считая телѣгъ, коней, людей, одежды, денегъ и богатаго военнаго багажа. Часть этой добычи тотчасъ же купилъ купецъ Амилей, между прочимъ, двѣ штуки чуднаго фландрскаго сукна, которое предусмотрительные и богатые фризы возили съ собой.

Мацько продалъ также свое, добытое съ бою, дорогое вооруженіе въ разсчетѣ, что оно уже не понадобится ему въ виду близкой смерти. Оружейникъ, который пріобрѣлъ его, на другой же день перепродалъ его Марцину изъ Вроцимовицъ со значительною пользой, такъ какъ панцыри миланскаго происхожденія въ то время цѣнились дороже всего на свѣтѣ.

Збышко страшно жалѣлъ этотъ панцырь.

— Если Богъ возвратитъ вамъ здоровье, — говорилъ онъ дядѣ, — гдѣ вы другой такой найдете?

— Тамъ, гдѣ и тотъ нашелъ, на какомъ-нибудь другомъ нѣм-

цѣ,—отвѣчалъ Мацько.—Но я уже не отверчусь отъ смерти. Желѣзо сломалось между моими ребрами, и осколокъ остался у меня. Я нащупалъ его и хотѣлъ было вытащить ногтями, да запихнулъ еще дальше. Теперь ужъ нѣтъ никакого средства.

— Вамъ бы медвѣжьяго сала выпить котелокъ-другой.

— Да. И отецъ Цыпекъ говоритъ, что это хорошо было бы,— осколокъ какъ-нибудь выскользнулъ бы. Да гдѣ здѣсь достанешь медвѣжьяго сала? Въ Богданьцѣ я взялъ бы топоръ, да прилегъ бы на ночь на пчельникѣ...

— Тогда маршъ въ Богданецъ. Только вы не застряньте гдѣ-нибудь дорогой.

Старый Мацько, растроганный, посмотрѣлъ на племянника.

— Я знаю, куда бы тебѣ хотѣлось,—ко двору князя Януша, или къ Юранду изъ Спыхова, хелмскихъ нѣмцевъ задирать.

— Въ этомъ я не запрусь. Я съ радостью поѣхалъ бы съ дворомъ княгини въ Варшаву или въ Цехановъ, чтобы какъ можно дольше пробыть вмѣстѣ съ Данусей. Теперь мнѣ никакъ безъ ней обойтись невозможно, потому что она не только моя госпожа, но и моя любовь. Какъ я увижу ее, такъ меня точно за сердце схватитъ. Я пойду за нею хоть на край свѣта, но я прежде всего обязанъ вамъ. Вы не покинули меня, такъ и я васъ не покину. Въ Богданецъ—такъ въ Богданецъ!

— Добрый ты парень,—сказалъ Мацько.

— Меня покаралъ бы Богъ, еслибъ я не былъ добръ къ вамъ. Видите, телѣги упаковываютъ,—одну я приказалъ устлать для васъ сѣномъ. Жена Амилея подарила хорошую перину, только я не знаю, улежите ли вы на ней, не будетъ ли вамъ жарко. Мы поѣдемъ потихоньку, вмѣстѣ съ княгиней и ея дворомъ, чтобы за вами было кому ухаживать. Потомъ они повернутъ въ Мазовію, а мы съ Божіей помощью къ себѣ.

— Мнѣ бы хоть столько прожить, чтобы городокъ поставить,— сказалъ Мацько:—я знаю, что послѣ моей смерти ты не больно будешь заботиться о Богданьцѣ.

— Съ какой стати мнѣ не заботиться?

— Потому что у тебя въ головѣ поединки да амуры.

— А у васъ въ головѣ не было войны? Я хорошо сообразилъ, что намъ дѣлать: первое дѣло—поставимъ крѣпкій дубовый городокъ и прикажемъ его окопать, какъ слѣдуетъ, рвомъ.

— Ты такъ думаешь?—спросилъ заинтересованный Мацько.— Ну, а когда городъ будетъ построенъ, тогда что? Говори.

— Тогда я поѣду въ Варшаву къ княжескому двору или въ Цехановъ.

— Послѣ моей смерти?

— Если вы скоро умрете, то послѣ вашей смерти; но сначала я васъ похороню какъ слѣдуетъ, а если Господь Іисусъ дастъ вамъ здоровье, то вы останетесь въ Богданьцѣ. Мнѣ княгиня обѣщала, что я получу отъ князя рыцарскій поясъ. Иначе Лихтенштейнъ не будетъ со мной биться.

— А потомъ въ Мальборгъ двинешься?

— Въ Мальборгъ или хоть на край свѣта, только бы добраться до Лихтенштейна.

— Это я не осуждаю. Твоя смерть или его!

— Ужъ привезу я вамъ въ Богданецъ его перчатку и поясъ,— вотъ вы увидите.

— Только бойся измѣны. У нихъ на счетъ измѣны—легко.

— Я поклонюсь князю Янушу, чтобъ онъ послалъ въ Мальборгъ за охранною грамотой. Теперь время спокойное. Я поѣду въ Мальборгъ съ грамотой, а тамъ всегда гоститъ куча рыцарей. Знаете?—сначала я вызову Лихтенштейна, а потомъ буду высматривать тѣхъ, у кого павлиньи гребни на шлемахъ, и вызывать ихъ по очереди. Ей - Богу! пошлетъ Господь Іисусъ побѣду, тогда, значитъ, и обѣтъ мой будетъ исполненъ.

Збышко улыбнулся при этой мысли. Лицо у него было совершенно такое, какое бываетъ у мальчика, который обѣщается совершить рядъ рыцарскихъ подвиговъ, когда выростетъ.

— Эхъ! — сказалъ Мацько и покачалъ головою: — если ты осилишь хоть трехъ рыцарей знаменитыхъ фамилій, то не только обѣтъ исполнишь, но и еще добычу возьмешь.

— Трехъ!—воскликнулъ Збышко.—Я еще въ тюрьмѣ далъ себѣ слово, что не поскуплюсь для Дануси. Сколько пальцевъ на рукахъ,—не трехъ!

Мацько пожалъ плечами.

— Можете удивляться и не вѣрить, а я изъ Мальборга поѣду въ Спыховъ къ Юранду. Какъ же мнѣ не поклониться ему, коли онъ Данусинъ отецъ? И съ нимъ будемъ наѣзжать на хелмскихъ нѣмцевъ. Вы сами же говорили, что большей грозы на нѣмцевъ нѣтъ во всей Мазовіи.

— А если онъ не отдастъ тебѣ Данусю?

— Почему бы ему не отдать? Онъ свою месть ищетъ, а я свою. Кого онъ найдетъ лучше меня? Наконецъ, если княгиня согласилась на обрученіе, то и онъ не станетъ противиться.

— Я только одно соображаю, — сказалъ Мацько, — что ты заберешь изъ Богданьца всѣхъ людей, чтобы составить свиту, какая подобаетъ рыцарю, а земля останется безъ рукъ. Пока я живъ, я не дамъ тебѣ никого, а послѣ моей смерти, чую я, ты всѣхъ уведешь.

— Господь Богъ придумаетъ мнѣ свиту, да и родственникъ нашъ, Янко изъ Тульчи, не поскупится.

Въ это время двери отворились и, какъ бы въ доказательство того, что Господь Богъ дѣйствительно придумываетъ Збышку свиту, на порогѣ показались два человѣка, крѣпкихъ, темнокожихъ, въ желтыхъ, похожихъ на жидовскіе, кафтанахъ и непомѣрно широкихъ штанахъ. Люди эти начали прикладывать пальцы ко лбу, къ губамъ, къ груди и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣшивали земные поклоны.

— Что это за черти?—спросилъ Мацько.—Кто вы такіе?

— Ваши невольники, — отвѣтили новоприбывшіе ломанымъ польскимъ языкомъ.

— Какъ такъ? откуда? кто васъ прислалъ сюда?

— Прислалъ насъ панъ Завиша въ даръ молодому рыцарю, чтобъ были его невольниками.

— Господи, двумя больше!—обрадовался Мацько.—А вы изъ какого народа?

— Мы—турки.

— Турки?—переспросилъ Збышко.—У меня въ свитѣ будетъ двое турокъ. Видали вы когда-нибудь турокъ?

Онъ подскочилъ къ нимъ, началъ ощупывать руками и осматривать, какъ какихъ-нибудь заморскихъ чудищъ. А Мацько сказалъ:

— Видѣть не видалъ, но слышалъ, что у пана изъ Гарбова есть на службѣ турки. Онъ ихъ забралъ, когда воевалъ надъ Дунаемъ у римскаго цезаря Сигизмунда. Ну, и что-жъ, вы поганые нехристи?

— Панъ приказалъ намъ окреститься,—сказалъ одинъ изъ плѣнныхъ.

— А выкупиться вамъ было не на что?

— Мы издалека, съ азіатскаго берега, изъ Бруссы.

Збышко всегда жадно слушалъ всякіе разсказы о войнахъ, а въ особенности когда дѣло шло о подвигахъ славнаго Завиши изъ Гарбова, и теперь началъ допрашивать турокъ, какимъ образомъ они попали въ неволю. Но въ разсказѣ плѣнниковъ не было ничего необыкновеннаго: Завиша три года назадъ напалъ на нихъ въ ущельѣ, часть зарубилъ, часть захватилъ въ плѣнъ и раздарилъ

разнымъ друзьямъ. У Мацька и у Збышка сердца такъ и прыгали отъ радости,—въ то время невольниковъ было мало, и они представляли цѣлое состоянiе.

Вскорѣ пришелъ и самъ Завиша въ сопровожденiи Повалы и Пашка Злодзея изъ Бискупицъ. Такъ какъ они всѣ трудились надъ освобожденiемъ Збышка и были рады, что имъ удалось освободить его, то каждый принесъ ему какой-нибудь подарокъ на прощанье и на память. Щедрый панъ изъ Тачева поднесъ Збышку конскую попону, широкую, богатую, обшитую на груди золотой бахромой, а Пашко — венгерскiй мечъ, цѣною въ десять гривенъ *). Потомъ подошли Лисъ изъ Тарговиска, Фарурей и Кшонъ изъ Козьихъ Головъ съ Марциномъ изъ Вроцимовицъ, а въ концѣ явился Зындармъ изъ Машковицъ,— каждый съ полными руками.

Збышко привѣтствовалъ ихъ съ растроганнымъ сердцемъ, вдвойнѣ осчастливленный,—и дарами, и тѣмъ, что славнѣйшiе рыцари королевства оказываютъ ему прiязнь. А рыцари разспрашивали о времени его отъѣзда и о здоровьѣ Мацька, рекомендуя, какъ люди опытные, хотя и молодые, различные мази и терiаки, чудодѣйственно залѣчивающiе раны.

Мацько поручалъ имъ Збышка, такъ какъ самъ собирался на тотъ свѣтъ. Трудно жить съ желѣзнымъ обломкомъ подъ ребрами. Старый рыцарь жаловался на то, что постоянно харкаетъ кровью и ѣсть не можетъ. Кварта чищеныхъ орѣховъ, двѣ пяди колбасы, миска яичницы — вотъ и вся его дневная порцiя. Отецъ Цыбекъ нѣсколько разъ пускалъ ему кровь, думалъ, что такимъ способомъ оттянетъ горячку отъ сердца и возвратитъ охоту къ ѣдѣ,— но и это не помогало.

Но онъ былъ такъ обрадованъ подарками, полученными его племянникомъ, что въ эту минуту чувствовалъ себя болѣе здоровымъ, а когда купецъ Амилей, чтобъ угостить такихъ достойныхъ гостей, приказалъ принести баклагу съ виномъ,— сѣлъ съ ними вмѣстѣ за кубокъ. Разговоръ пошелъ о спасенiи Збышка и объ его обрученiи съ Данусей. Рыцари не сомнѣвались, что Юрандъ изъ Спыхова не будетъ противиться волѣ княгини, въ особенности, если Збышко отмститъ за смерть матери Дануси и добудетъ обѣщанныя перья.

— А что касается Лихтенштейна,— сказалъ Завиша,— то не знаю, захочетъ ли онъ биться, потому что онъ монахъ, да, кромѣ того, одинъ изъ важныхъ сановниковъ Ордена. Чего тамъ! люди изъ

---

*) Гривна равнялась полуфунту серебра.—*Прим. пер.*

его свиты говорили, что со временемъ онъ можетъ стать и великимъ магистромъ.

— Если онъ отклонитъ вызовъ, то лишится чести,—отозвался Лисъ изъ Тарговиска.

— Ну,—отвѣтилъ Завиша,—онъ не свѣтскій рыцарь, а монахамъ не дозволяется выходить на единоборство.

— Часто бываетъ такъ, что они выходятъ.

— Потому что обычаи Ордена испортились. Крестоносцы даютъ различные обѣты и прославились тѣмъ, что, къ огорченію христіанскаго міра, то и дѣло нарушаютъ ихъ. Но въ смертельный бой крестоносецъ, а въ особенности комтуръ, можетъ и не вступать.

— Ну, тогда ты столкнешься съ нимъ развѣ на войнѣ.

— Говорятъ, что войны-то не будетъ, — сказалъ Збышко,— крестоносцы теперь боятся насъ.

На это Зындармъ изъ Машковицъ отвѣтилъ:

— Миръ продлится недолго. Съ волкомъ согласія быть не можетъ, потому что онъ долженъ жить чужимъ.

— А пока намъ, можетъ быть, придется схватиться съ Хромымъ Тимуромъ, — прибавилъ Повала. — Князь Витольдъ понесъ пораженіе отъ Эдиги, — это ужъ вѣрно.

— Вѣрно. И воевода Спытко не возвратился, — повторилъ Пашко Злодзей изъ Бискупицъ.

— А литовскихъ князей страсть сколько осталось на полѣ битвы!

— Покойница королева предсказывала, что такъ будетъ, — сказалъ панъ изъ Тачева.

— Что-жъ, можетъ быть и намъ придется двинуться на Тимура.

Тутъ разговоръ перешелъ на литовскій походъ противъ татаръ. Не было уже никакого сомнѣнія, что князь Витольдъ, вождь болѣе пылкій, чѣмъ опытный, понесъ страшное пораженіе подъ Ворсклой, что полегло множество бояръ литовскихъ и русскихъ, а съ ними горсть польскихъ рыцарей-добровольцевъ и даже крестоносцевъ. Гости Амилея въ особенности сожалѣли объ участи молодого Спытка изъ Мельштына, богатѣйшаго вельможи во всемъ королевствѣ, который добровольно отправился въ походъ и послѣ битвы пропалъ безъ вѣсти. Всѣ до небесъ превозносили его истинно рыцарскій поступокъ: получивъ отъ непріятельскаго вождя охранный колпакъ, онъ не хотѣлъ надѣть его во время битвы, предпочитая славную смерть жизни по милости языческаго владыки. Однако, не было еще увѣренности, погибъ ли Спытко или попалъ въ не-

волю. Изъ неволи ему было чѣмъ выкупиться, потому что богатства его были неисчислимы, а въ добавокъ ко всему король Владиславъ отдалъ ему въ ленное владѣніе всю Подолію. Но пораженіе литовцевъ могло быть грознымъ и для всего Ягеллонскаго государства, потому что никто хорошенько не зналъ, не бросятся ли татары, разохоченные побѣдой надъ Витольдомъ, на земли и города, принадлежащіе великому княжеству. Въ такомъ случаѣ въ войну было бы вовлечено и королевство. Множество рыцарей—Завиша, Фарурей, Добко, даже и Повала, которые привыкли искать приключеній при заграничныхъ дворахъ, теперь нарочно не покидали Кракова, не зная, что имъ принесетъ недалекое будущее. Еслибъ Тамерланъ, владыка двадцати семи царствъ, двинулъ всю многочисленную силу, то опасность могла бы принять страшные размѣры. Были люди, которые предполагали, что опасность эта наступитъ.

— Если будетъ нужно, то мы и съ самимъ Хромымъ помѣряемся. Ему не такъ легко будетъ справиться съ нашимъ народомъ, какъ онъ справился со всѣми тѣми, которыхъ покорилъ и подчинилъ себѣ. Да, наконецъ, и другіе христіанскіе государи придутъ къ намъ на помощь.

На это Зындармъ изъ Машковицъ,—онъ пылалъ особою ненавистью противъ Ордена,—отвѣтилъ съ горечью:

— Государи—не знаю, но крестоносцы готовы покумиться съ татарами и ударить на насъ съ другой стороны.

Но другіе рыцари начали спорить. Крестоносцы забыли страхъ Божій и всегда заботятся только о своемъ добрѣ, но, конечно, не окажутъ помощи язычникамъ противъ христіанскаго народа. Наконецъ, Тимуръ сражается гдѣ-то далеко въ Азіи, а татарскій вождь Эдига столько людей утратилъ въ битвѣ, что, кажется, самъ испугался своей побѣды. Князь Витольдъ ловокъ и навѣрно хорошо укрѣпилъ свои города и, наконецъ, хотя на этотъ разъ не удалось литовцамъ, однако, имъ не въ новинку побѣждать татаръ.

— Не съ татарами намъ, а съ нѣмцами предстоитъ борьба на жизнь и на смерть, а если мы ихъ не одолѣемъ, отъ нихъ и придетъ наша гибель.

Потомъ онъ обратился къ Збышку:

— Прежде всего погибнетъ Мазовія. Не безпокойся, ты всегда найдешь тамъ работу!

— Пошли тебѣ Богъ!—сказалъ Повала, поднимая кубокъ.

— За здоровье твое и Дануси!

— И на погибель нѣмцамъ!—добавилъ Зындармъ изъ Машковицъ.

Рыцари начали было вставать съ мѣстъ, но въ это время вошелъ дворянинъ княгини, съ соколомъ на рукѣ, поклонился присутствующимъ и съ какой - то странной улыбкой обратился къ Збышку:

— Госпожа княгиня приказала сказать вамъ,—проговорилъ онъ,—что проведетъ еще только одну ночь въ Краковѣ, а завтра же утромъ уѣдетъ.

— Хорошо!—сказалъ Збышко.—Но почему такъ скоро, не захворалъ ли кто?

— Нѣтъ. Только къ княгинѣ пріѣхалъ гость изъ Мазовіи.

— Самъ князь пріѣхалъ?

— Не князь, а Юрандъ изъ Спыхова,—отвѣтилъ дворянинъ.

Збышко страшно смутился, и сердце такъ забилось въ его груди, какъ въ то время, когда ему читали смертный приговоръ.

II.

Княгиня Анна не особенно удивилась пріѣзду Юранда изъ Спыхова. Часто случалось, что среди постоянныхъ стычекъ съ сосѣдними нѣмецкими рыцарями на него нападала внезапная тоска по Данусѣ. Тогда онъ появлялся неожиданно въ Варшаву или въ Цехановъ или туда, гдѣ пребывалъ дворъ князя Януша. При видѣ ребенка онъ всегда испытывалъ приступы страшнаго горя, потому что Дануся съ теченіемъ лѣтъ становилась все больше и больше похожа на мать, такъ что Юранду казалось, что онъ видитъ покойницу такою, какою когда-то въ первый разъ увидалъ у княгини Анны въ Варшавѣ. Люди думали, что отъ этого горя наконецъ смягчится его желѣзное сердце, дышащее только одною местью. Княгиня часто уговаривала его покинуть свой кровавый Спыховъ и остаться при дворѣ, около Дануси; самъ князь, цѣня его мужество и значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ желая избѣгнуть непріятностей, которыя доставляли ему постоянныя пограничныя недоразумѣнія, предлагалъ ему званіе мечника. Все было напрасно. Одинъ видъ Дануси растравлялъ въ сердцѣ Юранда старыя раны. Онъ терялъ охоту ко сну, къ ѣдѣ, къ бесѣдѣ. Сердце его видимо начинало волноваться и кипѣть кровью; Юрандъ, наконецъ, исчезалъ и возвращался въ спыховскія болота, чтобъ потопить въ крови свой гнѣвъ и горе. Тогда всѣ говорили: «бѣда нѣмцамъ! На овецъ они не похожи, но для Юранда они овцы, потому что онъ рѣжетъ ихъ, какъ волкъ». И дѣйствительно, немного погодя, проносились слухи о перехваченныхъ чужеземныхъ добровольцахъ, которые по по-

граничной дорогѣ ѣхали къ крестоносцамъ, о сожженныхъ городкахъ, о кровавыхъ стычкахъ, изъ которыхъ страшный Юрандъ всегда выходилъ побѣдителемъ. При кровожадномъ настроенiи мазуровъ и нѣмецкихъ рыцарей, которые отъ имени ордена владѣли землей и городками, прилегающими къ Мазовiи, даже во время полнѣйшаго мира между мазовецкими князьями и орденомъ, на границѣ никогда не смолкалъ боевой шумъ. Пограничные жители даже на рубку дровъ или на жатву выходили вооруженными луками и копьями. Люди жили, не зная, что будетъ завтра, вѣчно готовые къ войнѣ, съ вѣчно ожесточеннымъ сердцемъ. Никто не ограничивался одною обороною, но за грабежъ платилъ грабежомъ, за поджогъ поджогомъ, за нападенiе нападенiемъ. Случалось, что когда нѣмцы тихо пробирались лѣсными просѣками, чтобы разгромить какой-нибудь городокъ, захватить крестьянъ или стада, мазуры въ то же время дѣлали то же самое. Не разъ они сталкивались другъ съ другомъ и бились до тѣхъ поръ, пока не ляжетъ послѣднiй; часто только одни вожди вызывали другъ друга на смертельный поединокъ, послѣ котораго побѣдитель забиралъ всѣхъ людей побѣжденнаго противника. И вотъ, когда до варшавскаго двора доходили жалобы на Юранда, князь отвѣчалъ жалобами на нападенiя, произведенныя нѣмецкими рыцарями въ другихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, когда обѣ стороны жаждали справедливости,—и обѣ не могли и не хотѣли слѣдовать ей, — всѣ грабежи, поджоги и нападенiя оставались совершенно безнаказанными.

Но Юрандъ, сидя въ своемъ болотистомъ, заросшемъ тростникомъ, Спыховѣ и сгарая ненасытимою жаждой мести, сталъ такъ тяжелъ для своихъ заграничныхъ сосѣдей, что въ концѣ концовъ ихъ страхъ сталъ больше его свирѣпости. Поля, граничившiя со Спыховымъ, стояли не обработанными, лѣса заростали дикимъ хмелемъ и лещиной, луга—сорною травой. Не одинъ нѣмецкiй рыцарь, привыкшiй къ кулачному праву въ своемъ отечествѣ, пробовалъ поселиться по сосѣдству Спыхова, и всякiй вскорѣ предпочиталъ убѣжать отъ своего лена, стадъ и крестьянъ, чѣмъ жить подъ бокомъ у неумолимаго мужа. Часто рыцари сговаривались вмѣстѣ напасть на Спыховъ, но всякое нападенiе оканчивалось пораженiемъ. Прибѣгали къ разнымъ прiемамъ. Однажды привезли съ Майна рыцаря, извѣстнаго своею силой и свирѣпостью, чтобъ онъ вызвалъ Юранда на поединокъ на утоптанной землѣ, но едва лишь противники стали на мѣсто, какъ нѣмецъ, при видѣ страшнаго мазура, словно околдованный, струсилъ и повернулъ коня, спасаясь въ бѣгствѣ. Юрандъ ударилъ его копьемъ въ незащищенную спи-

ну и лишилъ такимъ образомъ рыцарской чести. Съ той поры его сосѣдей охватила еще большая тревога, и всякій нѣмецъ, издалека завидя дымъ, выходящій изъ спыховскихъ трубъ, крестился и читалъ молитву своему патрону,—настолько утвердилась вѣра, что Юрандъ, ради мести, продалъ нечистымъ силамъ свою душу.

О Спыховѣ разсказывали страшныя вещи. Говорили, что чрезъ топкія болота, среди дремлющихъ, заросшихъ ряской, омутовъ идетъ такая узкая дорожка, что двое всадниковъ рядомъ не могутъ проѣхать по ней, что по сторонамъ этой тропинки валяются кости нѣмцевъ, а по ночамъ прогуливаются на паучьихъ лапахъ головы утопленниковъ, стеная, воя и увлекая за собой въ глубину людей вмѣстѣ съ ихъ конями. Говорили, что въ самомъ городкѣ частоколъ былъ украшенъ человѣческими черепами. Правдой во всемъ этомъ было только то, что въ ямахъ, выкопанныхъ подъ княжескимъ домомъ въ Спыховѣ, всегда стонало нѣсколько десятковъ плѣнниковъ и что имя Юранда было страшнѣе всѣхъ бредней о скелетахъ и утопленникахъ.

Збышко, узнавъ о его прибытіи, тотчасъ поспѣшилъ къ Юранду, но, какъ къ отцу Дануси, шелъ къ нему съ нѣкоторой тревогой въ сердцѣ. Что онъ избралъ Данусю дамою сердца и далъ ей обѣты, въ этомъ ему никто не могъ воспрепятствовать, но позднѣе княгиня обручила его съ Данусей. Что Юрандъ скажетъ на это? согласится или не согласится? и что будетъ, если онъ, пользуясь отцовскою властью, крикнетъ, что никогда не допуститъ этого? Вопросы эти наполняли опасеніями душу Збышка,—Дануся была для него важнѣе всего на свѣтѣ. Надежду ему придавала только мысль, что Юрандъ поставитъ ему въ заслугу, а не въ укоръ, нападеніе на Лихтенштейна, потому что онъ пытался отмстить за Данусину мать и чуть было не поплатился собственной головой.

Онъ началъ разспрашивать дворянина, который пришелъ за нимъ къ Амилею:

— Куда вы меня ведете? въ зáмокъ?

— Прямо въ зáмокъ. Юрандъ со своей свитой остановился у княгини.

— Скажите мнѣ, что это за человѣкъ? Мнѣ нужно знать, какъ разговаривать съ нимъ.

— Что я вамъ скажу? Этотъ человѣкъ совсѣмъ не похожъ на другихъ. Говорятъ, что прежде онъ былъ веселый, пока у него кровь въ утробѣ не запеклась.

— А уменъ онъ?

— Хитеръ, потому что другихъ бьетъ, а самъ не дается. Глазъ

у него одинъ,—другой нѣмцы выбили стрѣлою изъ лука, но и однимъ глазомъ онъ видитъ человѣка насквозь. Съ нимъ никто на своемъ не поставитъ. Только нашу госпожу, княгиню, онъ любитъ сильно, потому что взялъ въ жены ея приближенную, а теперь его дѣвчонка воспитывается при нашемъ дворѣ.

Збышко вздохнулъ свободнѣе.

— Такъ вы говорите, что онъ не противится волѣ княгини?

— Я знаю, о чемъ вы хотите разузнать, и что̀ слышалъ, то и разскажу. Княгиня говорила ему о вашемъ обрученіи, потому что утаить это было бы нехорошо, а что онъ отвѣтилъ ей — неизвѣстно.

Они подошли къ воротамъ за̀мка. Капитанъ королевскихъ лучниковъ, тотъ самый, что недавно велъ Збышка на смерть, теперь привѣтливо кивнулъ ему головой. Пройдя мимо стражи, Збышко со своимъ провожатымъ очутились во дворѣ и повернули направо, къ флигелю, который занимала хозяйка.

Дворянинъ встрѣтилъ слугу и спросилъ:

— Гдѣ Юрандъ изъ Спыхова?

— Въ Кривой комнатѣ съ дочерью.

— Вотъ сюда,— сказалъ дворянинъ, указывая дверь.

Збышко перекрестился и, поднявъ занавѣску, вошелъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Но онъ не сразу нашелъ Юранда съ Данусей, потому что комната была не только «кривая», но и темная. Только черезъ минуту онъ разглядѣлъ русую головку дѣвочки, сидѣвшей на колѣняхъ отца. Видя, что его не замѣчаютъ, Збышко остановился, кашлянулъ и лишь послѣ этого проговорилъ:

— Да будетъ благословенно имя Божіе.

— Во вѣки вѣковъ,— отвѣтилъ Юрандъ, вставая.

Въ эту минуту Дануся подскочила къ молодому рыцарю и, схвативъ его за руку, крикнула:

— Збышко! тятя пріѣхалъ!

Збышко поцѣловалъ руку Дануси, потомъ всталъ, вмѣстѣ съ ней приблизился къ Юранду и сказалъ:

— Я пришелъ поклониться вамъ,— вы знаете, кто я?

Онъ слегка наклонился, какъ будто хотѣлъ коснуться ногъ Юранда, но Юрандъ схватилъ его за руку, повернулъ къ свѣту и молча началъ разглядывать его.

Збышко уже немного оправился и, поднявъ любопытные глаза на Юранда, увидалъ передъ собою мужчину огромнаго роста, съ русыми волосами и русыми усами, съ рябымъ лицомъ и единственнымъ глазомъ цвѣта желѣза. Збышку показалось, что этотъ глазъ

хочетъ просверлить его насквозь, смущеніе снова начало овладѣвать имъ, и, не зная, что сказать и какъ прервать тягостное молчаніе, онъ спросилъ:

— Такъ вы—Юрандъ изъ Спыхова, отецъ Дануси?

Но Юрандъ указалъ ему дубовую лавку, на которую усѣлся и самъ, и, не отвѣчая ни слова, продолжалъ свой осмотръ.

Збышко, наконецъ, вышелъ изъ себя.

— Знаете, — сказалъ онъ, — нескладно мнѣ сидѣть, словно на судѣ.

И только тогда Юрандъ отозвался:

— Ты хотѣлъ биться съ Лихтенштейномъ?

— Ну, да!—отвѣтилъ Збышко.

Въ глазу пана изъ Спыхова блеснулъ какой-то странный огонекъ, и его грозное лицо слегка прояснилось. Онъ кинулъ взглядъ въ сторону Дануси и спросилъ:

— Для нея?

— А то для кого же? Дядя долженъ былъ разсказать вамъ, какъ я далъ ей обѣтъ сорвать съ головъ нѣмцевъ павлиньи гребни. Только ихъ будетъ не три, а самое меньшее столько, сколько пальцевъ на обѣихъ рукахъ. Кромѣ того, я и вамъ помогу отомстить за Данусину мать.

— Горе имъ!—отвѣтилъ Юрандъ.

И молчаніе воцарилось снова. Збышко сообразилъ, что, высказывая свою ненависть къ нѣмцамъ, онъ дѣйствуетъ прямо на сердце Юранда и сказалъ:

— Я имъ не уступлю ничего, хотя мнѣ чуть голову не отрубили.

Тутъ онъ обратился къ Данусѣ и прибавилъ:

— Она спасла меня.

— Знаю,—сказалъ Юрандъ.

— А вы не сердитесь на меня за это?

— Коли ты далъ ей обѣтъ, такъ и служи,—таковъ рыцарскій обычай.

Збышко немного поколебался, но черезъ минуту заговорилъ съ видимымъ безпокойствомъ.

— Вы замѣтьте... она мнѣ повязкой голову прикрыла. Все рыцарство слышало и францисканецъ, который стоялъ возлѣ меня съ крестомъ, слышалъ, какъ она сказала: «Онъ мой!» И вѣрно, ничьимъ другимъ я до своей смерти не буду, видитъ Богъ!

Онъ всталъ на колѣна, и, желая показать, что знаетъ рыцарскіе обычаи, съ великимъ почтеніемъ поцѣловалъ оба башмака Да-

нуси, сидѣвшей на поручнѣ кресла, потомъ всталъ и, обратившись къ Юранду, спросилъ:

— Видали вы такую другую, а?...

Юрандъ схватился за голову своими страшными руками, пролившими столько крови, и глухо отвѣтилъ:

— Видѣлъ, но нѣмцы убили ее.

— Такъ слушайте же,—громко заговорилъ Збышко,—у насъ одна обида и одна должна быть месть. И нашихъ всѣхъ проклятые нѣмцы изъ луковъ перестрѣляли... Для вашей работы вы лучше меня никого не найдете... Мнѣ это не въ новинку! Спросите дядю. На копьяхъ или топорахъ, на длинныхъ или короткихъ мечахъ— мнѣ все равно. А о фризахъ дядя вамъ разсказывалъ?... Я набью вамъ нѣмцевъ, какъ барановъ, а что касается Дануси, то я клянусь вамъ на колѣнахъ, что буду за нее биться хоть съ самимъ владыкой ада и не уступлю ее ни за богатства, ни за земли, ни за стада, ни за какую вещь. Хотя бы мнѣ давали за̀момъ со стеклянными окнами, я и за̀мокъ брошу и пойду за нею на край свѣта.

Юрандъ все сидѣлъ, обхвативъ руками голову, но наконецъ очнулся, словно отъ сна, и проговорилъ съ сожалѣніемъ и грустью:

— Ты мнѣ понравился, мальчикъ, но Данусю я тебѣ не дамъ, не про тебя она, бѣдный.

Збышко, услыхавъ это, опѣшилъ и смотрѣлъ на Юранда широко раскрытыми глазами. Но Дануся пришла ему на помощь. Збышко былъ ей милъ; ей пріятно было слыть не «дрянью», а «зрѣлою дѣвицей». Ей понравилось и обрученіе и сласти, которыя ежедневно приносилъ ей ея рыцарь и теперь, когда она поняла, что все это у нея хотятъ отнять, то быстро соскользнула съ поручня кресла, и, спрятавъ лицо въ колѣняхъ отца, закричала:

— Тятя, тятя, я буду плакать!

Юрандъ, видимо, любилъ ее больше всего на свѣтѣ, и ласково положилъ руку на ея голову. Въ лицѣ его не было ни свирѣпости, ни гнѣва,—только одна грусть.

Збышко, тѣмъ временемъ, немного оправился и сказалъ:

— Какъ же это? Вы хотите противиться Божьей волѣ?

Юрандъ отвѣтилъ:

— Если будетъ воля Божія, ты получишь ее, но своей воли я не могу склонить въ твою сторону. И радъ бы, да нельзя.

Онъ поднялъ Данусю, взялъ ее на руки и направился къ дверямъ, а когда Збышко хотѣлъ перегородить ему дорогу, остановился на минуту и сказалъ:

— Я не воспрещаю тебѣ исполнять твои рыцарскія обязанно-

сти, но больше меня ни о чемъ не разспрашивай, потому что я ничего не могу тебѣ сказать.

И вышелъ изъ комнаты.

III.

На слѣдующій день Юрандъ ни мало не избѣгалъ Збышка и не мѣшалъ ему оказывать Данусѣ въ дорогѣ различныя услуги, какъ это приличествуетъ рыцарю по отношенію къ своей дамѣ. Напротивъ, Збышко, хотя и весьма огорченный, замѣтилъ, что угрюмый владѣлецъ Спыхова смотритъ на него благожелательно и чуть не съ жалостью за то, что долженъ былъ дать ему такой ужасный отвѣтъ. Молодой рыцарь пробовалъ неоднократно приблизиться къ нему и завязать разговоръ. Въ дорогѣ это не было трудно, потому что они оба сопровождали княгиню верхами. Юрандъ, обыкновенно молчаливый, теперь разговаривалъ охотно, но лишь Збышко выражалъ желаніе разузнать что-нибудь о таинственныхъ преградахъ, отдѣляющихъ его отъ Дануси, разговоръ внезапно прекращался, лицо Юранда опять хмурилось, а самъ онъ безпокойно начиналъ посматривать на Збышка, какъ бы опасаясь измѣнить себѣ въ чемъ-нибудь. Збышко думалъ, что княгиня знаетъ больше и, улучивъ свободную минуту, пытался какимъ-нибудь образомъ узнать отъ нея, въ чемъ дѣло, но княгиня и сама не могла сказать ему многаго.

— Какая-то тайна,—сказала она.—Мнѣ сказалъ о томъ самъ Юрандъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ не разспрашивать его, потому что онъ сказать не только не хочетъ, но и не можетъ. Вѣрнѣе всего, онъ связанъ какою-нибудь клятвой, какъ это всегда бываетъ у людей. Но Богъ дастъ, все обойдется.

— Мнѣ безъ Дануси все равно, что собакѣ на цѣпи или медвѣдю въ ямѣ,—отвѣтилъ Збышко:—ни радости никакой, ни утѣхи. Ничего, кромѣ вздоховъ и огорченія. Пошелъ бы я лучше съ княземъ Витольдомъ къ Тавани, пусть бы меня тамъ татары убили. Но сначала я долженъ довезти дядю, а потомъ сорвать съ нѣмецкихъ головъ обѣщанные гребни. Можетъ быть, меня и убьютъ при этомъ. Все лучше, чѣмъ видѣть, какъ Данусю возьметъ кто-нибудь другой.

Княгиня подняла на него свои добрые, голубые глаза и съ оттѣнкомъ изумленія спросила:

— И ты согласился бы на это?

— Я? Покуда во мнѣ духъ держится, не будетъ этого! Развѣ у меня рука отсохнетъ и не будетъ въ состояніи держать топоръ.

— Ну, вотъ видишь.

— Да! Но какъ же я возьму ее противъ отцовской воли?

На то княгиня отвѣтила, какъ бы про себя:

— Боже милостивый, какъ будто этого не бываетъ...

Потомъ она обратилась къ Збышку:

— Развѣ воля Божія не сильнѣе отцовской воли? А что сказалъ Юрандъ? «Если,—говоритъ,—будетъ на то воля Божія, то ты получишь ее».

— То же самое онъ и мнѣ сказалъ! —воскликнулъ Збышко:— «если,—говоритъ,—будетъ на то воля Божія, то ты получишь ее».

— Ну, вотъ видишь.

— Одна надежда на ваше расположеніе, милостивая госпожа.

— Мое расположеніе останется при тебѣ, а Дануся будетъ вѣрна тебѣ. Еще вчера я спрашивала у нея: «Дануська, будешь ли ты вѣрна Збышку?»—а она отвѣчаетъ такъ: «Я буду его или ничья». Она еще зеленая ягода, но что скажетъ, то и сдержитъ,— она шляхтянка, а не мѣщанка какая-нибудь. И ея мать была точно такая же.

— Далъ бы Богъ!—сказалъ Збышко.

— Только помни, и ты ей будь вѣренъ; а то вашъ братъ, мужчина, хорошъ иногда бываетъ: поклянется вѣрно любить, да сейчасъ же и льнетъ къ другой, такъ что его и на веревкѣ не удержишь. Я правду говорю! Иной ржетъ при видѣ всякой дѣвки, какъ взнузданный конь.

— Прежде да покараетъ меня Господь Іисусъ! — энергично воскликнулъ Збышко.

— Ну, такъ помни. А какъ доставишь князя на мѣсто, пріѣзжай къ намъ. Подойдетъ случай, такъ и шпоры получишь, а потомъ увидимъ, что Богъ дастъ. Дануська за это время подростетъ и войдетъ въ разумъ. Правда, она и теперь любитъ тебя ужасно, иначе я не могу сказать, но не такъ еще, какъ любятъ взрослыя. Можетъ быть, и Юрандъ склонится къ тебѣ: по моимъ соображеніямъ, онъ и радъ бы, да что-то ему мѣшаетъ. Поѣдешь ты и въ Спыховъ, а потомъ вмѣстѣ съ Юрандомъ на нѣмцевъ; можетъ случиться, что ты ему окажешь какую-нибудь услугу и совсѣмъ привлечешь къ себѣ.

— И я думалъ сдѣлать то же самое, милостивая княгиня, но съ вашимъ позволеніемъ мнѣ будетъ легче.

Разговоръ этотъ сильно пріободрилъ Збышка. Но случилось такъ, что на первомъ привалѣ старый Мацько расхворался такъ, что пришлось остановиться и ждать, пока онъ не наберется силъ для дальнѣйшаго пути. Добрая княгиня Анна Данута оставила ему свои лѣкарства, но сама должна была ѣхать дальше, и владѣль-

цамъ Богданьца пришлось разстаться съ мазовецкимъ дворомъ. Збышко упалъ къ ногамъ сначала княгини, потомъ Дануси, еще разъ поклялся ей въ вѣрной рыцарской службѣ, обѣщалъ скоро пріѣхать въ Цехановъ или въ Варшаву, наконецъ, подхватилъ ее на свои сильныя руки и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Помни обо мнѣ, цвѣточекъ мой милый, помни, рыбка моя золотая!

Дануся обняла его такъ, какъ младшая сестра обнимаетъ любимаго брата, прижала свой вздернутый носикъ къ его щекѣ и разразилась крупными, какъ горохъ, слезами.

— Не хочу я въ Цехановъ безъ Збышка!—повторяла она,— не хочу въ Цехановъ!

Юрандъ видѣлъ это, но не разразился гнѣвомъ. Напротивъ, онъ самъ, и очень благосклонно, простился съ молодымъ человѣкомъ, и, уже сѣвши на коня, еще разъ обратился къ нему и сказалъ:

— Оставайся съ Богомъ и не питай ко мнѣ злобы!

— Какъ же я могъ бы питать къ вамъ злобу, коли вы отецъ Дануськи!—чистосердечно отвѣтилъ Збышко.

И онъ наклонился къ стременамъ, а Юрандъ сильно стиснулъ ему руку и сказалъ:

— Помогай тебѣ Богъ во всемъ... понимаешь?...

И онъ уѣхалъ. Збышко понялъ, какое расположеніе крылось въ этихъ послѣднихъ словахъ, и, возвратившись къ телѣгѣ, на которой лежалъ Мацько, сказалъ:

— Знаете что, онъ бы не прочь, но ему что-то мѣшаетъ. Вы были въ Спыховѣ, умъ у васъ быстрый, постарайтесь отгадать, что это такое.

Но Мацько не на шутку расхворался. Горячка, которая охватила его съ утра, къ вечеру увеличилась до такой степени, что онъ началъ терять сознаніе и, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать Збышку, посмотрѣлъ на него изумленными глазами и спросилъ:

— Гдѣ это звонятъ?

Збышко испугался: ему пришло въ голову, что коль скоро больной слышитъ звонъ, то видно, что смерть уже приближается къ нему. И онъ подумалъ, что старикъ можетъ умереть безъ ксендза, безъ исповѣди, и поэтому угодить если не совсѣмъ въ адъ, то, по крайней мѣрѣ, на долгія лѣта въ чистилище. Нужно его везти дальше, чтобы какъ можно скорѣе добраться до какого-нибудь прихода, гдѣ бы Мацько могъ принять послѣднее причастіе.

Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ ѣхать всю ночь, помѣстился на возъ съ сѣномъ, на которомъ лежалъ старикъ, и наблюдалъ за

нимъ до разсвѣта. Отъ времени до времени онъ поилъ больного виномъ, которое имъ на дорогу далъ купецъ Амилей. Истомленный жаромъ, Мацько вино пилъ жадно,—оно приносило ему видимое облегченіе. Послѣ другой кварты онъ даже пришелъ въ себя, а послѣ третьей заснулъ такъ глубоко, что Збышко по временамъ наклонялся надъ нимъ, чтобъ убѣдиться, не умеръ ли онъ. И при одной мысли объ этомъ его охватывало глубокое горе. До краковской тюрьмы онъ даже хорошенько не отдавалъ себѣ отчета, какъ горячо любитъ того «дядьку», который былъ для него и отцомъ, и матерью. Но теперь-то онъ хорошо сознавалъ это и чувствовалъ, что послѣ смерти Мацька онъ останется ужасно одинокимъ, безъ родственниковъ, если не считать того аббата, который держалъ въ залогѣ Богданецъ, безъ друзей и безъ помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, что если Мацько умретъ, то по милости нѣмцевъ, благодаря которымъ онъ самъ чуть было не лишился головы, благодаря которымъ погибли всѣ его предки, и мать Дануси, и много, много невинныхъ людей, которыхъ Збышко зналъ лично или о которыхъ слышалъ отъ знакомыхъ,—и его начинало охватывать изумленіе. «Неужели же,—говорилъ онъ себѣ,—во всемъ нашемъ королевствѣ нѣтъ человѣка, который бы не видалъ отъ нихъ несправедливости и не жаждалъ бы мести?» Онъ вспомнилъ нѣмцевъ, съ которыми бился подъ Вильномъ, и подумалъ, что и татары дерутся не съ большею свирѣпостью и что другого такого народа нѣтъ на свѣтѣ.

Разсвѣтъ прервалъ думы Збышка. День начинался ясный, но холодный. Мацько, видимо, чувствовалъ себя лучше, потому что дышалъ ровнѣй и спокойнѣй. Проснулся онъ тогда лишь, когда солнце начало уже сильно пригрѣвать, раскрылъ глаза и спросилъ:

— Полегчало мнѣ. Гдѣ мы теперь?

— Подъѣзжаемъ къ Олькушу. Знаете, гдѣ серебро добываютъ и въ казну отдаютъ.

— Вотъ бы намъ-то! Можно было бы тогда Богданецъ отстроить!

— Видно, что вамъ легче,—смѣясь, отвѣтилъ Збышко.—Да, хватило бы и на каменный замокъ! Но заѣдемъ къ приходу, тамъ намъ и пристанище дадутъ, и вы исповѣдуетесь. Все въ рукахъ Божіихъ, но лучше имѣть совѣсть въ порядкѣ.

— Я грѣшный человѣкъ и съ радостью покаюсь,—сказалъ Мацько.—Снилось мнѣ ночью, будто черти съ меня стаскиваютъ одежду... и по-нѣмецки между собою болтаютъ... По милости Божіей, мнѣ полегчало. А ты спалъ, парень?

— Когда мнѣ было спать, коли я стерегъ васъ!

— Такъ прилягъ хоть немного. Какъ доѣдемъ, я тебя разбужу.

— Развѣ мнѣ до спанья?

— Да что-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Збышко посмотрѣлъ на дядю своими дѣтскими глазами.

— Что-жъ, какъ не любовь? У меня отъ вздоховъ даже колики сдѣлались, но я сяду на коня и мнѣ станетъ легче.

Онъ слѣзъ съ телѣги и вскочилъ на коня, котораго ловко подалъ турокъ, подаренный Завишею. Мацько отъ времени до времени хватался за бокъ но, видимо, думалъ не о своей болѣзни, потому что качалъ головою, причмокивалъ губами и, наконецъ, сказалъ:

— Дивлюсь я, дивлюсь и не могу надивиться, въ кого ты уродился такой жадный на любовь. Ни отецъ твой такимъ не былъ, ни я.

Збышко, вмѣсто отвѣта, вдругъ выпрямился на сѣдлѣ, подбоченился, закинулъ голову кверху и грянулъ, что было мочи:

О тебѣ я плачу, день и ночь вздыхая,
Въ горестной разлукѣ... гдѣ ты, дорогая?
И хоть очи выжгу горькою слезою,
Мнѣ ужъ не придется встрѣтиться съ тобою.
Гей!

И это «гей!» пронеслось по лѣсу, прокатилось широкимъ эхомъ и замерло въ заросли.

Мацько снова потеръ бокъ, въ которомъ застрялъ нѣмецкій наконечникъ, и проговорилъ съ легкимъ стономъ:

— Прежде люди были умнѣе,—понимаешь?

Онъ задумался, какъ будто углублялся въ прошедшее, и добавилъ:

— Хотя и прежде дураки бывали.

Лѣсъ кончался. Показались шалаши рудокоповъ, а дальше зубчатыя стѣны Олькуша, построенныя королемъ Казиміромъ, и башни костела, возведеннаго Владиславомъ Локеткомъ.

IV.

Каноникъ приходской церкви исповѣдалъ Мацька и радушно задержалъ его и Збышка на ночлегъ, такъ что они выѣхали лишь утромъ на слѣдующій день и за Олькушемъ свернули къ Силезіи, по границѣ которой должны были ѣхать вплоть до Великой Польши. Дорога по большей части шла лѣсомъ, въ которомъ при закатѣ солнца часто раздавалось, на подобіе подземнаго грома, рычаніе

туровъ и зубровъ, а ночью, сквозь заросли лещины, сверкали глаза волковъ. Но на этой дорогѣ купцамъ и путникамъ грозила еще бо̀льшая опасность отъ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ силезскихъ рыцарей, за̀мки которыхъ возвышались и тамъ, и здѣсь возлѣ самой границы. Правда, вслѣдствіе войны короля Владислава съ княземъ Опольскимъ, которому помогали его силезскіе племянники, большую часть этихъ за̀мковъ разрушили польскія руки, но все-таки необходимо было соблюдать осторожность и въ особенности послѣ захода солнца не выпускать изъ рукъ оружія.

Наши рыцари, однако, ѣхали спокойно, такъ что начинала уже надоѣдать дорога. До Богданьца оставалось еще день ѣзды. Вдругъ ночью на дорогѣ послышался топотъ копытъ и фырканье лошадей.

— Какіе-то люди ѣдутъ позади насъ,—сказалъ Збышко.

Мацько,—онъ не спалъ,—посмотрѣлъ на звѣзды и отвѣтилъ тономъ опытнаго человѣка:

— Скоро разсвѣтъ. Разбойники не станутъ нападать подъ конецъ ночи,—къ утру имъ надо быть дома.

Збышко все-таки остановилъ телѣгу, разставилъ своихъ людей поперекъ дороги, фронтомъ къ приближающимся, самъ вышелъ впередъ и ждалъ.

Немного погодя передъ нимъ во теракѣ замаячило нѣсколько всадниковъ. Одинъ изъ нихъ ѣхалъ во главѣ отряда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другихъ, но, видимо, не имѣлъ намѣренія прятаться, потому что пѣлъ во все горло. Збышко не могъ разслышать словъ, но до его ушей долетѣло веселое «гоцъ! гоцъ!», которыми незнакомецъ заканчивалъ каждый куплетъ пѣсни.

«Наши»!—сказалъ про себя Збышко, но все-таки окликнулъ:

— Стой!

— А ты садись!—отвѣтилъ шутливый голосъ.

— Зачѣмъ вы ѣдете слѣдомъ за нами?

— А зачѣмъ ты загораживаешь дорогу?

— Отвѣчай, у насъ луки натянуты.

— А у насъ... оттянуты,—стрѣляй!

— Отвѣчай по-человѣчески, или горе тебѣ!

На это Збышку отвѣчала веселая пѣсня:

На большой дорогѣ, споря,
Повстрѣчалось съ горемъ горе...
Гоцъ! гоцъ! гоцъ!
И, задавъ другъ другу тряску,
Въ тьмѣ ночной пустились въ пляску...
Гоцъ! гоцъ! гоцъ!

Збышко, услыхавъ такой отвѣтъ, изумился. Тѣмъ временемъ пѣсня умолкла, но тотъ же самый голосъ спросилъ:

— А какъ поживаетъ старикъ Мацько? Дышетъ еще?

Мацько приподнялся на телѣгѣ и сказалъ:

— Боже ты мой, это наши!

Збышко выдвинулъ своего коня впередъ.

— Кто спрашиваетъ про Мацька?

— Сосѣдъ, Зыхъ изъ Згожелицъ. Я ужъ съ недѣлю ѣду за вами и разспрашиваю людей по дорогѣ.

— Караулъ! Дядька! Это Зыхъ изъ Згожелицъ!—воскликнулъ Збышко.

Онъ былъ очень радъ. Зыхъ, дѣйствительно, былъ ихъ сосѣдъ и, кромѣ того, человѣкъ добрый и любимый всѣми за свой веселый характеръ.

— Ну, какъ вы?—спросилъ Зыхъ, потрясая руку Мацька.

— Эхъ, нехорошо! — отвѣтилъ Мацько. — Но я радъ видѣть васъ. Господи милостивый, я чувствую себя такъ, какъ будто бы былъ въ Богданьцѣ.

— А что съ вами? Я слышалъ, васъ нѣмцы подстрѣлили.

— Подстрѣлили, собачьи дѣти! Конецъ стрѣлы еще остался у меня между реберъ.

— Боже ты мой! Ну, и что-жъ? Пробовали бы пить медвѣжье сало.

— Видите,—сказалъ Збышко,—всѣ медвѣжье сало совѣтуютъ. Только бы до Богданьца добраться! Сейчасъ пойду съ топоромъ на пчельникъ.

— Можетъ у Ягѣнки есть, а нѣтъ, я пошлю спросить у кого-нибудь.

— Какая Ягѣнка? Вашу жену звали Малгохна, — спросилъ Мацько.

— О, Малгохна! На Михайловъ день будетъ три года, какъ Малгохна лежитъ на кладбищѣ. Непокладистая была баба, упокой ея душу, Господь, въ селеніяхъ праведныхъ! Ягѣнка въ нее пошла, только молода она еще.

...Средь полей чернѣетъ кочка,
Уродилась въ маму дочка...
Гоцъ! гоцъ!

— А Малгохнѣ я говорилъ: не лѣзь на сосну, коли тебѣ пятьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ-таки, полѣзла. А тутъ подъ ней вѣточка обломилась, и бухъ! Говорю вамъ, яму въ землѣ выбила, а черезъ три дня испустила послѣднее дыханіе.

— Царство ей небесное!—сказалъ Мацько. —Помню, помню... бывало, возьмется руками въ боки и начнетъ чудить, такъ крестьяне отъ нея въ сѣно прячутся. А хозяйка была — лучше и не надо. Такъ съ сосны свалилась... Видите ли, какое дѣло!

— Свалилась, какъ шишка зимою... О, ужъ и горе было! Знаете ли вы, что послѣ похоронъ я съ горя такъ напился, что меня три дня не могли добудиться. Думали, что и я тоже ноги протянулъ. А что слезъ я потомъ выплакалъ, такъ и ведромъ не вынесешь. Но и Ягёнка съ хозяйствомъ хорошо справляется. Теперь все лежитъ на ней.

— Я ее едва помню. Когда я уѣзжалъ, она была не больше топорища, подъ лошадь могла пройти, не касаясь головой брюха. Да ужъ это давно; теперь она, должно быть, выросла.

— На день святой Агнесы пятнадцать лѣтъ минуло, но я ее самъ не видалъ почти годъ.

— А съ вами что было? Вы откуда возвращаетесь?

— Съ войны. Ягенка у меня есть,—какая нужда приневолитъ меня сидѣть дома.

Мацько, хотя и больной, при упоминаніи о войнѣ насторожилъ уши и спросилъ:

— Вы, можетъ, были съ княземъ Витольдомъ подъ Ворсклой?

— Былъ, былъ! —весело отвѣтилъ Зыхъ изъ Згожелицъ. —Ну, Богъ не далъ удачи князю Витольду,—мы потерпѣли отъ Эдиги страшное пораженіе. Прежде всего, лошадей нашихъ перестрѣляли. Татаринъ никогда не сойдется съ тобой лицомъ къ лицу, и бьетъ изъ луковъ издали. Ты на него напрешь, а онъ убѣжитъ и опять стрѣляетъ. Дѣлай съ ними, что хочешь. Видите ли, въ нашемъ полку рыцари страсть какъ расхвастались: «Копья,—говорятъ,—не наклонимъ, мечей изъ ноженъ не вынемъ, на лошадиныхъ копытахъ разнесемъ всѣхъ этихъ гадовъ». Наши хвалились, хвалились, а тутъ, какъ начали стрѣлы свистать,—дня Божьяго невидно,—ну, и оказалось, что послѣ битвы изъ десятерыхъ одинъ въ живыхъ остался. Вѣрите вы мнѣ или нѣтъ? Больше половины войска, семьдесятъ литовскихъ и русскихъ князей остались на полѣ битвы, а что бояръ и разныхъ тамъ дворянъ, или, какъ они говорятъ «отроковъ», то и въ двѣ недѣли не сосчитаешь.

— Слыхалъ,—перебилъ Мацько.—И нашихъ добровольцевъ полегло не мало.

— Даже девять крестоносцевъ — и тѣ должны были служить Витольдовой силѣ. И нашихъ легла порядочная куча, потому что, какъ вы знаете, гдѣ другой оглянется назадъ, тамъ нашъ не огля-

нется. Князь больше всего полагался на нашихъ рыцарей и во время битвы не хотѣлъ имѣть возлѣ себя другой свиты, кромѣ поляковъ. И! и! Боже мой, что было! всѣ въ лоскъ вокругъ него полегли, а ему ничего. Погибъ панъ Спыжко изъ Мельсирына и мечникъ Бернаръ, и чашникъ Николай, и Прокопъ, и Пшецлавъ, и Доброгостъ, и Ясько изъ Лазевищъ, и Пимекъ Мазуръ, и Варшъ изъ Михова, и воевода Соха, и Ясько изъ Домбровы, и Петрко изъ Милославя, и Шенецкій, и Одерскій, и Томко Лагода, да кто бы ихъ всѣхъ пересчиталъ! Иные были такъ унизаны стрѣлами, что послѣ смерти казались какими-то ежами, просто смѣхъ смотрѣть!— Онъ и на самомъ дѣлѣ засмѣялся, какъ будто разсказывалъ какую - то развеселую вещь и вдругъ запѣлъ:

Будешь помнить, хоть бояринъ,
Какъ взлупилъ тебя татаринъ!...

— Ну, а потомъ что?—спросилъ Збышко.

— Потомъ великій князь бѣжалъ, но тотчасъ же ободрился духомъ, какъ это у него всегда бываетъ. Чѣмъ больше его пригнешь, тѣмъ лучше распрямится, какъ кустъ лещины. Помчались мы тогда къ Таванскому броду охранять переправу. Пришла къ намъ горсть новыхъ рыцарей изъ Польши. Ну, и ничего, хорошо! На другой день явился Эдига съ тучею татаръ, но ужъ ничего не могъ сдѣлать. Вотъ было веселье! Какъ онъ черезъ бродъ, мы ему въ рыло. Ничего не могъ сдѣлать. Побили мы ихъ много, да и забрали не мало. Я самъ поймалъ пятерыхъ и веду ихъ съ собой въ Згожелицы. Увидите днемъ, что это за собачьи морды.

— Въ Краковѣ толковали, что война можетъ перейти и въ королевство.

— Дуракъ что ли Эдига? Онъ хорошо видѣлъ, какое у насъ рыцарство, а, вѣдь, самые знаменитые остались дома, потому что королева была недовольна, что Витольдъ затѣваетъ войну на свой страхъ. Старый Эдига—хитрый. Онъ у Тавани сразу сообразилъ, что силы князя растутъ, и пошелъ себѣ за тридевять земель!...

— А вы возвратились домой?

— Возвратился. Тамъ мнѣ ужъ нечего дѣлать. Въ Краковѣ я узналъ, что вы уѣхали не задолго до меня.

— Потому вы и знали, что это мы ѣдемъ?

— Я зналъ, что вы, потому что спрашивалъ о васъ на всѣхъ стоянкахъ.

Тутъ Зыхъ повернулся къ Збышку:

— Боже ты мой, я тебя видѣлъ еще маленькимъ, а теперь,

хоть и темно, соображаю, что ты парень какъ туръ. Такъ ты готовъ былъ стрѣлять изъ лука?... Видно, что бывалъ на войнѣ.

— Меня война съ малолѣтства воспитывала. Пусть дядька скажетъ, есть ли у меня навыкъ.

— Дядькѣ нечего мнѣ говорить. Я видѣлъ въ Краковѣ пана изъ Тачева и онъ мнѣ разсказалъ о тебѣ все. Такъ мазуръ не хочетъ отдавать тебѣ дочь, а я бы не былъ такимъ упрямымъ, потому что ты мнѣ понравился. Забудешь ты о той, какъ увидишь мою Ягенку. Дѣвка какъ яблоко.

— Нѣтъ, я не забуду, хотя бы увидалъ десятокъ такихъ, какъ ваша Ягенка.

— За ней въ приданое пойдутъ Мочидолы, гдѣ мельница. На лугахъ, когда я уѣзжалъ, было десять добрыхъ кобылицъ съ жеребятами. Мнѣ еще не одинъ за Ягну поклонится,—вотъ ты увидишь!

Збышко хотѣлъ было отвѣтить: «только не я!», какъ Зыхъ изъ Згожелицъ снова запѣлъ:

Въ ноги всѣ мы къ вамъ упали,
Чтобы насъ въ зятья вы взяли.

— У васъ всегда на умѣ пѣсни и веселье,—замѣтилъ Мацько.

— А что дѣлаютъ блаженныя души въ раю?

— Поютъ.

— Ну, вотъ видите! А осужденныя души плачутъ. Я предпочитаю идти къ поющимъ, а не къ плачущимъ. И святой Петръ скажетъ такъ: «нужно пустить его въ рай, а то, шельмецъ, онъ будетъ и въ аду пѣть, а это не годится». Смотрите,—уже свѣтаетъ.

Дѣйствительно, начинался день. Немного погодя всадники выѣхали на полянку, на которой было уже совсѣмъ свѣтло. На озеркѣ, занимавшемъ большую часть полянки, какіе-то люди ловили рыбу, но при видѣ вооруженныхъ рыцарей бросили неводъ, выскочили изъ воды, торопливо схватились за крюки, за багры и стали въ грозную позицію, готовые къ бою.

— Насъ приняли за разбойниковъ,— разсмѣялся Зыхъ.—Эй, рыбаки, чьи вы?

Рыбаки стояли молча, недовѣрчиво смотря на рыцарей; наконецъ, старшій изъ нихъ, узнавъ знакомыхъ, отвѣтилъ:

— Ксендза аббата изъ Тульчи.

— Нашего родственника,—отвѣтилъ Мацько, — который держитъ Богданецъ въ залогѣ. Это, вѣроятно, его лѣса, но купилъ ихъ онъ, видно, не такъ давно.

— Вотъ тебѣ, купилъ!—отвѣтилъ Зыхъ.—Онъ дрался изъ-за нихъ съ Вилькомъ изъ Бжозовіи и, должно быть, отбилъ. Годъ тому назадъ они даже выступили въ поединокъ верхомъ, на коняхъ и длинныхъ мечахъ. Дѣло шло обо всей этой округѣ, но чѣмъ оно кончилось, не знаю, потому что уѣхалъ отсюда.

— Ну, мы съ нимъ въ свойствѣ,—сказалъ Мацько,—съ нами онъ не станетъ драться и можетъ быть что-нибудь еще уступитъ изъ залога.

— Можетъ быть. Если съ нимъ поговорить по душѣ, то онъ еще и своего добавитъ. Этотъ аббатъ—тотъ же рыцарь, ему не въ новинку покрывать голову шлемомъ. При томъ, онъ человѣкъ благочестивый и чудесно совершаетъ богослуженіе. Да вы должны помнить. Какъ рявкнетъ за обѣдней, то ласточки, что сидятъ подъ потолкомъ, съ гнѣздъ срываются. Отъ этого, конечно, и слава Божія выростаетъ.

— Какъ мнѣ не помнить! За девять шаговъ дыханіемъ свѣчи на алтарѣ, бывало, гасилъ. А заглядывалъ онъ хоть разъ въ Богданецъ?

— Какъ же! Заглядывалъ. Пять новыхъ мужиковъ съ женами на выкорчеванной землѣ посадилъ. И у насъ, въ Згожелицахъ, бывалъ. Какъ вы знаете, онъ крестилъ Ягенку и очень любитъ ее и зоветъ дочкой.

— Если бы далъ Богъ, чтобъ онъ мнѣ мужиковъ оставилъ,—сказалъ Мацько.

— О! что для такого богача значитъ пять мужиковъ! Наконецъ, если Ягенка попроситъ, такъ онъ оставитъ безъ разговоровъ.

Бесѣда прекратилась на минуту, потому что надъ темнымъ боромъ взошло ясное солнце и освѣтило все вокругъ. Рыцари перекрестились и начали читать утреннія молитвы.

Зыхъ кончилъ первый и, ударивъ себя нѣсколько разъ въ грудь, обратился къ сосѣдямъ:

— Только теперь я разглядѣлъ васъ хорошенько. Эхъ, и измѣнились же вы оба!... Вы, Мацько, сначала должны хорошенько исправиться... Ягенка будетъ хорошо ухаживать за вами, потому что въ вашемъ домѣ бабы нѣтъ... Ну, ну, видно, что у васъ между ребрами наконечникъ стрѣлы. Не хорошо.

Тутъ онъ обратился къ Збышку.

— Покажись-ка и ты... О, Боже милостивый! Я помню тебя маленькимъ, какъ ты, уцѣпившись за хвостъ, взбирался на жеребятъ, а теперь, чортъ возьми, настоящій рыцарь!... По лицу па-

ненка, а парень плечистый... Такому, какъ ты, хоть на медвѣдя выходить.

— Что ему медвѣдь!—отвѣтилъ на это Мацько.—Тогда онъ еще моложе былъ, когда Фризъ назвалъ его голоусымъ, а онъ,—что Фризу не совсѣмъ понравилось, — тотчасъ же вырвалъ у него усы...

— Знаю,—перебилъ Зыхъ.—Потомъ вы бились и забрали все ихъ имущество. Все это мнѣ разсказалъ панъ изъ Тачева...

—Вышелъ нѣмецъ въ бой веселымъ,
А сошелъ въ могилу голымъ,
Гоцъ! гоцъ!

Онъ окидывалъ Збышка любовными глазами. Збышко также съ великимъ любопытствомъ смотрѣлъ на его длинную, какъ жердь, фигуру, на худое лицо съ огромнымъ носомъ и круглые, смѣющіеся глаза.

— О!—сказалъ онъ,—при такомъ сосѣдѣ, еслибъ Богъ возвратилъ дядькѣ здоровье, не будетъ скучно.

— Лучше имѣть веселаго сосѣда, потому что съ веселымъ не можетъ быть ссоры,—отвѣтилъ Зыхъ.—А теперь слушайте, что я вамъ скажу по доброму, по христіанскому. Дома вы давно не были и никакихъ порядковъ въ Богданьцѣ вы не найдете. Я не говорю: въ хозяйствѣ, потому что аббатъ хозяйничалъ хорошо, кусокъ лѣсу вырубилъ и новыхъ мужиковъ посадилъ. Но такъ какъ онъ наѣзжалъ на короткое время, то амбары стоятъ пустые, да и въ домѣ—развѣ какая-нибудь скамья, да вязанка гороховой соломы вмѣсто постели, а больному нужно удобство. Такъ знаете ли что?—поѣдемте-ка со мной въ Згожелицы. Проживете мѣсяцъ-два, это и мнѣ по сердцу будетъ, и вамъ хорошо, а за это время Ягенка о Богданьцѣ подумаетъ. Вы положитесь только на нее и ни о чемъ не заботьтесь. Збышко будетъ ѣздить смотрѣть за хозяйствомъ; ксендза-аббата я доставлю къ вамъ въ Згожелицы, вы съ нимъ тотчасъ и сосчитаетесь. О васъ, Мацько, моя дѣвка будетъ заботиться какъ объ отцѣ, а въ болѣзни бабій уходъ лучше мужского. Ну, милые вы мои! сдѣлайте такъ, какъ я васъ прошу.

— Извѣстно всѣмъ, что вы добрый человѣкъ и всегда были такимъ,—отвѣтилъ тронутый Мацько,—но если мнѣ придется умереть по милости этого проклятаго куска желѣза, что сидитъ у меня между ребрами, то я предпочитаю умереть въ своей берлогѣ. Притомъ въ домѣ, человѣкъ хотя и боленъ, и о томъ спроситъ и о другомъ, и туда заглянетъ и сюда. Если Богъ повелитъ снаря-

жаться на тотъ свѣтъ,— ну, тогда дѣлать нечего,— при хорошемъ ли уходѣ, при плохомъ ли, все равно, не вывернешься. Къ неудобствамъ же мы на войнѣ привыкли. Но за ваше расположеніе къ намъ я сердечно благодарю васъ и если не расплачусь съ вами, то, Богъ дастъ, Збышко расплатится.

Зыхъ изъ Згожелицъ, который дѣйствительно славился своею добротой и гостепріимствомъ, снова началъ настаивать и просить, но Мацько уперся: коли умирать, такъ въ своемъ домѣ! Онъ рвался въ Богданецъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и теперь не хочетъ ни въ какое другое мѣсто. Богъ и то по милости своей дозволилъ ему притащиться сюда.

Онъ отеръ рукою слезы, которыя навернулись на его глазахъ, осмотрѣлся вокругъ и сказалъ:

— Если это лѣса Вилька изъ Бжозовой, то къ полудню мы доѣдемъ.

— Не Вилька изъ Бжозовой, а нынѣ аббата, — поправилъ Збышко.

На это больной Мацько улыбнулся и немного погодя сказалъ:

— Если аббатовы, то, можетъ быть, когда - нибудь будутъ наши.

— Вы только что говорили о смерти,— весело воскликнулъ Зыхъ,—а теперь вамъ хочется пережить аббата.

— Не я переживу, а Збышко.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ звуками рога, которые раздавались въ лѣсу, далеко впереди ихъ. Зыхъ тотчасъ же задержалъ коня и началъ вслушиваться.

— Кто-то здѣсь, должно-быть, охотится,—сказалъ онъ,— подождите!

— Можетъ быть, аббатъ. Вотъ было бы хорошо, еслибъ мы его встрѣтили сейчасъ.

— Тише!

И онъ обратился къ своимъ людямъ:

— Стой!

Всѣ остановились. Звукъ роговъ послышался ближе, а минуту спустя раздался лай собакъ.

— Стой!—говорилъ Зыхъ.—Идутъ къ намъ.

Збышко соскочилъ съ коня и крикнулъ:

— Подайте лукъ! можетъ быть звѣрь на насъ выбѣжитъ! Скорѣй! скорѣй!

И, вырвавъ лукъ изъ рукъ татарина, онъ оперся имъ о землю, налегъ животомъ, наклонился, напрягъ спину, какъ другой лукъ,

и, схвативъ пальцами обѣихъ рукъ тетиву, натянулъ ее въ мгновеніе ока, потомъ наложилъ стрѣлу и побѣжалъ впередъ въ лѣсъ.

— Натянулъ, безъ веревки натянулъ!—шепталъ Зыхъ, изумленный проявленіемъ такой необычной силы.

— Да, парень здоровой,—съ гордостью и также шепотомъ отвѣтилъ Мацько.

Тѣмъ временемъ звукъ роговъ и лай псовъ послышался еще ближе, и вдругъ съ правой стороны раздался ретивый топотъ, трескъ сучьевъ и вѣтвей и на дорогу какъ громъ свалился старый, бородатый зубръ, съ огромной, низко наклоненной головой, съ налитыми кровью глазами и съ высунутымъ языкомъ, измученный, страшный. Подбѣжавъ къ придорожному рву, онъ перемахнулъ его однимъ прыжкомъ, съ разбѣгу упалъ на переднія ноги, но поднялся и вотъ-вотъ готовъ уже былъ скрыться въ заросли на другой сторонѣ дороги, какъ вдругъ зловѣще заворчала тетива лука и раздался свистъ стрѣлы. Звѣрь всталъ на дыбы, завертѣлся, отчаянно заревѣлъ и, какъ пораженный молніей, рухнулъ на землю.

Збышко показался изъ-за дерева, снова натянулъ лукъ и приблизился, готовый выстрѣлить опять, по лежащему быку, но тотъ только судорожно шевелилъ задними ногами.

Збышко посмотрѣлъ на него съ минуту, потомъ спокойно повернулъ къ своимъ и крикнулъ имъ издали:

— На-повалъ убитъ!

— О, чтобъ тебя!—отозвался, подъѣзжая, Зыхъ,—отъ одной стрѣлы!

— Близко было, а вблизи она страшно сильно бьетъ. Посмотрите, не только наконечникъ, но и сама стрѣла цѣликомъ ушла подъ лопатку.

— Охотники должны быть близко; они непремѣнно заберутъ его.

— Я не дамъ!—отвѣчалъ Збышко,—онъ убитъ на дорогѣ, а дорога ничья.

— А если это охотится аббатъ?

— Ну, если аббатъ, то пусть беретъ его.

Изъ лѣсу выскочило нѣсколько десятковъ собакъ. Завидѣвъ звѣря, они бросились на него съ страшнымъ визгомъ, слились съ нимъ въ одинъ клубокъ и тотчасъ же начали грызться между собою.

— Сейчасъ будутъ и охотники,—сказалъ Зыхъ.—Смотри! вонъ они, только выѣхали дальше насъ и еще не видятъ звѣря. Гопъ! гопъ! сюда! сюда! лежитъ!...

Но вдругъ онъ умолкъ, приставилъ къ глазамъ руку и черезъ минуту воскликнулъ:

— Боже ты мой! что это! Ослѣпъ ли я, или мнѣ такъ кажется...

— Одинъ на ворономъ конѣ впереди,—сказалъ Збышко.

Но Зыхъ вдругъ закричалъ:

— Господи Iисусе! вѣдь это Ягенка!

Онъ кинулся впередъ, но прежде чѣмъ могъ поднять въ галопъ коня, глазамъ Збышка представилось любопытнѣйшее въ мірѣ зрѣлище. На быстро скачущемъ конѣ къ нимъ приближалась дѣвушка, сидящая на сѣдлѣ по-мужски, съ лукомъ въ рукахъ и съ копьемъ за плечами. Въ волоса, распустившіеся отъ быстрой ѣзды, вплелись хмелевыя шишки, лицо у нея было румяное, какъ заря, на груди виднѣлась разстегнувшаяся рубашка, а на рубашкѣ фуфайка шерстью наружу. Подъѣхавъ, она осадила коня на мѣстѣ; на лицѣ ея отражалось недовѣріе, удивленіе, радость; наконецъ, не смѣя не довѣрять своимъ глазамъ и ушамъ, она закричала тонкимъ голосомъ, въ которомъ еще слышались дѣтскія ноты:

— Тятя! тятя милый!

Въ мгновеніе ока она спрыгнула съ коня, а когда Зыхъ тоже сошелъ на землю, бросилась къ нему на шею. Долго Збышко слышалъ только звукъ поцѣлуевъ да радостныя восклицанія.

Когда первая минута миновала, Ягенка начала разспрашивать:

— Съ войны возвращаетесь? Здоровы вы?

— Чего мнѣ не быть здоровымъ! А ты? а младшіе ребятишки? Думаю, что здоровы,—правда? Иначе ты не летала бы по лѣсу. Но что ты-то дѣлаешь, дѣвочка?

— Видите, охочусь,—отвѣтила Ягенка и разсмѣялась.

— Въ чужихъ лѣсахъ?

— Аббатъ далъ мнѣ позволеніе. Онъ прислалъ еще своихъ охотниковъ и собакъ.

Тутъ она обратилась къ своей челяди:

— Отгоните собакъ, а то они попортятъ шкуру... Ахъ, какъ я рада, что вижу васъ! У насъ все благополучно.

— А я-то не радъ?—отвѣтилъ Зыхъ.—Ну, дай я еще разъ поцѣлую тебя.

Они снова начали цѣловаться, а когда окончили, Ягенка сказала:

— До дома страсть какъ далеко... вонъ куда завелъ насъ звѣрь. Мили двѣ будетъ, кони уже начали уставать. А здоровый зубръ,—вы видѣли?.. въ немъ сидятъ три мои стрѣлы. Должно быть, отъ послѣдней онъ и палъ.

— Отъ послѣдней, да не отъ твоей,— его застрѣлилъ вонъ тотъ рыцарь.

Ягенка откинула рукою волоса, которые надвинулись ей на глаза, и внимательно, но не особенно благосклонно посмотрѣла на Збышка.

— Ты знаешь, кто онъ такой? — спросилъ Зыхъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Не диво, что ты его не узнала, потому что онъ выросъ. А можетъ быть стараго Мацька изъ Богданьца узнаешь?

— Боже ты мой! Такъ это Мацько изъ Богданьца! —воскликнула Ягенка и, приблизившись къ телѣгѣ, поцѣловала руку Мацька.

— Такъ это вы?

— Я самый. Только, видишь, я на телѣгѣ, потому что меня подстрѣлили нѣмцы.

— Какіе нѣмцы? Вѣдь война была съ татарами? Я знаю это, потому что не мало просила тятю взять меня съ собою.

— Была война съ татарами, но мы на ней не были, мы прежде на Литвѣ воевали, и я, и Збышко.

— А гдѣ же Збышко?

— Такъ ты не узнала, что это Збышко? — со смѣхомъ спросилъ Мацько.

— Збышко? — повторила дѣвушка и вновь посмотрѣла на молодого рыцаря.

— Онъ и есть.

— Дайте и мнѣ, по старому знакомству, поцѣловать васъ,— весело сказалъ Збышко.

Ягенка живо повернулась къ Збышку, но вдругъ отступила назадъ и, закрывъ рукою глаза, сказала:

— Мнѣ стыдно...

— Да вѣдь мы знаемъ другъ друга съ дѣтства,— уговаривалъ Збышко.

— Хорошо знаемъ! Помню я васъ, помню! Лѣтъ восемь тому назадъ вы пріѣхали къ намъ съ Мацькомъ, а покойница мама принесла намъ орѣховъ съ медомъ. Вы, когда старшіе вышли изъ комнаты, дали мнѣ щелчокъ по носу, а орѣхи съѣли одни.

— Теперь онъ не сдѣлалъ бы этого,— сказалъ Мацько.—Онъ бывалъ у князя Витольда, бывалъ въ краковскомъ замкѣ и знаетъ придворные обычаи.

Но Ягенкѣ въ голову пришло другое, потому что она спросила у Збышка:

— Это вы убили зубра?

— Я.

— Посмотримъ, гдѣ сидитъ стрѣла.

— Вы не увидите, потому что она вся засѣла подъ лопаткой.

— Оставь его въ покоѣ, не разспрашивай,—сказалъ Зыхъ.— Всѣ видѣли, какъ онъ застрѣлилъ его; мало того, видѣли еще лучшее,—онъ въ минуту натягиваетъ лукъ безъ веревки.

Ягенка въ третій разъ посмотрѣла на Збышка, но теперь уже съ удивленіемъ.

— Вы натягивали лукъ безъ веревки?

Збышко почувствовалъ въ ея голосѣ оттѣнокъ недовѣрія, пригнулъ къ землѣ лукъ, натянулъ его и желая показать, что знаетъ придворные обычаи, преклонилъ одно колѣно и подалъ лукъ Ягенкѣ.

Дѣвушка, вмѣсто того, чтобы взять лукъ, вдругъ покраснѣла, сама не зная почему, и начала оправлять разстегнувшуюся рубашку.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА *).

Романъ К. Верніоля.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

III.

Въ Рошфорѣ, какъ и во всѣхъ другихъ военныхъ портахъ, къ аристократіи причисляютъ обыкновенно только мѣстныхъ моряковъ; тѣмъ не менѣе семья Дютрейль, стоявшая долго во главѣ солиднаго торговаго дома, пользовалась въ этомъ городѣ значительнымъ вліяніемъ: они считались людьми состоятельными, чего не трудно было добиться во времена, когда шестьсотъ ливровъ годового дохода казались цѣлымъ состояніемъ.

Отецъ Мориса получилъ воспитаніе у іезуитовъ, изучалъ юриспруденцію въ Парижѣ и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, преисполненный всевозможными надеждами и проектами. Здѣсь встрѣтился онъ съ Турнье, который какъ разъ въ это время пытался пробиться въ литературные круги. Рядъ финансовыхъ катастрофъ заставилъ Дютрейля вернуться въ Рошфоръ. На его глазахъ отецъ умеръ съ горя, одного изъ братьевъ унесла эпидемія, другой, потерявъ голову, бѣжалъ изъ страны, гдѣ ему пришлось столько вынести. Этотъ неожиданный, тяжелый ударъ ошеломилъ самого отца Мориса. Нужно было однако жить чѣмъ-нибудь и кормить мать. Не умѣя взяться ни за какое дѣло, онъ приходилъ въ отчаяніе; но благодаря своему адвокатскому диплому, угрызеніямъ совѣсти разорившихъ его кредиторовъ и общему сочувствію къ столь незаслуженному несчастью, онъ получилъ вскорѣ мѣсто въ префектурѣ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 97 г.

Съ тѣхъ поръ Дютрейль-отецъ жилъ потихоньку, какъ-то сразу и неизлѣчимо заробѣвъ, добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и пріобрѣлъ репутацію образцоваго чиновника. Вѣроятно, благодаря этому послѣднему обстоятельству, на него стали смотрѣть какъ на «хорошую партію» и, когда г-жа Дютрейль сошла въ могилу, его быстро женили на молодой дѣвушкѣ изъ хорошей, но небогатой семьи; жена любила его, окружала всевозможными заботами, прекрасно поставила хозяйство, выказывала ему до конца своей жизни глубокую преданность, но совершенно не понимала его безмолвной грусти, мечтательности, разсѣянности; такимъ образомъ, несмотря на взаимную привязанность, между ними всегда оставалась бездна.

Прошли годы и смягчили многое. Изъ былого осталось въ памяти одно только хорошее, а меланхолическій оттѣнокъ воспоминаній придавалъ этому хорошему еще больше прелести. О прошломъ Дютрейль никогда не заговаривалъ, но не забывалъ его ни на минуту; всю любовь, которую онъ могъ дать въ настоящемъ, и всѣ надежды на будущее онъ сосредоточилъ на единственномъ своемъ сынѣ.

Маленькій Морисъ не чувствовалъ недостатка во внѣшнихъ проявленіяхъ любви: онъ зналъ и ласки матери, въ данномъ случаѣ спокойныя и немного животныя, и горячую, хотя нѣсколько порывистую, нѣжность отца; но въ окружавшей его атмосферѣ не было того единенія, простоты и спокойнаго довѣрія, которыя вызываютъ ребенка на откровенность и вносятъ свѣтлую радость въ его жизнь. Поэтому онъ привыкъ замыкаться въ самомъ себѣ. Когда пришло время, его отдали приходящимъ въ гимназію. Тамъ онъ казался молчаливымъ и понятливымъ школьникомъ, работалъ по-своему недурно, но доказавъ, что можетъ быть однимъ изъ первыхъ, вовсе не стремился удержаться на этой высотѣ. Ко времени конфирмаціи онъ потерялъ мать, и при этомъ получилъ почти полную свободу: тетка со стороны матери, которой было передано хозяйство, и не думала стѣснять его. Съ тѣхъ поръ всѣ свои досуги мальчикъ посвятилъ чтенію, которымъ увлекался съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Впрочемъ, въ это занятіе онъ внесъ больше жадности, чѣмъ разборчивости: начавъ съ такого вздора, какъ творенія графини Сегюръ и Жюля Верна, онъ перешелъ къ историческимъ сочиненіямъ Мишле и Тьера, затѣмъ прочелъ Вальтеръ-Скотта, *Жиль Блаза* и классиковъ. Углубляясь въ книги, онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ составить себѣ очень высокое понятіе о призваніи писателя, затѣмъ пожелалъ отдаться этому при-

званію и, конечно, «почувствовалъ» въ себѣ совершенно достаточныя къ тому силы. Отъ этой склонности, проявляющейся у каждаго шестнадцатилѣтняго юноши, послѣ нѣсколькихъ ученическихъ опытовъ, осталась бы только любовь къ чтенію, если бы она не окрѣпла и не видоизмѣнилась подъ вліяніемъ Гастона Ла-Бюрта. Оба мальчика пять лѣтъ учились вмѣстѣ и не питали другъ къ другу особой склонности; благодаря случайности, они сблизились въ какой-нибудь часъ и почувствовали себя связанными на всю жизнь. Въ ихъ вкусахъ, взглядахъ, стремленіяхъ было столько общаго, что самымъ несходствомъ своимъ они, казалось, пополняли другъ друга. Ла-Бюртъ былъ рѣшителенъ, изворотливъ и практиченъ. До четырнадцати лѣтъ онъ слышалъ только военные разсказы отца и тѣмъ не менѣе сказалъ себѣ: «я буду писателемъ»,— какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы сдѣлаться нотаріусомъ или аптекаремъ.

Въ литературѣ онъ видѣлъ только карьеру,—хотя, конечно, болѣе благородную, пріятную и доходную, чѣмъ, напримѣръ, медицина или юриспруденція. О «славѣ и потомствѣ» онъ вовсе не думалъ. «Смѣлость, терпѣніе и практичность,—говорилъ онъ,— рано или поздно возьмутъ свое и одолѣютъ всѣ препятствія». Эта увѣренность, эти счеты съ будущимъ дали ему сейчасъ же громадное преимущество передъ Дютрейлемъ, который кромѣ того былъ моложе на два года.

Морисъ преклонялся предъ своимъ товарищемъ, а Ла-Бюртъ, очень презрительно относившійся къ остальнымъ гимназистамъ, дѣлился съ нимъ своими планами. Онъ выслушивалъ признанія Мориса, объяснялъ его душевныя состоянія, облекалъ его робкія мечты въ форму положительныхъ словъ и доказывалъ, что все это совершенно ясно свидѣтельствуетъ о «призваніи». Рѣшительный молодой человѣкъ заявилъ категорически, что Морисъ *обязанъ* отдаться этому призванію и не имѣетъ никакого права уклоняться отъ предначертаній судьбы. Всѣ люди охотно вѣрятъ тому, что имъ приходится по вкусу. Морисъ, услышавъ все, что онъ еле смѣлъ лелѣять въ мечтахъ, сопротивлялся не особенно упорно. Да и какъ было устоять противъ такого рѣшительнаго, практичнаго руководителя, когда онъ съ апломбомъ заявлялъ: «я увѣренъ вь успѣхѣ, а вѣдь ты въ тысячу разъ способнѣе меня»! Къ концу года робкія надежды смѣнились полной увѣренностью. Мальчики сдѣлались почти неразлучны; они жили въ своихъ мечтахъ, спѣша отдѣлаться отъ школьныхъ и домашнихъ занятій, чтобы снова разговаривать все о томъ же. Дютрейль высказывалъ сомнѣнія и опа-

сенія. Ла-Бюртъ вразумлялъ его, разсуждалъ, спорилъ, доказывалъ и быстро разсѣивалъ всѣ недоразумѣнія. Совѣты, похвалы расточались въ изобиліи. Они поклялись другъ другу, что первый, кому улыбнется судьба, протянетъ руку помощи товарищу. Но въ одномъ пунктѣ мальчики совершенно расходились. Благоразумный и методичный Дютрейль не желалъ ни въ чемъ подчиняться случайностямъ; всякія приключенія были ему непріятны. Онъ благоговѣлъ предъ литературой и посредственнаго писателя ставилъ выше геніальнаго ученаго, медика или юриста. «Писать (думалъ онъ) слѣдуетъ только для того, чтобы создавать шедёвры; непозволительно размѣниваться на заказную работу, пускать въ свѣтъ скороспѣлые опыты, подчиняться вкусу толпы, жаждѣ денегъ или извѣстности». Это были его убѣжденія. Въ этомъ онъ твердо стоялъ на своемъ. Ла-Бюртъ, напротивъ, вовсе не отличался такой щепетильностью и желалъ извлечь изъ литературы все, что она можетъ дать. «Если хочешь чего-нибудь добиться, — говорилъ онъ,—надо идти прямо къ цѣли; если путь занятъ, мѣнять направленіе, искать пробоинъ въ стѣнѣ, лѣзть на приступъ или стараться проскользнуть какъ-нибудь». Онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Парижъ къ дядѣ для изученія права и надѣялся въ эти три года устроиться по собственному вкусу. Онъ убѣждалъ Дютрейля сдѣлать то же самое, считая пагубой малѣйшую потерю времени, одиночество, удаленіе отъ свѣта и связанное съ нимъ незнаніе людей и ихъ взаимныхъ отношеній. Этотъ вопросъ былъ постояннымъ предметомъ ихъ споровъ.

— Чего ждать?—кричалъ Ла-Бюртъ.—Зачѣмъ жить здѣсь или прозябать въ какой-нибудь другой подобной дырѣ?... Знаю, знаю: ты хочешь сложиться вполнѣ, выработаться, набить руку... Все это ты сдѣлаешь гораздо лучше на ходу, во время самой работы!... Виноватъ всегда тотъ, кого нѣтъ во-время на мѣстѣ. Или ты думаешь, что тебя пойдутъ разыскивать въ твоемъ убѣжищѣ?... Да никто и не узнаетъ даже о твоемъ существованіи... А когда ты, наконецъ, явишься во всеоружіи, чтобы начать борьбу, мѣсто будетъ занято и случай упущенъ...

Но Морисъ не поддавался. Съ одной стороны, для поѣздки въ Парижъ не хватало матеріальныхъ средствъ: дяди у него не было, а отецъ изъ своего скромнаго содержанія ничего не могъ удѣлить ему. Но, даже помимо этого обстоятельства, не въ его характерѣ были всѣ сопряженныя съ подобною поѣздкой ожиданія, неизвѣстность, заботы о завтрашнемъ днѣ, тщетныя хлопоты. Не лишеній боялся онъ,—его пугали безплодныя попытки, безконечное ожида-

ніе отвѣта, уклончивыя обѣщанія, равнодушіе, полувраждебныя похвалы и шуточки товарищай,—словомъ, вся та атмосфера зависти и скептицизма, которая охватываетъ обыкновенно каждаго новичка на литературномъ поприщѣ. Для людей, подобныхъ Ла-Бюрту, это самое настоящее поле дѣятельности, но Морисъ рвался въ уединеніе, мечталъ о тихой и медленной работѣ—безъ помѣхи и безъ горячки. Ему хотѣлось вполнѣ овладѣть собою, испытать себя на свободѣ и такимъ путемъ раздѣлаться навсегда со своими сомнѣніями.

Когда оба они волею судебъ сдѣлались обладателями гимназическаго диплома, Ла-Бюртъ уѣхалъ въ Парижъ, а Морисъ спокойно разсказалъ отцу свои «неизмѣнные» планы. Тотъ выслушалъ эти признанія безъ гнѣва и удивленія: быть можетъ, онъ разсчитывалъ, что время и опытъ разрушатъ безвредныя, въ сущности, химеры; быть можетъ, онъ ждалъ, что счастье, обманувшее его, улыбнется сыну... Какъ бы то ни было, онъ пробормоталъ только: «А, у тебя все тѣ же надежды?»... Рѣшено было, что молодой человѣкъ, освобожденный отъ воинской повинности по близорукости, поищетъ мѣста вблизи отъ Рошфора. Морисъ намѣтилъ себѣ регистратуру, это прибѣжище, открытое государствомъ для людей со скромными способностями. Для поступленія на службу требовался, однако, четырехлѣтній стажъ. Эти годы не прошли для Мориса вполнѣ безплодно. Отъ неопредѣленности мечтаній онъ переходилъ къ чтенію, которое теперь давало ему уже не только удовольствіе, но и кое-какія знанія; затѣмъ слѣдовали «этюды» и «опыты», картинки провинціальныхъ нравовъ, въ которыхъ фигурировали преимущественно моряки. Хотя Морисъ предавался этимъ занятіямъ всею душой, но смотрѣлъ на нихъ только какъ на приготовленіе къ «серьезному труду»; часъ же послѣдняго еще не приспѣлъ.

По пріобрѣтеніи стажа онъ долженъ былъ хлопотать о поступленіи на службу. По счастью,Валадье, консерваторъ ипотекъ, рекомендовалъ его на хорошее мѣсто къ директору регистратуры въ Монтаньякѣ.

Это назначеніе давало матеріальное обезпеченіе, возможность свободно работать, развертывало передъ нимъ новую жизнь, одинаково далекую отъ шума большихъ городовъ и отъ полнаго одиночества. Онъ принялъ мѣсто съ благодарностью. Да и наконецъ, Монтаньякъ, Маконъ, Каркассонъ, Аррасъ, Лаваль—не все ли равно? Вѣдь въ сущности это былъ только послѣдній этапъ передъ намѣченной цѣлью.

IV.

Лихорадочное возбужденіе, охватившее Дютрейля послѣ разговора съ Турнье, волновало его и въ слѣдующіе дни каждый разъ, какъ на память приходили оскорбительныя насмѣшки старика. Оно принимало понемногу характеръ постояннаго и болѣзненнаго безпокойства, изгонявшаго всѣ постороннія мысли изъ головы и заставлявшаго его считать потерянными часы, которые онъ тратилъ на службу или ѣду: оно толкало его къ письменному столу и даже тутъ не прекращало своихъ преслѣдованій. Чрезмѣрно усердствуя, онъ обвинялъ себя въ медлительности и въ воображаемыхъ ошибкахъ, отказывалъ себѣ въ малѣйшемъ отдыхѣ, и если съ перомъ въ рукѣ ловилъ себя на какихъ-либо мечтахъ, то быстро встряхивался, склонялся надъ бумагой и бранилъ себя за свою закоренѣлую лѣность. Послѣ различныхъ набросковъ, обрывавшихся въ самомъ началѣ, такъ какъ малѣйшая трудность возбуждала его нетерпѣніе, онъ остановился на происшествіи изъ морской жизни,— сюжетъ, записанный когда-то и завалявшійся въ бумагахъ. Скоро планъ большой повѣсти (она называлась «Главный кварталъ») былъ законченъ. Повѣсть эту Дютрейль рѣшилъ послать редактору *Revue noire*, знаменитому Дабади, котораго всѣ газеты восхваляли за «чужое», смѣлость и благосклонность къ начинающимъ. Вскорѣ новое созданіе приняло опредѣленный образъ и вполнѣ завладѣло имъ. Онъ обдумывалъ его на прогулкахъ; создавалъ отдѣльныя части, отвѣчая на шутки Ляпейра и Бернеса. Каждый новый штрихъ, каждое долго придумываемое и наконецъ схваченное выраженіе наполняли его радостью. Если ему удавалось вечеромъ написать еще страницу, онъ восхищался тѣмъ, что съ пользою провелъ день.

Сколько, однако, встрѣчалось препятствій и какъ все мѣшало ему!... Онъ ненавидѣлъ отрывочную работу, ненавидѣлъ строки, нацарапанныя на скорую руку къ точно установленному сроку. Просыпаясь, онъ злился на судьбу, которая заставляла его въ чудное, ясное, веселое весеннее утро, звавшее къ письменному столу, тащиться въ канцелярію. Въ самомъ дѣлѣ, какая досада! да не остаться ли дома?... сегодня въ особенности онъ «въ ударѣ»...

Дюпюшъ ласково встрѣчалъ его, разспрашивалъ, что онъ дѣлаетъ въ свободное время, хвалилъ за усердіе, и затѣмъ съ небрежнымъ и отеческимъ видомъ задавалъ ему работу, предлагая «просмотрѣть маленькое дѣльце», которое награждало молодого человѣка скучнѣйшею возней вплоть до завтрака. Затѣмъ Дютрейль бѣжалъ въ Европейскую гостиницу. Здѣсь его ждали впечатлѣнія

не особенно привлекательныя: низкая комната, превращенная перпендикулярными лучами солнца въ пылающую печь, затхлый запахъ кухни, отдѣленной только дворомъ, скатерть, залитая виномъ, и тучи мухъ на столѣ или вокругъ людей—все это сразу отбивало аппетитъ. Его брала зависть на голодъ товарищей, неразборчивые желудки которыхъ съ жадностью поглощали сгустившееся вино, мутные соусы, губчатую говядину, нарѣзанную серпообразными ломтиками... Но даже эти непритязательные люди не всегда оставались довольны, и когда черезчуръ часто подавалось одно и то же блюдо или порціи были черезчуръ скудны, сыпались яростные протесты и обѣщанія «бросить этотъ гнилой трактиръ» при первомъ удобномъ случаѣ. Жанъ сгибалъ спину и бормоталъ для проформы: «Нѣтъ, все же, увѣряю васъ, сегодня...» или, если жалобы были очень рѣшительны и основательны: «Странно... не знаю, что скажетъ хозяинъ, но я ему доложу. Будьте покойны!»... Сушаръсынъ, какъ человѣкъ хорошо знающій своихъ посѣтителей, посылалъ имъ въ концѣ мѣсяца какое-нибудь особенное блюдо изъ заказного обѣда. Дютрейль предложилъ однажды обѣдать за табльдотомъ. Этотъ проектъ принятъ былъ такъ холодно, несмотря на особенно сильное въ этотъ день неудовольствіе,—противъ него оказалось столько возраженій, что Морисъ понялъ нежеланіе молодыхъ людей увеличивать свои расходы, и не настаивалъ.

Еще болѣе угнетала его неразвитость и грубость товарищей. Ихъ банальность, вульгарность и глупость, подчеркиваемыя мѣстнымъ нарѣчіемъ, привлекательнымъ только на первое время, возбуждали теперь отвращеніе. Его слухъ раздражали эти хриплые звуки, эти глухія, твердыя, медлительныя, шепелявыя интонаціи, это безмѣрное самодовольство, способное испортить всякую бесѣду и придать всякимъ словамъ видъ глубочайшей глупости. Онъ зналъ наизусть и могъ по ходу бесѣды предсказать ихъ шутки и любимыя мысли. Дютрейлю пришлось окунуться и въ городскіе интересы, ибо въ то время всѣ толки въ Монтаньякѣ вращались около водопроводныхъ сооруженій, парового трамвая, дефицита и т. д., и т. д. Напрасно молодой человѣкъ старался выдвинуть иныя темы. Онъ пробовалъ говорить о прошумѣвшемъ романѣ, разсказывалъ содержаніе комедіи, которую недавно освистали, а теперь съ громаднымъ успѣхомъ давали въ Théâtre Français, начиналъ литературные споры, но всѣ эти попытки съ первыхъ же словъ разбивались о всеобщее равнодушіе. Его слушали такъ, какъ будто онъ говорилъ погречески или по-китайски. Молодые люди не только не были знакомы съ этими вопросами, но имъ вовсе даже не хотѣлось себя ими

обременять. Два или три мнѣнія, выхваченныя изъ газетъ, повторялись совершенно безсмысленно. «О, Золя—несокрушимъ!...»—говорилъ Бернесъ, Ляпейръ читалъ «Тартарена изъ Тараскона» и нашелъ, что это—«потѣшная бездѣлка», Пибуль одинаково восхищался Жоржемъ Онэ и Монтепэномъ, сочиненія которыхъ перепечатывались въ мѣстныхъ газетахъ.

За то ихъ воспламеняло политиканство—это занятіе пустыхъ головъ и звонкихъ глотокъ. А такъ какъ у всѣхъ были различныя мнѣнія, то самые незначительные факты давали пищу для неистощимыхъ и ожесточенныхъ споровъ. Ляпейръ заявлялъ, что онъ «радикалъ». Но, позвольте! вѣдь Пибуль ушелъ въ этомъ направленіи еще дальше! А Лаффонтанъ?—онъ тоже былъ чистѣйшимъ радикаломъ; нѣтъ нужды, что оппортюнизмъ проѣлъ его до мозга костей. На югѣ никто не хочетъ казаться тише сосѣда. Люди «благонамѣренные», которые ходятъ къ обѣднѣ, воспитываютъ дочерей въ монастыряхъ и мечтаютъ объ уничтоженіи противниковъ частной собственности, выдаютъ себя за такихъ радикаловъ, что могутъ сравниться съ самыми заядлыми соціалистами. Они признаютъ только крайнія партіи и на словахъ стараются превзойти другъ друга. Въ Бернесѣ можно было подозрѣвать склонность къ бонапартизму, хотя прирожденная осторожность и возникавшее уже чиновничье честолюбіе заставляли его защищать самыя смѣлыя мѣры. Буйссу кричалъ, что онъ прежде всего «патріотъ», и мечтаетъ только о томъ, чтобы возстановить «престижъ и величіе Франціи».

Впрочемъ, никто не принималъ «въ серьезъ» всѣхъ этихъ «убѣжденій», вызывавшихъ, однако, жаркіе споры. Интересъ возбуждали также извѣстія мѣстныхъ газетъ, тулузской *Депеши*, бордосской *Маленькой Жиронды*, продававшихся съ утра и читаемыхъ въ канцеляріи. Рѣчь министра, проектъ закона, выработанный какимъ - нибудь депутатомъ, слово, приписываемое германскому императору или королю Италіи,—все служило темой для дикихъ споровъ, въ ту же минуту доходившихъ до озлобленія и оскорбленій. Всѣ говорили сразу, стараясь заглушить противниковъ. Среди смутнаго гула, прерываемаго иногда криками и взрывами ироническаго хохота, Дютрейлю слышалось: «Вы ничего не понимаете! — Замолчи же, наконецъ! — Ты самъ не знаешь, что говоришь! — Не учить ли вы меня вздумали?» Онъ видѣлъ раздувающіяся глотки, широко разверстые рты, свирѣпо раздвинутыя челюсти, налившіеся кровью глаза, сжатые кулаки... Шумъ все возрасталъ, такъ что звенѣли стекла въ окнахъ, а на дворѣ слышенъ былъ дикій ревъ, который, однако, ни мало не смущалъ по-

коя поварятъ. Кончалось тѣмъ, что самый неистовый,—«этотъ кретинъ Ляпейръ» или «идіотъ Пибуль»,—на отчаянное оскорбленіе замѣчалъ съ невыразимымъ спокойствіемъ: «Однако, чортъ возьми, пора плестись въ кафе!» Сейчасъ же всѣ совершенно хладнокровно поднимались со своихъ мѣстъ, чувствуя себя прекрасно послѣ такихъ вспышекъ, и шествовали во «Францію»; отъ обидъ и злости не оставалось и слѣда: они весело обмѣнивались добродушными улыбками и дружескими шутками...

Дютрейль уходилъ обыкновенно раньше ихъ. Онъ заявилъ разъ навсегда, что ничего не смыслитъ въ политикѣ и относится къ ней съ величайшимъ презрѣніемъ. Уходя своевременно, онъ могъ ускользнуть отъ обязательной партіи въ «манилью». Бернесъ познакомилъ его съ докторомъ Бюго, который ввелъ молодого человѣка въ кругъ своихъ друзей. Морисъ чувствовалъ себя прекрасно въ ихъ компаніи. Тамъ онъ могъ хоть отчасти и за неимѣніемъ лучшаго удовлетворять своимъ вкусамъ. Они казались людьми иного пошиба, хотя, въ сущности, Гонселенъ, наприм., главный редакторъ *Патріота,* недалеко ушелъ отъ товарищей Дютрейля: это былъ тупица, педантъ и фанатикъ. Онъ походилъ на начальника какой-нибудь затерявшейся въ глуши станціи, который самъ раздаетъ билеты, чиститъ лампы, маневрируетъ стрѣлкой и подметаетъ вокзалъ.

Гонселенъ состоялъ въ рабскомъ подчиненіи у собственниковъ газеты. Вмѣсто идей и стиля, онъ угощалъ читателей эпитетами, образами, восклицаніями, остротами и, тѣмъ не менѣе, наивная до плоскости вѣра, закоренѣлая нетерпимость, а главное—хлесткая брань дѣлали его опаснымъ противникомъ: этотъ смѣшной господинъ нагонялъ страхъ. Кто осмѣливался мыслить по-своему, не соглашаться съ нимъ, тотъ въ его глазахъ стоялъ внѣ закона. Гонселенъ слѣдилъ даже за друзьями: каждое подозрительное слово заставляло его хмуриться. Вѣчныя прославленія «гигантовъ Горы» и «плеяды 93 года» смѣнялись періодическими разоблаченіями аристократическихъ и клерикальныхъ замысловъ. Передовицу онъ «заимствовалъ» обыкновенно у какого-нибудь парижскаго собрата и оказывалъ этимъ услугу не только себѣ, но, конечно, и своимъ читателямъ; самъ редакторъ велъ мѣстную хронику. И никто не сумѣлъ бы лучше его требовать головы «воинствующаго р-р-реакціонера» или увольненія «презрѣвшаго свои обязанности должностного лица» (какого-нибудь полевого сторожа или деревенскаго писаря). Каждое утро Гонселенъ спасалъ республику. Этотъ неистощимый болтунъ, нечувствительный къ возраженіямъ и насмѣш-

камъ, разглагольствовалъ за столомъ, на улицѣ, въ Національномъ Кружкѣ, въ кафе; онъ весь преисполненъ былъ благоговѣйнаго восторга передъ собственнымъ талантомъ и вооруженъ страшной памятью, которая помогала ему раздавить соперника всей тяжестью своихъ статей (онъ зналъ ихъ наизусть и ревѣлъ цѣлыя тирады изъ написаннаго три года назадъ). При всемъ томъ, Гонселенъ, этотъ откровенный хвастунъ и величайшій сутяга всего юго-запада, жилъ скромно, семинаристомъ, часть своего скуднаго жалованья тратилъ на содержаніе больной матери и ложился спать въ 9 часовъ, просмотрѣвъ на сонъ грядущій главу *Общественнаго договора*.

Другой знакомый доктора Бюго — Лабутьеръ — появлялся въ Монтаньякѣ лишь временами. Этотъ большой, толстый, добродушный малый по цѣлымъ мѣсяцамъ проживалъ на своихъ фермахъ. Тамъ онъ рано заваливался спать, поздно вставалъ, пропивалъ и проѣдалъ понемногу не только свои доходы, сильно сокращенные и безъ того филоксерою, но самое состояніе, и довольствовался обществомъ охотничьихъ собакъ. Впрочемъ, каждый годъ Лабутьеръ уѣзжалъ на три недѣли въ Парижъ и жилъ тамъ во-всю. Единственнымъ мѣстопребываніемъ его въ Монтаньякѣ была «Франція», гдѣ онъ проводилъ время съ одиннадцати часовъ утра вплоть до полночи и уходилъ только обѣдать. Съ молчаливой улыбкой переходилъ онъ отъ одной группы къ другой, присаживался ко всѣмъ столамъ, пилъ пиво послѣ финь-шампаня и бѣлое вино послѣ пива, игралъ на билліардѣ, въ домино, экарте, манилью, пикетъ, въ голиньякъ. Когда не было партнеровъ, онъ, чтобы убить время, принимался за партію безика съ хозяиномъ кафе. Разговаривать Лабутьеръ могъ только о двухъ предметахъ: достоинствахъ своей маленькой бѣлой кобылы и охотничьихъ подвигахъ единственнаго своего родственника.

Фѐгароль, бѣлокурый, худощавый адвокатъ, своимъ пустымъ краснорѣчіемъ соперничалъ съ журналистомъ; впрочемъ, на его сторонѣ оставалось одно преимущество: онъ не могъ кричать; благодаря этому, у него выработалась особая разговорная манера: тихая рѣчь, почти безъ жестовъ, сладкія интонаціи, блуждающіе гдѣ-то въ пространствѣ взоры. Фѐгароль любилъ и уважалъ только себя, да, пожалуй, еще сутяжничество, и двѣ эти привязанности тѣсно переплелись у него. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что право — наука всѣхъ наукъ, и еслибъ оно не существовало, онъ бы, конечно, его изобрѣлъ. Поэзію, живопись, медицину и военное искусство онъ объяснялъ съ помощью свода законовъ, а толковать

этотъ послѣдній считалъ своей безусловной привилегіей. Фёгароль могъ доказать, что *Сидъ*—иллюстрація къ статьямъ 534 или 712 и свести содержаніе *Писемъ* г-жи де-Севинье къ тексту законоположеній. Къ сожалѣнію, сограждане рѣдко стекались черпать изъ сокровищницы его краснорѣчія, и этотъ великій артистъ оставался непризнаннымъ. Тщетно Фёгароль бѣгалъ за повѣренными разныхъ вѣдомствъ, тщетно консультировалъ по умѣренной цѣнѣ. Несмотря на заискиванія и приставанія, кліенты избѣгали его кабинета,—всѣ знали, что онъ не пользуется никакимъ престижемъ у суда, ибо регулярно усыпляетъ всѣхъ своимъ многословіемъ и лирическими отступленіями. Онъ долженъ былъ довольствоваться мелкими дѣлами у мировыхъ судей. Ему оставалось только раздувать ихъ значеніе. «Это не такъ просто,—говорилъ онъ, — здѣсь тонкій юридическій казусъ... еслибы вы изучали право...» Жадность толкала его на темныя дѣлишки; ходили слухи, что онъ занимается ростовщичествомъ. Кромѣ страсти къ деньгамъ, Фёгароля преслѣдовало безнадежное мучительное влеченіе къ женитьбѣ, и на этомъ пути онъ успѣлъ уже претерпѣть рядъ крушеній. Бѣдный адвокатъ ловилъ невѣстъ и кліентовъ съ одинаковымъ жаромъ; неудачи и насмѣшки нисколько не обезкураживали его. Когда онъ шелъ, блуждая взорами и нервно почесывая свои длинныя баки, навѣрное можно было сказать, что въ этой опущенной головѣ зрѣютъ новые матримоніальные проекты. Черная пара, цилиндръ, бѣлый галстухъ, придававшіе ему видъ нотаріуса или причетника, сообщали этому предположенію еще болѣе вѣроятія.

— Ну-съ, когда же свадьба?—шутливо спрашивали его.

— Нѣтъ, на этотъ разъ дѣло вполнѣ серьезное... прекрасная партія!...

Дюбо, одинъ изъ двухъ профессоровъ, маленькій, болѣзненный человѣкъ, съ шаршавыми волосами и бородой, смотрѣлъ типичнымъ отпрыскомъ старой университетской богемы. Никто не сказалъ бы, что десять лѣтъ назадъ этотъ господинъ блестяще сдалъ экзаменъ на ученую степень, вызывая своимъ краснорѣчіемъ и начитанностью блестящія надежды и лестныя предсказанія. Причина его неудачъ такъ и осталась тайной. Говорили только, что въ одномъ изъ западныхъ городовъ онъ былъ замѣшанъ въ какую-то «исторію», и только снисходительность министра замѣнила изгнаніемъ въ Монтаньякъ грозившую ему ссылку. Уже пять лѣтъ жилъ онъ здѣсь, предаваясь молчаливой апатіи. Никогда никто не слыхалъ, чтобы онъ жаловался, выражалъ какое-нибудь желаніе или высказы-

валъ опасенія, проектировалъ что-нибудь, спорилъ или протестовалъ. Каникулы онъ также проводилъ въ Монтаньякѣ, запираясь въ комнатѣ, которую занималъ со дня своего пріѣзда. Дюбо часто посѣщалъ «Францію», гдѣ не игралъ и не читалъ, а проводилъ цѣлые часы, прислонясь къ стѣнѣ, выкуривая папироску за папироской и пристально разсматривая потолокъ. Товарищъ Дюбо, Бриссаръ, человѣкъ совсѣмъ иного типа, казался главой этой маленькой компаніи и во всякомъ случаѣ занималъ въ ней видное мѣсто. Этотъ высокій, стройный, сильный, ловкій господинъ страстно любилъ шумъ, движеніе, опасности, всевозможныя предпріятія и щедро расходовалъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ бившую въ немъ ключомъ жизнь. О мечтательности и скептицизмѣ у него не было и помину: онъ цѣликомъ отдавался настоящей минутѣ, какова бы она ни была, и потому сражался въ пикетъ съ такимъ видомъ, какъ будто на карту поставлена была вся его жизнь. О занятіяхъ своихъ Бриссаръ не любилъ разговаривать, хотя велъ ихъ очень недурно, внося въ это дѣло всю свою горячность и энергію. Неловкость и растерянность товарищей-педагоговъ казались ему невыносимыми, и онъ всѣмъ существомъ своимъ и не безъ успѣха стремился сдѣлаться «свѣтскимъ человѣкомъ». Онъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію ученыхъ, довольно уже многочисленному; эти люди умѣютъ соединять свѣтскость съ научными занятіями: они шьютъ себѣ платье у хорошихъ портныхъ, держатъ пари на скачкахъ, участвуютъ въ любительскихъ спектакляхъ, умѣютъ кланяться, болтать, вести флиртъ, вальсировать, бренчать на рояли, говорить обо всякомъ вздорѣ и также артистически завязываютъ бантъ своего галстуха, какъ переводятъ Пиндара или коментируютъ Проперція. Эти молодые люди предпочитаютъ lawn-tennis дифференціальнымъ и интегральнымъ вычисленіямъ, одинаково хорошо знаютъ curriculum vitae модныхъ кокотокъ и жизнь царей Асканійской династіи, плѣняютъ молодыхъ, богатыхъ дѣвушекъ, впрочемъ, никогда не доводя дѣла до свадьбы. Бриссара, какъ человѣка со средствами и ловкаго танцора, принимали вездѣ съ распростертыми объятіями. Такимъ образомъ, онъ смѣло могъ играть роль въ «обществѣ» Монтаньяка, еслибы совершенно случайно не рѣшилъ предать анаѳемѣ и городъ, и его обитателей. Безъ всякой видимой причины онъ дошелъ до злобной, болѣзненной раздражительности. Никому не было пощады. Одно имя Монтаньяка вызывало бурю, а каждая похвала города или его обитателей приводила Бриссара въ бѣшенство. Явныя преувеличенія лишали его нападки всякаго значенія и только забавляли окружающихъ, нарочно разжигавшихъ эту ненависть. Про-

бовали докапываться до причинъ его странной раздражительности, но въ такихъ случаяхъ Бриссаръ кричалъ въ отвѣтъ:

— Вы спрашиваете, *что* вызываетъ мое негодованіе? Все-съ, рѣшительно все! Прелестное мѣстечко и чудное населеніе! Городъ,— куча лачугъ, тина, клоака, вертепъ!... А обыватели?—Это какіе-то отбросы человѣческаго рода. Рядомъ съ ними всякій австраліецъ, эскимосъ или папуасскій негръ казался бы избраннымъ созданіемъ! Вы не вѣрите? Такъ вотъ-съ, неугодно ли взглянуть... (и онъ указывалъ на посѣтителей кафэ или гуляющихъ по площади). Ну-съ, видите вы на ихъ лицахъ хотя бы малѣйшій слѣдъ мысли? Они ничего не понимаютъ, ничего не чувствуютъ, ни на что не способны; ихъ глупость и увѣренность въ своихъ прирожденныхъ талантахъ такъ велики, что они даже и не желаютъ чему-нибудь выучиться... Воздухъ, которымъ мы здѣсь дышемъ, зараженъ глупостью, какъ въ иныхъ мѣстахъ міазмами... И болѣзнь эта неизлѣчима. Есть, впрочемъ, одно средство: какая-нибудь цивилизованная нація должна, наконецъ, осадить городъ, сжечь его, бросить въ пламя жителей... За немногими исключеніями, конечно,— прибавлялъ онъ, оборачиваясь къ смѣющимся Бюго и Лабутьеру,—и разсѣять по вѣтру проклятый пепелъ... Нѣтъ, каковы с-с-скоты!...»

Этимъ восклицаніемъ, сопровождаемымъ соотвѣтствующими жестами и грознымъ выраженіемъ лица, обыкновенно заканчивались филиппики Бриссара. Онъ не церемонился выкрикивать свою брань громовымъ голосомъ, увѣреный, что никто не вступится за честь Монтаньяка. Всѣ знали, что онъ прекрасно владѣетъ шпагой, и, самое большее, Фёгароль позволялъ себѣ пробормотать: «Вы не понимаете здѣшней публики...» Слова эти произносились такъ же скромно, какъ и вѣчная фраза адвоката: «Вы не знаете закона»...

Таковы были личности, возлѣ которыхъ находилъ себѣ убѣжище Дютрейль. Пока Бриссаръ и Лабутьеръ сражались въ пикетъ, Дюбо дремалъ, Гонселенъ «приспособлялъ» къ своей газетѣ статьи *Фонаря* или *Радикала*, Морисъ пробѣгалъ такъ называемыя «литературныя» газеты. Иногда (по его мнѣнію, черезчуръ рѣдко) онъ встрѣчалъ тамъ имя Ла Бюрта, подъ какимъ-нибудь разсказомъ или критической замѣткой. Онъ прочитывалъ ихъ съ волненіемъ и открывалъ въ нихъ, казалось, невидимые ни для кого другого тайные замыслы и скрытыя красоты. Этотъ вполнѣ заслуженный (по его мнѣнію) успѣхъ друга утишалъ нѣсколько раздраженіе, съ которымъ онъ прочитывалъ обильный запасъ бездарныхъ произведеній, наполнявшихъ газеты.

И находились же редакторы, которые принимали такія претенціозныя глупости!... У этихъ авторовъ была, очевидно, своя публика... Какое безобразіе! И что могло выдвинуть подобныхъ писакъ? Что заставляетъ редакторовъ предпочитать ничтожныя творенія, подписанныя этими громкими, но запятнанными именами, честнымъ произведеніямъ малоизвѣстныхъ авторовъ? Что играетъ главную роль во всемъ этомъ: привычка, подлость или невѣжество?... И такими путями пробуютъ фальсифицировать общественное мнѣніе!... Разсуждая такимъ образомъ, молодой человѣкъ съ отвращеніемъ отбрасывалъ это гнилье и присоединялся къ разговору. И, не взирая на банальности и желчное педантство Фёгароля, на широковѣщательный фанатизмъ Гонселена, это было лучшее время за цѣлый день. Какъ хотѣлось бы продлить его! Но адвокатъ уже бралъ большую связку своихъ папокъ, которыя никогда его не покидали, и уходилъ въ судъ, куда его призывало дѣло, «ничтожное на первый взглядъ, но въ сущности очень тонкое». Гонселенъ отправлялся по одной дорогѣ съ нимъ въ типографію, гдѣ «въ его отсутствіе все шло Богъ знаетъ какъ». Бернесъ съ сотоварищами уже давно удалились. Въ два часа безъ десяти минутъ подымался Бриссаръ и неизмѣнно высказывалъ нѣсколько новыхъ сентенцій противъ Монтаньяка. Его сопровождалъ томный и молчаливый Дюбо. Лабутьеръ разыскивалъ себѣ новыхъ партнеровъ, и Дютрейль, наконецъ, долженъ былъ тащиться въ канцелярію.

Съ какою радостью, по окончаніи работы, онъ бѣжалъ и запирался въ своей комнатѣ! Казалось, въ эти минуты онъ снимаетъ маску и принимаетъ свой настоящій видъ. Честная, плодотворная работа ждала его. Онъ уже чувствовалъ приступы «вдохновенія»... Но когда онъ перечитывалъ написанныя наканунѣ страницы, онѣ ему казались холодными, тяжеловѣсными, темными и пошлыми; онъ открывалъ въ нихъ массу пугавшихъ его недостатковъ. Приходилось долго возиться надъ порванною нитью разсказа; мысли бѣжали, слова исчезали. Онъ съ ожесточеніемъ ихъ преслѣдовалъ, зачеркивалъ написанное, размышлялъ, отчаявался... а сосѣдніе часы напоминали ему, что безплодно пролетѣло три часа, что его ждали въ ресторанѣ и что Ляпейръ не прощалъ остывшихъ суповъ. Не больше пользы извлекалъ онъ и изъ своихъ вечеровъ, хотя просиживалъ до поздней ночи. Онъ вознаграждалъ себя по воскресеньямъ, на которыя заранѣе разсчитывалъ: они представлялись ему безконечно длинными, а въ сущности оказывались очень короткими. Грубыми и ничтожными считалъ онъ удовольствія толпы, тѣснившейся на площади и шумѣвшей въ кафе. Какое очаро-

вательное и благородное наслажденіе доставляли ему маленькіе, покрытые помарками листки, которые онъ такъ бережно пряталъ въ свой письменный столъ! Въ эти минуты онъ забывалъ о завтрашнихъ заботахъ; въ эти минуты онъ былъ полонъ надежды и энергіи; въ эти минуты онъ былъ вполнѣ счастливъ.

V.

— Ну-съ, я очень радъ, что вы не слишкомъ скучаете въ Монтаньякѣ,—съ такими словами обратился однажды къ Дютрейлю Дюпюшъ, покончивъ съ текущими дѣлами.—Съ удовольствіемъ я вижу, что вы сумѣли завоевать общія симпатіи. Но... можетъ быть, вамъ покажется мой вопросъ нескромнымъ... почему вы не дѣлаете визитовъ?

Дютрейль такъ мало былъ подготовленъ къ подобному вопросу, что могъ только пробормотать въ отвѣтъ:

— Потому что... у меня не было времени.

— Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ?... Можетъ ли это быть? Но поймите меня хорошенько: я васъ ни въ чемъ не упрекаю. Визиты вамъ скучны, они васъ пугаютъ... я это прекрасно понимаю. Вы любите держаться въ сторонѣ: это ваше право, конечно. Не забывайте только, что вы живете въ маленькомъ городкѣ; въ Монтаньякѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, соблюдается строжайшій этикетъ. Васъ станутъ величать оригиналомъ, медвѣдемъ... Ваши коллеги заподозрятъ,—конечно, несправедливо, чортъ возьми!—что они вамъ не нравятся, что... однимъ словомъ, что вы ихъ презираете.

— Развѣ они жаловались?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ послѣ нѣкотораго колебанія директоръ.— Я догадался объ ихъ удивленіи,—они еще только удивлены!—по различнымъ намекамъ, недомолвкамъ, по манерѣ произносить ваше имя... Но вѣдь все это совершеннѣйшіе пустяки! Не тревожьтесь. Въ сущности, вамъ предстоитъ только одинъ непріятный моментъ. Этимъ вы пріобрѣтете дружбу честныхъ и въ концѣ концовъ безобидныхъ людей, которые будутъ вамъ безконечно благодарны за то, что вы ради нихъ поступитесь вашими... «принципами». Что касается мѣстныхъ жителей, то это ваше дѣло. Не сердитесь на меня за этотъ маленькій нагоняй!... Отъ души желаю, чтобы предпріятіе это не стоило вамъ большихъ трудовъ.

Дютрейль поблагодарилъ Дюпюша, обѣщая въ первый же подходящій день послѣдовать его прекрасному совѣту. Онъ уже открывалъ дверь, когда директоръ снова позвалъ его.

— Отъ визита ко мнѣ, — сказалъ онъ, смѣясь, — я васъ избавляю.

«Онъ не все договариваетъ,—думалъ молодой человѣкъ.— Странные нравы! Осложнять до такой степени служебныя отношенія! «Начальство» говоритъ со мною о визитахъ, какъ объ упущеніяхъ по должности!... Онъ бы похлопоталъ еще о томъ, чтобы сдѣлать мнѣ оффиціальный выговоръ изъ министерства!... Вѣдь этакъ я связанъ по рукамъ и по ногамъ!»

Все происшествіе ему показалось настолько страннымъ, что онъ разсказалъ его Бернесу. Послѣдній нисколько не удивился.

— Это Круазе пожаловался!—объявилъ онъ.

— Субъинспекторъ?

— Онъ самый. Вчера я видѣлъ г-жу Круазе,—я часто у нея бываю; это другъ моей семьи. Случайно рѣчь зашла о васъ. Конечно, я васъ расхвалилъ. Она мнѣ отвѣчала, что не имѣла еще «счастья» съ вами познакомиться. Но это сказано было такимъ тономъ!... Она науськала мужа, который у нея подъ башмакомъ. Впрочемъ, я не совѣтую вамъ съ нею ссориться.

— Она пользуется вліяніемъ?

— Теперь, нѣтъ... пока былъ живъ сенаторъ Сотейранъ, другое дѣло. Потому что, вѣдь, вы слышали, конечно? О, они нисколько не скрывались... А все-таки, знаете, злая баба и сплетница...

— Но что же дѣлать?

— Облечься въ парадный костюмъ и отправиться свидѣтельствовать ей нижайшее почтеніе.

— Но какъ меня примутъ?

— Съ распростертыми объятіями. Вамъ ничего не стоитъ пріискать какое-нибудь извиненіе. Я очень охотно пошелъ бы съ вами, но выйдетъ—будто я притащилъ васъ.

— Ну, что-жъ, я отправлюсь къ ней завтра.

— Нѣтъ, нѣтъ... у каждой изъ нашихъ дамъ свой пріемный день. Но онѣ знаютъ, что всю недѣлю мы обязаны торчать въ канцеляріи и принимаютъ нашего брата, въ видѣ исключенія, по воскресеньямъ... Это очень удобно. Давайте считать всѣхъ по порядку. Круазе — разъ... инспекторъ Рокеттъ — два... Бюроло — три... Лаво — въ траурѣ... Дюпра — четыре... эта очень недурна... Ну, кажется, я ничего не забылъ?... Ахъ, madame Фоше... не глупая женщина... madame Фоше, madame Фоше... всѣ. Стало быть, въ самомъ худшемъ случаѣ, то-есть если рѣшительно всѣ эти дамы окажутся дома, вы покончите все въ какихъ-нибудь полдня...

— Цѣлыхъ полдня!

— Ну, не все ли равно?... Бернесъ до сихъ поръ не могъ понять, зачѣмъ Дютрейль запирается въ своей комнатѣ.

А Морисъ рѣшившійся, наконецъ, испить чашу до дна, въ концѣ-концовъ преувеличивалъ горечь напитка. Онъ чувствовалъ себя жертвой невыносимой тиранніи. Ему казалось, что цѣлый мѣсяцъ усердной работы не вознаградитъ его за нѣсколько пропавшихъ часовъ, которые должны были быть особенно плодовиты. Что за глупое времяпровожденіе! Не лучше ли пренебречь злобой Круазе и Бюроло? Что у него съ ними общаго?... Однако, въ первое же воскресенье онъ началъ свое «турне», причемъ Бриссаръ напутствовалъ его ироническими совѣтами, а Бернесъ уговорился встрѣтиться съ нимъ на главной площади. Между тѣмъ, скверное настроеніе Дютрейля разсѣялось. Все утро онъ проработалъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ когда-либо. Ему казалось теперь, что во время визитовъ можетъ встрѣтиться матеріалъ для любопытныхъ наблюденій. Кромѣ того, возникала надежда, что преслѣдователи его не рѣшатся остаться дома въ такую чудную, манящую на прогулку погоду. Но надежды эти не оправдались. По какой-то странной случайности, онъ не засталъ дома только madame Дюпра (которая, по словамъ Бернеса, была «очень недурна»). Бюроло, имѣвшій въ предмѣстьи нѣкоторое подобіе фермы, окруженной большими садами, заставилъ его продѣлать «осмотръ имѣнія», восхищаться кустами розъ и великолѣпными всходами моркови и выпить стаканъ орѣховаго питья, составлявшаго гордость его жены, Оливіи. Онъ разстался съ ними осыпаемый благодарностями, пожеланіями, предложеніемъ различныхъ услугъ, и раскаивался въ томъ, что такъ долго не собрался сдѣлать этой почтенной парѣ удовольствіе, цѣну котораго почувствовалъ по массѣ полученныхъ за него любезностей. Хорошее впечатлѣніе не разрушалось ни негодованіемъ madame Гузиль по поводу прогрессивнаго, въ продолженіе двадцати лѣтъ, вздорожанія мяса въ лавкахъ, ни жалобами madame Фоше, которая обстоятельно описала ему смерть своего единственнаго 14-лѣтняго сына, «очаровательнаго бѣлокураго херувима», послѣдовавшую въ 1864 г.

Онъ рѣшилъ отмстить женѣ субъинспектора и пошелъ къ ней послѣдней; отъ Бернеса эта дама, конечно, уже знала объ его посѣщеніи и ей приходилось такимъ образомъ или ждать Дютрейля цѣлый день, или покинуть позицію. Но субъинспекторша, повидимому, тоже не прочь была усладить себя его покорностью: по крайней мѣрѣ, Дютрейль, уже приготовившій свое лице къ отрица-

тельному отвѣту, былъ сейчасъ же принятъ и проведенъ какъ будто насмѣшливо улыбавшейся горничной въ гостиную.

Тамъ враждебная ему воинственная дама съ красной и глупой, но вовсе не надменной физіономіей, бесѣдовала съ гостьей, одѣтой въ темное платье. Со снисходительнымъ величіемъ выслушала madame Круазе сбивчивыя объясненія, которыя бормоталъ ей молодой человѣкъ, и представила его своей гостьѣ.

— Г. Дютрейль, *одинъ изъ подчиненныхъ моего мужа*. Мой большой другъ, madame Гарадель.

Морису показалось, что онъ слышалъ это имя отъ Бернеса, но когда и какъ—онъ не могъ вспомнить.

Покровительственный тонъ madame Круазе, званіе «подчиненнаго» ея мужа, которое она намѣренно пустила въ ходъ, присутствіе посторонняго свидѣтеля, его смущеніе — сильно раздражили Дютрейля. На вопросъ хозяйки: «Ну, какъ же вамъ нравится Монтаньякъ?»—онъ отвѣчалъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ дерзости:

— По прошествіи одного или двухъ мѣсяцевъ очень трудно высказать мотивированное сужденіе. Я новичокъ на службѣ: г. Дюпюшъ избралъ меня своимъ *помощникомъ* (онъ говорилъ это прямо обращаясь къ madame Гарадель, которая какъ будто улыбнулась), но, благодаря этому, у меня остается очень мало свободнаго времени... Потому-то я и былъ вынужденъ, къ сожалѣнію, запоздать съ визитами. Впрочемъ, я думаю, что Монтаньякъ похожъ на всѣ маленькіе города... всѣ они страдаютъ тѣми же неудобствами и даютъ тѣ же удовольствія... Говоря откровенно, меня это нимало не интересуетъ. Это важно для тѣхъ, кто принужденъ жить здѣсь много лѣтъ.

— Какъ? Вы уже думаете насъ покинуть?

— Пока еще нѣтъ. Но я чужой въ этой мѣстности и не вижу, что̀ бы могло меня къ ней привязать.

— Я надѣюсь, что мы будемъ имѣть удовольствіе дѣлить ваше общество дольше, чѣмъ полагаете... Но какъ бы ни было коротко ваше пребываніе здѣсь,—отчего не попробовать сдѣлать его пріятнымъ? Вы можете завязать здѣсь очаровательныя знакомства. Монтаньякъ славится своимъ гостепріимствомъ.

— Все, что я видѣлъ до сихъ поръ, заставляетъ меня вѣрить этому. Я не сомнѣваюсь, что меня примутъ благосклонно,—конечно, если найдутъ, что я сто̀ю этого. Но сознаюсь откровенно, я не особенно хлопочу объ этомъ... О, безъ всякаго хвастовства! Я не люблю общества и не придаю особаго значенія его развлеченіямъ.

Къ чему же въ такомъ случаѣ... надоѣдать людямъ, которые не извлекутъ изъ меня ровно ничего для себя пріятнаго?

Госпожа Круазе протестовала. Конечно, она не сравниваетъ Монтаньяка съ большими городами, которые, къ сожалѣнію, прельщаютъ и всегда будутъ прельщать молодыхъ людей. Тѣмъ не менѣе благоразумная, мирная и тихая провинціальная жизнь—очаровательна при всей своей скромности.

— Здѣсь вы найдете истинную дружбу, простые нравы, деликатныя чувства и маленькій запасъ здраваго смысла, который однако не зачеркиваетъ вовсе стремленія къ идеалу; а семейныя привязанности, незнакомство съ разными ужасными идеями... всего этого вы не встрѣтите въ... столицахъ, которыя для меня прямо невыносимы!... (Она провела какъ-то цѣлыхъ восемь дней въ Тулузѣ).

Послѣднія слова г-жа Круазе бросила прямо въ сторону своей гостьи, какъ бы возобновляя давнишній споръ. Madame Гарадель, только слушавшая до сихъ поръ, подождала отвѣта Дютрейля, но видя, что онъ молчитъ, сказала:

— Я слишкомъ люблю эту мѣстность, слишкомъ живу ея жизнью, чтобы безпристрастно судить о Монтаньякѣ. Здѣшніе нравы прелестны, и вы изобразили ихъ сейчасъ совершенно вѣрно. Но надо сознаться, что всѣмъ они не могутъ нравиться. Есть натуры, для которыхъ мало этихъ тихихъ радостей. Я боюсь, что человѣкъ горячій, любознательный, предпочитающій блескъ ума солиднымъ добродѣтелямъ сердца,—чувствовалъ бы себя среди насъ какъ въ лѣсу. Его тонкому вкусу все здѣсь казалось бы... варварскимъ. Такому человѣку пришлось бы выбирать между презрительнымъ уединеніемъ и опасностью поблекнуть и погибнуть, «смѣшавшись съ толпой».

Эта тирада, произнесенная искреннымъ, но слегка напыщеннымъ тономъ, удивила Дютрейля.

«Это не совсѣмъ банально, —подумалъ онъ. — Она знаетъ здѣшнюю публику и цѣнитъ ее по достоинству... Впрочемъ, насколько все это серьезно? Иные провинціалы любятъ поболтать о рутинѣ...»

— Договаривайте, договаривайте, мой милый другъ: всѣ мы по-просту дураки, не такъ ли? Вы женщина исключительная: вы вѣчно заняты искусствомъ и литературою, для васъ Монтаньякъ—тюрьма; но не пугайте же чрезмѣрно молодого человѣка.

«А, — сказалъ онъ себѣ, — синій чуловъ, всѣми признанный «глубокій умъ», зачитывается, навѣрное, Шопенгауэромъ въ

перемежку съ фельетонами *Petit Journal* и взращиваетъ подлѣ себя какого-нибудь юнаго поэта... безсмертный типъ провинціальной музы»...

Онъ взглянулъ на нее болѣе внимательно. Его близорукіе глаза не могли разсмотрѣть ея лица, скрытаго подъ густой вуалью. Молодость madame Гарадель, очевидно, уже проходила: третій десятокъ близится къ концу... на это намекали и ея свободныя, гибкія движенія и полные, опредѣленные контуры рукъ и плечей, и пышный бюстъ, чуть-чуть уже тронутый временемъ.

Она говорила медленно, низкимъ и звучнымъ голосомъ и, несмотря на всѣ усилія, не могла отдѣлаться отъ мѣстнаго акцента.

Морисъ мало понималъ въ дамскихъ костюмахъ, но платье madame Гарадель показалось ему довольно изящнымъ.

Все это подѣйствовало на него смягчающимъ образомъ, онъ пересталъ щетиниться и просто отвѣчалъ на вопросы субъинспекторши. Разговоръ перешелъ на обычныя въ такихъ случаяхъ темы—мѣстныя новости—и madame Гарадель принимала въ немъ дѣятельное участіе.

Она воспользовалась наступившимъ молчаніемъ, встала, причемъ оказалась меньше ростомъ, чѣмъ можно было бы предполагать, пожала руку госпожи Круазе и сказала почтительно кланявшемуся молодому человѣку:

— Я принимаю по субботамъ. Но если васъ утомляютъ оффиціальные визиты и пугаютъ сплетни маленькаго города, вы можете почти всегда застать меня между четырьмя и семью... Совсѣмъ какъ въ Парижѣ,—прибавила она весело и не безъ ироніи.

«Право, она очень мила! — рѣшилъ Дютрейль въ то время, какъ дамы обмѣнивались прощальными любезностями. — Что она за человѣкъ? О чемъ думаетъ?... Однако, какое мнѣ до всего этого дѣло?...»

Теперь онъ думалъ только о томъ, какъ бы исчезнуть поскорѣе. Вошелъ новый посѣтитель—толстый, краснолицый, задыхающійся субъектъ, оказавшійся контролеромъ окладныхъ сборовъ.

Дютрейль откланялся, сопровождаемый коварною фразой:

— Надѣюсь, я буду еще имѣть удовольствіе васъ видѣть...

— Фу, кончено!—пробормоталъ онъ, оставшись одинъ и разстегивая свои черныя перчатки. Впрочемъ, ни о какой скукѣ не было и помину, хотѣлось только сбросить съ себя всякія приличія, побродить на свободѣ и безъ цѣли...

День склонялся къ вечеру; теплый вѣтерокъ доносилъ съ главной площади звуки тріумфальнаго марша.

Дютрейль добрался до бульвара, отдѣлявшаго на западѣ городъ отъ предмѣстья. Здѣсь на посыпанныхъ пескомъ троттуарахъ и даже посреди улицы бѣгали и играли дѣти, совершенно не обращая вниманія на прохожихъ и экипажи; они испускали рѣзкіе крики, сплетались въ хороводы и танцовали подъ звуки веселой гасконской мелодіи.

Въ окнахъ, въ дверяхъ, подъ деревьями ихъ родители наслаждались воздухомъ, болтали, играли въ карты, нисколько не смущались взглядами и замѣчаніями прохожихъ, выглядѣли полными хозяевами улицы и чувствовали себя на ней какъ дома.

Вскорѣ появились солдаты, только что покончившіе съ полдникомъ. Они бродили, покачиваясь на ходу, какъ утки, и растопыривъ пальцы рукъ, запакованныхъ въ громадныя, похожія на бандажи, перчатки. Эти воины останавливались группами передъ кабачками, долго и пристально вглядывались въ рисунокъ вывѣсокъ, сосредоточенно размышляли о чемъ-то и, наконецъ, пробирались внутрь, гремя своими саблями: очевидно, они не знали, что дѣлать съ собою въ ожиданіи, не набѣжитъ ли какая интрижка.

Подходя къ главной площади, молодой человѣкъ сталъ встрѣчаться съ публикой болѣе приличной, представителями мѣстнаго «общества»; это были люди, вмѣнившіе себѣ разъ навсегда въ обязанность прослушать упражненія военнаго оркестра до послѣдней ноты; они шествовали въ величественномъ порядкѣ, группируясь семьями и по своему общественному положенію, обмѣниваясь любезностями, улыбками и гримасами. Это занимательное зрѣлище напоминало ему прогулку по площади въ первый день его пріѣзда. Но теперь уже великодушный молодой человѣкъ чувствовалъ къ этимъ созданіямъ божьимъ скорѣе состраданіе, чѣмъ презрѣніе... Конечно, бездна отдѣляла его отъ нихъ, конечно, «душа» его не имѣла ничего общаго съ ихъ примитивной и грубой психикой, но все же онъ не могъ совершенно отрицать въ нихъ способности посвоему и мыслить, и чувствовать.

Дютрейль направился было къ пескамъ, меланхолическій видъ которыхъ ему нравился, какъ вдругъ онъ замѣтилъ на скамьѣ Бернеса, который внимательно созерцалъ башенные часы на зданіи суда. Онъ освѣдомился о причинѣ его уединенія.

— Я жду Ляпейра, который назначилъ мнѣ свиданіе въ шесть часовъ,—отвѣчалъ тотъ съ досадой.—Теперь уже почти семь... вѣроятно, онъ насмѣялся надо мною. Ну-съ, а ваши дѣла?... Что визиты, которыхъ вы такъ боялись?

— Кончено.

— Браво! А madame Круазе?

— Приняла меня очень любезно. Кстати, я встрѣтилъ у нея г-жу... ну,—словомъ, ту даму, о которой вы мнѣ говорили: Марель?... Рабанель?...

— Гарадель.

— Она самая. Вы ее знаете?

— Отлично. Ея мужъ—крупный хлѣботорговецъ, членъ торговой палаты и муниципальный совѣтникъ. Славный малый, но не особенно далекъ... гораздо глупѣе жены... да она много моложе его и вышла замужъ по разсчету.

— Интеллигентна?

— Замѣчательно! Изысканно-умна, образованна, вкусъ артистическій. Она читаетъ всѣ новинки, журналы, газеты и прочее тому подобное.

— Сколько ей лѣтъ?

— Ого, mon cher!... Отъ тридцати двухъ до тридцати пяти...

— Есть у нея дѣти?

— Нѣтъ, но...

Онъ хотѣлъ сказать: «вамъ что за дѣло?...» Дютрейль понялъ его и не продолжалъ разспросовъ.

— Пойдемте ѣсть,—сказалъ онъ.

... Послѣ обѣда онъ быстро удалился къ себѣ въ комнату, несмотря на то, что Бриссаръ, по поводу возобновленія въ Théâtre Français одной старой пьесы Ожье, набросился на современную драму. Ляпейръ, возвращавшійся обыкновенно домой очень поздно (причину чего категорически отказывался сообщить), замѣтилъ, проходя подъ окнами Дютрейля, что у него еще горѣлъ огонь.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

NEGO.

Разсказъ Г. Даниловскаго.

Переводъ съ польскаго.

Надъ Иноврoцлавомъ стояла августовская ночь, одна изъ тѣхъ, хотя и свѣтлыхъ, но такихъ грустныхъ и меланхолическихъ ночей, что даже собаки, и тѣ не спятъ и протяжно воютъ. Люди такъ не поступаютъ, хотя бы единственно по тому соображенію, что когда собакѣ хочется выть, то она садится посерединѣ улицы и, поднявъ морду къ лунному диску, заливается во всю силу нестѣсненнаго веревкою горла, не заботясь о томъ, что о ней подумаетъ сосѣдъ Куцый. А человѣкъ въ такихъ случаяхъ бываетъ осторожнѣе: если онъ и плачетъ, то и тогда не преминетъ посмотрѣть сквозь слезы, какое это впечатлѣніе производитъ на другихъ и идетъ ли это ему къ лицу.

Такъ какъ въ городахъ главную часть населенія составляютъ люди, а немногочисленные и уважающіе себя городскіе псы выдрессированы гораздо лучше, чѣмъ ихъ кудлатые, деревенскіе собратья, то ничто не нарушало спокойствія ночи, которая, надѣвъ на себя звѣздную одежду, надъ чѣмъ-то глубоко задумалась.

Изъ ряда домовъ, глядящихъ на улицу темными окнами, одинъ выдѣлялся тѣмъ, что былъ ниже другихъ, и что три его окна были освѣщены. За эти три окна, маленькую кухню и комнату, раздѣленную деревянной перегородкой, пани Марія платила пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, что составляло почти третью часть ея заработка, «выколоченнаго изъ фортепьяно», какъ ехидно выражалась ея тетка.

Ехидство это происходило отъ избытка расположенія, которое не позволяло теткѣ простить племянницѣ того, что тринадцать лѣтъ назадъ, вопреки ея совѣтамъ, талантливая Мариня сдѣлала капитальную глупость, даже двѣ. Именно, она отказала еще со-

всѣмъ бодрому владѣльцу каменнаго дома и лавки, влюбленному въ нее до такой степени, что, несмотря на врожденное отвращеніе къ разнаго рода издержкамъ, онъ рѣшился на пріобрѣтеніе плисовой мебели и оклеилъ обоями всѣ комнаты для принятія будущей супруги. Будущей, однако, не было,—за то она отдала свою маленькую ручку вновь испеченному юристу, который былъ голъ, какъ соколъ. Онъ даже вѣнчался въ визиткѣ! Правда, о немъ говорили, что онъ очень способенъ и уже издалъ книжку, которая сулила ему блестящую будущность.

Тетка твердила, что все это вздоръ. Какъ она предсказывала, такъ и вышло. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Янъ Скальскій показалъ, на что онъ способенъ: захворалъ и умеръ. Блестящая будущность отправилась къ чорту,—ее вмѣстѣ со способностями, вѣнкомъ и деревяннымъ гробомъ свезли на кладбище, а пани Марія осталась,—не одна, конечно,—съ маленькимъ Ясемъ и съ нуждой. Но на томъ еще не конецъ. Когда, спустя полгода, тетка пришла къ ней съ деликатной миссіей и объявила, что старый обожатель пани Маріи готовъ даже и теперь... что хотя новой мебели покупать не станетъ, но и прежняя еще очень хороша, пани Марія не дала говорить теткѣ и рѣшительно, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ просила оставить ее въ покоѣ. Она ничего не хочетъ; у нея есть уроки музыки,—этого совершенно достаточно для нея и для ея ребенка, а мечтаетъ она только о томъ, чтобъ поставить на могилѣ мужа хоть деревянный крестъ. Тутъ она окончательно расплакалась.

Это было уже черезчуръ; тетка, возмущенная такою неблагодарностью, порвала всѣ отношенія съ упрямой племянницей. Потомъ, черезъ два мѣсяца они, въ поминальный день, встрѣтились на кладбищѣ, и дѣло могло бы кончиться примиреніемъ, но пани Марія не замѣтила своей доброй покровительницы. Именно въ эту минуту она отирала слезы съ своихъ большихъ глазъ, шептала что-то Ясю и показывала ему на покрытую дерномъ и цвѣтами могилу съ простымъ, грустнымъ крестомъ. «Дура была, дурой и останется»! рѣшила въ сотый разъ тетка и пошла дальше, осматривать другія могилы.

Не только этотъ фактъ свидѣтельствовалъ о наивности или чудачливости пани Маріи, но и многіе другіе. Напримѣръ, ея жизнь, въ сущности, была довольно тяжела: лѣстница, часъ битья по клавишамъ... лѣстница, часъ битья по клавишамъ... морозъ ли, непогода, вѣчно то же самое съ утра до сумерокъ, а несмотря на то, пани Марія почти всегда была весела, а когда вечеромъ дурачилась

съ Ясемъ, то смѣялась такъ же сердечно, какъ и ея сынъ. Однако, это не доказываетъ, чтобы она не испытывала огорченій и заботъ. Пани Марія была эгоисткой только съ извѣстной точки зрѣнія, слезы и горе берегла для себя, а людей одаряла добротой и улыбкой.

Это ей ставили въ укоръ не только тетка, но и всѣ дальніе родственники и близкіе знакомые, которые толпами навѣщали ее послѣ смерти мужа, разсчитывая, что имѣютъ же они право посмотрѣть, какъ она плачетъ. Когда вдова принимала ихъ вѣжливо, правда, съ грустнымъ лицомъ, но съ сухими глазами, и когда впослѣдствіи всѣ узнали, что, тѣмъ не менѣе, она плачетъ украдкой,—всѣ возмутились ея неискренностью и мало-по-малу отстранились отъ нея. Иные признавали за ней только одно достоинство,—практичность. Несмотря на скудный заработокъ, пани Марія обладала изящною мебелью, къ которой отъ времени до времени кое-что прибавлялось; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она скопила денегъ на покупку піанино, сама одѣвалась со вкусомъ, а ужь Ясю ни въ чемъ не было недостатка.

«Откуда она беретъ на все это»? Такой вопросъ былъ поставленъ на одномъ изъ традиціонныхъ четверговъ у тетки. На вопросъ этотъ не послѣдовало немедленнаго рѣшительнаго отвѣта; зато онъ вызвалъ оживленные дебаты, въ теченіе которыхъ одна перезрѣлая благочестивая дѣва, скромно опустивъ глаза, сказала: «въ этомъ что-то есть». Аптекарша—видная дама—дала понять, что, еслибъ не ея отвращеніе къ сплетнямъ, то она могла бы поразсказать многое, и притомъ обратилась къ своей дочери со сладкими словами: «выйди, Зося, посмотри альбомъ».

Когда Зося вышла, а за нею потихоньку выскользнулъ студентъ, не особенно платоническій поклонникъ ея массивныхъ формъ, оказалось, что требованія дѣвственной скромности вовсе не заставляли ея удаляться, потому что улики пани аптекарши, хотя и наводящія на размышленія, были черезчуръ слабы. Рѣшено было изслѣдовать дѣло болѣе обстоятельно.

Такимъ образомъ надъ пани Маріей учреждено было что-то вродѣ тайнаго надзора. Надзоръ этотъ не былъ безплоденъ. Правда, того, чего искали, не нашли; Зосѣ уже не было надобности разсматривать альбомъ, когда рѣчь шла о пани Маріи,—за то стали извѣстны многія мелкія подробности ея тихой жизни. Оказалось, что Яся въ гимназію подготовляла сама мать, и теперь также помогаетъ ему, и для этого даже учится по латыни. Притомъ, дѣлаетъ это она не ради экономіи, находитъ огромное наслажденіе въ

томъ, что въ состояніи помагать сыну и трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Кромѣ того вся ея воспитательная система отличается крайнею странностью: она считаетъ себя обязанною объяснять сопляку всѣ свои поступки, когда онъ только пожелаетъ, и даже тогда, когда бранитъ его, если только можно назвать бранью такія слова: «ты не хорошо поступилъ» или «твой отецъ былъ бы огорченъ твоимъ поступкомъ».

Благодаря своей худобѣ, пани Марія казалась молодой не по лѣтамъ и не разъ, когда она возвращалась домой съ урока, раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы, прохожіе оглядывались на нее и шептали: «какая хорошенькая дѣвушка», хотя, въ сущности, пани Марія была вовсе не хороша, — она была только привлекательна. Еслибъ ея застывшее лицо отлить изъ гипса, то такая маска была бы скорѣе очень не красива, потому что мелкія, неправильныя черты лица пани Маріи вовсе не составляли главной причины ея обаятельности. Онѣ были скорѣе тонкой канвой, на которой чувства ткали рисунокъ выраженія, оболочкой души, которая просвѣчивала сквозь матовую кожу ея лица, какъ лучъ разсвѣта просвѣчиваетъ сквозь туманъ... Лицо пани Маріи отличалось такою подвижностью, что сразу невозможно было опредѣлить тѣ постоянные элементы, которые дозволяли отличить это лицо отъ другихъ и запомнить его навсегда. Этими элементами являлись, по всей вѣроятности, необыкновенно густые, бѣлокурые волоса, отливающіе золотисто - пепельнымъ оттѣнкомъ, большіе, глубокіе, бархатные глаза и тотъ едва уловимый тонъ странной меланхоліи и утомленія, который навсегда сроднился съ ея лицомъ и не оставлялъ его даже тогда, когда ея розовыя губы слагались въ самую сердечную улыбку. Порою, какъ, напримѣръ, въ эту августовскую ночь, выраженіе это выступаетъ такъ сильно, что, смотря на ея голову, опущенную на маленькія руки, невольно скажешь: «могильный цвѣтокъ».

Но еще болѣе странно, что то же самое можно замѣтить и на дѣтскомъ лицѣ Яся, который, качаясь на стулѣ и зажмуривъ глаза, повторяетъ: «*alauda* — жаворонокъ, *ancilla* — служанка, *aquila,* — орелъ, *arma* — оружіе...», хотя вообще онъ ничѣмъ не напоминаетъ матери. За то онъ какъ двѣ капли воды похожъ на портретъ, висящій надъ письменнымъ столомъ.

Нѣкоторые люди признаютъ за человѣкомъ свободную волю, но еслибы, сотни лѣтъ назадъ, гуси не загоготали такъ не въ пору и не спасли Римъ, Ясь можетъ быть не зубрилъ бы рѣчей Цезаря, а пани Марію не терзалъ бы вопросъ, — сдастъ ли ея сынъ

завтрашній экзаменъ. Такія размышленія, по всей вѣроятности, тѣснились въ головѣ пани Маріи, хотя въ ней и безъ того было много грусти и тревоги, а хаотическія мысли блуждали безъ цѣли, какъ разбитое стадо молодыхъ дикихъ утокъ, когда ихъ всполошитъ выстрѣлъ охотника.

Такъ какъ съ завтрашнимъ днемъ соединялась неувѣренность и боязнь за судьбу сына, то душа пани Маріи обращалась къ прошлому и тонула въ воспоминаніяхъ. Передъ нею воскресала ея короткая жизнь въ замужствѣ — бѣдная, тихая, но сладкая, полная счастья и широкихъ мыслей, которыя мужъ развертывалъ передъ нею и въ которыя она жадно погружалась, понимая ихъ не столько умомъ, сколько любовью и интуиціей своей богатой души.

Потомъ вспыхивало неутолимое горе, что все это безповоротно миновало. Бурный пароксизмъ палящей скорби перешелъ наконецъ въ отупѣніе, сознаніе собственной слабости и одиночества. Когда ее пробуждало какое-нибудь болѣе громкое слово Яся, то сердце ея вновь сжималось при мысли, что этотъ слабенькій мальчикъ еще не спитъ и корпитъ надъ длиннымъ столбцомъ трудныхъ словъ, а единовременно въ груди начиналась борьба разума съ чувствомъ, которое пробуждало въ ней безумное желаніе отправить сына спать, а ненавистную грамматику, крадущую его сонъ и спокойствіе, выкинуть за окно. Не первую такую битву ведетъ съ собою пани Марія и не послѣднюю, а битва эта по-истинѣ тяжелая, потому что, съ одной стороны, у пани Маріи много врожденнаго ума, а съ другой—она безумно любитъ Яся. Любитъ его она за правдивую улыбку, за муки, въ которыхъ она раждала его, за веселье и заботы, которыя онъ ей причиняетъ, за все, а вѣрнѣе всего за то, что онъ—ея сынъ.

На этотъ разъ битва кончается тѣмъ, что пани Марія подходитъ къ Ясю, беретъ у него изъ-подъ руки книгу и говоритъ:

— Ну, довольно, мой мальчикъ, иди спать. Нужно, чтобъ завтра у тебя была свѣжая голова.

— Сію минуту, мама,—отвѣчаетъ Ясь.—Я просмотрю переводъ, а вы найдите то слово,—помните?..

Онъ беретъ тетрадь, а пани Марія вынимаетъ объемистую книгу и перелистываетъ ее своими тонкими пальцами. Слово найдено, и послѣ краткаго спора о томъ, какое значеніе выбрать изъ многочисленныхъ синонимовъ, мальчикъ начинаетъ наскоро раздѣваться и вдругъ обращается къ матери съ задорнымъ вопросомъ:

— А вы, наконецъ, выучили предлоги въ стихахъ?

Это слабая сторона пани Маріи, и Ясь любитъ, такимъ обра-

зомъ, выставлять въ дурномъ свѣтѣ классическія познанія своей матери.

Пани Марія добродушно улыбается и отвѣчаетъ наизусть:

— *Ante, apud, ad, adversus, circum, circa, citra, cis, erga, contra, intra*... Тутъ она заикается.

— Extra, мамочка!—подхватываетъ обрадованный мальчикъ,—вѣдь, это такъ легко запомнить: такъ называется игра въ мячъ!

И Ясь, свернувъ чулки въ клубокъ, начинаетъ посвящать мать во всѣ тайны этой чудной игры.

При другихъ случаяхъ подобные разговоры изъ области школьной жизни вызываютъ смѣхъ и живыя пререканія обѣихъ сторонъ, потому что пани Марія интересуется всѣми проявленіями ученической жизни, знаетъ жаргонъ и всѣ техническія выраженія учениковъ и даже пользуется всеобщимъ уваженіемъ мальчиковъ за превосходное изготовленіе мячей. Но сегодня, передъ призракомъ экзамена, Ясь не былъ расположенъ шутить, а пани Марія тѣмъ болѣе.

Вскорѣ мальчикъ умолкъ и, обнявъ въ послѣдній разъ мать, юркнулъ подъ одѣяло, а пани Марія, погасивъ лампу, со вздохомъ перешла за перегородку и, не раздѣваясь, думала о разныхъ вещахъ до поздней ночи.

На другой день утромъ Ясь, съ книгами подъ мышкой и съ карманами, набитыми съѣстными припасами, шелъ въ школу торопливѣе, чѣмъ обыкновенно. На углу, недалеко отъ гимназіи, онъ присоединился къ двумъ своимъ собратамъ по несчастію, къ Стасю Кшицкому и Антку Сикорѣ. Антекъ, отличающійся цѣннымъ талантомъ угадывать поставленную отмѣтку по движенію руки учителя, показалъ товарищамъ кусокъ вываренной въ молокѣ резиновой калоши,—для мяча лучше и не придумаешь. При этомъ онъ высказалъ не лишенное правды мнѣніе, что лучше срѣзаться сразу, чѣмъ получить переэкзаменовку, которая отравляетъ всѣ вакаціи.

— Да,—говорилъ онъ,—зададутъ тебѣ хорошую баню, а потомъ и оставятъ въ покоѣ, а съ этой проклятой переэкзаменовкой ежеминутно не только отецъ съ матерью, но и каждая сестра, каждая тетка бренчатъ у тебя надъ ухомъ: учись, учись!... а то провалишься, какъ баранъ!

— Кто знаетъ, не сбудется ли это пророчество,—флегматически произноситъ Стась, баловень богатыхъ родителей. Въ сущности съ коллегой онъ сходится по другимъ соображеніямъ: онъ по природѣ врагъ всякаго неопредѣленнаго положенія.

Одинъ Ясь молчитъ,—онъ второй годъ въ классѣ, и переэкзаменовка является для него Гамлетовскимъ вопросомъ, быть или не

быть въ гимназіи. Правда, онъ не совсѣмъ ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ необходимости фигурировать въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ третьяго класса, но тѣмъ не менѣе жаждетъ во что бы то ни стало сдать экзаменъ. По мѣрѣ приближенія къ школьному зданію онъ чувствуетъ, какъ имъ овладѣваетъ необычайное волненіе, нетерпѣніе и боязнь. Нетерпѣніе это являлось не только проявленіемъ сыновней любви и желаніемъ избавить мать отъ огорченія и слезъ, здѣсь играло одинаково крупную роль унаслѣдованное отъ отца упорство въ преодолѣніи всякихъ преградъ. Въ Ясѣ это упорство подкрѣплялось еще убѣжденіемъ, что его успѣхъ будетъ крайне непріятенъ учителю латинскаго языка, который за экзаменаціонное *extemporale* поставилъ ему двойку и въ которомъ Ясь видитъ своего врага.

Ясь ненавидитъ Орла (учителя латинскаго языка прозвали Орломъ) всею силою своей дѣтской, непомѣрно впечатлительной души. Орелъ оставилъ его на второй годъ въ классѣ, несмотря на то, что у Яся по другимъ предметамъ были хорошія отмѣтки. Въ слѣдующемъ году, несмотря на свои усилія и усилія своей матери, онъ получалъ едва лишь тройки, хотя зналъ грамматику наизусть, а исключенія вызубрилъ какъ «Отче нашъ». «Онъ не любитъ меня, мама!»—не разъ жаловался Ясь пани Маріи послѣ каждой полученной тройки и вмѣстѣ съ тѣмъ въ молодой груди мальчика кипѣло глухое бѣшенство, а губы нервно сжимались. «Онъ не любитъ тебя»,—не разъ повторяли Ясю его товарищи, и вотъ, когда на лѣстницѣ Антекъ громко вздохнулъ: «ахъ, еслибъ только Орла не было!», Ясь повторяетъ про себя: «дай Господи, чтобъ онъ пришелъ!»—потому что чувствуетъ, что предметъ знаетъ хорошо, что восторжествуетъ надъ Орломъ, подавитъ его своею эрудиціей, что сегодняшній день будетъ днемъ возмездія.

На лѣстницахъ и въ корридорахъ гимназическаго зданія сегодня необычайное движеніе, масса не только мальчиковъ, но и старыхъ мужчинъ и женщинъ,—то родители приводятъ вновь посвященныхъ рыцарей. Старые ученики съ оттѣнкомъ высокомѣрія посматриваютъ на своихъ немундирныхъ товарищей, какъ старые гвардейцы на свѣжеиспеченныхъ рекрутовъ. Внутри зданія не видно ни малѣйшихъ перемѣнъ,—тѣ же самыя сѣрыя стѣны съ темнымъ лампасомъ внизу, тѣ же самые часы, а подъ часами стоитъ старый сторожъ въ той же самой позѣ, въ которой его оставили при началѣ лѣта. Только полы стали бѣлѣе, а лица мальчиковъ потемнѣли отъ деревенской жизни и отъ загара. Антекъ своею грозною миной и толчками терроризируетъ новичковъ, прочищая такимъ

образомъ своимъ товарищамъ свободный доступъ въ классъ. Въ классѣ онъ встрѣчается съ остальными коллегами, у которыхъ сегодня тоже переэкзаменовка. Сегодня здѣсь не такъ шумно, какъ бываетъ обыкновенно. Въ комнатѣ носится призракъ экзамена, а большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, зловѣще смотритъ на всѣхъ, причемъ его чванливая наружность не предвѣщаетъ ничего хорошаго и приводитъ въ дурное расположеніе духа всѣхъ присутствующихъ. Одинъ Антекъ не смущается и начинаетъ доказывать происхожденіе сукна отъ директоршиной юбки, но его остроуміе вызываетъ только нѣсколько блѣдныхъ улыбокъ, потому что въ корридорѣ раздаются тяжелые, хорошо извѣстные всѣмъ шаги. Мальчики разсыпаются въ разныя стороны и разсаживаются на лавкахъ, какъ стая испуганныхъ куропатокъ при видѣ ястреба. Двери отворяются, и показывается, одѣтый въ засаленный фракъ, филологъ Орелъ.

Прозвища, даваемыя мальчиками, бываютъ удивительно мѣтки Однако, этотъ Орелъ,—то была парафраза его фамиліи,—рѣшительно не удался имъ. Въ этомъ человѣкѣ рѣшительно нѣтъ ничего орлинаго, даже вообще ничего, напоминающаго птицу съ широкимъ полетомъ. Наоборотъ, онъ производитъ впечатлѣніе пня, плохо отесаннаго на подобіе человѣка и покрытаго кускомъ дрянного сукна. По длиннымъ рукамъ, съ огромными, сковородообразными ладонями, по необыкновенно толстымъ колѣннымъ связкамъ, онъ похожъ на медвѣдя, ходящаго на заднихъ лапахъ, а по неуклюжести движеній и ширинѣ платья,—на гиппопотама или вообще на кого-нибудь изъ толстокожихъ. Только одни маленькіе, вѣчно бѣгающіе глазки составляютъ дисгармонію со всею этою тяжелою фигурой, которая, также какъ и широкое, плоское лицо, составляетъ вѣрный отпечатокъ его души,—гдѣ нѣтъ ничего возвышеннаго, ничего глубокаго, гдѣ ширина выражается только въ необыкновенной психической растяжимости, которая дозволяетъ ему согласовать въ себѣ все: восхищаться греческой республикой, восхвалять трибуновъ и преклоняться передъ олигархами; дома слыть за демократа и либерала и подавлять въ своихъ ученикахъ всякую самостоятельность.

Мальчики его терпѣть не могутъ, потому что онъ представляется имъ несноснымъ типомъ наставника-отца, который, въ силу этого, считаетъ приличнымъ и необходимымъ ревизовать содержимое сумокъ и душъ своихъ учениковъ.

Орелъ отплачиваетъ имъ тою же монетой,—онъ также искренне ненавидитъ ихъ, хотя, по всей вѣроятности, также какъ и они, не можетъ логически мотивировать своего чувства. Ученики просто-

на-просто бѣсятъ его. Бѣсятъ они его своими одухотворенными, нервными лицами, образомъ жизни, опрятной одеждой, бѣлыми воротничками,—однимъ словомъ, всѣмъ. Поэтому онъ навѣрно особенно не терпитъ Яся, потому что Ясь является наиболѣе характеристичнымъ типомъ изо всего класса. Бѣлая, нѣжная кожа лица, тоненькія, голубыя жилки на вискахъ, неопредѣленная меланхолія и гордость, разлитая во всѣхъ чертахъ, большіе, точно утомленные глаза, изящная одежда, свѣтлые волоса — все это дѣлаетъ мальчика живымъ рисункомъ Гроттера — именно и не нравятся толстокожей натурѣ учителя и возбуждаютъ въ немъ инстинктивное нерасположеніе.

Притомъ обѣ стороны отлично знаютъ о своихъ взаимныхъ антипатіяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что даже самая заслуженная двойка представляется ученикамъ явною несправедливостью, а съ другой стороны, всякое малѣйшее отступленіе отъ правилъ, простѣйшій, наивный вопросъ или отвѣтъ кажется подозрительному наставнику проявленіемъ закоренѣлой злобы или сопротивленія. Отсюда между классомъ и учителемъ вытекаетъ скрытая, но неустанная борьба. На его сторонѣ власть, выражающаяся въ образѣ двоекъ и карцера, а орудіе дѣтей—презрительныя мины, насмѣшливыя улыбки, тихій шепотъ, краснорѣчивые взгляды и тысячи тому подобныхъ мелкихъ проявленій презрѣнія и ненависти, которыхъ нельзя укротить никакимъ параграфомъ правилъ, настолько они неуловимы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько несносны.

Сегодняшнее расположеніе духа господина учителя трудно назвать хорошимъ. Послѣ долгихъ вакацій онъ снова принужденъ предстать предъ классомъ, отъ котораго отвыкъ, и это его злитъ еще болѣе. Хмурый, храня молчаніе, онъ садится за каѳедру и бросаетъ короткое приказаніе: молитва!

Одинъ изъ учениковъ наскоро читаетъ молитву, а тѣмъ временемъ Антекъ шепчетъ Ясю: «зла, скотина!»

Едва прозвучалъ «аминь», какъ снова послышалась команда: «на середину класса». Первый выходитъ Стась Кшицкій, онъ кажется довольно спокойнымъ, и только легкое дрожаніе книжки, которую онъ держитъ въ рукахъ, выдаетъ его тайное волненіе.

— Одиннадцать?

— *Undecim,*— какъ эхо отвѣчаетъ ученикъ.

— Дальше!

— *Duodecim, tredecim, quatuordecim,*—считаетъ Стась, какъ заведенная машина.

— Перевести двадцать шестой параграфъ.

Начинается переводъ, который идетъ и вкривь и вкось. Стась хорошо понимаетъ подлинникъ, но только не можетъ найти соотвѣтственныхъ словъ для выраженія своей мысли.

Ситуація начинаетъ быстро выясняться. *Plusquam perfectum* отъ слова *ето* добиваетъ Стася. Раздается сакраментальное «довольно!» Ученикъ медленно уходитъ на мѣсто, учитель беретъ перо, за движеніемъ котораго пытливо слѣдитъ Антекъ. Черезъ минуту онъ показываетъ Стасю два пальца, выпачканные чернилами.

— Такъ ли?—угнетеннымъ голосомъ шепчетъ Стась.

— Навѣрняка! — съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчаетъ Антекъ,—двойка!

Начало экзамена производитъ фатальное впечатлѣніе; встревоженные ученики посматриваютъ одинъ на другого, и середина класса, несмотря на дважды повторенную команду, остается пустою.

— Ну, кто тамъ? — въ третій разъ отзывается раздраженный филологъ.

Изъ рядовъ выдвигается Антекъ и, несмотря на свою необыкновенно слабую подготовку, идетъ смѣло и увѣренно. Это его обычная система, выработанная не столько умозрѣніемъ, сколько долголѣтнею практикой. И, дѣйствительно, ловкій мальчикъ знаетъ хорошо, что дѣлаетъ, потому что изъ десяти учителей девять послѣ поставленной двойки охотно расточаютъ тройки.

Много есть и такихъ, которые въ постановкѣ отмѣтокъ руководствуются исключительно извѣстною симметріей цифръ на бумагѣ. Кромѣ того, выступленіе Антка въ такую критическую минуту заставляетъ предполагать необыкновенную увѣренность въ себѣ, основанную на солидномъ знаніи предмета. Вся его дальнѣйшая тактика также послѣдовательна и необычайно остроумна. Онъ читаетъ быстро и громко, почти кричитъ, за то отвѣчаетъ медленно, пытливо глядя въ глаза Орла, и при малѣйшемъ проявленіи его неудовольствія готовъ поправиться и сказать: «то-есть не такъ, я ошибся», причемъ улыбается, какъ будто самъ дивится своей разсѣянности. Такимъ образомъ, отвѣтъ длится необыкновенно долго и учителю кажется, будто онъ задалъ массу вопросовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ было немного. Кромѣ того, Антекъ своею манерой держать себя, просьбами повторить вопросъ и крикомъ положительно замучиваетъ Орла, хотя и у него самого весь лобъ покрывается каплями пота.

Въ результатѣ вся эта манипуляція вызываетъ въ сознаніи учителя страшный хаосъ, вслѣдствіе чего онъ не въ состояніи дать себѣ отчетъ о степени знанія ученика, но все-таки отсылаетъ его

на мѣсто и ставитъ ему тройку. Шельма Антекъ до послѣдней минуты великолѣпно играетъ комедію и еще строитъ недовольную мину, какъ будто ожидалъ лучшей отмѣтки, хотя самъ дрожитъ отъ радости. И, только усѣвшись на мѣстѣ, онъ, измученный борьбой, но гордый своею побѣдой, шепчетъ сосѣдямъ:

— Вывернулся!

Экзаменъ идетъ дальше. Настроеніе учениковъ не одинаково. Одни лихорадочно перелистываютъ книжки и тетради, повторяя слова и грамматическія правила, другіе безпокойно ёрзаютъ на мѣстахъ, какъ будто ихъ колютъ булавками; третьи, наоборотъ, сидятъ неподвижно и, какъ сонные, смотрятъ въ пространство,— на всѣхъ лицахъ видно необычное напряженіе нервовъ.

Ясь принадлежитъ къ числу неспокойныхъ и нерѣшительныхъ; нѣсколько разъ онъ рѣшался выйти, но напрасно. Въ концѣ онъ отваживается на геройскій поступокъ и становится передъ каѳедрой. Лицо его сразу блѣднѣетъ, какъ бумага, а глаза принимаютъ характеристичное выраженіе ужаса, которое всегда подмѣчается у людей, которыхъ сразу бросили въ холодную воду. Эта минута знакома всѣмъ учащимся: мысли куда-то вдругъ разбредаются, и ты испытываешь впечатлѣніе, что рѣшительно ничего не знаешь и не понимаешь. Черезъ минуту, однако, Ясь приходитъ въ себя и начинаетъ отвѣчать подавленнымъ голосомъ, который мало-помалу становится увѣреннѣй, а лицо начинаетъ принимать надлежащую окраску.

Отвѣчаетъ онъ вообще хорошо, счастливо перебрался черезъ супины и герундіи, не далъ себя сцапать на futurum отъ глагола «eo» и въ концѣ собирается приступить къ переводу. Первое изреченіе начинается словомъ «nego». Ясь на минуту задумывается и горячо роется въ своей памяти, но напрасно. Антекъ на его мѣстѣ приписалъ бы этому слову уже десять значеній и какъ-нибудь вывернулся бы. Ясь видимо хотѣлъ сдѣлать то же, но, воспитанный въ чистой домашней атмосферѣ, положительно не умѣетъ вывертываться и сознательно лгать и на настойчивые натиски Орла: «ну, какъ же?»—отвѣчаетъ: «не знаю».

Въ тонѣ отвѣта пробивается легкое раздраженіе, вызванное общимъ возбужденнымъ состояніемъ мальчика. Дѣло это учителю представляется, однако, въ другомъ свѣтѣ: это «не знаю» кажется проявленіемъ неуваженія со стороны Яся. Орелъ нетерпѣливо возится на стулѣ, его маленькіе глазки вспыхиваютъ, но онъ тотчасъ же сдерживается и, усиливаясь сохранить спокойствіе, спрашиваетъ:

— Какая это часть рѣчи?

Ясь могъ бы сдѣлать совершенно справедливое замѣчаніе, что, не зная значенія слова, трудно отвѣчать на такой вопросъ, но Ясь не настолько филологъ и въ его дѣтскомъ умѣ слагается слѣдующая хитрая и довольно сложная комбинація: *едо* значитъ «я»; *nедо* должно быть что-нибудь вродѣ «не я». Въ результатѣ онъ зачисляетъ этотъ глаголъ въ рядъ мѣстоименій, совершенно не подозрѣвая того, что по его винѣ Цицеронъ вмѣстѣ съ Ливіемъ застонали въ своихъ саркофагахъ.

— Гм... тогда склоняй!—издѣвается дальше учитель.

Ясь послѣдователенъ и со спокойнымъ видомъ начинаетъ:

— *Nego, nei, nihi, ne* и *ne!*...

Мало впечатлительная, но классическая душа филолога начинаетъ кипѣть святымъ негодованіемъ.

— Довольно!—цѣдитъ онъ сквозь зубы.

Ясь отступаетъ на мѣсто, а Орелъ, схвативъ перо, производитъ имъ быстрое и короткое движеніе.

— Сколько?—спрашиваетъ Ясь Антка.

Антекъ совершенно сбитъ съ толку. По его мнѣнію, Ясь отвѣчалъ очень хорошо, трудно допустить, чтобъ онъ получилъ колъ; что же это можетъ быть?

— Развѣ четыре!—шепчетъ онъ.

Нерѣшительный отвѣтъ Антка, странное поведеніе учителя, все это пробуждаетъ неувѣренность и тревогу въ маленькой груди Яся. А такъ какъ гимназическія отмѣтки до поры до времени покрыты великой таинственностью (для чего?—это также тайна педагогіи), Ясь до конца экзамена долженъ оставаться въ страшно возбужденномъ состояніи ожиданія.

Около четырехъ часовъ экзаменъ кончается, мальчики выходятъ, а учитель остается въ классѣ, чтобы переписать отмѣтки на-бѣло и придти къ какому-нибудь окончательному рѣшенію. Въ корридорахъ пусто и тихо; маленькая кучка ожидающихъ мальчиковъ уже не въ силахъ оживить старыя стѣны. Лихорадочное, возбужденное состояніе прошло, за то заговорили голодъ и утомленіе. Одни вынимаютъ изъ кармана завтракъ, другіе еще не могутъ ѣсть и отдыхаютъ, сидя на своихъ ранцахъ. Всѣ испытываютъ легкую боль въ вискахъ и колотье въ глазахъ. Вдругъ Антекъ, смотрящій въ замочную скважину, кричитъ: «идутъ!» Вся кучка вскакиваетъ на ноги и тѣснится возлѣ дверей. Выходитъ Орелъ.

— Отмѣтки! отмѣтки!—хоромъ кричатъ мальчики.

Орелъ вынимаетъ бумажку и среди гробовой тишины пере-

числяетъ по очереди фамиліи, прибавляя къ каждой соотвѣтствующую отмѣтку.

Ясь стоитъ послѣднимъ. По мѣрѣ чтенія одни лица расцвѣтаютъ улыбкой, другія омрачаются грустью.

— Сикора — три, Скальскій — единица,— заканчиваетъ учитель.

Послѣдняя отмѣтка производитъ необыкновенное впечатлѣніе; среди учениковъ возникаетъ движеніе, потомъ водворяется тишина и вдругъ раздается крикъ, въ которомъ звучитъ жалоба, отчаяніе и протестъ.

— За что?—этотъ крикъ вырывается изъ блѣдныхъ устъ Яся.

Уши профессора,—они очень впечатлительны на всякій протестъ,— различаютъ только этотъ тонъ въ крикѣ мальчика. Лицо Орла принимаетъ удивительно хищное выраженіе, глаза загораются блѣднымъ свѣтомъ, изъ узкихъ губъ вырываются хриплыя слова:

— Ты еще спрашиваешь, за что? Какъ ты смѣешь? Я тебя... — Тутъ онъ обрывается и устремляетъ свои буравообразные глаза на блѣдное лицо Яся.

Наступаетъ минута полнѣйшей тишины, такъ что слышно ускоренное дыханіе маленькихъ грудей и тяжелое сопѣніе Орла, взглядъ котораго встрѣчается съ горящими глазами не только Яся, но и другихъ мальчиковъ, до глубины души возмущенныхъ послѣднею отмѣткой. Послѣ короткой минуты этой борьбы взглядовъ филологъ опускаетъ глаза и процѣживаетъ слова, полныя ехидства и яда:

— Положимъ, ты уже не мой ученикъ...—Тутъ онъ повертывается и уходитъ, стуча каблуками.

— Скотина!—летитъ ему вслѣдъ подавленный шепотъ, потомъ кучка собирается уходить.

Ясь, держась за перила, первый спускается съ лѣстницы, а коллеги провожаютъ его взорами, полными сочувствія и уваженія, какъ солдаты товарища, который въ бою получилъ смертельную рану. Ясь дѣйствительно производитъ впечатлѣніе раненаго: онъ идетъ, шатаясь, блѣдный, какъ трупъ, а въ груди ощущаетъ свинцовую, не дѣтскую тяжесть перепутанныхъ мыслей, среди которыхъ особенно выдѣляется сознаніе несправедливости, тѣмъ болѣе живое и сильное, что возродилось оно въ свѣжей душѣ ребенка, котораго жизнь еще не сумѣла пріучить къ тому, чтобъ испытывать несправедливость и быть несправедливымъ къ другимъ.

Пани Марія, возвратившись съ уроковъ, цѣлый часъ съ нетер-

пѣніемъ ожидала сына, перебѣгая отъ окна къ окну. Изъ маленькой кухни, вмѣстѣ съ паромъ и запахомъ кушаній, долетало ворчанье старой Яновой:

— Ахъ! барчукъ всегда опаздываетъ. Все остынетъ, а жареное высохнетъ, какъ уголь.

— Правда, правда! Что это значитъ, что его до сихъ поръ нѣтъ?—шепчетъ пани Марія, и для того, чтобы убить время, наигрываетъ на фортепьяно какую-то трудную мелодію. Черезъ минуту она, однако, бросаетъ это занятіе, подбѣгаетъ къ окну и пристально смотритъ на улицу, не увидитъ ли гранатную фуражку? Нѣтъ! Она со вздохомъ возвращается назадъ, въ сотый разъ переворачиваетъ альбомъ и приводитъ въ порядокъ бездѣлушки на письменномъ столѣ.

Въ это время раздается тихій звонокъ. Пани Марія вскакиваетъ со стула и, съ радостнымъ крикомъ отворяя дверь, бросаетъ вопросъ:

— Ну что, мой мальчикъ?

Блѣдное лицо Яся, впалые губы и глаза, окруженные синими кругами, даютъ достаточно краснорѣчивый отвѣтъ. Пани Марія также блѣднѣетъ, отступаетъ на нѣсколько шаговъ въ глубину комнаты, на минуту останавливается, какъ окаменѣлая, потомъ подноситъ къ вискамъ дрожащія руки и съ глухимъ стономъ опускается на стулъ.

Ясь стоитъ въ углу и съ ожесточеннымъ лицомъ и сухими глазами изподлобья посматриваетъ на мать. Тѣмъ временемъ входитъ Янова съ дымящеюся суповою миской; она замѣчаетъ всю эту сцену, молча ставитъ миску на столъ и уходитъ.

— Сколько ты получилъ?—наконецъ спрашиваетъ пани Марія голосомъ, въ которомъ слышатся слезы.

— Единицу,—сухо отвѣчаетъ Ясь.

— За что? побойся Бога! — кричитъ пани Марія съ горемъ и упрекомъ.

— Спросите ихъ сами!—рѣзко отвѣчаетъ Ясь.

Пани Марія, какъ уколотая, вдругъ встаетъ со стула и, моргая испуганными глазами, долго всматривается въ лицо сына и шепотомъ спрашиваетъ:

— Что съ тобою, Ясь? Какъ ты говоришь со мной?

Ясь опускаетъ глаза и молчитъ. Мать начинаетъ ходить по комнатѣ съ лицомъ беззащитнаго ребенка и ломаетъ свои худыя руки. Гнѣвъ на сына переходитъ въ глубокое горе, почти въ отчаяніе. Пани Марія теперь догадывается, что съ Ясемъ поступили

несправедливо, и видитъ, что сынъ, въ свою очередь, несправедливо поступаетъ съ нею. Но пани Марія все-таки мать Яся, и ея горечь и глубокая обида направляются уже не къ нему, а къ источнику, откуда, по ея мнѣнію, вытекаетъ все это. Вскорѣ ея негодованіе переходитъ въ чувство, граничащее съ бѣшенствомъ:

— Пойду, пойду! — нервно шепчетъ пани Марія, надѣвая шляпу. — Я имъ скажу, все скажу! — уже громко добавляетъ она и быстро выбѣгаетъ изъ комнаты.

Уже довольно поздно, вѣроятно, около шести часовъ. Солнце закатилось за городскія стѣны. На улицахъ, вмѣстѣ съ холодомъ, увеличиваются шумъ и движеніе. Разноцвѣтная волна людей изливается на городъ и плыветъ по улицамъ въ разныя направленія, какъ говорливые рукава горнаго потока. Громкій разговоръ и смѣхъ мѣшаются съ восклицаніями разнощиковъ, съ носовыми стонами нищихъ: «подайте грошикъ, благодѣтель!»—и съ оглушительнымъ дребезжаньемъ звонковъ конки. А надо всѣмъ этимъ царитъ грохотъ экипажей. Сегодня грохотъ этотъ не представляется безсмысленнымъ, — онъ производитъ впечатлѣніе саркастическаго хохота гиганта. Надъ чѣмъ смѣется мостовая подъ ударами лошадиныхъ копытъ? Трудно отвѣтить. Можетъ быть надъ тѣмъ, что пани Марія, такая маленькая и худенькая, такъ шибко бѣжитъ къ сѣрому зданію, цоколь котораго значительно выше ея, дверная ручка такая толстая, что она не можетъ обхватить ее одной рукою, а замочная скважина въ три раза больше слезы, которая катится по щекѣ учительницы музыки.

Увы! пани Марія не слышитъ этого саркастическаго хохота, она бѣжитъ по улицамъ и въ концѣ взбирается на лѣстницу, какъ утомленная птица.

— Что вамъ угодно? — останавливаетъ ее старый сторожъ.

— Учитель латинскаго языка здѣсь?—спрашиваетъ пани Марія, глотая воздухъ запекшимися устами.

— Какой?

— Орелъ.

— Какъ же, здѣсь всѣ, пошли въ совѣтъ. Пожалуйте.

Пани Марія идетъ за сторожемъ и вступаетъ въ большой, мрачный корридоръ.

— Совѣтъ уже начался; вамъ придется подождать, — тянетъ сторожъ, заглядывая сквозь стеклянную дверь во внутрь залы, изъ которой доходятъ голоса и слабый потокъ свѣта.

Пани Марія начинаетъ ходить мимо двери взадъ и впередъ, какъ неутомимый маятникъ часовъ.

— Можетъ быть вамъ угодно отдохнуть?—послѣ долгой паузы говоритъ сторожъ и пододвигаетъ ей стулъ.

Пани Марія съ признательностью принимаетъ эту услугу. Она, дѣйствительно, страшно измучена, ноги такъ и подгибаются подъ ней. Притомъ, это «все», что она должна была сказать, что дома представлялось ей такимъ яснымъ, теперь исчезло куда-то безъ слѣда, такъ что она съ величайшимъ напряженіемъ мысли можетъ задать самый простѣйшій вопросъ. Но она чувствуетъ, однако, что должна что-нибудь сдѣлать для защиты сына, и торопливо ждетъ, что будетъ. Изъ залы отъ времени до времени долетаютъ отрывочныя слова, порою слышенъ смѣхъ; разъ даже начался такой шумъ, что пани Марія вскакиваетъ со стула, а сторожъ вытягивается въ струнку, думая, что совѣтъ кончился.

Тревога оказывается фальшивой. Зала снова утихаетъ до такой степени, что ясно слышно тиканье большихъ часовъ, висящихъ надъ дверью, и невѣрные звуки, извлекаемые изъ фортепьяно чьей-то неопытной рукой. Пани Марія тѣмъ временемъ вспоминаетъ, что даже по виду не знаетъ Орла, и задаетъ сторожу соотвѣтственный вопросъ.

— Я вамъ моргну тогда,— отвѣчаетъ сторожъ.— Ого, кажется, идутъ,— добавляетъ онъ, приближаясь къ дверямъ.

Дѣйствительно, слышно, какъ двигаютъ стульями. Двери растворяются, и мрачный корридоръ освѣщается хлынувшей волной свѣта и блескомъ нѣсколькихъ лысинъ. Лысые господа, одѣваясь, довольно равнодушно посматривали на пани Марію, которая, прильнувъ къ стѣнѣ, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ, сильно взволнованная, выразительно смотритъ на сторожа. Наконецъ, сторожъ многозначительно моргаетъ. Изъ залы выходитъ Орелъ, а за нимъ какой-то мужчина небольшого роста, съ просѣдью, въ очкахъ, съ мягкимъ, благороднымъ профилемъ лица и съ утомленными сѣрыми глазами.

Пани Марія заступаетъ имъ дорогу.

— Извините,— обращается она къ Орлу.

Сѣдоватый мужчина отступаетъ на нѣсколько шаговъ, прислоняется къ косяку двери и слушаетъ.

— Извините, — несмѣло бормочетъ пани Марія, усиливаясь припомнить приготовленныя слова, — мой сынъ...

— Чей сынъ? кто? фамилія? — нетерпѣливо спрашиваетъ Орелъ.

— Скальскій, — шепчетъ пани Марія.

— Ахъ, этотъ! Ну, что-жъ? Вы должны быть благодарны намъ,

что мы позволяемъ ему добровольно выйти изъ гимназіи. Неучъ и притомъ дерзкій. Вы сами виноваты въ этомъ, — разгорячается Орелъ:—плохо вы его воспитываете, какъ, впрочемъ, всѣ матери.

Сѣдоватый мужчина дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе, какъ будто хочетъ что-нибудь сказать, въ сѣрыхъ его глазахъ появляются искорки, которыя, впрочемъ, скоро гаснутъ; онъ только грустно улыбается и остается въ старой позѣ.

— Но, господинъ наставникъ!... онъ училъ...— стонетъ пани Марія.

— Пусть не учится, а знаетъ! Видно, что у него нѣтъ способностей. Училъ, ха, ха, ха! *Nego* склоняетъ какъ *ego*... Весь совѣтъ смѣялся надъ этимъ. Подобную чушь можетъ выпалить только идіотъ...—гремитъ Орелъ, потомъ коротко отрѣзываетъ:— впрочемъ, у меня нѣтъ времени! —и собирается уходить.

Услыхавъ эпитетъ, направленный по адресу Яся, пани Марія вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, усиливается что-то сказать, но что̀ именно, неизвѣстно, потому что голосъ ея замираетъ въ горлѣ. Она постояла съ минуту и потомъ, повернувшись, тихо пошла домой, унося съ собою острую боль въ груди и необычайный хаосъ въ головѣ.

— Это ложь! это ложь! —шепчетъ пани Марія, стараясь такимъ образомъ отогнать отъ себя короткое слово, которое впивается въ ея мозгъ и котораго она понять не можетъ. Ея Ясь идіотъ? Это невозможно! Неспособный!... Этому она не можетъ повѣрить, хотя бы потому, что Ясь — ея сынъ и, кромѣ того, онъ долженъ совершить еще одно дѣяніе, о которомъ пани Марія не разъ мечтала въ тихую вечернюю пору... И вотъ теперь, когда она идетъ такая униженная и перепуганная, ей припоминается та скорбная минута, когда ея мужъ, задыхаясь отъ кашля, тихо прошепталъ:

— Не только мнѣ васъ жаль, но и это неоконченное сочиненіе, — и онъ указалъ исхудавшею рукой на лежащую на столѣ рукопись.

А пани Марія, подавляя слезы, нечеловѣческимъ усиліемъ вызвала на свои уста улыбку и отвѣтила почти весело:

— Ты самъ докончишь его, а если будешь не въ состояніи, то Ясь выручитъ тебя,— это она произнесла съ увѣренностью... И вотъ теперь ее заставляютъ вѣрить, что этого никогда не будетъ... Весь совѣтъ смѣялся... А если совѣтъ былъ правъ?... Нѣтъ, нѣтъ! — повторяетъ пани Марія, хватаясь за фонарный столбъ.

— Что съ вами? — вдругъ раздается чей-то голосъ, и пани Марія вдругъ замѣчаетъ передъ собой сѣдоватаго мужчину.

— Ничего, ничего, — съ усиліемъ отвѣчаетъ она, дѣлая попытку идти дальше.

— Развѣ вы не узнаете меня? — продолжалъ владѣлецъ очковъ. — Я — Концкій, иначе — старый брюзга математикъ, который имѣлъ честь учить вашего мужа и сына.

Теперь пани Марія припоминаетъ, что гдѣ-то видѣла это лицо, но гдѣ — не помнитъ.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, времена давно прошедшія, — продолжаетъ Концкій, — измѣнился не только я, но и свѣтъ измѣнился... Отчего вы плачете? — мягко добавляетъ онъ. — Есть отчего убиваться... Скорѣе у меня есть поводъ для слезъ, потому что я теряю способнаго ученика... Жаль мнѣ его, онъ понималъ ариѳметику... Вѣрьте мнѣ, что мнѣ его сердечно жаль; вашъ Ясь мальчикъ мыслящій, видно пошелъ въ отца. Онъ одинъ спрашивалъ меня, почему девять въ періодѣ... впрочемъ, вы этого не поймете; я только безъ нужды надоѣдаю вамъ, — таковъ ужъ мой обычай!

— Да нѣтъ же, нѣтъ! — живо протестуетъ пани Марія, и, дѣйствительно, этотъ человѣкъ, который хвалитъ и защищаетъ передъ ней Яся, кажется ей ангеломъ небеснымъ, а его тихія слова какъ бальзамъ льются въ ея израненное сердце.

— Да, да! — опять заговариваетъ математикъ, — ни одинъ старшій ученикъ надъ этимъ не задумывался. За этотъ вопросъ я поставилъ ему пятерку: единственный способъ, какимъ я могъ выказать свою благодарность. Жаль мнѣ его! Меня не любятъ тамъ, и я самъ вишу, какъ на волоскѣ, иначе я попробовалъ бы защищать его въ совѣтѣ... Хотя, собственно... кто знаетъ, не лучше ли выйдетъ, что онъ простился со школой.

— Какъ такъ? — спрашиваетъ пани Марія тономъ неподдѣльнаго изумленія.

— Видите, — отвѣчаетъ учитель, поправляя очки, — въ теперешнихъ школахъ... все подъ гребло, и выставить голову выше общаго уровня небезопасно. Вещь весьма понятная: торговая изворотливость и трудолюбіе вола хорошо оплачиваются въ лавкѣ и на фабрикѣ, оплачиваются и въ свѣтѣ, который обращается въ огромное торжище и монструозную фабрику, — нѣтъ ничего удивительнаго, что школа признаетъ только эти двѣ способности, а остальныхъ и знать не хочетъ. Теперь уже нѣтъ прибѣжищъ науки, потому что нѣтъ жрецовъ, а въ прежнихъ храмахъ разсѣлись гешефтмахеры мысли и трудолюбивыя букашки... О, да! — добавляетъ онъ, какъ будто про себя, — и я когда-то мечталъ о четвер-

томъ измѣреніи, а теперь и трехъ-то хорошенько понять не могу... Мнѣ налѣво идти, а вамъ?...— внезапно прерываетъ онъ себя.

— И мнѣ также,—отвѣчаетъ пани Марія.

— Тогда пойдемъ дальше, — говоритъ математикъ, какъ-то странно улыбаясь.—Наконецъ, я думаю, что васъ интересуетъ не четвертое измѣреніе, а скорѣе ваши издержки. Мы можемъ сосчитать все это. Если вы будете платить хорошему репетитору двадцать гульденовъ въ мѣсяцъ (цѣна большая) за часовой ежедневный урокъ,—часа достаточно, потому что мальчикъ за этотъ часъ сдѣлаетъ, ручаюсь, больше, чѣмъ за пять часовъ, проведенныхъ въ классѣ,—то вы будете платить за его науку полутораста гульденами больше,—я считаю черезчуръ много, но пусть такъ будетъ. Помноживъ полтораста на шесть, мы получимъ девятьсотъ гульденовъ,—разница огромная! Но на эти деньги кто-нибудь изъ нашихъ молодыхъ людей получитъ возможность существовать, а вашъ Ясь не будетъ принужденъ въ теченіе пяти часовъ ежедневно дышать затхлымъ воздухомъ классной комнаты, отравляться двойками, обманывать учителей, вывертываться, лгать, портить себѣ грудь, сердце и мозгъ. Вѣдь это не особенно дорого!... Кромѣ того, обратите вниманіе на то, что черезъ какіе-нибудь три года Ясь можетъ учиться самъ, пользуясь лишь указаніями благорасположенныхъ людей, которыхъ, въ концѣ концовъ, онъ найдетъ повсюду. Такимъ образомъ, онъ останется въ выигрышѣ, потому что пріучится къ самостоятельному умственному труду, а ваши издержки сократятся на половину. Далѣе, изъ оставшихся четырехсотъ пятидесяти гульденовъ вычтите стоимость обмундировки, безчисленнаго количества совершенно излишнихъ книгъ и доктора, который непремѣнно будетъ заглядывать къ вамъ,—и мы получимъ максимумъ триста. Если и ихъ у васъ не окажется, отпустите слугу, а Ясь, который на науку будетъ тратить въ половину меньше времени, можетъ смѣло чистить свою и вашу обувь и платье, подметать комнату, ставить самоваръ и присматривать за обѣдомъ. При такомъ соединеніи физическаго труда съ умственнымъ онъ, навѣрное, не только ничего не потеряетъ, но пріобрѣтетъ много практическихъ знаній, научится готовить кушанья,—вещь, къ которой нельзя относиться съ пренебреженіемъ, а разница между вашими теперешними и предполагаемыми издержками упадетъ ниже нуля. Такимъ образомъ, мальчикъ успѣетъ подготовиться къ экзамену зрѣлости и минуетъ одинъ изъ самыхъ скверныхъ этаповъ. Да, эта бумага необходима, какъ и другая, называемая дипломомъ. Хотя, кто знаетъ, стоитъ ли игра свѣчъ? Право! очень

можетъ быть, что непатентованный Ясь будетъ пользоваться меньшимъ заработкомъ, но развитой, неискаженный,—счастливецъ!—будетъ жить всею полностью своего существа и не позволитъ растратить и задушить ни одного элемента своей души. А Яся измученнаго, запуганнаго, препарированнаго по извѣстному рецепту жизнь вѣчно будетъ грызть и пожирать... Пожалуй, это черезчуръ сильно сказано,—жизнь вовсе не такъ свирѣпа,—она его сотретъ въ порошокъ, только медленно, какъ взаимно стираются два мельничныхъ жернова.

— Такъ вы совѣтуете мнѣ не посылать его въ школу? — вставила пани Марія.

— Я ничего не совѣтую,—живо прервалъ математикъ.—Я только считаю, причемъ предостерегаю васъ, что я вовсе не педагогъ, хотя бы мнѣ это и не мѣшало. Однако, я никогда не покушался на это, и, какъ мнѣ кажется, въ этомъ отношенiи поступалъ правильно. Можетъ ли быть рѣчь о какомъ-нибудь воспитанiи съ нашей стороны, если у меня нѣтъ ни малѣйшаго ручательства, что мои правила, моя воспитательная система, которую я буду проводить въ теченiе моего часа, не будутъ ниспровергнуты, а можетъ быть еще и оплеваны тѣмъ, кто послѣ пятиминутной перемѣны займетъ мое мѣсто на каѳедрѣ? А еслибъ среди насъ, учителей, царствовало полное единомыслiе, то и тогда наши усилiя были бы тщетными, потому что классъ слагается изъ разнообразнѣйшихъ типовъ и психическихъ организацiй, тогда какъ система и разныя правила должны были бы быть едиными и одинаково для всѣхъ обязательными. Вотъ я и не забавляюсь игрой въ воспитателя и не читаю морали,—нотабене: въ это время мальчишки смѣются за спиною говорящаго,—я стараюсь только быть добрымъ учителемъ, потому что имѣю право и нѣкоторую возможность объяснять одну и ту же вещь на разные манеры, соотвѣтственно съ развитiемъ каждаго изъ моихъ учениковъ. Воспитывать мы не можемъ,—самое большее, мы можемъ что-нибудь испортить,—воспитываетъ семья, или, вѣрнѣе, вы, матери, и, кромѣ того, товарищеская среда... Вамъ прямо идти?

— Да,—задумчиво отвѣчаетъ пани Марiя.

— Тогда пройдемъ еще немного вмѣстѣ. Товарищи—это въ воспитанiи элементъ необыкновенно важный, въ особенности для старшихъ мальчиковъ; къ счастью, ихъ могучее влiянiе почти всегда оказывается благопрiятнымъ. Въ теченiе десяти лѣтъ безъ очковъ, а остальныя десять лѣтъ въ очки я смотрю на жизнь и никогда еще не встрѣчался съ фактомъ, чтобы классомъ верховодилъ

мальчикъ испорченный и негодный. Вещь очень понятная, коль скоро и въ мірѣ взрослыхъ зло невольно принижается передъ тѣмъ, что возвышенно и прекрасно, безобразіе считаетъ обязательствомъ оправдываться передъ красотою, у эгоизма не хватаетъ отваги выступить открыто и поэтому онъ кроется подъ различными масками. Тѣмъ болѣе то же самое должно происходить въ міркѣ людей незрѣлыхъ, которые по своей природѣ благороднѣе насъ... Математикъ грустно покачалъ головою и еще разъ повторилъ: Да, гораздо благороднѣй!—и умолкъ.

Такимъ образомъ они прошли нѣсколько шаговъ, и только на заворотѣ улицы сѣдоватый мужчина остановился и спросилъ:

— Ну, теперь вамъ куда?

— Налѣво,—отвѣтила пани Марія.

— А мнѣ направо. Ну, пока я прощаюсь съ вами и осмѣливаюсь дать только одинъ совѣтъ: не отрѣшайте вашего мальчика отъ другихъ дѣтей, пусть онъ бѣгаетъ съ ними, играетъ въ мячъ, рветъ платье и собственную кожу; чѣмъ больше толчковъ онъ получитъ, тѣмъ лучше, а когда почувствуетъ желаніе, пусть придетъ ко мнѣ. Мы поговоримъ о дробяхъ. Я живу здѣсь,—нумеръ пятый.

Онъ неуклюже поклонился, а пани Марія, горячо пожавъ обѣ его руки, полная упованія, хотя и немного безпокойная, быстро помчалась домой.

На порогѣ она столкнулась съ сердитою Яновой.

— Что вы дѣлаете съ мальчикомъ?—съ упрекомъ спросила старая женщина.—Къ обѣду онъ не притронулся, сидитъ, бѣдняжка, какъ барсукъ въ углу. Нѣтъ у васъ сожалѣнія къ нему.

На глаза пани Маріи снова навернулись слезы. Она вошла въ комнату, вытащила Яся изъ угла и осыпала его сотней поцѣлуевъ. Мальчикъ вдругъ затрясся, какъ листъ, и страшно разрыдался.

— Ну, тише, тише!—шептала пани Марія, прижимая къ груди русую голову Яся.—Не плачь, не плачь!—повторяла она, рыдая вмѣстѣ съ сыномъ.

Неизвѣстно, сколько бы времени они плакали вмѣстѣ, еслибъ не вмѣшательство практичной Яновой, которая, отирая фартукомъ свои добрые глаза, рѣшительно произнесла:

— Я разогрѣю жареное, а вы извольте кушать, и все тутъ.

Предложеніе это было встрѣчено большимъ сочувствіемъ. Сынъ и мать сильно проголодались.

За столомъ пани Марія отдала Ясѣ краткій отчетъ въ своихъ исканіяхъ.

— Такъ-то, мой Ясь!—окончила она,—съ недѣлю ты отдохнешь, потомъ у тебя будетъ учитель... а у меня лишній часъ уроковъ,—добавила она про себя.

Ясь, удивленный, съ широко раскрытыми глазами, прислушивался къ словамъ матери, а лицо его озарилось радостью, смѣшанной съ любопытствомъ.

— Ну, теперь идемъ спать,—это намъ нужно обоимъ,—добавила пани Марія, цѣлуя сына.

Ясь началъ раздѣваться, но едва лишь залѣзъ подъ одѣяло, какъ лицо его омрачилось и онъ спросилъ у матери:

— Но за что онъ поставилъ мнѣ единицу?

— Ахъ, да!—отвѣтила пани Марія.—Мнѣ онъ говорилъ о чемъ-то, подожди, я вспомню... кажется *nego*.

— Такъ, *nego*, *nego*, мамочка!—подхватилъ Ясь, въ одной рубашкѣ сорвался съ постели, схватилъ словарь и началъ лихорадочно переворачивать страницы.

— *Nego, negavi, negatum, negare*,—глаголъ,—медленно, съ пристыженнымъ лицомъ, проговорилъ онъ,—значитъ: отрицаю, не соглашаюсь; говорю, что нѣтъ; протестую.

— Ну, по крайней мѣрѣ это слово мы хорошо будемъ помнить оба,—перебила пани Марія, уходя въ свою комнату.

— О, будемъ, мамочка!—съ силой проговорилъ Ясь—и, укладываясь въ постель, ожесточенно повторялъ: *nego, negavi, negatum, negare*.

Городъ мало-по-малу успокоивался, на небо выплыла ночь, ведя за собою милліоны звѣздъ, тишину и сонъ. Огромный дискъ мѣсяца выглянулъ изъ-за крышъ высокихъ домовъ и бросилъ узкій снопъ печальнаго свѣта въ окно тихаго домика.

— Спишь, мамочка?... Я не могу спать,—въ полголоса спросилъ Ясь.

Пани Марія также не спала... Оба они находились въ томъ странномъ состояніи утомленія и вмѣстѣ съ тѣмъ возбужденія, вызваннаго наплывомъ впечатлѣній, когда глаза сами слипаются, а уснуть никакъ невозможно, потому что въ головѣ тѣснятся тысячи отрывочныхъ мыслей и мимолетныхъ картинъ; и все это то сплетается вмѣстѣ, то разлетается врозь, какъ стая испуганныхъ голубей.

— Нѣтъ, не сплю,—вздыхаетъ пани Марія и рѣшается прибѣгнуть къ средству, которымъ всегда укрощала свою тревогу и не разъ усыпляла раскапризничавшагося Яся. Она поднялась съ постели, натянула на босыя, маленькія ножки войлочныя туфли,

накинула блузу и, окутанная каскадомъ русыхъ волосъ, приблизилась къ клавіатурѣ піанино.

Поплыли тихіе звуки... Что играла пани Марія, опредѣлить трудно: то было какое-то попури изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ мотивовъ, соединенныхъ удивительно краснорѣчивыми и грустными переходами. Ея игра не отличалась бѣглостью и техникой, но волновала обиліемъ чувства. То была какая-то тихая пѣснь, выливающаяся изъ глубины груди, а въ этой пѣснѣ слышалось безпомощное рыданіе заблудившагося въ лѣсу ребенка, тревожный пискъ птицъ, пробужденныхъ среди ночи заревомъ пожара, тоска истлѣвшихъ крестовъ, стоящихъ ня расходящихся дорогахъ. По временамъ казалось, что то звучитъ не піанино, что эти дрожащіе тоны идутъ изъ тонкихъ пальцевъ, изъ глазъ пани Маріи, льются съ ея русыхъ волосъ, сплываютъ со звѣздъ, усѣивающихъ небосклонъ...

А мѣсяцъ подымался все выше и выше и все болѣе яркимъ свѣтомъ заливалъ маленькую комнатку. Небо искрилось всѣмъ богатствомъ своихъ брилліантовъ, а млечный путь широкою лентой разстилалъ свой серебристый вуаль.

Ночь становилась все яснѣй и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все грустнѣй, и этой грусти вторили полные аккорды ноктюрна Шопена.

Тутъ мелодія ужъ такъ слилась съ ночью, что трудно было разобрать, что̀ играетъ ночь, что̀ пани Марія, гдѣ слышатся рыданія струнъ, гдѣ слезы звѣздъ.

И только, когда огромный, голубой метеоръ оторвался отъ небеснаго свода и тихо угасъ въ полетѣ надъ землей, простоналъ и послѣдній звукъ.

Пани Марія медленно встала, какъ сонная приблизилась къ постели сына и стала передъ ней на колѣна такъ, что ея длинные волосы смѣшались съ вязанкой золотистыхъ лучей мѣсяца, что лежали на полу.

Ясь спалъ спокойно, съ полуоткрытыми губами, съ длинными тѣнями, падавшими на его глаза отъ длинныхъ рѣсницъ. Вдругъ маленькая морщинка прорѣзала его матовый лобъ, губы сжались и, отчеканивая каждое слово, онъ сквозь сонъ проговорилъ отрывистымъ, глухимъ, беззвучнымъ голосомъ:

— *Nego*, *negavi*, *negatum*, *negare*,—отрицаю, протестую.

Пани Марія вздрогнула, какъ бы охваченная какимъ-то необъятнымъ страхомъ, потомъ, съ глазами полными слезъ, быстро наклонилась надъ сыномъ и закрыла ему уста горячимъ поцѣ-

луемъ, въ которомъ сразу растаяло воинственное настроеніе мальчика и лицо приняло обычное выраженіе спокойствія и меланхоліи.

Долго еще пани Марія всматривается въ дорогое для нея лицо, съ выраженіемъ такой задумчивости, какъ будто хотѣла бы отгадать по немъ будущее. На фонѣ ночи она и Ясь составляютъ такую прекрасную, печальную и гармоничную группу, что всѣ звѣзды, до которыхъ только что теперь долетѣли звуки мелодіи пани Маріи, спрашиваютъ другъ друга, не составляетъ ли она съ Ясемъ заколдованнаго, только что прозвучавшаго аккорда.

В. Л.

Народное образованіе въ Черниговской губерніи. *)

Въ Мглинскомъ уѣздѣ въ теченіе 6 лѣтъ послѣ введенія земскихъ учрежденій земство по народному образованію бездѣйствовало. Было, правда, намѣреніе открыть въ уѣздѣ 6 школъ и ассигновано на каждую по 150 р., но такъ какъ въ теченіе года этою ассигновкой никто не воспользовался, то 900 р. были зачислены въ общій остатокъ. Было еще въ это время два заявленія объ открытіи школъ: одно изъ нихъ отъ землевладѣльцевъ Б., предложившихъ отъ себя помѣщеніе и полное содержаніе школы и взявшихъ на себя безплатное обученіе въ ней; другое — отъ крестьянина, который нанялъ для дѣтей своихъ учителя, а затѣмъ къ нему присоединились еще 10 домохозяевъ для совмѣстнаго обученія дѣтей; этотъ крестьянинъ просилъ дать для этой школки руководство и пособіе. Собраніе, въ виду того, что «открытіе сельскихъ школъ предоставляется училищному совѣту», оба эти заявленія передало на его распоряженіе.

Въ собраніи 1871 г. гласный Л. заявилъ, что онъ открылъ въ своемъ домѣ школу, гдѣ преподаетъ священникъ, что обучается тамъ 125 душъ и что туда нуженъ особый учитель, съ жалованьемъ отъ земства. Заявленіе это было удовлетворено, и въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ пособіе этой школѣ въ 250 р. составляло единственный расходъ земства на сельскія школы.

Въ 1875 г. было 3 земскихъ школы и еще получали пособіе отъ земства 1 частная и 1 церковно-приходская. Расходовало земство на всѣ эти школы 950 р. въ годъ. Учащихся въ нихъ было 250 (въ одной изъ нихъ 136). Сельскаго населенія считалось тогда 94,754 д.; слѣдовательно, одна школа, съ среднимъ числомъ учащихся въ 50 д., приходилась на 18,950 жителей.

До 1887 г. разсматривался собраніемъ цѣлый рядъ ходатайствъ сельскихъ обществъ объ открытіи школъ. Большинство изъ этихъ ходатайствъ удовлетворялось, но было не мало и случаевъ отказа, когда ходатайство было отъ поселенія, въ сосѣдствѣ съ которымъ, не далѣе 4 верстъ, была уже школа. Въ этотъ періодъ образовался уже школьный фондъ уѣзднаго земства, путемъ начисленія для этого $^1/_4$% на суммы сборовъ съ земель и торговыхъ документовъ. Изъ этого фонда выдавались ссуды, а иногда

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1897 г.

и субсидіи на постройку и ремонтъ школьныхъ домовъ. Жалованье учителямъ было значительно больше, чѣмъ во многихъ другихъ уѣздахъ: учителя получали 300 руб., а помощники ихъ—180 руб. Расходъ на земскіе школы въ 1886 г. дошелъ уже до 9,737 р., да въ пособіе министерскимъ и городскимъ училищамъ ассигновано было 650 р. Такой размѣръ расхода смутилъ земское собраніе, и оно постановило: «Съ цѣлью устраненія въ будущемъ расходовъ на открытіе школъ безъ насущной потребности (?) и въ виду могущихъ увеличиться расходовъ земства до крайняго обремененія, разъяснить сельскимъ обществамъ, что впредь земство будетъ платить учителямъ только по 250 р. и давать учебныя пособія, а общества должны будутъ добавлять учителямъ до 300 р. и платить законоучителямъ».

Собранію 1887 г. былъ доложенъ довольно обстоятельный отчетъ о положеніи народнаго образованія въ уѣздѣ. Вотъ главнѣйшія данныя изъ этого отчета: расходъ земства на школы достигалъ 9,934 р., что составляло 18% общей смѣты расходовъ. Школъ было 23. Учившихся въ нихъ было 1,430. По отношенію ко всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста число это составляло 9,05%, а по отношенію ко всему сельскому населенію мужского пола — 2,83%. Распредѣленіе школъ было крайне неравномѣрно: въ одной волости изъ числа дѣтей школьнаго возраста учащихся было 40%, а въ остальныхъ этотъ процентъ былъ отъ 6,3 до 19. Стоимость одного учащагося колебалась отъ 5 р. до 12 р. 80 к., а одного окончившаго школу отъ 41 р. 30 к. до 133 р. Всѣ школы имѣли отдѣльныя помѣщенія, изъ коихъ 10 устроены на счетъ земства. Собраніе, по докладу управы, увеличило расходъ на учебныя пособія для школъ до 36 р. на каждую и ассигновало 150 р. на поѣздки членовъ училищнаго совѣта для ревизіи школъ, такъ какъ надзоръ за ними признанъ недостаточнымъ.

Въ 1888 г. расходъ земства на школы увеличился до 12,200 р. При такомъ же числѣ школъ, учащихся было 1,790, а окончило школы 151. Изъ подробнаго отчета о состояніи школъ управа вывела слѣдующія предложенія: въ трехъ школахъ, гдѣ число учащихся незначительно, окладъ учителей понизить до 200 р.; вмѣсто помощниковъ учителей, которые требуются для нѣсколькихъ школъ, назначать лучшихъ изъ окончившихъ школы, что̀ обойдется гораздо дешевле; для поселеній, гдѣ нѣтъ школъ, учреждать дешевыя школы грамоты: при расходѣ въ 10 руб. въ мѣсяцъ на вознагражденіе учителя за 7 рабочихъ мѣсяцевъ и въ 30 р. на учебныя пособія и при участіи обществъ въ этомъ расходѣ, земство можетъ давать на эти школы по 50 р. въ годъ. Предложенія эти приняты и для вознагражденія проектируемыхъ помощниковъ учителей, а также на расходы по открытію школъ грамоты ассигновано 1,170 р. Кромѣ того, назначено 100 р. для организаціи при 5 школахъ продажи книгъ для чтенія.

Въ 1895 г. въ Мглинскомъ уѣздѣ было 26 сельскихъ школъ. Расходовалось на нихъ 14,706 р. Кромѣ того, въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты ассигновано было 1,765 р., а городскимъ и министерскимъ училищамъ—650 р.

Нѣсколько иную картину представляетъ исторія развитія школъ въ Козелецкомъ уѣздѣ. Это—уѣздъ южный, граничащій съ Полтавскою губерніей и по условіямъ почвеннымъ и экономическимъ стоящій гораздо выше описанныхъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи. Отличіе этого уѣзда отъ послѣднихъ еще и въ томъ, что населеніе его живетъ болѣе крупными поселками.

Въ первые годы и здѣсь земство относилось очень нерѣшительно къ дѣлу народнаго образованія. Ознакомленіе управы съ существовавшими школами показало, что «преподаваніе въ нихъ идетъ весьма неуспѣшно; наставники, по большей части изъ мѣстнаго причта, не выказываютъ ни малѣйшаго усердія въ преподаваніи, потому что обязываются преподавать даромъ; родители, видя неуспѣхъ ученія, съ неохотою посылаютъ дѣтей своихъ въ школу». Въ то же время члены управы, при опросѣ на волостныхъ сходахъ, убѣдились, что «вообще крестьяне сочувствуютъ дѣлу народнаго образованія и что они съ величайшею охотой готовы предоставить необходимое для школъ помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и прислугу и просятъ лишь земство снабдить ихъ наставниками и учебниками». Докладывая объ этомъ въ 1867 г. собранію, управа заявила, что 800 руб., ассигнованные въ предыдущемъ году въ пособіе школамъ по указанію училищнаго совѣта, остались совсѣмъ неизрасходованными. Ограничиваться поощреніемъ наличныхъ школъ, заключила управа, значитъ недалеко уйти отъ опыта нынѣшняго года; нужно, чтобы земство взяло непосредственно на себя открытіе школъ, договорило учителей и наблюдало за ходомъ дѣла. «Участіе одного училищнаго совѣта не можетъ, по самому его характеру, быть вполнѣ дѣйствительнымъ; совѣтъ нерѣдко дѣйствуетъ отрицательно: онъ одобряетъ учителей и лишаетъ ихъ права обучать, если замѣтитъ вредное направленіе въ ихъ ученіи, но онъ не въ силахъ ни предупредить закрытіе школы, ни вселить преподавателю усердіе, ни убѣдить родителей посылать дѣтей въ школу. Дѣло это должно быть въ рукахъ учрежденія, дѣйствующаго постоянно и имѣющаго въ своемъ распоряженіи всѣ способы двигать его болѣе или менѣе успѣшно». Управа на первый разъ предложила открыть въ уѣздѣ 12 сельскихъ школъ, назначивъ имъ отъ земства отъ 60—100 руб. Собраніе постановило открыть только двѣ школы, назначивъ на устройство ихъ 700 руб., на учебныя пособія 200 р. на расширеніе существующихъ школъ и награды учителямъ 400 руб., а всего 1,300 р. Суммы эти рѣшено передавать въ распоряженіе училищнаго совѣта, и членамъ совѣта отъ земства ассигновано 200 р. на разъѣзды по школамъ. Но въ 1871 г. завѣдываніе школами въ хозяйственномъ отношеніи возложено на управу, а училищному совѣту предоставлено только наблюденіе за преподаваніемъ въ нихъ.

Увеличеніе училищъ въ слѣдующіе годы шло довольно быстро, и въ 1875 году ихъ было уже 18; кромѣ того, одно содержалось на частныя средства и одно городское получало пособіе отъ земства. Помѣщенія вездѣ были устроены и содержались сельскими обществами. Школы были снаб-

жены учебными пособіями, глобусами и проч., всѣхъ пособій по инвентарю числилось 609; школьныя библіотеки заключали въ себѣ до 6,000 книгъ. Училось въ этихъ школахъ 884 д. обоего пола, что на населеніе уѣзда въ 93,000 душъ составляетъ около 1%. Расходовало земство на эти училища только 5,000 р.

Въ 1878 г. былъ возбужденъ вопросъ объ установленіи дѣйствительнаго надзора за школами. Собранію доложено, что члены училищнаго совѣта, занятые другими обязанностями, не въ силахъ слѣдить за ходомъ дѣла въ школахъ. Не можетъ часто посѣщать школъ и инспекторъ народныхъ училищъ, дѣятельность котораго распространяется на 4 уѣзда. Вопросъ этотъ разрѣшился собраніемъ только въ 1882 году: постановлено учредить для уѣзда должность особаго инспектора народныхъ училищъ. На должность эту пригласить лицо съ высшимъ образованіемъ, назначивъ ему въ жалованье съ разъѣздами 1,500 руб. Выборъ кандидата на эту должность предоставить управѣ, по соглашенію съ предводителемъ дворянства и училищнымъ совѣтомъ. Избранное лицо утверждается попечителемъ округа въ смыслѣ повѣрки его правъ на занятіе должности. Должность эту, въ видѣ опыта, учредить на три года. Результатъ ходатайства объ этомъ оказался неудовлетворительнымъ: министерство народнаго просвѣщенія отклонило это ходатайство, въ виду того, что должность предполагается учредить на срокъ, а не постоянную, что не назначено денегъ на разъѣзды и что порядокъ назначенія установленъ не сообразный съ закономъ. Собраніе, послѣ этого отвѣта, постановило не учреждать этой должности.

Въ 1890 г. собраніе установило окладъ жалованья учителю въ 240 руб., а помощнику въ 180 р. и по каждой должности назначило по истеченіи 5 лѣтъ прибавки по 20%, причемъ эти прибавки могутъ быть получаемы однимъ лицомъ только 3 раза.

Участіе свое въ содержаніи школъ земство обусловило тѣмъ, чтобъ общества сами строили школу и давали на содержаніе помѣщенія 120 р. Этотъ нормальный размѣръ для многолюдныхъ селъ, съ болѣе обширными школами, увеличивался до 150 р., а для малолюдныхъ понижался иногда до 60 руб. Несмотря на такія условія, ходатайства обществъ объ открытіи новыхъ школъ поступали довольно часто: въ 1886 г. уже была 31 земская школа. Учащихъ въ этихъ школахъ было 37; изъ нихъ 9 съ педагогическимъ образованіемъ, 14 окончившихъ среднія учебныя заведенія и 14 получившихъ право обученія по особому испытанію. Учившихся было 1,972, а окончившихъ 197. Расходъ земства на содержаніе этихъ школъ былъ около 16,000 р.

Путемъ начисленія небольшого процента на земскіе сборы козелецкое земство образовало особый школьный фондъ, изъ котораго выдавались сельскимъ обществамъ безпроцентныя ссуды, а иногда и субсидіи на постройку школъ. Субсидіи эти достигали до 2,000 р. на одну школу. Ихъ выдано 6,200 руб. Но въ 1890 г. этотъ фондъ составлялъ всего 7,000

слишкомъ руб., и собраніе рѣшило прекратить выдачу субсидій, а помогать обществамъ только ссудами.

Совершенно своеобразно поставило козелецкое земство вопросъ о пособіи школамъ грамоты и церковно-приходскимъ: въ виду неоднократныхъ ходатайствъ духовенства о помощи этимъ школамъ, оно постановило, что за каждаго ученика церковно-приходской школы, выдержавшаго выпускной экзаменъ и получившаго свидѣтельство на льготу по отбыванію воинской повинности, земство выдаетъ 6 руб., причемъ объ экзаменахъ въ этихъ школахъ обязательно должны быть извѣщаемы члены училищнаго совѣта отъ земства и земская управа, а за каждаго ученика школы грамоты, выдержавшаго установленный экзаменъ для перваго года обученія въ начальномъ училищѣ, выдается 3 р., причемъ экзамены въ этихъ школахъ должны производиться членами училищнаго совѣта, которые и сообщаютъ управѣ списки выдержавшихъ. Вознагражденіе выдается непосредственно учителямъ.

Въ 1895 г. въ Козелецкомъ уѣздѣ было 33 земскихъ школы и земство затрачивало на нихъ 19,492 руб., да въ пособіе школамъ церковно-приходскимъ и грамоты назначало 500 р.

Изложивъ краткую исторію отношенія земства къ дѣлу народнаго образованія въ трехъ уѣздахъ, я ограничусь теперь сообщеніемъ размѣра расходовъ уѣздныхъ земствъ въ 1887 году на это дѣло, причемъ относительно тѣхъ уѣздовъ, по которымъ цифры расходовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе, я сдѣлаю необходимыя комментаріи изъ журналовъ земскихъ собраній.

Уѣзды.	Назначено по смѣтѣ на низшее народное образованіе.	Процентное отношеніе этой ассигновки къ общей суммѣ расходовъ.
Борзенскій	25,527 р.	25,4%
Остерскій	18,499 »	22,7%
Козелецкій	17,502 »	21,8%
Черниговскій	16,043 »	18,8%
Сосницкій	15,815 »	22,6%
Нѣжинскій	15,005 »	19,2%
Глуховскій	14,099 »	15,0%
Конотопскій	13,020 »	15,4%
Мглинскій	11,650 »	21,0%
Новозыбковскій	11,630 »	10,6%
Кролевецкій	11,020 »	17,0%
Суражскій	10,195 »	9,0%
Стародубскій	7,800 »	13,3%
Городницкій	7,029 »	13,6%
Новгородъ-Сѣверскій	4,225 »	6,3%
Всего	199,059 р. *)	

*) Кромѣ этого, уѣздныя земства на 1887 г. ассигновали въ пособіе среднимъ учебнымъ заведеніямъ 40,900 р., изъ коихъ на долю одного Глуховского уѣзда приходится 20,344 р.

На 1886 г. по Новгородъ-Сѣверскому уѣзду назначено было отъ земства на нужды народнаго образованія еще меньше, всего 3,450 р. Губернскій училищный совѣтъ обратилъ вниманіе на плохое состояніе школьнаго дѣла въ уѣздѣ и черезъ уѣздный совѣтъ просилъ земское собраніе увеличить ассигновку на народныя училища. Журналъ засѣданія земскаго собранія, когда разсматривалось это ходатайство, представляетъ очень любопытныя данныя: управа доложила, что ассигнованная сумма распредѣляется на 26 школъ; въ одной изъ нихъ учителю дается жалованья 180 р., въ одной 165 р., въ трехъ по 145 р., въ одной 130 р., въ двухъ по 125 р., въ одной 120 р., въ двѣнадцати по 100 р., въ двухъ по 85 р., въ двухъ по 60 р. и въ двухъ по 25 р. въ годъ; законоучителямъ дается вознагражденіе отъ 25 до 60 р. въ годъ, а всего на это расходуется 720 р.; наконецъ, въ 9 школахъ дается отъ земства по 17 р. жалованья сторожамъ, всего 153 р. Деньги эти расходуются не управой, а уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Къ этой суммѣ добавляются отъ сельскихъ обществъ различныя доли на содержаніе школъ. Всего ассигновано ими, съ добавленіемъ пособія на двѣ школы отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, 2,316 р. При этомъ управа объяснила, что пособія отъ обществъ поступаютъ очень неисправно, и многія общества, постановивъ приговоры объ участіи школъ, черезъ нѣкоторое время отказываются отъ выполненія своихъ обязательствъ.

Одинъ изъ членовъ мѣстнаго училищнаго совѣта, въ виду «плачевнаго состоянія народныхъ училищъ», предложилъ къ расходуемой суммѣ доассигновать 2,700 р., чтобы въ каждой школѣ давать учителю 180 р., законоучителю 40 р. и на учебныя пособія 26 р. Но собраніе, держась установленнаго имъ принципа, что «земство только приходитъ на помощь, когда общества сами устроятъ помѣщенія для училищъ, обезпечатъ ихъ отопленіемъ и возможною по средствамъ общества суммою на содержаніе учителей», добавило на нужды школъ только 575 р.

Такое пассивное отношеніе къ народному образованію, въ значительной степени установившееся и въ другихъ уѣздахъ, объясняется, какъ и вездѣ, составомъ земскихъ собраній. Въ каждомъ почти уѣздѣ среди гласныхъ найдется нѣсколько лицъ, горячо сочувствующихъ живому земскому дѣлу и энергично желающихъ его развитія и движенія впередъ. Но эта энергія остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ среди большинства, заботящагося только о сокращеніи земскихъ расходовъ и совершенно своеобразно понимающаго общественные интересы, какъ это видно по приведеннымъ выдержкамъ изъ постановленій суражскаго земства. Большинство живыхъ элементовъ въ составѣ земскихъ собраній представляетъ рѣдкое явленіе. Но и при меньшинствѣ такихъ элементовъ дѣятельность земствъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нашей губерніи является отраднымъ исключеніемъ, когда во главѣ дѣла стоятъ просвѣщенные передовые люди, своимъ авторитетомъ поддерживающіе это меньшинство и

оживляющіе земское дѣло. Я считаю долгомъ отмѣтить уважаемыя имена такихъ лицъ. Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда тамъ былъ предводителемъ дворянства кн. Н. Д. Долгоруковъ, несмотря на то, что этотъ уѣздъ—одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ губерніи по своимъ платежнымъ силамъ, школьное дѣло такъ двинулось впередъ, что теперь этотъ уѣздъ является однимъ изъ первыхъ по обстановкѣ и дѣятельности школъ: въ короткое время устроено не мало прекрасныхъ школьныхъ помѣщеній; образованъ значительный училищный фондъ; размѣръ жалованья учителямъ доведенъ до нормы, гораздо большей, сравнительно съ большинствомъ другихъ уѣздовъ; устроены при школахъ библіотеки; ведутся при нихъ народныя чтенія и т. п. Въ Мглинскомъ уѣздѣ, еще болѣе бѣдномъ по своимъ почвеннымъ и экономическимъ условіямъ, школьное дѣло поставлено гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, обладающихъ гораздо большими средствами для его улучшенія. Этимъ уѣздъ болѣе всего обязанъ просвѣщенной дѣятельности своего бывшаго предводителя Д. Я. Дунинъ-Барковскаго и его преемника М. В. Рославца.

Но удачнѣе всего поставлено было вначалѣ и развивалось впослѣдствіи школьное дѣло въ Борзенскомъ уѣздѣ. Тамъ скоро послѣ введенія земскихъ учрежденій выдающимся значеніемъ пользовались предсѣдатель управы М. А. Имшенецкій (давно уже умершій) и гласные братья Волкъ-Карачевскіе *), а затѣмъ И. И. Петрункевичъ. Благодаря просвѣщенной энергіи этихъ лицъ и тому, что борзенское земство, путемъ дополнительнаго сбора съ предметовъ обложенія, скоро образовало значительный фондъ на народное образованіе, школы въ этомъ уѣздѣ начали распространяться быстрѣе и обставляемы были лучше. Хотя въ Борзенскомъ уѣздѣ были впослѣдствіи разныя вѣянія,—но если школьное дѣло сразу поставлено хорошо, то само населеніе знаетъ ему цѣну и настаиваетъ на его развитіи. Этимъ и объясняется, что этотъ уѣздъ, какъ видно изъ приведенной таблицы, уже 10 лѣтъ назадъ въ развитіи школьнаго дѣла стоялъ гораздо выше прочихъ уѣздовъ, превосходя нѣкоторые изъ нихъ въ 4 и даже болѣе чѣмъ въ 6 разъ.

Прежде, чѣмъ подвести итоги о состояніи народнаго образованія за 1895 годъ, я считаю необходимымъ сообщить о выдающихся постановленіяхъ уѣздныхъ собраній за тотъ годъ по школьному дѣлу.

Въ борзенскомъ собраніи управа доложила, что одною изъ главнѣйшихъ заботъ земства было назначеніе на учительскія должности въ народныхъ школахъ лицъ, наиболѣе способныхъ, по воспитанію и нравственному развитію, вести дѣло обученія и воспитанія дѣтей. Но мѣстная учебная администрація (инспекторъ училищъ и училищный совѣтъ) болѣе, чѣмъ когда-либо, стремятся устранить земскія учрежденія отъ принятія участія въ этой заботливости.

---

*) Одинъ изъ нихъ и теперь состоитъ предсѣдателемъ борзенской управы.

Въ прошлую сессію борзенское земское собраніе постановило допускать лицъ къ учительскимъ должностямъ «послѣ конкурснаго испытанія», т.-е. по сравненію достоинствъ ихъ пробныхъ уроковъ. Училищный совѣтъ и директоръ народныхъ училищъ, въ виду объясненія инспектора, что «послѣ конкурснаго испытанія», значитъ—«послѣ переэкзаменовки», нашли исполненіе постановленія собранія неудобнымъ. Когда предсѣдатель управы лично разъяснилъ директору, въ чемъ дѣло, послѣдній выразилъ полное одобреніе такому пріему при замѣщеніи учителей. Несмотря на это, инспекторъ не только не исполняетъ этого пріема, но въ опредѣленіи учителей, при помощи училищнаго совѣта, почти всегда совершенно устраняетъ управу, вопреки закону, отъ всякаго участія. При этомъ управою указано нѣсколько случаевъ назначенія инспекторомъ учителей, помимо управы, причемъ назначено нѣсколько лицъ, получившихъ право на учительство по испытанію, тогда какъ были кандидаты съ полнымъ семинарскимъ и гимназическимъ образованіемъ. Указано и нѣсколько случаевъ перемѣщеній, безъ вѣдома управы: наприм., учитель одной школы, имѣющій въ томъ же селѣ свой домъ, и учитель другой школы, обученный на счетъ земства садоводству и устроившій при школѣ питомникъ, получили отъ инспектора, за нѣсколько дней до Пасхи, предписаніе немедленно обмѣняться мѣстами, несмотря на то, что приближались экзамены, которые неудобно производить при учителяхъ, незнакомыхъ ученикамъ, и не принимая во вниманіе, что оба эти учителя были хвалимы экзаменаторами и объ оставленіи ихъ на мѣстахъ хлопотали сельскія общества.

Собраніе постановило: ходатайствовать о возстановленіи для земства, какъ учредителя школъ, нарушеннаго инспекторомъ права участія въ выборѣ учителей и о томъ, чтобы земству представлено было право замѣщать кандидатовъ на эти должности по оцѣнкѣ ихъ пробныхъ уроковъ лицами, назначенными земствомъ и учебною администраціей.

По отношенію къ церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты состоялся въ 1895 г. цѣлый рядъ не лишенныхъ интереса постановленій земскихъ собраній.

Въ конотопскомъ собраніи предсѣдатель его доложилъ, что школа въ с. В., «вслѣдствіе открытія тамъ школы грамотности и усиленнаго противодѣйствія со стороны мѣстнаго священника», въ прошломъ году совсѣмъ не посѣщалась учениками, и мѣстное общество проситъ о закрыіи земской школы. Предсѣдатель, считая такое закрытіе не желательнымъ и находя, что жалованье учителю этой школы въ 150 р. слишкомъ недостаточно, предположилъ увеличить его до 300 рублей. Собраніе приняло это предложеніе.

Въ новозыбковскомъ собраніи разсматривалось такое дѣло: въ с. В. устроенъ былъ обществомъ, при помощи ссуды отъ земства, училищный домъ. Общество обратилось въ управу съ просьбой открыть въ немъ занятія, представивъ обязательство о взносѣ необходимой суммы на хозяй-

ственныя нужды школы. Затѣмъ, отъ мѣстнаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта поступило заявленіе, что въ томъ же селѣ есть церковно-приходская школа. Предсѣдатель управы произвелъ по этому поводу дознаніе на мѣстѣ, и крестьяне, а также и мѣстный священникъ засвидѣтельствовали, что въ этомъ селѣ «никакой школы нѣтъ и никакого обученія грамотѣ не происходитъ». Собраніе постановило: открыть въ с. В. земскую школу, а епархіальное начальство увѣдомить, что такъ какъ тамъ 1,620 душъ населенія и 326 дѣтей школьнаго возраста, то это не исключаетъ возможности существованія тамъ и церковно-приходской школы.

Ассигновано въ этомъ уѣздѣ отъ земства на церковно-приходскія школы и на школы грамоты по 40 р. на каждую, всего 800 р.

Въ Борзенскомъ уѣздѣ отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта, заявивъ, что въ уѣздѣ есть 6 церковно-приходскихъ школъ и 16 школъ грамоты, просило увеличить имъ пособія отъ земства, но земское собраніе ассигновало 200 р. только на пособія церковно-приходскимъ школамъ.

Въ Мглинскомъ уѣздѣ, наоборотъ, назначено по 36 р. въ пособіе только школамъ грамоты.

Въ глуховскомъ собраніи представитель духовенства произнесъ рѣчь, что «въ уѣздѣ 8 церковно-приходскихъ школъ съ программой гораздо шире, чѣмъ въ земскихъ школахъ, и съ прекраснымъ контингентомъ преподавателей, какъ въ нравственномъ, такъ и въ образовательномъ отношеніи», и 27 школъ грамоты, также хорошо поставленныхъ; что школы эти «не могутъ развить своей плодотворной дѣятельности за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ», хотя и въ настоящее время число учащихся въ нихъ превышаетъ 800 человѣкъ, и, въ заключеніе, выразивъ надежду, «что церковь и общество, забывъ всякую партійность, рука объ руку пойдутъ на борьбу съ наступающимъ врагомъ, который есть народное невѣжество», просилъ увеличить субсидію этимъ школамъ.

Собраніе, принявъ во вниманіе, съ одной стороны, что для сельскихъ школъ духовнаго вѣдомства ассигнована крупная правительственная субсидія, а съ другой, что болѣе многолюдныхъ поселеній въ уѣздѣ 86, а земскихъ школъ 44, и «было бы желательно, чтобы во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ школъ, были устроены церковно-приходскія и школы грамоты»,— постановило отпускать для такихъ селъ по 50 р. на церковно-приходскую школу и по 25 р. на школу грамоты, при условіи представленія земскому собранію отчета объ употребленіи этихъ суммъ и контроля надъ этими школами со стороны земства. Мотивомъ къ тому, чтобы возложить дальнѣйшее распространеніе школъ въ уѣздѣ на духовенство, указано, что средства земства на дѣло образованія достаточно исчерпаны (нужно припомнить, что бо́льшая половина ассигновки уѣзднаго земства на это дѣло, т.-е. болѣе 20 т. р., отдается на среднее образованіе).

Не могу не привести здѣсь прошенія уполномоченныхъ общества с. Полковничьей Слободы, Глуховскаго у., объ открытіи у нихъ школы губернск.

земствомъ. Уполномоченные отъ общества пишутъ, что еще въ 1889 г. они обращались въ уѣздное собраніе о выдачѣ имъ ссуды на общемъ основаніи на постройку школы, но собраніе въ этомъ отказало, «такъ какъ у насъ существуетъ какая-то церковно-приходская школа». «Въ первый разъ тогда довелось намъ услышать, что у насъ уже есть такая школа,—продолжаютъ они;—никакого училища мы у себя не имѣли и теперь не имѣемъ. Только то и было, что дочь нашего священника учила грамотѣ нѣкоторыхъ нашихъ ребятъ. Да и не долго занималась она. Вмѣсто нея за обученіе взялся одинъ изъ ея учениковъ. Послѣ того, какъ собраніе отказало намъ въ школѣ, нѣкоторымъ изъ хозяевъ пришлось по-неволѣ посылать своихъ ребятъ на выучку къ этому учителю, чтобы хотя читать научились. Наняли для этого двѣ тѣсныхъ хаты; учителю же платили по 40—50 к. съ ученика, да еще по 10 кулей соломы. Да немногіе захотѣли посылать туда дѣтей: ходятъ ребятишки по нѣскольку зимъ, а только и пользы, что разбирать книжку научатся, да имя свое кое-какъ нацарапать. Выходитъ такъ, что времени тратятъ много, да сапоги изнашиваютъ, а толку отъ этого мало, — не то, что въ земской школѣ». Далѣе, уполномоченные пишутъ, что они снова обращались въ уѣздное собраніе съ просьбой открыть у нихъ земскую школу, но, вмѣсто удовлетворенія этой просьбы, собраніе ассигновало 50 р. въ пособіе церковно-приходской школѣ. «Послѣ собранія нашъ батюшка и другіе батюшки, наѣзжающіе къ намъ по поводу устройства церковно-приходской школы, стали усиленно добиваться нашего согласія устроить такую школу, а земскій начальникъ заявилъ, что если мы не устроимъ зданія для церковной школы, то останемся безъ всякой школы, такъ какъ земской школѣ у насъ не бывать. Мы же согласны скорѣе остаться безъ всякой школы, чѣмъ тратиться на церковно-приходскую, такъ какъ по опыту знаемъ, что въ тѣхъ селахъ, гдѣ есть земскія школы, крестьянскія дѣти обучаются грамотѣ за самое короткое время, посѣщаютъ школу охотно, не забываютъ книжки; а о церковно-приходскихъ школахъ до сихъ поръ мы слыхали только отъ батюшки, а проку отъ нихъ еще не видали». Уполномоченные такъ заканчиваютъ свое прошеніе: «Послѣ того, какъ уѣздное земство отреклось отъ насъ, остается намъ просить губернское земство *зглянуться* на наше положеніе, на то, что мы рады для обученія своихъ ребятъ затратить наши послѣдніе гроши, лишь бы дали намъ ту школу, какой мы добиваемся уже седьмой годъ. Если же и губернское земское собраніе откажетъ въ просимой помощи,—значитъ, намъ не суждено уже обзавестись земской школой, а дѣтямъ нашимъ быть грамотными».

Этотъ интересный документъ, существенныя мѣста котораго я привелъ дословно, вполнѣ можетъ характеризовать общее положеніе церковныхъ школъ и отношеніе къ нимъ населенія.

Я могъ бы привести еще рядъ случаевъ, когда числящіяся по вѣдомостямъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, но вовсе не существующія

въ дѣйствительности церковно-приходскія школы являлись препятствіемъ къ открытію земскихъ школъ, и нужно было много усилій и большой потери времени, чтобы устранять эти препятствія. Но всѣ эти случаи болѣе или менѣе однообразны.

Въ остерскомъ уѣздномъ собраніи представитель духовенства доложилъ, что въ уѣздѣ есть 17 церковно-приходскихъ школъ и 31 школа грамотности *). Изъ нихъ 10 школъ не имѣютъ никакихъ средствъ для содержанія, 15 пользуются содержаніемъ отъ 4 до 25 р., 4—отъ 25—50 р., 18—отъ 50 до 100 р. и одна 240 р. Докладчикъ, выразивъ увѣренность, что «и при такомъ печальномъ положеніи эти школы все-таки приносятъ не малую пользу уѣздному населенію, вызывая къ себѣ народныя симпатіи своею церковною стороной жизни (?),—этимъ тихимъ пристанищемъ всякой души, обуреваемой волнами житейскаго моря»,—просилъ «гуманное земское собраніе», вмѣсто назначавшихся 200 р., ассигновать въ пособіе церковнымъ школамъ, по крайней мѣрѣ, 500 р. Но собраніе, въ виду крупнаго пособія этимъ школамъ отъ правительства, оставило прежнюю ассигновку.

Вообще, ассигновки большинства уѣздныхъ собраній въ 1895 г. на церковныя школы не были очень щедры: за исключеніемъ Глуховскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ, о которыхъ уже сказано, Сосницкаго, назначившаго этимъ школамъ 850 р., и Суражскаго, ассигновавшаго имъ 1,300 р., въ остальныхъ уѣздахъ на школы эти или вовсе не внесено ничего въ смѣту, или внесены очень незначительныя суммы **).

Губернское земство прежде почти не принимало участія въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. Въ послѣдніе же годы оно установило рядъ мѣръ для поднятія сельскихъ школъ и положенія учителей въ матеріальномъ отношеніи и для содѣйствія вообще умственному развитію учащихся и грамотнаго населенія въ селахъ. По большей части мѣры эти губернское земское собраніе предположило осуществлять совмѣстно съ уѣздными земствами. Я упомяну здѣсь вкратцѣ какъ объ этихъ мѣрахъ, такъ и о томъ, какъ отнеслись въ 1895 г. уѣздныя собранія къ приглашенію губернскаго земства принять участіе въ ихъ осуществленіи.

Въ виду того, что въ большинствѣ уѣздовъ жалованье сельскихъ учителей очень незначительно, а ихъ помощниковъ еще меньше, несмотря на то, что трудъ помощниковъ часто бываетъ больше, такъ какъ они обыкновенно занимаются съ младшими, самыми многолюдными группами,—губернское земское собраніе просило уѣздныя, не найдутъ ли они возмож-

---

*) Насколько вообще можно полагаться на такія цифры, показываетъ примѣръ Стародубскаго уѣзда. Тамъ, по свѣдѣніямъ епарх. учил. совѣта, числилось 44 школы грамоты, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ управою отъ волостныхъ правленій, этихъ школъ было 20.

**) Въ 1895 г. всѣхъ церковно-приходскихъ школъ *числилось* въ губерніи 113, а школъ грамоты—453.

нымъ увеличить учительскіе оклады и назначать одинаковое жалованье учителямъ и помощникамъ. Пять уѣздовъ отнеслись къ этому предложенію отрицательно,—одни, ссылаясь на недостатокъ средствъ, а другіе, находя существующее вознагражденіе за учительскій трудъ достаточнымъ. Нужно замѣтить, что въ этихъ именно уѣздахъ учительскіе оклады самые скудные: наприм., въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ учителя, за вычетомъ 12 р. въ фондъ эмеритальной кассы, получаютъ 188 р., а помощники—138 руб. въ годъ. Нѣкоторые уѣзды объяснили, что установленные ими оклады, съ процентными прибавками за выслугу, можно считать достаточными, наприм., въ Нѣжинскомъ уѣздѣ окладъ съ прибавками доведенъ до 400 р. Остальные же уѣзды, отнесясь сочувственно къ предложенію губернскаго земства, или непосредственно сдѣлали небольшія прибавки къ жалованью учителей, или отсрочили ихъ до разрѣшенія вопроса о выдѣленіи на нужды народнаго образованія части капитала, оставленнаго въ распоряженіи земства на улучшеніе дорогъ, послѣ отнесенія на счетъ казны содержанія мѣстныхъ административно-судебныхъ учрежденій.

Для пособій нуждающимся учителямъ губернское земское собраніе постановило учредить вспомогательную кассу. Въ первоначальный фондъ этой кассы оно ассигновало 3,000 р., пригласивъ и уѣздныя собранія внести въ этотъ фондъ такую же сумму, по 200 р. отъ уѣзда. За исключеніемъ Глуховскаго уѣзда, безусловно отклонившаго приглашеніе губернскаго земства, и еще двухъ уѣздовъ, отказавшихся участвовать въ образованіи фонда потому, что у нихъ есть свои вспомогательныя кассы для земскихъ служащихъ, всѣ остальныя уѣздныя собранія согласились на предложеніе губернскаго земства.

Еще одинъ видъ помощи учителямъ установило губернское земство: изъ образованнаго имъ фонда для безпроцентныхъ ссудъ сельскимъ обществамъ на постройку школъ оно рѣшило давать такія же ссуды, въ размѣрѣ до 300 р. на школу, на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ для школъ, не менѣе полудесятины на каждую. При этомъ, конечно, имѣлось въ виду, что воздѣлываніе этихъ участковъ будетъ нѣкоторымъ подспорьемъ для учителей, а устройство на нихъ плодовыхъ питомниковъ и т. п. будетъ понемногу распространять полезныя знанія въ населеніи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этимъ постановленіемъ никто не пользовался, и козелецкое уѣздное собраніе въ 1895 г. постановило выдавать обществамъ для указанной цѣли субсидіи до 300 р., съ тѣмъ, чтобъ участки были не менѣе 1 дес., чтобъ они огораживались на средства общества, находились въ распоряженіи учителей и никогда не отчуждались для другой надобности *),

*) Цѣны на землю въ Черниговской губ. въ послѣднее время очень поднялись: за десятину полевой земли средняго качества платятъ отъ 100—150 р., а за десят. усадебной—300—500 р. и выше.

Для распространенія и укрѣпленія грамотности въ сельскомъ населеніи губернское земское собраніе признало необходимымъ устраивать при школахъ воскресныя и вечернія повторительныя занятія и расширять школьныя библіотеки, принимая на себя расходъ по осуществленію этихъ мѣръ въ размѣрѣ ассигновокъ уѣздныхъ земствъ. Многіе изъ уѣздовъ сочувственно откликнулись на этотъ призывъ, и изъ постановленій уѣздн. собраній въ 1895 году видно, что повторительныя занятія велись при школахъ въ 8 уѣздахъ и были особенно распространены въ Конотопскомъ, Нѣжинскомъ и Борзенскомъ. Вознагражденіе за эти занятія назначалось далеко не одинаковое: наприм., въ Конотопскомъ уѣздѣ (воскресные уроки) земство платило по 1 р. за урокъ, давая на каждую школу по 30 р. за учебный сезонъ (совмѣстно съ губернскимъ земствомъ), а въ Нѣжинскомъ уѣздѣ (вечернія занятія) назначено было учителю добавочнаго вознагражденія 100 р. и законоучителю 50 р. Къ дѣлу расширенія школьныхъ библіотекъ особенно сочувственно отнеслись борзенское и сосницкое земства, ассигновавшія отъ себя на это дѣло, первое—750 р., а второе—410 р. Кромѣ того, въ 6 уѣздахъ велись при школахъ чтенія съ картинами, и земствами истрачено на это дѣло 830 руб.

Для объединенія и улучшенія методовъ преподаванія въ школахъ, губернскимъ земствомъ были устроены въ 1894 г. педагогическіе курсы для сельскихъ учителей 5 уѣздовъ. Курсы эти имѣли большой успѣхъ. Въ 1895 г. предполагалось устроить такіе же курсы для другихъ 5 уѣздовъ. Но губернскіе курсы уже не были дозволены, а предоставлено было уѣздамъ устраивать ихъ порознь. Губернское земство и въ этомъ случаѣ предложило отъ себя половину расходовъ на устройство уѣздныхъ курсовъ. Предложеніемъ этимъ воспользовались уѣзды Сосницкій, Борзенскій, Конотопскій и Городницкій, гдѣ и были устроены курсы въ минувшемъ году.

Для упроченія грамотности и распространенія знаній среди сельскаго населенія губернское земское собраніе предприняло еще двѣ крупныхъ мѣры.

Въ 1894 г. оно ассигновало 60,000 р. на учрежденіе сельскихъ общественныхъ библіотекъ, выдавая для этого на уѣздъ по 1,000 руб. въ теченіе 4 лѣтъ. Губернская земская управа обратилась къ уѣзднымъ земствамъ съ просьбой опредѣлить число библіотекъ для каждаго уѣзда и размѣры ихъ комплектовъ, выбрать для нихъ поселенія, пріискать помѣщенія и взять на себя небольшой расходъ на обстановку библіотекъ и на вознагражденіе лицъ, которымъ будетъ поручено завѣдываніе ими. При этомъ пояснено, что эти библіотеки не должны быть смѣшиваемы со школьными, для которыхъ каталогъ разрѣшенныхъ книгъ очень невеликъ, и что, для ускоренія разрѣшенія на открытіе общественныхъ библіотекъ, помѣщеніе для нихъ должно быть указываемо не въ школьныхъ домахъ или же при такихъ школахъ, гдѣ библіотеки могутъ быть совершенно изоли-

рованы отъ школьнаго помѣщенія. Постановленія уѣздныхъ собраній по этому вопросу отличаются большимъ разнообразіемъ. Особенно выдѣляются: городницкое собраніе, рѣшившее употребить 4,000 р. на школьныя библіотеки, а общественныя, въ 1,000 р. каждую, устроить на счетъ «дорожнаго» капитала; стародубское, постановившее взять отъ губернскаго земства 4,000 р., обратить ихъ въ процентныя бумаги и на проценты устраивать столько библіотекъ, сколько окажется возможнымъ и суражское, рѣшившее на счетъ ассигнованной губернскимъ земствомъ суммы построить и особыя несгараемыя помѣщенія для библіотекъ, а также и содержать библіотеки (?); на книги для каждой рѣшено затратить по 300 руб., и по такому разсчету предположено имѣть въ уѣздѣ только 6 библіотекъ. Изъ остальныхъ уѣздн. собраній нѣкоторые пожелали имѣть небольшое число библіотекъ, отъ 10 до 20 на уѣздъ, но съ значительными комплектами книгъ, на сумму до 400 р., а другія предпочли имѣть большее число библіотекъ (въ трехъ уѣздахъ въ каждомъ школьномъ поселеніи), опредѣляя стоимость комплектовъ книгъ для каждой отъ 250 до 50 р. На обзаведеніе и содержаніе библіотекъ 4 уѣзд. земства не ассигновали ничего, 6 уѣзд. собраній взяли на себя эти расходы, ассигнуя на каждую библіотеку отъ 20 до 130 р., а въ остальныхъ уѣздахъ земства, принимая на себя расходъ по первоначальному обзаведенію библіотекъ и вознагражденію завѣдывающихъ, отводъ и содержаніе помѣщеній отнесли къ обязанности сельскихъ обществъ *). Къ сожалѣнію, самое открытіе библіотекъ до сихъ поръ еще не состоялось, отчасти вслѣдствіе медленности распорядительныхъ дѣйствій на мѣстахъ, а отчасти потому, что для каждой библіотеки требуется утвержденіе особаго устава, съ указаніемъ завѣдывающихъ и отвѣтственныхъ наблюдающихъ, и эта сторона дѣла подвигается также довольно медленно.

Другою изъ указанныхъ крупныхъ мѣръ является учрежденіе книжнаго склада губернскаго земства. Складъ этотъ открытъ въ Черниговѣ въ 1895 году. Цѣль его—удешевить для уѣздныхъ земствъ снабженіе школъ учебниками, учебными пособіями и письменными принадлежностями, улучшая и качественно все, поставляемое въ школы, и распространять для народнаго чтенія дешевыя и съ наилучшимъ выборомъ книги. Удешевленіе книгъ и проч. достигнуто тѣмъ, что складъ пріобрѣтаетъ все отъ издательскихъ фирмъ и вообще изъ первыхъ рукъ и пользуется значительною скидкой, такъ что, покрывая частью этой скидки расходы по выпискѣ и разсылкѣ, складъ дѣлаетъ удешевленіе для уѣздныхъ земствъ отъ 17 до

*) Сосницкое собраніе пошло въ этомъ дѣлѣ дальше другихъ; оно, помимо вопроса о библіотекахъ на средства губернск. земства, постановило: объявить по волостямъ, что всякое сельское общество, дающее для библіотеки помѣщеніе и 100 р. на покупку книгъ, получаетъ отъ уѣздн. земства въ пособіе на устройство библіотеки 50 р.

22% противъ объявленной цѣны *). Въ выборѣ лучшихъ книгъ губернская управа въ 1895 г. воспользовалась помощью значительнаго кружка интеллигентныхъ лицъ, знакомыхъ съ задачами народной литературы, которыя, перечитавъ весьма значительный запасъ популярныхъ книгъ и подвергнувъ ихъ строгой критикѣ, выбрали изъ нихъ самыя лучшія по содержанію и изложенію и изъ нихъ составили по отдѣламъ каталогъ, напечатанный уже губернской управой. О распространеніи дѣятельности книжнаго склада въ губерніи губерн. управа, одновременно съ открытіемъ склада, обратилась съ предложеніемъ къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. Въ двухъ собраніяхъ по этому предложенію не состоялось никакихъ постановленій; четыре уѣздн. земства рѣшили устроить отдѣленія книжнаго склада при управахъ; въ Черниговскомъ уѣздѣ постановлено давать книги для чтенія на коммиссію учителямъ и содержать книгоношу для продажи книгъ на сельскихъ базарахъ, ярмаркахъ и храмовыхъ праздникахъ, для чего ассигновано 300 р. Остальныя собранія, отнесшись вообще очень сочувственно къ призыву губернской управы, рѣшили распространять народныя изданія различными способами: открытіемъ продажи ихъ при школахъ, при волостныхъ правленіяхъ, въ подвижныхъ лавочкахъ на базарахъ,— причемъ 7 уѣздовъ ассигновали на расходы по продажѣ отъ 25 до 300 р. въ годъ.

Ограничиваясь изложенными отрывочными свѣдѣніями о положеніи школьнаго дѣла и о ходѣ его развитія въ отдѣльныхъ уѣздахъ за прежнее время, я перейду теперь къ описанію настоящаго состоянія народнаго образованія и сообщу о томъ, что предпринято для развитія его губернскимъ земскимъ собраніемъ въ двѣ послѣднихъ его сессіи.

Въ январѣ 1896 г. губернское собраніе постановило: «Поручить губернской управѣ, черезъ уѣзд. управы и уѣзд. училищные совѣты, собрать возможно-полныя свѣдѣнія о числѣ и распредѣленіи школъ, числѣ обучающихся въ нихъ дѣтей, числѣ дѣтей школьнаго возраста, о размѣрѣ расходовъ и вообще о постановкѣ школьнаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ и, сдѣлавъ сводку полученныхъ свѣдѣній, представить будущему собранію *вѣрную картину* положенія школьнаго дѣла теперь и вытекающія изъ нея соображенія о мѣрахъ развитія его въ будущемъ».

Порученіе это выполнено губернскою управою очень своеобразно. Въ февральскомъ губернскомъ собраніи настоящаго года она представила докладъ «О содѣйствіи губернскаго земства повсемѣстному открытію народныхъ школъ». Въ концѣ этого доклада приложена длинная таблица, въ которой всего только три рубрики: въ первой переименованы всѣ поселенія губерніи, имѣющія не менѣе 40 дворовъ; во второй противъ каждаго поселенія показана земская школа, а въ третьей—церковно-приходская, если есть эти школы. Въ текстѣ есть еще свѣдѣнія о числѣ земскихъ школъ въ губерніи въ 1893 году, о числѣ учившихся въ нихъ, о числѣ

*) За исключеніемъ весьма немногихъ изданій.

учителей, о числѣ жителей и дворовъ въ селахъ губерніи. Вотъ и все. Само собою разумѣется, что сумма этихъ свѣдѣній далеко не отвѣчаетъ поставленной губернскимъ собраніемъ задачѣ и не представляетъ данныхъ для «соображеній о мѣрахъ развитія школьнаго дѣла въ будущемъ». Но губернская управа не смутилась неполнотою этихъ данныхъ, и вопросъ «о повсемѣстномъ распространеніи школъ» разрѣшила просто и тоже очень своеобразно. Она разсчитала, что поселеніе въ 100 дворовъ можетъ дать школѣ 60 учащихся, а при такомъ ихъ числѣ обученіе каждаго обходится въ 5 р. 50 к. Всѣ школы, не ниже этой нормы, по мнѣнію управы, должны считаться нормальными и содержаться всецѣло уѣздными земствами и сельскими обществами. Въ поселеніяхъ же, съ числомъ дворовъ менѣе 100, школы будутъ съ меньшимъ числомъ учащихся, и обученіе каждаго будетъ стоить 5 р. 50 к. Въ такихъ случаяхъ губернское земство и должно приходить на помощь уѣздному, принимая на себя доплаты на каждаго учащагося сверхъ нормы. Доплаты эти разсчитаны отъ 50—110 р. на школу. Принявъ во вниманіе, что и въ многолюдныхъ поселеніяхъ, сверхъ «нормальныхъ» школъ, потребуются еще дополнительныя «упрощенныя» школы, на которыя будутъ также губернскимъ земствомъ даваемы пособія, губернская управа разсчитала, что годовой расходъ губернскаго земства на всѣ такія пособія представитъ сумму въ 76,240 р. Въ концѣ доклада управа излагаетъ условія, при соблюденіи которыхъ возможенъ отпускъ указанныхъ субсидій уѣздн. земствамъ. Изъ этихъ условій достаточно привести только первое: «Субсидія можетъ быть отпускаема по ходатайству уѣзднаго земства на каждую школу въ отдѣльности *и только тогда, когда земская школа уже окончательно устроена и въ ней производятся занятія»* *).

О докладѣ нужно прежде всего сказать, что онъ даетъ не только *не полную*, но *и не вѣрную* картину современнаго положенія школьнаго дѣла въ губерніи. Главнѣйшія цифры онъ заимствуетъ изъ данныхъ за 1893 годъ, и потому число школъ, учащихся и учащихъ выходитъ по докладу гораздо менѣе дѣйствительнаго. Цифра населенія въ губерніи показана въ докладѣ въ 2.354,023 души, причемъ сказано, что населеніе городовъ исключено. Между тѣмъ, такая цифра выходитъ со включеніемъ городовъ, а сельскаго населенія гораздо меньше. Число же дворовъ въ селахъ принято въ докладѣ меньшее противъ дѣйствительнаго. Отъ раздѣленія этихъ цифръ, преувеличенной на уменьшенную, получилось въ частномъ, что на каждый дворъ приходится 7 душъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности средняя населенность двора—5,5 душъ. Изъ невѣрныхъ данныхъ получаются и невѣрные выводы, и разсчеты управы оказываются весьма неточными.

---

*) Къ докладу этому приложено весьма обстоятельное особое мнѣніе члена управы П. Н. Солонины. Главныя положенія этого „мнѣнія“ приняты коммиссіей, разсматривавшей докладъ, и собраніемъ.

Прежде всего я постараюсь, на основаніи данныхъ за 1895 г., исправить и по возможности дополнить добытыя губернскою управою свѣдѣнія о болѣе современномъ положеніи школьнаго дѣла въ губерніи. Положеніе это видно изъ слѣдующихъ таблицъ:

Свѣдѣнія о земскихъ школахъ въ 1895 г.

УѢЗДЫ.	Квадратныхъ верстъ.	Жителей (сельскихъ).	Земскихъ школъ.	Учившихся. Мальчиковъ.	Учившихся. Дѣвочекъ.	Учившихся. Всего.	Ассигновка на земск. школы.	Квадратныхъ верстъ на 1 школу.	Жителей на 1 школу.	Учащихся на 1,000 жителей.	Стоимость одного учащагося.
							р.				р. к.
Борзенскій	2401	130800	50	3422	749	4171	29571	48	2616	32	7 09
Нѣжинскій	2541	135800	46	3118	428	3546	19506	55	2952	26	5 49
Козелецкій	2595	130100	34	2352	270	2622	19492	76	3826	20	7 43
Сосницкій.	3585	158500	40	2889	495	3384	19370	90	3962	21	5 73
Глуховской	2716	124800	44	3452	553	4005	17572	62	2836	32	4 39
Черниговскій . . .	3223	129500	44	2552	405	2957	16785	77	2943	23	5 68
Кролевецкій. . . .	2376	121300	40	3142	450	3592	14900	59	3032	30	4 15
Мглинскій.	3246	133600	26	2109	217	2326	14706	125	5138	17	6 32
Конотопскій. . . .	2232	140600	30	2542	285	2827	14300	74	4687	20	5 58
Новозыбковскій . .	3398	166900	32	2177	291	2468	14121	106	5216	12	5 72
Новг.-Сѣверскій. .	3331	135100	37	1094	141	2045	10670	90	3651	15	5 22
Городницкій. . . .	3569	139000	32	1928	324	2252	10177	112	4344	16	4 65
Суражскій.	3559	191000	21	1446	266	1712	10045	170	9090	9	5 87
Остерскій.	3854	138900	26	1447	182	1629	9470	148	5342	12	5 81
Стародубскій . . .	3006	147800	35	2007	294	2301	8300	86	4223	15	3 61
Губернія . . .	45631	2124400	537	36487	5350	41837	229285 [1]	85	3955	20	5 47

[1]) На 1896 г. въ смѣты уѣздныхъ земствъ на содержаніе земскихъ школъ внесено 253,128 р.

(Таблица эта взята изъ составленныхъ при губернск. управѣ постановленій уѣздн. земскихъ собраній за 1895 г. Расходы въ ней показаны только на школы, содержимыя исключительно на земскія средства. Школы же министерскія, церковно-приходскія, школы грамоты, колонистскія и городскія не включены, хотя нѣкоторыя субсидируются земствомъ. Территорія уѣздовъ показана по итогамъ межевыхъ плановъ, а число населенія—по свѣдѣніямъ статистическаго комитета за 1895 г.)

Расходы уѣздныхъ земствъ въ 1895 г. на начальныя училища вообще.

УѢЗДЫ.	Расходы на земскія училища.								Пособія министерск. училищамъ.	Пособія церк.-прих. и школамъ грамоты.	Пособія городскимъ училищамъ.	Общій итогъ расходовъ на нач. школы.	% отношен. къ общей суммѣ расходовъ.
	Содержаніе учителей и законоучителей.	Преподаваніе пѣнія и гимнастики.	Содержаніе школьныхъ помѣщеній.	Учебныя пособія.	Библіотека, выписка журналовъ, склады.	Народн. чтенія, педагогическ. курсы.	Надзоръ.	Постройка и ремонтъ школъ.					
Борзенскій. . . .	р. 23100 [1]	—	3736	2200	—	385	150	—	200	150	—	29921	30
Нѣжинскій. . . .	17266	—	—	1500	240	—	—	500	250	275	—	20031	18
Козелецкій . . .	16709	1581	—	472	570	—	160	—	—	500	—	19992	18
Сосницкій. . . .	16655	—	—	1650	420	200	225	220	910	—	250	20280	20
Глуховской . . .	15311	—	1461	600	200	—	—	—	—	—	200	17572	20
Черниговскій . .	14060	—	50	2050	200	—	—	425	800	300	—	17885	19
Кролевецкій. . .	12260	—	—	1750	100	—	250	550	—	150	100	15060	19
Мглинскій. . . .	12310 [1]	—	380	1816	50	—	—	150	350	1765	300	16821	20
Конотопскій. . .	11200	—	900	1200	600	100	100	200	1800	1400	—	17500	16
Новозыбковскій .	11760	—	—	1375	586	—	—	—	600	720	—	15041	16
Новг.-Сѣверскій.	9900	—	—	580	190	—	—	—	—	—	—	10670	13
Городницкій. . .	9957	—	—	520	—	—	—	—	100	150	—	10727	14
Суражскій. . . .	9760	—	—	—	285	—	—	—	—	300	620	10345	11
Остерскій. . . .	7800	770	—	—	200	—	500 [2]	200	5748	4400 [4]	—	19618	20
Стародубскій . .	7950	—	—	20	655	—	75	—	625	—	—	9325	13
Губернія . . .	195988	2351	6527	15733	4296	685	1460	2245	11383 [3]	10110	1470 [5]	250788	18

[1]) Въ Борзенскомъ и Мглинскомъ уѣздахъ въ жалованье учителямъ входитъ и вознагражденіе за повторительные курсы.

[2]) Въ уѣздахъ, гдѣ показанъ расходъ по надзору за школами, расходъ этотъ производится въ видѣ выдачи членамъ училищн. совѣта, при ихъ выѣздахъ для осмотра школъ. Въ Остерскомъ же уѣздѣ 500 р. назначены какъ постоянное содержаніе двумъ членамъ училищн. совѣта отъ земства. На 1896 г. сумма эта увеличена до 600 р.

[3]) Сельскихъ министерскихъ училищъ въ губерніи 30,—19 двуклассныхъ и 11 одноклассныхъ. Распредѣлены они очень неравномѣрно: въ Конотопскомъ у.—8, въ Остерскомъ—6, въ Новгородъ-Сѣверскомъ—4, въ трехъ уѣздахъ ни одного, а въ остальныхъ отъ 1 до 3. По правиламъ м-ва нар. просв. на такія училища требуется пособіе отъ земства: на однокл. 150 р., а на двукл. 300 р. Между тѣмъ, новг.-сѣверское земство на эти училища не даетъ ничего, конотопское даетъ по 225 р., а остерское по 968 р. на каждое въ годъ.

[4]) Въ эту цифру входятъ 4,200 р., даваемые въ пособіе обществамъ, содержащимъ школы на свой счетъ. Теперь эти школы перешли въ вѣдѣніе епарх. училищн. совѣта.

[5]) Значительная часть населенія нашихъ уѣздныхъ городовъ принадлежитъ къ сельскому состоянію. Въ 11 изъ этихъ городовъ находятся и волостныя правленія. Въ этомъ и основаніе пособій городскимъ училищамъ отъ земствъ.

Для освѣщенія положенія дѣла и будущихъ его потребностей, считаю нужнымъ привести еще слѣдующую таблицу:

Поселенія, не имѣющія ни министерскихъ, ни земскихъ училищъ (кромѣ городовъ).

Уѣзды.	Отъ 1,000 до 1,500 душъ.	Отъ 1,500 до 2,000 д.	Свыше 2,000 д.	Всего.
Суражскій	22	11	8	41
Новозыбковскій	13	5	9	27
Остерскій	15	6	1	22
Новг.-Сѣверскій	13	4	2	19
Городницкій	10	6	3	19
Сосницкій	9	3	2	14
Стародубскій	9	1	2	12
Черниговскій	10	1	1	12
Мглинскій	7	1	—	8
Козелецкій	7	—	1	8
Кролевецкій	4	2	1	7
Глуховской	5	—	—	5
Борзенскій	6	1	—	7
Нѣжинскій	2	—	—	2
Конотопскій	—	1	—	1
Губернія	132	42	30	204 *).

Въ Суражскомъ, Новозыбковскомъ и Городницкомъ уѣздахъ оказалось по одной волости, на обширномъ пространствѣ которыхъ вовсе нѣтъ ни земскихъ, ни министерскихъ школъ, а въ уѣздахъ Сосницкомъ, Козелецкомъ, Остерскомъ и Мглинскомъ—по одной волости, гдѣ есть только министерскія школы и вовсе нѣтъ земскихъ (всѣхъ волостей въ губерніи 176).

Въ послѣдней таблицѣ имѣютъ главное значеніе итоги по губерніи. Что же касается цифръ по отдѣльнымъ уѣздамъ, то, чтобъ онѣ не вводили въ заблужденіе, нужно вспомнить, что населеніе сгруппировалось въ разныхъ уѣздахъ не одинаково: въ большей части южныхъ уѣздовъ преобладаютъ крупныя села, а въ остальныхъ населеніе большею частью разбилось на меньшіе поселки. Въ Конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ 35 поселеній имѣютъ болѣе 1,000 душъ и изъ нихъ 19 болѣе 2,000 д., а 7 болѣе 5,000 д.,—картина, представляемая таблицею, вовсе не представляется утѣшительною: въ такихъ поселеніяхъ далеко не достаточно одной школы, чтобъ удовлетворить нуждающихся въ обученіи. Также мало утѣшительны и цифры таблицы по Мглинскому уѣзду: тамъ только 21 поселеніе, имѣющее болѣе

*) Таблица эта въ минувшемъ февралѣ сдѣлалась извѣстною въ губернскомъ земскомъ собраніи, и гласные нѣсколькихъ уѣздовъ заявили, что въ теченіе 1896 г. у нихъ открылись еще новыя земскія школы; въ одномъ Черниговскомъ у. открыто въ это время 7 школъ. Всего въ 1896 г. открыто въ губерніи до 30 школъ, и общую цифру земскихъ школъ въ настоящее время можно принять въ 570.

1,000 душъ, а изъ нихъ только въ трехъ болѣе 2,000 д., такъ что итогъ таблицы для этого уѣзда, по сравненію съ другими, не имѣетъ значенія въ смыслѣ изображенія состоянія школьнаго дѣла.

Эта таблица показываетъ, что около 200 наиболѣе крупныхъ поселеній вовсе не имѣютъ школъ. Всѣхъ поселеній въ губерніи, имѣющихъ болѣе 100 душъ, 2,007. Если даже предположить, что всѣ болѣе мелкія поселенія,—а такихъ болѣе 1,000,—или примкнутъ къ сосѣднимъ, болѣе крупнымъ, или составятъ изъ себя группы для учрежденія школъ, то даже для всѣхъ поселеній выше 100 душъ потребуется еще 1,437 школъ, не говоря уже о самыхъ многолюдныхъ селахъ, гдѣ, кромѣ одной существующей школы, придется еще открывать другую и третью. Сколько же времени потребуется для того, чтобы, при существующихъ условіяхъ, уѣздныя земства удовлетворили населеніе «нормальными» школами, о которыхъ говоритъ докладъ управы, и обратились за предполагаемою докладомъ помощью къ губернскому земству? Вѣдь, начиная съ 1865 г., уѣздныя земства въ дѣлѣ распространенія школъ двигаются очень медленными шагами: съ 1865 по 1869 г. открылось въ губерніи всего 45 школъ, съ 1870—1874 г.—75, съ 1875—1879 г.—113, съ 1880—1884 г.—96, съ 1885—1889 г.—76 и съ 1890—1895 г.—82 школы *). Для большей ясности, посмотримъ, какъ шло дѣло отдѣльно по уѣздамъ. Въ десятилѣтіе отъ 1886—1896 г. въ Черниговскомъ у. открыто 13 школъ, въ Городницкомъ—6, въ Сосницкомъ—7, въ Новозыбковскомъ—12, въ Борзенскомъ—6, въ Глуховскомъ—8, въ Мглинскомъ—5, а въ Суражскомъ—только 3. Въ упомянутомъ особомъ мнѣніи къ докладу управы справедливо указано на то, что пройдутъ десятки лѣтъ, прежде чѣмъ уѣздныя земства обратятся за помощью къ губернскому, а для Суражскаго уѣзда, если онъ въ открытіи новыхъ школъ будетъ идти тѣмъ же темпомъ, право на участіе губернскаго земства наступитъ только въ концѣ будущаго столѣтія.

Существующія условія, тормазящія до настоящаго времени открытіе школъ, состоятъ въ томъ, что, за исключеніемъ Нѣжинскаго, Борзенскаго и Козелецкаго уѣздовъ, гдѣ въ нѣсколькихъ селахъ устроены школы всецѣло на земскій счетъ, и нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ по другимъ уѣздамъ, когда на постройку школъ давались небольшія субсидіи,—все дѣло постройки школъ лежитъ на сельскихъ обществахъ, а уѣздныя земства отвели себѣ роль пассивнаго выжиданія, и когда готово помѣщеніе отъ общества, они даютъ средства не обученіе. Но и эту обязанность они исполняютъ плохо: книгъ и учебныхъ пособій въ школахъ по большей части очень мало, а Суражскій и Остерскій уѣзды на это вовсе ничего не ассигнуютъ; выборъ учебнаго персонала очень неудовлетворителенъ: въ 1895 г. на земской службѣ было 324 учителя и 376 учительницъ; изъ нихъ съ высшимъ образованіемъ было 3, съ среднимъ 301, съ

*) *Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа за 1896—97 г.*

низшимъ 330 и съ домашнимъ 66. Двѣ первыя категоріи почти исключительно заполняются учительницами, окончившими женскія гимназіи и духовныя училища и отчасти обучавшимися на высшихъ курсахъ. Постройка школъ обществами сопровождается иногда совершенно неожиданными для нихъ послѣдствіями: то оказывается, что въ школьномъ помѣщеніи недостаточно кубическаго содержанія воздуха для предполагаемаго числа учащихся, то говорятъ обществу, что оно не снабдило училища надлежащей школьной мебелью, то задерживаютъ земскую ассигновку на школу изъ-за того, что общество не составило приговора о принятіи на себя ремонта или страхованія школы и т. п., и были уже примѣры, что общества, которымъ задерживалось пособіе на школы отъ земства, обращались къ духовенству, которое немедленно заводило обученіе въ школѣ и принимало ее въ свое вѣдѣніе.

Такимъ образомъ, собственно *земскихъ* школъ въ нашей губерніи почти нѣтъ: всѣ почти онѣ общественныя, получающія пособіе отъ земства. А для общества построить школу очень не легко: безпроцентныя ссуды отъ земства, на срокъ до 10 лѣтъ, давались только въ размѣрѣ до 1000 р., а на эту сумму устроить порядочную школу нельзя. Средняго размѣра школы, деревянныя на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышей, обходятся у насъ до 3,000 р., а есть и гораздо дороже. Понятно, что обществу приплатить отъ себя сразу до 2,000 р., при отсутствіи дешеваго кредита, часто бываетъ совершенно невозможно. Въ этомъ самая главная причина медленности распространенія школъ.

При такомъ положеніи дѣла, какое же значеніе для *повсемѣстнаго распространенія школъ*, которое такъ громко выставляетъ въ своемъ заголовкѣ докладъ управы, имѣетъ предлагаемая имъ мизирная субсидія на открытыя уже школы? Очевидно, суть дѣла не въ этомъ, и цѣль, преслѣдуемая докладомъ, можетъ быть достигнута въ недалекомъ будущемъ только тогда, если земство возьметъ на себя всецѣло постройку недостающихъ школъ и затѣмъ полное ихъ содержаніе. Въ такомъ смыслѣ внесено было предложеніе въ коммиссію, обсуждавшую во время минувшаго губернскаго собранія докладъ управы, причемъ представленъ былъ разсчетъ, что если губернское земство въ теченіе 20 лѣтъ будетъ затрачивать на постройку школъ по 75,000 р., то по истеченіи этого срока возможно будетъ введеніе въ губерніи обязательнаго обученія.

Къ сожалѣнію, коммиссія не согласилась на такой рѣшительный образъ дѣйствій и предложила собранію удвоить фондъ губернскаго земства для безпроцентныхъ ссудъ на постройку школъ, т.-е. довести его до 150,000 р., и ссуды изъ него выдавать уѣзднымъ земствамъ, которыя уже сами будутъ вѣдаться съ обществами; въ тѣхъ же случаяхъ, когда уѣздное земство для обществъ, особенно нуждающихся, ассигнуетъ отъ себя на постройку школъ безвозвратныя субсидіи, то такія же субсидіи даетъ этимъ обществамъ и губернское земство. Собраніе приняло предложеніе коммиссіи, но размѣръ школьно-строительнаго фонда рѣшило довести до 300,000 руб-

Не трудно предвидѣть, что эта полумѣра не принесетъ блестящихъ результатовъ. Губернское земство не можетъ регулировать дѣятельность уѣздныхъ, и ближайшіе годы покажутъ, что нѣкоторые уѣзды воспользуются постановленіемъ губернскаго собранія, но едва ли оно подвинетъ дѣло въ такихъ уѣздахъ, какъ Суражскій и Стародубскій, (идущихъ) въ развитіи народнаго образованія черепашьимъ шагомъ.

Для облегченія земскихъ расходовъ при дальнѣйшемъ распространеніи школъ, собраніе, по предложенію коммиссіи, постановило ходатайствовать объ участіи въ этомъ дѣлѣ и министерства народнаго просвѣщенія. Въ селахъ Черниговской губерніи, какъ уже сказано, 30 министерскихъ школъ, а есть губерніи гораздо болѣе счастливыя въ этомъ отношеніи: напримѣръ, въ Новгородской губерніи этихъ школъ 67, а въ Бессарабской 248. Открывались у насъ онѣ въ такой послѣдовательности: въ 40-хъ годахъ открыта одна школа, въ 60-хъ—4, въ 70-хъ—17, въ 80-хъ—8 и въ 90-хъ—ни одной. Въ виду того, что наша губернія обдѣлена такими училищами, и пользуясь тѣмъ, что въ государственную смѣту проектировано внесеніе на текущій годъ 250,000 р. на устройство и содержаніе сельскихъ министерскихъ школъ, собраніе рѣшило просить министерство въ теченіе 8 лѣтъ устраивать въ болѣе многолюдныхъ поселеніяхъ по 15 училищъ, такъ, чтобы по истеченіи этого времени въ губерніи было 150 такихъ училищъ.

Въ виду низкаго образовательнаго ценза большинства сельскихъ учителей, поручено губернской управѣ представить будущему собранію проектъ и смѣту на устройство въ Черниговѣ учительской семинаріи.

Нельзя не упомянуть еще объ «упрощенныхъ» школахъ, проектируемыхъ докладомъ управы. Что это за школы, докладъ не поясняетъ, но можно думать, что эти школы предполагаются съ курсомъ еще меньшимъ, чѣмъ въ земскихъ школахъ, дающихъ очень скудные результаты обученія. А между тѣмъ въ поселеніяхъ, гдѣ школа поставлена порядочно, народъ начинаетъ предъявлять къ ней болѣе широкія требованія; онъ понимаетъ, что школа должна давать не простую грамотность, а нѣчто гораздо большее. Поэтому земству, въ отвѣтъ на такіе запросы, предлагать населенію какія-то «упрощенныя» школы совсѣмъ не слѣдуетъ.

Для того, чтобъ яснѣе опредѣлить планъ дальнѣйшей дѣятельности своей въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія, минувшее губернское земское собраніе, желая все-таки имѣть полную и вѣрную картину положенія школьнаго дѣла въ губерніи, избрало особую коммиссію для собранія объ этомъ свѣдѣній и составленія подробнаго обзора о состояніи и нуждахъ народнаго образованія во всѣхъ уѣздахъ. Если коммиссіи удастся дать обзоръ, подобный почтенному труду г. Бѣлоконскаго по Курской губерніи, то это будетъ еще одинъ цѣнный вкладъ въ исторію народнаго образованія въ Россіи.

Въ ряду попытокъ поднять сельскія школы въ нашей губерніи слѣду-

етъ упомянуть еще объ одной, исходящей отъ нашего губернскаго училищнаго совѣта. По иниціативѣ его предсѣдателя, губернскаго предводителя дворянства кн. Н. Д. Долгорукова *), въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ предпринято объединеніе программъ начальныхъ училищъ. Извѣстно, что эта сторона дѣла представляетъ одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ въ нашихъ сельскихъ школахъ. Педагогическіе курсы бываютъ очень рѣдко, а учителя мѣняются очень часто **); постояннаго руководительства для школъ нѣтъ, такъ какъ инспектора народныхъ училищъ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи три уѣзда, т.-е. около 130 школъ, не успѣваютъ и по одному разу въ годъ побывать въ каждой; представители же земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ, имѣя много другихъ обязанностей, также очень рѣдко посѣщаютъ школы,—да большею частью они и не компетентны въ направленіи учебнаго дѣла,—и учителя въ своей дѣятельности почти всецѣло предоставлены самимъ себѣ. Можно представить себѣ, до какого разнообразія доходитъ эта дѣятельность, особенно, если принять во вниманіе невысокій образовательный цензъ большинства учителей. Одни учителя грамматики почти не признаютъ, другіе заставляютъ заучивать множество грамматическихъ терминовъ; одни стремятся пріучить къ красивому и четкому письму, другіе почти не обращаютъ на это вниманія; нѣкоторые при объяснительномъ чтеніи заботятся объ усвоеніи учениками возможно большей суммы знаній и о развитіи учениковъ, а другіе довольствуются поверхностнымъ пересказомъ прочитаннаго, а остальное считаютъ излишней премудростью для сельской школы. Вообще эта сторона обученія, называемая «объяснительнымъ чтеніемъ», ведется почти вездѣ безъ всякой системы, и свѣдѣнія, сообщаемыя при этомъ чтеніи, являются отрывочными, не связанными между собой и не осмысленными. Учебники и книги для употребленія въ школахъ выбираются по большей части самими учителями не всегда удачно и часто мѣняются. Даже распредѣленіе часовъ между предметами обученія не вездѣ одинаково, въ зависимости отъ вкуса и усмотрѣнія учителей.

Губернскій училищный совѣтъ выработалъ недавно общую программу для сельскихъ школъ въ губерніи, указавъ въ ней и minimum тѣхъ свѣдѣній, какія должны быть сообщаемы въ начальной школѣ по разнымъ отраслямъ знанія. Программа эта послана на заключеніе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, затѣмъ, по полученіи ихъ замѣчаній, будетъ пересмотрѣна губернскимъ совѣтомъ и издана для руководства всѣмъ сельскимъ школамъ губерніи.

Заканчивая свой очеркъ, я, какъ давній земскій гласный, не могу не сообщить отраднаго впечатлѣнія, вызываемаго постановленіями земскихъ

*) Тотъ же, о дѣятельности котораго въ Новозыбковскомъ уѣздѣ было упомянуто раньше.

**) Въ послѣдніе годы выбывало въ среднемъ по 60, а поступало по 89 учителей и учительницъ въ годъ.

собраній послѣднихъ лѣтъ по вопросамъ народнаго образованія. Какъ ни велика теперь земская апатія вообще, но въ этихъ вопросахъ всякое живое предложеніе возраженій почти не встрѣчаетъ. При такомъ сознаніи со стороны большинства необходимости рѣшительной борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, можно надѣяться, что и наши отсталые уѣзды будутъ энергичнѣе въ этомъ великомъ дѣлѣ, и губернія наша въ близкомъ будущемъ станетъ на-ряду съ первыми земскими губерніями въ Россіи въ дѣлѣ просвѣщенія темнаго сельскаго люда.

В. Хижняковъ.

Къ вопросу о народонаселеніи во Франціи.

Вопросъ о народонаселеніи, вѣрнѣе—вопросъ объ уменьшеніи народонаселенія (depopulation), становится положительно вопросомъ дня во Франціи. Имъ занимается и ученая литература, и ежедневная печать; онъ обсуждается въ палатѣ и сенатѣ, въ медицинской академіи и въ антропологическомъ обществѣ; для борьбы съ надвигающейся опасностью основываются «лиги», устраиваются собранія, конгрессы; издаются книги, брошюры и т. д.

Опасность въ перспективѣ предвидится въ самомъ дѣлѣ очень серьезная. Въ теченіе всего столѣтія изъ года въ годъ, лучше сказать — отъ одной переписи къ другой, замѣчается систематическое пониженіе прироста народонаселенія. Понижается % смертности, но % рожденій понижается гораздо быстрѣе *). Такъ, на 1,000 человѣкъ населенія считалось во Франціи ежегодно:

	Рожденій.	Смертныхъ случаевъ.
Съ 1801—1820 г.	32	27
» 1821—1840 »	30	25
» 1841—1870 »	26,5	23,5
» 1871—1890 »	24,5	22,2
» 1891—1893 »	22,6	22

Такимъ образомъ, приростъ народонаселенія уже почти пріостановился, и въ будущемъ предвидится постепенное, но систематическое уменьшеніе населенія.

«Черезъ двѣсти лѣтъ Франція сойдетъ на степень небольшой третьестепенной державы, — восклицаетъ по этому поводу одинъ публицистъ,—

*) Пониженіе % рождаемости шло далеко не съ одинаковой равномѣрностью для всей страны. Оно имѣло скорѣе характеръ эпидемическій. Начавшись въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, депопуляція захватывала все большій и большій районъ, и это особенно рѣзко выразилось въ послѣднее десятилѣтіе. Изъ 87 департаментовъ Франціи рожденій выше смертности было: въ 1876 г.—въ 70 департ., въ 1886 г.—въ 58, въ 1891 г.—въ 32, въ 1896 г.—въ 24. Въ остальныхъ 63 департ. % рожденій былъ ниже % смертности.

а черезъ пятьсотъ лѣтъ она совершенно исчезнетъ. Подобная, нечувствительная для индивидуума, смерть тѣмъ ужаснѣе, что она наступаетъ незамѣтно, какъ смерть отъ хлороформа».

«Вымираніе» націи—явленіе достаточно печальное само по себѣ—особенно чувствительно для французовъ съ ихъ культомъ «отечества», съ ихъ стремленіемъ играть передовую роль въ Европѣ, съ ихъ соперничествомъ съ Германіей и постоянною мечтой о реваншѣ. Тѣмъ болѣе, что къ Германіи, да и не къ ней одной, природа гораздо милостивѣе.

«Въ 1887 г.,—пишетъ Онезимъ Реклю,—приростъ народонаселенія во Франціи (56,536) былъ, въ круглыхъ цифрахъ, въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ Германіи, и въ 25 разъ меньше, чѣмъ въ Россіи».

Въ 1893 г. на 1,000 человѣкъ населенія было:

въ Австріи . . .	37,2 рожденій	въ Голландіи. . .	32 рожденій
» Италіи. . . .	36,3 »	» Англіи	30 »
» Германіи . .	36 »	» Франціи. . . .	22,6 » *)

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—говорятъ Жакъ Бертильонъ,—Франція и Германія имѣли почти одинаковое количество населенія. Теперь же Франція считаетъ 38 милліоновъ жителей, а Германія—болѣе 50 мил. Положеніе фатальное. Въ недалекомъ будущемъ число рекрутъ будетъ вдвое больше, чѣмъ во Франціи **), а въ перспективѣ предвидится полное исчезновеніе французской націи! Патріотизмъ ставитъ намъ въ обязанность обратить общее вниманіе на эту надвигающуюся на насъ гибель».

Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, со времени войны, въ печати неоднократно подымался вопросъ о депопуляціи, но отношеніе къ нему было довольно спокойное и даже мало серьезное. Только послѣ того, какъ были опубликованы данныя переписи 1891 г. (въ 1894 г.), показавшія, что ростъ населенія почти пріостановился, къ этому вопросу начали относиться болѣе серьезно и отъ общихъ разсужденій перешли къ практической дѣятельности.

Въ началѣ прошлаго года, по иниціативѣ упомянутаго Жака Бертильона, главнаго начальника статистическаго бюро Парижа, былъ основанъ «Національный союзъ для приращенія французскаго населенія» (Alliance national pour l'accroissement de la population française), поставившій себѣ цѣлью «обратить вниманіе общества и правительства на надвигающуюся опасность и добиваться фискальныхъ и другихъ мѣръ, могущихъ способствовать увеличенію народонаселенія».

---

*) Не менѣе ярко выступитъ слабый ростъ населенія во Франціи, если сравнить населенія главныхъ государствъ сто лѣтъ тому назадъ и теперь.

Въ 1789 г. считалось населенія	въ Россіи	въ Германіи	въ Англіи	во Франціи.
	25 мил.	28 мил.	12 мил.	26 мил.
А въ 1896 г. было:	120 „	52,25 мил.	39,5 мил.	38,22 мил.

**) Въ 1873 г. число рекрутъ во Франціи и Германіи было одинаковое. Въ 1896 г. въ Германіи было 450,000 рекрутъ, а во Франціи лишь 330,000.

По мнѣнію Бертильона и нѣкоторыхъ другихъ статистиковъ и экономистовъ (Левассеръ, Леруа-Болье и др.), пониженіе % рожденій зависитъ преимущественно отъ причинъ экономическаго характера. Въ небогатой средѣ одни совершенно не позволяютъ себѣ имѣть семьи; другіе, женатые, считая свой заработокъ или доходъ недостаточнымъ, чтобы дать приличное воспитаніе сыновьямъ и достаточное приданое дочерямъ, большею частью или вовсе не имѣютъ дѣтей, или имѣютъ не болѣе одного ребенка *). Особенно развито это въ крестьянской средѣ, гдѣ изъ боязни, чтобы не пришлось дѣлить и безъ того небольшой участокъ земли между нѣсколькими наслѣдниками, многіе не позволяютъ себѣ имѣть больше одного. Въ крестьянской средѣ даже сложилась поговорка: «Если дворяне изобрѣли «старшаго сына»,— крестьяне изобрѣли «единственнаго сына».

Было бы, однако, ошибочно на основаніи этихъ соображеній выводить заключеніе, что чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ оно «предусмотрительнѣе». Нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ совершено противоположное. По вычисленію Бертильона, въ Парижѣ на 1,000 женщинъ приходится ежегодно:

Въ очень бѣдныхъ кварталахъ	108	рожденій
» бѣдныхъ.	95	»
» зажиточныхъ	72	»
» очень зажиточныхъ	65	»
» богатыхъ.	53	»
» исключительно богатыхъ	34	»

Какъ бы то ни было, является ли бѣдность причиной или слѣдствіемъ болѣе высокаго % рожденій, фактъ тотъ, что всего бѣднѣе тѣ, кому приходится воспитывать большее число дѣтей. «Alliance» на это и обратилъ главное свое вниманіе. Полагая, что содержаніе и воспитаніе ребенка должно считаться въ нѣкоторомъ родѣ выполненіемъ обязанности по отношенію къ государству, «Alliance» поставилъ своей задачей добиться: 1) обложенія холостыхъ опредѣленнымъ налогомъ, а семейныхъ по числу дѣтей (имѣющіе болѣе 3 дѣтей должны быть совершенно освобождены отъ прямыхъ налоговъ) и 2) измѣненія закона о наслѣдственности въ томъ отношеніи, чтобъ единственный наслѣдникъ получалъ только часть наслѣдства, а остальная часть шла бы въ пользу государства. По мнѣнію Бертильона, этими, въ сущности очень справедливыми, мѣрами, можно постепенно измѣнить отношеніе населенія къ браку и семьѣ. Люди, которые теперь по матеріальнымъ причинамъ не имѣютъ семьи или дѣтей, тогда не будутъ имѣть причинъ отказывать себѣ въ радостяхъ семейнаго очага— и ростъ населенія начнетъ увеличиваться.

Печать встрѣтила «Союзъ» съ большимъ сочувствіемъ: «Болѣе 100 газетъ, парижскихъ и провинціальныхъ,— пишетъ Бертильонъ въ предисловіи къ программѣ *Alliance'a*, —посвятили «Національному Союзу» болѣе

---

*) Почти половина семей (44,4%) во Франціи или вовсе не имѣетъ дѣтей (20%), или имѣетъ одного ребенка (24,4%).

или менѣе обширныя статьи, а изъ 33 парижскихъ газетъ лишь одна не выразила горячаго сочувствія нашей попыткѣ».

Въ декабрѣ прошлаго года былъ устроенъ, по иниціативѣ «Союза», конгрессъ, который поставилъ себѣ цѣлью найти средства противъ депопуляціи и который, между прочимъ, постановилъ ходатайствовать объ облегченіи браковъ отъ излишнихъ формальностей и бороться съ тайною и явною проституціей. Въ январѣ нынѣшняго года Бертильонъ, какъ директоръ «Союза», подалъ президенту министровъ, Мелину, петицію, въ которой было высказано желаніе, чтобы семьямъ, въ которыхъ имѣется 3 или больше дѣтей, были оказаны слѣдующія привилегіи: 1) чтобы дѣтямъ такихъ семей назначались преимущественно передъ другими стипендіи въ учебныхъ заведеніяхъ и чтобы запрещеніе выдавать одной семьѣ двѣ стипендіи не распространялось на семьи, въ которыхъ имѣется пять и болѣе дѣтей; 2) чтобы такимъ семьямъ преимущественно отдавались въ аренду табачныя лавки, составляющія монополію государства; 3) чтобы государство, по примѣру нѣкоторыхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, повышало жалованье своимъ служащимъ по мѣрѣ увеличенія ихъ семей; 4) чтобы государственныя службы, не требующія спеціальной подготовки, предоставлялись преимущественно главамъ подобныхъ семействъ и, наконецъ, 5) чтобы замужнія женщины, состоящія на государственной службѣ, получали полное жалованье за время своего отпуска по причинѣ родовъ.

Въ то время, какъ основывался «Національный Союзъ» и печать горячо расхваливала иниціативу Бертильона, въ Парижѣ было основано другое общество діаметрально противоположнаго характера, общество нео-мальтузіанцевъ, проповѣдующее, во имя усовершенствованія человѣческаго рода, воздержаніе отъ большихъ семей. Общество это носитъ громкое названіе: «Лига возрожденія человѣчества» (Ligue de la régénération humaine). Основатель и директоръ лиги—Поль Робенъ, проповѣдникъ интергральнаго обученія, ex-директоръ Сапьи, отставка котораго въ свое время надѣлала столько шуму *).

Въ своихъ изданіяхъ и въ своихъ рѣчахъ на собраніяхъ, на конгрессѣ и въ антропологическомъ обществѣ **) Робенъ довольно подробно изложилъ проповѣдуемую имъ теорію.

---

*) Неомальтузіанство имѣетъ въ настоящее время не мало адептовъ въ Западной Европѣ, особенно въ Голландіи и Германіи, также и въ Англіи. Въ Голландіи „Общество неомальтузіанцевъ“ признано правительствомъ „общественно-полезнымъ“. Президентомъ его состоитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ванъ-Гутенъ, а между его членами находятся государственные совѣтники, депутаты, профессора, доктора, адвокаты, фабриканты и т. п. Въ Англіи это общество существуетъ уже много десятковъ лѣтъ и насчитываетъ очень много адептовъ. Помимо многихъ книгъ и брошюръ, выходятъ 3 неомальтузіанскихъ журнала: *The Malthusian* въ Лондонѣ, *Die Sozial-Harmonie* въ Берлинѣ и *La Régénération* въ Парижѣ.

**) Въ антропологическомъ обществѣ два сеанса были посвящены дебатамъ по поводу реферата Робена о неомальтузіанствѣ. Оппонентами Робена выступили Мар-

Мальтусъ констатировалъ чрезмѣрно быстрый ростъ народонаселенія сравнительно съ ростомъ средствъ для существованія. Если что препятствуетъ чрезмѣрному размноженію человѣческаго рода, то это такія явленія, какъ войны, эпидеміи, катастрофы, преступленія, паденіе нравовъ, бѣдность и т. п.

Въ современномъ обществѣ рождается гораздо больше людей, чѣмъ можетъ вмѣстить механизмъ установившагося строя. Напрасно указываютъ на то, что не весь земной шаръ еще заселенъ. Голодный не насытится отъ того, что когда-нибудь Сахара сдѣлается плодородной. Для настоящаго поколѣнія можно брать въ разсчетъ лишь тѣ средства существованія, которыя сейчасъ имѣются на-лицо.

Въ настоящее время дѣти рождаются чаще всего «случайно» и даже противъ воли родителей. Большая часть дѣтей съ перваго дня рожденія обречена на смерть, часто медленную и мучительную. Другая, и еще бо́льшая, часть обречена на бѣдность и страданія. И лишь небольшая горсть счастливыхъ пользуется здоровьемъ и благосостояніемъ. Бѣдные, несчастные, больные производятъ потомство еще болѣе жалкое, вырождающееся, чѣмъ они сами. Вмѣсто чаемаго «золотого вѣка» и «всеобщаго благоденствія», земной шаръ все болѣе и болѣе покрывается сумасшедшими домами и больницами, вертепами и острогами...

Сельскіе хозяева теперь хорошо знаютъ, какъ достигнуть усовершенствованной породы лошадей, овецъ, свиней, а объ усовершенствованіи человѣческаго рода никто не думаетъ и не заботится.

Большое преступленіе имѣть дѣтей, если ихъ существованіе и воспитаніе не обезпечено. Поэтому *«материнство должно быть совершенно свободно*, и женщина должна лишь тогда имѣть дѣтей, когда она сама того желаетъ и когда она увѣрена, что ея дѣти будутъ здоровы и сыты. Въ общемъ, чѣмъ больше дѣтей въ семьѣ, тѣмъ меньше ими занимаются. Частые роды истощаютъ мать, а большая семья очень часто превращаетъ семейный очагъ въ адъ кромѣшный. Когда появленіе на свѣтъ дѣтей перестанетъ быть дѣломъ случая, молодые люди не будутъ избѣгать ранней женитьбы и не будутъ отравлены развратомъ. Съ уменьшеніемъ экономической жгучей нужды уменьшится и исчезнетъ проституція.

Главною заботой общества и государства должно быть не количество народонаселенія, а его качество. Если во Франціи вмѣсто 40 милліоновъ людей, изъ которыхъ $^9/_{10}$ больные, бѣдные, вырождающіеся, будетъ 20 милліоновъ здоровыхъ и сильныхъ гражданъ,—отъ этого никто не пострадаетъ. Безнравственно кричать матерямъ: «Рожайте, рожайте побольше дѣтей! они нужны затѣмъ, чтобъ убивать нѣмцевъ или, конечно, быть уби-

тилье, Заборовскій, Ивъ Гюйо и друг. (см. *Bulletin de la Société d'Antropologie de Paris* 1896 г., №№ 2 и 4). Любопытно, что Ивъ Гюйо, особенно ожесточенно нападавшій на неомальтузіанцевъ, оказался, какъ ему напомнилъ Робенъ, состоящимъ болѣе 20 лѣтъ вице-президентомъ англійской „Malthusian League“. Для такого ренегата, какъ Ивъ Гюйо, это очень характерно.

тыми нѣмцами». Пора сдать въ архивъ эти шовинистическія завыванія. Что же касается самозащиты въ случаѣ нападенія, то будьте увѣрены, что 20 и даже 15 милліоновъ здоровыхъ и раціонально воспитанныхъ гражданъ будутъ въ состояніи защитить свою родину не только отъ нѣмцевъ, но и отъ всего міра. Исторія неоднократно показывала блестящіе примѣры такой самозащиты.

Таковы, въ общемъ, аргументы Робена, которые онъ излагаетъ устно и письменно и защищаетъ очень горячо. Если его «теорію» въ цѣломъ нельзя принять въ серьезъ, то съ нѣкоторыми его аргументами нельзя не считаться. Но когда этотъ скромный старичокъ, несомнѣнно воодушевленный лучшими побужденіями, переходитъ отъ теоретическихъ разсужденій къ практическимъ указаніямъ и совѣтамъ, тогда начинаетъ раскрываться истинный характеръ его проповѣди. Изъ-за громко возвѣщеннаго «возрожденія» ярко и опредѣленно выступаетъ призракъ «вырожденія», на этотъ разъ уже вырожденія моральнаго, въ духѣ fin de siècle...

С. Ан — скій.

Нѣкоторыя данныя для освѣщенія киргизскаго вопроса *).

III.

Боклъ въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» говоритъ, «что вездѣ на насъ лежитъ рука природы и что исторія ума человѣческаго только тогда можетъ сдѣлаться понятною, когда мы свяжемъ ее съ исторіей и явленіями матеріальнаго міра». Эта зависимость человѣка отъ природы находится, говоря языкомъ математики, въ обратномъ отношеніи къ степени цивилизаціи: чѣмъ цивилизованнѣе человѣчество, тѣмъ меньше зависимость его отъ природы и, наоборотъ, больше его вліяніе на природу; чѣмъ же менѣе цивилизовано человѣчество, тѣмъ и больше зависимость его отъ природы.

Киргизы, какъ нація мало культурная, даже скорѣе полудикая, больше находятся въ зависимости отъ различныхъ вліяній природы, чѣмъ мы, европейцы, и потому въ поискахъ за корнями зла въ Киргизской степи надо прежде всего обратиться къ природѣ. Только такимъ путемъ можно объяснить такое странное на первый взглядъ явленіе, что киргизъ, живущій на берегахъ Илека, Ори и Уйсылъ-Кары, переселяется на зиму въ глинобитный, кирпичный, а иногда такъ и деревянный домъ и для стадъ строитъ крытые загоны, а киргизъ, живущій въ урочищѣ Теньтякъ-Соръ, въ 50 верстахъ къ югу отъ Иргиза, только тѣмъ и отличаетъ свою зимовку (кстау) отъ лѣтовки (джайлау), что взрыхляетъ землю и ставитъ чіевую изгородь между юртами.

Изъ двухъ могучихъ факторовъ природы, климата и почвы, сильно вліяющихъ на жизнь человѣка, первый въ равной мѣрѣ преслѣдуетъ какъ киргиза Илецкаго уѣзда, такъ и киргиза Иргизскаго или Казалинскаго: климатъ всей Тургайской низменности строго-континентальный, съ высокою температурой лѣта и съ суровыми морозами и снѣжными буранами зимой. Но въ то время, какъ киргизъ сѣверной части этой низменности умѣетъ

*) *Русская Мысль*, кн. V, 97 г.

бороться съ такими климатическими условіями, киргизъ средней части ея остается въ положеніи безправнаго, жалкаго раба природы. Смилуется она надъ нимъ—и киргизъ благоденствуетъ; прогнѣвается—и онъ въ два-три мѣсяца суровой зимы теряетъ все свое достояніе и становится изъ хозяина-собственника нищимъ-пролетаріемъ степи.

Такимъ образомъ, вліяніе одного изъ двухъ главныхъ факторовъ природы, одинаковое для всей Киргизской степи, не можетъ служить объясненіемъ предусмотрительности однихъ киргизъ и безпечности другихъ. Объясненіе это нужно искать въ тѣхъ почвенныхъ условіяхъ, отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ флора степей. Очевидно, что гдѣ флора богаче, тамъ и есть возможность дѣлать запасы сѣна и строить загоны для скота, тамъ же, гдѣ флора настолько бѣдна, что косить нечего, а есть только возможность кормить скотъ, перегоняя его съ мѣста на мѣсто, — киргизу не для чего строить загоны, потому что, стравивъ скоту траву въ одномъ мѣстѣ, онъ долженъ гнать его въ другое.

Каковы же почвенныя условія Киргизской степи?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведу описаніе степи, сдѣланное еще въ 50-хъ годахъ Борщовымъ (см. *Борщовъ:* «Матеріалы для ботанической географіи Арало - Каспійскаго края». Приложеніе къ VII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, 1865 г.).

Все то пространство Арало-Каспійской низменности, на которомъ издавна кочуютъ киргизы и которое граничитъ съ запада р. Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, съ юга—хивинскими владѣніями и Перовскимъ уѣздомъ Сыръ-Дарьинской области, съ востока—Акмолинскою областью, а съ сѣвера—губерніями Тобольской и Оренбургской, по почвеннымъ условіямъ и флорѣ Борщовъ дѣлитъ на слѣдующія четыре области:

1) *Область ковыльной степи,*
2) *Область глинистыхъ пустынь,*
3) *Область соленыхъ пустынь* и
4) *Область бугристыхъ песковъ.*

Всѣ эти четыре области имѣютъ довольно опредѣленныя границы.

«Область ковыльной степи,— говоритъ Борщовъ, — начинаясь къ югу отъ Саратова, доходитъ почти до Сарепты и низовьевъ Большого и Малаго Узеней, затѣмъ съ сильно измѣненнымъ характеромъ, пересѣченная солончаками и небольшими песчаными пространствами, она идетъ по теченію Улу-Уила до р. Сагыза, гдѣ граничитъ отчасти съ песчаными наносами, примыкающими къ нижнему Темиру и Эмбѣ, отчасти съ областью соленыхъ пустынь, лежащихъ къ югу. Далѣе на востокъ южную границу составляютъ рѣки Яманъ-Караганды и Аты-Джаксы, южная оконечность Мугаджаръ, р. Читъ-Иргизъ, р. Тургай на параллели 49° сѣв. широты, теченіе р. Джиланчикъ и отроги-гряды Арганаты нѣсколько южнѣе станицы Улу-Тау». «Къ сѣверу ковыльная степь переходитъ съ одной стороны Уралъ и съ развитіемъ рельефа поверхности и появленіемъ сплошныхъ лѣсовъ совершенно теряетъ въ южной Башкиріи степной характеръ. Съ

другой стороны, къ востоку-сѣверо-востоку отъ теченія Урала, выше Орска, она непосредственно сливается съ травянистыми равнинами южной части Тобольской губерніи».

«Область глинистыхъ пустынь раскидывается широкою, неправильною дугой, пересѣкающею Арало-Каспійскій край на всемъ его протяженіи отъ запада къ востоку. Начиная́сь къ югу отъ 45° сѣв. шир. близъ Каспійскаго моря, она занимаетъ собою почти весь полуостровъ Мангышлакъ, южную часть полуострова Бузаги и весь Усть-Уртъ. Затѣмъ сѣверная граница ея направляется до р. Аты-Джаксы прямо къ сѣверу, почти параллельно съ грядою холмовъ, соединяющихъ Усть-Уртъ съ южною оконечностью Мугаджаръ. Отсюда она идетъ по лѣвому берегу Читъ-Иргиза, пересѣкаетъ его теченіе верстахъ въ 10 выше г. Иргиза и подымается по рр. Улькояку и Тургаю до параллели средняго теченія р. Джиланчикъ (49° 20′ сѣв. шир.). Здѣсь она держится праваго берега р. Джиланчикъ и затѣмъ, огибая южную оконечность гряды Арганаты, спускается къ югу отъ станицы Улу-Таю по р. Сары-Су почти до бассейна р. Сыръ-Дарьи. Къ востоку отъ этой области лежатъ горы Улу-Тау и Голодная степь, а къ югу граничатъ съ нею пески Кизылъ-Кумы и Кара-Кумы и Аральское море».

«Область соленыхъ пустынь занимаетъ самое низовье р. Урала, все среднее и нижнее теченіе Эмбы, котловину между этою рѣкой и Усть-Уртомъ и, наконецъ, сѣверную половину полуострова Бузаги».

Наконецъ, область бугристыхъ песковъ занимаетъ собою всѣ тѣ массы песка, которыя окружаютъ Аральское море съ сѣвера, востока и юга (Кара-Кумы, Кизылъ-Кумы, Батканъ-Кумы и Большіе и Малые Барсуки), а также Голодную степь и различныя песчаныя пространства, расположенныя въ областяхъ ковыльныхъ, глинистыхъ и соленыхъ пустынь.

Таково географическое распредѣленіе почвъ Арало-Каспійской низменности, по Борщову. Что же касается почвъ бассейна р. Сыръ - Дарьи, то онѣ, судя по геологической картѣ Мушкатова, представляютъ залежи лёсса, а также рѣчниковые осадки.

Всѣ эти почвы характеризуются тою или другою флорой, и Борщовъ въ своемъ капитальномъ трудѣ приводитъ множество данныхъ относительно географическаго распространенія различныхъ растеній. Изъ этихъ данныхъ я коснусь только тѣхъ растеній, которыя имѣютъ значеніе какъ запасный фондъ киргизскаго скотоводства, т.-е. коснусь исключительно географическаго распространенія кормовыхъ травъ.

Уже самое названіе первой области показываетъ, что она имѣетъ наибольшее значеніе для скотоводческаго хозяйства киргизъ и больше обезпечиваетъ существованіе стадъ, живущихъ въ предѣлахъ ея кочевниковъ, чѣмъ всѣ остальныя области. И, дѣйствительно, «господствующею и самою оригинальною растительною формой, опредѣляющею существенное различіе этой области отъ другихъ,—говоритъ Борщовъ,—является ковыль, но не *перистый ковыль* (*Stipa pennata*), болѣе распространенный въ степяхъ

юго-восточной Россіи, а *ковылъ волосатикъ* (*Stipa capillata*), южная граница распространенія котораго $48^3/_4$° сѣв. шир.». Изъ другихъ злаковъ встрѣчаются въ этой области представители родовъ *Poa* (*мятликъ*), *Glyceria* (*манникъ*), *Phleum* (*оранжецъ*) и *Alopecurus* (*батлачикъ*). Всѣ эти злаки рѣдко переходятъ на югъ отъ 48° сѣв. шир. и характеризуютъ такимъ образомъ только область ковыльной степи. Помимо злаковъ, въ этой области встрѣчаются и кормовыя травы другого семейства, богатаго ими, бобовыхъ растеній. Изъ нихъ Борщовъ указываетъ на различные виды *Trifolium* (*клеверъ*), *Lotus corniculatus* (*лядвянецъ*), *Melilotus alba* и *ruthenica* (*донники*) и на изрѣдка встрѣчающіеся по рр. Уралу и Илеку виды *Onobrychis* (*эспарцетъ*) и *Vicia* (*вика*). Послѣднее растеніе доходитъ на югъ до устьевъ Темира. Извѣстное же туркестанцамъ бобовое растеніе *Medicago stativa* (*люцерна*), по словамъ Борщова, индифферентно къ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ и встрѣчается повсюду, даже въ Кара-Кумахъ.

Что касается областей глинистыхъ и соленыхъ пустынь, то флора ихъ совершенно бѣдна представителями тѣхъ видовъ, которые характеризуютъ область ковыльной степи и составляютъ для кочующихъ тамъ киргизъ естественный фондъ правильнаго скотоводческаго хозяйства. «Господствующими формами области глинистыхъ пустынь,—говоритъ Борщевъ,—являются *Artemisia fragrans* и *Artemisia monogyna*. Почва иногда на необозримое пространство покрыта исключительно только этими двумя видами душистой полыни, которая называется у киргизъ *джуссанъ* и *караджуссанъ* и придаетъ уже и безъ того однообразному ландшафту какой-то невыразимо мрачный колоритъ». Господствующими же формами области самыхъ пустынь являются различные роды и виды солянковыхъ растеній (*Salsolacea*), благодаря которымъ хотя солончаки мѣстами и имѣютъ значеніе тучныхъ пастбищъ и служатъ для киргизъ такими угодьями, на которыхъ они подготовляютъ скотъ къ зимовкѣ, но благодаря отсутствію хорошихъ водоемовъ, а также и тому, что угодья эти не часто встрѣчаются, солонцы также не могутъ быть отнесены къ числу мѣстъ, по которыхъ можно было бы дѣлать запасы сѣна.

Гораздо богаче хорошими кормовыми травами флора бугристыхъ песковъ, но и то не въ такой степени, какъ флора ковыльной степи. Самая почва, скоро высыхающая и легко подвижная, не даетъ возможности растущимъ здѣсь травамъ раскинуться по песчанымъ барханамъ непрерывнымъ ковромъ. А съ другой стороны, и число видовъ этихъ травъ далеко меньше, чѣмъ въ области ковыльной степи. Если же *Aristida pennata* (*изъ семейства ковылевыхъ*) и *Bromus gracillimus* (*костеръ*), составляющіе единственный подножный кормъ для скота, иногда весною и густо покрываютъ песчаные бугры, то къ концу лѣта, при чрезвычайно рѣдкомъ выпаденіи дождей въ этой части арало-каспійской низменности, они до того выгараютъ, что уже не могутъ скашиваться и служить запасомъ для скота на время многоснѣжныхъ зимъ. Изъ другихъ представителей кормо-

выхъ травъ нужно указать еще на одно бобовое растеніе, не встрѣчающееся сѣвернѣе $48^1/_2{}^0$ сѣв. шир., *Alhagi camelorum*, называемое киргизами *джалъ-такъ*. Но эта колючая трава, охотно поѣдаемая верблюдами, также не можетъ служить зимнимъ запасомъ для всѣхъ видовъ скота, разводимаго киргизами.

Словомъ, на всемъ огромномъ пространствѣ Арало-Каспійскаго края «единственныя мѣста, — говоритъ Борщевъ, — дающія порядочные скосы сѣна, лежатъ по Уралу и Илеку, а также близъ верховьевъ Ори, на склонахъ возвышенности Уркачъ».

Таковы данныя ботанической географіи Аральскаго бассейна, совершенно объясняющія такое на первый взглядъ поразительное явленіе, что киргизы Илецкаго уѣзда, Тургайской области, живутъ зимою въ сакляхъ и домахъ и заготовляютъ запасы сѣна на зиму, а киргизы сосѣдняго Иргизскаго уѣзда той же области относятся якобы безпечно къ нуждамъ своего кормильца и поильца—скота. Не лѣнь и безпечность виноваты въ этомъ, а суровыя природныя условія, не позволяющія такъ радѣть о своемъ скотѣ, какъ жителямъ того бы хотѣлось. Въ самомъ дѣлѣ, вышеприведенная южная граница ковыльной степи почти совпадаетъ съ южною границей двухъ сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской области. Киргизы Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ, обезпеченные — первые травами ковыльной области, а вторые травами той степи, которая сливается съ травянистымъ моремъ южной части Тобольской губерніи, — строятъ на зиму для себя сакли, а для скота крытые загоны, дѣлая при томъ запасы сѣна на зиму, и потому должны меньше страдать отъ земней безкормицы, чѣмъ киргизы Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, кочующіе по глинистой и отчасти песчаной степямъ, гдѣ они не имѣютъ возможности дѣлать зимніе запасы сѣна. Предположеніе это вполнѣ подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ то время, какъ въ суровую зиму 1879—80 г. киргизы Тургайскаго и Иргизскаго уѣздовъ потеряли 59% всѣхъ своихъ стадъ, потеря киргизъ Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ ограничилась лишь 24%.

Что же касается Сыръ-Дарьинской области, то кочующіе въ ней киргизы либо живутъ на территоріи глинистыхъ и песчаныхъ пустынь, значеніе которыхъ указано выше, либо на территоріи лёссовыхъ равнинъ, которыя богаты травами весною послѣ дождей или послѣ стаявшаго снѣга; лѣтомъ же и осенью равнины эти могутъ вполнѣ обезпечить кочующихъ на нихъ киргизъ только при искусственномъ орошеніи, которое въ этихъ мѣстахъ почти вовсе не развито. Низины же р. Сыръ-Дарьи, затопляемыя водой и поросшія камышомъ, замѣняющимся при частыхъ укосахъ оржанцемъ, и представляютъ крайне ограниченное пространство, могущее обезпечить кормъ для скота на зиму. Но нерѣдки случаи, когда зимніе бураны застаютъ кочевниковъ на пути къ этимъ низинамъ и немилосердно истребляютъ скотъ. Кромѣ того, наконецъ, пользоваться этими низинами по крайне незначительному числу ихъ могутъ далеко не всѣ киргизы. При такихъ условіяхъ весьма понятнымъ является фактъ значительнаго распро-

страненія у киргизъ Сыръ-Дарьинской области зимовокъ второго типа, число которыхъ, какъ сказано было въ предыдущей главѣ, въ Туркестантскомъ участкѣ, Чемкентскаго уѣзда, составляетъ почти 75% общаго числа зимовокъ.

Всѣ вышеприведенныя данныя приводятъ къ тому заключенію, что корень хронически повторяющихся джутовъ, главнымъ образомъ влекущихъ за собою уменьшеніе киргизскихъ стадъ и обѣднѣніе населенія, лежитъ для большинства мѣстностей Киргизской степи въ той физико-географической обстановкѣ, которою обусловлено главное хозяйство киргизъ-кочевниковъ,—скотоводство. Тамъ, гдѣ скотъ можетъ пользоваться хорошимъ кормомъ только весною и отчасти лѣтомъ, а зимою осужденъ на голоданіе,—неизбѣжнымъ является падежъ скота въ размѣрахъ отъ 10% до 70% общаго количества его; тамъ же, гдѣ природныя условія не только доставляютъ въ теченіе лѣтней тебеневки обильный и хорошій кормъ, но позволяютъ еще и дѣлать запасы его на случай бурановъ и гололедицы,—населеніе менѣе страдаетъ отъ джута, появляющагося только изрѣдка, вслѣдствіе неблагопріятно складывающихся метеорологическихъ и другихъ условій отдѣльныхъ годовъ, какъ это было въ 1879 году въ Тургайской области.

Кромѣ физико-географическихъ причинъ, не маловажную роль въ обѣднѣніи киргизъ играетъ еще и тотъ невысокій уровень культуры, на которомъ стоитъ этотъ народъ и благодаря которому онъ въ большинствѣ случаевъ проявляетъ малую энергію въ борьбѣ съ природой, борясь зачастую съ представителями другихъ родовъ за ея богатства. Какъ въ прежнее время шли у киргизъ войны между родами за право пользованія тѣми или другими угодьями, такъ распри эти существуютъ и теперь, вынуждая администрацію вмѣшиваться въ эти дѣла. Какъ на иллюстрацію этихъ распрей за природу, укажу на постоянные споры перовскихъ и акмолинскихъ киргизъ за право пользованія пастбищами по берегамъ рѣки Сары-су. Эта же борьба за природу побуждаетъ ауліеатинскихъ и чимкентскихъ киргизъ вѣчными кражами лошадей отравлять жизнь русскихъ переселенцевъ. Главный мотивъ этихъ кражъ, несомнѣнно, желаніе заставить переселенцевъ уйти и оставить киргизамъ всѣ нужныя послѣднимъ угодья.

Къ счастью, среди киргизъ замѣчается въ настоящее время здоровое направленіе, о которомъ я упомяну ниже и которое служитъ гарантіей успѣха предлагаемыхъ мною мѣръ борьбы съ киргизскою нуждой.

Поставивъ физико-географическія условія Киргизской степи на мѣсто главныхъ причинъ киргизскаго обѣднѣнія, я долженъ, однако, сказать, что вопросъ объ этихъ причинахъ я не могу считать исчерпаннымъ. Экономическій бытъ кочевниковъ-киргизъ намъ очень мало извѣстенъ, а безъ знанія всѣхъ условій хозяйственной дѣятельности населенія невозможны строго-обоснованные выводы о причинахъ ненормальнаго состоянія этой дѣятельности. Въ ряду этихъ экономическихъ условій не послѣднее мѣсто занимаетъ поземельный бытъ кочевого населенія, намъ совершенно не-

извѣстный. Изученіе его въ связи съ изученіемъ соціально-экономическаго положенія игинчей, составляющее одну изъ ближайшихъ задачъ туркестановѣдѣнія, освѣтитъ еще болѣе киргизскій вопросъ.

Но и безъ этихъ будущихъ завоеваній науки можно, все-таки, считать несомнѣннымъ то, что указанныя мною физико-географическія условія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду причинъ обѣднѣнія киргизъ, а потому и своевременнымъ является вопросъ о борьбѣ съ этими условіями. Рядъ мѣръ, неуклонно проведенныхъ въ жизнь, не только можетъ ослабить значеніе этихъ физико-географическихъ условій, но даже серьезно улучшить экономическое положеніе киргизъ-кочевниковъ.

Въ чемъ должны заключаться эти мѣропріятія, скажу въ слѣдующихъ главахъ, остановившись прежде на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, долженствующихъ лечь въ основу этихъ мѣропріятій. Руководящею нитью во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ долженъ быть ясно сознанный идеалъ желательнаго строя киргизской жизни. Намѣтить этотъ идеалъ я и постараюсь въ слѣдующей главѣ.

IV.

Мнѣ кажется, что какъ при обсужденіи, такъ и рѣшеніи вопроса объ улучшеніи быта кочевниковъ-киргизъ не послѣднее мѣсто долженъ занимать вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ киргизамъ и къ ихъ внутренней экономической жизни. До сихъ поръ мы очень мало касались этой жизни, предоставивъ киргизъ фатальному ходу ихъ культурнаго прогресса. Водворивъ миръ въ степи и прекративъ въ ней родовые раздоры киргизъ, а также набѣги кокандскихъ и хивинскихъ хищниковъ, мы, казалось, тѣмъ самымъ создали всѣ условія для мирнаго развитія киргизскаго хозяйства, долженствующаго увеличить ихъ экономическое благосостояніе. Но этотъ же самый миръ открылъ входъ въ степь нежелательному элементу, среди котораго первое мѣсто занимаютъ мелкіе торговцы—татары и сарты. Продавая въ долгъ киргизамъ привозимые мануфактурные и колоніальные товары, а съ другой стороны скупая различные продукты киргизскаго скотоводства,—эти купцы являются, такимъ образомъ, на первый взглядъ элементомъ вполнѣ желательнымъ. Но если ближе ознакомиться съ дѣятельностью этого торговаго класса, то нужно поставить его въ параллель съ кулаками нашей русской деревни. Тѣ цѣны, по которымъ они продаютъ въ долгъ и покупаютъ безъ денегъ различные товары, превосходятъ всякое вѣроятіе. Мнѣ лично встрѣтился однажды въ Кара-Кумахъ купецъ-сартъ, который продавалъ фунтъ сахару за 90 коп. Если принять во вниманіе, что прокормъ верблюда сарту обходится рѣшительно ни во что и что самъ онъ широко пользовался гостепріимствомъ киргизъ, т.-е. стало-быть жилъ на ихъ счетъ, то цѣна продаваемаго сахару доставляла ему вѣрныхъ 200% чистой прибыли. Если же прибавить къ этому, что эти торговцы являются для киргизъ въ то же время ростовщиками-процент-

щиками, ссужая ихъ деньгами подъ невѣроятные проценты, то неблаговидная роль ихъ будетъ еще большею.

Кромѣ явленій подобнаго рода, эксплоатація киргизъ шла и со стороны туземной администраціи.

Совокупность всѣхъ этихъ явленій на почвѣ почти изъ года въ годъ случающихся потерь скота отъ джута неизмѣнно ведетъ кочевника-киргиза къ разоренію и даже къ совершенной нищетѣ.

Въ противодѣйствіе этимъ факторамъ нами было сдѣлано крайне мало, а именно: запрещеніе татарскимъ выходцамъ изъ Россіи пріобрѣтать въ краѣ недвижимости и тѣмъ прочно обосновываться въ немъ; устройство по уѣздамъ киргизскихъ ссудо - сберегательныхъ кассъ, какъ противовѣсъ дѣятельности ростовщиковъ-процентщиковъ; разрѣшеніе киргизамъ, осѣдающимъ на землю, возобновлять старые и проводить новые оросительные каналы; постоянное напоминаніе киргизамъ, чтобы они при раскладкѣ податей сообразовались съ благосостояніемъ плательщиковъ, и, наконецъ, преслѣдованіе по закону отдѣльныхъ лицъ изъ туземной администраціи, обвиняющихся во взяточничествѣ и другихъ подобныхъ преступленіяхъ.

Этотъ краткій перечень указываетъ на незначительность нашего вмѣшательства во внутренній экономическій бытъ населенія. Если же принять во вниманіе, что первая мѣра нисколько не парализуетъ дѣятельности татаръ и сартовъ купцовъ, вторая мѣра за свое недолгое существованіе еще не могла принять широкіе размѣры, а послѣднія три не могли оказать существеннаго вліянія на экономическую жизнь киргизскаго населенія края, какъ не затрогивающія ея, то станетъ очевиднымъ, насколько мало было сдѣлано нами для поднятія благосостоянія киргизъ. Постоянно же развивающаяся экономическая жизнь въ краѣ въ серединѣ 80-хъ годовъ нанесла киргизамъ еще одинъ ударъ, подорвавшій въ корнѣ одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ населенія—керкегиство, т.-е. транспортировку товаровъ. Ударъ этотъ былъ нанесенъ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, по которой съ первыхъ же дней ея открытія начался вывозъ въ Россію хлопка и другихъ товаровъ, раньше отправлявшихся караваннымъ путемъ на г. Оренбургъ.

Словомъ, всѣ условія развивающейся въ краѣ жизни сложились противъ киргизъ, постепенно ведя ихъ къ разоренію. Наше же крайне малое вмѣшательство въ ихъ экономическій бытъ нисколько не парализуетъ этого разоренія. Выхода изъ него ищутъ сами киргизы, перечисляясь въ родственные имъ аулы и волости и послѣ періодическихъ джутовъ переходя отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому. Но садятся на землю не одни только разорившіеся киргизы. Необезпеченность скотоводческаго хозяйства заставляетъ переходить къ земледѣлію и киргизъ еще не разорившихся. Отсутствіе изслѣдованій по этому крайне интересному вопросу не позволяетъ мнѣ болѣе подробно остановиться на немъ, а между тѣмъ эта-то сторона современной жизни киргизъ и является крайне здоровымъ направленіемъ, могущимъ въ своемъ развитіи создать новый строй киргизскаго

быта. Приведу только разсказъ одного киргиза, въ умѣ котораго мысль о необходимости орошенія степи для земледѣльческаго труда связывается съ легендарными сказаніями о давно минувшемъ Сыръ-Дарьинской равнины.

«Въ давнишнія времена, приблизительно 875 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Джулекскій волостной управитель Байсенъ - Кульдаевъ,—на берегахъ Дарьи жили калмыки, которые подчинялись мусульманскому хану *Махрами-Куру*, проживавшему у подножья Кара-Тау въ своей столицѣ *Бистамъ*, развалины которой существуютъ и понынѣ въ 70 верстахъ отъ Джулека. Махрами-Куръ былъ человѣкъ высокихъ добродѣтелей, любилъ свой народъ и заботился о немъ. Онъ-то и задумалъ провести арыкъ изъ Дарьи, этотъ арыкъ назывался *Узякъ*. Отъ него къ старому Джулеку отдѣлялся арыкъ Кокъ-Керимъ. Лѣтъ 400 тому назадъ вода перестала идти по этимъ арыкамъ, а безпощадное время занесло ихъ пескомъ. Гдѣ былъ выходъ Узяка изъ Дарьи, неизвѣстно, но думается мнѣ, что онъ былъ тамъ, гдѣ мы прорыли его теперь. Лѣтъ 12 или 13 тому назадъ засѣла у меня въ головѣ мысль возобновить арыкъ, но власти у меня не было, силъ моихъ не хватало; никто меня не слушалъ. Сдѣлавшись волостнымъ, я началъ надоѣдать объ этомъ уѣзднымъ начальникамъ, и только въ 1883 году Богъ далъ мнѣ возможность съ разрѣшенія начальства приступить къ работамъ, которыя и увѣнчались успѣхомъ.

«Нельзя сказать сколько пользы принесетъ этотъ арыкъ и сколько людей будутъ благодарить Всемогущаго Бога за его возобновленіе! *Въ настоящее время киргизы садятся, много ихъ взялось за хлѣбопашество*, а возможно ли оно безъ воды? Арыкъ дастъ имъ воду, и если Богъ позволитъ мнѣ прожить еще немного лѣтъ, то я своими глазами увижу—на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде росла только колючка, будутъ расти ячмень, просо, пшеница. Имя мое не умретъ среди соотчичей, и эта слава—мое лучшее наслѣдство, которое я оставлю своимъ дѣтямъ и внукамъ» *).

Если приведенный разсказъ представляетъ изложеніе подлинныхъ мыслей Байсена-Кульдаева, то нужно признать ихъ рѣчью не простого кочевника-киргиза, а рѣчью истиннаго гражданина степи, болѣющаго сердцемъ о счастьи и благоденствіи своихъ соотчичей. Хотя, конечно, идеалы Байсена-Кульдаева далеки отъ общественныхъ идеаловъ гражданъ Европы, но за то послѣдніе смѣло могутъ позавидовать этому гражданину степи: онъ при жизни увидѣлъ воплощеніе своего идеала. Приведенныя выше слова его записаны Дѣтковымъ въ концѣ 1884 г., а лѣтомъ 1885 г. по Кокъ-Кериму киргизами было засѣяно различными хлѣбными растеніями до 7,000 десятинъ.

Въ приведенной рѣчи Байсена-Кульдаева важно и подчеркнутое мною свидѣтельство киргиза о тяготѣніи его соотчичей къ землѣ. Хорошо, еслибы во всей Киргизской степи тяготѣніе это облегчалось такими людьми, какъ Байсенъ, настойчивостью своею добившійся разрѣшенія провести

---

*) См. *Турк. Вѣдом.* 1885 г., № 14: *Киргизскія нужды* Дѣткова.

арыкъ, но, какъ я сказалъ выше, значительная часть киргизъ садится на землю послѣ потери скота отъ безкормицы.

Конечно, самый фактъ осѣданія киргизъ весьма желателенъ и въ будущемъ для края и для населенія принесетъ очень многое, но горько лишь то, что этотъ желательный процессъ пріобрѣтается крайне дорогой цѣной—разореніемъ населенія.

Плоды такого естественнаго перехода кочевниковъ-скотоводовъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ еще впереди, а въ настоящее время переходъ этотъ сопровождается плачемъ и стономъ разоряющихся киргизскихъ семей.

Если, съ одной стороны, желательно развитіе среди киргизъ земледѣлія съ переходомъ ихъ къ осѣдлому образу жизни, то, съ другой стороны, желателенъ ли упадокъ скотоводства? Киргизская степь еще до присоединенія ея къ Имперіи занимала первое мѣсто въ ряду тѣхъ мѣстностей, которыя снабжали рынки Европейской Россіи продуктами скотоводства; съ присоединеніемъ же края роль эта должна была увеличиться. Не имѣя подъ руками данныхъ о вывозѣ продуктовъ скотоводства за время присоединенія степи къ Имперіи, приведу только данныя за 1867 г., наглядно указывающія на значеніе Киргизской степи, какъ главной поставщицы продуктовъ скотоводства. По даннымъ *Военно-Статистическаго Сборника*, въ 1867 г. изъ общаго количества перегнаннаго черезъ границу Европейской Россіи скота на Киргизскую степь, по Сибирской и Оренбургской линіямъ, падаетъ 91,8%; изъ числа привезенныхъ кожъ степь дала 66,9%, а шерсти сырья—94,1%. Цифры эти краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій доказываютъ важность Киргизской степи, какъ поставщицы продуктовъ скотоводства.

При тѣхъ же крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, при какихъ находится въ настоящее время скотоводческое хозяйство киргизъ, нужно ожидать упадка значенія степи въ торговлѣ продуктами скотоводства, что врядъ ли желательно для экономической жизни всей Россіи.

Оставить Киргизскую степь безъ призора, оставить киргизъ при наличныхъ условіяхъ перехода ихъ къ земледѣлію, оставить степь при современномъ направленіи государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь киргиза,—значитъ дать возможность населенію разориться и обѣднѣть, а внутренніе рынки лишить значительной доли продуктовъ скотоводческаго хозяйства.

Наоборотъ, разумнымъ вмѣшательствомъ парализовать неблагопріятныя условія киргизскаго хозяйства и дать послѣднему возможность развиваться какъ хозяйству земледѣльческо-скотоводческому—значитъ сослужить великую службу не только краю, но и всей Россіи, если ограничивать роль экономическаго прогресса предѣлами одного государства.

Но въ чемъ должно заключаться это разумное вмѣшательство? Какія мѣропріятія должно принять государство, чтобы поднять экономическія силы Киргизской степи и дать имъ возможность расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ?

Прежде, однако, чѣмъ высказаться о частностяхъ государственнаго вмѣ-

шательства, о тѣхъ мѣрахъ, которыя, прежде всего, должны быть предприняты и которыя должны будутъ рѣзко повліять на весь бытъ киргизскаго населенія и помогутъ ему безъ излишняго горя и страданій переживать критическій періодъ перехода отъ одного соціально-экономическаго строя жизни къ другому, коснусь общихъ принциповъ, которые, по моему мнѣнію, должны лежать въ основѣ нашей внутренней политики въ Средней Азіи.

Какъ извѣстно, средне-азіатскія равнины,—эта колыбель арійскихъ народовъ,—въ древнѣйшія времена представляли цвѣтущую страну, въ которой зародилась и достигла значительнаго развитія одна изъ древнѣйшихъ цивилизацій Востока. Арійское населеніе по долинамъ Окса (нынѣ Аму-Дарья) и Яксарта (нынѣ Сыръ-Дарья) въ самой глубокой древности основало такія государста, какъ Бактріана (Бахтъ), Трансоксіана (Бухара), Согдіана (долина Зеравшана) и Хоразумія (Хива), которыя отличались необыкновенною людностью, матеріальнымъ богатствомъ и высокою степенью политическаго развитія. На торговлю этихъ странъ указываетъ Геродотъ, говоря, что караваны судовъ двигались внизъ по Оксу въ страны, расположенныя по берегамъ Каспійскаго моря. На существованіе этой цивилизаціи указываютъ развалины многихъ городовъ, наприм., Джанкента и Отрара, остатки каменныхъ подземныхъ водопроводовъ въ Туркменской степи и многія народныя легенды, которыя характеризуютъ эту эпоху, какъ періодъ высокаго развитія земледѣлія и садоводства, когда по всему теченію Окса, а также и Яксарта соловьи на тысячи верстъ перелетали, перепархивая съ одной вѣтки на другую. Богатства этихъ странъ привлекали къ себѣ многихъ военныхъ завоевателей, которые, начиная съ Александра Македонскаго и кончая нашествіемъ монголовъ, постоянно стремились покорить ихъ. Нашествіе полчищъ Чингизъ-Хана и послѣдовавшее затѣмъ господство тюркскихъ народовъ разрушили эту цивилизацію, и съ тѣхъ поръ славный и богатый Туркестанъ какъ бы застылъ въ многовѣковомъ непробудномъ снѣ. Неурядицы во времена кокандскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ правителей и почти непрерывныя междоусобія и возстанія окончательно убили развитіе промышленности. Даже упало земледѣліе, потому что пахарь, спасая свою жизнь отъ набѣга полчищъ какого-нибудь возставшаго бека, бросалъ пашню и уходилъ въ неприступныя горы, а неумолимая природа-мачиха засоряла оросительные каналы, сушила поля и во многихъ мѣстахъ заносила все это толстымъ слоемъ песка. Грандіозныя оросительныя сооруженія разрушены, вмѣсто богатыхъ городовъ и деревень по берегамъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи разстилаются необъятныя пустыни, а вся громадная, прежде культурная площадь сократилась до minimum'а. Можно смѣло сказать, что та культура, которую застали здѣсь мы, русскіе, при завоеваніи края, не что иное, какъ остатки прежняго величія.

Со времени присоединенія Туркестана къ Имперіи прошло уже 30 лѣтъ, и вліяніе наступившей гражданственности уже успѣло сказаться въ расширеніи культурной площади южной части Туркестана. Земледѣльцы туземцы, бѣжавшіе съ своихъ пашенъ въ послѣдніе годы анархіи мусульманскихъ

правителей, возвратились на свои заброшенныя поля и принялись за обработку ихъ. Къ нимъ присоединились и присоединяются новые пахари изъ числа бывшихъ кочевниковъ-киргизъ. Насколько энергично идетъ это возобновленіе древней цивилизаціи, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. «Въ Ташкентскомъ уѣздѣ въ 1869 г. считалось обрабатываемыхъ земель не болѣе 63,160 десят., въ 1878 г. площадь однѣхъ искусственно-орошаемыхъ земель простиралась до 126,406 дес., помимо посѣвовъ на богарныхъ поляхъ. По даннымъ же съемочныхъ работъ поземельно-податныхъ учрежденій въ періодъ 1887—1891 гг. искусственно орошаемыхъ земель снято 340,346 дес. За 20 лѣтъ (1869—1890) площадь культуры возросла на 440%».

Непрерывно расширяющаяся площадь культуры въ Туркестанскомъ краѣ захватываетъ собою все новыя и новыя пространства. Въ числѣ множества пахарей, трудящихся надъ этой великой по своему экономическому значенію работой, не послѣднее мѣсто занимаютъ осѣвшіе и постоянно осѣдающіе кочевники-киргизы. Еще покойный устроитель Туркестана К. И. фонъ-Кауфманъ въ своемъ проектѣ Всеподданнѣйшаго отчета говорилъ, что болѣе 80% всего осѣдлаго населенія Ташкентскаго уѣзда составляютъ киргизы, оставившіе занятіе скотоводства и принявшіеся за земледѣліе. «Ряды ихъ зимовокъ,—говорится въ этомъ отчетѣ,—представляютъ собою пункты довольно окрѣпшихъ осѣдлостей, гдѣ живетъ земледѣльческое киргизское населеніе, запасающее лѣтомъ хлѣбъ и люцерну для аульныхъ потребностей. Лучшія же зимовки киргизъ этого уѣзда мало чѣмъ отличаются отъ сартовскихъ кишлаковъ, также утопая въ зелени густыхъ садовъ, какъ и послѣдніе».

Эти факты роста земледѣльческой культуры въ Туркестанѣ послѣ присоединенія его къ Россіи указываетъ на то, что Россія однимъ только уничтоженіемъ анархіи мусульманскихъ правителей вступила на тотъ путь, въ которомъ видятъ «чрезвычайно благородную культурную миссію въ Средней Азіи, успѣшное выполненіе которой составитъ ея несомнѣнную заслугу передъ всѣмъ человѣчествомъ» (См. *Русская Мысль* 1890 г., кн. XI. «Научный Обзоръ». *Русскій Туркестанъ*). Какъ же велики должны быть послѣдствія завоеванія Средней Азіи, если мы сознательно и неуклонно будемъ активно стремиться къ осуществленію павшей на насъ исторической задачи! Задачу эту авторъ названной статьи формулируетъ такъ: «обезпечивъ какъ внѣшнее, такъ и внутреннее спокойствіе въ Туркестанѣ, мы должны создать здѣсь такой порядокъ вещей, при которомъ, безъ обремененія государственнаго бюджета и расхищенія естественныхъ богатствъ края, благоденствіе его населенія было бы вполнѣ упрочено, а производительныя силы его достигли бы возможно высшаго процвѣтанія. Короче сказать, мы должны возвратить цивилизаціи тѣ области Средней Азіи, которыя служили нѣкогда ея колыбелью» (см. тамъ же).

Стремясь къ возрожденію цивилизаціи на равнинахъ Средней Азіи, мы должны выполнять эту задачу, не посягая на самостоятельную жизнь туземныхъ національностей. Только при справедливомъ ровномъ отношеніи къ представителямъ разнородныхъ національностей, населяющихъ Турке-

станскій край, и возможно осуществленіе выпавшей на нашу долю исторической миссіи.

Какъ представители европейской цивилизаціи въ Средней Азіи, мы должны пріобщать населяющіе нашу окраину народы къ великой семьѣ культурнаго человѣчества. Конечно, не завтра настанетъ тотъ часъ, когда и киргизы и сарты станутъ вполнѣ родственными по духу всему цивилизованному человѣчеству, но это не исключаетъ необходимости и даже обязательности стремиться къ разъ намѣченной цѣли. Послѣдняя, какъ путеводный маякъ, должна освѣщать каждый нашъ шагъ по пути культурнаго прогресса. Къ этой цѣли мы должны идти неуклонно, не сбиваясь въ сторону увлеченія узко-національнымъ гуманизмомъ, потому что для насъ, какъ христіанъ, «нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варвары и скиѳы, рабъ и свободь», но всѣ братья, всѣ человѣки. Въ нашей внутренней средне-азіатской политикѣ на первомъ планѣ должно стоять истинно-гуманное отношеніе ко всѣмъ населяющимъ край народностямъ, которымъ мы должны дать знаніе—единственную могучую силу, могущую превратить нашу землю изъ юдоли горя и страданій въ царство, достойное царя природы, человѣка, и такія формы общественной и экономической жизни, при которыхъ наиболѣе успѣшно можетъ идти это превращеніе природы-мачихи въ природу-мать.

Вотъ та цѣль, къ которой мы неуклонно должны стремиться; но на пути къ этому идеалу по отношенію къ киргизамъ мы должны поставить еще и другой, являющійся, такъ сказать, переходнымъ къ только что намѣченному.

Этотъ переходный идеалъ долженъ основываться на данныхъ нынѣ переживаемаго момента.

Ссылаясь на трудъ г. Васильева, я указалъ выше на неблагопріятное состояніе киргизскаго скотоводческаго хозяйства, видя главную причину этого неблагопріятнаго состоянія въ почвенныхъ условіяхъ киргизской степи; указалъ также на стремленіе киргизъ къ земледѣльческому труду, переходъ къ которому обусловливается бросаніемъ скотоводческаго хозяйства; наконецъ, указалъ на желательность въ экономическомъ отношеніи развитія среди киргизъ земледѣлія и на нежелательность въ томъ же экономическомъ отношеніи совершеннаго оставленія скотоводческаго хозяйства. Опираясь на эти соображенія, я нахожу, *что переходнымъ идеаломъ нашей киргизской политики должно быть созданіе такихъ условій, которыя, способствуя улучшенію быта киргизъ-кочевниковъ, въ то же время облегчали бы имъ переходъ не къ земледѣльческому исключительно хозяйству, а къ земледѣльческо-скотоводческому.*

Не касаясь всѣхъ сторонъ дѣятельности государства въ этомъ отношеніи, я остановлюсь ниже только на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя должны быть направлены къ борьбѣ съ природными условіями, кладущими, какъ сказано было въ предыдущей главѣ, свою рѣзко выраженную печать на жизнь киргизъ, кочующихъ въ различныхъ мѣстахъ степи.

V.

Принимая за доказанное, что главная причина экономической неурядицы въ киргизской степи заключается въ тѣхъ природныхъ условіяхъ, которыми окружены киргизы и отъ которыхъ зависятъ цѣлость и сытость ихъ стадъ, и что такимъ образомъ борьба съ этой неурядицей должна быть направлена на измѣненіе этихъ условій, я не опускалъ безсильно руки передъ такимъ грознымъ врагомъ, какъ природа, будучи глубоко убѣжденъ въ могуществѣ человѣка. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ природой развѣ человѣкъ, терпя подчасъ пораженія, въ концѣ-концовъ не одерживалъ блестящихъ побѣдъ? Развѣ не измѣняетъ онъ постоянно физіономію земли, разумно пользуясь силами природы? Могущество человѣка въ этомъ отношеніи столь велико, что, говоря словами Buchnell'я, «вѣтры, бури, землетрясенія, моря и атмосферныя явленія не произвели на землѣ столь великихъ измѣненій, какія произвелъ человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ явился на ней и началъ надъ нею господствовать». Нѣтъ нужды перечислять одержанныя человѣкомъ побѣды надъ природою: онѣ у всякаго передъ глазами, онѣ наполняютъ собою страницы культурнаго прогресса человѣчества.

Дорого обошлись человѣчеству всѣ эти побѣды, не дешевы онѣ будутъ и впереди. Но бѣда не въ этой страшной дороговизнѣ, а въ томъ, что по сю пору плодами этихъ побѣдъ пользуется не все человѣчество, а лишь ограниченное меньшинство. И если и впереди невозможно обойтись безъ новыхъ жертвъ въ борьбѣ съ природой, то надобно стремиться къ тому, чтобы какъ прежнія завоеванія, такъ и новыя служили интересамъ всего человѣчества, а не привилегированному меньшинству.

Старыя это слова, читатель, очень старыя, но напомнить ихъ никогда не лишнее, особенно, когда слова эти — «забытыя слова».

Привлеченіе къ культурному человѣчеству новыхъ, пока еще полудикихъ, народностей, но несомнѣнно способныхъ къ культурѣ, дастъ для прогресса очень и очень многое, а потому мы, поставившіе своей задачей въ Средней Азіи возрожденіе цивилизаціи, не можемъ—да и не должны—отказываться отъ проведенія въ жизнь всего того, что̀ ведетъ къ этой цѣли.

Какъ сказано было раньше, плохо живется киргизамъ, кочующимъ со своими стадами въ областяхъ глинистыхъ и лёссовыхъ пустынь и въ областяхъ сыпучихъ песковъ. Какъ тѣ, такъ и другія области не безплодны по химическому составу своихъ почвъ; если же и существуетъ недостатокъ въ растеніяхъ, нужныхъ для корма скота, то онъ обусловленъ исключительно недостаткомъ влаги, благодаря чему травы быстро выгараютъ, а въ пескахъ, кромѣ того, выгараніемъ травъ и засухами обусловлена еще сыпучесть и подвижность песковъ. Нашу задачу и составляетъ дать всѣмъ этимъ почвамъ необходимую влагу, которая обезпечитъ цѣлость травъ на весь лѣтній періодъ, а въ пескахъ еще будетъ способствовать скрѣпленію ихъ, препятствуя вѣтрамъ взрывать песчаные барханы. «Чрезвычайная капиллярность мелкозернистой песчаной почвы,— говоритъ Миддендорфъ,— благодаря чему она поднимаетъ воду гораздо сильнѣе, чѣмъ пропускаетъ

ее сверху внизъ, служитъ пособникомъ водѣ. Чтобы вполнѣ уяснить все полезное дѣйствіе воды, не можемъ умолчать о томъ, что способность песка спекаться послѣ увлажненія его препятствуетъ дѣйствію на него вѣтра, когда наружный высохшій покровъ уже снесенъ имъ. Слѣдовательно, вѣтеръ не можетъ безъ всякаго удержа взрывать песокъ до любой глубины,—нѣтъ, онъ дѣйствуетъ лишь легонько, сдуваетъ изсушенный матеріалъ слой за слоемъ. Слабое же занесеніе пескомъ, въ особенности насыщенныхъ солью глинистыхъ и лёссовыхъ почвъ, служитъ на пользу земледѣлію, которое распахиваетъ песокъ для улучшенія почвы» (см. *Миддендорфъ:* «Очерки Ферганы»).

Орошеніе Киргизской степи — вотъ самое главное средство борьбы съ природой-мачихой, — средство, давно уже извѣстное средне-азіатскому населенію, настолько извѣстное, что въ законоположеніяхъ той части мусульманскаго права, которая разработана средне-азіатскими юристами, орошеніе земель называется оживленіемъ ихъ; (земли же не орошенныя носятъ названіе «маватъ», т.-е. мертвыя земли). Орошеніе степи дастъ массу культурныхъ земель, а доведенное до области сыпучихъ песковъ — облегчитъ задачу укрѣпленія и облѣсенія ихъ, что въ будущемъ все вмѣстѣ настолько видоизмѣнитъ физіономію степи, что послѣдняя изъ мертвой необъятной пустыни превратится въ страну съ роскошною растительностью, съ богатыми оазисами культурныхъ пространствъ.

Разъ мы поставимъ своей задачей облегчить киргизамъ переходъ къ земледѣлію, то мы *обязаны* оросить степи, ибо физическія условія мѣстной земледѣльческой культуры таковы, что безъ искусственнаго орошенія почти невозможно производить посѣвы различныхъ растеній. Нынѣ безполезно несущіяся въ Аральское море воды Сыръ-Дарьи будутъ утилизированы наиболѣе цѣлесообразно и дадутъ киргизскому населенію степи возможность безъ тяжелыхъ кризисовъ перейти отъ скотоводческаго хозяйства къ *земледѣльческо-скотоводческому*.

Невозможнаго въ осуществленіи столь грандіознаго предпріятія съ технической стороны ничего нѣтъ; что же касается желаемыхъ послѣдствій, то въ этомъ отношеніи мы пойдемъ навстрѣчу народившимся стремленіямъ киргизъ къ земледѣльческому труду. А что такое стремленіе у киргизъ существуетъ, тому доказательствомъ служитъ приведенный мною въ предыдущей главѣ разсказъ Байсена Кульдаева. Идеалы этого гражданина степи побудили его добиться власти волостного управителя, чтобъ осуществить долго лелѣянную имъ мысль о возобновленіи арыка Кокъ-Керимъ. Но мало сказать объ общемъ характерѣ нашего участія въ оросительныхъ предпріятіяхъ, надобно сказать также и о томъ, какъ осуществить эту историческую задачу, всѣ послѣдствія которой нельзя даже перечислить въ настоящее время.

Въ практическомъ отношеніи, мнѣ кажется, рѣшеніе этой задачи можетъ идти однимъ изъ двухъ путей: либо все веденіе оросительныхъ работъ должно взять на себя государство, объявивъ орошенныя земли своею

собственностью, а населеніе—вѣчнымъ наслѣдственнымъ арендаторомъ этихъ земель, либо государство должно предоставить осуществленіе этихъ работъ самимъ киргизамъ, какъ это было въ 1883 г. по отношенію къ Кокъ-Керимъ, оказывая имъ только поддержку, которая можетъ заключаться въ разрѣшеніи киргизамъ проводить въ той или другой мѣстности арыки, въ выдачѣ имъ для осуществленія этихъ работъ ссудъ на началѣ проектируемаго въ настоящее время меліоративнаго кредита, причемъ ссуды эти могутъ выдаваться натурой, т.-е. снабженіемъ населенія усовершенствованными гидротехническими орудіями, и, наконецъ, въ руководительствѣ работъ командированіемъ для того правительственныхъ техниковъ, подъ руководствомъ которыхъ и должны вестись всѣ работы.

Лично я стою за первый путь осуществленія оросительныхъ работъ въ Киргизской степи, основывая свой взглядъ на слѣдующихъ практическихъ соображеніяхъ.

Во-первыхъ, при предоставленіи иниціативы работъ самимъ киргизамъ трудно разсчитывать на скорое осуществленіе этихъ работъ, потому что, для того чтобы волость или аульное общество во всемъ своемъ составѣ могли возбуждать ходатайства о разрѣшеніи имъ оросить то или другое пространство, нужны два фактора: люди вродѣ упомянутаго мною выше джулекскаго волостного управителя Байсена Кульдаева и собственное сознаніе всего киргизскаго общества въ настоятельной необходимости оросительныхъ работъ. Байсены-Кульдаевы, конечно, не очень-то часто могутъ встрѣчаться, да если ихъ и много, то для успѣшнаго осуществленія своихъ замысловъ они прежде всего должны быть вліятельными лицами,— волостными управителями, старшинами въ родѣ и т. п. Ждать же сознанія киргизскаго общества (волости или аула)—значитъ откладывать дѣло въ долгій ящикъ, а главное — нарушать основной принципъ необходимости оросительныхъ работъ, по которому цѣль работъ—облегчить киргизамъ переходъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческо-скотоводческому. Принципъ этотъ нарушится потому именно, что сознательно киргизы придутъ къ мысли о необходимости оросительныхъ работъ тогда, когда рядъ жестокихъ ударовъ мачихи-природы подорветъ въ корнѣ скотоводческій промыселъ и когда, стало быть, возможенъ будетъ переходъ исключительно къ земледѣльческому хозяйству, а вѣдь орошеніе степи должно избавить киргизъ отъ такихъ горькихъ опытовъ.

Во-вторыхъ, надо помнить, что цѣль орошенія степи — помочь всѣмъ киргизамъ, а не отдѣльнымъ родамъ, поэтому вслѣдъ за орошеніемъ неизбѣжно выступитъ на первый планъ вопросъ о поземельномъ переустройствѣ киргизъ. Нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ всѣ земли, занятыя кочевниками, считаются государственными, предоставленными населенію въ безсрочное общественное пользованіе по обычаю. По обычному же праву зимовыя стойбища строго распредѣлены между киргизскими родами. Невозможность оросить всю степь и необходимость предоставленія всѣмъ киргизамъ пользоваться полосою орошенныхъ земель неминуемо выдвигаетъ

на первый планъ необходимость уравнительнаго раздѣла земель, а такое поземельное переустройство государство съ большимъ удобствомъ можетъ произвести только при томъ условіи, когда оно само возьметъ на себя практическое осуществленіе ирригаціонныхъ работъ. Мусульманское населеніе степи привыкло смотрѣть на неорошенныя земли какъ на государственныя, переходящія во владѣніе къ тому, кто оросить ихъ. Если орошеніе степи будетъ произведено самими киргизскими обществами, то на попытку государства уравнительно раздѣлить орошенныя земли между всѣми киргизами отдѣльныя общества послѣднихъ будутъ смотрѣть какъ на нарушеніе своихъ правъ, тогда какъ при орошеніи степи средствами государства такое недовольство врядъ ли будетъ возбуждено. Поселять же подобное недовольство, конечно, не желательно намъ не только въ политическомъ отношеніи, но также и въ экономическомъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, за орошеніе степи государствомъ стоитъ и еще слѣдующее соображеніе. Крайне обострившееся въ послѣдніе годы переселенческое движеніе направляется теперь и къ намъ, въ Туркестанъ, гдѣ масса свободныхъ земель, казалось бы, должна надолго обезпечить русскую колонизацію края. Но этому препятствуетъ отсутствіе свободныхъ орошенныхъ земель. Оживленіе Киргизской степи средствами государства дало бы послѣднему возможность часть изъ орошенныхъ земель оставлять подъ русскіе поселки. Разселеніе среди киргизъ русскаго элемента облегчитъ задачу окончательнаго устройства степи, какъ русской окраины. Совмѣстная жизнь, а также общій трудъ по очисткѣ арыковъ сблизятъ киргизъ съ русскими и облегчатъ распространеніе среди нихъ нашей европейской цивилизаціи. Устройство же русскихъ поселковъ среди киргизскаго населенія возможно безъ поселенія неудовольствія только при томъ условіи, когда орошеніе степи будетъ совершено государствомъ, т.-е. когда орошенныя земли въ сознаніи киргизъ будутъ считаться государственными.

Но орошеніемъ лёссовыхъ равнинъ не должны ограничиваться наши первыя заботы объ улучшеніи быта киргизскаго населенія. Помимо безводныхъ глинистыхъ и лёссовыхъ равнинъ, киргизы страдаютъ еще, какъ было сказано въ третьей главѣ, отъ невозможности дѣлать зимніе запасы травъ, растущихъ въ пескахъ. Отсутствіе лѣтнихъ дождей способствуетъ быстрому выгоранію травъ и высыханію бархановъ, отъ чего песокъ становится подвижнымъ и легко при сильныхъ вѣтрахъ переносится съ мѣста на мѣсто. Это свойство сыпучихъ песковъ можетъ въ будущемъ служить не малою преградой развитію земледѣлія въ прилегающихъ къ пескамъ мѣстностяхъ, а потому рано или поздно мы должны будемъ вступить въ борьбу съ этими сыпучими песками, чтобъ они не заносили собою площади культурныхъ пространствъ. И лучше борьбу эту начать одновременно съ орошеніемъ степи. Я уже выше ссылкой на Миддендорфа указалъ на значеніе орошенія въ дѣлѣ укрѣпленія песковъ. Поэтому надо стремиться къ тому, чтобы были орошены всѣ годныя къ тому пространства до самой границы песковъ. Съ другой же стороны, извѣстныя въ наукѣ данныя о флорѣ песковъ могутъ облегчить задачу укрѣпленія песковъ

облѣсеніемъ ихъ. Самое же облѣсеніе песковъ не является чѣмъ-то невозможнымъ. Вѣдь Франція сумѣла превратить подвижныя приморскія дюны въ роскошные лѣса. И мы должны стремиться къ тому, чтобы, говоря словами профессора Сорокина, на вершинахъ песчаныхъ бархановъ «шумѣли зеленыя рощицы». Это облѣсеніе песковъ, способствуя увлажненію климата, облегчитъ земледѣльческія работы на орошенныхъ лёссовыхъ равнинахъ и создастъ на склонахъ песчаныхъ бархановъ и въ долинахъ новую почву, богатую травами.

Какъ орошеніе степи, такъ и облѣсеніе песковъ,—двѣ заданныя намъ исторіей задачи,—должны идти рука объ руку, потому что первая задача облегчаетъ осуществленіе второй, а вторая—первой, ведя къ полнѣйшему видоизмѣненію физіономіи Киргизской степи.

Вотъ это-то видоизмѣненіе степи и составляетъ первый шагъ нашей культурной миссіи въ средней части Арало-Каспійскаго бассейна,—первый шагъ, сдѣлать который необходимо, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Этотъ шагъ, радикальнымъ образомъ измѣняя экономическій бытъ киргизъ, облегчитъ государству устройство русскихъ переселенцевъ, давъ послѣднимъ возможность селиться среди киргизскаго общества и тѣмъ самымъ способствовать «культивизаціи» киргизъ.

Конечно, за первымъ шагомъ должны идти второй, третій и т. д., изъ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ упомянутая мною необходимость реформы поземельнаго устройства. Касаться этой реформы, а также и другихъ необходимыхъ мѣропріятій я въ настоящее время не буду, потому что серьезность и обширность поземельной реформы требуютъ прежде всего знанія обычно-правовыхъ отношеній киргизъ къ землѣ, а знаніе этой стороны обычнаго права киргизъ въ настоящее время крайне скудно и неполно

Не буду касаться и вопроса о поднятіи культурнаго уровня киргизъ, потому что и этотъ крайне важный пунктъ нашей культурной миссіи можетъ быть успѣшнѣе проведенъ, когда будетъ удалена главная причина бѣдствія киргизъ, а къ этому насъ побуждаетъ также принципъ государственной предусмотрительности. Нищета массы народа—крайне серьезная болѣзнь общества, и разъ есть вѣроятность предположить, что болѣзнь эта можетъ разростись и охватить собою цѣлый огромный районъ, то надобно, не дожидаясь усилія ея, въ корнѣ уничтожить развивающееся зло, иначе будетъ потомъ слишкомъ поздно залѣчивать тяжелыя раны общественнаго организма.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что если мы неуклонно будемъ стремиться къ задачѣ орошенія степи и облѣсенія песковъ, да не будемъ упускать изъ виду и улучшеніе соціальнаго строя киргизъ, — тогда нашъ кочевникъ, «мѣрно покачиваясь на сытомъ верблюдѣ, запоетъ и другую—веселую пѣсенку, а не ту заунывную, щемящую за сердце, какую вѣчно поетъ онъ теперь, словно плачетъ по покойникѣ», а разлившееся рѣкою довольство обезпечитъ поступленіе государственныхъ доходовъ и «край будетъ приносить не дефицитъ, а милліоны доходовъ».

Ор. Шкапскій.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ и первый годъ его дѣятельности.

I.

Къ числу трехъ почтенныхъ органовъ, спеціально посвятившихъ себя всестороннему изученію Византіи (*Byzantinische Zeitschrift* проф. Карла Крумбахера, *Византійскій Временникъ,* издаваемый при С.-Петербургской Импер. Акад. Наукъ, *Лѣтопись Историко-филологическаго общества при Импер. Новороссійскомъ университетѣ.—Византійское отдѣленіе*) въ настоящее время присоединился четвертый. Въ концѣ февраля текущаго года въ Москвѣ былъ полученъ I-й томъ *Извѣстій* русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, представляющій намъ первый отчетъ и первые труды этого новаго ученаго учрежденія на Востокѣ *).

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, какъ извѣстно, получилъ свое утвержденіе 23 мая 1894 года; почти годъ спустя, 26 февраля 1895 г., состоялось торжественное открытіе института его почетнымъ предсѣдателемъ, россійскимъ посломъ въ Турціи, А. И. Нелидовымъ. Мысль объ основаніи въ Константинополѣ археологическаго института возникла среди членовъ россійскаго посольства въ столицѣ Турціи. Это ученое учрежденіе предназначалось преимущественно для византійскихъ древностей, т.-е. его цѣлью должно было быть «изученіе письменныхъ и монументальныхъ памятниковъ въ областяхъ прежней Византійской—нынѣшней Турецкой имперіи, Греческаго королевства и славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ» **).

Мысль объ учрежденіи археологическаго института въ Константинополѣ была сообщена А. И. Нелидовымъ въ университеты и другія ученыя учреж-

*) *Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ,* т. I (Одесса, 1896 г., стр. 53+175+35). Къ настоящему тому приложены двѣ таблицы, наглядно представляющія содержаніе Сармисахлійскаго кодекса Евангелія и предполагаемый планъ византійской церкви св. Апостоловъ.

**) См. рефератъ г. директора института, проф. Ѳ. И. Успенскаго, доложенный на археологич. съѣздѣ въ Ригѣ (*Арх. Зам. и Изв.* 1896 г., №№ 9—10).

денія Россіи. Особенное сочувствіе она встрѣтила среди профессорскаго персонала Новороссійскаго университета, въ Одессѣ, гдѣ и былъ составленъ проектъ устава *), который затѣмъ долженъ былъ подвергнуться обсужденію другихъ ученыхъ обществъ и съѣздовъ **). Какъ уже было сказано выше, по мысли учредителей институтъ предназначался преимущественно для изученія византійскихъ древностей. Эта спеціализація института вызвала, уже въ самомъ началѣ, разногласія и возраженія. Съ одной стороны, филологи-классики высказывали желаніе, чтобы былъ основанъ институтъ классической археологіи (какъ греческой, такъ и римской), въ кругъ занятій котораго входило бы и византиновѣдѣніе; при этомъ указывалось, что было бы лучше основать такой институтъ не въ Константинополѣ, а въ Аѳинахъ или въ Римѣ, гдѣ уже много лѣтъ работаютъ подобные же институты германскаго, французскаго и другихъ правительствъ ***). Съ другой стороны, оріенталистами высказывалось пожеланіе, чтобы будущій археологическій институтъ обратилъ свое вниманіе и на восточную археологію, содѣйствуя, такимъ образомъ, тѣмъ восточнымъ отдѣленіямъ, которыя существуютъ при московскомъ и петербургскомъ археологическихъ обществахъ.

Такимъ образомъ, первое время трудно было сказать, какое направленіе будетъ придано новому ученому учрежденію. Въ концѣ-концовъ, однако, взяло верхъ первоначальное предназначеніе археологическаго института — *служить учрежденіемъ для всесторонняго изученія Византіи.* Имѣя въ виду эту спеціальную миссію института и полемику по поводу нея, г. почетный предсѣдатель въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Мы испытали ни болѣе, ни менѣе какъ вѣковую борьбу язычества съ христіанствомъ,—борьбу сторонниковъ основанія института для занятія классическою древностью въ Аѳинахъ противъ защитниковъ необходимости для Россіи стать во главѣ изученія христіанскаго міра...» (*Извѣстія,* стр. 4). Съ своей стороны, г. директоръ института, проф. Ѳ. И. Успенскій, сказалъ слѣдующее: «Защитники проекта константинопольскаго института выставляли на первый планъ интересы византиновѣдѣнія. Нужно — говорили они — прежде всего отдѣлить занятія Византіей отъ классической археологіи, такъ какъ эти занятія сами по себѣ представляютъ для русской науки живой интересъ; слѣдуетъ не къ тому стремиться, чтобы приготовлять почву для археологіи, успѣхи которой достаточно обезпечены, а къ тому, чтобъ эман-

---

*) Въ своей рѣчи, въ день открытія института, г. Нелидовъ указалъ на особенное содѣйствіе, оказанное извѣстнымъ византинистомъ, проф. Успенскимъ (нынѣ директоромъ археологич. института).

**) Особенное участіе въ обсужденіи проекта устава принимало Моск. Импер. археологич. общ. и собравшійся въ Москвѣ въ 1890 г. VIII археологич. съѣздъ.

***) См., между прочимъ, прекрасный рефератъ, прочитанный проф. В. Модестовымъ на VIII археологич. съѣздѣ въ Москвѣ: *Объ открытіи русскаго археологическаго института въ Римѣ съ отдѣленіемъ въ Аѳинахъ* (*Труды VIII археологич. съѣзда въ Москвѣ 1890 г.* Москва, 1897 г., т. III, стр. 303—306).

сипировать византиновѣдѣніе отъ служебной роли относительно классической археологіи, ибо ничто такъ не было вредно для византійскихъ занятій, какъ тотъ взглядъ, что Византія имѣетъ научный интересъ лишь съ точки зрѣнія хранительницы классическихъ преданій» (тамъ же, стр. 11).

Итакъ, отнынѣ русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ посвящаетъ свои силы византиновѣдѣнію, изученію Византіи. Эта спеціализація института (хотя и не совсѣмъ пріятная для филологовъ-классиковъ и для оріенталистовъ) пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что за послѣднее время взглядъ европейскихъ ученыхъ на Византію, ея роль въ политической и культурной исторіи значительно измѣнился. Вотъ что говоритъ Герцбергъ во введеніи къ своему труду *Исторія Византіи:* «Очень долго къ этой тысячелѣтней исторіи (т.-е. къ исторіи Византіи) относились съ большимъ недоброжелательствомъ, съ чрезмѣрною строгостью и пренебреженіемъ. Даже тѣ, кто въ превратностяхъ судьбы Византіи не видѣли «тысячелѣтняго паденія» или, еще хуже, «тысячелѣтняго гніенія», неохотно занимались государствомъ, въ лѣтописяхъ котораго, казалось, нѣтъ ничего другого, кромѣ разсказовъ о постоянныхъ дворцовыхъ революціяхъ, о безпрерывной смѣнѣ однихъ деспотовъ другими, о романтическихъ кровавыхъ сценахъ и о дикихъ партіяхъ, разъединенныхъ малопонятными догматическими вопросами. Но современная наука значительно видоизмѣнила подобный взглядъ... (и) стала справедливѣе относиться къ Византійскому царству. Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что остатокъ древней монархіи Константина и Ѳеодосія... сумѣлъ противустоять безпрерывнымъ страшнымъ нападеніямъ народовъ болгарскихъ, славянскихъ, арабскихъ, туранскихъ, поднимался вновь послѣ всякаго глубокаго униженія и даже въ состояніи былъ превозмочь самую тяжелую катастрофу—разгромъ, совершенный рыцарями 4-го крестоваго похода, и потерю столицы; уже этотъ грандіозный фактъ побуждалъ заняться подробнѣе и безъ предвзятой идеи исторіей государства, проявившаго такую чрезвычайную, безпримѣрную живучесть» (см. русскій пер. П. Безобразова, стр. 1—2).

Итакъ, въ настоящее время происходитъ перемѣна во взглядѣ на культурное значеніе Византіи. Само собою разумѣется, насколько важно основаніе въ такое именно время учрежденія, которое должно спеціально посвятить свои силы всестороннему изученію судебъ восточной половины Римской имперіи. Но, признавая такую важность спеціально-византійскихъ этюдовъ, мы въ то же время должны обратить вниманіе и на слѣдующее: эти спеціально-византійскіе этюды, смѣемъ думать, еще недостаточны для самого дѣла—для изученія *византинизма* *); византійская культура, какъ ни сильно было на нее воздѣйствіе иностранныхъ (римской и восточныхъ) культуръ, все-таки остается *культурой греческаго племени* извѣстной эпо-

*) Подъ терминомъ „византинизмъ“ разумѣется тотъ малоизслѣдованный пока факторъ, который создалъ и опредѣлилъ восточно-римскую или, иначе, ромейскую исторію.

хи, а именно эпохи среднихъ вѣковъ, и, какъ средневѣковая греческая культура, она находится въ органической связи съ культурой древнихъ грековъ. Такимъ образомъ, разъ византійская культура есть продолженіе древнегреческой, то было бы желательно, чтобъ изученіе этой послѣдней не было совершенно оставлено институтомъ, хотя бы онъ и стремился «эмансипировать византиновѣдѣніе отъ служебной роли относительно классической археологіи».

Первый томъ *Извѣстій*, къ счастью, даетъ намъ право надѣяться, что, несмотря на свою спеціальную миссію—изученіе Византіи, институтъ намѣренъ обратить свое вниманіе и на изученіе классической Эллады. Мы узнаемъ, напримѣръ, что институтомъ была совершена экскурсія въ Аѳины и въ нѣкоторые другіе города, представляющіе значеніе для классической археологіи (наприм., Синопъ); члены института двѣ недѣли провели въ Дельфахъ, гдѣ аѳинскою французскою школой производились раскопки; наконецъ, на страницахъ самого I тома *Извѣстій* помѣщены статьи по классической археологіи, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

II.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ обзору дѣятельности самого института.

Первый годъ дѣятельности института, само собою разумѣется, должно разсматривать какъ организаціонный періодъ. Предстояло прежде всего устроиться, обзавестись библіотекою и войти въ сношенія съ учеными учрежденіями и обществами какъ ближайшихъ, такъ и болѣе отдаленныхъ странъ, а также привлечь къ участію многихъ отдѣльныхъ лицъ, которыя по своему положенію могли быть полезными институту, какъ, напримѣръ, гг. консулы въ различныхъ мѣстностяхъ Турецкой имперіи. Помимо всего этого, уже на первыхъ порахъ пришлось подумать и объ устройствѣ музея, такъ какъ въ институтъ стали поступать отъ различныхъ лицъ археологическіе предметы, въ видѣ остатковъ скульптуры, терракотовыхъ вещей, рѣзныхъ камней, надписей и т. д.

Тѣмъ не менѣе, первый годъ дѣятельности института не прошелъ безплодно и для ученой дѣятельности, которая выразилась, главнымъ образомъ: 1) въ *устройствѣ засѣданій,* 2) *археологическихъ экскурсіяхъ* и 3) *собираніи свѣдѣній о древностяхъ и содѣйствіи ученымъ какъ Россіи, такъ и другихъ странъ.*

Что касается засѣданій, то, помимо торжественнаго засѣданія, ихъ было пять; въ нихъ были доложены слѣдующіе рефераты:

Ѳ. И. Успенскимъ: 1) О терманцахъ на службѣ Восточной имперіи; 2) О древнемъ университетѣ въ Константинополѣ; 3) О новыхъ матеріалахъ для исторіи Трапензунта; 4) О высшемъ образованіи въ Византіи въ XI в.

П. Д. Погодинымъ (ученымъ секретаремъ института): О личности митрополита Исидора и его участіи на Базельскомъ и Флорентійскомъ соборахъ.

О. Ѳ. Вульфомъ: О памятникахъ искусства на Аѳонѣ.

Я. И. Смирновымъ: 1) Археологическая поѣздка черезъ Эпиръ и Ѳессалію въ Салоники; 2) Поѣздка по Кипру и Малой Азіи.

Г. П. Беглери: О топографіи Константинополя.

Обращаясь къ археологическимъ экскурсіямъ, которыя признаются институтомъ «однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ для достиженія научныхъ задачъ, изложенныхъ въ §§ 2 и 9 (его) Устава» (*Извѣстія*, стр. 25), мы видимъ, что за отчетный годъ институтъ предпринялъ три большія экскурсіи—въ Анатолію, на Аѳонъ и въ Аѳины. Кромѣ того, институтомъ было предпринято нѣсколько малыхъ экскурсій въ окрестности Константинополя, такъ какъ непосредственное ознакомленіе съ памятниками и топографіей этого города и его окрестностями является прямою задачей института.

Экскурсія въ Анатолію была совершена съ цѣлью изученія области, входившей въ составъ древней Трапезунтской имперіи, которая, какъ извѣстно, имѣла тѣсныя связи съ Кавказомъ и вообще съ нынѣшнимъ русскимъ Черноморьемъ. Спеціально для византинистовъ Трапезунтъ интересенъ своими остатками христіанскихъ древностей: здѣсь сохранилось до двадцати христіанскихъ церквей, изъ коихъ нѣкоторыя въ настоящее время обращены въ мечети. Экспедиція, осмотрѣвъ и изучивъ на мѣстѣ эти храмы, пришла къ заключенію, что «скудныя замѣтки, находимыя о трапезунтскихъ церквахъ у *Texier*: «Byzantine Architecture»,—далеко не исчерпываютъ предмета и не даютъ идеи о богатствѣ матеріала, который здѣсь ждетъ изученія», и что «если бы представилась возможность снарядить въ Трапезунтъ свѣдущаго архитектора для снятія плановъ древнихъ церквей и художника для срисовки стѣнной живописи и архитектурныхъ украшеній, то могъ бы получиться важный матеріалъ для рѣшенія нѣкоторыхъ проблемъ, имѣющихъ отношеніе, быть можетъ, и къ русскому искусству» (*Извѣстія*, стр. 26).

Далѣе было обращено вниманіе на трапезунтскія пещерныя церкви, сохранившія остатки стѣнной живописи не позднѣе XIV столѣтія, и на древніе монастыри, находящіеся въ окрестностяхъ Трапезунта. Наконецъ, что касается рукописей, то экспедиція насчитала ихъ въ Трапезунтѣ и его окрестностяхъ до трехсотъ. Экспедиція, при этомъ, обращаетъ вниманіе на въ высшей степени неблагопріятное состояніе, въ которомъ пребываютъ рукописи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ: помѣщенія сыры и обращеніе со стороны монаховъ немилосердное. Относительно монастырскихъ ризницъ, весьма часто представляющихъ собою родъ церковныхъ музеевъ, мы узнаемъ, что въ нихъ «находится значительное число церковныхъ одеждъ, драгоцѣнныхъ крестовъ и окладовъ священныхъ книгъ, восходящихъ по времени къ эпохѣ ранѣе XIV вѣка» (тамъ же, стр. 28).

Изъ другихъ городовъ на турецкомъ побережьѣ Чернаго моря, по свѣдѣніямъ, собраннымъ экспедиціей, заслуживаютъ въ археологическомъ отношеніи особаго вниманія Самсунъ (древній Amisos) и Синопъ. Эти оба

города замѣчательны тѣмъ, что предметы, въ нихъ находимые, представляютъ остатки древне-греческой (классической) культуры, тогда какъ остатковъ византійской культуры, которыми такъ богатъ Трапезунтъ, въ нихъ почти непримѣтно. Раскопки въ этихъ городахъ, вѣроятно, дали бы богатый археологическій матеріалъ, но, къ сожалѣнію, такое предпріятіе въ предѣлахъ турецкихъ владѣній сопряжено съ большими затрудненіями или почти невозможно.

Экскурсія на Аѳонъ была предпринята директоромъ института совмѣстно съ членами О. Ѳ. Вульфомъ и Б. А. Панченко. Экспедиція выяснила, что на Аѳонѣ хранится до 10,000 рукописей, изъ которыхъ описана только меньшая часть (I томъ каталога проф. Ламброса). Экспедиція посвятила свои силы, главнымъ образомъ, списыванію и изученію нѣкоторыхъ рукописей, тексты которыхъ пока оставались неизданными. Такъ былъ списанъ обширный матеріалъ по исторіи Трапезунта,—матеріалъ, состоящій изъ различныхъ пьесъ и представляющій любопытныя данныя для внутренней исторіи Трапезунта, для этнографіи Черноморья и для выясненія отношеній Трапезунтской имперіи къ русскому Черноморью. Далѣе былъ списанъ неизвѣстный доселѣ памятникъ «Описаніе храма свв. Апостоловъ въ Константинополѣ» писателя X столѣтія, Константина Родія *); были извлечены изъ рукописей и другіе интересные матеріалы, но о нихъ мы не станемъ распространяться. Кромѣ извлеченія матеріала изъ рукописныхъ кодексовъ, предметомъ занятій экспедиціи на Аѳонѣ было также изученіе мѣстной церковной архитектуры. Именно, на Аѳонѣ были изучены три церкви въ Кареѣ, въ Ватопедѣ и въ Діонисіатѣ, «представляющія три главныхъ типа аѳонской церковной архитектуры различныхъ временъ» (*Извѣстія*, стр. 31).

Экскурсія въ Аѳины имѣла въ виду, главнымъ образомъ, ознакомиться съ состояніемъ раскопокъ, которыя въ настоящее время ведутся французскою школой и нѣмецкимъ археологическимъ институтомъ, а также установить общеніе съ греческими учеными учрежденіями и обществами. Экспедиція побывала, между прочимъ, въ Дельфахъ, гдѣ, въ это время, французами производились раскопки. Кромѣ того, были предприняты небольшія экскурсіи въ мѣстности, лежащія по близости Аѳинъ (наприм., въ Элевзисъ и друг.).

Небольшія экскурсіи по Константинополю и его окрестностямъ институтъ предпринималъ для выясненія топографическихъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ древнему Константинополю. Кромѣ того, члены института посѣщали иногда и частные дома, «привлекающіе вниманіе или ясными признаками до-турецкой постройки или расположеніемъ своимъ на развалинахъ древняго зданія» (*Извѣстія,* Отчетъ, стр. 37).

Теперь посмотримъ, въ чемъ выразилась дѣятельность института относительно собиранія свѣдѣній о древностяхъ и содѣйствія ученымъ.

---

*) Объ этомъ памятникѣ будетъ рѣчь ниже.

Институтъ, со дня своего основанія, старался привлечь къ содѣйствію своимъ занятіямъ гг. консуловъ, резидирующихъ въ различныхъ городахъ Европейской Турціи, Малой Азіи, Сиріи и Палестины. Отъ нихъ получались свѣдѣнія о различныхъ мѣстныхъ древностяхъ, о монастыряхъ, собраніяхъ рукописей и т. д.; ими же доставлялись институту свѣдѣнія о мѣстныхъ любителяхъ древностей и коллекціонерахъ. Наконецъ, близкія отношенія къ консульскому міру были важны для института въ практическомъ отношеніи, въ виду личной свободы ученыхъ, производящихъ свои изслѣдованія въ предѣлахъ турецкаго государства *). Изъ консульскихъ сообщеній, о которыхъ упоминаетъ «Отчетъ» института, можно привести слѣдующія: сообщеніе г. Арсеньева, генеральнаго консула въ Іерусалимѣ, о состояніи археологіи въ Палестинѣ, цѣликомъ помѣщенное въ «Хроникѣ» *Извѣстій*, сообщеніе г. Скрягина, консула въ Янинѣ (Эпиръ), о его путешествіи по Эпиру. Въ этомъ сообщеніи г. Скрягинъ отмѣчаетъ наиболѣе интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности изслѣдованной имъ области, причемъ мы знакомимся съ тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ находятся въ Турціи (даже въ Европейской) памятники древности, несмотря на существованіе въ Константинополѣ такого учрежденія, какимъ является оттоманскій музей. Мы узнаемъ, напримѣръ, объ одномъ мраморномъ саркофагѣ, одиноко стоящемъ въ ямѣ, среди поля въ долинѣ Парамиѳіи (между Яниной и Паргой); саркофагъ этотъ ничѣмъ не защищенъ ни отъ явленій природы, ни отъ людей, и деревенскіе мальчишки избрали его высокохудожественные барельефы мишенью для своего упражненія въ бросаніи камней.

Что касается содѣйствія института ученому міру, то, за отчетный годъ, имъ пользовались многіе профессоры и преподаватели, какъ изъ Россіи, такъ и изъ другихъ странъ (наприм., члены французской школы въ Аѳинахъ). Далѣе, институтъ считалъ своею обязанностью сообщать свѣдѣнія о древностяхъ тѣмъ ученымъ учрежденіямъ, которыя наиболѣе были заинтересованы въ ихъ изученіи или пріобрѣтеніи. Такъ, въ С.-Петербургскую Императорскую академію наукъ было отправлено описаніе древнееврейскихъ рукописей, продававшихся въ Іерусалимѣ. Черезъ посредство и благодаря энергіи института была совершена покупка знаменитаго сребрbelieved писаннаго сармисахлійскаго кодекса Евангелія (на греческомъ языкѣ), о которомъ будетъ сказано далѣе.

---

*) Въ отчетѣ института мы читаемъ слѣдующія строки: „Въ виду совершенно особаго характера мѣстныхъ условій, въ виду тѣхъ чисто-внѣшнихъ препятствій, съ которыми сопряжена на Востокѣ научная работа, необходимо, чтобы при своихъ экскурсіяхъ и работахъ, въ какой бы мѣстности Оттоманской имперіи они ни находились, русскіе ученые были сильны опорою представителей русскаго правительства и проч.“ (*Извѣстія*, Отчетъ, стр. 42—43).

(Всѣмъ памятна печальная исторія, которой подвергся одинъ извѣстный славистъ, производившій лингвистическія наблюденія въ Македоніи).

Наконецъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о *библіотекѣ и кабинетѣ древностей* при институтѣ.

Организація библіотеки составляла одну изъ главнѣйшихъ заботъ института со дня его учрежденія. Такъ какъ институтъ призванъ оказывать содѣйствіе въ занятіяхъ на Востокѣ не только археологамъ, но и лицамъ, занимающимся исторіей искусствъ и т. д., то ему пришлось озаботиться пріобрѣтеніемъ хотя бы самыхъ необходимыхъ пособій для соотвѣтствующихъ областей наукъ.

Если старанія института въ этомъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ *), то онъ обязанъ, главнымъ образомъ, содѣйствію различныхъ ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, съ самаго начала заявившихъ свои симпатіи новому академическому учрежденію **).

Что касается кабинета древностей, то онъ составился преимущественно изъ пожертвованій. «Покупкой же пріобрѣтались только такіе предметы, которые или прямо относятся къ христіанскимъ древностямъ, или могутъ считаться важными для образованія спеціальныхъ коллекцій при институтѣ» (*Извѣстія,* Отчетъ, стр. 50). Такимъ образомъ было положено начало для собиранія свинцовыхъ печатей («моливдовуллы») и монетъ собственно-византійскихъ и греческо-черноморскихъ ***). Изъ античныхъ предметовъ кабинета древностей можно назвать: прекрасную бронзовую, архаическаго стиля (VII или VIII в. до Р. Х.), статуэтку, изображающую возлежащаго за пиромъ юношу ****), мраморный торсъ Гермеса римской работы и нѣк. др. Въ кабинетѣ имѣется также небольшая серія лампочекъ (греч., римск., христ. эпохи) и положено начало коллекціи вазъ, которая въ настоящее время содержитъ «образцы отъ архаическихъ издѣлій до рельефной декораціи эллинистическихъ и римскихъ временъ» (*Извѣстія,* Отчетъ, стр. 50—51).

III.

Мы переходимъ теперь къ обзору ученыхъ статей, помѣщенныхъ на страницахъ перваго тома *Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.*

Этотъ томъ открывается статьей директора института, проф. Ѳ. И. Успенскаго,—*Актъ отвода земли монастыря Богородицы Милостивой.* Этотъ актъ (по-гречески — praktikon) извлеченъ изъ рукописи Иверскаго монастыря на Аѳонѣ,—рукописи, заключающей сборникъ актовъ, принадлежащихъ монастырю Богородицы Милостивой, «который процвѣталъ въ

*) По приведеніи библіотеки въ надлежащій порядокъ оказалось, что она владѣетъ болѣе чѣмъ 6,200 томовъ.

**) См. привѣтствія и поздравленія отъ разныхъ (русскихъ и иностранныхъ) ученыхъ учрежденій, приведенныя на стр. 17—21 *Извѣстій* (открытіе института).

***) Всѣхъ печатей въ кабинетѣ имѣется 380, а монетъ—1525.

****) См. подробное описаніе въ *Извѣстіяхъ*, на стр. 36 Отчета.

эпоху Комниновъ въ Македоніи, въ темѣ *) Струмица». Этотъ актъ, относящійся къ царствованію Мануила Комнина, представляетъ собою протоколъ ввода монастыря во владѣніе 12 крестьянами съ принадлежащею имъ землей. Отъ другихъ подобныхъ актовъ данный «актъ отличается полнотою, подробностями и, въ особенности, своимъ составомъ», а его содержаніе «представляетъ весьма важныя дополненія къ системѣ организаціи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи». Статья проф. Успенскаго представляетъ реальный комментарій къ этому, тутъ же изданному, акту. Помимо юридическаго значенія, данный актъ представляетъ и другія любопытныя стороны. Изъ него видно, что населеніе Македоніи въ эту эпоху было уже смѣшаннымъ: здѣсь жили на-ряду съ греками болгары, на-ряду съ валахами—сербы.

Слѣдующая статья принадлежитъ О. Ѳ. Вульфу, она озаглавлена:—*Семь чудесъ Византіи и храмъ свв. Апостоловъ*. Въ этой, весьма интересной для знатоковъ исторіи искусствъ, статьѣ авторъ пытается объяснить съ археологической точки зрѣнія описаніе нынѣ не существующаго болѣе византійскаго храма свв. Апостоловъ,—описаніе, находимое во вновь открытой поэмѣ Константина Родія—писателя X столѣтія **). Поэма эта, написанная по порученію Константина Багрянороднаго, озаглавлена — *Описаніе храма свв. Апостоловъ и другихъ памятниковъ Константинополя*. Памятникъ этотъ въ настоящее время изданъ съ одной стороны Э. Леграномъ и Ѳ. Рейнакомъ, съ другой—греческимъ ученымъ (членомъ института) г. Беглери ***). Въ своей статьѣ г. Вульфъ, предлагая свои толкованія, полемизируетъ съ Леграномъ и Беглери, хотя и признаетъ большое ученое значеніе за ихъ изданіями. Не существующій въ настоящее время храмъ свв. Апостоловъ интересенъ особенно въ томъ отношеніи, что онъ послужилъ образцомъ для нѣкоторыхъ храмовъ Италіи и прежде всего для соборной церкви San Marco въ Венеціи. Этотъ знаменитый храмъ, представляющій собою первое чудо «столицы Адріатики», какъ извѣстно, первоначально былъ построенъ въ романскомъ стилѣ и только во второй половинѣ XI вѣка изъ романской базилики былъ перестроенъ греческими архитекторами въ крестообразный купольный храмъ по образцу константинопольской церкви свв. Апостоловъ (подробности см. въ изданіи Ongania: *La Basilique de St.-Marc à Venise*. Venise, 1890, pp. 336 sq.). Статья г. Вульфа имѣетъ главною цѣлью реставрировать храмъ свв. Апостоловъ, имѣя въ основаніи, съ одной стороны, описаніе Константина Ро-

*) *Тема*—названіе административнаго церковнаго округа (епархія, діоцеза).

**) Эта поэма извлечена изъ кодекса № 170—библіотеки Лаврскаго монастыря на Аѳонѣ.

***) Текстъ издалъ собственно E. Legrand (въ *Revue des études grecques*, IX, pp. 32—65), а Th. Reinach написалъ археологическій комментарій къ тексту опубликованной поэмы (*Commentaire archéologique sur le poète de Constantin le Rhodien*, ibidem, pp. 66—103). Изданіе г. Беглери носитъ заглавіе—*Храмъ свв. Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія*. Одесса, 1896 г.

дія и раньше извѣстное краткое описаніе у Прокопія (De aed. I, 4), съ другой—венеціанскій храмъ св. Марка (а также и нѣкоторые другіе). Конечно, авторъ кое-гдѣ, быть можетъ, и не совсѣмъ правъ въ своей реставраціи; этого, впрочемъ, не отрицаетъ и онъ самъ, какъ можно видѣть изъ заключительныхъ словъ его весьма интересной статьи.

Слѣдующая статья вводитъ насъ въ древне-классическій міръ Эллады и переноситъ насъ въ мѣстности, недавно служившія театромъ войны. Это статья проф. Е. М. Прибика—*Надписи изъ Ѳессаліи*. Изданныя здѣсь, согласно съ требованіями науки, эти надписи были лично собраны г. Прибикомъ, въ его поѣздку 1895 г. въ сообществѣ съ итальянскимъ археологомъ Gaetano de Sanctis. Работы г. Прибика начались съ города Воло и его окрестностей; затѣмъ имъ были изслѣдованы: Магнисійскій полуостровъ, Лариса, Турнаво, Заркосъ, Трикалла, Фарсалъ, Велестино и т. д. Добыча, доставшаяся отъ этой громадной археологической экскурсіи, была довольно велика: было списано около 140 надписей, изъ которыхъ только нѣкоторыя были уже опубликованы въ греческихъ журналахъ, но и то нерѣдко съ ошибками.

Надписи, изданныя проф. Прибикомъ, раздѣляются по своему содержанію на нѣсколько отдѣловъ, а именно: 1) на надгробныя надписи (tituli sepulcrales); 2) надписи объ освобожденіи рабовъ (благодаря этимъ надписямъ, теперь представляется возможнымъ «вполнѣ возстановить ѳессалійскій календарь и опредѣлить, въ какомъ порядкѣ отдѣльные мѣсяцы слѣдовали одинъ за другимъ»); 3) надписи на памятникахъ и 4) надписи различнаго содержанія (Varia).

Центральнымъ мѣстомъ собранія ѳессалійскихъ надписей было училище въ Ларисѣ. Мысль концентраціи ѳессалійскихъ надписей, для удобства изслѣдователей, принадлежитъ извѣстному археологу Доллингу, но, къ сожалѣнію, она принесла болѣе вреда, нежели пользы для науки. Дѣло въ томъ, что, снеся изъ разныхъ мѣстъ Ѳессаліи надписи въ одно мѣсто, вмѣстѣ съ тѣмъ не озаботились обозначить на каждой надписи мѣсто, откуда она была взята. Вслѣдствіе этого пострадали не только интересы собственно археологическіе, но и лингвистическіе. Многіе спорные вопросы по топографіи получили бы свое разрѣшеніе, еслибъ надписи остались на своихъ мѣстахъ или на нихъ былъ наклеенъ ярлычокъ съ обозначеніемъ ихъ первоначальнаго мѣстонахожденія *). Лингвистическіе интересы страдаютъ въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе неизвѣстности мѣстонахожденія нѣкоторыхъ надписей, мы не имѣемъ возможности видѣть въ нихъ образцы тѣхъ или другихъ мѣстныхъ нарѣчій.

Наконецъ, мы переходимъ къ послѣдней статьѣ перваго тома *Извѣстій*,—къ статьѣ, содержащей первыя свѣдѣнія о *вновь найденномъ пур-*

---

*) Такъ, напримѣръ, на надп. № 124 мы читаемъ названіе одного города (Peumatio[n]), встрѣчаемое здѣсь впервые; такъ какъ надпись теперь находится въ Ларисѣ, а откуда она привезена, неизвѣстно, то, такимъ образомъ, не представляется возможности опредѣлить мѣстоположеніе этого города.

пуровомъ кодексѣ Евангелія (стр. 138—172), пріобрѣтеніе котораго составляетъ, смѣемъ думать, чуть ли не главную заслугу института за первый годъ его ученой дѣятельности. Пріобрѣтеніе этого кодекса произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Археологъ Я. И. Смирновъ, путешествуя по Малой Азіи, случайно увидѣлъ одинъ листокъ изъ «пурпуроваго» Евангелія, находящагося въ деревнѣ Сармисахлы (близъ Кесаріи), о которомъ, уже лѣтъ десять тому назадъ, въ 1886 г., писалъ въ одной константинопольской газетѣ проф. римской коллегіи de propaganda fide—Димитріади. Г. Смирновъ при этомъ узналъ, что сармисахлійскіе селяне желали бы продать свое Евангеліе, для чего одинъ изъ мѣстныхъ жителей, находящійся по своимъ дѣламъ въ Константинополѣ, имѣетъ при себѣ, какъ образчикъ, листокъ изъ этого Евангелія. Когда институту стали извѣстны всѣ эти подробности и упомянутый житель селенія Сармисахлы былъ разысканъ въ Константинополѣ, а «осмотръ листка убѣдилъ въ палеографической важности рукописи», то обо всемъ этомъ было сообщено г-ну почетному предсѣдателю института А. И. Нелидову, «который и принялъ на себя самую важную и наиболѣе деликатную часть задачи, именно—изысканіе способовъ и средствъ къ покупкѣ рукописи». Средства эти (1,000 тур. лиръ= почти 10,000 руб.) были дарованы Государемъ Императоромъ, до Высочайшаго свѣдѣнія котораго дѣло было доведено Вел. Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Такимъ образомъ, оставалось войти въ переговоры съ сармисахлійскими селянами и пріобрѣсти отъ нихъ ихъ завѣтную святыню. Эта вторая часть задачи и была исполнена россійскимъ консуломъ въ Коньѣ, г-мъ Левитскимъ. Въ маѣ 1896 г. сармисахлійскій кодексъ Евангелія былъ отвезенъ въ Петербургъ г. почетнымъ предсѣдателемъ института и тамъ, вмѣстѣ съ описаніемъ, представленъ Государю Императору.

Работа надъ изученіемъ Сармисахлійскаго кодекса Евангелія производилась совмѣстно всѣми наличными силами института (главнымъ образомъ гг. Успенскимъ, Погодинымъ и Смирновымъ). Главною цѣлью изученія было: 1) выясненіе содержанія кодекса, 2) опредѣленіе первоначальнаго вида и дальнѣйшей судьбы рукописи, 3) опредѣленіе отношенія сохранившейся части кодекса къ утраченнымъ, 4) наблюденіе за особенностями текста, языка и письма.

Сармисахлійскій кодексъ Евангелія представляетъ прекрасную рукопись, пергаментные листы которой окрашены въ пурпуровую краску; текстъ писанъ серебромъ, а слова, заключающія имя Божіе, золотомъ. Текстъ писанъ чрезвычайно правильно, въ двѣ колонны, по 16 строкъ въ каждой; письмо унціальное (уставное), какимъ обыкновенно писались произведенія церковной письменности, въ особенности же Евангелія. Что касается сохранности рукописи, то она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пострадала отъ сырости и свѣта и нѣкоторые листы ея разорваны. Рукопись переплетена въ переплетъ, покрытый серебромъ (работы 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія) *).

*) Эти подробности относительно сармисахлійскаго кодекса мы заимствуемъ изъ реферата проф. Успенскаго (*О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ Евангелія*),

Сармисахлійскій кодексъ Евангелія долженъ былъ заключать 456 листовъ, но изъ нихъ сохранилось лишь 182, слѣдовательно 274 утрачены *).

Что касается вѣка даннаго кодекса, то онъ можетъ быть опредѣленъ только приблизительно, такъ какъ сармисахлійская рукопись не имѣетъ даты. Однако, спеціалисты, уже раньше изучавшіе отдѣльные листы сармисахлійскаго Евангелія, пришли къ заключенію, что они восходятъ къ V или VI столѣтію; съ этимъ заключеніемъ согласны и нынѣшніе изслѣдователи всей рукописи.

Сармисахлійское Евангеліе представляетъ много любопытныхъ сторонъ съ точки зрѣнія особенностей текста и языка. Изъ особенностей перваго рода отмѣтимъ пропускъ разсказа о женѣ блудницѣ (т.-е. Ев. Іоанна, гл. VIII, стихи 1—11). Что касается особенностей языка, то въ этомъ отношеніи филологамъ предстоитъ новая интересная работа, такъ какъ сармисахлійскій кодексъ, представляя собою почтенную древность, являетъ нерѣдко интересныя уклоненія отъ «каноническихъ» формъ древне-греческаго языка. Кромѣ того, языкъ этого Евангелія интересенъ и въ томъ отношеніи, что онъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ *слѣды древней живой рѣчи*, невольно внесенные въ текстъ писцомъ; другими словами, въ текстѣ сармисахлійскаго Евангелія встрѣчаемъ слѣды какого-то древняго діалекта **).

Будемъ надѣяться, что сармисахлійскій кодексъ будетъ изданъ по возможности въ непродолжительномъ времени и притомъ именно такъ, что воспроизведеніе его будетъ въ состояніи замѣнить оригиналъ. Если тѣ европейскія библіотеки, въ которыхъ хранятся обрывки сармисахлійскаго Евангелія, смотрятъ на нихъ какъ на величайшую свою драгоцѣнность, если Ватиканская библіотека, въ видѣ юбилейнаго подарка папѣ Льву XIII, преподнесла роскошнѣйшее изданіе фрагментовъ сармисахлійскаго Евангелія, то не можетъ быть сомнѣнія, что будущіе издатели *всего* сармисахлійскаго кодекса преподнесутъ ученому міру изданіе, отвѣчающее всѣмъ требованіямъ современной науки.

Первый томъ *Извѣстій* заканчивается «Хроникой», въ которой мы знакомимся съ новостями по археологіи какъ Греціи, такъ и Востока. Отдѣлъ этотъ очень интересенъ, и расширеніе его въ будущемъ весьма желательно.

Въ этой «Хроникѣ» обращаютъ на себя особенное вниманіе статьи г.

доложеннаго на X арх. съѣздѣ въ Ригѣ (см. *Арх. Изв.* и *Зам.* 1886 г., №№ 9—10, или *Филол. Обозр.*, т. XI, стр. 113).

*) Изъ 274 листовъ слѣдуетъ выдѣлить 45 листовъ, находящихся въ библіотекахъ Вѣны (2), Рима (Bibl. Vaticana) (6), Лондона (4), Патмоса (33). Еще Тишендорфъ изслѣдовавъ эти отдѣльные листы, призналъ ихъ происходящими изъ одного кодекса N (см. его *Monumenta sacra inedita*, L. 1846). Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что эти листы, разсѣянные по разнымъ библіотекамъ, всѣ происходятъ изъ даннаго Сармисахлійскаго кодекса. См. *Извѣстія*, стр. 167.

**) Такъ, напримѣръ, вм. долгаго *ε* („ета“), а также вм. *εἰ* писецъ иногда пишетъ *ἰ*; вм. *αἰ*—*ε* и т. д.

А. Пападопуло-Керамевса и г. С. В. Арсеньева. Первый помѣстилъ статью (на греческомъ языкѣ) подъ заглавіемъ *Археологическія находки въ Греціи*, въ которой собралъ выписки изъ различныхъ греческихъ мѣстныхъ газетъ о новостяхъ археологіи. Всѣмъ извѣстно, какъ иногда интересныя научныя замѣтки пропадаютъ безслѣдно, будучи помѣщены на столбцахъ ежедневной газеты. Мысль г. Попадопуло-Керамевса — собирать газетныя извѣстія о находкахъ, раскопкахъ и т. д.—тѣмъ болѣе заслуживаетъ одобренія, что въ его статьѣ находимъ выдержки не только изъ газетъ греческой столицы, но также изъ многихъ провинціальныхъ изданій.

Г-нъ Арсеньевъ, консулъ въ Іерусалимѣ, помѣстилъ любопытный обзоръ археологической дѣятельности различныхъ учрежденій и обществъ въ Палестинѣ. Изъ этой статьи мы узнаемъ, что «въ Іерусалимѣ почти всѣ научныя силы сосредоточиваются въ училищѣ библейскихъ наукъ при доминиканскомъ монастырѣ св. Стефана (École Biblique) и въ мѣстномъ отдѣлѣ Англійскаго Палестинскаго Общества (Palestine Exploration Fund)».

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ перваго тома *Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ*. Какъ можно видѣть, онъ не ограничивается одними статьями по византиновѣдѣнію, которое составляетъ главную цѣль занятій института, но захватываетъ также и области, съ одной стороны, древне - классическаго, съ другой — восточнаго міра. Мы можемъ только привѣтствовать такое расширеніе научнаго горизонта Археологическаго института уже съ перваго года его существованія.

Л. Мсеріанцъ.

Къ вопросу о судѣ присяжныхъ.

(Замѣчанія практика.)

Въ настоящее время такъ много пишется по поводу суда присяжныхъ, что при желаніи высказаться по этому вопросу невольно останавливаешься предъ опасеніемъ повториться, а не повториться трудно: такъ общи и близки воззрѣнія на этотъ предметъ громаднаго большинства юристовъ. Но самъ по себѣ вопросъ слишкомъ важенъ, чтобы считать его исчерпаннымъ; вотъ почему всякое слово, даже въ видѣ воспоминаній и впечатлѣній практика, можетъ принести свою пользу.

Людямъ, воспитаннымъ на Судебныхъ Уставахъ, проведшимъ въ рукахъ съ ними всю службу, естественно смотрѣть на это, во всякомъ случаѣ, высокое твореніе, какъ на святыню; поэтому они со страхомъ встрѣчали всякую новеллу, клонившуюся къ измѣненію Судебныхъ Уставовъ, твердо вѣруя, что всѣ эти временныя наслоенія и урѣзки отпадутъ и нашъ процессуальный кодексъ возстановится въ своемъ первоначальномъ видѣ съ тѣми необходимыми, во всякомъ случаѣ небольшими и несущественными поправками, настоятельность которыхъ доказана жизнью; всѣ мы, конечно, памятовали, что Судебные Уставы—плодъ и созданіе не русское, что это цвѣтокъ, перенесенный съ иноземной почвы, превосходно у насъ привившійся, обрусѣвшій и ставшій намъ роднымъ, но, какъ и всякое растеніе въ чужомъ климатѣ,—они должны были претерпѣть нѣкоторыя измѣненія, сообразно требованіямъ условій жизни ихъ новой родины. Мы вѣрили, что эти измѣненія могутъ коснуться боковыхъ вѣтвей нашего растенія, но не тронутъ его главныхъ стволовъ и его корней. Вотъ почему мы привѣтствовали назначеніе коммиссіи по пересмотру уставовъ, задача которой, по авторитетному разъясненію ея предсѣдателя, «не тенденціозная ломка существующаго и не гадательная реформа основаній Уставовъ, а тщательное согласованіе заключающихся въ нихъ противорѣчій вмѣстѣ съ внимательнымъ исправленіемъ обнаруженныхъ недостатковъ» *). Основныя

---

*) *Журн. Мин. Юст.* 1895 г. № 1.

же начала Уставовъ «уже успѣли войти въ плоть и кровь страны, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ нашего народа». Этими послѣдними словами высказана въ ясной формулировкѣ одна изъ *заповѣдей Сгмвола вѣры* судебнаго вѣдомства.

Однимъ изъ главныхъ, основныхъ положеній Судебныхъ Уставовъ представляется привлеченіе къ отправленію правосудія общества въ лицѣ *присяжныхъ засѣдателей*, и именно это-то основное положеніе и подвергается съ нѣкотораго времени нападкамъ. Пока нападенія ограничивались газетными листами извѣстнаго пошиба, можно было не обращать на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что чтеніе значительнаго количества этихъ газетныхъ статей вызывало только улыбку, ибо самое содержаніе ихъ указывало, что писаны онѣ людьми, имѣющими крайне смутныя понятія о строѣ нашего судопроизводства, но съ 1895 г. послышались голоса изъ такого лагеря, откуда ихъ менѣе всего можно было ожидать. Голоса эти важны не количествомъ,—ихъ совсѣмъ немного, всего два-три,—они важны тѣмъ, что исходятъ отъ лицъ судебнаго вѣдомства, практиковъ, несшихъ многолѣтнюю службу съ тѣми самыми присяжными, вѣру въ которыхъ они нынѣ потеряли. Я говорю *нынѣ* потому, что имена эти слишкомъ почтенны, чтобы можно было думать, что они всю свою жизнь и всѣ свои лучшія силы могли посвятить на служеніе дѣлу, въ которое не вѣрили.

Не желаніе спорить съ ними, опровергать высказанныя ими положенія заставило меня взяться за перо; все это уже сдѣлано, и присяжные засѣдатели нашли себѣ достойныхъ защитниковъ въ лицѣ авторовъ статей нашихъ юридическихъ журналовъ, а отчасти и въ общей литературѣ *(Вѣстникъ Европы, Русская Мысль)*; за нихъ высказалось единогласно юридическое общество при Петербургскомъ университетѣ, въ засѣданіи котораго принимали участіе и горячо говорили за присяжныхъ и представители московскаго юридическаго общества, наконецъ за нихъ же оказалось и совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуровъ судебныхъ палатъ 29—31 декабря 1895 г., признавшее, что судъ присяжныхъ не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но представляетъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ *). Ближайшій поводъ настоящей статьи слѣдующій:

Почтенный нашъ сослуживецъ М. Ѳ. Громницкій въ своей статьѣ *Роль прокурора на судѣ уголовномъ* подѣлился съ нами «своею многолѣтнею опытностью въ дѣлѣ публичнаго обвиненія». Его слова особенно дороги потому, что это—дѣятель первыхъ шаговъ Судебныхъ Уставовъ, это—прокуроръ 1866—1870 гг. **), а по его словамъ, онъ берется доказать, что изъ десяти дѣлъ съ такъ-называемыми неправильными приговорами присяжныхъ, въ девяти корень оправдательнаго приговора лежитъ непремѣнно

---

*) Сообщеніе А. Ѳ. Кони. *Ж. М. Ю.* 1895 г. № 4.

**) *Ж. М. Ю.* 1896 г. № 2.

въ недостаткахъ предварительнаго или судебнаго слѣдствія и что онъ лично не знаетъ ни одного уголовнаго дѣла, бывшаго на судѣ присяжныхъ засѣдателей, которое при мало-мальски правильномъ ходѣ окончилось бы не такъ, какъ можно было ожидать съ самаго начала *). Это вѣрно, какъ вѣрно и то, что уразумѣть приговоръ присяжныхъ можетъ всего лучше тотъ, кто не ограничился прочтеніемъ дѣла или судебнаго отчета, а кто видѣлъ разборъ дѣла воочію или участвовалъ въ немъ въ качествѣ стороны. Вас. Немировичъ-Данченко, въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, приводитъ слѣдующій крайне характерный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ правдоподобный эпизодъ. Герой этого разсказа говоритъ, что зналъ генерала, который шипѣлъ на новые суды и на институтъ присяжныхъ за оправдательные приговоры; чего, чего не толковалъ онъ, но вдругъ его самого назначили въ составъ присяжныхъ засѣдателей и кстати выбрали старшиною; подсудимый сознался; разсмотрѣнное на судѣ дѣло никакимъ сомнѣній не возбуждало. «Выходитъ мой Драконъ съ листомъ въ рукахъ,— продолжаетъ разсказчикъ,—и читаетъ дрожащимъ голосомъ: нѣтъ, не виновенъ. Я потомъ къ нему: ваше превосходительство, что же это вы?—а онъ перекрестился и говоритъ: «одно дѣло болтать, а другое судить» **).

Я служилъ съ судомъ присяжныхъ за время съ 1870 по 1882 г. и, если не былъ свидѣтелемъ - очевидцемъ первыхъ шаговъ Уставовъ, за то видѣлъ введеніе ихъ и начало дѣятельности послѣдовательно въ двухъ восточныхъ и къ тому же инородческихъ губерніяхъ: въ первой изъ нихъ Судебные Уставы въ полномъ объемѣ введены въ ноябрѣ 1870 г., а во второй въ іюлѣ 1874 г. Вотъ почему, какъ бы въ продолженіе картинъ, набросанныхъ М. Ѳ. Громницкимъ, мнѣ хотѣлось бы подѣлиться нѣкоторыми фактами изъ пережитаго, относящимися къ той же области.

Открытіе окружнаго суда въ первой изъ этихъ губерній застало меня юнымъ и еще мало опытнымъ судебнымъ слѣдователемъ. Судьба послала намъ прокурора суда—молодого, полнаго энергіи и силъ, замѣчательнаго судебнаго оратора, нынѣ здравствующаго, выдающагося судебнаго дѣятеля; подобравъ къ себѣ молодежь, онъ читалъ ей цѣлыя лекціи, крайне поучительныя, а его обвинительныя рѣчи были блестящею демонстраціею этихъ лекцій.

Между прочимъ, онъ почти требовалъ, чтобы судебные слѣдователи, по возможности, бывали въ судѣ при разсмотрѣніи тѣхъ дѣлъ, слѣдствія по которымъ были произведены ими. То была прекрасная школа, и думается мнѣ, что посѣщеніе молодымъ слѣдователемъ судебныхъ засѣданій по своимъ дѣламъ весьма поучительно: здѣсь онъ ясно видитъ недочеты произведеннаго имъ предварительнаго слѣдствія, изучаетъ, что необходимо для суда и что представляется излишнимъ балластомъ, убѣждается въ сте-

---

*) *Ж. М. Ю.* 1896 г. № 2, стр. 22.

**) Нем.-Данч. *Лялька*, стр. 15. *Русская Мысль* 1896 г., августъ.

пени ясности изложенія своихъ протоколовъ и такимъ образомъ усвоиваетъ себѣ представленіе объ идеалѣ предварительнаго слѣдствія.

Ближе къ суду присяжныхъ я сталъ въ 1874 г., когда въ должности товарища прокурора попалъ въ другую изъ этихъ восточныхъ губерній. Жить мнѣ пришлось въ небольшомъ, но очень богатомъ, торговомъ уѣздномъ городѣ, а временно, но весьма продолжительное время, завѣдывать и другимъ сосѣднимъ уѣздомъ въ 140—150 верстахъ отъ моей резиденціи. Изъ личныхъ впечатлѣній этого времени я и позволю себѣ привести нѣсколько фактовъ, касающихся дѣятельности суда присяжныхъ.

Судъ былъ только что открытъ; край глухой, отдаленный, инородческій, но никто изъ насъ не побоялся вести дѣло съ нашими присяжными, и мы не ошиблись.

В. К. Случевскій, въ своей статьѣ *О судѣ присяжныхъ и его противникахъ* *), останавливаясь на попыткѣ одного «изъ противниковъ» провести параллель между парижскими и петербургскими присяжными, утверждаетъ, что самъ онъ, занимая въ серединѣ семидесятыхъ годовъ тотъ же постъ и въ томъ же судѣ, ни одного изъ указанныхъ въ дѣятельности парижскихъ присяжныхъ признаковъ у своихъ присяжныхъ не замѣчалъ; но стараясь затѣмъ найти объясненіе такого необычайнаго и въ столь короткій срокъ превращенія послѣднихъ, говорятъ: «мы, въ срединѣ семидесятыхъ годовъ, дѣйствовали съ присяжными засѣдателями, которымъ довѣряли, которыхъ любили». Да, мы вѣрили и любили нашихъ присяжныхъ, и они платили намъ такимъ же довѣріемъ и любовью. Любило насъ и общество, изъ котораго выходили эти присяжные. Пріѣздъ суда въ уѣздный городъ былъ праздникомъ. И тяжело же доставались намъ эти праздники! Буквально всѣ дни двухнедѣльнаго пребыванія суда разбирались обывателями, и судъ въ полномъ составѣ обязанъ былъ каждый день отправляться въ гости. Не ходить ни къ кому—нельзя; идти къ одному и не идти къ другому еще менѣе возможно. И выходило слѣдующее: съ 9 часовъ утра и до 4—5 пополудни сидимъ въ судѣ, а въ 8 час. нужно отправляться въ гости и спаси Богъ уйти до ужина, а это затягивалось до часу или двухъ ночи. Положимъ, по заведенному порядку, предсѣдательствующій зналъ всѣ дѣла: онъ готовилъ ихъ еще до выѣзда сессіи, но, вѣдь, и ему нужно же было освѣжить ихъ въ памяти, а бѣдный членъ суда долженъ былъ найти время для составленія приговоровъ и провѣрки протоколовъ засѣданій, что̀, собственно говоря, тоже сводилось къ ихъ составленію. Когда судъ пріѣзжалъ въ городъ, гдѣ я жилъ, мнѣ было сравнительно легче: приходилось выходить по «своимъ дѣламъ»,—по дѣламъ, обвинительные акты по которымъ составлялись мною; къ тому же я имѣлъ возможность еще до пріѣзда суда прочесть эти акты по черновикамъ, да и будучи хорошо знакомъ со всѣми въ городѣ, иногда могъ уклониться отъ посѣщенія «чередного» дома. Иное дѣло, когда приходилось выѣзжать

*) *Журн. Мин. Юст.* 1896 г., № 3.

въ другой городъ: дѣла не свои и потому незнакомыя, уклоняться отъ вечеровъ нельзя. Извольте тутъ готовиться къ обвиненію и тщательно изучать предварительное слѣдствіе, какъ то совѣтуетъ обвинителю М. Ѳ. Громницкій *).

А между тѣмъ эти вечера, съ ихъ картами и жестокимъ закармливаніемъ, приносили и свою пользу: на нихъ всегда бывали или въ качествѣ хозяина, или въ качествѣ перекочевывшаго изъ дома въ домъ гостя, человѣка 3—4 присяжныхъ засѣдателей. И постоянно, и неуклонно велись бесѣды съ судьями по поводу разрѣшенныхъ дѣлъ. Можно было подивиться такту присяжныхъ: никогда не только ни одного вопроса, но даже намека не приходилось слышать отъ нихъ по поводу предстоящаго къ разрѣшенію дѣла, за то происходило широкое нарушеніе 677 ст. Уст. угол. суд. **): по большей части серьезныхъ дѣлъ мы знали порядокъ ихъ разрѣшенія присяжными, число голосовъ за оправданіе или обвиненіе, вопросы, поднимавшіеся и смущавшіе ихъ въ совѣщательной комнатѣ. И велись длинныя бесѣды, бесѣды съ людьми, увлекавшимися, какъ и мы сами, дѣломъ, любившими его и смотрѣвшими на него, какъ на что-то святое. Вспоминаешь все это, давно пережитое, и убѣждаешься, что и эти, такъ проклинаемые нами тогда «вечерки» и «кормленія», какъ мы ихъ называли, приносили пользу, сближая насъ съ присяжными, сплачивая насъ съ населеніемъ.

Составъ присяжныхъ въ нашей мѣстности былъ, что называется, сѣренькій. Въ очередномъ спискѣ громадное большинство составляли крестьяне, иногда вотяки и татары, затѣмъ шло мѣщанство и купечество, мелкое чиновничество и, въ видѣ рѣдкаго исключенія, интеллигенція, въ лицѣ преподавателя реальнаго училища или чиновника акцизнаго, удѣльнаго или иного вѣдомства. Помѣщиковъ въ нашемъ судебномъ округѣ почти не было.

Говорятъ, что крестьяне-присяжные не подаютъ своего мнѣнія по дѣлу, а идутъ, какъ стадо барановъ, за старшиною и «бариномъ» изъ присяжныхъ. Правда ли это? Вотъ вполнѣ достовѣрный разсказъ одного изъ присяжныхъ. Разбиралось, какъ сейчасъ помню, дѣло о богохуленіи, а уѣздъ нашъ, нужно оговориться, въ русской его части, имѣлъ православное и притомъ строго-религіозное населеніе. Во время короткаго перерыва предъ судебными преніями, старшина-учитель реальнаго училища и два-три полированныхъ присяжныхъ изъ купцовъ обратили вниманіе, что крестьяне-присяжные кучею сходятся въ углу комнаты и полушепотомъ о чемъ-то разговариваютъ. Когда присяжные ушли съ вопроснымъ листомъ въ свою комнату, то старшина закинулъ нѣсколько словъ насчетъ возможности оправдать подсудимаго; крестьяне снова сошлись въ уголкѣ, а затѣмъ одинъ изъ нихъ подошелъ къ остальнымъ и заявилъ: «насъ, семеро, говорятъ: виновенъ, а вы какъ знаете!» Кается старшина, что пробовалъ

---

*) *Журн. Мин. Юст.* 1896 г., № 2.

**) Присяжные засѣдатели обязаны хранить тайну ихъ совѣщаній.

убѣдить ихъ: уперлись мужички, стали на своемъ, и приговоръ былъ обвинительный. Даже снисхожденія не дали.

Помнится другой случай: разбиралось большое дѣло о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ; подсудимыхъ было нѣсколько, во всякомъ случаѣ болѣе пяти человѣкъ; защитникомъ явился пріѣхавшій изъ Казани присяжный повѣренный Б. Судомъ была предположена масса вопросовъ,—они всегда проектировались у насъ предсѣдателемъ, при изученіи дѣла еще до выѣзда суда. Кромѣ главныхъ вопросовъ по обвиненію всѣхъ подсудимыхъ въ участіи въ поддѣлкѣ механическими средствами (1 п. 571 ст. Улож.), были поставлены условные: о виновности каждаго изъ посудимыхъ въ поддѣлкѣ этихъ билетовъ рисованіемъ отъ руки (2 п. 571 ст. Улож.), затѣмъ тоже о всѣхъ подсудимыхъ о виновности въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ билетовъ съ знаніемъ поддѣлывателей или переводчиковъ ихъ (1 ч. 576 ст.); далѣе рядъ вопросовъ и тоже о каждомъ подсудимомъ о виновности въ сбытѣ завѣдомо фальшиваго билета, полученнаго случайно (2 ч. 576 ст.), а о нѣкоторыхъ подсудимыхъ по 574 ст. (недонесеніе о поддѣлкѣ). Такимъ образомъ вопросовъ было болѣе 20. Списокъ присяжныхъ былъ полный. Наша прокуратура вообще не отводила присяжныхъ, но на этотъ разъ, имѣя дѣло съ незнакомымъ защитникомъ и видя, что въ спискѣ присяжныхъ человѣкъ 7 или 8 такихъ, что мы называли «интеллигентными», а остальные крестьяне, я, передъ открытіемъ засѣданія, условился съ защитникомъ положиться на волю Божію и не отводить никого. Я такъ и поступилъ, но получившій послѣ меня списокъ защитникъ вычеркнулъ 12 человѣкъ и какъ разъ всю нашу интеллигенцію. Это было, конечно, еще при старой редакціи 656 ст. Уст. угол. суд. *). Стали выбирать присяжныхъ въ составъ присутствія—полушубокъ на полушубкѣ, даже никогда и ничѣмъ не смущавшійся, опытный нашъ предсѣдатель, нынѣ покойный Д.—и тотъ, въ смущеніи, спросилъ присяжныхъ: «да есть ли уже между вами грамотные?» **). Оказался одинъ, да и тотъ не Богъ вѣсть какой грамотей. Пока разбиралось дѣло, распорядились переписать вопросы чуть не аршинными буквами, каллиграфически. И что же,—сѣренькіе присяжные съ честью вышли изъ этого дѣла. Положимъ, они сидѣли въ совѣщательной часа три, и нѣсколько разъ выходили требовать разъясненій предсѣдателя по поводу того, что, разрѣшивъ главные вопросы относительно трехъ подсудимыхъ утвердительно, а по отношенію къ остальнымъ отрицательно, они спрашивали, какъ

---

*) По дѣйствовавшему въ то время закону (656 ст. Уст. уг. суд.) прокуроръ могъ отвести не болѣе 6 присяжныхъ, а защита столько, чтобъ изъ общаго числа 30 осталось не менѣе 18 человѣкъ. По закону 12 іюня 1884 г. статья эта измѣнена въ томъ смыслѣ, что какъ прокуроръ, такъ и защита могутъ отвести лишь не болѣе 3 присяжныхъ каждый.

**) Съ изданіемъ закона 28 апрѣля 1887 г. присяжными уже не могутъ быть не знающіе русскаго языка и не умѣющіе читать по-русски (81 ст. Учр. суд. уст.).

имъ поступить съ первою группою условныхъ вопросовъ; разрѣшивъ ее, снова просили указать, какъ имъ разрѣшить вторую группу и т. д.

Невольно вспоминается здѣсь, какъ вѣрно смотрѣли составители Судебныхъ Уставовъ на обязанность присяжнаго засѣдателя, признавая, что для него достаточно «естественной логики, присущей каждому человѣку со здравымъ умомъ» *). Дѣйствительно 30-лѣтній опытъ доказалъ, что присяжные удачно справляются даже съ самыми сложными и запутанными дѣлами, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе связано съ тонкими уликами. Достаточно указать на дѣла: Овсянникова, Мельницкихъ, игуменьи Митрофаніи, червонныхъ валетовъ, московскаго ссуднаго банка, таганрогской таможни. Послѣднее, наприм., дѣло длилось 23 дня, а на разрѣшеніе присяжныхъ было поставлено 1,315 вопросовъ! Дѣло ссуднаго банка разбиралось 24 дня, и по нему было 113 вопросовъ.

Да, присяжные наши любили насъ, и мы ихъ любили. У насъ вошло въ обычай, по окончаніи сессіи, благодарить присяжныхъ за понесенные ими труды, что дѣлалось предсѣдателемъ отъ имени суда, а присяжные, въ свою очередь, нескладно порою, но отъ души, выражали благодарность суду за руководство ими и разъясненіе имъ обстоятельствъ дѣла и ихъ обязанностей. Трудъ присяжныхъ былъ дѣйствительно не легкій, засѣданія происходили въ помѣщеніяхъ мировыхъ съѣздовъ, тѣсныхъ, безъ вентиляціи и прочихъ удобствъ, большею частью при совершенно полномъ залѣ,— публика тогда сильно интересовалась судебнымъ дѣломъ; духота такая, что дышать нечѣмъ, и въ этой-то духотѣ приходилось сидѣть по цѣлымъ днямъ, иногда безъ перерывовъ для обѣда, намъ въ тяжелыхъ мундирахъ, а присяжнымъ въ сукнѣ, а то и въ полушубкахъ! Помню я случай, когда засѣданіе затянулось и часовъ въ 10 вечера мнѣ пришлось начать обвинительную рѣчь; я всталъ и, чувствуя, что ничего сказать не могу, въ виски бьетъ, голова кружится, ничего не вижу, вмѣсто рѣчи попросилъ 10 минутъ перерыва и, выбѣжавъ изъ суда, сдѣлалъ круга два-три по улицѣ. Дѣло было въ январѣ, на улицѣ стоялъ изрядный морозъ, и я явился въ судъ освѣженный и надышавшійся свѣжимъ воздухомъ.

М. Ѳ. Громницкій приводитъ случай, что присяжные по одному дѣлу въ своей совѣщательной молились, стоя на колѣняхъ **), а я уже говорилъ выше, что православное населеніе нашего уѣзда было очень религіозно. Самъ я не былъ свидѣтелемъ, но мнѣ передавали, что передъ открытіемъ одной изъ сессій присяжные, собравшись въ судѣ, порѣшили отправиться толпою въ церковь и отслужить молебенъ; это было еще до прихода судей, и они захватили съ собою судебнаго пристава. При мнѣ былъ такой случай: предсѣдатель, закончивъ свою рѣчь слѣдующими словами: «г. старшина, возьмите вопросный листъ, удалитесь въ совѣщательную комнату, и да поможетъ вамъ Господь Богъ!» Старшина, взявъ листъ, широкимъ рус-

*) *Журн. Соед. Деп.* 1862 г., № 95.

**) *Журн. М. Ю.* 1896 г., № 2, стр. 25.

скимъ крестомъ перекрестился, смотря на икону, и пошелъ впереди присяжныхъ въ совѣщательную.

Наконецъ, помню и такой случай. Дѣло шло о звѣрскомъ убійствѣ; присяжные вынесли безусловно обвинительный приговоръ и, пока судъ разсматривалъ данные ими отвѣты, старшина, неожиданно для всѣхъ насъ, низко поклонился въ сторону подсудимыхъ и сказалъ: «простите, земляки, насъ Христа ради, а мы Божье дѣло дѣлали!» Заявленіе, быть можетъ, со строгой точки зрѣнія, и неумѣстное, старшину никто не успѣлъ остановить, а намъ всѣмъ какъ-то жутко и, въ то же время, хорошо на душѣ стало!

Упрекаютъ судъ присяжныхъ въ томъ, что онъ отличается мѣстнымъ характеромъ,—что въ одной мѣстности считается преступнымъ, то въ другой не считается таковымъ, или что при извѣстномъ составѣ присяжныхъ, даже по одному внѣшнему ихъ виду, можно угадать оправдательный или обвинительный приговоръ. Вопросъ о неоднородности приговоровъ присяжныхъ засѣдателей останавливалъ на себѣ вниманіе совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ 27—31 декабря 1894 г., которое нашло, что разность взглядовъ бываетъ и у суда коронного, но она тамъ менѣе замѣтна, ибо выражается обыкновенно въ опредѣленіяхъ обвинительныхъ камеръ, у которыхъ въ разное время и при разномъ личномъ составѣ создаются разные взгляды на нѣкоторыя, преимущественно бытовыя преступленія,—*и это не недостатокъ, а достоинство суда*, который никогда не долженъ быть слѣпымъ механизмомъ *). Это совершенно вѣрно, какъ вѣрно и то, что составъ петербургскихъ присяжныхъ иначе относится къ дѣламъ, чѣмъ присяжные царевококшайскіе или малмыжскіе, и взгляды мѣстнаго населенія всегда отзываются на приговорахъ присяжныхъ. Только тамъ дѣло устойчивѣе, чѣмъ въ коронныхъ судахъ: перемѣна личнаго состава присяжныхъ не такъ вліяетъ на разность взглядовъ на нѣкоторыя, хотя бы и бытовыя преступленія.

У насъ, напримѣръ, почти не бывало оправдательныхъ приговоровъ противъ вѣры—богохуленія, кощунства, если послѣднее случайно попадало на судъ присяжныхъ; противъ женской чести — изнасилованіе, растлѣніе; сурово относились присяжные къ кражамъ вообще, а къ конокрадству въ особенности и безпощадно къ случаямъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ или монетъ. За то нельзя было, за рѣдкими исключеніями, добиться обвинительнаго приговора по дѣламъ о поддѣлкѣ паспорта, объ истязаніи или убійствѣ конокрада, о лихоимствахъ и мелкихъ растратахъ должностныхъ лицъ,—и въ этомъ не вина присяжныхъ. О паспортныхъ дѣлахъ говорить нечего,—отношеніе къ нимъ вообще русскихъ судовъ вызвало, какъ извѣстно, измѣненіе 975 ст. Ул. закономъ 18 декабря 1895 г.; конокрадство—слишкомъ большое зло для крестьянскаго населенія, а въ нашей мѣстности это былъ правильно организованный промыселъ; къ тому же и

*) *Журн. М. Ю.* 1895 г., № 4. Сообщеніе А. Ѳ. Кони.

народъ зналъ, какъ трудно было бороться съ этимъ зломъ при старыхъ судахъ, а взяточничество мелкихъ, преимущественно полицейскихъ, чиновъ было слишкомъ обычное въ то время явленіе. Помнится, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ провала по какому-то дѣлу о становомъ приставѣ, обвинявшемся въ вымогательствѣ 10 или 15 руб.,—дѣла, по-моему, несомнѣнно доказаннаго и безспорнаго, я, на одной изъ вечерокъ, спросилъ бывшаго тутъ же присяжнаго, какъ это они оправдали такого подсудимаго, онъ отвѣтилъ: «да развѣ одинъ этотъ становой беретъ? А исправникъ-то, который, въ качествѣ свидѣтеля, такъ уличалъ подсудимаго? Вѣдь, очень недавно я своими руками далъ ему «сотенную». За что же губить станового-то? Вѣдь онъ, поди, дѣлился съ этимъ самымъ исправникомъ». Какъ хотите, а вѣдь присяжный этотъ не совсѣмъ неправъ.

Уже сенатскія рѣшенія отмѣтили разнообразіе отвѣтовъ присяжныхъ по 814 ст. Уст. уг. суд. (1872 г., № 929 и др.). Я имѣлъ случай убѣдиться, что это разнообразіе отвѣтовъ не случайно. По крайней мѣрѣ, наши присяжные очень строго относились къ вопросу о снисхожденіи. Ихъ отвѣты: «ззаслуживаетъ снисхожденія», «заслуживаетъ полнаго снисхожденіе», «заслуживаетъ особаго снисхожденія», всегда объяснялись желаніемъ ихъ заявить суду о необходимости большаго или меньшаго пониженія наказанія. Я даже знаю случай, когда присяжные отвѣтили такъ: «да, виновенъ, и никакого снисхожденія не заслуживаетъ». Такъ относились присяжные къ вопросу о снисхожденіи въ наше время и въ нашей глухой мѣстности, но, видимо, они продолжаютъ попрежнему относиться къ этому вопросу и въ настоящее время. По крайней мѣрѣ, недавно, а именно въ сентябрѣ 1895 г., по одному крупному дѣлу объ убійствѣ, присяжные вынесли подсудимому обвинительный приговоръ и не дали снисхожденія. По объявленіи резолюціи суда, понизившаго подсудимому наказаніе въ предѣлахъ возможности, присяжные, по закрытіи судебнаго засѣданія, обратились къ оставшемуся въ залѣ члену суда съ вопросомъ, «какъ это могло случиться, что присяжные не дали подсудимому снисхожденія, а судъ его «помиловалъ». По ихъ разсчету, онъ долженъ былъ идти въ каторгу если не на всю жизнь, то на значительно большій срокъ. Судья указалъ имъ на право суда понижать наказаніе, но и это ихъ не удовлетворило: они просили указать имъ, какія смягчающія вину обстоятельства призналъ судъ. Не указываетъ ли это, какъ присяжные относятся къ вопросу о снисхожденіи?

Приведенный выше вердиктъ: «да, виновенъ, и не заслуживаетъ никакого снисхожденія», заставляетъ меня остановиться нѣсколько на вопросѣ «объ излишнихъ словахъ въ вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей».

Въ практикѣ правительствующаго сената извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ «излишнихъ добавленій къ отвѣтамъ» присяжныхъ засѣдателей, и сенатомъ разъяснено, что такіе отвѣты не составляютъ существеннаго нарушенія 811 ст. Уст. уг. суд., если ими не вносится противорѣчія въ этотъ или другіе отвѣты (1875 г., № 20); сенатъ не признавалъ нарушеніемъ

811 ст. и сокращенія указанныхъ въ ней формулъ отвѣтовъ, напримѣръ: неупотребленіе слова *да* въ отвѣтѣ о виновности (1870 г., № 264), неозначеніе слова *виновенъ* съ замѣною его другимъ выраженіемъ (1872 г., № 101), или даже смѣшеніе указанныхъ 811 ст. формулъ отвѣтовъ: «да, невиновенъ» (1872 г., № 717), онъ допустилъ, наконецъ, такую, измышленную самими присяжными, формулу отвѣта: «по сему предварительному слѣдствію постановилъ старшина съ присяжными засѣдателями со всѣми лицами въ участіи виновнымъ» (1874 г., № 669), лишь бы отвѣтъ присяжныхъ «не представлялъ сомнѣнія относительно значенія онаго». Но сила не въ этомъ. Вдумываясь въ значеніе излишнихъ добавленій къ отвѣту присяжныхъ, всегда приходишь къ заключенію, что такое добавленіе есть плодъ долгихъ, быть можетъ, мучительныхъ соображеній и, во всякомъ случаѣ, дано обдуманно. У меня въ практикѣ было такое дѣло: нѣкто судился за кражу со взломомъ, учиненнымъ при посредствѣ топора, взятаго на мѣстѣ кражи. Какъ извѣстно, согласно разъясненію правительствующаго сената (Об. соб. 1890 г., № 26), такая кража не можетъ быть почитаема вооруженною, и подсудимый былъ преданъ суду по 1647 ст. Ул., по признакамъ которой и поставленъ присяжными вопросъ, а предсѣдатель разъяснилъ имъ значеніе кражи со взломомъ и кражи вооруженной, согласно преподаннымъ сенатомъ указаніямъ. Присяжные вынесли такой вердиктъ: «да, виновенъ, и въ топорѣ виновенъ». Этотъ, быть можетъ, неудачно редактированный отвѣтъ присяжныхъ имѣетъ глубокій смыслъ: онъ, какъ мнѣ кажется, показываетъ, что присяжные не приняли разъясненій правительствующаго сената; они никакъ не могли уразумѣть значенія способа пріобрѣтенія орудія взлома и, ничтоже сумняшеся, порѣшили, что острый топоръ необходимо признать орудіемъ, которымъ можно нанести смерть или увѣчье, независимо отъ того, взятъ ли этотъ топоръ на мѣстѣ совершенія кражи, или принесенъ съ собою воромъ изъ дому.

Еще одинъ случай: къ дѣлу были привлечены два лица: А. за кражу и Б. за подстрекательство къ совершенію этого преступленія. Обвиненіе Б. судебною палатой было прекращено, но судебное слѣдствіе положительно установило его участіе въ дѣлѣ. Въ отвѣтѣ на вопросъ о виновности А. въ кражѣ присяжные, несмотря на данныя имъ предсѣдателемъ весьма подробныя и обстоятельныя разъясненія, все-таки сказали: «да, виновенъ, но укралъ по подговору Б.».

А указанный правительствующимъ сенатомъ въ одномъ изъ его рѣшеній (1874 г., № 428) отвѣтъ присяжныхъ: «разрѣшить не можемъ»? Не свидѣтельствуетъ ли онъ о томъ, что люди долго думали насчетъ возможности обвиненія или оправданія подсудимаго и не рѣшились взять на свою совѣсть не только обвинительнаго, но и оправдательнаго приговора? Не указываетъ ли онъ, что «судъ улицы» вовсе не съ плеча сыплетъ оправдательные вердикты, какъ говорятъ нѣкоторые, а выноситъ ихъ обдуманно, по глубокому убѣжденію?

Упрекаютъ судъ присяжныхъ въ слабой репрессіи и въ присвоеніи себѣ

принадлежащаго только верховной власти права помилованія. Первый упрекъ представляется несомнѣнно незаслуженнымъ и опровергается цифрами, извлеченными изъ оффиціальной отчетности министерства юстиціи и оглашенными въ упомянутомъ выше совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ. Изъ этихъ цифръ, а равно и изъ собранныхъ министерствомъ юстиціи статистическихъ свѣдѣній видна слѣдующая исторія обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ. Въ 1873 г. количество ихъ составляло 66,8%, затѣмъ процентъ обвиненій постепенно понижался: въ 1874 г. онъ равнялся 61,1; въ 1875 г.—63,6; въ 1876 г.—63,4; въ 1877 г. — 63,5; въ 1878 г.—63,6; въ 1879 г.—62,2; въ 1880 г.—62,2; въ 1882 г.— 60,2; въ 1883 г.—56,6%. Это была наименьшая ихъ величина и съ этого времени, съ улучшеніемъ (по закону 12 іюня 1884 г.) правилъ о составленіи списковъ присяжныхъ, количество обвинительныхъ приговоровъ начинаетъ увеличиваться, причемъ идетъ въ гору не скачками, а постепенно: въ 1884 г. оно равняется 59,8%; въ 1885 г.—60,2; въ 1886 г.—61,5; въ 1887 г.—61,9; въ 1888 г.—62,8; въ 1889 г.—66; въ 1890 г.—66,2; въ 1891 г.—66; въ 1892 г.—66,4%. Интересно посмотрѣть и сравнить, какъ шли за то же время дѣла безъ присяжныхъ: въ періодъ времени съ 1876 по 1882 г. количество обвинительныхъ приговоровъ колеблется, то повышается, то понижается, въ предѣлахъ между 72 и 77%. Къ 1882 г. процентъ осужденій падаетъ до 70,5%, но въ 1884 г., одновременно съ увеличеніемъ обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ, поднимается до 75,4%, а въ 1885 г.—до 76%, затѣмъ съ 1885 г. начинается постепенное, почти равномѣрное паденіе процента осужденій. Средній за время 1887—1891 гг. процентъ осужденій составляетъ: для суда присяжныхъ 64, для суда коронснаго—74,7, а въ 1891 году для перваго—66 и для второго—73,2%.

За тотъ же 1891 г. количество обвинительныхъ приговоровъ, постановленныхъ судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, составляло 68%, слѣдовательно репрессія суда присяжныхъ всего на 7% ниже суда коронснаго и на 2— ниже суда смѣшаннаго, близко подходящаго къ предлагаемому нашими новаторами шеффенскому суду.

Согласно заявленію предсѣдателя означеннаго выше Совѣщанія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что преступленія, подсудныя окружнымъ судамъ безъ присяжныхъ, большею частью формальнаго свойства, т.-е. такія, гдѣ ни о событіи преступленіи, ни о внутренней его сторонѣ почти не возникаетъ ни спора, ни сомнѣнія *). По заключенію упомянутаго совѣщанія, «обвиненіе присяжныхъ въ малой репрессіи не основательно: оно не только не подтверждается цифровыми данными, но въ дѣйствительности оказывается, что судъ присяжныхъ, при сравненіи съ судомъ коронснымъ, болѣе репрессивенъ и устойчивъ» **).

---

*) *Журн. Мин. Юст.* 1895 г., № 4, сообщеніе А. Ѳ. Кони, стр. 45 и 46.
**) Тамъ же, стр. 48.

Это заключеніе совѣщанія о большей устойчивости суда присяжныхъ подтверждается цифрами: въ то время, какъ процентъ обвинительныхъ приговоровъ, постановленныхъ окружными судами безъ участія присяжныхъ, колебался въ 1891 г., по отдѣльнымъ округамъ, между 92,8 (таганрогскій окр. судъ) и 62,7 (елецкій окр. судъ), въ приговорахъ присяжныхъ такихъ рѣзкихъ колебаній не замѣчалось: наибольшій процентъ былъ 77,3 (ярославскій окр. судъ), наименьшій—59,9 (воронежскій окр. судъ). Значительно болѣе, чѣмъ въ окружныхъ судахъ безъ присяжныхъ, колебался процентъ обвиненія въ судебныхъ палатахъ съ сословными представителями: за время съ 1878 по 1891 годъ онъ отъ 53,5— доходилъ до 80%.

Что касается вопроса о присвоеніи присяжными права помилованія, то здѣсь едва ли не кроется недоразумѣніе. Здѣсь имѣетъ мѣсто не помилованіе, а признаніе подсудимаго не подлежащимъ, по обстоятельствамъ дѣла, отвѣтственности за совершенное имъ преступленіе, не прощеніе осужденнаго или прекращеніе возбужденнаго о немъ дѣла безъ судебнаго разбирательства, а признаніе его неотвѣтственнымъ по судебному приговору. Дѣйствительно, нерѣдки случаи оправданія присяжными подсудимыхъ, виновность которыхъ вполнѣ доказана. Если это—оказаніе милости, то вѣдь *милость*, еще по словамъ Высочайшаго манифеста 19 марта 1856 года, должна вмѣстѣ съ правдою «царствовать въ судахъ», а въ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату 20 ноября 1864 г. высказано пожеланіе Монарха «водворить въ Россіи судъ скорый, правый, *милостивый* и равный для всѣхъ». «Милость же, — по словамъ А. Ѳ. Кони, — должна быть въ судахъ, а не внѣ судовъ; не должно часто безпокоить верховную власть такими ходатайствами и дѣлать ее судьею отдѣльныхъ случаевъ» *).

Въ значительной части оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ виновато наше устарѣвшее уложеніе, карающее тяжкими карами дѣянія, которыя, съ точки зрѣнія современныхъ воззрѣній, должны бы облагаться легчайшими взысканіями. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи и статсъ-секретаря Фриша 19 апрѣля 1895 г. о ходѣ работъ по составленію новаго уложенія высказано, «что значительная доля нареканій, вызванныхъ въ нѣкоторой части нашего общества практикою суда присяжныхъ, должна быть отнесена къ несовершенству нашего уложенія и его несоотвѣтствію измѣнившимся требованіямъ жизни... такое несоотвѣтствіе уголовныхъ взысканій, назначаемыхъ за отдѣльныя преступныя дѣянія, ихъ жизненному значенію вызывало иногда оправдательные приговоры, несмотря на несомнѣнныя доказательства виновности».

Если смотрѣть на нѣкоторые случаи оправданія присяжными такихъ подсудимыхъ, которыхъ судъ коронный при обязательномъ мотивированіи приговора, затруднился бы признать невиновнымъ, то какъ называть слу-

*) *Журн. Мин. Юст.* 1896 г., № 3, стр. 220.

чаи осужденія присяжными за такое дѣяніе, которое, при мотивировкѣ приговора, не могло бы быть признано достаточно доказаннымъ,—а такіе случаи бываютъ нерѣдко? Въ томъ - то и дѣло, что присяжные судятъ не отдѣльно взятое дѣяніе подсудимаго, а всю его личность, что̀ совершенно немыслимо для суда коронпаго, которому иногда, несмотря на полное убѣжденіе въ виновности подсудимаго, нѣтъ возможности письменно доказать послѣднюю. Бываютъ случаи, что и потерпѣвшій грѣшитъ противъ истины, и свидѣтели говорятъ неправду, судьи «готовы присягу принять», что преступленіе дѣло рукъ подсудимаго, но нѣтъ возможности доказать это путемъ логическихъ посылокъ и выводовъ. Судъ присяжныхъ—судъ Божій, такъ называли его въ нашей мѣстности во времена, о которыхъ я пишу, и это смѣлое názваніе, пожалуй, и не далеко отъ истины. Вотъ тому примѣры:

На памяти у меня дѣло одного татарина - конокрада. Отсудился онъ дважды у мировыхъ судей и послѣ того не одинъ разъ обвинялся въ кражахъ лошадей, но всегда обстоятельства дѣла слагались такъ, что послѣднее направлялось къ прекращенію. Какъ всѣ конокрады, держащіе въ страхѣ населеніе, татаринъ этотъ былъ нахаленъ до дерзости. Въ одинъ прекрасный день, на базарѣ, онъ сорвалъ съ головы совершенно незнакомаго ему мужика шапку и заложилъ ее въ кабакѣ. Все это было продѣлано на глазахъ людей, но полицейское дознаніе не могло обнаружить свидѣтелей-очевидцевъ, да и самъ потерпѣвшій, видимо боявшійся конокрада, далъ при слѣдствіи уклончивыя, сбивчивыя объясненія. Тѣмъ не менѣе слѣдователь, которому этотъ татаринъ въ достаточной мѣрѣ надоѣлъ, привлекъ его къ дѣлу, хотя и не рѣшился взять подъ стражу, а прокуратура составила обвинительный актъ по 1643 ст. Улож. Палата актъ этотъ утвердила, а присяжные, несмотря на то, что на судѣ потерпѣвшій совсѣмъ измѣнилъ свое показаніе, объясняя дѣяніе подсудимаго простою шуткой, признали его виновнымъ въ грабежѣ и даже не дали снисхожденія. Послѣ приходилось слышать отъ нихъ, что «татарина можно было, пожалуй, и не осуждать за шапку, да за старыя-то дѣла, всѣмъ хорошо извѣстныя, ему давно пора было даже въ Сибири быть».

Такъ, между прочимъ, смотрѣли у насъ и на дѣло Овсянникова; наши присяжные были глубоко убѣждены, что онъ осужденъ былъ не за поджогъ петербургской мельницы, а за кровь меньшаго брата, которую онъ сосалъ въ теченіе всей своей долголѣтней жизни.

Чѣмъ, какъ не тѣмъ обстоятельствомъ, что присяжные судятъ всю личность, можно объяснить многократно имѣвшіе мѣсто случаи оправданія сознавшагося вора и одновременное обвиненіе укрывателя похищеннаго имъ имущества, оправданіе несовершеннолѣтняго и обвиненіе соучастника его, человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, совокупными силами совершившихъ одно и то же преступленіе,—такихъ комбинацій можно привести не мало.

Вспоминаю еще одинъ случай изъ моей практики. Голодный бѣдняга, отставной солдатъ обвинялся въ кражѣ, въ чемъ и сознался. Укралъ онъ

коровай хлѣба и двугривенный деньгами изъ запертой избы, а для совершенія кражи оторвалъ веревочку, которою изнутри была привязана къ вбитому въ косякъ гвоздю отворяющаяся наружу рама двухстворчатаго окна. По сенатскимъ разъясненіямъ это была кража со взломомъ, и солдатъ былъ преданъ суду по 1647 ст. Улож. съ перспективою попасть въ исправительное арестантское отдѣленіе, называвшееся по старой памяти арестантскими ротами. Ревизовавшій тогда прокурорскій надзоръ, новый прокуроръ судебной палаты, человѣкъ высоко - образованный и гуманный, обвинялъ меня въ излишней жестокости, упрекая въ томъ, что я не захотѣлъ «натянуть простую кражу» и составить заключеніе объ измѣненіи подсудности. Я оправдывался тѣмъ, что поступилъ въ интересахъ солдата, что мировой судья неминуемо приговорилъ бы его къ тюремному заключенію, хотя бы только на 1½ мѣсяца, а что присяжные могутъ или отвергнуть взломъ и, такимъ образомъ, сдѣлать то же, что сдѣлалъ бы и мировой судья, или, что всего вѣроятнѣе, оправдать подсудимаго, достаточной для котораго наукою будетъ страхъ судебной отвѣтственности и состояніе подъ слѣдствіемъ; я утверждалъ, что знаю своихъ присяжныхъ и увѣренъ, что за кражу со взломомъ они никогда не обвинятъ этого солдата. Прокуроръ палаты, нынѣ здравствующій сенаторъ, согласился съ моими доводами и взялъ назадъ свое обвиненіе, а присяжные, впослѣдствіи, вышли изъ этого дѣла, какъ я и ожидалъ: они оправдали подсудимаго.

Таковы были присяжные лѣтъ 12—15 тому назадъ въ двухъ восточныхъ губерніяхъ. Отношеніе къ нимъ суда было построено на общемъ и взаимномъ довѣріи; они съ честью исполняли свои обязанности и, право, я не помню случая, когда бы приговоръ присяжныхъ возмущалъ наше чувство справедливости до глубины души. Бывали, конечно, случаи, нужно сказать очень рѣдкіе, когда мы не могли согласиться съ существомъ вердикта присяжныхъ, но всегда, по крайней мѣрѣ, вердиктъ этотъ находилъ себѣ объясненіе и объясненіе чистое.

Я долженъ сказать, что уже на новомъ мѣстѣ служенія и впослѣдствіи мнѣ постоянно приходилось имѣть дѣло съ вердиктами присяжныхъ. Это уже было, сравнительно, недавно и длилось въ теченіи 6 лѣтъ. И здѣсь я никогда не встрѣчался съ приговорами, которые представлялись бы возмутительными и грубо несоотвѣтствующими тому письменному матеріалу, который имѣется въ дѣлѣ. За то же время мнѣ приходилось вѣдаться съ приговорами суда короннаго тѣхъ мѣстностей, гдѣ присяжные не существуютъ, и я никогда не скажу, чтобы приговоры судебныхъ палатъ, этого собранія «опытнѣйшихъ юристовъ», болѣе удовлетворяли мою судейскую совѣсть, чѣмъ дѣла, разрѣшенныя съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ значительной мѣрѣ на количество оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ вліяетъ, конечно, наше устарѣлое Уложеніе,—толковать объ этомъ много нечего, объ этомъ не разъ уже говорилось и писалось. Виновата и существующая система постановки вопросовъ—и объ этомъ много писалось. Въ частности, относительно вопросовъ, наша бѣда въ толкованіи

760 ст. Уст. уг. суд. Что слѣдуетъ признавать общеупотребительными и понятными для присяжныхъ выраженіями и какія выраженія «юридическія» для нихъ непонятны—по этому вопросу господствуетъ полное смѣшеніе понятій. Въ самомъ дѣлѣ, почему въ вопросѣ по обвиненію въ кражѣ, нельзя сказать *укралъ*, а слѣдуетъ сказать: *тайно похитилъ*, и въ то же время по дѣлу о грабежѣ нельзя употребить выраженіе *открыто похитилъ*, какъ выраженіе «юридическое» (р. 1875 годъ № 40). Почему нельзя въ предлагаемомъ присяжнымъ вопросѣ употребить выраженія: растратилъ (р. 1869 г., № 379), присвоилъ (р. 1871 г., № 1708), ссудилъ (р. 1875 г., № 29) подстрекнулъ (р. 1871 г., № 359)? Почему нельзя употребить слово: обманъ (р. 1868 г., № 388)? Наконецъ, почему выраженіе «запальчивость и раздраженіе» признается непонятнымъ для присяжныхъ и рекомендуется быть замѣненнымъ словами «въ страстномъ порывѣ», какъ выраженіемъ совершенно для нихъ понятнымъ (р. 1876 г., № 268)?

Многія поправки уже предложены, а иныя уже сдѣланы. Не повторяя и не систематизируя ихъ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ.

Громадныя, по важности своей, послѣдствія долженъ имѣть законъ 3 іюня 1894 г. (Сб. уз. № 108) объ отмѣнѣ привода присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ по каждому дѣлу. Мнѣ лично не разъ случалось наблюдать, съ какимъ волненіемъ присяжные принимали присягу въ первый разъ и какая великая разница между этою присягою и присягою въ концѣ сессіи. Вѣдь бывали счастливцы, попадавшіе въ составъ присяжныхъ по каждому дѣлу. Такому счастливцу въ теченіе двухнедѣльной сессіи, считая по шести рабочихъ дней въ недѣлю и по три дѣла съ присяжными въ день, приходилось принять присягу 36 разъ! Не говоря уже о томъ, что этотъ, безполезно повторявшійся нѣсколько разъ обрядъ, отнималъ совершенно напрасно время,—онъ дурно вліялъ и на религіозное настроеніе присяжнаго. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ клянется именемъ Божіимъ ежедневно по три раза,—весьма естественно, что послѣ десятка такихъ клятвъ онъ уже перестаетъ смотрѣть на нихъ съ особымъ уваженіемъ, привыкаетъ къ нимъ и онѣ становятся въ его глазахъ пустымъ обрядомъ.

Не такъ, конечно, важенъ, но, во всякомъ случаѣ, благодѣтеленъ долженъ оказаться и законъ того же 3 іюня 1894 г. о дачѣ присяжнымъ руководящаго наставленія предсѣдателя единожды на всю сессію. Эти повторныя наставленія отнимали массу времени, и отнимали безполезно,—ихъ никто не слушалъ; практика давно уразумѣла это, и обыкновенно, съ третьяго, примѣрно, дѣла это наставленіе ограничивалось словами предсѣдателя: «Ваши права и обязанности, гг. присяжные, вамъ извѣстны; къ тому же въ вашей совѣщательной комнатѣ вывѣшены на стѣнѣ печатныя правила о порядкѣ вашихъ совѣщаній, о вашихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности». Такіе случаи восходили не разъ на разсмотрѣніе правительствующаго сената, и онъ, требуя, на первыхъ порахъ, обязательнаго разъясненія присяжнымъ ихъ обязанностей каждый разъ и по каждому дѣлу (р. 1868 г., № 49), впослѣдствіи сталъ признавать указанный по-

рядокъ замѣны разъясненія простою ссылкой на вывѣшанныя правила несущественнымъ нарушеніемъ 804 ст. Уст. уг. суд. (р. 1872 г., № 1372, 1878 г., № 34 и др.).

Затѣмъ, я совершенно присоединяюсь къ тѣмъ, которые настаиваютъ на необходимости оглашенія предъ присяжными грозящаго подсудимому наказанія и сокращенія до возможныхъ предѣловъ числа документовъ, не подлежащихъ оглашенію на судѣ. Въ первомъ случаѣ мы просто играемъ съ присяжными въ жмурки: обыкновенно на третій, четвертый день сессіи они уже знаютъ изъ объявленныхъ предъ тѣмъ приговоровъ о размѣрахъ наказаній, но это бы еще не бѣда, а несчастіе въ томъ, что они составляютъ себѣ о нихъ невѣрное представленіе: «всякій грабежъ» и всякое убійство, по ихъ глубокому убѣжденію, должны, по закону, влечь за собою каторгу,—чего въ дѣйствительности, какъ извѣстно, не существуетъ. Особенно смущаетъ присяжныхъ 1643 ст. Улож., предусматривающая грабежъ безъ насилія. «*Денной* грабежъ,—говорили они, объясняя оправдательный приговоръ по дѣлу оборванца, обвинявшагося въ открытомъ, хотя и безъ насилія, похищеніи кошелька съ двугривеннымъ,—боялись, какъ бы въ каторгу не попалъ». Руководствуясь обычнымъ народнымъ выраженіемъ: *денной* грабежъ, *денной* разбой, они бывали сильно смущены, когда имъ разъясняли, что ночной грабежъ карается строже денного и что именно ограбленіе въ *ночное* время и составляетъ увеличивающее вину обстоятельство при обвиненіи по 1643 ст. Улож. Между тѣмъ защита пользовалась этимъ, и выраженія: «навѣки оторвать отъ семьи и родины», «влечь свою жизнь въ далекихъ тундрахъ сѣвера» и иныя подобныя имъ въ устахъ нашей захолустной адвокатуры—далеко не рѣдкость; замѣчаніе же предсѣдателя защитнику, что онъ не имѣетъ права *касаться наказанія,* только подливаетъ масла въ огонь, убѣждая присяжныхъ, что подсудимаго ждетъ ссылка или каторга. Брошеннаго кстати слова безслѣдно не уничтожишь, да и подходящихъ разъясненій предсѣдатель, при существующихъ порядкахъ, дать не въ состояніи: если онъ начнетъ убѣждать присяжныхъ, что защита ошибочно сдѣлала такое указаніе, то, тѣмъ самымъ, онъ не только намекнетъ, но прямо разъяснитъ присяжнымъ размѣры ожидающаго подсудимаго наказанія. Здѣсь умѣстно привести случай, указанный Чайковскимъ («Замѣтки практика». *Журн. М. Ю.* 1896 г., № 2): обвинялся дворянинъ 19 л. въ простой кражѣ. Защитникъ просилъ полнаго его оправданія, говоря, что своимъ обвинительнымъ приговоромъ присяжные извлекутъ подсудимаго на всю жизнь изъ той среды, гдѣ онъ родился, лишатъ его тѣхъ преимуществъ, которыми онъ, по молодости, еще не успѣлъ воспользоваться, такъ какъ имъ, присяжнымъ, хорошо извѣстно, какого рода дѣла и съ какими для подсудимыхъ послѣдствіями передаются по закону на ихъ сужденіе. Предсѣдатель въ заключительной рѣчи нашелъ необходимымъ, въ виду совершенно невѣрнаго толкованія защитою послѣдствій рѣшенія присяжныхъ, объяснить, что подсудимому, согласно 140 и 1656 ст. Улож., грозитъ заключе-

ніе въ тюрьмѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ,—и приговоръ былъ обвинительный: присяжные отвѣтили: «да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». Я знаю еще случай, гдѣ предсѣдатель одного изъ столичныхъ окружныхъ судовъ,—предсѣдатель умѣлый, знающій и опытный, словомъ, одинъ изъ выдающихся судебныхъ дѣятелей и къ тому же строгій блюститель Судебныхъ Уставовъ,—былъ поставленъ въ необходимость, въ виду подобнаго же поведенія защиты, прямо объявить присяжнымъ размѣры угрожающаго подсудимому наказанія. Все это заставляетъ желать, чтобы пересмотрѣнный Уставъ уг. суд. не запрещалъ, а обязывалъ судъ указывать присяжнымъ на послѣдствія ихъ обвинительнаго вердикта.

Почти въ такомъ же положеніи и вопросъ о прочтеніи на судѣ разнаго рода документовъ; слѣдуетъ, казалось бы, по возможности расширить объемъ подлежащихъ прочтенію актовъ и документовъ,—можно, пожалуй, читать все, что есть въ дѣлѣ, но нужно дать разъясненіе прочитанному, а то выходитъ вотъ что: защитникъ (большею частью дѣлаетъ это защита, прокуратура не прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ) встаетъ и почтительно проситъ прочесть документъ, въ которомъ изложено то-то и то-то, и такимъ образомъ оглашаетъ его содержаніе, а судъ отказываетъ въ его прочтеніи. Тяжело положеніе прокурора, заключенія котораго требуетъ судъ. Возражая противъ прочтенія документа и возражая, притомъ, обычною фразой, что означенный документъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, оглашеніе которыхъ разрѣшается на судѣ, прокуроръ тѣмъ самымъ даетъ присяжнымъ поводъ думать, что въ дѣлѣ есть такія свѣдѣнія и что оглашеніе ихъ *не въ интересахъ* прокурора. Нерѣдко мнѣ случалось слышать сожалѣніе присяжныхъ, что прокуроръ *не позволилъ* прочесть извѣстный документъ. Я знаю случай и лучше: защитникъ ходатайствовалъ о прочтеніи полицейскаго дознанія, въ дѣйствительности не существовавшаго, и, разъясняя свое ходатайство, изложилъ и содержаніе этого, будто бы находящагося въ дѣлѣ, дознанія. Прокуроръ въ заключеніи своемъ сказалъ, что такое дознаніе ему *неизвѣстно,* и что, во всякомъ случаѣ, оно, въ силу 625—629 ст. Уст. уг. суд., не относится къ числу актовъ, оглашеніе которыхъ на судѣ разрѣшается. Судъ въ прочтеніи отказалъ, не разъяснивъ присяжнымъ, что такого дознанія въ дѣлѣ нѣтъ, ибо въ разъясненіи этомъ не видѣлъ надобности, а камень былъ брошенъ, и камень хорошій. Наконецъ, бывали въ рѣчахъ защиты и сожалѣнія, что судъ не разрѣшилъ прочтеніе документа, весьма важнаго въ интересахъ защиты. Всѣ остановки защитника предсѣдателемъ никакого значенія не имѣютъ,—онѣ слѣдуютъ поздно.

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ, быть можетъ и мелочномъ, но, по существу своему, имѣющемъ извѣстное значеніе. Не легко присяжнымъ объявлять свой вердиктъ при наличности подсудимаго, но это еще туда-сюда; гораздо тяжелѣе ихъ послѣдующее затѣмъ положеніе. По существующему порядку присяжные, по объявленіи вердикта, усаживаются на свои мѣста, всегда противъ подсудимаго, кото-

рый тоже остается на своемъ мѣстѣ; судъ удаляется для постановленія приговора и все это время, иногда не минуты, а часы, присяжные сидятъ противъ смотрящаго на нихъ въ упоръ осужденнаго. Русскій человѣкъ, по природѣ, добродушенъ,—зачѣмъ совершенно безцѣльно его мучить? Бываетъ и хуже: случается, что и судебный приставъ сбѣжитъ на минутку покурить и въ это время осужденный, остающійся только подъ охраною стражи, а если онъ былъ на свободѣ, то и простого полицейскаго, а то и вовсе безъ всякой охраны, обратится къ присяжнымъ съ упреками или бранью. А между тѣмъ дѣло поправить легко: вердиктъ присяжныхъ объявленъ, онъ не подлежитъ уже ни дополненію, ни исправленію; роль присяжныхъ окончена, и они свободно могутъ быть размѣщены въ публикѣ; равнымъ образомъ и осужденнаго не къ чему держать все это время въ залѣ,—онъ можетъ быть удаленъ въ арестантскую, если, конечно, послѣдняя имѣется. Все это, скажутъ мнѣ, мелочи, въ извѣстной мѣрѣ зависящія отъ распорядительности предсѣдателя. Да, отчасти, хотя почему-то принято отпускать присяжныхъ только по объявленіи приговора и по закрытіи засѣданія по рѣшенному съ ихъ участіемъ дѣлу. Независимо отъ этого, у меня другая мысль: не слѣдуетъ ли оглашать вердиктъ присяжныхъ безъ бытности подсудимаго и приглашать его въ залу для выслушанія этого вердикта послѣ удаленія присяжныхъ съ ихъ мѣстъ?

Вотъ что мнѣ хотѣлось сказать по вопросу о судѣ присяжныхъ; остается желать, чтобы этотъ судъ, къ которому народъ достаточно привыкъ, остался у насъ и въ пересмотрѣнныхъ Судебныхъ Уставахъ въ полной силѣ; желательно распространеніе его на мѣстности, до сихъ поръ его лишенныя, и на дѣла, въ настоящее время, изъ вѣдѣнія его изъятыя. Въ самомъ дѣлѣ, велика ли разница между Пермскою, Вятскою и сосѣднею съ ними Уфимскою губерніей, а между тѣмъ первыя двѣ имѣютъ судъ присяжныхъ, а послѣдняя его лишена; время говоритъ за возможность введенія суда присяжныхъ и въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго, почему же ему не быть въ Астраханской губерніи, за исключеніемъ развѣ калмыцкихъ степей? Мы твердо уповаемъ, что судъ присяжныхъ будетъ признанъ нормальнымъ судомъ для всѣхъ мѣстностей Россійской имперіи, за исключеніемъ тѣхъ очень немногихъ, которыя находятся въ совершенно исключительномъ положеніи.

Ив. Мѣщаниновъ.

Какъ относятся крестьяне къ вопросу объ устройствѣ народныхъ библіотекъ *).

Въ началѣ 1896 года, въ то самое время, когда комитеты грамотности переживали критическій моментъ своей жизни по случаю передачи ихъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, одинъ благотворитель, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, передалъ въ московскій комитетъ грамотности 63,000 рублей на нужды народнаго образованія. Изъ этой суммы болѣе 20,000 руб. жертвователь опредѣлилъ на народныя читальни. Чтобы по возможности цѣлесообразно распредѣлить эти деньги, библіотечная коммиссія, которой комитетъ грамотности поручилъ это дѣло, должна была войти въ переписку съ волостными правленіями, земствами и частными лицами. Результаты этой громадной переписки, въ которой входящія и исходящія бумаги считались тысячами, дали возможность библіотечной коммиссіи собрать значительное количество свѣдѣній по вопросу о народныхъ читальняхъ. Та часть этихъ свѣдѣній, которая касается собственно отношенія крестьянъ къ устройству библіотекъ, и послужила основой для предлагаемаго въ настоящее время очерка.

Въ системѣ народно-образовательныхъ учрежденій безплатныя библіотеки-читальни имѣютъ безспорное и важное значеніе. Школа съ ея въ большинствѣ случаевъ маленькой библіотечкой, съ ея кратковременнымъ курсомъ и небольшой программой можетъ въ лучшемъ случаѣ дать только болѣе или менѣе прочную грамотность, возбудить стремленіе къ чтенію, пробудить нѣкоторые умственные запросы и стремленіе къ дальнѣйшему образованію. Библіотека-читальня должна поддержать слагающіяся въ школѣ привычки и стремленія. Она открываетъ крестьянину чуть ли не единственную возможность продолжать свое образованіе, такъ какъ постоянная покупка книгъ при болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ крестьянина является возможной только для немногихъ отдѣльныхъ лицъ, а не для массы насе-

*) Докладъ, читанный въ засѣданіи московскаго общества грамотности 23 апрѣля 1897 года.

ленія. Такое значеніе народныхъ библіотекъ вполнѣ ясно сознано образованнымъ обществомъ, и это сознаніе выразилось уже въ многочисленныхъ всѣмъ извѣстныхъ фактахъ. Но проникаетъ ли оно въ массы крестьянскаго населенія? Сознаютъ ли крестьяне, что библіотека является естественнымъ продолженіемъ и дополненіемъ школьнаго образованія? Данныя, собранныя библіотечною коммиссіей, позволяютъ освѣтить нѣкоторыя стороны этихъ вопросовъ. Мы имѣемъ множество положительныхъ фактовъ, удостовѣряющихъ сочувствіе крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ устройству библіотекъ. Для того, чтобы точнѣе установить значеніе этихъ положительныхъ фактовъ, не лишнимъ будетъ обратить вниманіе и на факты отрицательные. Только ясно представляя себѣ обстановку, среди которой проявляется сочувствіе крестьянъ устройству библіотекъ, мы можемъ опредѣлить степень этого сочувствія. Въ виду этихъ соображеній остановимся прежде всего на тѣхъ причинахъ, которыя задерживаютъ въ настоящее время развитіе народныхъ библіотекъ въ Россіи, поскольку эти причины выясняются изъ мнѣній волостныхъ сходовъ и волостныхъ правленій, собранныхъ библіотечною коммиссіей.

Въ отвѣтъ на циркуляръ, разосланный коммиссіей по волостнымъ правленіямъ съ предложеніемъ устроить народную библіотеку съ ассигновкой изъ волостныхъ суммъ, многіе сходы и правленія отвѣтили отказомъ, иногда подробно мотивируя свои мнѣнія о невозможности устройства библіотеки въ данной мѣстности. Вдумавшись въ представляемые ими мотивы, мы увидимъ, что часто причиной отказа устроить библіотеку является вовсе не несочувствіе къ ней. Видное мѣсто среди этихъ причинъ занимаетъ бѣдность населенія. Въ отзывахъ волостныхъ правленій и въ приговорахъ крестьянскихъ сходовъ эта причина указывается весьма часто. Иногда они проникнуты искреннимъ желаніемъ содѣйствовать устройству народныхъ библіотекъ и указываютъ на такія серьезныя препятствія, встрѣчаемыя въ этомъ дѣлѣ, что обвинять въ такихъ случаяхъ крестьянъ за несочувствіе образованію нѣтъ никакой возможности. Въ числѣ этихъ препятствій указывается, наприм., на громадное накопленіе недоимокъ, на рядъ неурожайныхъ годовъ, истощившихъ населеніе, на постройку новыхъ зданій—храмовъ, школъ, правленій, которая и безъ того вызвала именно въ настоящее время чрезмѣрное напряженіе силъ мѣстнаго населенія. Такъ, Котлобанское волостное правленіе «съ душевнымъ прискорбіемъ» извѣщаетъ, что «мѣстные крестьяне за послѣдніе неурожайные годы окончательно разорились, такъ что новый расходъ, хотя бы въ нѣсколько десятковъ рублей, составитъ для нихъ тяжкое бремя» (Донск. обл.). Одно изъ волостныхъ правленій Нижегородской губерніи, признавая желательнымъ устройство читальни, указываетъ, что «съ закрытіемъ завода въ селѣ Велетьмѣ крестьяне остались совершенно безъ заработка». При такихъ условіяхъ изъ отказа устраивать библіотеку нельзя же заключать о несочувствіи къ ней. Но, конечно, встрѣчается много и такихъ случаевъ, когда за ссылкой на неимѣніе средствъ можно предполагать несочувствіе самымъ библіотекамъ,

непониманіе ихъ значенія. Однако, и здѣсь можно поставить.вопросъ: чье же собственно несочувствіе оказалось въ приговорѣ—несочувствіе ли большинства крестьянъ или несочувствіе немногихъ ворочающихъ дѣлами на сходахъ стариковъ? Одинъ изъ корреспондентовъ комитета грамотности сообщаетъ, что на сходѣ всѣмъ заправляютъ старики, изъ которыхъ многіе неграмотны, и что ихъ вліянію должно было подчиниться молодое поколѣніе, дѣйствительно желавшее открытія и серьезнаго обезпеченія библіотеки (Тамб. губ., Борисогл. у.). Богдановско-Колодезное волостное правленіе (Тульск. губ., Епифанск. у.) увѣдомляетъ: «здѣшняя волость, по отношенію къ людямъ средняго и молодого возрастовъ и дѣтей-учениковъ, хотя и весьма была бы рада устроить у себя народную читальню, но, къ сожалѣнію, опредѣленіе матеріальныхъ средствъ на устройство и содержаніе этой читальни зависитъ отъ старшихъ возрастомъ, т.-е. стариковъ, которые исключительно почти-что всѣ неграмотные, почему, и при бѣдномъ состояніи волости, трудно склонить къ ассигнованію на сказанный предметъ какихъ-либо средствъ этихъ старыхъ и неграмотныхъ людей, бывавшихъ на сходахъ». Подобное же сообщеніе представляетъ и Ѳедоровское волостное правленіе (Екатериносл. губ., Екатериносл. у.). «Волостной сходъ,—извѣщаетъ оно,—открытіе библіотеки отклонилъ въ виду тѣхъ обстоятельствъ, что для этого нужны средства, въ которыхъ крестьяне стѣсняются. Хотя на сходѣ, между прочимъ, разъяснена незначительность нужныхъ средствъ, но сходъ, состоящій, въ большинствѣ лицъ, изъ старыхъ, такъ сказать, черствыхъ людей, чуждыхъ всякихъ пріобрѣтеній знанія, а тѣмъ болѣе если послѣднее требуетъ хотя незначительныхъ расходовъ, и заявившихъ желаніе оказалось мало». Такимъ образомъ, старое поколѣніе, неграмотное или не создавшее себѣ привычки къ чтенію, тормазитъ порывы молодыхъ крестьянъ къ самообразованію. Но мы увидимъ ниже, какъ это молодое поколѣніе, часто безсильное на сходахъ, умѣетъ иногда создавать библіотеки и безъ помощи этихъ сходовъ, соединяясь въ кружки и артели.

Одной изъ основныхъ причинъ, препятствующихъ развитію народныхъ библіотекъ во многихъ мѣстностяхъ, безъ сомнѣнія, является слабое вообще развитіе грамотности. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ количество безграмотныхъ достигаетъ положительно ужасающихъ размѣровъ. Вычетайбольское волостное правленіе сообщаетъ: «Въ волости не имѣется школы; населеніе, можно сказать, положительно неграмотно: изъ числа 700 душъ умѣютъ читать и писать только 6 человѣкъ» (Арх. губ., Кемск. у.). Олангское волостное правленіе также обращаетъ вниманіе комитета грамотностя на «поголовную буквально безграмотность жителей волости: на 1,515 человѣкъ грамотныхъ 15, да и то едва умѣющихъ подписать имя и фамилію» (Арх. губ., Кемск. у.). Подобныя же извѣстія идутъ и изъ Черпинской волости, Челябинскагс уѣзда, гдѣ живутъ главнымъ образомъ башкиры, изъ которыхъ грамотныхъ всего трое, да и тѣ живутъ въ разныхъ деревняхъ. Въ Грабовской волости (Мозырскій у., Минской губ.), по увѣренію волостного правленія, «грамотныхъ еще нѣтъ», такъ какъ школа только что открыта. Кетское

волостное правленіе пишетъ, что «рвенія къ осуществленію читаленъ у жителей не имѣется, ибо чтеніемъ занимаются только церковно-служители» (Томск. губ., Томск. округъ). Всѣхъ подобнаго рода сообщеній поступило 19.

Разбросанность и малочисленность населенія также во многихъ мѣстахъ служитъ препятствіями для устройства народныхъ библіотекъ. «Населеніе здѣшней волости,—сообщается въ отвѣтѣ Волмановскаго волостного правленія,—живетъ починками въ дальнихъ разстояніяхъ отъ 40 до 60 верстъ» (Вологодск. губ., Никольск. у.), почему устройство библіотеки для цѣлой волости представляется невозможнымъ. На Обжерихинскомъ волостномъ сходѣ (Костромск. губ., Юрьев. у.) крестьяне отказались устроить читальню «въ виду раздробительности находящихся въ волости селеній, нерѣдко достигающихъ 20 дворовъ». На Чеботовичскомъ волостномъ сходѣ (Могил. губ., Гомельск. у.) крестьяне такъ разсуждали объ устройствѣ читальни: «Если читальня будетъ находиться въ одномъ селеніи, то изъ другого, находящагося въ далекомъ разстояніи, нужно будетъ идти въ нее; устроить же въ каждомъ селеніи читальню мы не въ состояніи». Нѣкоторыя волостныя правленія указываютъ просто на малочисленность волости: такъ, въ одной волости (Шадринск. у., Пермск. губ.) всего 200 душъ. Такія малочисленныя волости вообще встрѣчаются нерѣдко. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета (*Волости и гмины 1890 года*) въ Европейской Россіи, несчитая Финляндіи, Польши, Прибалтійскихъ губерній и Кавказа, волостей, имѣющихъ менѣе 1,000 жителей, насчитывается—101. Иногда малочисленность и разбросанность населенія соединяются вмѣстѣ, и тогда устройство читальни дѣлается совершенно невозможнымъ. Вотъ, наприм., какая картина вырисовывается изъ сообщенія Вычетайбольскаго волостного правленія: «Въ волости 14 деревень съ населеніемъ въ 700 душъ, и самая большая деревня имѣетъ 16, а прочія 10, 4 и менѣе домовъ; разстояніе между поселеніями отъ 20 до 30 верстъ, причемъ сообщеніе между ними, особенно въ лѣтнее время, крайне неудобно, и въ случаѣ бы открытія читальни съ помѣщеніемъ ея въ центрѣ волости посѣтителямъ окраинъ пришлось бы употреблять на проѣздъ взадъ и впередъ—въ зимнее время до 2, а въ лѣтнее до 6 сутокъ» (Арх. губ., Кемск. у.). Представимъ себѣ подписчика библіотеки, которому для обмѣна книги нужно сдѣлать цѣлое путешествіе, нужно цѣлыхъ 6 сутокъ странствовать по самымъ невозможнымъ дорогамъ. Какая жажда къ чтенію устоитъ передъ такими препятствіями!

Немалымъ препятствіемъ къ развитію читаленъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи является, по отзывамъ волостныхъ правленій, инородческій составъ населенія. Изъ 35 волостей 11-ти губерній получены извѣщенія о невозможности открыть народную библіотеку вслѣдствіе того, что мѣстное населеніе исключительно или преимущественно состоитъ изъ латышей, татаръ, башкиръ, черемисовъ, вогуловъ. Волостныя правленія часто указываютъ, что инородцы—или магометане, или язычники, что они большею частью или совсѣмъ неграмотны, или по-русски читать и писать не умѣютъ. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, подтверждающимъ это по-

слѣднее заявленіе, является то, что подъ тремя отвѣтами, составленными писарями, волостные старшины подписали свои фамиліи не по-русски (Уфимск., Таврич., Симбирск.).

Въ 6 волостяхъ Владимірской, Костромской (3), Рязанской и Тверской губерній крестьяне мотивировали свой отказъ принимать участіе въ устройствѣ читаленъ тѣмъ, что почти все взрослое мужское населеніе уходитъ на отхожіе промыслы; для дѣтей же,— прибавляетъ одно волостное правленіе,—имѣются школы.

Три волостныхъ правленія (Пермск., Костромск., Псковск. губ.) указываютъ на невозможность устройства читальни вслѣдствіе противодѣйствія старообрядцевъ.

Изъ двухъ волостныхъ правленій Тобольской и Архангельской губерній сообщаютъ, что читальни въ ихъ волостяхъ не разрѣшены. Въ Тобольской губерніи неразрѣшеніе мотивировалось, по заявленію волостного правленія, «неимѣніемъ церковно-приходскихъ школъ въ волости», а въ Архангельской губерніи директоръ народныхъ училищъ нашелъ недостаточной ассигновку крестьянъ въ 50 руб. и предложилъ имъ ассигновать еще по 45 руб. въ годъ; крестьяне отказались и теперь ждутъ рѣшенія.

Разсматривая всѣ эти причины, задерживающія развитіе народныхъ библіотекъ-читаленъ, мы видимъ, что часто онѣ лежатъ вовсе не въ несочувствіи крестьянъ этимъ учрежденіямъ. Если же гдѣ и встрѣчается такое несочувствіе, то оно является естественнымъ результатомъ слабаго развибія грамотности въ данной мѣстности. Недостаточное количество школъ и плохое состояніе школьныхъ библіотекъ вмѣстѣ съ бѣдностью крестьянскаго населенія являются основными причинами, препятствующими развитію народныхъ читаленъ. Но бѣдность населенія имѣетъ рѣшающее значеніе только въ малочисленныхъ волостяхъ, или при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ. Для тѣхъ же волостей, которыя имѣютъ хотя бы по три или четыре тысячи душъ, ассигнованіе по одной копѣйкѣ съ души въ годъ при ясно-сознанномъ значеніи читальни едва ли можетъ послужить препятствіемъ, а между тѣмъ собранные этимъ путемъ 30—40 руб. могутъ служить для достаточнаго ежегоднаго пополненія библіотеки книгами. Если мы обратимъ вниманіе на то, что земства, общества грамотности и частныя лица охотно идутъ съ матеріальною помощью навстрѣчу крестьянской инициативѣ въ дѣлѣ устройства народныхъ библіотекъ, то мы увидимъ, что не въ бѣдности народа лежитъ причина того, что во многихъ мѣстностяхъ библіотеки развиваются слабо. Всеобщее обученіе народа и правильная постановка школьныхъ библіотекъ—вотъ два условія, при наличности которыхъ вся Россія въ какіе-нибудь 2—3 десятка лѣтъ покроется сплошною сѣтью читаленъ. Вѣдь народное образованіе у насъ, можно сказать, только еще начинается. Вѣдь тѣ старики, на которыхъ такъ горько жалуются нѣкоторые корреспонденты комитета грамотности за ихъ противодѣйствіе устройству библіотекъ, провели свой школьный возрастъ еще во времена крѣпостного права! Но и при всѣхъ указанныхъ

мною и общихъ, и мѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ крестьянскіе приговоры объ устройствѣ народныхъ библіотекъ уже теперь насчитываются сотнями. Не есть ли это прямое доказательство того, что здравый смыслъ народа вѣрно оцѣнилъ значеніе книги въ крестьянской жизни?

Такъ какъ крестьянскіе приговоры о читальняхъ являются наглядной формой выраженія сочувствія народа библіотекамъ, то попытаемся бросить общій взглядъ на эти приговоры. Едва ли кто-нибудь изъ лицъ, слѣдящихъ за успѣхами народнаго просвѣщенія, въ состояніи болѣе или менѣе точно опредѣлить количество всѣхъ этихъ приговоровъ. Библіотечная коммиссія московскаго общества грамотности можетъ указать въ настоящее время болѣе 500 такихъ приговоровъ, но только о 417 изъ нихъ у нея собраны сколько-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія. Эти 417 приговоровъ мы и подвергнемъ теперь анализу.

Прежде всего, мы должны обратить вниманіе на то, что только съ изданіемъ правилъ 15 мая 1890 г. народныя библіотеки получили возможность шире распространяться. Конечно, эти правила сузили права народныхъ читаленъ, выведя ихъ изъ общаго типа публичныхъ библіотекъ и создавъ изъ нихъ своеобразныя учрежденія, подчиненныя особому контролю и обязанныя руководиться спеціальными каталогами. Но разъ созданная оффиціальная форма существованія народной библіотеки имѣла, какъ, повидимому, можно думать, то удобство, что она встрѣчала меньше формальныхъ препятствій для практическаго осуществленія. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить тѣхъ широкихъ размѣровъ, которые приняло распространеніе народныхъ библіотекъ именно послѣ изданія правилъ 15 мая. Правда, бывали случаи открытія народныхъ библіотекъ и до изданія этихъ правилъ. Такъ, еще 20 августа 1861 года открыта была такая библіотека въ селѣ Вязовкѣ Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи, причемъ крестьяне тогда же пожертвовали на нее 39 рублей, и съ тѣхъ поръ ежегодно сельскій сходъ отчисляетъ на поддержаніе библіотеки отъ 25 до 30 рублей, а въ 1890 году, въ память событія 17 октября, единовременно пожертвовалъ 100 рублей. До опубликованія правилъ 15 мая возникла и извѣстная Марковская библіотека Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на которую крестьяне также дѣлаютъ ежегодныя ассигновки по 10 рублей. Но это—отдѣльные, исключительные факты. Только съ 1892 года приговоры крестьянъ объ устройствѣ сельскихъ библіотекъ дѣлаются болѣе частымъ явленіемъ. Впрочемъ, мнѣ извѣстно только 7 приговоровъ, относящихся къ этому году. Въ 1893 году количество ихъ доходитъ тоже только до 7. Въ 1894 году мы можемъ насчитать ихъ уже 58, въ 1895 г.—118, въ 1896 г.—122 *). Изъ этого мы видимъ, какъ быстро разрастается въ крестьянской средѣ популярность народныхъ библіотекъ.

Весьма интересно было бы установить, во сколькихъ случаяхъ устройство библіотекъ являлось по инициативѣ самихъ крестьянъ. Характеръ

*) Относительно прочихъ читаленъ не имѣется точныхъ свѣдѣній.

собранныхъ нами данныхъ не позволяетъ, однако, дать даже приблизительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе не упоминается о томъ, по чьей иниціативѣ состоялся приговоръ. Но мнѣ кажется, что еслибы мы и имѣли эти свѣдѣнія, то они, при кажущейся своей точности, давали бы дѣлу неправильное освѣщеніе. Несомнѣнно, что въ большинствѣ случаевъ мы встрѣтили бы указаніе на иниціативу земскаго начальника, волостного писаря, врача или священника, но что же это доказало бы намъ? При новизнѣ дѣла, при отсутствіи примѣровъ такихъ библіотекъ гдѣ-нибудь по сосѣдству, это очень часто доказывало бы только, что крестьяне незнакомы были съ существующими законоположеніями относительно устройства народныхъ библіотекъ, что нисколько не удивительно, такъ какъ этихъ законоположеній, какъ показываетъ опытъ, часто не знаютъ даже и земскіе начальники. Когда московскій комитетъ грамотности устраивалъ библіотеку въ селѣ Курбѣ (Ярославской губ.), то князь Дм. Ив. Шаховской, докладывая въ комитетѣ о затрудненіяхъ, которыя встрѣтились при ея учрежденіи, указывалъ, что именно незнакомство всей мѣстной администраціи съ правилами объ открытіи народныхъ библіотекъ и было однимъ изъ главныхъ затрудненій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это незнаніе крестьянами соотвѣтствующихъ законоположеній останавливаетъ и задерживаетъ уже вполнѣ подготовленное дѣло. Такъ, барышевскій волостной старшина (Полт. губ., Переяслав. у.) пишетъ, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей «давно уже проводятъ мысль объ открытіи народной читальни или библіотеки и даже во время празднованія священнаго коронованія въ маѣ сего года образованъ и фондъ для этой цѣли изъ добровольныхъ пожертвованій, но, не зная какъ приняться за дѣло, до сего времени безъ движенія, а посему имѣю честь покорнѣйше просить комитетъ снабдить ввѣренное мнѣ правленіе въ непродолжительномъ времени книжкой: какъ приняться за дѣло объ открытіи библіотеки и читальни, а также разъяснить, какая разница между читальней и библіотекой и что̀ изъ нихъ полезнѣе для народа». Что дѣйствительно потребность въ читальняхъ во многихъ мѣстахъ уже созрѣла и не удовлетворяется только за неимѣніемъ готовой и извѣстной народу формы, въ которую она могла бы отлиться, указываетъ, наприм., такой фактъ. Въ одной изъ волостей (Печенкинской, Ветлужскаго у. Костромской губ.) волостной сходъ ассигновалъ ежегодно по 25 руб. на покупку книгъ; книги эти выписываются волостнымъ правленіемъ, которое и продаетъ ихъ всѣмъ желающимъ по заготовительной цѣнѣ, т.-е. не пользуясь никакимъ коммиссіоннымъ процентомъ. Очевидно, что только незнакомство съ народными читальнями препятствуетъ Печенкинскому сходу составить приговоръ объ устройствѣ библіотеки. Понятно поэтому, что многія изъ волостныхъ правленій въ своихъ отвѣтахъ на указанный мною выше циркуляръ московскаго комитета грамотности останавливаются не на предложеніи со стороны комитета матеріальной помощи, а на томъ, что комитетъ предлагалъ выслать брошюру объ устройствѣ народныхъ читаленъ. 159 заявленій такого рода

получено комитетомъ отъ однихъ волостныхъ правленій, а всего въ провинцію выслано по требованію мѣстныхъ жителей въ какіе-нибудь два-три мѣсяца болѣе 300 брошюръ объ открытіи читаленъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній и фактовъ, я думаю, что не то важно, кто первый поднялъ вопросъ объ устройствѣ народной библіотеки, а то, какъ отнеслись къ этому вопросу крестьяне, согласились ли они на приговоръ, сколько ассигновали на библіотеку и т. п.

Конечно, возможно возраженіе въ томъ смыслѣ, что иногда земскій начальникъ или другое власть имѣющее лицо можетъ оказать давленіе на крестьянъ, и приговоръ объ ассигнованіи средствъ на библіотеку можетъ состояться, несмотря на ихъ нежеланіе. Мнѣ даже извѣстенъ одинъ такой случай, когда въ Виленской губ. (Вилейскій у.) волостной сходъ ассигновалъ на библіотеку 35 р. единовременно «по требованію мирового посредника». Но вѣдь возможны и обратные случаи: возможно, что земскій начальникъ не пожелаетъ разрѣшить расхода на библіотеку, ссылаясь на накопленіе недоимокъ и т. п. Несомнѣнно однако, что тѣ и другіе факты, являясь исключеніями, могутъ взаимно уравновѣшиваться. Въ общемъ же иниціатива, наприм., земскаго начальника далеко еще не означаетъ вынужденія приговора. Нерѣдко встрѣчаются случаи, когда волостные сходы отклоняютъ предложенія земскихъ начальниковъ объ устройствѣ народной библіотеки. Такъ, земскій начальникъ 3-го участка Псковскаго уѣзда обратился съ предложеніемъ устраивать библіотеки по всѣмъ волостямъ своего участка, но одна только Жуковская волость согласилась на устройство читальни, и земскій начальникъ справедливо указываетъ на приговоръ жуковскаго схода—какъ на выраженіе несомнѣннаго сочувствія крестьянъ этой волости дѣлу устроенія народныхъ библіотекъ. Такимъ образомъ, иниціатива начальствующаго лица въ большинствѣ случаевъ осуществляется лишь при сознательномъ сочувствіи къ ней со стороны крестьянъ. Рѣзкіе случаи какъ вынужденія, такъ и неутвержденія приговоровъ о библіотекахъ несомнѣнно являются исключеніями, мало характерными для общаго положенія дѣла.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ приговоровъ объ устройствѣ народныхъ библіотекъ. Въ приговорахъ этихъ обыкновенно указывается, гдѣ будетъ помѣщаться библіотека, опредѣляются размѣры, а иногда и источники средствъ, которыя даетъ сходъ на ея устройство, указываются лица, которымъ поручается завѣдываніе библіотекой. Остановимся прежде на вопросѣ о томъ, откуда берутъ крестьяне средства на устройство библіотекъ.

Однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся источниковъ средствъ является спеціальный сборъ на библіотеку. Этотъ сборъ производится обыкновенно со всѣхъ наличныхъ душъ волости или села. Изрѣдка встрѣчается сборъ не съ наличныхъ, а только съ рабочихъ, причемъ иногда опредѣляется и возрастъ «работниковъ». Кирсинскій волостной сходъ опредѣлилъ, наприм., считать работниками всѣхъ мужчинъ отъ 18 до 60 лѣтъ.

Количество взимаемыхъ съ души денегъ весьма неравномѣрно. Наиболѣе часто встрѣчается сборъ по одной и по двѣ копѣйки съ души, но нерѣдко бываютъ сборы и по три, по пяти и даже по десяти копѣекъ съ души. Впрочемъ, послѣдняя цифра (10 к.) встрѣчается только при единовременномъ сборѣ; ежегодный же сборъ не превышаетъ 5 коп. Высшій размѣръ спеціальнаго сбора на библіотеку—10 к. единовременно и 5 к. ежегодно—находимъ въ Кирсинской волости, Слободскаго уѣзда, Вятской губ., причемъ этотъ сборъ производится только съ работниковъ. Высшій размѣръ ежегоднаго взноса съ наличной души (5 к.) встрѣчаемъ въ Чернокоровской волости, Камышловскаго уѣзда, Пермской губ. Такимъ образомъ, размѣръ суммы, ассигнуемой на библіотеку, часто зависитъ отъ количества душъ въ селѣ или волости. Такъ, наприм., Путиловскій сельскій сходъ (Шлиссельбургскій уѣздъ) ассигновалъ по 10 к. съ души, и это составило только 22 р., а Каракулинская волость (Сарапульскій уѣздъ), ассигнововавъ лишь 1 к., могла дать уже 34 р. Изрѣдка встрѣчается и другая форма спеціальнаго сбора на библіотеку—не съ души, а съ десятины земли: такъ, Артельскій волостной сходъ (Екатеринославской губ., Павлоградскаго у.) опредѣлилъ на содержаніе читальни по 1 к. съ десятины земли въ теченіе двухъ лѣтъ. Наша волость и въ отношеніи количества населенія, и въ отношеніи количества земли—величина совершенно неопредѣленная: есть волости, въ которыхъ населеніе не достигаетъ и 200 душъ, но есть и такія, гдѣ насчитывается свыше 30,000 душъ; есть волости, въ которыхъ количество земли не доходитъ и до 500 десятинъ, тогда какъ въ другихъ иногда оно достигаетъ и до 250,000 десятинъ. Поэтому, не зная источника средствъ, нельзя судить о характерѣ крестьянской ассигновки, и, наоборотъ, зная только источники средствъ, никакъ еще нельзя вывести заключенія о размѣрѣ ассигнованной суммы.

Другой весьма распространенный между крестьянами источникъ добыванія средствъ для библіотеки представляютъ такъ называемыя штрафныя суммы, т.-е. сборы по штрафамъ, налагаемымъ рѣшеніями волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ. Количество этихъ денегъ также неопредѣленно, но во всякомъ случаѣ невелико. Такъ, въ Березненской волости (Волынской губ., Ровенскаго у.) при населеніи въ 14,023 человѣка оно опредѣляется въ 50—80 рублей въ годъ; въ Оларевской волости (Вологодской губ.) съ населеніемъ въ 5,463 души штрафныя деньги исчисляются въ количествѣ 25 руб. Поэтому иногда даже и при опредѣленіи ежегоднаго сбора штрафныя деньги служатъ только дополненіемъ къ извѣстной суммѣ, ассигнуемой сходомъ: такъ, Бахмачеевскій волостной сходъ (Рязанской губ.) на содержаніе и пополненіе книгами библіотеки опредѣлилъ ежегодно выдавать 30 р. и штрафныя деньги, Орлово-гайскій (Самарской губ.)—100 р. и штрафы; Кумординскій волостной сходъ (Тверской губ.), опредѣляя на ежегодное пополненіе библіотеки штрафныя суммы, оговаривается, что если штрафовъ поступитъ менѣе 15 р., то недостающая сумма будетъ восполнена изъ другихъ источниковъ. Поэтому, кажет-

ся, можно съ достаточною увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ при малочисленной волости ассигнуются однѣ штрафныя суммы, дѣло обезпеченія библіотеки стоитъ сравнительно непрочно.

Третьимъ распространеннымъ источникомъ средствъ для библіотекъ являются у крестьянъ такъ называемыя оброчныя статьи: сборы съ питейныхъ и трактирныхъ заведеній, плата за выгонъ для скота, суммы, выручаемыя за сдачу земли въ аренду и т. п. Весьма важно отмѣтить тотъ фактъ, что иногда создаются особыя оброчныя статьи спеціально для содержанія читальни. Такъ, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губ., крестьяне Березовской волости отдѣлили изъ общественной земли 20 десятинъ и отдали ее въ аренду съ тѣмъ, чтобы деньги, поступающія за аренду, шли на поддержаніе библіотеки; въ первый годъ аренда дала 25 р. Новорѣпинскій волостной сходъ (Самарской губ., Новоузенскаго у.), не имѣя свободныхъ суммъ, постановилъ приговоръ, которымъ «обязался ежегодно засѣвать по 10 десятинъ пшеницы, собранный урожай продавать съ торговъ и вырученныя деньги употреблять на содержаніе читальни». Не представляютъ ли подобнаго рода факты глубоко симпатичнаго и знаменательнаго явленія, предъ которымъ должно пасть всякое недовѣріе къ искренности и серьезности отношенія крестьянъ къ дѣлу образованія?

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ какъ, наприм., въ Тамбовской, Саратовской, Самарской, Тверской и другихъ, существуютъ волостные банки или ссудосберегательныя кассы, довольно обыкновеннымъ источникомъ средствъ для читаленъ являются капиталы или прибыли этихъ банковъ и кассъ. Изъ этого источника ассигновываются большею частью сравнительно крупныя суммы—100, 150 и даже 200 руб. Мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, когда изъ такого источника было опредѣлено на библіотеку лишь 50 р.

Нерѣдки случаи простого отчисленія на библіотеку изъ мірского капитала; иногда на ежегодное поддержаніе библіотеки идетъ извѣстный процентъ (2 или 3) съ общей суммы мірскихъ сборовъ, иногда остатки мірского сбора.

Сборы съ паспортовъ, доходы отъ совершенія сдѣлокъ и договоровъ, явочныя суммы, даже часть канцелярскихъ суммъ волостного правленія—также иногда служатъ источниками для содержанія читальни. Случается, что и здѣсь придумываются спеціальные сборы на библіотеку. Такъ, въ Тоболовской волости (Тобольской губ., Ишимскаго окр.) «особой суммы на содержаніе библіотеки не ассигновано, а учрежденъ сборъ при выдачѣ крестьянамъ паспортовъ на отлучки: съ мѣсячнаго—2 к., полугодового—5 к. и годового—10 к., сборъ за запись договоровъ и сдѣлокъ—по 20 к. за каждую запись и всѣ штрафы, налагаемые волостнымъ судомъ».

Мы обозрѣли главнѣйшіе источники крестьянскихъ средствъ для устройства библіотекъ; мы видѣли, какою изворотливостью и изобрѣтательностью отличаются крестьяне, стремясь найти лишніе гроши въ своемъ хозяйствѣ, въ которомъ и нужной копѣйки часто не хватаетъ. Только ясное сознаніе необходимости библіотеки въ крестьянской жизни при условіяхъ бѣдности

деревенскаго хозяйства можетъ заставить во многихъ случаяхъ составлять приговоръ объ устройствѣ библіотеки. Что дѣйствительно не лишнюю, а кровную и насущно-необходимую копѣйку часто даютъ крестьяне на библіотеку—можно подтвердить многими фактами.

Присмотримся теперь поближе къ крестьянскимъ приговорамъ, взглянемъ, какія суммы добываются изъ указанныхъ выше источниковъ и достаточны ли въ общемъ эти суммы для болѣе или менѣе цѣлесообразнаго устройства библіотеки.

Суммы, являющіяся результатомъ крестьянскихъ приговоровъ, крайне разнообразны: отъ 5 руб. и до 500 руб. единовременной выдачи и отъ 3 руб. до 300 руб. ежегодной. Смѣшно, конечно, говорить о библіотекѣ стоимостью въ 5 руб., но нельзя относиться съ пренебреженіемъ и къ такой ассигновкѣ крестьянъ: иногда она является только первымъ осторожнымъ шагомъ въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла. Въ подтвержденіе этого можно привести слѣдующій фактъ. Въ большомъ и торговомъ селѣ Порѣцкомъ, Симбирской губ., Алатырскаго у., кружокъ мѣстной интеллигенціи, по иниціативѣ земскаго врача С. А. Преображенскаго, собралъ нѣкоторую сумму на устройство въ селѣ библіотеки. Обратились иниціаторы за поддержкой къ сельскому сходу, который и ассигновалъ 5 руб. для единовременной выдачи. Но вотъ открылась библіотека, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и крестьяне уже по собственной иниціативѣ постановили выдавать на нее по 50 р. ежегодно, т.-е. обезпечили на дальнѣйшее время существованіе библіотеки. Послѣ этой необходимой оговорки бросимъ общій взглядъ на размѣры крестьянскихъ ассигновокъ. Изъ 417 приговоровъ, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, только въ 385 приговорахъ количество денегъ выражено вполнѣ опредѣленно въ рубляхъ. Въ прочихъ указываются лишь статьи, по которымъ будутъ собираться деньги, т.-е. штрафы, сборы съ паспортовъ или съ наличныхъ душъ и проч. Изъ этихъ 385 приговоровъ—138 опредѣляютъ лишь выдачу единовременнаго пособія библіотекамъ, 133 — лишь ежегодную выдачу и 114 — даютъ единовременно извѣстную сумму на обзаведеніе библіотеки и затѣмъ опредѣляютъ средства на ежегодное ея пополненіе. Очевидно, что только послѣдняя форма пособія библіотекѣ ставитъ ее сразу въ сколько - нибудь сносныя условія существованія. Если мы примемъ за норму сколько - нибудь прилично обставленной библіотеки сумму не менѣе 100 руб. съ ежегоднымъ пополненіемъ не менѣе 25 р., то увидимъ, что изъ 114 приговоровъ такимъ условіямъ удовлетворяютъ только 43, тогда какъ 342 библіотеки не могутъ существовать безъ посторонней помощи. Переходя ко второй группѣ приговоровъ, т.-е. къ тѣмъ случаямъ, когда дается только ежегодное пособіе безъ основной суммы на обзаведеніе библіотеки, мы находимъ, что количество приговоровъ, опредѣляющихъ ежегодное пособіе въ суммѣ до 50 рублей — 105, въ суммѣ отъ 50 до 100 руб.—18, въ суммѣ отъ 100 до 150 руб. — 10. Можно считать, что безъ основного запаса книгъ библіотека можетъ сколько-нибудь сносно функціонировать, если ежегодно попол-

няется книгами на сумму не менѣе 50 руб. Поэтому во второй группѣ безъ посторонней помощи, повидимому, могутъ обойтись только 28 библіотекъ. Что же касается до третьей группы, т.-е. случаевъ, когда пособіе библіотекѣ выдается только единовременно, то само собою разумѣется, что такое пособіе безъ ежегодной поддержки библіотеки не можетъ обезпечить ей правильное развитіе. Но вѣдь часто единовременныя пособія бываютъ довольно крупныя—въ 100, 200, 300, 400 и даже въ двухъ случаяхъ доходятъ до 500 руб. Странно предположить, что крестьяне, настолько сознавшіе пользу библіотеки, что не пожалѣли для нея крупной по ихъ бюджету суммы, послѣ открытія библіотеки не захотѣли бы ее поддержать хоть небольшою сравнительно суммой—въ 25 руб. Поэтому я думаю, что гдѣ крестьяне единовременно жертвуютъ на библіотеку не менѣе 100 руб., тамъ она можетъ быть и поставлена болѣе или менѣе удовлетворительно. Единовременныя пособія, опредѣляемыя крестьянскими приговорами, въ 138 извѣстныхъ намъ случаяхъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

до	50 р.		— 64	приговоровъ.
отъ	50	до 100 р.	—26	»
»	100	» 200 »	—32	»
»	200	» 500 »	—16	»

Итакъ, по этой группѣ можно считать сравнительно благопріятными условія 48 библіотекъ. Всего же по всѣмъ тремъ группамъ въ такія условія поставлены 119 библіотекъ, что составляетъ менѣе 1/3 извѣстныхъ намъ случаевъ. Эти данныя, повидимому, вполнѣ ясно устанавливаютъ тотъ выводъ, что, несмотря на сочувствіе крестьянъ народнымъ библіотекамъ, несмотря на самые изощренные способы добыванія ими средствъ для библіотекъ, онѣ, въ общемъ, при бѣдности народа не могутъ вполнѣ правильно существовать и развиваться безъ посторонней помощи. И эта помощь идетъ къ нимъ со стороны образованнаго общества. Энергическія усилія многихъ, хотя далеко не всѣхъ земствъ, поддержка частныхъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, дѣятельность провинціальныхъ обществъ грамотности — харьковскаго, тамбовскаго и другихъ — въ значительной степени восполняютъ этотъ недостатокъ средствъ крестьянскихъ библіотекъ. Но и при всемъ этомъ многія начинанія сельскихъ обществъ остаются безъ поддержки. Здѣсь-то и открывается широкое, благородное поприще для дѣятельности московскаго общества грамотности. Съ прекращеніемъ дѣятельности петербургскаго комитета грамотности оно остается единственнымъ въ Россіи центральнымъ учрежденіемъ по дѣламъ народнаго образованія. Имѣя возможность наблюдать за общимъ ходомъ дѣла развитія народныхъ библіотекъ, оно можетъ направлять свою поддержку въ наиболѣе слабые пункты. Обладая сравнительно небольшими средствами, оно не можетъ, конечно, создать самостоятельно большого количества библіотекъ. Но, прилагая свои средства къ крестьянскимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне встрѣчаютъ или недостаточную мѣстную поддержку, или вовсе ея не имѣютъ, общество грамотности можетъ многое сдѣлать.

Если въ бѣдныхъ или малочисленныхъ волостяхъ народныя библіотеки нуждаются въ поддержкѣ образованнаго общества, то въ волостяхъ богатыхъ онѣ нерѣдко бываютъ поставлены довольно хорошо. Конечно, это пока еще немногіе случаи, но характеристика отношенія крестьянъ къ устройству народныхъ библіотекъ была бы неполна и одностороння, если бы мы оставили безъ вниманія тѣ факты, въ которыхъ сказалось отношеніе крестьянъ, менѣе всего стѣсняемое внѣшнею причиной—бѣдностью. Укажемъ поэтому на нѣсколько случаевъ, когда крестьяне дѣлали на библіотеки болѣе или менѣе крупныя ассигновки. Богатая, хотя и не особенно многочисленная, Кимрская волость (Тверск. губ., Корчевскаго у.,—9,000 душъ) пожертвовала особый домъ для читальни и ассигновала на ея устройство 200 руб. единовременно и на содержаніе библіотеки ежегодно по 300 руб.

Логиновская волость (Тобольск. губ., Тарск. окр.)—300 р. ед.

Бурковская вол. (Новг. губ., Кирилл. у.,—6,267 душъ)—300 р. ед.

Елганская вол. (Вятской г., Глазовск. у.,—10,591 д.)—362 р. 25 к. ед.

Пересыпкинская вол. (Тамб. г., Кирсан. у.,—13,858 д.)—300 р. ед. и 20 р. ежегодно.

Подолковская вол. (Полт. губ., Гадячск. у.,—5,000 д.)—300 р. ед. и 40 р. ежегодно.

Акимовская вол. (Тавр. губ., Мелитоп. у.,—13,019 д.)—300 р. ед. и 25 р. ежегодно.

Терпѣньевская вол. (Тавр. г., Мелитоп. у.,—27,743 д.)—300 р. ед. и 25 р. ежегодно.

Талицкая вол. (Новгор. г., Кирилл. у.,—7,794 д.)—400 р. ед.

Рождественская вол. (Яросл. г., Мышкинск. у.,—5,388 д.)—400 р. ед. и 50—75 р. ежегодно.

Крюковская вол. (Полт. г., Кременчугск. у.,—2,770 д.)—500 р. ед. и предполагаетъ выстроить особое помѣщеніе для библіотеки.

Самая крупная затрата на библіотеку произведена Николаевской волостью (Астраханск. губ., Царевск. у.), которая израсходовала до 7,000 руб. на постройку особаго дома для библіотеки и, сверхъ того, дала 500 руб. на пріобрѣтеніе книгъ (въ волости 21,415 чел.).

Доказательствомъ серьезности отношенія крестьянъ къ библіотекамъ служитъ, между прочимъ, и то, что нерѣдко они заботятся о постройкѣ или пріобрѣтеніи особыхъ домовъ для нихъ. Кромѣ фактовъ подобнаго рода, уже указанныхъ нами въ Кимрской, Николаевской и Крюковской волостяхъ, слѣдуетъ указать еще на постройку особаго дома для читальни на средства Княвичской волости, Брянскаго уѣзда, Орловской губ., на сборъ пожертвованій для той же цѣли въ Веретейской волости, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, достигшей въ настоящее время уже до суммы въ 600 руб., и на приговоръ Можгинскаго волостного схода (Вятской губ., Елабужск. у.), которымъ ассигновано 200 руб. на покупку особаго дома для читальни. Лебяженское сельское общество (Воронежск. губ., Землян-

скаго у.), строя новое зданіе для школы, располагаетъ его такимъ образомъ, чтобы въ немъ было особое помѣщеніе для библіотеки.

Иногда при довольно крупныхъ пожертвованіяхъ самихъ крестьянъ является еще поддержка и со стороны. При такихъ счастливыхъ условіяхъ сельскія народныя библіотеки могутъ сдѣлаться со временемъ культурными центрами данной мѣстности. Такъ, въ Міасской волости, Оренбургской губерніи, средствъ на библіотеку собрано уже болѣе 1,000 руб., не менѣе 1,000 руб. имѣетъ и Веретейская волость, Ярославской губерніи. Библіотека въ селѣ Павловѣ (Нижегородской губ.) имѣетъ уже въ наличности книгъ на сумму до 3,000 руб. и будетъ ежегодно пополняться по приговору волостного схода на сумму не менѣе 100 руб.

Еслибы мы захотѣли опредѣлить, въ какихъ именно мѣстностяхъ Россіи народныя библіотеки пользуются наибольшимъ сочувствіемъ населенія, то намъ пришлось бы прежде всего выдѣлить губерніи Виленскаго учебнаго округа, т.-е. Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. Въ этихъ губерніяхъ народныя библіотеки носятъ особый характеръ: онѣ представляютъ только дополненіе къ школьнымъ и отличаются небольшими размѣрами. Дирекція народныхъ училищъ обращается обыкновенно за содѣйствіемъ къ волостнымъ сходамъ, которые и дѣлаютъ небольшія ассигновки на библіотеки. Такихъ приговоровъ волостныхъ сходовъ очень много. Библіотечной коммиссіи московскаго общества грамотности извѣстно только о 48 изъ нихъ на сумму 1,414 руб. 30 коп. На одну библіотеку среднимъ числомъ *это составитъ по* 29 руб. съ копѣйками *). Сумма эта, какъ увидимъ ниже, очень не велика сравнительно съ крестьянскими ассигновками въ другихъ губерніяхъ. Самая постановка дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ такова, что благопріятствуетъ большому количеству приговоровъ, дающихъ однако очень небольшія суммы. Поэтому волостныхъ приговоровъ можно тамъ насчитать не одну сотню, и по количеству съ ними не сравняется ни одна мѣстность Россіи, но за то тамъ источниками средствъ являются обыкновенно просто небольшія отчисленія изъ мірскихъ суммъ: ни особыхъ сборовъ на библіотеки, ни крупныхъ ассигновокъ тамъ почти не встрѣчается. Поэтому количество приговоровъ не доказываетъ особеннаго сочувствія крестьянъ къ библіотекамъ. Въ глазахъ крестьянъ это просто пособія школьнымъ библіотекамъ, изъ которыхъ пользованіе книгами для нихъ доступно. Такимъ образомъ, идея народныхъ читаленъ, какъ особыхъ и болѣе или менѣе

---

*) Дирекція народныхъ училищъ Витебской губерніи въ отношеніи своемъ въ комитетъ грамотности сообщаетъ, что „обычная ассигновка волостныхъ сходовъ въ Витебской губерніи—25 р.“. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* было напечатано, что 27 приговорами волостныхъ сходовъ Гродненской губ. дано на библіотеки—555 руб., т.-е. на 1 приговоръ среднимъ числомъ приходится приблизительно—20 руб. 50 коп. Въ *Русской Школѣ* (1895 г.) были напечатаны свѣдѣнія еще о 7 приговорахъ Гродненской губ., которыми ассигновано 194 р. 94 к., что даетъ на каждый приговоръ среднимъ числомъ по 27 р. 85 к.

прочно поставленныхъ учрежденій, тамъ въ общемъ еще не достаточно созрѣла. Встрѣчаются, конечно, отдѣльные случаи, когда библіотеки тамъ пріобрѣтаютъ и характеръ настоящихъ народныхъ читаленъ. Таковы, напримѣръ, библіотеки въ Плисской (Виленской губ. Дисненскаго уѣзда) и въ Вѣтринской (Витебской губ. Лепельскаго уѣзда) волостяхъ, на которыя сходами ассигновано по 100 руб. Но хотя большое количество приговоровъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ и не доказываетъ выдающагося интереса крестьянъ къ народнымъ библіотекамъ, все-таки оно служитъ для многихъ мѣстностей показателемъ серьезнаго сочувствія, по крайней мѣрѣ, школьнымъ библіотекамъ.

Приговоры прочихъ губерній даютъ слѣдующіе итоги: 293 волостныхъ схода ассигновали сумму въ 25,968 р. 21 к., на 44 сельскихъ сходахъ дано 1,845 р. 46 к. Такимъ образомъ, средняя цифра для волостного приговора доходитъ до 88 руб., а сельскаго до 42 руб. Наибольшее количество крестьянскихъ приговоровъ представляютъ Пермская, Саратовская, Тамбовская (благодаря содѣйствію тамбовскаго общества грамотности), Вятская, Самарская, Полтавская, Тобольская и Ярославская губерніи. Наименьшее количество ихъ имѣютъ Архангельская, Оренбургская, Псковская, Тульская, Ставропольская, Херсонская и Томская губерніи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Казанской, Иркутской и др., мнѣ неизвѣстно ни одного крестьянскаго приговора о библіотекахъ.

Новизна самаго дѣла народныхъ читаленъ, не давшая еще возможности ярко и опредѣленно выразиться отношенію къ нему крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ, и нѣкоторая неполнота данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, не даетъ возможности для какихъ-нибудь категорическихъ болѣе или менѣе детальныхъ выводовъ. Но насколько позволяютъ собранныя свѣдѣнія, можно повидимому прійти къ тому заключенію, что въ земскихъ губерніяхъ дѣло народныхъ читаленъ популярнѣе среди крестьянъ, чѣмъ въ неземскихъ, и что среди земскихъ губерній особенно отличаются въ этомъ отношеніи тѣ, въ которыхъ на народное образованіе земства обращаютъ болѣе всего вниманія. Едва ли случайно то обстоятельство, что Пермская губернія, въ которой земство истратило въ 1895 году на народное образованіе 695,000 р., т.-е. болѣе чѣмъ какое-либо другое земство, имѣетъ и наибольшее количество крестьянскихъ приговоровъ о библіотекахъ (39). Въ Вятской и Полтавской губерніяхъ, которыя занимаютъ второе и третье мѣсто по количеству расходовъ на народное образованіе, крестьянскіе приговоры также сравнительно часты: въ Вятской губерніи мы находимъ 23 приговора и въ Полтавской 20. Правда, въ Саратовской (28) и Тамбовской (27) губерніяхъ количество приговоровъ больше, чѣмъ въ Вятской и Полтавской, но зато суммы, ассигнуемыя крестьянами на библіотеки, въ этихъ двухъ губерніяхъ въ общемъ крупнѣе, чѣмъ въ Саратовской и Тамбовской. Въ Полтавской губерніи крестьянами по 20 приговорамъ дано 2,845 руб., въ Вятской по 23 приговорамъ—2,187 руб., въ Саратовской по 28 приговорамъ—2,259 руб. и въ Тамбовской по 27 приговорамъ—

1,302 руб. Такимъ образомъ, въ Полтавской губерніи на одинъ приговоръ приходится 142 руб., въ Вятской—95 руб., а въ Саратовской—80 руб., въ Тамбовской же только 48 руб. Такимъ образомъ, Пермская, Вятская и Полтавская губерніи, занимающія три первыя мѣста по количеству расходовъ, производимыхъ земствами на народное образованіе, стоятъ на первомъ же мѣстѣ или по количеству крестьянскихъ приговоровъ, или по количеству расходовъ, производимыхъ крестьянами на народныя библіотеки. Едва ли можно признать такое совпаденіе случайнымъ. Правда, подобнаго совпаденія нельзя прослѣдить по всѣмъ губерніямъ, но, вѣдь, новизна самаго дѣла устроенія народныхъ библіотекъ, конечно, не позволила еще достаточно ясно выразиться всѣмъ типичнымъ его чертамъ. Поэтому только будущее можетъ показать съ безспорной очевидностью, правы ли мы, утверждая, что значительные расходы земствъ на народное образованіе вызываютъ и со стороны самихъ крестьянъ добровольныя пожертвованія на ту же цѣль.

До сихъ поръ мы говорили о цѣлыхъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, выразившихъ свое отношеніе къ библіотекамъ разнаго рода приговорами. Теперь перейдемъ къ иниціативѣ и вообще къ дѣятельности отдѣльныхъ крестьянъ.

Укажемъ прежде всего на простѣйшую форму сочувствія устройству библіотеки со стороны отдѣльныхъ лицъ крестьянскаго населенія. Волостной или сельскій сходъ постановляетъ приговоръ объ отпускѣ на библіотеку извѣстной суммы. Нѣкоторые крестьяне, или болѣе состоятельные, или болѣе сочувствующіе этому дѣлу, устраиваютъ добровольный сборъ въ дополненіе къ суммѣ, ассигнованной по приговору.

Приведемъ нѣсколько фактовъ такого рода. Воскресенскій волостной сходъ (Саратовской губ. Вольскаго уѣзда) ассигновалъ на устройство библіотеки 200 руб., отдѣльные крестьяне по подпискѣ собрали еще 19 руб. 90 коп. Никольскій волостной сходъ (Вологодской губ. Тотемскаго уѣзда) ассигновалъ по 34 руб. на ежегодное пополненіе библіотеки, а на первоначальную закупку книгъ не далъ ничего; тогда отдѣльные крестьяне по подпискѣ собрали для этой цѣли 97 руб. 76 коп. Такой же фактъ имѣлъ мѣсто и въ Ибской волости (Вологодской губ.), гдѣ крестьянами собрано 20 руб. Широкинскій сельскій сходъ (Саратовской губ. Сар. уѣзда) опредѣлилъ на библіотеку 25 руб. единовременно и 10 руб. ежегодно, а отдѣльные крестьяне обязались засѣвать 1½ десятины подсолнечника и вырученныя деньги отдавать на библіотеку. Крестьяне Андреевской волости (Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Ярославской губ.) рѣшили устроить въ своей волости 4 библіотеки и ассигновали на каждую изъ нихъ по 50 р. Ихъ земляки, живущіе въ Петербургѣ на отхожихъ промыслахъ, узнавъ объ этомъ, собрали между собой 60 рублей и выслали ихъ на родину. Такой же случай былъ и въ Рязанской губерніи (Пронскаго уѣзда), гдѣ одинъ крестьянинъ, живущій въ Петербургѣ, собралъ и прислалъ на библіотеку 100 руб. Крестьяне Веретейской вол. (Яросл. губ. Мологск. у.), также живущіе въ Петербургѣ, прислали на волостную библіотеку 700 руб

Не менѣе часты и такіе случаи, когда одинъ какой-нибудь болѣе состоятельный крестьянинъ въ дополненіе къ ассигновкѣ схода дѣлаетъ пожертвованіе на библіотеку. Такъ, Грязновская волость (Пермской губ. Камышловск. уѣзда) съ населеніемъ болѣе 6,000 душъ опредѣлила ежегодно собирать на поддержаніе библіотеки по 3 коп. съ наличной души, а одинъ изъ крестьянъ далъ отъ себя 100 руб. на первоначальную закупку книгъ. Крестьянинъ Кривощековской волости (Томск. губ.) Сизиковъ также далъ на устройство библіотеки при волостномъ правленіи 100 руб. Войтовскій волостной сходъ (Переяславск. уѣзда, Полтавской губ.) опредѣлилъ на библіотеку 50 руб. единовременно и 10 руб. ежегодно, а одинъ изъ крестьянъ внесъ еще и отъ себя 50 руб. и обязался ежегодно вносить ту же сумму. Крестьянинъ Теряевой слободы (Клинскаго уѣзда, Московской губ.) на свой счетъ приспособилъ помѣщеніе для библіотеки, а въ Покойновской волости (Ставропольской губ. Новогригорьевскаго уѣзда) дано тоже крестьяниномъ безплатно на 5 лѣтъ особое помѣщеніе для читальни.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ все содержаніе читальни, а иногда и иниціативу при ея устройствѣ беретъ на себя какой-нибудь одинъ богатый крестьянинъ. Такъ, въ селѣ Мазунинѣ (Вятской губ., Саратовскаго уѣзда) крестьянинъ Дм. Ѳед. Чунтомовъ вызвался устроить и содержать читальню въ собственномъ домѣ. Волостной сходъ постановилъ 2 іюня 1896 г. ходатайствовать о разрѣшеніи этой библіотеки и поручилъ завѣдовать ею Чунтомову. Крестьянинъ села Хотѣни Петръ Даниловъ Морозъ (Харьковской губ., Сумск. у.) также устраиваетъ библіотеку на свои средства, пожертвовавъ на нее 200 руб. Въ Чутырской волости (Сарапульск. уѣзда Вятской губ.) библіотека устраивается на средства одного изъ мѣстныхъ крестьянъ М. С. Стерхова, который даетъ для нея помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и принимаетъ на себя завѣдованіе библіотекой. Крестьянинъ села Берцовки (Пермской губ., Красноуф. у.) И. П. Чусовъ, узнавъ, что московскій комитетъ грамотности высылаетъ книги только при условіи мѣстныхъ пожертвованій, передалъ земскому начальнику 50 руб. денегъ и книгъ на 50 руб.

Нельзя не упомянуть здѣсь и еще объ одномъ необыкновенно энергичномъ крестьянинѣ Терентіи Шнырѣ (село Сковороды, Старо-Констант. у., Волынской губ.), благодаря иниціативѣ котораго образовалось въ Сковородахъ общество трезвости, а въ настоящее время устраивается и читальня. Иниціаторомъ казинской библіотеки (Тверской губ., Тв. уѣзда) также является крестьянинъ, который вмѣстѣ съ учителемъ цѣлыхъ $2^1/_2$ года откладывали изъ своихъ средствъ деньги на устройство читальни, обращались въ разныя учрежденія за помощью и, наконецъ, добились открытія библіотеки.

Остановимся теперь на наиболѣе сложной и оригинальной формѣ сочувствія отдѣльныхъ крестьянъ библіотекамъ. Я разумѣю тѣ случаи, когда ни волостной, ни сельскій сходы ничего не даютъ на ихъ устройство, а отдѣльные крестьяне соединяются въ кружки или товарищества для достиженія открытія библіотеки. Въ селѣ Сѣнная Губа, Олонецкой губеніи

Петрозаводскаго уѣзда, нѣсколько состоятельныхъ крестьянъ—Дмитрій и Василій Лысановы, Антонъ Обрядинъ и друг.—дали средства на постройку новаго зданія для читальни и на ея дальнѣйшее устройство и обязались поддерживать ее и на будущее время; одинъ изъ братьевъ Лысановыхъ при открытіи библіотеки пожертвовалъ въ нее 500 книгъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ состоятельными крестьянами, но еще симпатичнѣе и поучительнѣе факты другого рода, когда крестьяне, сами мало обезпеченные, устраиваютъ, однако, товарищества для изысканія средствъ на библіотеку. Въ селѣ Ириновкѣ (Саратовской губ., Саратовск. уѣзда) среди крестьянъ нашелся энергичный и умѣлый иниціаторъ Иванъ Бѣлокуровъ. Онъ задался цѣлью во что бы то ни стало добиться открытія библіотеки въ своемъ селѣ. Но какъ это сдѣлать? Путь, избранный Бѣлокуровымъ, поражаетъ насъ своею смѣлостью, терпѣніемъ и энергіей. Онъ начинаетъ подговаривать своихъ односельчанъ къ образованію товарищества для изысканія средствъ на библіотеку. Ему удается склонить къ своему предпріятію 5 человѣкъ. И вотъ эти 6 крестьянъ, не имѣя лично средствъ, начинаютъ на артельныхъ началахъ производить посѣвъ подсолнечника. Продажа перваго урожая дала имъ 43 рубля. Къ этому они добавили отъ себя членскихъ взносовъ 12 руб. Теперь уже основныя деньги—55 руб. есть въ наличности. Они ободрились: вѣдь, теперь уже не съ пустыми руками пойдутъ они искать сочувствія далѣе. Обращаются они за поддержкой къ управляющему сосѣдней экономіей г. Петрову, который, сочувствуя энергичной иниціативѣ крестьянъ, даетъ имъ цѣлыхъ 20 руб. Тогда, имѣя уже 75 руб., товарищество рѣшается обратиться за помощью къ саратовскому уѣздному земству, которое назначило имъ 25 руб. ежегоднаго пособія и передало ихъ просьбу въ московское общество грамотности. Библіотечная коммиссія общества постановила выслать въ Ириновку подборъ книгъ на 100 руб., не считая стоимости переплетовъ. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и умѣлому веденію дѣла со стороны отдѣльныхъ крестьянъ, въ Ириновкѣ образовывается библіотека съ основнымъ запасомъ книгъ на 175 руб. и ежегоднымъ пополненіемъ на 25 руб. безъ всякаго участія волостного и сельскаго сходовъ. Въ селѣ Рясны (Тверской губ., Старицк. уѣзда) также образовано по иниціативѣ волостного писаря товарищество для изысканія средствъ на устройство библіотеки, состоящее изъ десяти человѣкъ, но всѣ ли члены его крестьяне—узнать не удалось. Въ Полтавской губ. три молодыхъ козака образовали подобное же товарищество, но такъ какъ они убѣдительно просятъ «не пропечатывать» о ихъ кружкѣ, то мы и не можемъ здѣсь сообщить подробности ихъ крайне своеобразнаго предпріятія. Въ одной изъ волостей Вятской губ. устроился частный «кружокъ читателей», который, по сообщенію волостнаго правленія, выписываетъ «много газетъ и журналовъ». Крестьяне такъ довольны этимъ оригинальнымъ предпріятіемъ, что считаютъ особую читальню для себя излишней.

Нельзя не отмѣтить здѣсь и того, что иногда товарищества учрежда-

ются интеллигентными людьми, но съ значительнымъ участіемъ лицъ крестьянскаго происхожденія. Такъ, наприм., въ селѣ Мурашкинѣ (Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губ.) учредилось товарищество изъ 30 человѣкъ, въ которомъ наряду съ помѣщиками, священниками и учителями участвуютъ и крестьяне.

Всѣ эти разнообразныя формы сочувствія отдѣльныхъ крестьянъ устройству народныхъ библіотекъ съ полной и несомнѣнной очевидностью доказываютъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи сознаніе важности подобнаго рода учрежденій въ крестьянской жизни глубоко проникаетъ въ народъ, что народная библіотека пришлась по душѣ нашему крестьянину.

Подводя итоги всѣмъ сдѣланнымъ нами наблюденіямъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, несмотря на множество и мѣстныхъ, и общихъ причинъ, препятствующихъ развитію дѣла народныхъ читаленъ, несмотря на то, что вся исторія ихъ устройства насчитываетъ не болѣе 5 — 6 лѣтъ, эти учрежденія уже привлекли къ себѣ вниманіе и сочувствіе значительной части крестьянскаго населенія. Хотя свѣдѣнія наши о крестьянскихъ приговорахъ далеко не полны, однако и мы можемъ уже насчитать болѣе 400 такихъ приговоровъ, которыми ассигновано изъ народныхъ средствъ болѣе 30,000 руб. Количество населенія въ тѣхъ волостяхъ и селахъ, гдѣ постановлены были приговоры объ устройствѣ библіотекъ, болѣе 3.000,000 душъ. Громадное ежегодное возрастаніе количества крестьянскихъ приговоровъ указываетъ на то, что народнымъ читальнямъ предстоитъ въ недалекомъ будущемъ блестящее развитіе и что средства, потраченныя на народное образованіе, не пропадаютъ безслѣдно. При этихъ условіяхъ нельзя, конечно, разсматривать приведенные мною факты какъ отдѣльные отрадные случаи. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сотняхъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, о десяткахъ тысячъ рублей, собранныхъ по копѣйкамъ путемъ этихъ приговоровъ, о милліонахъ крестьянъ, выраженіемъ воли которыхъ являются эти приговоры, тамъ нельзя уже болѣе говорить о случайностяхъ или исключительныхъ явленіяхъ. Очевидно, на нашихъ глазахъ заранадается новое и значительное движеніе въ крестьянской жизни. Конечно, большинство крестьянъ не могло еще проникнуться сознаніемъ важности такихъ народно-образовательныхъ учрежденій, какъ читальни. Но теперь это только вопросъ времени, которое уже не далеко отъ насъ. Вѣдь, даже и тамъ, гдѣ приговоры крестьянъ о библіотекахъ не могли состояться, повидимому, по несочувствію къ нимъ населенія, даже и тамъ нерѣдко мы слышимъ глухіе отзвуки борьбы поколѣній, борьбы стариковъ съ молодежью. Но подрастаетъ крестьянская молодежь, учившаяся въ новыхъ школахъ; она несетъ съ собою на смѣну стариннымъ традиціямъ новые взгляды и требованія. Неудержимо подымается и растетъ эта могучая волна народнаго просвѣтительнаго движенія, которой предназначено смыть многія твердыни застарѣлыхъ золъ крестьянской жизни.

С. Смирновъ.

Катедеръ-карьеристъ тридцатыхъ годовъ.

(*Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*, изд. подъ редакціей К. Я. Грота, три тома. Спб., 1896 г.)

Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, еслибъ показали ему его же портретъ въ старости.

Гоголь.

I.

Прежде всего переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ поражаетъ васъ, какъ нѣчто по-истинѣ величественно-монструозное, выходящее изъ всѣхъ предѣловъ и производящее впечатлѣніе кошмара. Представьте себѣ три тома большого формата, напечатанные сжатымъ шрифтомъ по 40,000 буквъ и заключающіе: первый томъ 656 страницъ писемъ, второй — 868, третій—715, итого—2,239 страницъ. Такое неимовѣрное количество писемъ написали два профессіонально-ученые мужа въ теченіе двѣнадцати лѣтъ взаимной переписки, отъ 1840 по 1852 годъ, живя одинъ въ Петербургѣ, другой—въ Гельсингфорсѣ. Въ изданіи помѣщены и послѣдующія письма друзей отъ 1853 по 1865 годъ, но они занимаютъ не болѣе 100 страницъ. Обратите при этомъ вниманіе, что какъ ни часто обмѣнивались пріятели письмами, въ ихъ перепискѣ случались порою значительные перерывы. Такой перерывъ былъ, напримѣръ, въ 1841 году, когда Плетневъ ѣздилъ въ Гельсингфорсъ на юбилей Александрійскаго университета. Въ свою очередь Гротъ имѣлъ обыкновеніе зимою на Святкахъ и лѣтомъ на каникулахъ пріѣзжать въ Петербургъ,—и переписка прекращалась на мѣсяцъ и на два. Еслибъ еще авторы писемъ были люди ничѣмъ не занятые, помѣщики или барыни, которымъ ничего не стоило бы наполнять свои досуги письменными бесѣдами съ милыми сердцу,—плодовитость переписки ихъ была бы какъ нельзя болѣе понятна. Между тѣмъ какъ Гротъ, такъ и Плетневъ представляются намъ людьми, по горло заваленными разнообразными занятіями и научными, и служебными; каждый часъ у нихъ былъ на счету. Поневолѣ приходите вы въ недоумѣніе, какъ это умудри-

лись они въ какія-нибудь 12 лѣтъ съ перерывами нагромоздить такіе три томища писемъ?

Мы можемъ сказать лишь одно, что наши современники—люди послѣднихъ тридцати лѣтъ—навѣрно не оставятъ послѣ себя такихъ гигантскихъ переписокъ. Не говоря уже о томъ, что въ нашъ положительный, прозаическій, сухой вѣкъ далеко уже не замѣтно той экспансивности, созерцательности, мечтательности и прочихъ душевныхъ качествъ, которыя возбуждали въ людяхъ 30—50 годовъ неудержимое стремленіе къ чувствоизліяніямъ и передачѣ всяческихъ впечатлѣній; много вліяетъ здѣсь и то сокращеніе разстояній, какое произведено желѣзными дорогами. Въ сороковые годы разстояніе между Петербургомъ и Гельсингфорсомъ представлялось въ воображеніи людей несравненно въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ нынѣ. Чтобы добраться до друга и пожать ему руку, необходимо было совершить цѣлое трех-или четырехдневное путешествіе, съ разными приключеніями, опасностями, голодовками, остановками на станціяхъ за неимѣніемъ лошадей и ночлегами на грязнѣйшихъ постоялыхъ дворахъ. Гротъ успѣвалъ во время пути послать другу по нѣскольку писемъ изъ разныхъ пунктовъ дороги. Въ настоящее же время переѣздъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ представляется такимъ пустяками, что, по всей вѣроятности, тѣмъ же Плетневу и Гроту не пришло бы и въ голову столь усердно переписываться, такъ какъ они могли бы пользоваться каждымъ свободнымъ днемъ, вродѣ двухъ праздниковъ сряду, чтобы видаться другъ съ другомъ и сообщать устно всѣ свои мысли и впечатлѣнія.

Какъ нельзя болѣе понятно, что обнародованіе въ печати столь объемистой переписки двухъ профессоровъ и академиковъ, пользовавшихся почетною извѣстностью и въ ученыхъ, и въ литературныхъ сферахъ, не замедлило обратить на себя вниманіе всѣхъ интересующихся какъ судьбами русской науки и литературы, въ частности, такъ и исторіи вообще, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Усердно принялся за чтеніе переписки и я, ниже подписавшійся, тѣмъ болѣе, что на второй же страницѣ предисловія издатели переписки еще болѣе привлекали вниманіе къ изданію, заявивъ, что, «предлагая переписку на судъ просвѣщенныхъ читателей, они думаютъ только, что по своему историческому, литературному и нравственному значенію она можетъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду подобнаго рода матеріаловъ; что, не говоря о частномъ ея значеніи богатаго источника для біографіи и характеристики обоихъ корреспондентовъ, она проливаетъ не малый свѣтъ на современную ей литературную жизнь и ея теченія и на явленія общественно-бытовыя, а въ особенности на вопросъ о русско-финскихъ отношеніяхъ, ярко иллюстрируя исторію послѣднихъ за обнимаемый ею періодъ времени».

Вторя этому заявленію издателей, критики и рецензенты періодической прессы, въ свою очередь, поспѣшили превознести изданіе, заключающее будто бы въ себѣ богатый біографическій матеріалъ для обоихъ дѣятелей науки и литературы, съ одной стороны, и матеріалъ для исторіи русскаго

и финскаго обществъ—съ другой; что здѣсь будто бы содержится чрезвычайно много данныхъ для суда надъ ходомъ развитія научнаго, литературнаго, общественнаго культурныхъ слоевъ Россіи (преимущественно Петербурга) и Финляндіи, какъ равно надъ отношеніями обѣихъ названныхъ странъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія; и при этомъ будто бы особеннаго вниманія заслуживаютъ письма и дневникъ Плетнева, который, будучи свѣтскимъ человѣкомъ и приближеннымъ ко двору, сталкивался съ массою людей, дѣлалъ множество наблюденій, собиралъ не мало достовѣрныхъ свѣдѣній и все это наносилъ на почтовые листки бумаги съ цѣлью поставить обо всемъ этомъ въ извѣстность нѣжно-любимаго имъ гельсингфорскаго друга и т. п.

Эти отзывы печати на первый взглядъ какъ бы подтверждались самою формой писемъ. Оказывается, что письма представляютъ собою характеръ не одной только бесѣды двухъ пріятелей между собою, о чемъ придетъ въ голову, не одного обмѣна мыслей и впечатлѣній, а дневниковъ, въ которыхъ корреспонденты чуть что не день за день сообщали другъ другу, что̀ они дѣлали, съ кѣмъ встрѣчались, о чемъ говорили и проч. Самое писаніе этихъ писемъ-дневниковъ представляло видъ словно какого-то священнодѣйствія.

Такъ, въ письмѣ Грота отъ 11 августа 1840 г. мы, между прочимъ, читаемъ: «Читая описаніе вашего препровожденія времени, я старался припоминать, что̀ я въ тѣ же часы тогда-то и тогда-то дѣлалъ; но дни смѣшивались въ моей памяти, и чтобы предупредить это на другой разъ, также чтобы не забывать въ письмахъ ничего для меня важнаго, я въ тотъ же вечеръ принялся опять писать свой журналъ, въ который ничего не вносилъ съ 1 іюня, когда былъ еще въ Петербургѣ. Итакъ, поводомъ къ его возобновленію были ваши письма. Надѣюсь, что они его и поддержатъ: прекращеніе или урѣженіе ихъ будетъ смертельнымъ для него ударомъ».

Но Гротъ все-таки не отличался такою аккуратностью и тщательностью въ сообщеніяхъ всѣхъ подробностей своего житья-бытья, какъ Плетневъ, и послѣдній не разъ ставилъ это на видъ своему другу и просилъ брать съ него примѣръ. Такъ, въ письмѣ отъ 8 окт. 1840 г. онъ, между прочимъ, писалъ:

«Вы очень хорошо сдѣлаете, если въ отчетливости корреспонденціи станете держаться моей методы. Я изъ писемъ къ вамъ сдѣлалъ для себя священнѣйшую должность. Она выполняется мною съ любовью, съ душевнымъ наслажденіемъ и по не измѣняющимся никогда правиламъ. Садясь съ перомъ передъ чистою бумагой, на которой хочу писать къ вамъ, я кладу передъ собою двѣ бумаги, уже прежде написанныя: они служатъ мнѣ матеріаломъ и планомъ письма къ вамъ; одна изъ этихъ бумагъ есть полученное отъ васъ письмо, а другая—веденный мною журналъ съ отправленія къ вамъ послѣдняго письма. Изъ двухъ разовъ въ недѣлю только однажды приходится мнѣ видѣть первую бумагу при письмѣ моемъ къ вамъ.

Я не пропускаю въ вашемъ письмѣ ни одной фразы, чтобы не откликнуться на нее своею мыслію или чувствомъ. И это, мнѣ кажется, необходимо, когда уже мы рѣшились жить общеніемъ думъ и ощущеній. И этого-то недостаетъ иногда въ вашихъ письмахъ. Вы отвѣчаете мнѣ наизустъ, а память часто измѣняетъ намъ. Въ журналѣ моемъ, который составляется не изъ оконченныхъ фразъ, а только изъ половинчатыхъ словъ, иногда существительныхъ именъ, иногда изъ глаголовъ, служащихъ необходимою помощью памяти, изложены бываютъ всѣ событія со мною хронологически, и такимъ образомъ для васъ ничто не бываетъ потеряно въ моей жизни. Признаюсь, мнѣ очень хочется довести васъ до пристрастія къ моей системѣ, потому что она только одна даетъ возможность писать и такъ часто, и такъ много, и удовлетворить ожиданію человѣка, который какъ бы сжился уже съ этимъ воздухомъ дружескихъ извѣстій».

Судя по такому характеру корреспонденціи, представляющейся обмѣномъ не столько письмами, сколько дневниками, дѣйствительно можно было бы ожидать и не вѣсть какихъ драгоцѣнныхъ фактовъ, наблюденій, характеристикъ со стороны обоихъ пріятелей, принадлежащихъ къ самому густому слою сливокъ интеллигенціи своего времени,—шутка ли сказать: академиковъ! И представьте себѣ ваше удивленіе, когда, по ближайшемъ знакомствѣ съ письмами, васъ поражаетъ, напротивъ того, невѣроятная скудость мало-мальски любопытныхъ историческихъ свѣдѣній. Я не скажу, чтобы ничего этого не было. Но всего этого такъ мало для 2,240 страницъ, все это такъ мелко, такъ ничтожно, и къ тому же все это безслѣдно тонетъ въ массѣ невообразимаго вздора, какой пріятели считаютъ нужнымъ сообщать другъ другу.

Такъ, напримѣръ, откроемъ одинъ изъ томовъ на любой страницѣ. Вотъ, напримѣръ, открылась 150 страница I тома. Гротъ описываетъ здѣсь, какъ онъ провелъ пятницу 29 ноября 1840 года: «Виноватъ,—пишетъ онъ,—я пропустилъ пятницу. Вечеръ этого дня мы, по зову, провели у Клинковстрема стараго. Тамъ были Армфельды, Федерлей, сенаторша Ерне, молодые Клинковстремы и еще кое-кто мнѣ неизвѣстные. Я, первый разъ въ Финляндіи, сыгралъ партію въ шахматы съ Федерлеемъ. Играли часа полтора. Я проигралъ. Послѣ вздумали идти прогуляться. Кромѣ карточнаго стола и старыхъ дамъ, все общество пустилось пѣшкомъ при прекрасной морозной лунной ночи. У дома Траверсе мы шумѣли и шалили, но никого, кромѣ Спафирьевой, не было дома» и т. п.

А вотъ какъ проводилъ Гротъ слѣдующее за тѣмъ воскресенье: «Въ воскресенье чувствовалъ я необходимость освѣжиться ходьбою и бездѣльемъ, почему и посвятилъ весь день симъ двумъ спасительнымъ предметамъ. Вашъ уединенный философъ (всякъ человѣкъ есть ложь!) пустился съ визитами къ Эттеру, Теслеву, ген. Рамсаю (которому отнесъ два старыхъ №№ *Современника* съ *Марусей* и ст. *Литературныя утраты)*, Валлену молодому и другимъ вамъ неизвѣстнымъ. На вечеръ были мы званы къ Траверсе по случаю именинъ Спафирьевой, Катерины. Прежде отъѣзда забѣ-

жалъ я къ Грипенбергу и разговорился съ нимъ о томъ, можно ли принять умъ и глупость наслѣдственными отъ родителей къ дѣтямъ. Рѣшено, что по большей части. У Траверсе былъ балъ по формѣ. Я тотчасъ по пріѣздѣ ангажировалъ трехъ дамъ: прежде всего, разумѣется, маркизу, потомъ графиню и, наконецъ, Рамсайку. Больше никого. Вечеръ былъ очень живой и веселый, что надо приписать знакомству всѣхъ между собою. Танцующими кавалерами были почти все моряки».

Перевертываемъ нѣсколько десятковъ страницъ и останавливаемся на 399 стр., гдѣ въ свою очередь Плетневъ сообщаетъ своему другу, какъ онъ проводилъ время отъ воскресенья 21 сентября до вторника 23:

«*Воскресенье (21 сент.)*. Послѣ обѣда пошелъ я сѣсть въ дрожки и пустился въ городъ, куда люди мои отправились до меня. Я встрѣченъ былъ въ новой квартирѣ моей экзекуторомъ, унтеръ-офицеромъ и двумя солдатами. Комнаты были прибраны и освѣщены,—это мнѣ понравилось. Я ушелъ скоро пить чай къ Олѣ. Тамъ мы прочли сегодняшнее письмо твое.

«*Понедѣльникъ (22 сент.)*. Вообрази мою радость: съ 7 часа до 2 солнце сіяетъ въ моихъ комнатахъ,—и такъ я цѣлый годъ не разлучась съ весной: тепло и ярко. Всякій день отъ 5 до 8 вечера я занимаюсь: читаю, пишу и спускаю съ рукъ казенныя бумаги.

«*Вторникъ (23 сент.)*. Въ Царскомъ Селѣ читали *Мѣдный Всадникъ*. Въ восхищеніи отъ этой поэмы. Послѣ зашелъ къ Маріи Паткуль. Мужъ ея уѣхалъ на парадъ въ Петербургъ. Она меня приняла дружески. Разсказывала, какъ представлялись во дворцѣ. Отъ ласкъ Императрицы и другихъ Особъ тронута почти до слезъ. Цесаревна сказала, что она уже давно нетерпѣливо желала познакомиться съ нею. Въ городѣ, разъ воротясь изъ гостей, Marie съ мужемъ изловила у дверей квартиры своихъ троихъ воровъ—и очень гордится присутствіемъ духа. Вечеръ провелъ я дома за корректурами и книгами».

Судите сами, насколько могутъ быть интересны и важны историческіе факты, вродѣ того, что съ кѣмъ-то когда-то игралъ въ шахматы Як. К. Гротъ, сколько онъ станцевалъ кадрилей на вечерѣ у Траверсе, или же у какой свѣтской дамы былъ нѣкогда съ визитомъ Плетневъ и шелъ ли онъ на этотъ визитъ пѣшкомъ или ѣхалъ на дрожкахъ. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, три четверти изданія наполнены столь любопытными свѣдѣніями. А въ перемежку между ними сколько вы найдете томительныхъ разсужденій о выѣденномъ яйцѣ, взглядовъ на различныя современныя событія и личности—косыхъ, кривыхъ, одностороннихъ, узкихъ! Все это дѣлаетъ необъятные томища переписки дремучимъ лѣсомъ, проникать сквозь который очень трудно и скучно. Въ концѣ-концовъ вы приходите къ заключенію, что даже для переписки съ друзьями требуется особеннаго рода талантъ; иначе письма, можетъ быть и интересныя въ первыя минуты для получавшихъ ихъ друзей, черезъ мѣсяцъ могутъ потерять всякое значеніе, и за что несчастнымъ потомкамъ приходится давиться этою кашею?

II.

Но, какъ мы сказали уже, среди необъятной массы пустяковъ, которые считали почему-то очень важнымъ сообщать другъ другу ученые мужи, находятся изрѣдка и кое-какія крупинки, которыми можно воспользоваться для какихъ-либо историческихъ или біографическихъ соображеній. Не Богъ вѣсть, какую цѣнность имѣютъ эти крупинки, но, все-таки, не даромъ выдумана пословица: «курочка по зернышку клюетъ—и сыта бываетъ»; попробуемъ и мы выклевать изъ изданія все, что можетъ насъ маломальски въ немъ заинтересовать.

Такъ, между прочимъ, наиболѣе ярко рисуется въ перепискѣ личность самого П. Ал. Плетнева въ эпоху сороковыхъ годовъ, т.-е. на склонѣ его жизни, рисуется совершенно въ новомъ свѣтѣ сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ представлялась она до сей поры во всѣхъ имѣющихся о Плетневѣ біографическихъ свѣдѣніяхъ. Свѣдѣнія эти, сообщенныя или друзьями, вродѣ того же Грота, или родственниками, имѣютъ характеръ исключительно панегирическій и словно нарочно подобраны такъ, чтобъ убѣдить васъ, какой безукоризненно и неизмѣнно прекрасный человѣкъ былъ П. Ал. Плетневъ отъ колыбели и до могилы. Въ письмахъ же своихъ этотъ самый Плетневъ рисуется передъ нами во всей своей неподкрашенной правдѣ, такимъ, какимъ онъ былъ, когда писалъ эти письма, со всѣми своими симпатіями, антипатіями, взглядами, стремленіями и дѣлами, и, къ удивленію нашему, мы усматриваемъ въ немъ многое, что представляется далеко не безукоризненно прекраснымъ и свѣтлымъ,—и замѣчательнѣе всего, что тотъ самый Гротъ, который послѣ смерти своего друга расточилъ въ его пользу наиболѣе панегириковъ,—неумышленно, невольно, безсознательно своими письмами рядомъ съ письмами Плетнева, оттѣняетъ послѣдняго съ весьма невыгодныхъ сторонъ, и дѣлаетъ это онъ не одними своими сужденіями и возраженіями, а всею своею личностью. При этомъ нужно, конечно, принять прежде всего во вниманіе и имѣть постоянно въ виду то обстоятельство, что передъ нами переписка вовсе не двухъ сверстниковъ и людей одного поколѣнія, а напротивъ того: между Гротомъ и Плетневымъ было, шутка сказать, двадцать лѣтъ разницы. Гротъ родился 15 декабря 1812 года и былъ ровесникъ Герцена, родившагося въ томъ же году, двумя годами моложе Бѣлинскаго (род. 1810 г.) и годомъ старше Грановскаго (родился 1813 г.),—однимъ словомъ, былъ вполнѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ. Плетневъ же родился 10 августа 1792 г., т.-е. былъ семью годами старше Пушкина. При такомъ значительномъ различіи возраста волею-неволей Гротъ долженъ былъ оттѣнять Плетнева къ невыгодѣ послѣдняго, значительно, какъ увидимъ ниже, успѣвшаго потерять ко времени своего пятидесятилѣтія живую связь съ современнымъ теченіемъ жизни и ясное пониманіе ея.

Не Богъ вѣсть какою важною птицей является П. Ал. Плетневъ въ исторіи развитія русской мысли, чтобы копаться въ его давно прожитой

жизни съ цѣлью историческаго изслѣдованія всѣхъ свѣтлыхъ и мрачныхъ сторонъ его личности. Да я и не имѣю вовсе въ виду производить какое-либо историческое слѣдствіе надъ личностью Плетнева. Для меня совершенно въ настоящую минуту безразлично, Плетневъ ли стоитъ передо мною, или кто-либо другой. Я преслѣдую чисто-этическую цѣль, благодаря даннымъ, представляющимся въ перепискѣ. Цѣль эта заключается въ томъ, чтобы лишній разъ иллюстрировать тотъ неизмѣнно-поучительный фактъ, какъ, несмотря на всѣ врожденныя прекрасныя качества души, калѣчитъ человѣка жизнь, и тѣмъ болѣе, если онъ ради честолюбивыхъ или корыстолюбивыхъ цѣлей свертываетъ на путь, не соотвѣтствующій его природнымъ силамъ. Кромѣ этой цѣли, я ничего болѣе въ виду не имѣю. Но къ дѣлу.

Какъ ни мала была сама по себѣ фигура Плетнева въ исторіи развитія русской мысли и литературы, тѣмъ не менѣе и онъ въ свое время оказывалъ не малое вліяніе на ея развитіе, и не даромъ ему было посвящено лучшее произведеніе величайшаго русскаго поэта (Евгеній Онѣгинъ).

Происходя изъ духовнаго званія и получивъ высшее образованіе въ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, Плетневъ вышелъ на свойственное его силамъ и наклонностямъ педагогическое поприще. Пламенный романтикъ, горячій поклонникъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина, въ то же время кроткій, смиренный, исполненный «элейности», по выраженію Тургенева, унаслѣдованной отъ отцовъ и дѣдовъ, онъ сдѣлался идоломъ своихъ воспитанниковъ, особенно же воспитанницъ Екатерининскаго и Патріотическаго институтовъ, гдѣ онъ преподавалъ и гдѣ его наперерывъ «обожали». Однимъ словомъ, изъ него выработался тотъ типъ «благодушныхъ словесниковъ стараго закала», по выраженію Тургенева, типъ идеальныхъ учителей русской словесности, который нынѣ совсѣмъ исчезъ, въ началѣ же истекающаго столѣтія встрѣчался довольно часто и въ свое время принесъ не малую пользу возраставшимъ поколѣніямъ. «Въ семействахъ и учебныхъ заведеніяхъ,—вспоминаетъ о своемъ другѣ Я. К. Гротъ,—гдѣ онъ являлся преподавателемъ, онъ былъ искренно любимъ: въ его обращеніи, въ его рѣчахъ и взорѣ живо чувствовалось сердечное участіе къ своему дѣлу и къ молодежи; въ его личности была неотразимая притягательная сила. Многочисленные его ученики и ученицы разныхъ поколѣній, разсѣянные по всей Россіи, съ непритворнымъ чувствомъ любви вспоминали и еще теперь вспоминаютъ своего бывшаго наставника. Говорю это съ полнымъ знаніемъ дѣла, потому что сколько разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ встрѣчались съ Плетневымъ такія лица послѣ многолѣтняго отсутствія, и какъ тепло выражали свою не охладѣвшую къ нему приверженность».

Какъ и многихъ его собратій, учителей россійской словесности, которые при малѣйшихъ проблескахъ таланта пытались обыкновенно и сами пріобщиться къ сонму превозносимыхъ ими поэтовъ, потянуло въ литературу и Плетнева. Уже въ 1818 году появились въ печати первый его трудъ въ видѣ предисловія къ книгѣ *Евгенія, или письма къ другу*,

собранныя Иваномъ Георгіевскимъ, а въ слѣдующемъ году *Вольное общество любителей россійской словесности* избрало его въ свои члены, и на него были возложены обязанности редактора издаваемаго обществомъ журнала *Соревнователь*. Въ этомъ журналѣ появляются первыя его стихотворенія и критическія замѣтки, а затѣмъ началъ онъ печататься и въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ того времени: въ *Сынѣ Отечества*, въ *Новостяхъ Литературы*, въ *Полярной Звѣздѣ*, въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, въ *Утренней Зарѣ* и пр. Около того же времени произошло сближеніе Плетнева съ Жуковскимъ и лицейскими поэтами. Сами ли эти поэты полюбили его и приблизили къ себѣ, или же Плетневъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы познакомиться и сблизиться съ ними, мы не знаемъ. Очень возможно, что взаимная тяга послѣдовала съ обѣихъ сторонъ. Какъ восторженный словесникъ, увлекавшійся свѣтилами своего вѣка, Плетневъ, безъ сомнѣнія, сознательно стремился всѣми силами души приблизиться къ богамъ, которымъ молился, и боги имѣли всѣ причины внять его мольбамъ. Онъ вошелъ въ среду ихъ сначала, конечно, какъ поклонникъ ихъ и почитатель, затѣмъ быстро и легко пріобрѣлъ довѣріе и дружбу съ ихъ стороны, благодаря симпатичнымъ сторонамъ своего характера. Къ тому же, не ограничиваясь одними восторженными поклоненіями, онъ оказался для боговъ человѣкомъ очень полезнымъ въ практическихъ отношеніяхъ. Большая часть ихъ вели жизнь самую кочевую, а онъ по обязанностямъ службы проживалъ въ Петербургѣ осѣдло и потому могъ исполнять дружескія порученія, которыя они ему давали, какъ-то: высылать имъ книги, пристроивать ихъ произведенія, входя для того въ сношенія съ книгопродавцами, издателями журналовъ, цензорами, наконецъ, слѣдить за выпускомъ въ свѣтъ ихъ изданій, держать корректуры и т. п. Всю жизнь Плетневъ былъ заваленъ множествомъ подобнаго рода порученій со стороны кочующихъ друзей и не только терпѣливо, но съ величайшею готовностью и радостью исполнялъ ихъ; недаромъ Пушкинъ уже въ 1822 году, въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева, называетъ его *услужливымъ*, а двадцать четыре года спустя Гоголь, въ письмѣ къ И. И. Сосницкому о продажѣ изданія *Ревизора* въ пользу бѣдныхъ, между прочимъ, выражаетъ опасеніе, что «на Плетнева слишкомъ навьючено всякихъ обузъ, и ему довольно тяжело и трудно управляться одному», и проситъ поэтому предложить ему взять помощника.

Но, конечно, роль Плетнева въ кружкѣ олимпійцевъ не ограничивалась однимъ коммиссіонерствомъ. Онъ былъ ихъ другомъ въ истинномъ и высшемъ значеніи этого слова, былъ повѣреннымъ всѣхъ ихъ сердечныхъ семейныхъ тайнъ; къ тому же мнѣніемъ и совѣтомъ его дорожили не только въ житейскихъ дѣлахъ, но и въ литературныхъ. Ему первому сообщали олимпійцы о своихъ художественныхъ замыслахъ и читали свои произведенія, съ цѣлью узнать его мнѣніе и получить отъ него замѣчанія, которыя всегда принимались во вниманіе, и очень часто, на основаніи этихъ замѣчаній, корифеи дѣлали поправки въ своихъ произведеніяхъ. Нагляд-

нымъ доказательствомъ тому, какъ высоко цѣнили Плетнева друзья его, можетъ служить слѣдующая выдержка изъ письма къ Плетневу Гоголя въ 1842 г. послѣ выхода въ свѣтъ *Мертвыхъ душъ* «Вы вѣрно будете писать разборъ *Мертвыхъ душъ*; по крайней мѣрѣ, мнѣ бы этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше чѣмъ когда-либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради вашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно. Не позабудьте же этого, добрый старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни».

III.

И не даромъ, какъ Гоголь, такъ и всѣ прочіе олимпійцы столь дорожили критикой Плетнева. Во всѣхъ своихъ критическихъ статьяхъ Плетневъ былъ выразителемъ именно тѣхъ эстетическихъ взглядовъ и литературныхъ требованій, какіе господствовали въ кружкѣ олимпійцевъ. Такъ, всѣми членами кружка раздѣлялась бывшая въ то время новой идея, что поэтомъ надо родиться, а нельзя сдѣлаться, и что только человѣкъ владѣющій врожденнымъ талантомъ, способенъ силой вдохновенія создать произведеніе вполнѣ естественное и истинное. Но, раздѣляя эту идею, явившуюся у насъ вмѣстѣ съ романтизмомъ, олимпійцы въ одинъ голосъ исповѣдывали, что одного поэтическаго таланта и вдохновенія все-таки мало для созданія совершеннаго произведенія. Необходима сверхъ того масса техническаго труда, чтобы овладѣть формой и придать ей ту гармонію, изящество, красоту, лишь при условіи которыхъ форма способна сдѣлаться вполнѣ художественною выразительницею поэтическаго содержанія. Требованіе это олимпійцы считали тѣмъ болѣе важнымъ, что главная суть литературнаго движенія того времени заключалась въ выработкѣ формъ поэзіи и языка. Она-то именно и побуждала всѣхъ корифеевъ, начиная съ Жуковскаго и Батюшкова и кончая Гоголемъ, употреблять на отдѣлку своихъ произведеній гораздо болѣе времени, чѣмъ на первоначальное созданіе ихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіяся отъ нихъ черновыя рукописи.

Именно эти самыя идеи началъ проводить Плетневъ съ первой же своей критической статьи о поэтѣ Милоновѣ, напечатанной въ *Соревнователѣ* въ 1822 году. Такъ, тотъ фактъ, что произведенія Милонова остались въ пренебреженіи и забвеніи, онъ объясняетъ не чѣмъ инымъ какъ именно тѣмъ, что, обладая истиннымъ поэтическимъ талантомъ, онъ пи-

салъ стихи съ небрежною легкостью. Это, по мнѣнію Плетнева, болѣе всего ему вредило, такъ какъ, чтобы сдѣлать стихи легкими, надобно ихъ писать съ большимъ трудомъ. «Такое произведеніе искусства требуетъ для совершеннѣйшей своей отдѣлки необыкновеннаго терпѣнія: и поэзія стоитъ выше всѣхъ искусствъ, и слѣдственно ея произведеніе съ большимъ трудомъ противъ прочихъ надобно обработывать».

Объясняя неуспѣхъ Милонова пренебреженіемъ къ языку и формѣ, Плетневъ въ то же время превозносилъ Жуковскаго и Батюшкова именно за то, что они первые обратили главное вниманіе на выработку языка. Такъ, въ своей замѣткѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго и Батюшкова, напечатанной въ томъ же 1822 году въ книгѣ Греча: *Опытъ краткой исторіи русской литературы*, приводя нѣкоторые запутанные и тяжелые стихи изъ одъ Державина, Плетневъ замѣчаетъ: «Всякій согласится, что подобная разстановка словъ, при всѣхъ совершенствахъ поэзіи, стихи дѣлаетъ запутанными. Жуковскій и Батюшковъ показали прекрасные образцы, какъ надобно побѣждать сіи трудности и очищать дорогу теченію мыслей. Это имѣло удивительное послѣдствіе. Въ нынѣшнее время произведенія второклассныхъ и, если угодно, третьеклассныхъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ легкости и пріятности выраженій. Ихъ можно читать съ удовольствіемъ. Кругъ литературной дѣятельности распространился, и богатства вкуса умножились».

Сознаніе важности выработки языка, ставимое Плетневымъ въ заслугу Батюшкову и Жуковскому, и заставляло его и печатно, и письменно, и устно постоянно весьма строго относиться къ каждому неточному и неловкому выраженію къ слову, къ малѣйшей запинкѣ въ стихахъ, и друзья были весьма благодарны ему за это: онъ содѣйствовалъ тому дѣлу, которое наиболѣе занимало ихъ, и вполнѣ удовлетворялъ тому, чего они требовали отъ критики.

Но не однимъ стилистомъ былъ Плетневъ въ своихъ статьяхъ. Главная заслуга его заключается въ томъ, что уже въ началѣ 20-хъ годовъ, за 14 лѣтъ раньше Бѣлинскаго, онъ первый ввелъ характеристики поэтовъ по существу, по внутреннему характеру ихъ поэзіи. Такъ, уже въ вышеупомянутой замѣткѣ его о Жуковскомъ и Батюшковѣ онъ дѣлаетъ мѣткое опредѣленіе различія между романтикомъ Жуковскимъ и неоклассикомъ Батюшковымъ. И всѣ дальнѣйшія его опредѣленія и Пушкина, и Дельвига, и Крылова, и Гоголя, и прочихъ писателей его времени столь же точны, мѣтки и обличаютъ въ немъ глубокое поэтическое и критическое чутье. Довольно сказать, что всѣ позднѣйшіе критики, не исключая и Бѣлинскаго, нисколько не измѣнили, не перерѣшили его характеристикъ, а только развили ихъ, придали имъ болѣе глубокія философскія и соціальныя толкованія, выразили ихъ рельефнѣе, разностороннѣе, талантливѣе; съ эстетической же стороны характеристики эти остались тѣ же самыя и не было надобности ихъ передѣлывать.

Но этого мало, что Плетневъ былъ выразителемъ эстетическихъ взгля-

довъ и требованій кружка олимпійцевъ,—онъ обладалъ нѣкоторымъ даромъ предвидѣнія, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ прозрѣвалъ уже тѣ пути, по которымъ литература наша пошла не ранѣе какъ лѣтъ черезъ десять. Такъ, въ то время онъ предугадывалъ уже, что дальнѣйшее движеніе литературы не можетъ ограничиться одною пересадкою западныхъ формъ, а ей предстоитъ иная, болѣе важная задача стать на самобытно-народную почву. Казалось, ничего не давало повода ожидать подобнаго движенія: Жуковскій продолжалъ свои переводы и передѣлки иностранныхъ произведеній; Батюшковъ писалъ свои космополитическія элегіи; Пушкинъ только что успѣлъ издать *Руслана и Людмилу*, и еще не извѣстно было, какъ опредѣлится и куда пойдетъ этотъ начинающій еще тогда поэтъ. И вотъ стоило написать Гнѣдичу идиллію, въ которой онъ изобразилъ вмѣсто обычныхъ аркадскихъ пастуховъ и пастушекъ русскихъ рыбаковъ на берегу Невы,—и этого было достаточно, чтобы Плетневъ поднялъ вопросъ о народности въ литературѣ въ своей статьѣ о *Рыбакахъ*, помѣщенной въ *Трудахъ Вол. Общ. люб. рус. словесности*. Въ статьѣ этой Плетневъ прямо заявляетъ, что народная поэзія предпочтительнѣе неопредѣленной или всеобщей. «По любви къ отечеству,—говоритъ онъ,—всѣ произведенія народной поэзіи становятся для насъ особенно драгоцѣнными. Они возвышаютъ нравственное бытіе народа и потому дѣлаются предметомъ всеобщаго наслажденія. Произведеніе поэзіи, заимствованное по предмету изъ другой страны, ограничивается тѣснымъ кругомъ знатоковъ и любителей искусствъ; но народное мало-по-малу переходитъ отъ высшаго класса къ среднему и, наконецъ, и къ низшему. Знакомыя имена, знакомыя происшествія, знакомыя мѣста возбуждаютъ любопытство въ самомъ необразованномъ человѣкѣ. Удивительно ли, что въ Аѳинахъ почти каждый гражданинъ могъ быть судьею поэта или другого художника? Въ театрѣ, на площади, въ домахъ—онъ слышалъ, видѣлъ все греческое».

Не могъ упустить изъ виду по своей чуткости Плетневъ въ нашей литурѣ 20-хъ годовъ и еще одного важнаго явленія, которое только что нараждалось въ то время, для того чтобы въ продолженіе по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ оказывать на ея судьбы сильное вліяніе, именно—байронизма. Такъ, въ своихъ статьяхъ о переводѣ Жуковскаго *Шильонскаго узника* и затѣмъ о *Кавказскомъ плѣнникѣ* Пушкина, напечатанныхъ въ *Собесѣдникѣ* 1822 г., онъ говоритъ о поэзіи Байрона, какъ о новомъ литературномъ явленіи, весьма знаменательномъ. Правда, по своей кроткой и мирной натурѣ Плетневъ не могъ оцѣнить значенія этого новаго явленія въ смыслѣ нравственнаго протеста. Его, напротивъ, смутилъ съ этой стороны гордый и требовательный духъ Байрона, неспособный мириться на немногомъ. Но это не помѣшало ему съ чисто-литературной стороны вполнѣ вѣрно оцѣнить Байрона, какъ переходную ступень отъ романтизма къ реализму. «Лордъ Байронъ,—говоритъ онъ,—занимающій въ нынѣшнее время своими произведеніями не одну Англію, но и всю Европу, образовалъ новый родъ поэмы. Не прибѣгая къ вымысламъ *чудеснаго*, онъ ограничивается

повѣствованіемъ дѣйствія *естественнаго*. Трудно еще рѣшить: выиграетъ ли что-нибудь поэзія эпическая отъ такихъ новостей или потеряетъ? По крайней мѣрѣ, можно согласиться, что мы находимся почти въ необходимости отказаться въ эпическомъ родѣ отъ прелестныхъ вымысловъ чудеснаго. Высокая степень просвѣщенія и чистота истинной религіи не позволяютъ намъ принимать участія въ дѣйствіяхъ волшебниковъ и волшебницъ, того искренне-младенческаго участія, какое принимали греки и римляне въ дѣйствіяхъ своихъ боговъ и своихъ богинь» и т. п.

Еще болѣе рѣшительную тягу къ реализму и предчувствіе грядущаго господства его въ нашей литературѣ обнаружилъ Плетневъ въ своей критической статьѣ о переводѣ Жуковскаго *Орлеанская дѣва* (въ *Трудахъ вол. общ. люб. рус. словесности* 1824 г.). Проводя параллель между драмами Шекспира и Шиллера, онъ отдаетъ преимущество первымъ—именно за ихъ реализмъ. «Мы,—говоритъ онъ,—не ослѣплены красотами Шиллера. У него есть очень чувствительные недостатки. Слабѣйшую сторону въ его трагедіяхъ, по нашему мнѣнію, составляютъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи Шиллеръ несравненно ниже образца своего, т.-е. Шекспира. Трагикъ, преобразуя въ идеалъ избираемое для сочиненія лицо, не долженъ сглаживать съ него всѣ первобытныя черты, а только озарить ихъ поэтическимъ свѣтомъ. Онъ обязанъ снять съ него все грубое, ничтожное, земное; но не имѣетъ права замѣнить существенной или природной красоты его красотою вымышленною или мечтательною. Такимъ образомъ, въ трагедіяхъ Шекспира прекрасная природа отражается какъ въ чистомъ зеркалѣ. У него всѣ чувствуютъ, мыслятъ и говорятъ сообразно съ тѣми обстоятельствами жизни, въ которыхъ находятся. Его искусство украшаетъ природу, но не противорѣчитъ ей. Для этого надобно имѣть особенную власть надъ своимъ геніемъ. Шиллеръ былъ рабомъ его. Исполненный высочайшаго вдохновенія, чувствительный, величайшій мечтатель, онъ не умѣлъ отдѣлить собственнаго своего существованія отъ тѣхъ лицъ, которыя дѣйствуютъ у него въ трагедіи, и потому въ каждой изъ нихъ мы видимъ поэта, узнаемъ Шиллера. Онъ слишкомъ неосторожно передаетъ всякому лицу свои поэтическія мечты, свои возвышенныя созерцанія и все богатство своихъ опытовъ и умозрѣній. Поселянинъ и вельможа, простой воинъ и государь у него часто стремятся къ чему-то одному и даже сходно изъясняются». По всѣмъ этимъ основаніямъ, на романтическія драмы въ духѣ шиллеровскихъ Плетневъ смотрѣлъ какъ лишь на переходную ступень: «онѣ,—говоритъ онъ,—ближайшую составляютъ ступень къ тѣмъ, въ которыхъ нѣкогда восторженные зрители увидятъ все собственное: и объемъ дѣйствія, и его расположеніе, и движеніе страстей, и краски ихъ, и прелесть языка».

Не забудьте при этомъ принять во вниманіе, что все это писалось въ 1824 году, т.-е. за десять лѣтъ до первыхъ статей Бѣлинскаго, который своимъ безусловнымъ поклоненіемъ Шиллеру въ первый періодъ его литетурной дѣятельности, словно какъ бы шелъ назадъ сравнительно съ тѣмъ, что проповѣдывалъ Плетневъ въ 1824 году.

IV.

Такимъ образомъ, положимъ, что Тургеневъ былъ и правъ, говоря въ своихъ воспоминаніяхъ о Плетневѣ, что «для критика—въ воспитательномъ, въ отрицательномъ значеніи слова—Плетневу недоставало энергіи, огня, настойчивости; прямо говоря—мужества. Онъ не былъ рожденъ бойцемъ. Пыль и дымъ битвы, для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же непріятны, какъ и сама опасность, которой онъ могъ подвергнуться въ рядахъ сражавшихся». Но, вѣдь, не этими одними качествами опредѣляется значеніе и роль критики. Кромѣ критиковъ-борцовъ, существуютъ еще и критики-разъяснители и руководители. Положимъ, что второго Бѣлинскаго изъ Плетнева никогда не вышло бы, но во всякомъ случаѣ при его чутьѣ настоящаго и предвидѣньи будущаго могъ бы выработаться критикъ очень полезный въ смыслѣ безпристрастнаго и вѣрнаго оцѣнщика вновь появляющихся художественныхъ произведеній и указателя путей, по которымъ должны идти молодыя, вновь нараждающіяся силы. Но это было возможно лишь при одномъ условіи: еслибъ Плетневъ остался вѣренъ избранному имъ скромному поприщу, если бы онъ продолжалъ пребывать до сѣдыхъ волосъ все тѣмъ же идеальнымъ наставникомъ русской словесности и усерднымъ сотрудникомъ разныхъ повременныхъ періодическихъ изданій. Вѣдь, и изъ Бѣлинскаго развѣ вышелъ бы Бѣлинскій, еслибъ онъ послѣ первыхъ же статей свернулъ вдругъ куда-нибудь въ сторону, пошелъ бы, напримѣръ, служить по откупамъ или по таможенному вѣдомству?

И вотъ тѣ же самые друзья олимпійцы, которые внушили Плетневу свѣтлыя мысли, проводившіяся имъ въ критическихъ статьяхъ въ двадцатые годы, они же и погубили въ немъ критика, оказавши ему рядъ очень дурныхъ, чисто-медвѣжьихъ услугъ. Люди свѣтскіе, вращавшіеся въ высшихъ слояхъ общества, они первымъ дѣломъ развили въ своемъ скромномъ другѣ вкусъ къ бомонду, стремленіе тянуться во что бы то ни стало въ знать, а, во-вторыхъ, при обширныхъ связяхъ имъ ничего не стоило устроить пріятелю такую карьеру, какая ему, конечно, и не снилась. Такова была каѳедра русской словесности въ началѣ тридцатыхъ годовъ, а въ 1840 году и ректорство въ Петербургскомъ университетѣ.

Занять какую-либо каѳедру въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ въ тѣ блаженныя времена было дѣломъ очень легкимъ. Для этого не требовалось никакихъ ученыхъ степеней, а достаточно было сильной протекціи,—нагляднымъ доказательствомъ чего можетъ служить авторъ *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканки*, пробравшійся на каѳедру исторіи безъ всякихъ на это ученыхъ правъ.

Можно быть очень хорошимъ учителемъ безъ обширнаго ученаго багажа, но профессорство по самой своей сути требуетъ человѣка науки, который весь былъ бы преданъ своей спеціальности. Но какой же ученый былъ Плетневъ? Онъ къ этому и не готовился, и былъ неспособенъ. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ отзывахъ о профессорствѣ Плетнева, даже наиболѣе пане-

гирическихъ, сквозитъ отрицаніе въ немъ мало-мальски серьезной учености. Самый лучшій отзывъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ М. Н. Лонгинову (въ № 2 *Современной Лѣтописи* 1866 г.), но и тотъ замѣчаетъ, что Плетневъ «читалъ не мертвыя лекціи, а живыя *импровизаціи*, исполненныя знанія и любви къ дѣлу. Онѣ были въ высшей степени знаменательны» и т. д. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ прямо говоритъ, что «какъ профессоръ русской литературы, Плетневъ *не отличался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ очень легокъ*». Даже и Як. Кар. Гротъ при всемъ своемъ увлеченіи своимъ другомъ откровенно заявляетъ ему въ письмѣ 26 ноября 1846 г.: «Недостатокъ энергіи, въ которомъ ты обвиняешь себя, не то ли означаетъ, что ты собственно не рожденъ для ученыхъ трудовъ? Ты, добрый и практически-благоразумный человѣкъ, судишь чрезвычайно здраво, одаренъ рѣдкою способностью чувствовать и оцѣнивать изящное, съ сердцемъ въ высшей степени мягкимъ и склоннымъ къ самой нѣжной привязанности; но дала ли тебѣ природа средства къ напряженной ученой дѣятельности—вотъ въ чемъ я сомнѣваюсь. Отсюда—и недостатокъ истиннаго участія—при всей доброй волѣ—въ чужихъ трудахъ, даже людей самыхъ близкихъ тебѣ; отсюда—и возможность равнодушно бросать время на такія безплодныя дѣла, какъ, напримѣръ, переписка, часто лишенная разумной цѣли и оправдывающаго ее содержанія. Кто глубоко проникнутъ убѣжденіемъ о предлежащихъ ему трудахъ, тотъ не станетъ расточать и мгновеній, не только часовъ и дней».

Плетневъ не только не нашелъ ничего въ оправданіе этого строгаго приговора друга, но, напротивъ того, подтвердилъ его въ письмѣ 4 декабря 1846 г. еще въ болѣе краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, и это самоопредѣленіе поражаетъ насъ своею характерностью и вѣрностью.

«Ты,— пишетъ Плетневъ, — совершенно правъ, что я не рожденъ для ученыхъ трудовъ. Да и вообще мнѣ тягостенъ всякій усиленный трудъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, не будучи пріученъ къ систематической дѣятельности, я всегда оставался игрушкою мгновенія. То, что неважнаго и удалось мнѣ сдѣлать, было слѣдствіемъ счастливыхъ знакомствъ, которыми, впрочемъ, скажу къ чести своей, я всегда дорожилъ и постоянно искалъ. Но и это не могло далеко подвинуть меня, потому что я не носилъ никакого запаса къ исполненію предпріятій. Не зная хорошо ни одного иностраннаго языка, не терпя усидчивости за дѣломъ, я все исполнялъ кое-какъ. Со времени знакомства моего съ тобою я долженъ бы былъ уже переродиться. Но и тутъ весь внутренній переворотъ мой ограничился только болѣзненнымъ сознаніемъ, что я—ничтожнѣйшее существо, а прямой активной перемѣны во мнѣ не послѣдовало. Я мыслю, понимаю и соображаю правильно; но все тѣмъ и оканчивается. Итакъ, я ни въ какомъ отношеніи не могу обидѣться твоею характеристикой, представленною мнѣ на меня въ письмѣ 26 ноября, потому что глубоко и давно сознаю справедливость ея. Это, конечно, не оправданіе для будущаго: могъ бы еще я переработать многое въ себѣ, но думаю, что безъ особой Божіей

помощи ничего не удастся. Конечно, и приводя это чаще себѣ на мысль, я уже дѣлаю что-нибудь: только это не будетъ то полное преобразованіе, въ которомъ настоитъ такая надобность. Ты же долженъ обходиться со мною, какъ съ мягкимъ ребенкомъ, котораго исправить вѣрнѣе мягкостью и любовью, нежели строгостью и гнѣвомъ. Всегда мнѣ гораздо стыднѣе тѣхъ, которые ставятъ меня въ положеніе неблагодарнаго, нежели тѣхъ, которые излишествомъ своего катонизма сами показываются передо мною не вовсе правыми».

Но не одно врожденное отсутствіе усидчивости не давало Плетневу возможности сосредоточиться въ научныхъ трудахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайняя разбросанность вслѣдствіе стремленія нахватать какъ можно болѣе всякаго рода болѣе или менѣе хлѣбныхъ дѣлъ. Такъ, въ письмѣ къ Гроту 1 авг. 1844 года, онъ самъ говоритъ: «Не забывай, что у меня 18 должностей, кромѣ корректуръ по разнымъ изданіямъ»... (и кромѣ обузы въ видѣ массы порученій со стороны кочующихъ друзей, могъ бы прибавить къ этому Плетневъ).

Эти 18 должностей необходимы были Плетневу, конечно, для того, чтобы быть приняту въ знатныхъ домахъ и держаться въ нихъ не на послѣднемъ планѣ: чтобы поддерживать мало-мальски приличный престижъ, необходимо было держать своихъ лошадей, одѣваться у лучшихъ портныхъ и мало ли какія издержки. Стремленіе къ большому свѣту поражаетъ насъ въ Плетневѣ, въ этомъ разночинцѣ, вышедшемъ изъ бѣдной духовной семьи и воспитывавшемся на мѣдныя деньги въ семинаріи. Въ этомъ отношеніи онъ являлся даже порою plus royaliste, que le roi. Такъ, въ письмѣ къ Гроту 12 дек. 1840 г. Плетневъ говоритъ, что встрѣтилъ одну свѣтскую дѣвицу Marie Балабину, гуляющую съ матерью. «Какъ онѣ умны и интересны!—восклицаетъ онъ.—Marie не можетъ понять, отчего я думаю, что богатые и знатные должны быть (т.-е. суть) воспитаны лучше простыхъ и бѣдныхъ. Она думаетъ напротивъ, что первые ничего не знаютъ и не понимаютъ. Въ ея замѣчаніяхъ есть какое-то постоянное презрѣніе къ нимъ».

Гротъ весьма резонно возразилъ Плетневу на это въ письмѣ 20 дек. 1840 г.: «Относительно вашего и Балабиной разговора о богатыхъ и бѣдныхъ я думаю, что первые гораздо болѣе знаютъ и понимаютъ, почему они для общежитія несравненно годнѣе, но послѣдніе лучше, т.-е. менѣе развращены въ сердцѣ, добродѣтельнѣе и потому полезнѣе для общества».

Но Плетневъ былъ въ этомъ отношеніи неисправимъ и въ отвѣтъ на потерянное письмо Грота отъ 7 мая 1847 г., въ которомъ Гротъ, по всей вѣроятности, доказывалъ ему преимущества жизни въ глухомъ провинціальномъ городѣ передъ столичной, онъ пишетъ въ письмѣ 11 янв. 1847 г.:

«Я совершенно согласенъ вообще съ твоими мыслями насчетъ жизни. Въ одномъ не смѣю еще согласиться, а именно, чтобъ я довольнѣе жизнью сдѣлался въ маленькомъ городкѣ, нежели здѣсь. Правда, я не люблю многолюдныхъ собраній. Но я чувствую сильную потребность въ обществѣ

людей (двухъ-трехъ особъ) высшаго сословія. Средній кругъ, какой собирается у меня, у Александры Осиповны и у всѣхъ нашихъ, для меня нестерпимъ. И ты самъ, и Константинъ Карловичъ, видимо, имъ тяготитесь и при всякомъ благопріятномъ случаѣ отстраняетесь отъ него. Я это понимаю. Въ Петербургѣ я хоть разъ въ недѣлю могу побывать у кого захочу изъ высшаго круга. Въ маленькомъ городкѣ я умру съ одной мысли, что все кончилось. Ты знаешь, что идея ужаснѣе событія. Особенно отъ 9 до 11 час. веч. мнѣ необходимо общество, которое бы я любилъ. Никто не замѣнитъ мнѣ этого освѣженія, которое приносятъ люди, живущіе въ высшей сферѣ».

При такой нахватанности занятій, съ одной стороны, и разсѣянной свѣтской жизни—съ другой, понятно, не могъ выработаться изъ Плетнева дѣльный ученый; вмѣстѣ съ тѣмъ погибъ и критикъ. По крайней мѣрѣ, читая переписку Грота и Плетнева, мы можемъ только дивиться, до какой крайней отсталости отъ современной жизни и закорузлости дошелъ Плетневъ въ продолженіе тридцатыхъ годовъ, ко времени своего ректорства (въ 1840 г.).

V.

Надо удивляться той діаметральной противоположности, которую представляетъ по сравненію съ Плетневымъ и складъ характера, и теченіе жизни Як. К. Грота. Становишься положительно втупикъ, какъ люди, такъ мало похожіе другъ на друга и притомъ при такомъ различіи въ возрастѣ, могли такъ тѣсно сблизиться. Поневолѣ приходишь къ мысли, что ничто такъ не сближаетъ людей, какъ именно крайняя противоположность между ними; словно одинъ ищетъ въ другомъ то, чего ему недостаетъ самому.

Родившись въ нѣмецкой административной семьѣ, Гротъ получилъ образованіе въ привилегированномъ заведеніи, именно въ Александровскомъ лицеѣ. При своихъ лингвистическихъ способностяхъ, уже въ ранней юности, кромѣ русскаго языка, онъ зналъ еще четыре новые—французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій; къ этому впослѣдствіи присоединилось знаніе языковъ шведскаго и финскаго, а по-латыни онъ могъ читать съ помощью словаря всѣхъ писателей. По окончаніи его образованія родные, имѣвшіе большія связи, помѣстили его на службу въ государственную канцелярію, гдѣ подъ покровительствомъ государственнаго секретаря барона Корфа онъ быстро началъ возвышаться по службѣ, и ему улыбалась блистательная будущность. Но въ то время, какъ Плетневъ измѣнилъ наукѣ и литературѣ ради устройства карьеры, Гротъ, наоборотъ, такъ пристрастился къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ, что рѣшилъ пожертвовать для нихъ карьерою, какъ только познакомился съ Плетневымъ, и увидалъ напечатаннымъ въ *Современникѣ* первый свой литературный трудъ, переводъ *Мазепы* Байрона. Когда затѣмъ, при содѣйствіи Жуковскаго, онъ перешелъ на службу къ ст.-секретарю В. К. Финляндскаго, барону

Ребиндеру, сначала чиновникомъ особыхъ порученій, а затѣмъ инспекторомъ финляндскихъ училищъ по преподаванію русскаго языка, и родные, и знакомые подумали, что онъ помѣшался.

«Вѣсть о моемъ переходѣ, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи,— быстро разнеслась между моими знакомыми. Всѣ были поражены, не могли никакъ понять, какъ я рѣшаюсь жертвовать своею карьерой, находили, что я поступилъ опрометчиво, а иные считали меня просто сумазбродомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что до одного изъ бывшихъ моихъ товарищей, находившихся тогда въ Италіи, дошелъ даже слухъ, что я помѣшался. Мнѣ было тяжело являться въ общество; вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе, на что же я надѣюсь. Тогдашній директоръ департамента народнаго просвѣщенія (В. Д. Комовскій), братъ моего лицейскаго товарища, замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и что, конечно, я современемъ раскаюсь въ томъ, что дѣлаю. Все это однакожъ нисколько меня не смутило, — такъ сильно я чувствовалъ, что исполняю неотразимое требованіе своей природы, и съ свѣтлою юношескою довѣрчивостью глядѣлъ на будущее».

Обладая, опять-таки въ противоположность Плетневу съ его славянскою рыхлостью и разбросанностью, рѣдкою усидчивостью, обусловливавшеюся, очевидно, тевтонскою кровью, струившеюся въ его жилахъ, Гротъ весь отдался своимъ ученымъ и литературнымъ трудамъ, переселился въ Гельсингфорсъ, вскорѣ сблизился съ финскою интеллигенціей и пріобрѣлъ общее расположеніе среди нея. По крайней мѣрѣ, вотъ какъ отзывается о немъ финляндецъ Авг. Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ о празднествахъ по случаю 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго университета:

«Самымъ многозначительнымъ и достойнымъ упоминанія эпизодомъ этихъ празднествъ было дружеское сближеніе между гостившими у насъ русскими и финскими учеными и литераторами. Здѣсь первое мѣсто посредника и соединителя принадлежитъ безспорно Я. Гроту. Совсѣмъ еще молодой человѣкъ, не достигшій и тридцати лѣтъ, тонко образованный и въ полномъ смыслѣ джентльменъ во всемъ своемъ существѣ, онъ рано познакомился со шведскимъ языкомъ и литературой и былъ извѣстенъ какъ переводчикъ на русскій языкъ Фритіофа. Уже въ 1838 году посѣтилъ онъ впервые Финляндію и, между прочимъ, въ Борго завязалъ знакомство съ Рунебергомъ, котораго онъ изобразилъ съ восторженною теплотой въ одномъ русскомъ журналѣ. Въ то же время, познакомившись съ Цигнеусомъ, Лекротомъ, Нервандеромъ, онъ всѣмъ имъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и сердечную пріязнь. Личными связями своими и языкознаніемъ, онъ такимъ образомъ приготовилъ себѣ положеніе, какое тогда невозможно было и предполагать: къ занятію каѳедры при нашемъ университетѣ. И такъ какъ онъ вполовину былъ у насъ какъ дома, то и былъ особенно способенъ сблизить нашихъ финскихъ литераторовъ со своими соотечественниками».

Горизонтъ этого сближенія Грота съ финскою интеллигенціей былъ нѣ-

сколько омраченъ, когда по поводу вышеозначеннаго юбилея Плетневъ подалъ проектъ учрежденія при университетѣ каѳедры ординарнаго профессора русскаго языка, словесности и исторіи; проектъ этотъ былъ утвержденъ, и Гротъ былъ назначенъ профессоромъ этой вновь учрежденной каѳедры 3 апрѣля 1841 г. Въ кружкахъ финскихъ патріотовъ это нововведеніе, очевидно, возбудило непріязненное чувство, подозрѣніе въ стремленіи русскаго правительства обрусить край, и Гроту пришлось вслѣдствіе своего новаго назначенія пережить нѣсколько тяжелыхъ минутъ, которыя онъ описываетъ въ своемъ письмѣ Плетневу 13 апр. 1841 г.:

«Въ воскресенье утромъ,—читаемъ мы,— былъ я у профессоровъ, начавъ съ Шультена; еще былъ у Тенгстрема, Лауреля, Гельстрема, Лансена и пр. Почти всѣми былъ принятъ довольно холодно и какъ будто съ нѣкоторою недовѣрчивостью, кромѣ, однако же, прежнихъ знакомыхъ — Тенгстрема, Лауреля, или лучше: почти всѣми былъ принятъ хорошо, кромѣ двухъ, показавшихъ болѣе холодности. Сильны старые предразсудки: они вообразили, что правительство хочетъ вдругъ насильно навязать имъ русскій языкъ. Я всѣмъ повторялъ, что я чувствую, какъ я стою ниже ихъ въ опытности, знаніяхъ, способностяхъ и пр., но надѣюсь усердіемъ къ общей пользѣ вознаградить эти недостатки и прошу совѣтовъ...

«Въ понедѣльникъ опять былъ у нѣкоторыхъ профессоровъ; многихъ не засталъ дома. Вчера, во вторникъ, я много плакалъ. Поутру встрѣтилъ я одного изъ профессоровъ, моего пріятеля и *брата* Лилле, очень хорошаго человѣка. Онъ повторилъ мнѣ, что я нахожусь въ весьма затруднительномъ положеніи по обязанности засѣдать въ консисторіи *) и факультетѣ, что это—необыкновенное и оскорбительное нарушеніе ихъ формъ и что, наконецъ, на меня смотрятъ съ неудовольствіемъ и даже съ подозрѣніемъ. Онъ прибавилъ, что мнѣ, по незнанію здѣшняго судопроизводства и законовъ, чрезвычайно трудно будетъ участвовать въ разсужденіяхъ консисторіи. Я пошелъ къ Цигнеусу и тутъ, несмотря на присутствіе его брата, не могъ совладать съ собой и далъ волю слезамъ, едва удерживаемымъ на улицѣ. Добрый Цигнеусъ утѣшалъ меня, какъ могъ, но слово *подозрѣніе* жгло мою внутренность. Отъ него я пошелъ, чтобы посовѣтоваться, къ Тенгстрему,— не засталъ его; потомъ къ Рейну; тутъ опять плакалъ долго; онъ подтвердилъ слова Лилле, но самъ отдавалъ мнѣ справедливость и совѣтовалъ требовать въ консисторіи назначенія комитета для сочиненія инструкціи. Я успокоился. Послѣ обѣда, въ 4 часа, пошелъ къ Тенгстрему, и онъ изъявилъ ко мнѣ много довѣренности... Сколько я въ этотъ день передумалъ и перечувствовалъ! Еще до свиданія съ Тенгстремомъ я уже собственно не имѣлъ болѣе надобности въ утѣшеніи. Бывъ у Цигнеуса, я Богъ знаетъ на что рѣшался и чего хотѣлъ требовать; но когда первое волненіе отъ неожиданнаго опыта прошло, я уви-

*) Подъ консисторіей разумѣется здѣсь, очевидно, общій университетскій совѣтъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ.

дѣлъ свое малодушіе, мнѣ стало стыдно самого себя, и печаль превратилась въ гордое презрѣніе»...

Не желая окончательно утратить добрыя отношенія съ туземцами, Гротъ согласился на рядъ компромиссовъ, вродѣ того, чтобы читать лекціи русской исторіи по-шведски; ему за то дозволили экзаменовать студентовъ тоже по-шведски, а не по-латыни, какъ это было принято въ Гельсингфорскомъ университетѣ.

Плетневъ былъ очень недоволенъ этими компромиссами. «Названіе, данное тебѣ, — писалъ онъ въ письмѣ 21 апрѣля 1841 г., — профессоръ русскаго языка, исторіи Россіи и ея литературы, показываетъ только, что каѳедра всѣхъ этихъ предметовъ предоставлена лично тебѣ, а ты можешь по произволу отдѣлить отъ себя нѣкоторыя части Соловьеву и Акіандеру, какъ рѣшительно подчиненнымъ тебѣ, чего, можетъ быть, у другихъ профессоровъ нѣтъ. Но тѣмъ ты и выше ихъ и долженъ поддержать довѣренность правительства. Отказаться же отъ русскаго языка и по-шведски проходить исторію политическую и литературную нашего отечества будетъ противно видамъ правительства. Требуй, чтобы нѣкогда всѣ студенты готовы были слушать по-русски; теперь-де изъ снисхожденія ты пока будешь помогать имъ объясненіемъ по-шведски, но чтобы они не надѣялись всегда эти предметы слушать по-шведски. Иначе за что тебя сдѣлали апостоломъ русскаго языка въ Чухонской землѣ? Исторію я выбралъ какъ соблазнъ, какъ приманку для любознательности студентовъ. Но главная цѣль—развитіе русскаго языка. Возьми указъ или опредѣленіе, да и читай внимательно: ты самъ увидишь, что̀ тебѣ назначено. Повторяю, приманивать можешь по-шведски, но твердить безпрестанно, что это, дескать, не надолго,—начнется все по-русски».

Гротъ не послушался Плетнева, очевидно, не желая потерять окончательно расположеніе къ нему финской интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что и безъ того уже положеніе его въ качествѣ профессора русской литературы и лектора русскаго языка въ Гельсингфорскомъ университетѣ было довольно щекотливо и постоянно вызывало разныя непріятности. Такъ, стоило ему только предложить студентамъ, не ограничиваясь однимъ чтеніемъ, придать лекціи разговорный характеръ, читать вмѣстѣ Пушкина, причемъ студенты по очереди читали бы и переводили, а профессоръ поправлялъ и объяснялъ, какъ среди студентовъ поднялось волненіе; они притворялись обиженными, говорили, что предложеніе Грота унижаетъ званіе студента, потому что они приходятъ въ университетъ не отвѣчать уроки, а слушать лекціи... Суть же заключалась въ томъ, что студенты знали русскій языкъ слишкомъ плохо для того, чтобы переводить во время лекцій Пушкина, и едва удалось Гроту уговорить ихъ согласиться на его предложеніе.

Плохое знаніе студентами русскаго языка особенно часто обнаруживалось, конечно, во время экзаменовъ, причемъ дѣло доходило даже до плутовства. Такъ, въ письмѣ 3 ноября 1845 г. Гротъ разсказываетъ, какъ у него на дому одинъ студентъ писалъ русское сочиненіе.

«Когда онъ ушелъ,— читаемъ мы, — въ 11 часовъ, и я внимательно прочелъ его произведеніе, оказалось, что онъ о Густавѣ III написалъ слово въ слово то, что у Устрялова сказано о Петрѣ I. Хороша память!»... На другой день, — читаемъ мы дальше, — «въ 9 часовъ пришелъ вчерашній студентъ. Онъ не сконфузился отъ моего открытія и сталъ увѣрять, что только для удобнѣйшаго начала сочиненія вписалъ слова Устрялова,—они же составляютъ только 12 строкъ, а остальныя 18 имъ самимъ сочинены. Я отвѣчаю, что, судя по началу, надо полагать, что и все взято изъ готовыхъ источниковъ, почему и свидѣтельства дать не могу. Онъ всячески старался поколебать меня; наконецъ, я заставилъ его переводить изустно изъ шведскихъ газетъ и по этому переводу рѣшилъ уже съ достовѣрностью, что въ его сочиненіи все чужое. Однакожъ, я позволилъ ему придти въ другой разъ для возобновленія письменнаго испытанія. Когда онъ ушелъ, я сталъ ломать голову, гдѣ я прежде читалъ то, что онъ такъ упорно выдавалъ за свое, и, наконецъ, вспомнилъ, что это взято изъ исторіи Петра II, Арсеньева. Раскрываю книгу: въ самомъ дѣлѣ! Каковъ молодецъ! Густава III состряпалъ изъ смѣси Петра I съ Меньшиковымъ! Читалъ же онъ это въ книгѣ переводовъ, изданной Студитскимъ. Память хороша, надо сознаться»...

Въ концѣ концовъ студентъ не получилъ свидѣтельства.

«Меня здѣсь, — пишетъ Гротъ по этому поводу въ письмѣ 25 ноября 1846 года,— обвиняютъ въ излишней строгости требованій, о чемъ уже не одинъ профессоръ давалъ мнѣ замѣтить. Что дѣлать? Безъ строгости не подвинешь такого запущеннаго дѣла, каково здѣсь было преподаваніе русскаго языка»...

Но эта «излишняя строгость» не обошлась Гроту даромъ и вызвала со стороны студентовъ своеобразный протестъ въ видѣ битья стеколъ въ его квартирѣ. Такъ, въ письмѣ 2 февр. 1846 г. Гротъ разсказываетъ, что, возвратясь съ матерью 30 января изъ театра, онъ нашелъ у себя въ окнѣ насквозь разбитое стекло (сквозь обѣ рамы). Между обѣими рамами лежалъ крѣпкій снѣжокъ. На ночь заставили окно ставнемъ.

Затѣмъ въ письмѣ Грота 2 марта 1846 года мы читаемъ:

«Стекло было разбито у меня, какъ оказывается, тайнымъ врагомъ, который продолжаетъ преслѣдовать меня. Первый случай былъ 30 янв., въ то время, какъ я сидѣлъ въ театрѣ. Потомъ 5 февраля вечеромъ, часу въ 8-мъ, когда я занимался въ своей комнатѣ, вдругъ за моимъ окномъ раздался ужасный залпъ, будто выстрѣлъ, и въ ту же минуту блеснулъ снизу вверхъ за рамою такой сильный свѣтъ, что онъ виденъ былъ сквозь внутренній ставень. О выбитомъ окнѣ я никому не говорилъ ни слова, но теперь отправился на другой день къ Теслеву (ректору) и разсказалъ ему оба случая».

Была поднята на ноги полиція, извѣщенъ губернаторъ. Тѣмъ не менѣе въ четвергъ, 28 февраля, около 8 часовъ вечера, когда Гротъ одѣвался, чтобъ идти со двора, вдругъ опять посыпались стекла съ ужаснымъ гро-

хотомъ. Кучеръ Грота тотчасъ выбѣжалъ на улицу и увидалъ, какъ кто-то сѣлъ на извозчика и ускакалъ. Оказалось, что не только въ комнатѣ Грота разбито было одно стекло, но также одно въ прихожей (оба насквозь), да одно въ залѣ (только наружное). Ударъ былъ не камнемъ и не снѣжнымъ комомъ, потому что въ комнатѣ или на окнахъ не нашлось ничего подобнаго, а какимъ-нибудь длиннымъ орудіемъ.

Исторія эта не замедлила распространиться по городу.

«Рейнъ,—повѣствуетъ Гротъ въ письмѣ 4 марта 1846 г.,—приходилъ сказывать, что благомыслящіе студенты въ большомъ негодованіи на этотъ случай. Являлся и Кольбарсъ, который, по приказанію коменданта, будетъ по вечерамъ высылать частые патрули... Вчера вечеромъ былъ Ильмони у меня, сегодня Мерманъ съ увѣреніями, какъ всѣ негодуютъ на мошенника. По совѣту Ильмони, я сегодня объявилъ полиціи, что назначаю 100 руб. сер. въ награду тому, кто укажетъ виновнаго. Если онъ откроется, мнѣ казна должна будетъ возвратить эти деньги; это не только мое дѣло, но общее; очень важно отыскать виновнаго, во-первыхъ, для того, чтобъ у него отнять возможность повторять свои злодѣйства; во-вторыхъ, чтобъ у другихъ отнять охоту къ подобнымъ же покушеніямъ. Сегодня получилъ я анонимное письмо съ подписью *студентъ*. Онъ очень учтиво упрекаетъ меня, что я выразилъ подозрѣніе на цѣлое сословіе его товарищей, тогда какъ этого подозрѣнія ничѣмъ нельзя подтвердить,—впрочемъ, увѣряетъ, что если, дѣйствительно, откроется между ними такой извергъ, то онъ немедленно будетъ удаленъ»...

Но извергъ такъ и не былъ открытъ.

Понятно, что при всемъ расположеніи къ Гроту финской интеллигенціи, несмотря на то, что съ сослуживцами онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и между профессорами у него было много друзей, онъ былъ очень радъ, когда Плетневъ выхлопоталъ для него мѣсто наставника дѣтей В. Кн. Наслѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ каѳедру въ Александровскомъ лицеѣ, хотя ему пришлось на новыхъ должностяхъ получать менѣе, чѣмъ онъ получалъ въ Финляндіи, а жизнь въ Петербургѣ была несравненно дороже гельсингфорской.

VI.

Читая въ письмахъ Плетнева сужденія его о различныхъ современныхъ литературныхъ явленіяхъ и личностяхъ, приходится постоянно удивляться, до какой крайней закорузлости и полнаго непониманія того, что дѣлается вокругъ, можетъ дойти человѣкъ, разъ онъ остановился и замкнулся въ кругѣ идей и понятій своей молодости. Какимъ былъ сантиментальнымъ идеалистомъ-романтикомъ въ 20-е годы столѣтія, такимъ оставался Плетневъ и въ 30-е, и въ 40-е. Возникли новыя теченія мысли, направленія, литературныя школы,—ничего этого для него не существовало. Русская литература въ его глазахъ словно совершила все свое дѣло, сказала по-

слѣднее слово въ произведеніяхъ обожаемыхъ корифеевъ,—Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Баратынскаго, Дельвига и Гоголя, а дальше пошла одна мерзость запустѣнія. Такъ, въ письмѣ 14 окт. 1842 г. Плетневъ прямо говоритъ, что «у насъ въ Россіи по части литературы только и было двѣ школы: Ломоносова и Карамзина. Послѣдняя дала намъ все, что только было и есть у насъ истинно-прекраснаго. Считай съ Дмитріева, иди къ Жуковскому и кончи хоть Гоголемъ: вѣдь это все люди одной идеи. Они живутъ не для публики, а для искусства. Другихъ школъ нѣтъ. Тамъ только сбродъ, сумятица, безвкусіе и корыстолюбіе...»

Все, что ни совершали обожаемые корифеи въ жизни или литературѣ, все это казалось Плетневу совершенствомъ, не подлежало ни малѣйшей критикѣ, а одному восторгу, и онъ дивился, какъ это молодые люди хладнокровно относились къ тому, что заставляло его проливать слезы умиленія. Казалось, что̀ было особенно похвальнаго въ томъ, что Жуковскій, будучи шестидесятилѣтнимъ старцемъ, вступалъ вдругъ въ бракъ съ восемнадцатилѣтней дѣвушкой или что онъ рисковалъ переводить *Одиссею* по подстрочному переводу, совсѣмъ не зная греческаго языка? Но для Плетнева все это было верхомъ мудрости, крупицы которой онъ благоговѣйно подбиралъ и носился съ ними. Такъ, въ письмѣ 29 марта 1844 года мы читаемъ:

«Кажется, я говорилъ тебѣ, что, бывши вчера у Вяземскаго, я взялъ отъ него письмо къ нему Жуковскаго, гдѣ онъ подробно разсказываетъ о способѣ, какъ переводить *Одиссею*. Въ этомъ письмѣ есть нѣсколько и другихъ интересныхъ разсказовъ. Я рѣшился и съ этого письма снять для себя копію, что̀ меня очень занимало въ субботу и въ воскресенье (Святая) утромъ. Все это составитъ для насъ съ тобой пріятное чтеніе, когда мы будемъ вмѣстѣ. Между прочимъ, Жуковскій въ этомъ письмѣ съ большою нѣжностью и участіемъ говоритъ о Карамзиной и ея дѣтяхъ. Но ужасно чувствовать со стороны, что на молодыхъ людей эти чувства, даже въ особѣ столь возвышенной по всему, никакого не производятъ впечатлѣнія. Сегодня же, прогуливаясь, я сошелся съ княгиней Мещерской, дочерью Карамзиной, и гуляя съ нею, долго разговаривалъ, между прочимъ, о Жуковскомъ. Я спросилъ ее, читала ли она его необыкновенно интересное письмо о свадьбѣ его и переводѣ *Одиссеи*. Прехладнокровно отвѣчая, что нѣтъ, она даже ни малѣйшаго не показала движенія, что ей хотѣлось бы это прочитать. *Она только умно замѣтила, что на Жуковскомъ здѣсь совершилось то, что мы обыкновенно относимъ въ будущую жизнь, а именно: полное вознагражденіе за добродѣтель*. Послѣ мнѣ встрѣтился Панаевъ, который, между прочимъ, замѣтилъ, что нынѣшній годъ Краевскому чистаго дохода приходится 70 т. Вотъ ужъ тутъ нельзя сказать, что надъ нимъ совершается то же, что надъ Жуковскимъ; напротивъ, тутъ только опять убѣждаешься, что мерзость и запустѣніе могутъ здѣсь блаженствовать...»

Что сантиментальная великосвѣтская барыня сороковыхъ годовъ въ удовлетвореніи старческихъ похотей могла видѣть перстъ Провидѣнія,

награду свыше за добродѣтель,—это въ порядкѣ вещей, и тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго, но Плетневъ, поддакивающій ей и умиляющійся за своего кумира, представляетъ собой такую вопіющую нелѣпость, нелѣпѣе которой трудно себѣ и представить. Понятно, что, будучи двадцатью годами моложе, при своихъ начитанности и солидной учености, Гротъ почти ни въ чемъ не соглашался со своимъ другомъ, и у нихъ безпрестанно возникали горячіе споры. Гротъ всячески старался сдерживаться, порою уступалъ своему другу или старался замять споръ. Съ одной стороны, уваженіе къ человѣку на 20 лѣтъ старшему, съ другой стороны, признательность за благодѣянія, которыми онъ былъ обязанъ Плетневу, видимо заставляли его соблюдать извѣстный тактъ. Но порою онъ невольно прорывался, и тогда во всей яркости обнаруживался весь контрастъ между друзьями. Такъ было, между прочимъ, и по вопросу о переводахъ Жуковскимъ *Одиссеи* и восточныхъ поэмъ съ нѣмецкаго, безъ знанія языка подлинниковъ. Плетневу очень было обидно, что Гротъ соглашался въ этомъ отношеніи не съ нимъ, а съ критикомъ *Отечественныхъ Записокъ* барономъ Розеномъ. «Критика Розена,—говоритъ онъ въ письмѣ 19 февраля 1849 г.,—вся есть образецъ безстыдства невѣжественнѣйшаго, унизительнаго для печати; а ты еще церемонишься съ нею. Понимаешь ли ты, что стóитъ только снять съ пера узду, а съ совѣсти чувство правоты и вооружиться наборомъ глупѣйшихъ выдумокъ,—тогда и пошла писать? Вотъ тебѣ и критика. Жуковскій во все время царствованія Николая I не долженъ былъ браться за перо? Это что? Гдѣ мы? Ужъ если на такія нелѣпости у насъ нѣтъ ни чутья, ни глазъ, такъ на что же мы годимся? Лучше бы тебѣ и не упоминать объ этой критикѣ, постыдной для Россіи. Къ счастью, баронъ Розенъ—остзеецъ. Да и то унизительно, что его впустили въ русскій журналъ. Хорошо еще, что *Сынъ Отечества* основанъ Гречемъ. Послѣ подобныхъ мнѣній нисколько не стыдно было бы нѣмцу написать: «Зачѣмъ Шиллеръ, написавъ свои *Идеалы,* принялся еще за *Вильгельма Теля,* за *Валленштейна* и другія подобныя имъ пошлости?» Мнѣ давно извѣстно, что энтузіазмъ мой къ Жуковскому для тебя сдѣлался какимъ-то анахронизмомъ моей жизни».

Гротъ отвѣчалъ на это въ письмѣ 21 февр. 1849 г.:

«Съ барономъ Розеномъ я согласенъ въ томъ, что онъ говоритъ, сравнивая нынѣшніе бѣлые стихи Жуковскаго съ прежними, полными гармоніи и созвучій. Потому-то и сказалъ я, что въ заключеніяхъ Розена есть нѣкоторая истина. Страсть Жуковскаго передавать по-русски восточныя и греческія поэмы по нѣмецкимъ переводамъ есть, конечно, слабость простительная, положимъ; я самъ не могу безъ уваженія читать стихотвореній цвѣтущей эпохи его таланта. Но для меня не существуетъ тѣхъ причинъ, которыя тебя заставляютъ и въ недостаткахъ его видѣть совершенство. Что касается до *Рустема,* то я еще не имѣлъ времени во второй разъ прочесть эту поэму (въ первый разъ я слышалъ ее у тебя). Лучшее для тебя доказатольство твоего пристрастія есть то, что люди столь различ-

ные, какъ Розенъ и я, *нѣсколько* сходимся въ сужденіяхъ, которыя ты считаешь литературною ересью... Впрочемъ, уважаю твое пристрастіе...»

Плетневъ въ письмѣ 26 февр. 1849 г. возражаетъ на это:

«Споры о Жуковскомъ, кажется, лучше прекратить намъ. Если ты находишь, что стихи его безъ риѳмъ, писанные въ послѣднее время, вялы и слабѣе прежнихъ, то мнѣ и отвѣчать тебѣ нечего... Одно скажу: у тебя нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ *Рустемъ,* а ты не почувствовалъ искушенія прочитать его со вниманіемъ. Вообще, я замѣчаю, что идеи наши въ эстетическомъ отношеніи столько же расходятся, какъ онѣ близки между собою въ прочихъ пунктахъ жизни и философіи. Итакъ, останемся каждый въ своей области искусства. И безъ него довольно предметовъ любви и поклоненія».

Споръ о Жуковскомъ, дѣйствительно, прекратился на нѣсколько мѣсяцевъ, но затѣмъ осенью того же года возобновился съ новою силой. Яблокомъ раздора послужилъ на этотъ разъ разборъ *Одиссеи* Жуковскаго, помѣщенный въ *Отечественныхъ Запискахъ.* Гротъ прочиталъ этотъ разборъ, имѣя передъ собою какъ подлинникъ Гомера съ другимъ переводомъ въ прозѣ, такъ и комментарій Крузіуса, изданный въ видѣ словаря къ поэмамъ Гомера, и нашелъ, что критикъ совершенно правъ и нельзя не быть на его сторонѣ. «Не зная греческаго языка, — говоритъ Гротъ въ письмѣ 16 сент. 1849 г., — конечно, можно быть вполнѣ довольнымъ *Одиссеею* Жуковскаго, но какъ безъ этого знанія судить о ней въ сравненіи съ подлинникомъ? Съ другой стороны, какъ было и переводить безъ этого перваго условія? Развѣ можно съ вѣрностью воспроизвести поэзію, не принявъ въ душу звуковъ и словъ, въ которые она облечена? Представь себѣ, что кто-нибудь сталъ бы переводить Пушкина или Крылова по подстрочному переводу на другой языкъ,—что вышло бы? Давно всѣми признана аксіома, что для хорошаго перевода необходимо въ равномъ совершенствѣ знать и тотъ языкъ, съ котораго переводишь, и тотъ, на который переводишь. Впрочемъ, окончательный судъ о трудѣ Жуковскаго произнесу тогда, когда провѣрю, по крайней мѣрѣ, бо́льшую часть его подлинниковъ. По нѣкоторымъ чертамъ нельзя судить: съ этимъ я самъ согласенъ».

Отъ Плетнева всѣ эти доводы отскочили, какъ горохъ отъ стѣны, и онъ продолжалъ упорно стоять на своей романтической точкѣ зрѣнія поэтическаго всевѣдѣнія. «Все, что ни говоримъ мы другъ другу,—писалъ онъ 21 сент. 1849 г.,—о трудѣ Жуковскаго, сходится въ заключеніи на одно. И я, и ты утверждаемъ, что для вѣрности перевода необходимо прежде всего знать по лексикону значеніе каждаго слова, и еще по грамматикѣ употребленіе его. То и другое сообщено было Жуковскому комментаріями дюссельдорфскаго эллиниста. Но тутъ не кончена исторія поэтическаго перевода. Какъ поэтъ, Гомеръ часто позволяетъ себѣ то, что и у насъ позволяли себѣ Крыловъ и Пушкинъ. Этого вполнѣ никому нельзя почувствовать, кромѣ поэта же. Вотъ тутъ-то Жуковскій и становится камнемъ

преткновенія для критика-прозаика. Его судить могли бы только равные ему поэты, каковыхъ у насъ нынѣ не имѣется. Въ какой степени пошлы замѣчанія *Отечественныхъ Записокъ*, видно изъ того, что онѣ толкуютъ о различіи устройства періодовъ Гомера и Жуковскаго, какъ будто это переводъ вродѣ Мартынова, предпринятый для облегченія изученія греческаго языка».

Со стороны Плетнева споръ этотъ кончился тѣмъ же, чѣмъ и предыдущій, т.-е. предложеніемъ прекратить толки о Жуковскомъ. «Заступничествомъ за него,—говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22 сент. 1849 г.,—я не прибавлю ни іоты къ его славѣ, такъ какъ и *Отечественныя Записки* ни іоты не отнимутъ изъ нея у него своими истязаніями. Слѣдовательно мы съ тобою только празднословимъ, если богъ вкуса не слилъ души наши въ единое чувство касательно поэзіи...»

Но на этотъ разъ Гротъ не сдался такъ легко, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а категорически выставилъ въ письмѣ 3 окт. 1849 г., въ заключеніе толковъ объ *Одиссеѣ* Жуковскаго слѣдующіе тезисы:

«1. Для перевода какого-нибудь чужеземнаго произведенія первое условіе—знаніе языка, на которомъ оно написано, потому что души нельзя постигнуть вполнѣ безъ образа (безъ ея собственнаго тѣла).

«2. Для перевода древняго поэта, сверхъ того, нужна основательная ученость, потому что безъ знанія археологіи легко впадать въ странные промахи.

«3. Даже истинный поэтъ не можетъ обойтись безъ этихъ двухъ условій, потому что одно поэтическое чувство не можетъ замѣнить знаній, точно такъ же, какъ и одни знанія не замѣнятъ таланта.

«4. О томъ, вѣренъ ли переводъ поэтическому чувству, можетъ судить всякій, кто самъ не лишенъ этого чувства; но въ какой степени переводъ вѣренъ духу подлинника и согласенъ съ нимъ въ подробностяхъ, можетъ судить лишь тотъ, кто знаетъ языкъ подлинника.

«5. Судъ человѣка, не читавшаго ни подлинника, ни лучшихъ его переводовъ на другіе языки, лишенъ всякаго ученаго основанія и авторитета.

«6. Критикъ можетъ въ нравственномъ и поэтическомъ отношеніи стоять гораздо ниже разбираемаго поэта и, при всемъ томъ, все-таки произносить вѣрныя сужденія.

«7. Въ журналѣ небезукоризненнаго издателя могутъ появляться хорошія статьи...»

Какъ всѣ эти тезисы, такъ въ особенности пятый, мѣтя, что называется, не въ бровь, а въ самый глазъ Плетнева, показываютъ намъ, до какой степени вывела Грота, наконецъ, изъ себя романтическая закорузлость и слѣпое пристрастіе друга.

VII.

Я уже говорилъ выше, что послѣ излюбленныхъ кумировъ (Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и Гоголя) вся послѣдующая русская литература

представлялась Плетневу сплошь одною мерзостью запустѣнія и никуда негоднымъ мусоромъ. Унаслѣдовавъ отъ своихъ корифеевъ вполнѣ раціональную ненависть къ петербургскимъ журналистамъ того времени, — Гречу, Булгарину, Сенковскому и Полевому,—онъ потомъ самъ уже присоединилъ къ этимъ именамъ имя Краевскаго и сталъ въ равной степени презирать и ненавидѣть всѣхъ писателей, которые имѣли какъ съ первыми, такъ и съ послѣднимъ какое-либо дѣло. Ненависть его къ Краевскому, если хотите, превышала ненависть ко всѣмъ прочимъ журналистамъ, взятымъ вмѣстѣ. Тутъ къ принципіальной враждѣ примѣшивалась еще личная, такъ какъ нигдѣ къ *Современнику* Плетнева не относились съ такою непочтительностью и такъ не прохаживались на его счетъ, какъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. По крайней мѣрѣ, Плетневъ не могъ заговорить о Краевскомъ и всѣхъ его сотрудникахъ, не употребивъ слова *мерзавцы*. «Съ Краевскимъ,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Гроту отъ 8 марта 1844 г.,—не надобно вѣдаться на маперъ прочихъ журналистовъ. Онъ не заслуживаетъ, чтобы ничтожнымъ именемъ его марать страницы *Современника*. Надобно чаще и рѣзче вносить статьи, противоположныя духу гнуснаго ученія *Отечественныхъ Записокъ*. Вотъ мой планъ, а не единоборство съ ними».

При встрѣчахъ съ Краевскимъ Плетневъ считалъ священнымъ долгомъ не отвѣчать на поклоны Краевскаго и съ особеннымъ злорадствомъ сообщаетъ онъ объ этомъ своему другу. Такъ, въ письмѣ отъ 12 апр. 1844 г., онъ пишетъ: «Вообрази, что сегодня мнѣ пришлось у П. Максимовича обѣдать съ Краевскимъ. Этотъ *мерзавецъ* осклабился при произношеніи «здравствуйте» и думалъ, что я подамъ ему руку; но я этого не сдѣлалъ, ничего съ нимъ не говорилъ, старался не оставаться въ той комнатѣ, гдѣ сидѣлъ онъ, и послѣ кофе тотчасъ ушелъ къ себѣ домой».

Подобное же сообщеніе дѣлаетъ онъ въ письмѣ отъ 20 янв. 1845 г. «У П. Максимовича опять обѣдалъ Краевскій. Я даже и не взглянулъ на него. За столомъ я сѣлъ съ правой руки хозяина, чтобы не быть рядомъ съ этой піявкой. А хозяйка приказала подавать кушанья съ моего конца. Не знаю, понялъ ли Краевскій, какъ онъ всѣмъ тутъ противенъ».

Успѣхъ *Отечественныхъ Записокъ* онъ объяснялъ не иначе, какъ тѣмъ, что Краевскій подкупилъ читавшаго *Отечественныя Записки* цензора Никитенка, и тотъ дозволялъ печатать на страницахъ этого журнала то, о чемъ въ другихъ журналахъ не смѣли и думать. Такъ, въ письмѣ 8 апр. 1844 г. Плетневъ пишетъ: «Послѣ лекціи, прогуливаясь, зашелъ къ Вяземскому. Онъ слышалъ, будто Краевскій платитъ ежегодно Никитенкѣ по 20 тыс. Это вздоръ: послѣдній удовольствуется и одной первой цифрою безъ нуля. Это, однако же, доказываетъ, какъ весь городъ пораженъ неравенствомъ тона въ журналахъ».

Вскорѣ послѣ того Плетневу представился было случай уравнять тонъ петербургскихъ журналовъ и въ достаточной мѣрѣ покарать своихъ враговъ. Попечитель С.-Петербургскаго округа и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, князь Волконскій, уѣзжая въ

Фалль, поручилъ Плетневу исправлять его должность; но—увы!—счастіе на этотъ разъ улыбнулось Плетневу лишь издали, потому что попечитель предоставилъ ему вѣдать лишь учебныя дѣла округа, но, въ то же время, освободилъ его отъ участія въ дѣлахъ по цензурному комитету, членамъ котораго предоставлено было самимъ руководствоваться своимъ уставомъ. Это распоряженіе попечителя Плетневъ не могъ иначе объяснить, какъ происками своихъ враговъ. «Я понялъ,—пишетъ онъ своему другу отъ 20 апр. 1844 г.,—что Краевскій предчувствовалъ для себя что-нибудь нерадостное отъ новаго начальства и, согласно *съ выгодами* Никитенка, уговорилъ послѣдняго настроить на эту мѣру Волконскаго, человѣка чистаго, не понимающаго причины ихъ тѣсныхъ связей. Но все къ лучшему. *Я не введенъ во искушеніе воевать открыто* съ этими мерзавцами, а они своей дерзостью и сами рано или поздно доканаютъ себя».

Но если въ 1844 году Плетневу не удалось вступить въ подобнаго рода *открытый бой* со своими литературными врагами, за то въ слѣдующемъ 1845 году ничто уже не препятствовало ему въ этомъ. Князь Волконскій оставилъ мѣсто попечителя, и временно былъ назначенъ управлять дѣлами округа, не исключая и предсѣдательства въ цензурномъ комитетѣ, Плетневъ. И вотъ что читаемъ мы въ дневникѣ Никитенка отъ 8 марта 1845 г.:

Марта 8. Плетневъ предсѣдательствуетъ въ цензурномъ комитетѣ. Первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы—это притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ, а они почти всѣ ему непріязненны, ибо не обращаютъ вниманія на его бѣдный *Современникъ*. Болѣе всего онъ ожесточенъ противъ *Отечественныхъ Записокъ*, которыя какъ-то разъ легонько посмѣялись надъ романомъ *Семейство*, покровительствуемымъ имъ. Теперь Плетневъ вздумалъ провѣрять: издаются ли журналы точь-въ-точь по программѣ, которая была утверждена правительствомъ, то-есть не помѣщаютъ ли журналисты въ своихъ изданіяхъ такихъ статей, которыя не были поименованы въ первоначальной программѣ? Оказалось, что всѣ отступили отъ нея, болѣе или менѣе, и это въ первый годъ своего существованія. Особенно виноваты въ этомъ смыслѣ *Отечественныя Записки*, которыя сначала не обѣщались помѣщать иностранныхъ новостей, а теперь помѣщаютъ. Обстоятельство это никогда не считалось въ цензурѣ важнымъ. Она знала, что всѣ наши журналы стремятся быть энциклопедическими, и это весьма естественно: спеціальные журналы еще не могутъ у насъ существовать. Всякій редакторъ спѣшитъ взять верхъ надъ своими товарищами объемомъ и разнообразіемъ своего журнала. Цензура заботилась только о томъ, чтобы журналы не нарушали правилъ ея и не касались предметовъ, предоставленныхъ другимъ цензурамъ: духовной, военной и проч. Плетневъ, поднимая этотъ вопросъ, воздвигалъ страшную бурю и повергалъ въ затрудненіе самого министра, который въ началѣ каждаго года утверждаетъ существованіе журнала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уже существовалъ передъ тѣмъ. Я вступилъ въ споръ съ Плетневымъ и успѣлъ заставить его отмѣнить это намѣреніе. Но хороши мои товарищи: одни поддакивали Плетневу, другіе молчали, предоставляя мнѣ одному сражаться и побѣждать. Особенно поразилъ меня Куторга, который всегда такъ много толкуетъ о гуманныхъ началахъ: на этотъ разъ онъ настаивалъ, чтобы предложеніе предсѣдателя было уважено. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ не изъ дурныхъ побужденій,—онъ честный человѣкъ,—а по легкомыслію и недостатку твердости, которые часто повергаютъ его въ противорѣчія съ самимъ собою. Какъ бы то ни было, бой былъ жаркій, и хотя я одержалъ побѣду, однако не увѣренъ въ прочности ея.

- 15. Не даромъ сомнѣвался я въ Плетневѣ. Въ среду, въ дружескихъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ, онъ подтвердилъ мнѣ то же, а сегодня мы получили предписаніе министра, который, „увидѣвъ, что нѣкоторые журналы самопроизвольно отступили отъ своихъ программъ, предписываетъ ввести ихъ въ предѣлы". На этотъ разъ, однако, весь комитетъ возсталъ. Мнѣ поручено написать отвѣтъ министру. Жаркія пренія. Плетневъ, который кромѣ того покушался еще на другія стѣснительныя распоряженія по цензурѣ, разбитъ на всѣхъ пунктахъ. Я больше всего поражаю его закономъ. Была прочитана статья устава, по которой права предсѣдателя являются очень ограниченными въ томъ, что касается цензурованія. На этотъ разъ всѣ дѣйствовали единодушно и твердо, и Плетневъ былъ разбитъ въ пухъ. Пробовалъ онъ придраться и къ *Библіотекѣ для Чтенія*: въ программѣ ея объявлено, что „она будетъ печатать переводныя *повѣсти*, а она печатаетъ *романы*, какъ, напримѣръ, *Вѣчный Жидъ*.

— Какую же существенную разницу полагаете вы,—спросилъ я,—между повѣстью и романомъ? Мы оба съ вами профессора словесности, и я, по крайней мѣрѣ, не могу опредѣлить иначе повѣсть, какъ повѣсть есть романъ, а романъ, какъ романъ есть повѣсть. Бѣдная, бѣдная наша литература!

Судите сами, насколько похожъ здѣсь Плетневъ на того исполненнаго благодушной елейности, какимъ расписываетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ, который, конечно, никогда не сталкивался съ нимъ въ практикѣ жизни, а встрѣчался лишь въ салонахъ. Особенно наглядно и курьезно рисуется Плетневъ во всемъ разладѣ своихъ словъ и дѣлъ въ письмѣ къ Гроту отъ 27 февр. 1846 г., по случаю смерти Н. А. Полевого. Неожиданная смерть эта глубоко поразила весь литературный міръ и, между прочимъ, самого Плетнева, и вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ вышеозначенномъ письмѣ:

«... бѣдный Полевой (Н. А.) умеръ вечеромъ въ 11 часовъ въ прошлую пятницу (22 февраля) отъ нервной горячки. Много идей волновало меня при этомъ извѣстіи. Преобладающая была та, что я недоволенъ былъ собою. Все говорю я о духѣ христіанства, о любви къ человѣчеству, о самосовершенствованіи, о смиреніи, а сколько лѣтъ ношу въ сердцѣ это гнусное чувство вражды къ нѣкоторымъ писателямъ, *осквернилъ свой языкъ ругательствомъ ихъ*, радуюсь ихъ несчастіямъ и даже безчувственно встрѣчалъ смерть ихъ. Это—верхъ испорченности сердца. Кто мнѣ далъ право считать ихъ ниже себя оттого только, что они иначе думаютъ и иначе дѣйствуютъ, нежели я? Одно только препятствуетъ мнѣ полюбить ихъ: это—продажность ихъ убѣжденій и развратъ, распространяемый ими въ молодомъ поколѣніи. По крайней мѣрѣ, если Богъ и растворитъ мое сердце любовію къ нимъ, я буду стараться забывать ихъ, не писать о нихъ, не говорить, а тѣмъ менѣе ругать и злословить ихъ. Братъ, поддержи меня въ этомъ намѣреніи».

И вдругъ въ томъ же самомъ письмѣ, черезъ нѣсколько строкъ, тотъ же самый Плетневъ, который въ сокрушеніи сердца обѣщалъ стараться не злословить своихъ враговъ, пишетъ:

«У Максимовича обѣдалъ со мною Краевскій. Полевой умеръ наканунѣ, а этотъ еще ничего не зналъ, между тѣмъ по *Литературной газетѣ* могъ бы онъ имъ сколько-нибудь поинтересоваться. *Это—нравственное чудовище*».

VIII.

Я говорилъ уже выше, что ненависть свою къ Краевскому Плетневъ распространилъ и на всѣхъ ученыхъ и писателей, которые находились съ нимъ въ какихъ бы то ни было соприкосновеніяхъ. Такимъ образомъ ему приходилось отрицать цѣлый рядъ такихъ знаменитостей своего времени, какъ Грановскій, Лермонтовъ, Бѣлинскій и т. п. Такъ, когда въ письмѣ отъ 11 апрѣля 1845 г. Гротъ, болѣе, чѣмъ его старый другъ, уважавшій современныхъ знаменитостей, сообщилъ Плетневу, что, между прочимъ, намѣревается познакомить своихъ слушателей съ Грановскимъ и затѣмъ напечатать извлеченіе изъ своихъ лекцій въ финляндскихъ газетахъ, Плетневъ отвѣчалъ ему на это въ письмѣ отъ 12 апрѣля 1845 г.: «очень умно дѣлаешь, что сообщаешь въ *Листки* о замѣчательныхъ современностяхъ нашей литературы, какъ, напримѣръ, о великомъ предпріятіи Жуковскаго, о трудахъ Шевырева и о Грановскомъ. Только умоляю тебя, будь осмотрителенъ и не увлекайся гласностью. Напримѣръ, я знаю, что Грановскій—не историческое явленіе, какъ профессоръ. Онъ безъ малѣйшей способности къ творчеству въ наукѣ. Толпа подымаетъ его, въ противоположность профессорамъ старымъ, точно такъ, какъ въ журнальномъ мірѣ себялюбивые юноши изъ Краевскаго создали себѣ кумиръ журнальный, или какъ у насъ въ университетѣ изъ М. Куторги, мелкаго ума, слушатели создали геніальнаго профессора исторіи, тогда какъ онъ, говоря правду, не только не выше Шульгина, но гораздо помельче его. Все новое, особенно явившееся изъ-за границы, въ нашей молодежи производитъ энтузіазмъ. Она ждетъ тутъ новыхъ воззрѣній, открытій, смѣлыхъ мыслей, гордой оппозиціи—и потому благопріятствуетъ даже нелѣпымъ выходкамъ противъ устарѣлаго порядка, не понимая, что для великаго преобразованія надобно родиться генію, который, и не ѣздивъ за границу, произведетъ его,—примѣръ въ Пушкинѣ. Итакъ, Грановскому не надобно давать значенія, а отозваться слегка, повѣствовательно. Другое дѣло—Жуковскій»...

Гротъ возражалъ Плетневу на это довольно, какъ увидите, уклончиво въ письмѣ отъ 21 апрѣля: «Откуда ты знаешь Грановскаго? Надобно думать, что у него увлекательная манера и даръ слова; Герцъ очень уважаетъ его и хвалитъ особенно за обширныя свѣдѣнія и за краснорѣчіе. Онъ увлекъ всю Москву; безъ таланта трудно въ этомъ успѣть. Впрочемъ, замѣчанія, которыя ты по этому случаю дѣлаешь, вообще очень справедливы»...

Возраженіе это, при всей своей почтительности, задѣло однако же Плетнева за живое, и въ письмѣ отъ 28 апрѣля онъ разразился цѣлою филиппикою противъ Грановскаго. «Пора убѣдиться,—пишетъ онъ,—что преобладающее повсюду на землѣ число субъектовъ есть число обыкновенностей, пошлецовъ, дряни, близорукихъ. И это во всемъ: въ литературѣ, въ профессіи, въ наукахъ, въ журналистикѣ, въ художествахъ. Ни климатъ, ни кровь, ни вѣкъ, ни нація, ни мѣсторожденіе, ни мѣстопребываніе, ни общество, ни связи—ничего не опредѣляютъ въ строгомъ смыслѣ.

Важенъ единственно индивидуумъ, его личныя качества—и не фразы его, которыя чудесны во всѣхъ почти устахъ, а одни дѣла, дѣла постоянныя. Вотъ почему я рѣшительно пересталъ вѣрить такъ называемымъ репутаціямъ, когда извѣстность мнѣ дѣлъ противорѣчитъ имъ. Вотъ почему не могу и не долженъ вѣрить я въ достоинства Грановскаго. Онъ учился у меня въ университетѣ. Этого мало: онъ былъ принятъ у меня въ домѣ, какъ, напримѣръ, ты въ первые годы нашего знакомства. Слѣдовательно, онъ знаетъ мои идеи, мою литературную любовь и все, что я нахожу въ себѣ еще святымъ и достойнымъ уваженія образованныхъ людей, особенно людей съ талантами. Грановскій, возвратясь изъ Берлина, ни разу не отозвался ко мнѣ ни какъ къ профессору, ни какъ къ знакомому, ни какъ къ литератору, ни какъ къ журналисту. Онъ между тѣмъ могъ чувствовать различіе между мною и Краевскимъ—и вдругъ нынѣшній годъ поручилъ этому мерзавцу публиковать, что онъ, Грановскій, сотрудникъ его, Краевскаго. Что у Грановскаго нѣтъ краснорѣчія, это неоспоримо, потому что онъ—заика. Что у него нѣтъ истиннаго таланта, это опять вѣрно. Иначе не связался бы онъ съ пошлѣйшимъ журналистомъ. Что у него нѣтъ истинныхъ знаній, это видно изъ того, что онъ ищетъ подпоры въ невѣжественномъ журналѣ. А у него есть выписки изъ нѣмецкихъ лекцій и есть нѣмецкія книги, что̀ въ моихъ глазахъ безъ собственнаго таланта равно нулю. Повторяю: стремленіе къ новизнѣ въ слушателяхъ, ихъ невѣжество и мстительность партіи, противной Шевыреву,—вотъ лѣстница, поднявшая Грановскаго»...

Тирада эта показываетъ намъ наглядно, какъ много чисто-личнаго элемента вносилъ Плетневъ во всѣ свои симпатіи и антипатіи. Интересно было бы знать, какъ отзывался бы Плетневъ о Грановскомъ, еслибъ измѣнились лишь два условія: еслибы Грановскій по возвращеніи изъ-за границы сдѣлалъ ему визитъ и сталъ бы сотрудничать не въ *Отечественныхъ Запискахъ*, а въ *Современникѣ*. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что именно одни только эти условія играютъ существенную роль въ различіи отношеній Плетнева къ Тургеневу и Лермонтову. Тургеневъ, какъ извѣстно изъ его воспоминаній, будучи еще студентомъ, обратился къ Плетневу со своею фантастическою драмою *Стеніо*, прося оцѣнки и признанія въ немъ таланта. Плетневъ на одной изъ своихъ лекцій читалъ и разбиралъ стихотвореніе, а затѣмъ черезъ годъ напечаталъ въ *Современникѣ* стихотвореніе Тургенева *Дубъ;* затѣмъ Тургеневъ не переставалъ бывать иногда на «средахъ» Плетнева, и этого было достаточно, чтобы изъ молодыхъ поэтовъ Плетневъ признавалъ одного Тургенева. Лермонтова же, не захотѣвшаго познакомиться съ Плетневымъ, не посѣщавшаго его «средъ», пріятеля Краевскаго и сотрудника *Отечественныхъ Записокъ*, Плетневъ почти совсѣмъ не признавалъ, считая ничѣмъ болѣе, какъ жалкимъ подражателемъ Пушкину, и постоянно шипѣлъ, какъ только приходилось въ письмахъ къ Гроту говорить о немъ. Такъ, въ письмѣ отъ 21 ноября 1840 г. мы читаемъ: «Отъобѣдавъ, мы принялись дочитывать *Героя на-*

шего времени. Признаюсь, никогда не ожидалъ я, чтобы человѣкъ съ талантомъ, какъ Лермонтовъ, былъ до такой степени утомителенъ и даже несносенъ, какимъ въ своей Княжнѣ Мери. Всѣ тутъ лица ни на что не похожи,—изъ рукъ вонъ, какъ говорится. И все это сдѣлано для того, что Лермонтовъ считаетъ за верхъ ума презрѣніе къ женитьбѣ».

Узнавши отъ Грота, что Марманъ собирается перевести на шведскій языкъ *Героя нашего времени*, Плетневъ пишетъ своему другу въ письмѣ отъ 3 нояря 1843 г. «Изъ *Героя нашего времени* можно бы перевести только *Бэлу*, да другую, гдѣ дѣйствіе происходитъ на Черномъ морѣ. А повѣсть о кавказскихъ минеральныхъ водахъ для меня дрянь. Уткни Мермана на повѣсти Бѣлкина, Пушкина. Тутъ много вѣчно интереснаго, особенно *Выстрѣлъ* и *Дочь станціоннаго смотрителя*».

Извѣстенъ фактъ, предаваемый въ книгѣ *Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ*, что изданный отдѣльно въ 1840 году *Герой нашего времени* долго не шелъ въ продажѣ, несмотря на всѣ весьма лестные отзывы печати. Но стоило только Булгарину похвалить романъ въ своей *Сѣверной Пчелѣ*—и вдругъ изданіе пошло въ ходъ и было быстро распродано. Плетневъ не зналъ объ эффектѣ рецензіи Булгарина, но самая рецензія Булгарина поразила его своею неожиданностью, и вотъ что̀ въ письмѣ отъ 1 ноября 1840 г., онъ пишетъ Гроту, съ которымъ въ то время былъ еще на *вы*: «Вообразите, что теперь сдѣлалъ Булгаринъ. Передъ эпохою собиранія новой подписки на газетишку свою онъ вьется, точно угорь или змѣя. Почувствовавъ, что никто не вѣритъ уже его возгласамъ, онъ для убѣжденія публики въ безпристрастіи своемъ напечаталъ такую похвалу роману Лермонтова, какой никто не писывалъ ни Шекспиру, ни Гомеру. Бранивъ прежде Лермонтова при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ думаетъ вдругъ привлечь къ себѣ похвалы всѣхъ за справедливость, любовь къ истинѣ и самоотверженіе».

Появленіе рецензіи Булгарина, произведшей такую сенсацію и эффектъ, въ упомянутой книгѣ *Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ*, объясняется просто тѣмъ, что издатели, видя неуспѣхъ книги, несмотря на отзывы о ней Бѣлинскаго, сами обратились къ Булгарину и просили его дать о ней отзывъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Между тѣмъ среди враговъ и недоброжелателей Лермонтова не замедлила сложиться о происхожденіи рецензіи особенная легенда, весьма компрометировавшая Лермонтова. Такъ, на вопросъ Грота въ письмѣ отъ 20 декабря 1840 г.: «Какой пружинѣ приписать неумѣренныя похвалы *Пчелы* Лермонтову?»—Плетневъ отвѣчалъ въ письмѣ отъ 2 января 1841 г.: «На первое изъ литературныхъ замѣчаній отвѣчаю: бабушка Лермонтова, сокрушающаяся объ его отсутствіи, вообразила въ простотѣ души, что преклонитъ всѣ сердца въ пользу своего внука, если заставитъ хвалить его всѣхъ и повсюду; вообразивъ это, рѣшилась поднести, въ простотѣ же души, 500 р. асс. Ѳад. Булгарину. Ну, тотъ, какъ неподкупный судья, и бросилъ въ *Пчелу* двѣ хвалебныхъ статейки, показавъ тѣмъ, что не омакиваетъ пера

въ чернильницу менѣе какъ за 250 р. асс. Это я узналъ у Карамзиныхъ, которые, особенно Софья Николаевна, очень интересуется судьбою Лермонтова».

Вообще, не уважая въ Лермонтовѣ поэта, Плетневъ не щадилъ въ немъ и человѣка. Такъ, въ письмѣ отъ 8 ноября 1840 г. съ злорадствомъ сообщаетъ онъ мнѣніе о Лермонтовѣ кн. Вяземскаго. «Вяземскій,—читаемъ мы,—много, умно и откровенно говорилъ со мной о Пушкинѣ покойникѣ. Отдавая всю справедливость его уму и таланту, онъ находитъ, что ни первая молодость его, ни жизнь вообще не представляютъ того, что̀ бы внушало къ нему истинное уваженіе и участіе. Виною—обстоятельства, родители, знакомство и духъ времени. Но Лермонтовъ, поэтъ, за дуэль съ сыномъ Баранта сосланный изъ гусарскаго полка на Кавказъ, конечно, еще менѣе Пушкина заслуживаетъ соучастія къ судьбѣ своей, потому что Пушкинъ дѣйствовалъ не въ подражаніе кому-либо, а по несчастному стеченію обстоятельствъ, соблазнившихъ его; Лермонтовъ же гонится за извѣстностью въ роли Пушкина,—и тѣмъ смѣшонъ; таково о немъ мнѣніе Вяземскаго же». Даже безвременная трагическая смерть Лермонтова не возбудила въ Плетневѣ ни малѣйшей искры сожалѣнія или мало - мальски теплаго чувства. Такъ, въ письмѣ 15 августа 1841 г., онъ разсказываетъ, что былъ у попечителя и тотъ, между прочимъ, разсказывалъ ему нѣкоторыя подробности о дуэли Лермонтова. «Видно,—прибавляетъ Плетневъ къ этому сообщенію,—что этотъ человѣкъ не дорожилъ жизнію и не нашелъ въ ней источника высшей дѣятельности. Богъ знаетъ: молодость ли тому причиной, или *неясность идеи высокаго происхожденія человѣка?*»

И только!... Итакъ, Лермонтовъ, не ясно сознававшій идею высокаго происхожденія человѣка, и Плетневъ, отлично, конечно, ее себѣ усвоившій— вотъ до какихъ абсурдовъ можетъ доводить людей мелкая личная вражда, какою былъ въ этомъ случаѣ преисполненъ Плетневъ.

IX.

Что касается Бѣлинскаго, то взгляды Плетнева на знаменитаго критика мѣнялись сообразно измѣненію взглядовъ самого Бѣлинскаго и тому, въ какихъ журналахъ онъ участвовалъ. Такъ, пока Бѣлинскій жилъ въ Москвѣ, писалъ статьи въ духѣ чистаго искусства и восхвалялъ патріотическія оды Пушкина, Плетневъ относился къ нему какъ нельзя болѣе благосклонно. Такъ, на замѣчаніе Грота въ письмѣ отъ 4 декабря 1840 г., что «когда языкъ и слухъ должны останавливаться на широкихъ подробностяхъ Бѣлинскаго, онѣ утомительны, но когда глазъ можетъ слегка скользить по нимъ, умъ вбираетъ сокъ изъ его статей, и онѣ занимательны», Плетневъ въ письмѣ отъ 10 декабря 1840 г. отвѣчаетъ: «О Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства». Но едва успѣлъ Бѣлинскій перейти въ ненавистныя Плетневу *Отечественныя Записки*, какъ вы не встрѣчаете уже въ письмахъ Плетнева иныхъ

отзывовъ о Бѣлинскомъ, какъ самыхъ презрительныхъ и злобныхъ. Такъ, въ письмѣ отъ 24 января 1841 г. мы читаемъ: «Особенно взбѣсила меня статья Бѣлинскаго въ № 1 *Отечественныхъ Записокъ*: *Взглядъ на русскую литературу 1840 г.* Такой вздоръ, такая односторонность, такой произволъ, такое пристрастіе, что гадко!...» Въ письмѣ же отъ отъ 3 февраля 1843 г. мы читаемъ: «Началъ было читать и о Державинѣ Бѣлинскаго,—нѣтъ силъ выдержать его философскія потуги. Онъ не только не исправляется, но все уходитъ въ глубь и въ даль неясности и завиранья» и т. п.

Гротъ, какъ человѣкъ молодой и ровесникъ Бѣлинскаго, далеко, конечно, не раздѣлялъ ожесточенія Плетнева противъ послѣдняго, однако, долго сдерживался, но, наконецъ, не выдержалъ, и у него произошелъ съ другомъ большой споръ по поводу статьи Бѣлинскаго о Баратынскомъ, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1844 г. Поводомъ къ спору послужило одно мѣсто статьи, довольно, надо признаться, ядовитое, въ которомъ Бѣлинскій, опредѣляя идею, проникающую поэзію Баратынскаго, разбираетъ подробно произведеніе его *Послѣдній поэтъ*. Въ произведеніи этомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Баратынскій «высказался весь со всею тайной своей поэзіи, со всѣми ея достоинствами и недостатками».

„Настоящій вѣкъ, — говоритъ Бѣлинскій, — служитъ исходнымъ пунктомъ его мысли, *по немъ* онъ дѣлаетъ заключеніе, что близко время, когда проза жизни вытѣснитъ всякую поэзію, высохнутъ растлѣнныя корыстью и разсчетомъ сердца людей, и ихъ вѣрованіемъ сдѣлается „насущное“ и „полезное“. Какая страшная картина! Какъ безотрадно будущее! Поэзіи больше нѣтъ. Куда же дѣвалась она?—„исчезла при свѣтѣ просвѣщенія“... Итакъ, поэзія и просвѣщеніе—враги между собою? Итакъ, только невѣжество благопріятно поэзіи? Неужели это правда? Не знаемъ: такъ думаетъ поэтъ—не мы... Впрочемъ, поэтъ говоритъ не о поэзіи, но о „ребяческихъ снахъ поэзіи“, а это—другое дѣло! Посмотримъ, какъ разовьется далѣе мысль поэта:

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Дышетъ роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ:
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ;
Цвѣтетъ Парнасъ!—предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ:
Нежданный сынъ послѣднихъ силъ природы,
Позналъ поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Теперь любопытно, о чемъ онъ поетъ: любопытно потому особенно, что въ его пѣснѣ ясно должна высказаться мысль автора этой пьесы.

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,

И науки, *имъ ослушной,*
Пустоту и суету;
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!

А, вотъ что, теперь мы понимаемъ! Наука ослушна, т.-е. непокорна любви и красотѣ; наука пуста и суетна! Нѣтъ страданій глубокихъ и страшныхъ, какъ основного первосущнаго звука въ аккордѣ бытія; страданіе момолетно—его должно исцѣлить легкомысліемъ; въ дни незнанья (т.-е. невѣжества) земля лучше чувствуетъ радость.

Это стихотвореніе написано въ 1835 году отъ Р. Х.!...

Это мѣсто и послужило яблокомъ раздора между Плетневымъ и Гротомъ по вопросу какъ о Бѣлинскомъ вообще, такъ и его статьѣ о Баратынскомъ. Гроту понравилась статья, и въ письмѣ отъ 22 февраля 1843 г. онъ выразилъ одобреніе ея: «Во вторникъ, — писалъ онъ, — прочелъ изъ *Отечественныхъ Записокъ* статью (Бѣлинскаго) о Баратынскомъ и вообще остался ею доволенъ».

Не говоря уже о томъ, что статья была написана ненавистнымъ Бѣлинскимъ, Баратынскій, самъ по себѣ принадлежа къ плеядѣ Пушкина, былъ въ глазахъ Плетнева неприкосновеннымъ; понятно, что замѣчаніе Грота вывело Плетнева изъ себя, и вотъ въ письмѣ отъ 6 марта 1843 г. онъ пишетъ: «Послѣ обѣда читали вторую статью о Державинѣ изъ *Отечественныхъ Записокъ*. Здѣсь тотъ же кривой толкъ о поэзіи, какъ и въ статьѣ о Баратынскомъ. Бѣлинскій задаетъ себѣ тему, что долженъ писать поэтъ. Послѣ прикладываетъ къ этой задачѣ произвольно выбираемыя изъ него мѣста, имѣющія сходный предметъ съ его темою. Встрѣчая у поэта особенности отъ его произвольныхъ требованій, онъ начинаетъ глумиться надъ авторомъ, называя его рабомъ идей того вѣка или поклонникомъ тогдашнихъ народовъ, и думаетъ, что прекрасно уничтожаетъ тѣмъ его достоинство, подтверждая, что оно почувствовано лишь Лермонтовымъ, который, по его воззрѣнію, вездѣ вѣренъ одной высоко-философической идеѣ: ругать и презирать человѣчество въ видѣ произвольно сотворенныхъ имъ уродовъ. Вотъ его всегдашняя метода критики, которую ты похвалилъ»...

Въ отвѣтъ на это Гротъ замѣчаетъ въ письмѣ отъ 9 марта 1843 г. «Не знаю, почему несправедливо замѣчаніе Бѣлинскаго, что Баратынскій въ новыхъ стихахъ своихъ возстаетъ противъ науки, и какое оправданіе придумаете вы, его защитники?» Это замѣчаніе Грота еще въ большей степени вывело Плетнева изъ себя, и въ письмѣ отъ 14 марта 1843 г. онъ возражаетъ: «Баратынскій, изображая поэтически прелесть вѣры человѣка въ тайныя внушенія чистой природы и холодность сердца при торжествѣ слѣпого мудрованія, нисколько не возстаетъ противъ науки,—и стыдно тебѣ, что самыя поэтическія изліянія не разогрѣваютъ сердца твоего, какъ будто бы и ты былъ то же, что лжесвидѣтель Бѣлинскій, который придирается къ словамъ, а не къ сущности поэзіи. Еслибъ я сказалъ, что предвѣщаніе

сердца святѣе опытовъ и указаній ума, это не значило бы, что я защищаю невѣжество, а только выражало бы прекрасное моментальное настроеніе души, и вооружаться противъ него со всѣми придирками критика-квартальнаго значитъ не понимать сущности и жизни поэзіи. Поэтъ даже можетъ быть полонъ противорѣчія, потому что онъ управляется впечатлѣніями, которыя подобно природѣ, ихъ созидающей, измѣняются ежеминутно. Только не рожденный поэтомъ выдумываетъ и сочиняетъ философію для поэзіи... Любимая твоя наука (антропологія) не въ философскихъ сочиненіяхъ профессоровъ и академиковъ, а въ драмахъ Шекспира, въ поэмахъ Данте, въ исторіи Тацита. Вотъ гдѣ надо ее изучать».

Вотъ что отвѣчалъ на это Гротъ въ письмѣ отъ 22 марта 1843 г.: «славно ты меня отдѣлалъ за Баратынскаго. Но я радъ, что далъ тебѣ случай набросать нѣсколько идей, сильно тобою чувствуемыхъ. Вполнѣ ли онѣ могутъ быть примѣнены къ Баратынскому, о томъ судить теперь еще не берусь, потому что не довольно изучилъ его... Напрасно ты «осуждаешь предметъ моей любви», т.-е. антропологію, какъ самобытную науку, и велишь искать ее у Шекспира, Данте и Тацита. Согласенъ, что есть часть антропологіи, которую изъ жизни лучше можно узнать, нежели изъ книгъ, именно сердце и страсти человѣка; въ этомъ отношеніи названные тобою писатели, конечно, могутъ служить пособіемъ для антропологіи. Но изъ нихъ не узнаешь ни состава типа, ни законовъ таинственной связи его съ душою, ни естественной исторіи рода человѣческаго и проч., и потому только антропологія въ видѣ науки можетъ отчасти удовлетворить любознательность человѣка, желающаго узнать самого себя. Къ сожалѣнію, эта наука нынѣ находится еще въ состояніи, или лучше возрастѣ дѣтства».

Плетневъ глубокомысленно возражалъ на это въ письмѣ отъ 31 марта 1843 г.: «Для того, чтобъ узнать составъ тѣла, нужна, кажется, анатомія. А о таинственной связи между тѣломъ и душой никакая наука тебѣ ничего вѣрнаго не разскажетъ. И остается только пользоваться вѣрными наблюденіями надъ свойствами нашихъ страстей и другихъ свойствъ души, что̀ рѣшатъ одни геніальные писатели, мною названные, а не профессора антропологіи, безсознательно повторяющіе другъ друга, подобно какъ учителя реторики и піитики повторяютъ правила слога и мыслей, не почувствовавъ сами ни разу, что такое слогъ и что такое самобытная мысль»...

На этотъ разъ Гротъ въ свою очередь вышелъ изъ себя, и имѣлъ полное основаніе, видя передъ собою ректора столичнаго русскаго университета, отрицающаго вдругъ такія почтенныя науки, какъ антропологію, и вотъ что отвѣчалъ онъ своему другу въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1843 г.: «Когда ты въ первый разъ возсталъ на антропологію, я принялъ это за полушутку, но теперь съ удивленіемъ вижу, что ты серьезно нападаешь на эту науку. Не забудь однакоже, что прежде, нежели докажешь ея безполезность, надобно тебѣ ниспровергнуть и вообще *науку*, потому что для того, кому свята наука, ни одна вѣтвь знанія не можетъ показаться безполезной. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли въ природѣ какія-нибудь точныя

разграниченія знаній, и не всѣ ли они—вѣтви одного и того же дерева, которыя всѣ поддерживаютъ одна другую и всѣ болѣе или менѣе способствуютъ къ нашему усовершенствованію? Только люди раздѣлили ихъ на *науки*, какъ будто чуждыя одна другой. Призваніе всѣхъ ихъ одно: знакомить насъ съ разными сторонами и точками необъятнаго міра Божьяго. Какъ же ты могъ, подобно слѣпой односторонности, вдругъ вооружиться противъ той науки, которая едва ли не болѣе всякой другой имѣетъ право на вниманіе человѣка? Къ сожалѣнію, я уже не въ первый разъ замѣчаю въ тебѣ направленіе, противное ученію. Браня меня за безчувственность къ поэзіи, ты не замѣчаешь, что самъ впадаешь въ противную крайность; неудивительно, что ты сходишься съ Баратынскимъ въ той идеѣ его, на которую напалъ Бѣлинскій. Ты съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ говоришь о *профессорахъ*, но сознаешь, что порицанія заслуживаетъ между ними—какъ бездарные педанты, такъ и тѣ, которые, вопреки своему призванію, вмѣсто того, чтобы быть жрецами истины и слѣдовательно науки, не радѣютъ о распространеніи ея святого царства и хотятъ доказать, что всякій профессоръ—непремѣнно пустой педантъ. Но растолкуй же значеніе, относительно къ человѣчеству, тѣхъ тружениковъ, которые добросовѣстно и умно посвящаютъ всю свою жизнь изслѣдованію истины и слѣдовательно распространенію свѣта. Ужели такіе люди не могутъ встрѣчаться между профессорами, и ужели труды ихъ непремѣнно будутъ безразсудны и безуспѣшны, если они обратятъ свою дѣятельность на изслѣдованіе законовъ человѣческой природы, внѣшней и внутренней, т.-е. на *антропологію*? Изъ того, что эта наука еще не достигла окончательнаго развитія, нельзя заключать, что она никуда негодится. Наконецъ, спрашиваю: ежели книга объ антропологіи написана тщательно умнымъ, даже геніальнымъ профессоромъ,—ужели не безразсудно будетъ пренебрегать такою книгою, въ увѣренности, что содержаніе ея лучше можно узнать изъ трагедій Шекспира?»

Отповѣдь эта была оставлена Плетневымъ безъ отвѣта. Гротъ же, спустя немного времени, вновь атаковалъ своего друга по вопросу о Бѣлинскомъ, вспомня, что прежде Плетневъ былъ о немъ совсѣмъ иныхъ мнѣній. «О Бѣлинскомъ,—начинаетъ онъ письмо свое отъ 21 апрѣля 1843 года,—ты прежде не то говорилъ, что̀ теперь: значитъ, что о немъ могутъ быть противныя мнѣнія». И только,—болѣе объ этомъ предметѣ Гротъ не проронилъ ни слова. Но этого было болѣе чѣмъ довольно. Укоръ попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, задѣвъ Плетнева за живое, и въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1843 г. онъ разразился слѣдующими репримандами:

«Ты всегда стараешься только попасть въ правые, а не ищешь истины. Такъ и о Бѣлинскомъ. Ужели ты не понимаешь, что въ немъ двѣ совершенно разныя стороны: когда онъ по выученнымъ теоріямъ говоритъ о чемъ-нибудь вообще, безъ приложенія, то разсуждаетъ какъ будто умный; но когда ему придется частно сказать свое мнѣніе о какомъ-нибудь поэтѣ или вообще писателѣ, то онъ бредитъ, не нося въ душѣ сочувствія

съ художническими истинами. Вотъ что я объяснялъ тебѣ. А ты вдругъ отъ радости воскликнулъ: значитъ, что о немъ могутъ быть противныя мнѣнія! Конечно, когда смотрятъ на него какъ на человѣка, вычитывающаго свои идеи, и какъ на человѣка, создающаго ихъ. Но это не о немъ противныя мнѣнія, а въ немъ разнородные предметы. Притомъ же онъ все то считаетъ уже лучшимъ, что̀ моложе. Вотъ почему для него Лермонтовъ почти выше Пушкина, тогда какъ Лермонтову далеко и до Языкова, не только до Баратынскаго. Не будь, милый другъ, читателемъ молоденькимъ, для котораго тотъ и правъ, кто говорилъ послѣдній. Надо создать свою теорію объ изящномъ, а не дожидаться, что̀ скажетъ голодный и злой рецензентъ. Иначе тебѣ придется перемѣнять свои понятія ежедневно. Вообрази, что Баратынскій жилъ бы въ Петербургѣ, любилъ бы писать еще стихи и никуда не давалъ бы ихъ, какъ Лермонтовъ, кромѣ *Отечественныхъ Записокъ,* что ни мололи бы о немъ такіе безпристрастные и уважающіе себя судьи, какъ Бѣлинскій и Краевскій! Впрочемъ, я напрасно долго объ этомъ съ тобою толкую. Кто меня съ перваго разу не хочетъ понять, съ тѣмъ (правило мое) уже нѣтъ нужды входить въ объясненія... Общая теперь бѣда для нашей литературы въ томъ, что молодое поколѣніе рѣшительно ничего не хочетъ, кромѣ современнаго. Такова же господствуетъ метода и въ отношеніи къ исторіи. Всѣ, схвативъ философическія (чужія) идеи объ исторіи, вообразили, что самые ея факты—дрянь, что ихъ только старые профессора должны знать, а для новыхъ довольно раздѣленія человѣчества на Востокъ и Западъ, что первый есть представитель недвижимости и животности, а второй—жизни и духовности: вотъ и вся ихъ исторія!»

Сильная ненависть Плетнева къ Бѣлинскому еще болѣе обострилась, когда Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1844 года помѣстилъ,—правда,—довольно злую, рецензію на романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ *Семейство*, который былъ помѣщенъ Плетневымъ въ *Современникѣ* и затѣмъ изданъ отдѣльно, причемъ Плетневъ какъ-то особенно носился съ этимъ романомъ, будучи въ восхищеніи отъ него. Кстати въ той же рецензіи Бѣлинскій прошелся довольно зло и ехидно и насчетъ *Современника*. Послѣ того Бѣлинскій наравнѣ съ Краевскимъ и Никитенкомъ не выходилъ у Плетнева изъ «мерзавцевъ». Не помирилъ Плетнева съ Бѣлинскимъ и переходъ *Современника* въ руки Панаева и Некрасова. При 18 должностяхъ Плетнева и отсталости отъ современнаго литературнаго движенія, понятно, что *Современникъ*, перешедшій послѣ смерти Пушкина въ руки Плетнева, влачилъ самое жалкое существованіе и не только ничего не давалъ издателю, но былъ постоянною не малою статьей расхода въ бюджетѣ Плетнева. Объ успѣхѣ журнала можно судить по письму отъ 26 января 1841 года, въ которомъ Плетневъ извѣщаетъ своего друга, что «*на Современникъ денежныхъ подписчиковъ только 160, въ томъ числѣ сто въ долгъ*». Понятно, что Плетневъ былъ очень радъ, когда ему удалось сбыть *Современникъ* Панаеву и Некрасову на самыхъ

выгодныхъ условіяхъ—полученія по 3,000 р. ежегодно въ теченіе десяти лѣтъ. При такихъ условіяхъ Бѣлинскій дѣлался какъ бы данникомъ Плетнева, внося своими трудами не малую лепту въ тѣ три тысячи, какими пользовался Плетневъ съ журнала, безъ малѣйшаго съ своей стороны труда. Но сердце Плетнева нисколько не смягчилось, и загребая жаръ руками Бѣлинскаго, онъ продолжалъ при каждомъ удобномъ случаѣ поносить его, елико возможно. Такъ, въ письмѣ отъ 7 января 1848 года онъ пишетъ: «Читалъ ли ты въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ № 1-мъ 1848 года обозрѣніе русской литературы за 1847 годъ? Это презамѣчательное явленіе. Тутъ послѣднее дѣло—неумѣнье правильно писать и не противорѣчить себѣ въ мысляхъ. Но всего важнѣе, что тутъ нагло проповѣдуется соціализмъ, эпикуреизмъ и частью атеизмъ (естественный переходъ отъ насмѣшекъ надъ оптимизмомъ). Можно поэтому судить объ отсутствіи ума въ цензорахъ; а изъ нихъ одинъ извѣстенъ самою нетерпимою строгостью (Крыловъ). Но что значитъ строгость безъ ума?»

Читая постоянныя подобнаго рода нападки на журналъ, доставлявшій Плетневу по 3,000 рублей доходу въ годъ, Гротъ, будучи, напротивъ того, доволенъ и успѣхомъ *Современника* и умнымъ, ловкимъ веденіемъ журнала, и на этотъ разъ не замедлилъ поставить на видъ своему другу всю его несправедливость и слѣпое пристрастіе. Такъ, въ письмѣ его отъ 25 февраля 1849 года мы читаемъ: «Въ русскихъ журналахъ надобно отличать отдѣленіе критики отъ остальныхъ. Въ первомъ встрѣчаются *иногда* статьи, которыя могутъ оправдывать твое негодованіе; въ прочихъ попадается очень много дѣльныхъ и интересныхъ статей, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ. Если точно въ этихъ журналахъ дѣйствуютъ только клеветники и подлецы, то какъ же ты, Жуковскій, Вяземскій и другіе безукоризненные литераторы, не соединитесь для усердной борьбы съ первыми? Если вы ясно видите дѣло и не дѣйствуете, то не падетъ ли на васъ тяжелая отвѣтственность? Признаться, я не совсѣмъ понимаю твоихъ антипатій и симпатій. Нынче ты благоволишь къ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* и къ *Москвитянину*. Но (я основываюсь на твоихъ собственныхъ словахъ) чѣмъ издатели ихъ лучше Булгарина и Греча? *Москвитянинъ* побратался съ *Пчелой*. Если добросовѣстные литераторы считаютъ обязанностью ненавидѣть любимцевъ публики (хотя довольно пассивно), то почему не поставятъ они себѣ также за долгъ поддерживать тѣхъ, кто бы имѣлъ право на вниманіе... Ты всегда, съ ожесточеніемъ говоря о Краевскомъ и его сотрудникахъ, самъ удвоилъ ихъ силы, предавъ имъ *Современникъ*. Нынѣшній *Современникъ* тебѣ обязанъ своимъ существованіемъ, онъ—твой данникъ, а ты издателей его называешь подлецами. Какъ согласить одно съ другимъ? Да зачѣмъ же было давать этимъ подлецамъ оружіе въ руки? Признайся, что ты или слишкомъ строгъ, или твои дѣйствія противорѣчатъ словамъ. Но ты въ самомъ дѣлѣ слишкомъ строгъ: хотя и *Современникъ*, и *Отечественныя Записки* на меня самого нападаютъ, однако-жъ я въ ихъ критикѣ часто нахожу справедливость и

умъ, и вообще многое читаю въ нихъ съ удовольствіемъ. Такой успѣхъ, какимъ они пользуются, не достается совершенно даромъ. Не вся же публика состоитъ изъ невѣждъ». Замѣчательно, что на такое прямое и рѣзкое нападеніе на пристрастіе и несправедливость Плетнева не послѣдовало съ его стороны ни одного словечка отвѣта.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести нѣсколько выдержекъ изъ писемъ друзей, писанныхъ во время революціи 1848 года. Письма эти ярко рисуютъ міросозерцаніе Плетнева въ послѣдній періодъ его жизни и его отношеніе къ современнымъ событіямъ.

Такъ, мы видимъ, что первые дни февральской революціи привели Плетнева въ неописанное смятеніе, граничащее съ паникою. «Что это за кутерьма? Страшно,—восклицаетъ онъ въ письмѣ отъ 25 февраля 1848 года:—все, что ни происходитъ въ наше время въ политикѣ и въ литературѣ, все болѣе и болѣе заставляетъ меня углубляться въ самого себя. Нынѣшній человѣкъ слишкомъ вышелъ изъ сферы, Провидѣніемъ ему назначенной. Наши желанія и страсти разгорѣлись на открытомъ горизонтѣ. Мы, какъ духи по созданіи, воюемъ противъ всемогущества, подстрекаемые нѣкоторыми успѣхами. Хочу постепенно сжимать кругъ отношеній и требованій своихъ. Другимъ ни въ чемъ мѣшать не буду, потому что уважаю права всякаго, а выше другихъ ни въ чемъ себя не ставлю. На себя предпишу умѣренность, скромность и въ нѣкоторомъ смыслѣ уединеніе или отчужденіе».

Мѣсяцемъ позже, придя въ себя, успокоившись и давши себѣ отчетъ въ происходившихъ событіяхъ, Плетневъ въ письмѣ отъ 24 марта 1848 года вотъ какъ объясняетъ причины революціоннаго движенія въ Европѣ: «Ты доискиваешься причины тѣхъ безумствъ, которыя нынѣ потрясаютъ Европу. Эти причины въ постепенности, съ какою безостановочно, по странному ослѣпленію, всѣ стремились въ нынѣшнемъ столѣтіи къ уничтоженію такъ называемаго *авторитета* во всемъ: въ религіи, въ политикѣ, въ наукахъ и въ литературѣ. Дерзость возстала съ такимъ безстыдствомъ, что достоинству оставалось только отстраниться. Въ нашей литературѣ приступилъ къ этому Булгаринъ, испугавшійся послѣ самъ и теперь за то страждущій отъ послѣдователей. Но во всемъ блескѣ это ученіе развито Полевымъ, Сенковскимъ и Бѣлинскимъ. Въ Западной Европѣ оно плодовитѣе и безпощаднѣе. Безъ авторитета общество подобно семейству, выгнавшему родителей изъ дома. Авторитетъ—не предразсудокъ, а естественная законная власть, поучающая неопытныхъ. Онъ не выхваляетъ ошибокъ прошлаго, а указываетъ средства къ истинному прогрессу. Безъ авторитета человѣкъ,—какъ безъ религіи. Чѣмъ дальше идетъ онъ, тѣмъ становится свирѣпѣе и необузданнѣе. Такъ теперь и дошли европейцы до послѣдней степени разладицы; имъ помогали безнравственные честолюбцы и корыстолюбцы, которые какъ у насъ Краевскій и подобные ему, десять лѣтъ сѣютъ растлѣніе въ публикѣ. Ты видишь, что и власти въ Европѣ принялись за роль Краевскаго, лишь бы на короткое время удержать за

собою мѣсто. Но это имъ не поможетъ. Они уступаютъ толпѣ, а эта, по закону реакціи, падетъ подъ сѣкирою генія, который не замедлитъ явиться въ лицѣ новаго Наполеона. И вотъ тебѣ вся сущность исторіи! Боже, Боже! Какъ грустно! А міръ, жизнь могли быть такъ прекрасны и велики! Дальше, дальше отъ людей!»

Какъ ни мало расположенъ былъ Гротъ восхвалять европейское революціонное движеніе того времени, но не могло не поразить его, до крайности дикое, признаніе Булгарина родоначальникомъ русскаго подобнаго же движенія и подведеніе подъ одинъ ранжиръ съ Булгаринымъ— и Полевого, и Сенковскаго, и Бѣлинскаго, и Краевскаго; и вотъ, чтобъ умѣрить реакціонный пылъ своего друга, онъ сдѣлалъ въ письмѣ отъ 28 марта 1848 г. нѣсколько внушеній, не лишенныхъ здраваго смысла и показывающихъ, какъ далеко впереди во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ Гротъ отъ своего отсталаго друга.

«Мнѣ кажется,—писалъ Гротъ,—что ты, указавъ на паденіе авторитета, какъ на причину новѣйшихъ буйствъ, не рѣшилъ еще вопроса. Это только признакъ внутренняго разстройства. Оно же, по моему мнѣнію, произошло отъ неестественной диспропорціи между классами общества: тогда какъ одни пользуются всѣми благами жизни, другіе—получаютъ въ удѣлъ только зло всякаго рода: трудъ, бѣдность, невѣжество, развратъ и часто угнетенія. Соціалисты, стараясь воскресить или пересоздать общество на новыхъ началахъ, внушили низшимъ классамъ (посредствомъ свободы книгопечатанія), что они имѣютъ право на улучшеніе своей судьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко было внушить презрѣніе къ авторитетамъ, когда люди, пользующіеся ими, часто показывали себя совершенно недостойными никакого уваженія.

«Напрасно также ты въ этихъ переворотахъ видишь причину презирать и убѣгать людей. Великія историческія событія не бываютъ дѣломъ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ людей; они плодъ вѣковъ и внутренней необходимости, заключающейся въ самомъ развитіи общественной и государственной жизни. Судьбами народовъ управляетъ перстъ Божій, и изъ самаго зла Провидѣніе извлекаетъ добро для человѣчества. Нашествіе варваровъ, крестовые походы, 30-лѣтняя война, конечно, сами по себѣ были зломъ, но посмотри, что̀ изъ нихъ вышло. Это, однакожъ, не значитъ, что я оправдываю насильственные перевороты; я только говорю, что они по ходу дѣлъ были неизбѣжны».

Этимъ принципіальнымъ споромъ друзей мы можемъ закончить наши извлеченія изъ ихъ переписки. Я полагаю, что въ достаточной мѣрѣ и со всѣхъ сторонъ обрисовались передъ нами двѣ во всякомъ случаѣ замѣтныя историческія личности въ ихъ индивидуальныхъ особенностяхъ, но, что для насъ важнѣе, мы имѣемъ передъ собою наглядный образецъ столкновенія нетронутаго никакими философскими ученіями піэтизма начала нынѣшняго столѣтія съ философскимъ идеализмомъ сороковыхъ годовъ.

А. Скабичевскій.

Очерки провинціальной жизни.

Въ печати и въ обществѣ установилось полное единодушіе взгляда на причины неудовлетворительнаго веденія городского хозяйства. Онѣ коренятся въ Положеніи 1892 года, ограничившаго значительный кругъ избирателей и передавшаго городскія дѣла въ руки торгово-промышленнаго класса. Этотъ классъ общества у насъ еще полуграмотенъ, не культуренъ, не имѣетъ ни представленія объ общественныхъ обязанностяхъ, ни навыковъ къ выполненію ихъ. Каковъ составъ управъ, каково отношеніе ихъ къ своимъ обязанностямъ, даже въ такихъ первоклассныхъ городахъ, какъ Одесса, это ярко обнаружилось въ недавно раскрытыхъ ужасахъ, творившихся многіе годы въ городской больницѣ. По наружному виду одесская больница—дворецъ, внутри—инквизиціонная тюрьма и мерзость запустѣнія. И когда д-ръ Цѣновскій выступилъ съ разоблаченіями больничныхъ порядковъ въ печати, то членъ управы Филипповичъ заявилъ, что въ разоблаченіяхъ г. Цѣновскаго для него многое «не ново и справедливо». Итакъ, для управы не новость, — спрашиваетъ одесская газета *Жизнь Юга*,—что больныхъ, изъ-за недоразумѣній чисто-денежнаго характера, сажали на двѣ недѣли въ погребную яму, связывая предварительно, истязали резиновою нагайкой, что больные нерѣдко покушались на самоубійство, что служащіе требовали отъ больныхъ денежныхъ подарковъ, что служители избивали больныхъ? Для управы «не ново и справедливо», что солома въ матрацахъ больныхъ сифилитиковъ не перемѣняется въ теченіе полутора лѣтъ, несмотря на то, что на солому ежегодно ассигновывается 1,000 р.; что больные, за неимѣніемъ халатовъ, цѣлый день гуляютъ въ одномъ бѣльѣ; что въ женскомъ сифилитическомъ отдѣленіи отъ больныхъ, экономіи ради, отбирается на ночь все бѣлье, якобы за недостаткомъ его, въ то время, когда на бѣлье ежегодно выдается 10,000 р.; что въ больницѣ имѣется *одна единственная* телѣжка, которая служитъ для перевозки грязнаго бѣлья, покойниковъ и *хлѣба*; что выписываемыхъ *дѣтей* выгоняютъ на улицу безъ всякаго призора, и несчастныя часами бродятъ по городу, отыскивая родныхъ, что прислуга и низшій медицинскій персоналъ больницы—народъ грубый, жестокій, пьяный; что умирающіе боль-

ные подвергаются ограбленію, ибо бывали случаи, что послѣ смерти больныхъ исчезали золотыя кольца и другія драгоцѣнныя вещи; что въ третьемъ женскомъ отдѣленіи больнымъ, при операціяхъ, вмѣсто того, чтобы давать анестезирующія средства, надѣваютъ смирительныя рубашки и кожаные пояса на ноги; что въ больницѣ примѣнялись тѣлесныя наказанія; что... да развѣ есть возможность пересчитать все то, что творилось и творится въ больницѣ! И все это «не ново и справедливо» для членовъ управы одесской городской думы! И даже когда всѣ эти невѣроятныя вещи были разоблачены въ печати, то на запросъ одного изъ гласныхъ, что сдѣлано управою для успокоенія возмущеннаго общественнаго мнѣнія, исправлявшій должность городского головы г. Адаменко отвѣчалъ, что думали назначить слѣдствіе, да *не нашли подходящаго для этого человѣка*. Это, изволите ли видѣть, въ той самой управѣ, содержаніе которой обходится городу болѣе 100 тыс. руб. въ годъ, не нашлось ни одного человѣка, которому можно бы было поручить дознаніе. Вотъ къ чему привело Гордовое Положеніе 1892 года, передавшее управленіе городскими дѣлами Одессы съ населеніемъ въ 400,000 человѣкъ небольшой группѣ изъ 1,500 избирателей. Одесская дума не имѣетъ ничего общаго съ населеніемъ города, она не служитъ его представителемъ, и населеніе въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ принуждено удовлетворяться тѣмъ, что хочетъ ничтожная горсть людей. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ олигархію, а не самоуправленіе.

Безучастіе горсти богатыхъ людей, управляющихъ городскими дѣлами Одессы, къ судьбѣ бѣднѣйшей части населенія ведетъ къ тому, что, по словамъ газеты *Жизнь Юга*, одесское уличное нищенство поражаетъ своими размѣрами. Въ обычномъ представленіи громаднаго большинства, Одесса является торговымъ съ многомилліонными оборотами, первоклассньмъ портомъ, чудными зданіями, — словомъ, «почти европейскимъ» городомъ. А между тѣмъ, едва ли на всей Руси великой найдется городъ, съ такою суммой самой разнообразной нужды, какъ Одесса. Начиная самыми бойкими и кончая окраинными улицами, прохожаго неотступно преслѣдуетъ населеніе больное, здоровое, старое, молодое, женское, дѣтское съ словами: «ради Христа, на хлѣбъ». Размѣры нищенства настолько велики, что упомянутая газета называетъ Одессу «городомъ нищихъ». И дѣйствительно, Одесса имѣетъ полное основаніе на такое прозвище, такъ какъ число просящихъ милостыню выражается здѣсь колоссальною цифрой въ 85,000 человѣкъ, что̀ составляетъ почти четвертую часть населенія. Эта цифра покажется для многихъ настолько поразительной, невѣроятной, что мы считаемъ не лишнимъ указать тотъ нумеръ газеты, въ которомъ сдѣланъ подробный, на основаніи документальныхъ данныхъ, подсчетъ числа и состава нищихъ въ Одессѣ. Подсчетъ этотъ напечатанъ въ № 14 текущаго года.

О безучастіи нынѣшнихъ городскихъ думъ къ судьбѣ бѣднѣйшей части населенія говоритъ непрестанно печать всѣхъ русскихъ городовъ. Муни-

пальныя управленія мало заботятся о нуждахъ этого населенія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда удовлетвореніе нужды доставило бы городу доходъ. О такой именно нуждѣ говорится въ послѣдней почтѣ, въ одной изъ передовыхъ статей *Орловскаго Вѣстника*. Газета указываетъ здѣсь на огромную нужду населенія города Орла въ мелкомъ кредитѣ, который, до закона о ростовщичествѣ, обыватели получали въ ссудныхъ кассахъ. Законъ о ростовщичествѣ, ни мало не ослабившій ростовщичества, вызвалъ въ Орлѣ прекращеніе дѣятельности ссудныхъ кассъ. Три кассы, одна за другой, ликвидировали свои обороты, оставивъ дѣло мелкаго кредита въ рукахъ городского ломбарда, съ жалкими капиталами въ 10 тыс. рублей. Между тѣмъ, насколько велика нужда населенія въ ссудахъ, видно изъ годовыхъ оборотовъ бывшей ссудной кассы Котельникова, гдѣ ежегодно выдавалось до 60 т. р., причемъ изъ 17 т. нумеровъ—10 т. падаетъ на ссуды отъ 2 до 10 руб. Такимъ образомъ, если принять оборотъ одной кассы въ 50 тыс. р. и затѣмъ вспомнить, что ихъ въ Орлѣ работало съ неменьшимъ успѣхомъ три, то годовая потребность въ мелкихъ ссудахъ выразится въ суммѣ 150 т. р. Гдѣ же, спрашивается, берутся эти деньги теперь? Онѣ добываются у подпольныхъ ростовщиковъ, берущихъ проценты по собственному произволу. Выхода нуждающемуся бѣдняку нѣтъ,— онъ долженъ или совершенно лишиться имѣющейся вещи, или же, получивъ за нее ссуду, уплатить огромные проценты. Усиленный спросъ, естественно, пораждаетъ усиленное предложеніе. Положеніе дѣлъ мелкаго кредита въ Орлѣ вызвало къ жизни массу тайныхъ ростовщиковъ, вытягивающихъ послѣдніе соки съ бѣднѣйшаго населенія. Это извѣстно всѣмъ, извѣстно хорошо и вершающимъ городскія дѣла, и тѣмъ не менѣе такая вопіющая нужда не трогаетъ членовъ городской думы; они глухи и индифферентны къ тому, что бѣдному человѣку негдѣ получить двухъ-трехъ рублей для удовлетворенія своихъ насущныхъ нуждъ и потребностей. Между тѣмъ городъ безъ всякихъ особенныхъ затрудненій могъ бы расширить дѣятельность существующаго ломбарда. Онъ можетъ ходатайствовать объ открытіи кредита въ государственномъ банкѣ, можетъ привлечь частные капиталы въ городской ломбардъ, можетъ организовать акціонерное общество, на манеръ частныхъ столичныхъ ломбардовъ. Въ результатѣ, какую бы изъ этихъ мѣръ ни принялъ городъ, онъ останется только въ выигрышѣ, городской бюджетъ возростетъ, такъ какъ вещный кредитъ представляетъ собою полное обезпеченіе.

Въ печати непрестанно указываютъ и на многія другія стороны неудовлетворительнаго выполненія органами городского самоуправленія своихъ обязанностей. Такъ, по поводу возможности занесенія въ Россію чумы теперь усиленно заговорили о санитарномъ состояніи городовъ. Наиболѣе удобный путь для чумы представляетъ Волга, а потому, для принятія заблаговременно предупредительныхъ мѣръ, въ волжскіе города посланъ сенаторъ В. И. Лихачевъ. Прибывъ въ Саратовъ, сенаторъ пригласилъ на совѣщаніе представителей власти и городовъ. Намъ, жителямъ россійскихъ

городовъ,—говоритъ по этому поводу *Саратовскій Листокъ,*—необходимо почиститься и оздоровиться не изъ одного только страха чумы. У насъ гигіена запущена и находится на такой низкой ступени, что совѣстно и говорить. Отхожія мѣста въ городѣ, свалка нечистотъ за городомъ, наши овраги и дворовые закоулки суть тому доказательства. Болѣе неряшливаго народа, чѣмъ русскіе, трудно найти во всемъ мірѣ... Зайдите въ отхожія мѣста Саратова на Верхнемъ базарѣ, въ Городскомъ саду, даже въ Коммерческомъ клубѣ въ вечера большихъ собраній публики—и вездѣ вы встрѣтите «мерзость запустѣнія...» Разливать помои по двору, расплескивать ассенизаторскія бочки по улицамъ, сваливать содержимое ихъ по площадямъ и по всему пути до свалки нечистотъ—это въ порядкѣ вещей. Мести уличную пыль и мусоръ во время дневного движенія, чистить помойныя ямы и отхожія мѣста раннимъ вечеромъ и везти все это добро, когда публика идетъ и ѣдетъ—это заурядное явленіе. И платимся мы за это изрядно, а все еще опытъ не вразумитъ насъ. Вспомните, что стоила намъ холера и какимъ позоромъ покрыла она наше общественно-городское управленіе! Мы оказались такими безсильными, невѣжественными передъ грядущею бѣдой, что вызвали бунтъ и избіеніе докторовъ. У насъ, въ Саратовѣ, нѣтъ даже мѣста свалки нечистотъ: мы нечистоты свозимъ на равнину среди дачъ, имѣющую наклонную плоскость къ городу; дачи отравляются нестерпимымъ зловоніемъ, а окрестности города заражаются обратнымъ стокомъ нечистотъ; прудъ института насквозь пропитанъ ими. Овраги наши (Глѣбучевъ и Бѣлоглинскій), проходящіе въ чертѣ города, служатъ каналами, куда сваливается и стекаетъ всяческая мерзость, которой нѣтъ и названія. Лихорадка, малярія, тифъ—обычный спутникъ жизни людей, обитающихъ вблизи этихъ овраговъ.

Никто изъ благоразумныхъ людей,—продолжаетъ газета,—не станетъ говорить противъ правдивости нарисованной нами картины, но многіе за то скажутъ: такъ-то оно такъ, но гдѣ средства на улучшенія? Конечно средствъ свободныхъ нѣтъ, но есть возможность занять деньги для устройства въ городѣ такихъ сооруженій, которыя дѣлали бы жизнь въ немъ, здоровою. Въ Саратовѣ смертность ужасающая: 40—44 человѣка на 1,000, что въ санитарной наукѣ считается за общественн е бѣдствіе. Въ Англіи города и мѣстности со смертностью свыше 20 челов. на 1,000 считаются уже неудовлетворительными въ санитарномъ отношеніи.

Поучительное сопоставленіе городскихъ порядковъ у насъ и за границей сдѣлано въ статьѣ г. Іоллоса *Общественное самоуправленіе въ Берлинѣ,* напечатанной въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы.* Сравнивая наше Городовое Положеніе 1892 года съ нынѣ дѣйствующимъ Городовымъ Положеніемъ Берлина, авторъ статьи говоритъ, что послѣднимъ обезпечивается участіе въ городскомъ самоуправленіи всему самостоятельному столичному населенію, ибо правомъ голоса на выборахъ пользуется всякій, кто 1) живетъ не меньше года въ избирательномъ участкѣ и 2) владѣетъ домомъ или имѣетъ постоянное ремесло и торговлю съ двумя

приказчиками или подмастерьями, или же уплачиваетъ налога не менѣе 4 марокъ.

Результатомъ этого является, что въ нашей первопрестольной столицѣ, напримѣръ, въ 41 разъ меньше горожанъ, пользующихся избирательнымъ правомъ, чѣмъ въ германской столицѣ. Благодаря широкому избирательному праву въ городскомъ самоуправленіи Берлина имѣютъ возможность принять участіе всѣ интеллигентныя силы общества, и эти интеллигентныя силы сдѣлали то, что самоуправленіе столицы Германіи дало населенію прекрасный благоустроенный городъ, хорошо вымощенный, освѣщенный, содержимый въ безукоризненной чистотѣ; правильно фильтрованную, а потому совершенно чистую воду; канализацію, понизившую общую смертность и изгнавшую многія заразныя болѣзни; школы, въ которыхъ есть мѣсто для всѣхъ дѣтей, вступившихъ въ школьный возрастъ, и которыя своею организаціей удовлетворяютъ главнымъ требованіямъ гигіены и педагогики; тамъ людямъ не даютъ умирать съ голоду на улицахъ, нищіе не толпятся у церквей и парадныхъ подъѣздовъ, больные находятъ уходъ.

Статья г. Іоллоса вызвала мнѣнія и отзывы газетъ. Почти всѣ онѣ согласны съ конечнымъ выводомъ автора, состоящимъ въ томъ, что для того, чтобъ и наши города хоть сколько-нибудь походили на столицу Германіи, отнюдь не нужно просить, чтобы насъ «произвели въ нѣмцевъ»; достаточно, быть можетъ, открыть доступъ къ общественному самоуправленію болѣе образованнымъ и добросовѣстнымъ элементамъ городского общества и поставить центромъ городской податной системы, вмѣсто гильдейскихъ и трактирныхъ свидѣтельствъ, прогрессивный подоходный налогъ.

Въ параллель къ статьѣ г. Іоллоса *Нижегородскій Листокъ* нарисовалъ картинки благоустройства Нижняго-Новгорода,—картинки, къ слову сказать, не мѣстныя, а повсемѣстныя. Между прочимъ здѣсь разсказано было, какъ въ Суздалѣ подняли вопросъ о проведеніи воды изъ артезіанскаго колодца, такъ какъ мѣстную муть изъ рѣки Каменки нельзя пить. Сторонники артезіанскаго колодца принесли для вящшей убѣдительности въ думское собраніе бутылку съ водой изъ Каменки.

— Не угодно ли взглянуть, господа, что мы пьемъ. Вотъ гдѣ кроются наши брюшные тифы. Смилуйтесь надъ нами, отцы города!

Друзья рѣки Каменки возражали:

— Какіе тамъ артезіанскіе колодцы! Артезіанскій—легко сказать! Не надо намъ артезіанскихъ колодцевъ.

— Дѣды и отцы наши пили эту воду, мы-то чѣмъ же лучше своихъ родителевъ?—поддакивали имъ.

Поднялся шумъ. Тутъ вдругъ выступилъ изъ толпы гласныхъ, расталкивая локтями товарищей, какой-то купецъ, взялъ бутылку, налилъ въ стаканъ, посмотрѣлъ на мутную, тухлую жидкость, наполнявшую его, и, возводя очи горѣ, выпилъ единымъ духомъ, крякнулъ, утеръ широкой дланью бороду и промолвилъ:

— Пили и пить будемъ!

То небольшое количество учрежденій для помощи бѣднѣйшей части населенія, какое существуетъ въ нашихъ городахъ, создано значительной частью не городскими учрежденіями, а частными лицами и общественными союзами. Въ числѣ вновь возникшихъ за послѣднее время и возникающихъ еще учрежденій подобнаго рода наиболѣе своеобразнымъ является начинаніе варшавскаго благотворительнаго общества. Общество это, по словамъ *Варшавскаго Дневника*, постановило открыть въ бѣднѣйшихъ частяхъ Варшавы рядъ «залъ» для обученія мальчиковъ-бродягъ грамотѣ и ремесламъ. Залы будутъ или интернатами, или полуинтернатами. Въ первые воспитанники поступаютъ на полное содержаніе, во второмъ получаютъ только пищу. Предѣльнымъ возрастомъ установлено 8—15 лѣтъ, причемъ предпочтеніе будетъ отдаваться дѣтямъ, лишеннымъ всякой опеки. Программа предметовъ занятій заключаетъ въ себѣ: преподаваніе закона Божія, обученіе чтенію, письму, ариѳметикѣ; выдѣлку изъ дерева предметовъ домашняго обихода: ножей, вилокъ, ложекъ и т. п.; починку одежды и обуви, нѣкоторыя полезныя работы, могущія принести заведенію матеріальную пользу; ученіе спеціальнаго ремесла: рисованіе, пѣніе, гимнастика. Классы распадаются на два отдѣленія, смотря по возрасту и способностямъ воспитанниковъ. Залы открываются съ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера. Въ интернатахъ дѣти будутъ оставаться до времени помѣщенія ихъ въ ремесленныя мастерскія. Управленіе и завѣдываніе залами возлагается по участкамъ на выборныхъ лицъ, образующихъ «Опекунскіе совѣты» и дѣйствующихъ совмѣстно съ отдѣленіями варшавскаго благотворительнаго общества.

Интеллигентныя силы городского населенія, устраненныя Городовымъ Положеніемъ 1892 г. отъ непосредственнаго участія въ управленіи городскими дѣлами, стремятся оказывать, путемъ печати, хотя косвенное вліяніе на эти дѣла. Провинціальная пресса внимательно слѣдитъ за дѣятельностью городскихъ думъ и управъ, разоблачаетъ ихъ косность, недобросовѣстность, ошибки и указываетъ пути для надлежащаго удовлетворенія нуждъ городского населенія. Въ осуществленіи такой задачи пресса почти не встрѣчаетъ препятствій, такъ какъ практикой установилось у насъ двойное отношеніе печати къ административнымъ органамъ: сужденія о дѣятельности правительственныхъ административныхъ органовъ чрезвычайно стѣснены, въ оцѣнкѣ же дѣятельности административныхъ органовъ самоуправленія печать пользуется почти полною свободой. Размѣры стѣсненій въ сужденіи печати о дѣятельности правительственныхъ административныхъ органовъ обусловливаются, далѣе, мѣстомъ изданія газеты или журнала. Столичная пресса пользуется въ этомъ отношеніи большею свободой, нежели провинціальная. Прессѣ большихъ провинціальныхъ городовъ разрѣшатъ напечатать то, что не дозволятъ въ городахъ среднихъ и мелкихъ. Печать въ Сибири подвергается, въ общемъ, бо̀льшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ пресса Европейской Россіи. Такой порядокъ въ дѣлѣ печатнаго слова уста-

новился безъ всякихъ распоряженій, установился самъ собой. Въ установленіи его играла, несомнѣнно, важную роль привычка къ печатному слову. Гдѣ пресса развилась раньше, какъ, напримѣръ, въ столицахъ и крупныхъ провинціальныхъ центрахъ Европейской Россіи, тамъ и свобода печатнаго слова шире. По поводу исполнившагося недавно пятнадцатилѣтія *Восточнаго Обозрѣнія*, издающагося въ Иркутскѣ, многіе органы печати, въ ихъ числѣ и нашъ журналъ, прислали этому областному органу, одному изъ старѣйшихъ въ Сибири, свой братскій привѣтъ. Въ немъ они чествовали *Восточное Обозрѣніе*, какъ честный и прогрессивный органъ печати, ставившій всегда на первомъ планѣ интересы трудового народа. *Восточное Обозрѣніе* издавалось одно время въ Петербургѣ и тогда оно высказывалось съ большою опредѣленностью и значительною свободой о всякихъ неправдахъ на Сибирской землѣ. Но, когда оно перевелось въ Иркутскъ, рамки его дѣятельности крайне сузились. Намъ, — говоритъ газета *Сибирь*, — близко извѣстны условія провинціальной цензуры вообще и иркутской въ особенности. Еслибы собрать всѣ образчики цензурнаго вмѣшательства, то получился бы большой букетъ курьезовъ. Достаточно сказать, что не такъ давно было не допущено къ печати слово «несовершенный», относящееся къ старому сибирскому суду, хотя эта характеристика суда была уже установлена въ Высочайшемъ указѣ по вопросу о судебной реформѣ въ Сибири. Въ исторіи сибирской цензуры были даже такія распоряженія, по которымъ всѣ замѣтки, касающіяся, напримѣръ, губернаторовъ, должны были помѣщаться лишь съ одобренія этихъ лицъ. Одно лицо, имѣющее власть, требовало, чтобы какія бы то ни было извѣстія, гдѣ упоминается его фамилія, присылались для прочтенія ему и помѣщались только съ его согласія. Даже такія безобидныя замѣтки, что на улицѣ замерзъ пьяный солдатъ, не пропускаются цензурой, въ виду того, что высшее начальство можетъ-де сдѣлать запросъ, какимъ это образомъ могъ солдатъ въ такомъ многолюдномъ городѣ замерзнуть на улицѣ. Или еще, напримѣръ, одна изъ сельскихъ учительницъ жаловалась письмомъ въ редакцію *Амурской Газеты* на грубое обращеніе съ ней сельскихъ властей; напечатаніе этого письма цензура не разрѣшила, такъ какъ это, по ея мнѣнію, было бы подрывомъ авторитета сельской власти. Нечего и говорить, что про какія-либо злоупотребленія должностныхъ лицъ нельзя и заикаться.

Въ виду такихъ условій иркутской печати болѣе чѣмъ необдуманно поступила одна изъ сибирскихъ газетъ, обратившаяся недавно къ *Восточному Обозрѣнію* съ рядомъ слѣдующихъ вопросовъ: «Гдѣ вы были, когда нагло расхищались Трапезниковскіе милліоны, это достояніе города Иркутска? Гдѣ вы были, г. Поповъ, когда замѣститель городского головы, г. Горяевъ, продѣлывалъ, какъ адвокатъ, возмутительныя манипуляціи надъ завѣщаніемъ И. Я. Чурина въ пользу г. Иркутска,—манипуляціи, въ результатѣ которыхъ городъ потерялъ завѣщанный ему значительный капиталъ? Гдѣ вы были, когда въ иркутской городской управѣ орудовалъ страхованіемъ хлѣбныхъ запасовъ И. Ф. Исцѣленовъ? Гдѣ вы были, когда со-

вершались злоупотребленія въ Трапезниковскомъ ремесленно - воспитательномъ заведеніи?» На эти вопросы редакція *Восточнаго Обозрѣнія* скромно отвѣтила, что она была въ Иркутскѣ, но цензурныя условія не дозволили коснуться перечисленныхъ фактовъ.

Газета *Сибирь*, посылая изъ Петербурга *Восточному Обозрѣнію* привѣтствіе въ день исполнившагося пятнадцатилѣтія его дѣятельности, добавляетъ, что лучшимъ пожеланіемъ въ такой день считаетъ пожеланіе для всей провинціальной прессы получить отдѣльную отъ мѣстной администраціи цензуру. Мы не задаемся,—продолжаетъ газета,—даже той мыслью, которая усвоена всѣми просвѣщенными народами о свободѣ печатнаго слова, мы болѣе чѣмъ скромно желаемъ *только учрежденія спеціальныхъ цензоровъ, независимыхъ отъ мѣстныхъ властей*. Если правительство желаетъ знать безпристрастное мнѣніе о дѣлахъ и жизни какъ вообще провинціи, такъ въ особенности далекихъ окраинъ, то оно должно освободить это мнѣніе отъ тѣхъ оковъ, которыя налагаетъ на него мѣстная власть, весьма понятно, заинтересованная въ извѣстномъ освѣщеніи событій мѣстной жизни.

Весьма распространено мнѣніе, говорили мы въ одномъ изъ нашихъ очерковъ, что въ русскомъ обществѣ мало настойчивости, выдержки, что оно быстро увлекается какимъ-либо дѣломъ и такъ же быстро охладѣваетъ къ нему. Но справедливо ли это мнѣніе по отношенію къ современному русскому обществу? Не представляетъ ли оно непровѣренный остатокъ дореформенной Россіи? Пока русское общество жило на даровыхъ хлѣбахъ у крѣпостного народа, жило въ совершенной праздности, могло удовлетворять всякія свои прихоти, не знало жизненной борьбы,—тогда не откуда было развиться настойчивости и выдержкѣ, такъ какъ эти качества являются результатомъ жизни трудовой, жизни исполненной усилій и борьбы. Но современное русское общество выростало и выростаетъ при совершенно другихъ жизненныхъ условіяхъ. На его долю выпало скорѣе слишкомъ много усилій и борьбы, гораздо болѣе сравнительно съ усиліями и борьбою, которыя приходится тратить западно-европейскимъ обществамъ. При такой тяжелой житейской школѣ не могъ не выработываться характеръ русскаго общества. Обломовъ и красивые, но слабохарактерные тургеневскіе типы уже отжили свое время. Современные художники выводятъ передъ нами совершенно иныхъ людей. Отсутствіе характера, настойчивости, выдержки перестало быть господствующею чертой героевъ художественныхъ произведеній. Еслибы кто-либо вздумалъ пересмотрѣть за два года наши очерки провинціальной жизни, передъ нимъ открылась бы цѣлая галлерея почтенныхъ общественныхъ дѣятелей, поражающихъ своею настойчивостью, своей выдержкой въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. А мы воспроизводили только небольшую часть имѣвшагося у насъ обильнаго матеріала. Мы указывали на живыхъ людей лишь только для иллюстраціи той или другой, высказываемой нами, мысли. Сколько, по-истинѣ, упорной настойчивости и преданности дѣлу проявила наша интеллигенція уже въ одной области просвѣщенія народа. Шагъ за шагомъ, преодолѣвая всѣ препят-

ствія, она распространила по нашему отечеству школы, народныя библіотеки, читальни, народныя чтенія, книжные склады. Въ значительной степени благодаря ей, стало распространяться и въ народѣ сознаніе пользы просвѣщенія.

Ту же мысль высказала недавно газета *Сибирь,* по поводу массы различныхъ преградъ, которыя встрѣчаетъ себѣ на пути иниціатива частныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ въ различныхъ сферахъ просвѣщенія народа. «Наше общество,—говоритъ газета,—часто упрекаютъ въ отсутствіи иниціативы, въ недостаткѣ энергіи, въ неумѣньи отстаивать свои взгляды и неуклонно стремиться къ разъ намѣченной цѣли. Но дѣлающіе этотъ упрекъ упускаютъ изъ виду, что въ нашей общественной жизни слишкомъ часто встрѣчаются такія препятствія, о которыя невольно разбиваются самыя энергичныя начинанія. Кажется, ни одинъ здравомыслящій и живой человѣкъ не станетъ отрицать важности и настоятельной необходимости образованія для народа, а между тѣмъ исторія народнаго просвѣщенія у насъ за послѣднія 30 лѣтъ содержитъ цѣлый рядъ самыхъ трагическихъ страницъ. Сколькимъ прекраснымъ начинаніямъ суждено было остаться только начинаніями, сколько благородныхъ и самоотверженныхъ людей жизнь свою прожили, не сдѣлавъ и сотой доли того, что они могли совершить для дѣла народнаго образованія потому только, что имъ, заслуживавшимъ полнаго сочувствія и содѣйствія, ставили на каждомъ шагу преграды и препоны! Что въ подобныхъ случаяхъ могла сдѣлать самая дѣятельная иниціатива? Когда въ 60-хъ годахъ запросили наши университеты, согласны ли они открывать свои двери русской женщинѣ, громадное большинство ихъ откликнулось на этотъ запросъ съ энтузіазмомъ, и все-таки двери нашихъ университетовъ остаются закрытыми для женщинъ до сихъ поръ. Въ началѣ 70-хъ годовъ является возможность открыть высшіе курсы для женщинъ, и мы видимъ, какъ въ умственныхъ центрахъ нашихъ Москвѣ, Казани, Кіевѣ, Петербургѣ вырастаютъ курсы съ широкими прекрасными программами. Наплывъ слушательницъ на эти курсы наглядно доказываетъ назрѣвшую у насъ потребность въ высшемъ образованіи для женщинъ; курсы пользуются самымъ горячимъ сочувствіемъ обществъ, и даже бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, находитъ ихъ дѣломъ полезнымъ и необходимымъ. Одновременно съ курсами общеобразовательнаго характера учреждаются женскіе медицинскіе курсы, вскорѣ доказавшіе, что русская женщина способна проводить свои знанія въ жизнь съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Казалось бы, что дѣло высшаго образованія для женщинъ должно было быть вполнѣ обезпечено у насъ, но не прошло и десятилѣтія со времени основанія курсовъ, какъ почти всѣ они умерли преждевременною смертью, даже медицинскіе курсы, этотъ единственный разсадникъ столь необходимыхъ у насъ медицинскихъ знаній среди женщинъ. Все это произошло не только помимо «общества», на которое такъ часто сыплются обвиненія въ инертности, а прямо-таки противъ желанія заинтересованныхъ въ успѣхахъ образованія у насъ. И нужно было уси-

ленное ходатайство различныхъ обществъ и учрежденій, чтобы спустя 10 лѣтъ высшее медицинское образованіе для женщинъ было возстановлено въ видѣ медицинскаго института, уставъ котораго гораздо менѣе удовлетворителенъ, нежели уставъ прежнихъ медицинскихъ курсовъ. Такую же мучительную исторію переживало у насъ и первоначальное народное образованіе. Земства, на обязанность которыхъ возлагалось попеченіе о народномъ образованіи, не только терпѣли отъ недостатка средствъ, но они встрѣчали такую массу формальныхъ препятствій, они были до такой степени стѣснены въ своей дѣятельности, что у самыхъ энергичныхъ изъ земскихъ дѣятелей опускались руки. Само собою разумѣется, что положеніе учителей народныхъ школъ, благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, бывало просто невыносимымъ. Вмѣсто того, чтобъ отдаваться всецѣло своей благодарной дѣятельности, имъ приходилось тратить массу душевныхъ силъ на борьбу со злобой, клеветой и инсинуаціями всякаго сорта. Можно ли было при такихъ условіяхъ поднимать умственный и нравственный уровень стомилліоннаго населенія? И все-таки самые завзятые пессимисты должны сознаться, что Россія за послѣднія 30 лѣтъ сравнительно много сдѣлала для народнаго образованія. Число школъ, благодаря земству, частнымъ лицамъ и общественнымъ союзамъ, росло съ каждымъ годомъ, книги проникали все дальше и дальше въ глушь и проникли въ самые отдаленные уголки. Даже Сибирь, не имѣющая до сихъ поръ земства, сдѣлала успѣхи въ области народнаго просвѣщенія. И тамъ число школъ растетъ. И тамъ мы встрѣчаемся съ дѣятельностью цѣлой сѣти обществъ попеченія о начальномъ образованіи, съ обществами для оказанія пособія нуждающимся. И тамъ открываются библіотеки и читальни, не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, организуются народныя чтенія. За чѣмъ другимъ, а за инціативой со стороны общества дѣло, во всякомъ случаѣ, не стало бы».

Въ настоящее время провинціальные города стали приглашать къ себѣ профессоровъ университета и лицъ, извѣстныхъ своей научной дѣятельностью, для прочтенія ряда публичныхъ лекцій по разнымъ отдѣламъ науки. Казалось бы, надо было принять всѣ мѣры для облегченія городамъ этого полезнаго начинанія. Между тѣмъ и это дѣло обставлено довольно сложною процедурой. Прежде всего надо подать прошеніе попечителю того учебнаго округа, въ которомъ находится городъ, гдѣ лекторъ хочетъ прочесть лекцію, и при этомъ представить конспектъ лекціи. Попечитель пишетъ мѣстному губернатору и дожидается его отзыва. Губернаторъ отписываетъ попечителю, и только по окончаніи этой длинной переписки получается разрѣшеніе. Но какъ только лекторъ задумаетъ прочитать лекцію въ другомъ городѣ, хотя бы и въ томъ же самомъ попечительствѣ, т.-е. въ томъ же учебномъ округѣ, полученное разрѣшеніе уже недѣйствительно, онъ долженъ опять входить съ прошеніемъ и опять выжидать той же самой переписки. Развѣ не было бы гораздо проще,—какъ справедливо замѣчаетъ *Новое Время*,—еслибы программа представлялась на разрѣшеніе,

напримѣръ, въ Петербургѣ, въ министерство и, разъ дозволенная, могла бы служить для всѣхъ русскихъ городовъ? Сколько отъ этого выигралось бы времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилось бы гораздо болѣе охоты читать лекцiи въ провинцiи.

У насъ часто слишкомъ много надзора тамъ, гдѣ его почти что не требуется, и весьма недостаточно тамъ, гдѣ онъ весьма нуженъ.

Провинцiальныя газеты, напримѣръ, полны описанiями, по-истинѣ, невѣроятныхъ непорядковъ, существующихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Западно-Сибирская дорога,—читаемъ въ *Сибирскомъ Листкѣ,*—закончилась постройкою и вошла въ общую сѣть Россiйскихъ желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ, какъ это на первый взглядъ ни странно, грузы въ Курганъ, Петропавловскъ и далѣе, частью въ Омскъ и обратно, продолжаютъ двигаться гужемъ. Картина получается довольно странная: паровозъ бѣжитъ-посвистываетъ, а рядомъ мужичокъ за возомъ идетъ. Наши челябинскiе купцы и транспортныя конторы, будто не замѣчая существованiя желѣзной дороги, продолжаютъ отправлять товары въ Сибирь и получать ихъ оттуда гужомъ. Имъ гораздо выгоднѣе сдать грузъ ямщику, чѣмъ на желѣзную дорогу, потому что и тотъ и другая берутъ за провозъ одинаковую плату съ пудо-версты, ибо всѣ товары, кромѣ сырья, оплачиваются на желѣзной дорогѣ по тарифу перваго класса, да кромѣ того при сдачѣ на желѣзную дорогу приходится уплатить за доставку товара на вокзалъ 1 коп. съ пуда, на вокзалѣ въ ожиданiи очереди (за недостаткомъ подвижного состава) караулить его, иногда цѣлыми мѣсяцами, платить за погрузку на мѣстѣ отправки и выгрузку на мѣстѣ назначенiя и вновь—отъ $^1/_2$ к. до 1 коп. за пудъ за перевозку съ вокзала. Тогда какъ при отправленiи гужомъ, во-первыхъ, сберегаются всѣ эти добавочные расходы и, во-вторыхъ, за рѣдкимъ исключенiемъ, товаръ, отправленный гужомъ, приходитъ раньше. Еще съ однимъ неудобствомъ, переплатою 1—2 коп. на пудъ, въ особенности на значительное разстоянiе, купецъ, можетъ быть и примирился бы, при условiи выигрыша во времени; но у насъ и тутъ вышло наоборотъ. Все мы сдѣлали: грузы ожидаемые высчитали, смѣту составили, жалованье по смѣтѣ получали каждаго двадцатаго числа и все иное прочее, какъ полагается по урочному положенiю; да какъ-то, совершенно случайно, забыли, что для перевозки грузовъ подвижной составъ понадобится, а безъ него, оказывается, всѣ наши разсчеты лопнули;—и идетъ мужичокъ рядомъ съ поѣздомъ да кнутикомъ пощелкиваетъ. И не на одной только Западно-Сибирской желѣзной дорогѣ, которой для начала можно бы и простить, дѣйствуютъ съ такимъ успѣхомъ, а вездѣ и всюду на Руси; со всѣхъ концовъ слышатся однѣ и тѣ же жалобы на желѣзнодорожныхъ дѣятелей. Вотъ, для примѣра, порядки Самаро-Злотоустовской желѣзной дороги, которая оперируетъ уже четыре года и, слѣдовательно, ссылаться на неопытность не можетъ. Челябинская станцiя этой дороги кругомъ обвалена хлѣбомъ: заваленъ товарный дворъ, завалена такъ называемая полоса отчужденiя, завалены всѣ помѣщенiя керосинныхъ скла-

довъ Стахѣева и Шитова и, наконецъ, самая пассажирская станція, какъ крѣпостной стѣной, завалена мѣшками съ хлѣбомъ. Паровозы суетятся, перепихивая вагоны съ мѣста на мѣсто по сортировочному парку, спихиваютъ ихъ съ насыпей, ломаютъ въ дребезги и сами ломаются. Изломившись, второпяхъ, лѣзутъ въ запертыя ворота депо, по пути и ихъ разламываютъ въ щепу, а все толку нѣтъ,—хлѣбъ все лежитъ и накопляется въ сотняхъ тысячъ пудовъ, а отправители, смотря на эту суету, только руками разводятъ да грустно головою покачиваютъ.

Недавно въ засѣданіи московскаго сельско - хозяйственнаго общества было прочитано интересное сообщеніе г. Пайчадзе, на котораго общество,— по словамъ *Нов. Дня*,—возложило осмотръ станцій Юго-Восточной желѣзной дороги по маршруту: Москва, Грязи, Борисоглѣбскъ, Елецъ,—съ цѣлью собиранія свѣдѣній о хлѣбныхъ залежахъ. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда спросъ на хлѣбъ повышался со дня на день и цѣны росли съ поразительной быстротой, говорится въ сообщеніи, снова обнаружился нашъ желѣзнодорожный недугъ, хронически повторяющійся изъ года въ годъ,—неприспособленность желѣзныхъ дорогъ къ усиленной перевозкѣ хлѣбнаго груза. Оказалось въ залежахъ на станціяхъ до 57,000 вагоновъ, что составляетъ до 34 милліоновъ пудовъ разнаго зерна. Всѣ мѣропріятія, принятыя вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ землевладѣльцевъ и хлѣботорговцевъ, не привели къ желаемымъ результатамъ. Н. С. Пайчадзе натолкнулся на цѣлый рядъ случаевъ полнаго разоренія торговцевъ, въ особенности, когда сдача хлѣба была обусловлена извѣстнымъ срокомъ и несвоевременная сдача оговорена неустойками. Особенно большія залежи обнаружены отъ ст. «Хворостянки» до «Арчеды», гдѣ скопилось 13,000 вагоновъ хлѣба, вслѣдствіе чего мѣстные торговцы понесли убытковъ свыше четверти милліона рублей. Согласно постановленія общества, докладъ Н. С. Пайчадзе будетъ представленъ на усмотрѣніе министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Подгуляла наша желѣзная дорога,—пишутъ изъ Томска въ *Восточное Обозрѣніе*,—желѣзнодорожное начальство не озаботилось запастись требуемымъ количествомъ дровъ, а потому не отапливаетъ не только вокзаловъ, но и самыхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ не знаетъ чѣмъ топить, такъ что они останавливаются на полпути за недостаткомъ топлива. Вообще, нужно сказать, что желѣзная дорога сильно таки разочаровала томичей. И прежде всего возмутились желѣзнодорожными порядками наши коммерсанты, къ великому удивленію которыхъ провозъ товаровъ по желѣзной дорогѣ сталъ обходиться далеко дороже, чѣмъ перевозка его на лошадяхъ. Этого мало: отправка грузовъ по желѣзной дорогѣ оказалась не только дороже, но и медленнѣе. Пока подашь заявленіе въ эксплуатацію, да получишь вагонъ, да нагрузишь товаръ, смотришь—грузъ, отправленный на лошадяхъ, подходитъ уже къ мѣсту назначенія. Товары, нагруженные раньше, отправляются зачастую почему-то позже; въ свою очередь нагруженные позже иногда и вовсе не отправляются и остаются ле-

жать на платформахъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что наши коммерсанты сразу же возмутились желѣзнодорожными порядками. Слѣдомъ за коммерсантами и всѣ вообще имѣющіе дѣло до желѣзной дороги горько жалуются на ея неисправности и на невѣроятные безпорядки какъ на вокзалахъ, такъ и въ пути.

Если гдѣ-либо и кѣмъ-либо предпринято хорошее общественное дѣло, провинціальная пресса не преминетъ отмѣтить его. Такъ, сибирская пресса съ похвалой отзывается объ управленіи Забайкальской желѣзной дороги, которое проявило сознаніе того, что кромѣ техническихъ и строительныхъ задачъ, на немъ лежатъ извѣстныя обязанности по отношенію къ многотысячной рабочей массѣ, находящейся отъ него въ зависимости. Дѣло въ томъ, что еще въ началѣ прошлаго года начальникъ работъ, инженеръ А. Н. Пушечниковъ, возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи открытія народныхъ читаленъ на участкахъ строящейся дороги. Цѣлый годъ прошелъ въ перепискѣ по этому предмету. Наконецъ, разрѣшеніе на ходатайство получено и желѣзнодорожная администрація могла приступить къ осуществленію задуманнаго ею дѣла. Какъ сказано въ утвержденномъ уставѣ, организуемыя читальни имѣютъ цѣлью доставить желѣзнодорожнымъ рабочимъ и жителямъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онѣ устроены, безплатное пользованіе книгами для чтенія. На содержаніе читаленъ, которыхъ предполагается учредить пока 10 въ различныхъ пунктахъ по линіи Забайкальской желѣзной дороги, управленіе работъ ассигнуетъ извѣстныя пособія. Не подлежитъ сомнѣнію, что это прекрасное начинаніе желѣзнодорожной администраціи, открывающее возможность младшимъ служащимъ, мастеровымъ и рабочимъ, посвящать свободное отъ службы и физическихъ работъ время своему умственному развитію, отразится благотворно на рабочихъ и сдѣлаетъ жизнь многихъ изъ нихъ болѣе свѣтлой. Но этимъ не исчерпывается, по словамъ сибирской прессы, значеніе даннаго дѣла. Народныя читальни, устраиваемыя въ мѣстахъ желѣзнодорожныхъ станцій, въ пунктахъ населенныхъ или такихъ, которымъ предстоитъ быть населенными, и по уставу открытыя для мѣстныхъ жителей, вѣроятно, превратятся въ постоянныя учрежденія и принесутъ большую пользу. Хотя послѣдніе годы въ Россіи отличаются необыкновеннымъ развитіемъ общественной и частной иниціативы въ сферѣ распространенія народнаго просвѣщенія, но чѣмъ дальше отъ центровъ государственной, умственной и промышленной жизни, тѣмъ слабѣе это движеніе, тѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ препятствій и затрудненій. То, что до сихъ поръ сдѣлано въ Сибири для народнаго образованія, ограничивается почти исключительно городами, и сибирской деревнѣ вѣроятно, долго еще придется ждать, пока наступитъ ея очередь. Одной изъ наиболѣе отсталыхъ частей Сибири въ этомъ отношеніи является Забайкалье, гдѣ лишь въ послѣднее время слышно о попыткахъ устройства народныхъ читаленъ, чтеній и книжныхъ складовъ. По сравненію съ медленными успѣхами просвѣтительной дѣятельности въ Забайкальи, устройство 10 народныхъ читаленъ, изъ кото-

рыхъ по проекту инженера Пушечникова 6 будутъ открыты въ селеніяхъ, является большимъ шагомъ впередъ.

Мѣстные люди отнеслись къ дѣлу, предпринятому желѣзнодорожной администраціей, съ величайшимъ сочувствіемъ. «Съ чувствомъ глубокой признательности,—пишутъ въ *Восточное Обозрѣніе* изъ Мысовой,—прочли мы циркуляръ г. начальника работъ, исполненный вѣры въ теплое сочувствіе и дружное содѣйствіе мѣстныхъ силъ въ дѣлѣ организаціи и преуспѣянія безплатныхъ народныхъ читаленъ по линіи строящейся въ нашемъ краѣ желѣзной дороги».

Какъ успѣшно дѣйствуютъ организовавшіеся уже общественные союзы въ области распространенія просвѣщенія среди народа, образцомъ можетъ служить работа харьковскаго общества грамотности, недавно издавшаго отчетъ о своей дѣятельности за прошлый годъ. Изъ этого отчета видно, что общество имѣло школъ: общеобразовательныхъ ежедневныхъ 3, женскихъ ремесленныхъ—2, воскресныхъ: мужскихъ—3 и женскихъ—4; безплатныхъ народныхъ городскихъ библіотекъ-читаленъ 7 и сельскихъ библіотекъ — 49; аудиторій для народныхъ чтеній—7 и, наконецъ, складъ книгъ и мѣста для продажи изданій общества. Въ теченіе прошлаго года обществомъ вновь открыты: школа въ одномъ изъ хуторовъ въ Харьковскомъ уѣздѣ и одноклассное женское училище съ обученіемъ шитью въ уѣздномъ городѣ Богодуховѣ. Число безплатныхъ читаленъ-библіотекъ въ прошломъ году увеличилось двумя въ Харьковѣ (4-я на Журавлевкѣ) и въ уѣздномъ городѣ Старобѣльскѣ. Открытіемъ журавлевской читальни общество значительно обезпечило мѣстныхъ жителей изъ простого народа въ средствахъ къ самообразованію. При помощи ассигнованной харьковскимъ земствомъ субсидіи, въ прошломъ году общество открыло въ Харьковской губерніи 31 сельскую библіотеку, такъ что вмѣстѣ съ раньше открытыми при его же содѣйствіи къ 1 января 1897 года ихъ было 49, причемъ въ одиннадцати изъ нихъ открыта розничная продажа книгъ и картинъ. Въ прошломъ же году общество продало на сумму до 13 тысячъ рублей 67 тысячъ книгъ своего изданія. Кромѣ трехъ аудиторій для народныхъ чтеній въ Харьковѣ, общество еще въ 1895 году открыло аудиторію въ подгородномъ селѣ Дергачахъ и въ харьковскихъ тюрьмахъ—въ прошломъ году. Всѣхъ чтеній въ трехъ аудиторіяхъ общества въ истекшемъ году было 90, а посѣтителей на нихъ—15,356. Кромѣ этого, народныя чтенія происходили въ городахъ Богодуховѣ, Волчанскѣ и Сумахъ. Общество въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ имѣетъ при себѣ издательскій комитетъ, имѣющій своею цѣлью изданіе дешевыхъ книгъ для народа. Въ прошломъ году изданій этихъ разослано безплатно 1,502 экземпляра, продано 57,116 экземпляровъ; состоитъ на коммиссіи 86,688 экземпляровъ. Источниками полученія средствъ обществомъ служили доходы съ недвижимыхъ имуществъ, членскіе взносы и сборы съ публичныхъ лекцій и увеселительныхъ вечеровъ и пожертвованія. Въ отчетномъ году общество владѣло недвижимымъ имуществомъ на 131 тысячу рублей.

Такіе крупные результаты могли быть достигнуты харьковскимъ обществомъ грамотности лишь въ силу того, что большинство членовъ его состоитъ изъ людей, горячо преданныхъ дѣлу народнаго просвѣщенія. Съ какимъ самоотверженіемъ работаютъ люди на этой плодотворной нивѣ, объ этомъ изрѣдка мы узнаемъ лишь послѣ ихъ смерти. Однимъ изъ людей такого разряда была, недавно умершая отъ чахотки, сельская учительница земской школы въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Е. Е. Кафтанникова. «Деревня и школа,—говорила она и писала въ письмахъ къ друзьямъ,—мое призваніе, девизъ моей жизни, мое все».—«Шестнадцати лѣтъ,—сообщаетъ Кафтанникова въ одномъ изъ своихъ писемъ,—вышла я изъ епархіальнаго училища со страстнымъ желаніемъ приносить какое-то, тогда еще не совсѣмъ ясное для меня, добро людямъ. Дальнѣйшая работа надъ своимъ самообразованіемъ привела меня къ мысли, что это добро я лучше всего могу приносить на учительскомъ поприщѣ». Вступивъ на это поприще, она, по свидѣтельству всѣхъ ее знавшихъ, дѣйствительно вложила въ него всю свою душу; на школу она смотрѣла какъ на служеніе народу, какъ на важное общественное дѣло. Съ цѣлью способствовать созданію интеллигенціи изъ народа, она направляла лучшихъ своихъ питомцевъ въ высшія школы, подготовляла ихъ къ экзаменамъ, добывала имъ денежныя средства, хлопотала о стипендіяхъ. Въ своей школѣ она устраивала воскресно-повторительныя занятія, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, дѣтскіе праздники, спектакли, литературные вечера, елки, хлопотала о пополненіи школьныхъ библіотекъ, изъ грошевыхъ заработковъ тратилась на покупку народныхъ книгъ, сама руководила чтеніемъ дѣтей и взрослыхъ,—словомъ, пользовалась всѣми средствами для просвѣщенія народа, какія только были въ ея распоряженіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она близко сошлась и со взрослымъ населеніемъ деревни, внимательно присматривалась къ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ, по мѣрѣ силъ стараясь вліять на всѣ стороны деревенской жизни и ходатайствуя, гдѣ слѣдуетъ, за интересы деревни. Извѣстный публицистъ Я. Абрамовъ, говоря о смерти Кафтанниковой, замѣчаетъ, что нерѣдко приходится слышать фразу, будто у насъ «нѣтъ людей»... Я жилъ, говоритъ г. Абрамовъ, нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ захолустьевъ нашей родины и тамъ положительно на каждомъ шагу встрѣчалъ на разныхъ поприщахъ людей, предъ которыми невольно склонялся съ уваженіемъ въ виду ихъ почтенной и многополезной дѣятельности. Правда, трудъ этихъ людей не шуменъ, не блестящъ, лишенъ всякихъ эффектовъ. Это—сѣрая работа, повторяющаяся изо дня въ день, могущая показаться скучною тому, кто не проникнутъ любовью къ дѣлу, къ той народной массѣ, въ чьихъ интересахъ работаютъ люди того типа, къ которому принадлежала Е. Е. Кафтанникова. Но этотъ сѣрый, малозамѣтный трудъ великъ по своимъ результатамъ. Онъ создаетъ ту почву, на которой развивается движеніе впередъ нашей родины, которая служитъ исходнымъ пунктомъ совершенствованія народа, его понятій, его матеріальнаго и моральнаго положенія.

Мѣсяца два назадъ въ Перми скончалась въ полномъ расцвѣтѣ силъ женщина-врачъ Е. П. Серебрянникова. Сибирскія газеты и *Вятскій Край* посвятили обширные некрологи о ея дѣятельности. Покойная обладала всѣми качествами общественнаго дѣятеля, умѣла объединять людей и воодушевлять ихъ. Каждое хорошее начинаніе встрѣчало въ ней откликъ; многое полезное было сдѣлано по ея иниціативѣ. По ея почину была открыта губернскимъ земствомъ амбулаторія по глазнымъ болѣзнямъ при Александровской земской больницѣ. Завѣдывая глазнымъ отдѣленіемъ, она пользовалась вполнѣ заслуженною репутаціей искуснаго и свѣдущаго окулиста. Больные стекались къ ней со всѣхъ концовъ обширной Пермской губерніи, изъ Сибири, Вятской губерніи и смежныхъ уѣздовъ Вологодской. Благодаря ея энергіи и иниціативѣ, въ Перми устроено, на частныя пожертвованія, прекрасное убѣжище для слѣпыхъ дѣтей, съ мастерскими и училищемъ. Е. П. принимала живое участіе въ организаціи публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ, въ памятный для всѣхъ 1892 годъ. Она принимала живое участіе въ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ, а именно—въ пермскомъ экономическомъ обществѣ и въ уральскомъ обществѣ любителей естествознанія. Въ числѣ другихъ врачей Александровской больницы, она читала лекціи по физикѣ, физіологіи и глазнымъ болѣзнямъ въ фельдшерской школѣ и была однимъ изъ лучшихъ лекторовъ. Устройство народной читальни въ рабочихъ кварталахъ г. Перми и организація общества взаимопомощи народныхъ учителей и учительницъ Пермской губерніи—вотъ два недавнихъ начинанія пермскаго общества, въ которыхъ Е. П. еще разъ проявила свою иниціативу и недюжинный организаторскій талантъ.

Въ Екатеринбургѣ, между членами уральскаго общества любителей естествознанія, идетъ подписка на образованіе стипендіи имени Е. П. Серебрянниковой при высшихъ женскихъ медицинскихъ курсахъ. Служащіе губернскаго земства, «чтя глубоко память Е. П. какъ врача и человѣка», постановили отчислять 1% изъ получаемаго жалованья на капиталъ для стипендіи имени Серебрянниковой на тѣхъ же курсахъ.

Большую утрату понесли также Тихвинскій и Боровичскій уѣзды со смертью врача новгородскаго губернскаго земства В. В. Ле-Данти. Чувство глубокой признательности побудило тихвинскую земскую управу напечатать въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* характеристику его дѣятельности. Давая характеристику дѣятельности покойнаго,—говоритъ земская управа, — мы исполняемъ нравственный долгъ людей, на глазахъ которыхъ прошла эта молодая жизнь, полная глубокаго значенія для нашего края. В. В. Ле-Данти скончался отъ сыпного тифа, которымъ заразился при посѣщеніи больныхъ. Шесть лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ окончанія курса въ военно-медицинской академіи, покойный занялъ мѣсто участковаго земскаго врача при пріемномъ покоѣ въ отдаленномъ краю уѣзда, прилегающемъ къ границѣ Олонецкой губерніи, заселенномъ почти исключительно крестьянами, частью чухарями; быстро завоевалъ онъ симпатіи населенія, и край, полный невѣжественныхъ предразсудковъ, затребовалъ

черезъ нѣсколько лѣтъ разумной медицинской помощи, такъ что за послѣдніе годы, несмотря на скудость земскихъ средствъ, тамъ устраивается большая больница съ врачомъ, фельдшеромъ и акушеркой; устроены 2 новыхъ фельдшерскихъ пункта и открывается еще новый пріемный покой съ врачомъ, фельдшеромъ и акушеркой. Такой быстрый успѣхъ медицинскаго дѣла объясняется тѣмъ, что представителемъ его явился человѣкъ, вложившій душу и колоссальную энергію въ свою трудную работу. Тяжелыя условія, при которыхъ ему пришлось работать,—участокъ его требовалъ обязательнаго ежемѣсячнаго объѣзда въ 250 верстъ, помимо экстренныхъ выѣздовъ,— не ослабили его энергіи, и дорогія свойства для каждаго, въ особенности для земскаго врача: способность понимать народъ и быстро сходиться съ нимъ — помогли ему и въ этомъ дѣлѣ: по пути его объѣзда у него были пункты заѣздовъ, гдѣ его встрѣчали радушіе и теплое участіе. Его работа, помимо просвѣтительнаго вліянія на край, облегчила работу и его преемникамъ: участокъ по постановленію послѣдняго земскаго собранія разбитъ на два между двумя врачами, такъ что условія завѣдыванія значительно облегчены. Но главная роль его была въ борьбѣ съ эпидеміями тифа, охватившими участокъ. Начавши эту борьбу еще участковымъ врачомъ, покойный продолжалъ ее какъ эпидемическій врачъ губернскаго земства для Тихвинскаго и Боровичскаго уѣздовъ, причемъ поселился въ Тихвинѣ. Сѣть больничекъ, устроенныхъ въ избахъ, при самой простой крестьянской обстановкѣ, служащей для изоляціи заразныхъ больныхъ, была посильна скромному бюджету земства и въ то же время помогала борьбѣ съ эпидеміями тифовъ, давая возможность ухода и лучшаго питанія больныхъ. Сѣть столовыхъ, устроенныхъ имъ и служившихъ для послѣдней цѣли, способствовала прекращенію эпидемій, и все это достигалось его вліяніемъ на темныя массы, его близостью къ народу. Заставить идти изъ семьи въ больницу нелегко, но что представляетъ непреодолимыя иногда трудности для другихъ, чуть не со вмѣшательствомъ властей, то для него было дѣломъ непродолжительнаго убѣжденія. Теплота и свѣтъ, которые онъ носилъ въ себѣ, разсѣивали мракъ суевѣрій и предразсудковъ. Поразительная энергія этого богатыря по внѣшности не знала устали: будучи эпидемическимъ врачомъ для двухъ уѣздовъ, онъ дѣлалъ по нѣскольку сотъ верстъ и, возвратившись въ семью, долженъ былъ черезъ нѣсколько дней вновь пускаться въ путь. Никакихъ жалобъ на обременительность труда, на усталость или на лишенія въ пути! Все скрывалось подъ доброй улыбкой его честнаго, открытаго лица. Тяжело утрачивать близкихъ людей для семьи, но потеря работниковъ, подобныхъ покойному, на земской нивѣ, это,— заявляетъ управа,— крупное общественное горе, и память о немъ долго не умретъ среди населенія Тихвинскаго и Боровичскаго уѣздовъ.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый законъ о нормѣ рабочаго времени на фабрикахъ.—Дѣятельность Московскаго общества грамотности.—Вопросы народнаго образованія.—Уставъ попечительствъ о народной трезвости.—По поводу брошюры г. Багницкаго о русско-польскихъ отношеніяхъ.—Мнѣнія провинціальной прессы о столичной.—Вѣсти объ урожаѣ.—О введеніи земскихъ учрежденій въ Тифлисской губерніи.—Письмо г-жи А. Н. Слетовой и разборъ ея дѣла въ тамбовскомъ окружномъ судѣ.—Предстоящее введеніе судебной реформы Императора Александра II въ Уфимской и Астраханской губ.—По поводу приказа генерала Вревскаго.—О памятникахъ Мицкевичу и Гоголю.—Отношеніе русской печати къ армянамъ.

Въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ, такъ удачно начатомъ, въ послѣдніе годы наступила пріостановка и даже попятное движеніе. Фабричный инспекторатъ, который пріобрѣлъ общественное уваженіе на первыхъ порахъ, когда фабричными инспекторами были такіе дѣятели, какъ профессоръ Янжулъ, докторъ Песковъ и др., затѣмъ поблѣднѣлъ и стушевался, отчеты фабричныхъ инспекторовъ перестали появляться въ печати. Тѣмъ съ большею радостью привѣтствуемъ мы новый и крупный шагъ впередъ нашего законодательства, Высочайше утвержденное 2 іюня мнѣніе государственнаго совѣта, опредѣляющее норму рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ, частныхъ, принадлежащихъ кабинету Его Величества, удѣльныхъ и казенныхъ *).

По новому закону, для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, рабочее время не должно превышать одиннадцати съ половиною часовъ въ сутки, а по субботамъ и въ кануны шести двунадесятыхъ праздниковъ — десяти часовъ. Въ канунъ Рождества Христова работы должны быть окончены не позже полудня. Для рабочихъ, хотя бы отчасти занятыхъ ночью, рабочее время не должно превышать десяти часовъ въ сутки (ночнымъ временемъ считается при работѣ одною смѣною время между девятью часами вечера и пятью утра, при работѣ въ двѣ и нѣсколько смѣнъ—время отъ десяти часовъ вечера до четырехъ часовъ утра) **).

---

*) Техническія заведенія военнаго и морского министерствъ подчиняются особымъ положеніямъ и правиламъ.

**) По § 6, въ росписаніе праздниковъ, „въ которые не полагается работы (п. 2 ст. 142 Уст. пром., Св. Зак. т. XI, ч. II, изд. 1893 г.), обязательно включаются

Подлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется издавать въ развитіе новаго закона правила и инструкціи. Допускается сверхъурочная работа, по особому соглашенію завѣдующаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочими. «Въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхъурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства». Министрамъ предоставляется также право «издавать правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ производствахъ и работахъ, особенно вредныхъ для здоровья рабочихъ, съ уменьшеніемъ установленной въ ст. 4-й и 5-й наибольшей продолжительности рабочаго времени въ зависимости отъ свойственнаго этимъ производствамъ и работамъ вреда, и о тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыя приняты къ ослабленію онаго».

Законъ долженъ быть введенъ въ дѣйствіе къ 1 января будущаго года, но подлежащіе министры, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, могутъ вводить его и ранѣе, по отдѣльнымъ областямъ или по той или другой вѣтви промышленности.

Новый законъ и справедливъ, и гуманенъ. Онъ не можетъ не отразиться выгодно на успѣхахъ національнаго труда, неразрывно связаннаго съ духовнымъ и физическимъ благосостояніемъ рабочаго. Такой «протекціонизмъ» можетъ вызывать лишь глубокое сочувствіе каждаго, кому дороги здоровье, экономическое, нравственное и умственное развитіе русскаго народа. Мы нѣсколько опасаемся лишь возможности злоупотребленій со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ тою статьею закона, которая дозволяетъ внесеніе въ договоръ сверхъурочной работы. Какъ она будетъ оплачиваться, и не отразится ли это неблагопріятно, по отношенію къ рабочимъ, на примѣненіи новаго закона?

Московскія Вѣдомости, привѣтствуя законъ 2 іюня, обезпокоены, однако, его введеніемъ къ 1 января 1898 года: по разсчетамъ газеты, установленіе рабочаго деннаго времени въ 11½ час. и ночного въ десять поведетъ къ необходимости увеличенія числа рабочихъ на 100,000. Теперь, по мнѣнію газеты, у насъ, при ночной работѣ, дѣйствовали обыкновенно двѣ смѣны, по 12 часовъ каждая. Намъ это представляется страннымъ. Не имѣютъ ли въ виду *Московскія Вѣдомости* двѣнадцать часовъ *непрерывнаго труда*—безъ остановокъ для завтрака, обѣда и ужина?

всѣ воскресные и слѣдующіе праздничные дни: 1-го и 6-го января, 25-го марта, 6-го и 15-го августа, 8-го сентября, 25-го и 26-го декабря, пятокъ и суббота Страстной недѣли, понедѣльникъ и вторникъ Пасхальной недѣли, день Вознесенія Господня и второй день праздника Сошествія Св. Духа". Для неправославныхъ рабочихъ „разрѣшается не вносить въ росписаніе праздниковъ тѣ изъ указанныхъ въ сей (6) статьѣ праздничныхъ дней, которые не чтутся ихъ церковью. Для рабочихъ - нехристіанъ допускается внесеніе въ росписаніе праздниковъ другихъ дней недѣли, взамѣнъ воскресныхъ, сообразно закону ихъ вѣры; внесеніе же остальныхъ упомянутыхъ въ сей (6) статьѣ праздниковъ для нихъ необязательно".

Съ увеличеніемъ числа рабочихъ, — продолжаютъ *Московскія Вѣдомости*,—«придется соотвѣтственно расширить ихъ помѣщенія, построивъ новыя зданія приблизительно на сто тысячъ человѣкъ. Трудно думать, чтобы въ остающійся полугодовой срокъ фабрично-заводскія предпріятія успѣли справиться съ этими постройками. Поэтому нѣкоторымъ мѣстностямъ придется дать льготный срокъ для подготовки предпріятій ко введенію въ дѣйствіе закона о нормировкѣ рабочаго дня. Въ противномъ случаѣ этотъ законъ можетъ привести не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія рабочихъ» *).

Мы надѣемся, что желаніе *Московскихъ Вѣдомостей* исполнено не будетъ, и льготнаго срока давать «не придется». Постройки возводятся лѣтомъ и частью осени. Продленіе срока для ихъ возведенія (мы не отрицаемъ, что въ этомъ можетъ встрѣтиться надобность, хотя, повторяемъ, не понимаемъ подсчета *Московскихъ Вѣдомостей*) на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ не имѣетъ никакого смысла.

Въ прошломъ обозрѣніи мы обѣщали вернуться къ дѣятельности московскаго общества грамотности. Въ нашемъ распоряженіи находятся теперь провѣренныя данныя изъ отчета правленія общества за 1896 годъ. Въ этомъ году лицомъ, которое пожелало остаться неизвѣстнымъ и обратилось первоначально къ извѣстному педагогу Д. И. Тихомирову, было внесено очень крупное пожертвованіе совѣту комитета грамотности, исполнявшему обязанности правленія общества. Благодаря этому пожертвованію, коммиссіи развили свою дѣятельность до небывалыхъ размѣровъ. Коммиссіи съ трудомъ справлялись съ выпавшею на ихъ долю задачею, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены коммиссій ушли изъ нихъ съ передачей комитета грамотности въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Приведемъ нѣсколько числовыхъ данныхъ, краснорѣчіе которыхъ очевидно.

Коммиссія по воскреснымъ школамъ **) содѣйствовала открытію 12 новыхъ сельскихъ воскресныхъ школъ, снабдила ихъ библіотеками (по 20 руб. каждая) и необходимыми учебниками. Въ 129 воскресныхъ школъ высланы библіотеки, оказано содѣйствіе 128 лицамъ, пожелавшимъ устроить народныя чтенія (на сумму въ 1,045 р.). Изъ переписки съ земскими управами, училищными совѣтами и инспекторами народныхъ училищъ выяснилось, что можно разсчитывать на скорое открытіе еще *ста* воскресныхъ школъ. Библіотеки для нихъ были коммиссіею уже заготовлены. Въ 35 воскресныхъ городскихъ школъ разослано книгъ на 878 рублей, московскимъ (городскимъ) воскреснымъ школамъ оказано содѣйствіе на сумму въ 785 руб.

Коммиссія по книжнымъ складамъ содѣйствовала открытію книжной торговли въ 46 мѣстахъ и открыла этимъ складамъ кредитъ въ 1,237 р.

---

*) *Моск. Вѣд.*, № 166.

**) Предсѣдатель В. П. Вахтеровъ.

Особенно плодотворна была дѣятельность библіотечной коммиссіи *). Ей пришла счастливая мысль: разослать въ земства, въ училищные совѣты, въ волостныя правленія и т. д., предложеніе объ открытіи библіотекъ-читаленъ для взрослыхъ. Въ случаѣ согласія коммиссія обязывалась высылать книгъ на такую же сумму, какую съ своей стороны назначатъ тѣ или другія учрежденія и лица. Это предложеніе вызвало такое сочувствіе, что коммиссія не могла исполнить весьма значительной доли требованій, потому что истощились ея средства. Земства, сельскія общества и частныя лица въ общей сложности ассигновали на это благое дѣло до 20,000 рублей, коммиссія — болѣе 22,000 руб. Такимъ образомъ основано въ одинъ годъ 282 библіотеки-читальни для взрослыхъ. 37 уже существовавшимъ читальнямъ оказано пособіе. Школьныхъ библіотекъ разослано коммисіею 765, на 11,910 р. Постороннихъ заказовъ для школъ исполнено на 6,977 р.

Приведенными данными не исчерпывается работа московскаго общества грамотности за прошлый годъ, но мы ограничимся ими. Всякому безпристрастному человѣку ясно, что эта работа была велика и плодотворна. Напомнимъ, что въ шесть лѣтъ, предшествовавшихъ 1896 году, книгъ и пособій московскій комитетъ грамотности могъ разослать только на десять съ небольшимъ тысячъ рублей. Правда, необычайная дѣятельность общества грамотности на этотъ разъ обусловливалась упомянутымъ нами пожертвованіемъ; но именно это и свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ, что въ московскомъ обществѣ грамотности не пропадаетъ безслѣдно и безцѣльно та энергія, которая накоплена была въ московскомъ комитетѣ грамотности.

Пермское губернское земское собраніе, заботливо относящееся къ нуждамъ народнаго образованія, постановило образовать особый фондъ (въ 24 тысячи рублей), чтобы выдавать пособія сельскимъ обществамъ для постройки зданій для народныхъ училищъ. Мѣстное по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе и мѣстный губернаторъ нашли эту мѣру, какъ сообщаетъ нижегородскій *Волгарь*, «ненормальною, клонящеюся къ ущербу платежныхъ силъ населенія». Къ счастію, министръ внутреннихъ дѣлъ взглянулъ на это дѣло вполнѣ справедливо. Въ означенномъ постановленіи онъ не усмотрѣлъ нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія, такъ какъ при бюджетѣ земства свыше 500,000 руб. внесеніе въ смѣту суммы, необходимой для образованія упомянутаго фонда, не можетъ сопровождаться сколько-нибудь значительнымъ увеличеніемъ окладовъ земскаго сбора.

Такимъ образомъ достойное общаго сочувствія постановленіе пермскаго губернскаго земскаго собранія будетъ приведено въ исполненіе.

---

20 декабря 1894 года былъ утвержденъ *Уставъ попечительствъ о народной трезвости*. Въ нынѣшнемъ году министромъ финансовъ одобре-

*) Предсѣдатель С. Г. Смирновъ.

ны *Руководящія указанія для дѣятельности попечительствъ о народной трезвости* *). «Нисколько не предаваясь надеждамъ о возможности достигнуть при содѣйствіи попечительствъ о народной трезвости,—такъ начинаются указанія,—совершеннаго прекращенія употребленія населеніемъ крѣпкихъ напитковъ **), Высочайше утвержденный, 20 декабря 1894 года, уставъ объ этихъ попечительствахъ возлагаетъ на нихъ болѣе близкую и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ осуществимую задачу—«огражденія населенія отъ *злоупотребленія* крѣпкими напитками». Это прямо выражено въ ст. I Устава, опредѣляющей цѣль учрежденія попечительствъ, и та же точка зрѣнія проведена и въ ст. II Устава, гдѣ, въ числѣ ближайшихъ задачъ попечительствъ, указывается (п. б) на желательность распространенія «среди населенія здравыхъ понятій о вредѣ *неумѣреннаго* употребленія крѣпкихъ напитковъ» и на необходимость составленія и распространенія съ этою цѣлью изданій, разъясняющихъ вредъ *злоупотребленія* таковыми».

Указанія справедливо говорятъ, что главное наше народное (послѣ невѣжества) горе—пьянство—характеризуется не тѣмъ, что народъ вообще пьетъ чрезмѣрно (на это у него и средствъ нѣтъ), а тѣмъ, что русскій человѣкъ безобразно напивается въ нѣкоторые (праздничные) дни. На Западѣ пьютъ больше, но равномѣрно. *Указанія* прибавляютъ, что попечительства не должны стремиться къ тому, чтобъ у народа развивалась привычка къ повседневному употребленію вина; попечительства должны быть чужды и фискальныхъ соображеній.

Въ числѣ цѣлей, которая, по *Указаніямъ*, должны имѣться въ виду попечительствами о народной трезвости, мы отмѣтимъ одну: они должны «изыскивать средства для предоставленія населенію возможности проводить *свободное время* внѣ питейныхъ заведеній». *Указанія* высказываютъ по этому поводу здравыя мысли. Признавая за *чайными* значеніе хорошихъ орудій въ борьбѣ противъ пьянства, они настаиваютъ на томъ, что однѣ чайныя горю не помогутъ. «Надлежитъ озаботиться,—говорятъ *Указанія*,—чтобы чайныя были устраиваемы въ достаточно обширныхъ, свѣтлыхъ помѣщеніяхъ, чтобы каждою чайною получалось не менѣе одной ежедневной газеты и одного еженедѣльнаго или ежемѣсячнаго, по возможности, иллюстрированнаго журнала, и чтобы посѣтители въ вечерніе часы или праздничные дни могли найти здѣсь и другія какія-либо развлеченія, въ смыслѣ ли гимнастическихъ упражненій (лазаніе на шестъ съ сюрпризами, бѣгъ въ мѣшкахъ и т. п.), или музыкальныхъ занятій (аристонъ) и игръ (наприм., городки, кегли, шашки)».

Затѣмъ *Указанія* имѣютъ въ виду устройство народныхъ читаленъ, библіотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній, музыкальныхъ занятій, театровъ и гуляній.

---

*) Печатано по распоряженію главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

**) Акцизъ съ нихъ — главный источникъ государственныхъ доходовъ.

Все это благія намѣренія, и прискорбно, что для осуществленія ихъ у насъ такъ много формальныхъ препятствій.

Намъ доставлена брошюра г. Багницкаго: *Политическая исповѣдь современнаго поляка* *). Эпиграфы, избранные авторомъ, достаточно опредѣленно выражаютъ проводимыя имъ мысли. Г. Багницкій съ одной стороны, вѣритъ, что національности могутъ мирно устроиться между собою; съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что историческую народность невозможно уничтожить. Читатели знаютъ, что *Русская Мысль* во всѣ годы своего существованія придавала большую цѣну справедливому улаженію русско-польскихъ отношеній. Г. Багницкій говоритъ, что Высочайшій указъ сенату (о немъ см. въ майской книгѣ *Русской Мысли*) «открываетъ новую эру въ русско-польскихъ отношеніяхъ, именно—эру постепеннаго сглаживанія слѣдовъ злополучнаго возстанія 1863 г. отмѣною русскимъ правительствомъ тѣхъ мѣропріятій, которыя были вызваны революціей и репрессіей».

Авторъ, считая возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года неосуществимымъ практически, идетъ далѣе и говоритъ, что такая программа находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ современнымъ нравственно-правовымъ идеаломъ Европы въ области государственнаго строительства: «Такое возстановленіе оставило бы за чертой польской государственности около двухъ милліоновъ поляковъ, населяющихъ сплошною массой южную часть Восточной Пруссіи (Provinz Ost-Preussen), треть прусской Силезіи (Ober-Schlesien) и почти половину Силезіи австрійской (Fürstenthum Teschen), примыкающихъ къ сплошному же польскому населенію въ Царствѣ и Западной Галиціи. Возстановляя Польшу 1772 года, пришлось бы оторвать отъ *Всероссійской* имперіи чуть ли не половину малороссовъ и всѣхъ бѣлоруссовъ, тогда какъ нынѣшняя государство-строительная этика и юриспруденція признаютъ ихъ принадлежность въ Россіи правомѣрнымъ вполнѣ и принципіально высказываются даже за пріобщеніе къ общерусской державѣ и галицкихъ руссиновъ. Наконецъ, это возстановленіе отрѣзало бы три милліона нѣмцевъ, сплошь населяющихъ сѣверную часть Восточной Пруссіи, отъ Германской имперіи».

Г. Багницкій протестуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ вотчинно-дворянскихъ польскихъ стремленій и высказываетъ надежду на мирное сближеніе задачъ русской и польской національностей. Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ отнеслись къ этой брошюрѣ съ недовѣріемъ и даже враждебно, со стороны другихъ она была встрѣчена сочувственно. Авторъ отвѣчалъ на сдѣланныя ему возраженія (въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, 30, 31 мая и 6 іюня). Г. Багницкій приводитъ въ доказательство своего мнѣнія и экономическія соображенія: Польша, отдѣленная отъ Россіи, но не имѣющая доступа къ морю (этого доступа ей не дозволитъ Германія), попадетъ въ

---

*) Спб., 1897 г. Брошюра издана и по-руски, и по-польски.

зависимость отъ Германіи и Австріи, лишившись всѣхъ выгодъ русскаго (европейскаго и азіатскаго) рынка. Въ общемъ мы можемъ отнестись къ брошюрѣ и статьямъ г. Багницкаго съ искреннимъ сочувствіемъ.

Смоленскій Вѣстникъ, по мнѣнію *Волжскаго Вѣстника,* «высказываетъ по адресу столичной газетной прессы горькую истину». Читатели знаютъ, съ какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ относимся мы къ провинціальной печати, но въ данномъ случаѣ обвиненія обоихъ *Вѣстниковъ* считаемъ рѣшительно неправильными. Вотъ что говоритъ *Смоленскій Вѣстникъ,* вотъ какая *горькая истина* возвѣщается этою газетой: «Въ своемъ родѣ великолѣпное явленіе представляетъ въ наше время столичная пресса,—говоритъ газета. Толки о «пограничной» линіи между греческой и турецкой территоріей, о размѣрѣ контрибуціи и т. п. не сходятъ съ ея столбцовъ. Будто турецкіе интересы—русскіе интересы. Впрочемъ, для большинства петербургскихъ газетъ это—обычное явленіе. Всегда они занимались чьими угодно «интересами», кромѣ русскихъ. Мнѣніе, высказанное членомъ парламента въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, является предметомъ обсужденія въ передовыхъ статьяхъ, будто тамъ ихъ безъ насъ и разобрать не могутъ, и оцѣнить не могутъ по достоинству. Мы спѣшимъ на выручку, т.-е., конечно, наши петербургскія газеты. Но нашими собственными вопросами мы не занимаемся. А если занимаемся, то на послѣднихъ столбцахъ,—дѣло, очевидно, не важное. Вотъ что скажетъ процессъ Люцова, что сказалъ въ парламентѣ N. N. — это важно, а, напримѣръ, что Россіи, кажется, грозитъ неурожай, судя по сообщеніямъ оффиціальной *Торгово-Промышленной Газеты,* — это уже дѣло послѣднихъ столбцовъ. Мѣсто отдано заявленіямъ какого-нибудь мошенника изъ Берлина или Вѣны, а для «русскихъ интересовъ» мѣста нѣтъ, и рядомъ же сѣтованія на то, что у Англіи вездѣ «интересы». И дѣйствительно, вездѣ, и тѣмъ эта страна велика и могущественна. Но у насъ нигдѣ нѣтъ «интересовъ», даже въ глубинѣ Россіи. Попробуйте перечислить по пальцамъ газеты, занимающіяся преимущественно русскими интересами. Для этого и трехъ пальцевъ достаточно».

Пора бы бросить эти обвиненія Петербурга. Иностранныя политическія извѣстія занимаютъ въ петербургскихъ газетахъ, дѣйствительно, много мѣста. Но всякій, кто вдумается въ переживаемое нами время, пойметъ, что это необходимо и плодотворно. А извѣстія о плохихъ видахъ на урожай тянутся непрерывно на столбцахъ всѣхъ столичныхъ газетъ. *Торгово-Промышленная Газета* напечатала свѣдѣнія о состояніи хлѣбовъ въ началѣ іюня (по даннымъ земскихъ управъ и разныхъ корреспондентовъ). Свѣдѣнія эти неутѣшительны. Урожай озимыхъ хлѣбовъ ожидается ниже средняго, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и совсѣмъ неудовлетворительный. Въ Ставропольской губерніи, напримѣръ, вслѣдствіе засухи, озими во многихъ мѣстахъ пропали и косятся на кормъ. Неудовлетворительно и состояніе яровыхъ въ большинствѣ губерній, составляющихъ житницу Россіи. Хоро-

шая жатва предвидится въ Царствѣ Польскомъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ нечерноземныхъ. По *Отчету московской губернской земской управы о состояніи посѣвовъ и травъ къ 10 іюня 1897 г.* дѣло представляется въ неутѣшительномъ видѣ. «За исключеніемъ Польши и Прибалтійскаго края, по всей Европейской Россіи количество осадковъ, выпавшихъ минувшею осенью, на 20—40% было ниже нормальнаго. Особенно сильная засуха постигла Новороссію и среднія черноземныя губерніи между Днѣпромъ и Волгой, а также Самарскую и Ставропольскую губерніи. Осеннія полевыя работы, благодаря засухѣ, сильно запоздали, и сѣвъ озимей пришлось отодвинуть далеко позже обычнаго. Посѣвы въ большинствѣ черноземныхъ губерній, не получая достаточно влаги, начали увядать и желтѣть, ростки плохо держались въ сухой почвѣ, а мѣстами вѣтеръ и вовсе выдувалъ всходы». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ того, озимые посѣвы пострадали отъ гессенской мухи. Съ наступленіемъ весны положеніе ухудшилось. Въ 27 губерніяхъ урожай предвидится ниже средняго, «причемъ въ большей половинѣ неблагополучныхъ губерній одинаково плохи и озимые, и яровые». Урожай настоящаго года дастъ 275—300 милліоновъ четвертей (въ предыдущее четырехлѣтіе онъ равнялся 385—425 милліонамъ четвертей).

Цѣны на хлѣбъ начинаютъ повышаться. Земства встревожены и собираются въ чрезвычайныя собранія для принятія мѣръ къ предотвращенію бѣдствія, угрожающаго населенію. На помощь придетъ, конечно, правительство, но, какъ показалъ опытъ и на что можно было разсчитывать, сопоставляя способы дѣйствія самоуправленія и бюрократіи, помощь на мѣстѣ всего лучше организуетъ земство. Поэтому съ чувствомъ живого нравственнаго удовлетворенія встрѣчено въ обществѣ намѣреніе правительства ввести земскія учрежденія на нашихъ окраинахъ. Въ прошломъ году князь Тумановъ возбудилъ въ тифлисскомъ дворянскомъ собраніи вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Тифлисской губерніи. Собраніе поручило князю Туманову составить по этому поводу докладъ, который былъ разсмотрѣнъ въ коммиссіи изъ предводителей и депутатовъ дворянства. Въ недавно бывшемъ дворянскомъ собраніи князь Тумановъ защищалъ свое предложеніе. Дворянство, по его мнѣнію, безъ земскихъ учрежденій не можетъ справиться съ своими настоятельнѣйшими нуждами *). На возраженія, что край недостаточно подготовленъ для этой благодѣтельной реформы, кн. Тумановъ отвѣчаетъ: «Тридцать три года тому назадъ, когда впервые вводились въ русскихъ губерніяхъ земскія учрежденія, тамъ образованіе въ массѣ не болѣе было развито, чѣмъ теперь у насъ. Между тѣмъ, не только дворяне, но и безграмотные крестьяне, которымъ случалось засѣдать въ земскихъ управахъ, съ пользой служили общественному дѣлу. Это потому, что завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ не требуетъ спеціальныхъ познаній или широкаго общаго образованія; члену земской управы доста-

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 156.

точно имѣть извѣстныя практическія свѣдѣнія, знаніе мѣстной жизни, здравый смыслъ и желаніе честно служить общему дѣлу. Неужели среди насъ не найдутся такіе люди? Жалуются на низкій уровень образованія массы, но именно для распространенія образованія и нужны земскія учрежденія. Они-то и заботятся больше всего объ умноженіи школъ».

Поддерживая предложеніе князя Туманова, гн. Чавчавадзе сказалъ: «Намъ предлагаютъ быть хозяевами своихъ денегъ. Мы и теперь платимъ въ земскую кассу болѣе 600 тысячъ рублей въ годъ. Отчего намъ самимъ не получать эту сумму и не давать ей то назначеніе, какое мы сами желаемъ? Кто можетъ возражать противъ этого?»

По предложенію предсѣдателя собранія, избрана коммиссія для разсмотрѣнія проекта земскихъ учрежденій (отъ уѣздовъ Тифлисской губерніи). Срокомъ ея работъ назначенъ октябрь, и затѣмъ проектъ долженъ быть разсмотрѣнъ въ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи.

Отъ А. Н. Слетовой мы получили слѣдующее письмо по поводу «опроверженія» г. тамбовскаго инспектора Бойкова:

«Въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за текущій годъ, на основаніи 138 и 139 ст. Уст. ценз., помѣщено за подписью тамбовскаго инспектора училищъ Бойкова опроверженіе на статью проф. Иванюкова. Я не стала бы, пожалуй, возражать г. Бойкову, еслибъ онъ касался только лично меня. Но его опроверженіе затрогиваетъ, кромѣ того, нѣкоторые существенные интересы воскресныхъ школъ и заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ фактическихъ неточностей.

«Г. Бойковъ пишетъ: «Г-жа Слетова составила и отослала на бывшую Всероссійскую выставку отчетъ о ввѣренной ей воскресной школѣ, не ознакомивъ предварительно съ его содержаніемъ ни уѣздный училищный совѣтъ, ни инспектора народныхъ училищъ, съ разрѣшенія которыхъ она только и могла давать кому-либо отчеты или свѣдѣнія о воскресной школѣ». «Представь она свой отчетъ по начальству, изъ него, несомнѣнно, было бы вычеркнуто многое».

«Совершенно невѣрно, будто по закону завѣдующіе воскресными школами обязаны представлять по начальству всякаго рода отчеты и даже просто свѣдѣнія о своихъ школахъ. Воскресныя школы Положеніемъ 25 мая 1874 г. отнесены къ общему типу начальныхъ народныхъ училищъ (отд. I, ст. 2 п. 4). Въ этомъ Положеніи содержится только одна статья, касающаяся отчетности школъ: «Начальныя народныя училища освобождаются отъ представленій всякаго рода срочныхъ вѣдомостей, донесеній и т. п. Необходимыя о нихъ свѣдѣнія собираются членами училищнаго совѣта на мѣстѣ при осмотрѣ училищъ» (отд. I, ст. 15). Никакихъ дальнѣйшихъ дополненій къ этой статьѣ Положеніе не содержитъ. Нѣтъ ихъ и въ Высочайше утвержденной 29 окт. 1871 года «Инструкціи инспекторамъ нар. училищъ». Въ настоящее время наши педагогическіе журналы то и дѣло помѣщаютъ статьи, рефераты, замѣтки и наблюденія изъ практики

воскресныхъ школъ, наприм., работы Х. Д. Алчевской, Э. О. Кислинской. Всѣ эти статьи и очерки печатаются и, такимъ образомъ, дѣлаются достояніемъ публики, на общемъ цензурномъ основаніи, и вовсе не отсылаются на предварительный просмотръ инспекторамъ училищъ, чтобы эти послѣдніе могли, говоря словами М. А. Бойкова, «вычеркивать изъ нихъ многое».

«Да и самъ г. Бойковъ вспомнилъ о своемъ правѣ цензуровать мой рефератъ о ходѣ занятій въ школѣ лишь тогда, когда появилось въ *Тамб. Вѣдом.* сообщеніе анонимнаго корреспондента, положившее начало этому дѣлу. Въ опроверженіи своемъ г. Бойковъ заявляетъ, что какъ только онъ увидѣлъ мой отчетъ на выставкѣ, такъ тотчасъ и «рѣшилъ сдѣлать своевременно должное предостереженіе г-жѣ Слетовой». Не могу не замѣтить, однако, что, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ ничѣмъ не проявилъ этой рѣшимости, хотя неоднократно видѣлся со мной, разговаривалъ о присужденіи школѣ на основаніи отчета диплома и выражалъ по этому поводу свое удовольствіе и благодарность. Такимъ образомъ, за одно и то же «дѣяніе» я получила отъ своего начальства сначала благодарность, а затѣмъ выговоръ и приглашеніе оставить завѣдываніе школой.

«Въ своемъ опроверженіи г. Бойковъ говоритъ, что съ его стороны не было сдѣлано мнѣ никакихъ предложеній о выходѣ въ отставку. Но учительница воскресной школы, г-жа Смирнова, передала мнѣ, по его личной просьбѣ, что директоръ поручилъ ему меня уволить и что я лучше сдѣлала бы, еслибъ сама оставила школу. Г-жа Смирнова подтвердила это подъ присягой на судебномъ слѣдствіи. Кромѣ того, не задолго до этого, самъ директоръ училищъ, въ видѣ выговора за представленіе на выставку отчета, не просмотрѣннаго предварительно инспекторомъ, заявилъ, что если я не знаю своихъ обязанностей, то лучше мнѣ ихъ сложить съ себя. Конечно, мнѣ не оставалось ничего сдѣлать, какъ подать то прошеніе объ отставкѣ, которое г. Бойковъ цитируетъ, доказывая, что я оставила школу по собственной иниціативѣ.

«Далѣе, г. Бойковъ утверждаетъ, что въ школѣ произошелъ расколъ, какъ только учащіе въ ней узнали о содержаніи отчета и что нѣкоторые тотчасъ же заявили о своей несолидарности съ нимъ. Позволяю себѣ въ этомъ усумниться въ виду имѣющагося у меня коллективнаго письма за подписями всѣхъ учащихъ (оно напечатано въ № 1 *Русской Мысли*). Правда, этому предшествовалъ уходъ изъ школы *одной* учительницы (г-жи Заринской). Мнѣ лично (тогда я еще была завѣдующей школой) она мотивовъ своего ухода не объясняла.

«Въ очеркѣ моемъ, какъ извѣстно, мимоходомъ было упомянуто, что нѣкоторые учителя нашихъ народныхъ школъ бьютъ своихъ учениковъ. Г. Бойковъ на это возражаетъ: «Всѣ подвѣдомыя дирекціи городскія начальныя училища постановлены въ учебно-воспитательномъ отношеніи столь высоко и удовлетворительно, какъ только могутъ они находиться при существующихъ нынѣ матеріальныхъ и другихъ условіяхъ». Уже само по

себѣ заявленіе, что тамбовскія школы представляютъ собою «nec plus ultra» постановки педагогическаго дѣла, достаточно смѣло. Но оно покажется намъ еще смѣлѣе, если мы сопоставимъ его съ фактами, обнаруженными судебнымъ слѣдствіемъ.

«Г. Бойковъ, между прочимъ, ставитъ мнѣ въ вину, что я не удовлетворила законнаго требованія учителей—печатно назвать имена тѣхъ, которые бьютъ учениковъ. Въ виду этого, я вынуждена заявить, что мнѣ едва удалось помѣстить въ тамбовской газетѣ даже самое скромное и сдержанное объясненіе, почему инкриминируемая фраза попала въ отчетъ о ходѣ дѣлъ въ воскресной школѣ (съ самымъ глухимъ упоминаніемъ, что, согласно оффиціальному требованію инспектора училищъ, я представила ему нѣсколько фактовъ, доказывающихъ справедливость этой фразы). Чтобы проложить дорогу въ печать даже подобному письму, потребовалось личное обращеніе къ высшему губернскому начальству. И прежде, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, бывали случаи непомѣщенія въ мѣстномъ органѣ корреспонденцій о битьѣ учениковъ съ точнымъ обозначеніемъ виновныхъ, по «независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ». Впрочемъ, положеніе провинціальной печати хорошо извѣстно.

«Какъ было сказано выше, я передала г. Бойкову, по его оффиціальному требованію, въ видѣ документальныхъ доказательствъ, нѣсколько писемъ отъ родителей учениковъ, терпѣвшихъ побои. «По обслѣдованію изъясненныхъ въ этихъ документахъ обстоятельствъ,—пишетъ г. Бойковъ,— я написалъ г-жѣ Слетовой бумагу...» Однако, на судебномъ слѣдствіи тотъ же самый г. Бойковъ заявилъ, что самъ никакого «обслѣдованія» не производилъ и не поручалъ его никакому постороннему, не заинтересованному въ дѣлѣ лицу, а довольствовался оправдательными документами, которые ему представляли обвиняемые учителя. Такимъ образомъ, послѣдніе сами надъ собой производили слѣдствіе. Не мудрено, что его результаты совершенно не совпали съ результатами предварительнаго и судебнаго слѣдствія. Такъ, наприм., я представляла письмо каретника Незнамова, свидѣтельствующее, что его и его брата во время ученья въ школѣ учителя били. «Обслѣдованіе» г. Бойкова показало, что я получила отъ Незнамова это письмо чуть ли не обманомъ и что учителями онъ доволенъ, такъ какъ ни его, ни брата его никто никогда не билъ. Къ слѣдователю, однако, г. учителя Незнамова не вызвали и даже не представили отъ него никакихъ письменныхъ показаній. Г. Бойковъ сослался на то, что оно находится, для неизвѣстной мнѣ цѣли, во второй полицейской части г. Тамбова. Но, на запросъ судебнаго слѣдователя, изъ II части былъ данъ отвѣтъ, что такой бумаги тамъ не было и нѣтъ. Желая выяснить эту темную исторію, я вызвала Незнамова въ качествѣ свидѣтеля на судъ... И Незнамовъ попрежнему показалъ, что его и его брата трепали за уши учителя Д. и Л.

«Далѣе, на стр. 192, г. Бойковъ приписываетъ мнѣ какіе-то предосудительные способы собиранія уликъ противъ учителей, а на стр. 191—

даже разсылку «тайныхъ агентовъ», склонявшихъ всѣхъ подписывать готовыя показанія противъ учителей. Къ моему крайнему удивленію, ни онъ, ни кто-либо другой не только не представилъ въ судъ фактическихъ доказательствъ этого, но даже не сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ хотя бы голословнаго заявленія.

«И послѣ этого г. Бойковъ рѣшился произнести свое каснорѣчивое: «а посему и принимая во вниманіе... я признаю отзывъ г-жи Слетовой о своихъ товарищахъ по оружію «легкомысленнымъ извѣтомъ», съ цѣлью, быть можетъ, выдѣлить достоинства своей воскресной школы!»

Читатели знаютъ изъ газетъ, что г-жу Слетову тринадцать (роковое число) тамбовскихъ учителей, инспектируемыхъ г. Бойковымъ, привлекли къ суду за клевету. Клевета заключалась въ томъ, что А. Н. Слетова въ отчетѣ о воскресной школѣ помѣстила выраженіе, что нѣкоторые тамбовскіе учителя дерутся, и повторила это обвиненіе въ *Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. На судѣ выяснилось, что нѣкоторые учителя (и даже многіе) дѣйствительно дерутся и что драчуны имѣли даже... смѣлость сидѣть въ числѣ обвинителей. На судѣ г. Бойковъ прехладнокровно заявлялъ: «Мнѣ неизвѣстно ни одного случая жестокаго обращенія учителей съ учениками, несмотря на то, что я вотъ уже десять лѣтъ состою въ должности инспектора. И даже случаевъ *простого* (?) битья мнѣ неизвѣстно». Хороша же была въ Тамбовѣ въ теченіе десяти лѣтъ инспекція! Защитникъ А. Н. Слетовой, присяжный повѣренный Холева, доказываетъ однако, что слова г. Бойкова уклоняются отъ истины: онъ проситъ судъ принять въ качествѣ вещественнаго доказательства прошеніе въ училищный совѣтъ о выдачѣ, на основаніи свидѣтельства суда, копіи съ постановленія совѣта—сдѣлать строгое замѣчаніе учителю Аѳанасьеву за грубое обращеніе съ учениками. На прошеніи стоитъ резолюція г. Бойкова отъ 16 іюня, содержащая предписаніе смотрителю Никольскому, какъ дѣлопроизводителю училищнаго совѣта, выдать указанную судомъ копію. Копіи не получено, вслѣдствіе отсутствія Никольскаго изъ города.

«Извѣстенъ ли вамъ, свидѣтель,—спрашиваетъ г. Холева,—случай, по поводу котораго было это *строгое замѣчаніе*?» — «Ахъ, да, — внезапно вспоминаетъ г. Бойковъ,—это случай съ учителемъ III училища, который выдралъ мальчику ухо. *Но* учитель этотъ молодой, занимается всего третій годъ». Это *но*—безподобно. По требованію защиты, названа была фамилія молодаго учителя (Афанасьевъ). Онъ находился въ числѣ обвинителей г-жи Слетовой.

Еще черта, характерная для знаменитаго отнынѣ тамбовскаго педагога: несмотря на разъясненія предсѣдателя суда, г. Бойковъ рѣшительно отказался сообщить что-либо о своихъ по дѣлу А. Н. Слетовой конфиденціальныхъ сношеніяхъ съ полиціей. Защитникъ заявилъ, что онъ отказывается отъ своего вопроса, «чтобы не ставить свидѣтеля въ затруднительное положеніе»...

Какъ же послѣ всего этого не согласиться со слѣдующими словами при-

сяжнаго повѣреннаго Холева *): «Еслибъ сегодняшнее засѣданіе случайно посѣтилъ совершенно посторонній дѣлу, свѣжій слушатель, онъ врядъ ли повѣрилъ бы, что обвиняемою является г-жа Слетова, а позицію благородно негодующихъ обвинителей занимаютъ гг. тамбовскіе учителя. Дѣйствительно, это дѣло должно быть отнесено къ коллекціи житейскихъ противорѣчій и несообразностей: интеллигентная дѣвушка, отдавшая всѣ свои силы безкорыстному служенію дѣлу народнаго образованія и поставившая ввѣренную ей воскресную школу на небывалую высоту, оторвана отъ дорогого ей дѣла, уволена и предана суду лишь за то, что осмѣлилась возвысить свой независимый протестующій голосъ противъ возмутительныхъ и позорныхъ злоупотребленій учительскою властью со стороны тѣхъ, которые, позабывъ свой долгъ и призваніе, вмѣсто любви, терпѣнія и снисходительности, внесли въ народную школу злобу, жестокосердіе и грубый произволъ самоуправства и доселѣ, подъ покровительствомъ близорукой (?) инспекціи, упрямо остаются на чуждой имъ службѣ. На первый взглядъ просто непонятно, какъ можно было дерзнуть перенести правдивый отчетъ воскресной школы изъ павильона нижегородской выставки въ камеру судебнаго слѣдователя, какъ было рѣшиться идти на судъ съ подобнымъ страннымъ обвиненіемъ».

За отказомъ защитника отъ примиренія съ частными обвинителями, окружной судъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, постановилъ: А. Н. Слетову признать невиновною и по суду оправданною. Приговоръ этотъ вызвалъ долгія и оживленныя рукоплесканія публики. Живъ на Руси независимый судъ, жива общественная правда! Но какъ себя чувствуютъ и какъ будутъ дѣйствовать гг. Афанасьевъ съ товарищами и педагогическое недреманное око города Тамбова, г. Бойковъ?

Кстати, о судѣ по великимъ *Уставамъ Императора Александра II*. По сообщенію *Казанскаго Телеграфа*, министръ юстиціи при проѣздѣ черезъ Казань въ Сибирь, въ бесѣдѣ съ мѣстными представителями судебнаго вѣдомства заявилъ, что къ осени 1898 года дѣло введенія судебной реформы будетъ окончено и съ этого времени по всей Россіи будутъ дѣйствовать новыя судебныя учрежденія. Министръ прибавилъ, что въ скоромъ времени приступлено будетъ къ введенію суда присяжныхъ въ Уфимской и Астраханской губерніяхъ. *Сынъ Отечества* говоритъ, что послѣднее рѣшеніе имѣетъ историческое значеніе и знаменуетъ коренной поворотъ во взглядахъ на начало народнаго элемента въ судѣ. По мнѣнію газеты, «вновь воскресшее довѣріе къ лучшему началу въ реформѣ 1864 года служитъ залогомъ, что за первымъ шагомъ послѣдуютъ и другіе и что ни одна часть Россіи не будетъ изъята изъ благодѣтельнаго воздѣйствія суда совѣсти и внутренняго убѣжденія» **).

Наши читатели пожелаютъ, конечно, чтобы поскорѣе сбылась эта отрадная надежда.

---

*) Приводимъ по отчету *Новостей*.

**) *Сынъ Отечества*, № 170.

Въ оффиціальныхъ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* напечатанъ заслуживающій самаго серьезнаго вниманія приказъ по войскамъ, изданный генераломъ Вревскимъ: «Въ войскахъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ округа,— говоритъ генералъ,—повторяются иногда глубоко прискорбные случаи самоубійства какъ между офицерами, такъ и нижними чинами. Разслѣдованіе этихъ печальныхъ явленій обнаруживаетъ, что побудительными къ тому причинами служатъ угнетенное состояніе духа или временное помѣшательство. 3 минувшаго апрѣля въ Ташкентѣ имѣлъ мѣсто еще болѣе прискорбный случай умышленнаго убійства своей малолѣтней сестры офицеромъ туркестанской бригады, совершеннаго имъ, несомнѣнно, въ припадкѣ психическаго разстройства. «Эти крайне печальныя явленія невольно наводятъ на мысль, что неслужебная, домашняя жизнь войскъ ввѣреннаго мнѣ округа не находится въ той обстановкѣ, въ которой она должна быть вообще во всѣхъ частяхъ войскъ, а особенно расположенныхъ въ столь отдаленномъ краю, какъ Туркестанъ. Молодые люди, не окрѣпшіе умственно, поступая сюда на службу и не находя въ частяхъ войскъ той военной семьи, которая должна имъ замѣнить далеко отсутствующихъ родныхъ и близкихъ, чувствуютъ себя одинокими, безъ всякой необходимой нравственной поддержки со стороны ближайшихъ начальниковъ и старшихъ товарищей»

Генералъ Вревскій говоритъ о необходимости «нравственной спайки», безъ которой «самое лучшее строевое обученіе окажется недостаточнымъ для полной боевой подготовки части».

По нашему мнѣнію, одною изъ причинъ многихъ ненормальностей въ бытѣ военныхъ является ихъ почти кастовая отчужденность отъ общества. Необходимо, чтобы «нравственная спайка» была и между обществомъ и военнымъ міромъ. Разобщенность ихъ интересовъ и симпатій не можетъ не вести за собою печальныхъ послѣдствій, въ особенности, конечно, для арміи. Этою разобщенностью держится, между прочимъ, и дуэль, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ получила у насъ какъ бы право на существованіе, хотя и съ религіозной, и съ общественной точки зрѣнія она заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія. *Церковный Вѣстникъ*, уже не въ первый разъ выступающій противъ дуэли, говоритъ, что «неподкупный голосъ церкви безповоротно осудилъ дуэль, какъ вопіющее нарушеніе основныхъ началъ христіанской нравственности, соединяющее въ себѣ грѣхъ убійства съ грѣхомъ самоубійства; осуждаетъ ее здравый, незараженный средневѣковыми предразсудками человѣческій смыслъ, осуждаетъ ее и безпристрастная наука».

Мы, разумѣется, вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію церковной газеты и надѣемся, какъ и она, что правила о дуэли 13 мая 1894 г. будутъ пересмотрѣны «и согласованы съ тѣми требованіями, какія налагаетъ христіанская нравственность, современная наука и здравый смыслъ». Прибавимъ къ этому, что недавно военный министръ въ приказѣ объявилъ о Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта по поводу дуэлей. Этимъ

мнѣніемъ постановляется, что слѣдствіе о поединкѣ при участіи лицъ гражданскаго вѣдомства, въ которомъ оба привлекаемые къ отвѣтственности противника или одинъ изъ нихъ принадлежатъ къ офицерамъ, представляется прокуроромъ суда прокурору палаты. Послѣдній препровождаетъ слѣдствіе военному или морскому министру, по принадлежности, для заключенія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Если по соглашенію военнаго или морского министра съ министромъ юстиціи не будетъ признано возможнымъ дать дѣлу движеніе въ общемъ судебномъ порядкѣ, то испрашивается Высочайшее соизволеніе, за общею съ министромъ юстиціи подписью, на прекращеніе дѣлопроизводства. Это небольшой, конечно, шагъ, но по вѣрному направленію.

Въ газетѣ *Гражданинъ* напечатана слѣдующая замѣтка: «Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ Варшавѣ идетъ подписка съ цѣлью собрать капиталъ для памятника польскому поэту Адаму Мицкевичу. Насколько успѣшенъ ходъ этой подписки, можно видѣть изъ того, что одной только редакціей газеты *Kurier Warsz.* теперь уже собрано 95,068 р. Примѣръ этотъ весьма поучителенъ, если принять во вниманіе, что до настоящаго времени даже такіе великіе писатели русскіе, какъ Гоголь, не имѣютъ памятниковъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, благодаря равнодушію русскаго общества къ корифеямъ своей литературы». *Гражданинъ* ошибается: деньги на памятникъ Гоголю давно уже собраны (болѣе семидесяти тысячъ рублей, памятникъ Пушкину въ Москвѣ стоилъ не дороже). Почему *Общество любителей россійской словесности*, получившее эти деньги, до сихъ поръ медлитъ конкурсомъ для памятника и вообще его постановкою,—намъ неизвѣстно. Рѣшительно недоумѣваемъ, что можетъ мѣшать сооруженію монумента въ честь великаго творца *Мертвыхъ душъ*. Жертвователи имѣютъ право спросить, наконецъ, объ этомъ.

Въ послѣднее время въ нашей охранительной печати особенно много занимаются разнообразными изобличеніями армянъ. Забывались и горькія страданія этого народа въ Турціи, и большія услуги, оказанныя армянами упроченію нашей государственности за Кавказомъ. Цифрами и фактами *Русская Мысль* доказывала неосновательность обвиненій, возводимыхъ на русскихъ армянъ. Мы, конечно, далеки отъ мысли считать это даровитое и предпріимчивое племя идеально - совершеннымъ (гдѣ такое племя?); но армяне—добрые русскіе подданные, жить съ которыми, какъ и съ другими племенами Имперіи, намъ подобаетъ въ согласіи и равноправіи. Къ сожалѣнію, односторонняя и пристрастная «антиармянская кампанія» не прекращается въ нѣкоторой части нашей печати. У столичныхъ охранителей нашелся теперь и новый союзникъ—тифлисскій *Кавказъ* (своею неоффиціальною, конечно, стороною). Тѣмъ съ большимъ поэтому удовольствіемъ отмѣчаемъ мы справедливое отношеніе къ армянамъ консервативныхъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и *Московскія*

Вѣдомости, въ видѣ исключенія, помѣстили (№ 141) довольно безпристрастную статью о русскихъ армянахъ, хотя и тамъ находится обвиненіе ихъ въ агитаціи для созданія «автономной Арменіи» *).

На обязанности русской печати лежитъ распространеніе уваженія и симпатіи къ великому русскому народу со стороны всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ населенія нашего государства. И не добрую услугу оказываютъ русскому дѣлу и русскому имени тѣ газеты и журналы, у которыхъ не сходятъ со столбцовъ по отношенію то къ полякамъ, то къ евреямъ, то къ армянамъ слова неумнаго высокомѣрія и близорукой злобы...

---

*) См. возраженіе по этому поводу въ № 166 *Петербургскихъ Вѣдомостей*, написанное армяниномъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Когда пишутся эти строки, въ переговорахъ о мирѣ между Турціей и Греціей произошла неожиданная остановка: Блистательная Порта, до сихъ поръ всячески затягивавшая заключеніе мира и расположившаяся въ Ѳессаліи, какъ дома, вдругъ предъявила ультиматумъ: граница должна быть по Пенею, военное вознагражденіе—5 милліоновъ ф. ст., капитуляціи по отношенію къ греческимъ подданнымъ въ Турецкой имперіи отмѣняются. По сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, этотъ дерзкій ультиматумъ, обращенный къ великимъ державамъ, вызвалъ энергическую ноту нашего министра иностранныхъ дѣлъ къ другимъ участникамъ «концерта». Въ нотѣ доказывается необходимость сильнаго давленія на правительство султана, чтобы добиться заключенія мира на условіяхъ, выработанныхъ послами шести государствъ. Въ свою очередь повелитель правовѣрныхъ обратился по телеграфу къ Францу-Іосифу съ просьбой поддержать требованія Турціи. Отвѣтъ австрійскаго императора прозвучалъ опредѣленно и сурово: султану совѣтуется, въ собственныхъ интересахъ, исполнить требованія Европы *). Будемъ надѣяться, что среди державъ не возникнетъ разногласія, что, въ частности, германскій императоръ не возьметъ сторону падишаха.

Султанъ находится теперь въ довольно затруднительномъ положеніи:

*) Телеграмма престарѣлаго государя составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Искренняя и неизмѣнная дружба, которую я питаю къ вашему величеству, возлагаетъ на меня обязанность посовѣтовать вамъ, въ интересахъ вашихъ собственныхъ и вашего государства, немедленное заключеніе мира съ Греціей на условіяхъ, формулированныхъ послами въ Константинополѣ. Пограничная линія, предложенная коммиссіей военныхъ атташе, вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу стратегическаго исправленія, который съ самаго начала былъ принятъ вашимъ же величествомъ и, въ связи съ прочими условіями мира, составляетъ максимумъ уступокъ, признанныхъ справедливыми концертомъ великихъ державъ. Твердый и единодушный въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ прежде всего стремится къ созданію такого порядка вещей, который бы предоставлялъ Европѣ прочныя гарантіи мира и спокойствія. Итакъ, я прошу ваше величество серьезно обдумать мои совѣты и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ выразить вамъ мои чувства глубокаго уваженія и искренней дружбы“.

военная партія настаиваетъ на удержаніи завоеванной Өессаліи, мусульманское духовенство поддерживаетъ это требованіе, неисполненіе котораго, по отзыву Эдхема-паши, вызоветъ опасное броженіе въ побѣдоносной арміи; съ другой стороны, идти наперекоръ Европѣ не подъ силу турецкому высокомѣрію. Имперіи Османовъ приходится переживать тяжелый кризисъ. Историческая Немезида караетъ ее за кровь христіанскихъ народовъ, которую такъ варварски проливаютъ турки.

На дружное дѣйствіе Россіи и Австро-Венгріи Порта, конечно, не разсчитывала. Такое дѣйствіе могло состояться лишь послѣ сближенія Россійской имперіи съ мадьярами, къ которымъ, какъ припомнитъ читатель, съ комическимъ презрѣніемъ относились Бисмарки изъ *Московск. Вѣдом.* Обращаемъ вниманіе интересующихся международными отношеніями на статью Рауля Шеляра: *Русскіе и венгры*, въ іюньскомъ номерѣ журнала *Revue des Revues* *).

Шеляръ придаетъ сближенію между Россіей и Австро-Венгріей огромное значеніе. Съ 1867 года, съ образованія въ Габсбургской монархіи дуализма, не могло быть и рѣчи о дружномъ дѣйствіи этихъ двухъ державъ, потому что венгры относились къ Россіи съ недовѣріемъ и даже враждебно. Новое положеніе,—говоритъ французскій публицистъ,—принятое Россіей по отношенію къ Балканскому полуострову, вызвало болѣе миролюбивыя и справедливыя теченія. Если эти теченія продолжатся и упрочатся, то, по мнѣнію Шеляра, панславизмъ, въ политическомъ смыслѣ, исчезнетъ, и останется лишь безобидное для европейскаго мира литературное славянское движеніе. Въ этомъ-то Шеляръ и видитъ важное съ международной точки зрѣнія значеніе сближенія Россіи съ Венгріей. Мадьяры убѣдились теперь,—говоритъ онъ, — что Россія не стремится овладѣть Константинополемъ и образовать громадную славянскую имперію, въ которой потонула бы Венгрія.

Шеляръ упоминаетъ затѣмъ о разговорѣ, который извѣстный генералъ Тюрръ,—участникъ венгерскаго возстанія 1848 года,—имѣлъ въ 1893 году съ генераломъ Игнатьевымъ въ Контрексевиллѣ. Разговоръ этотъ, — прибавляетъ авторъ,—когда онъ былъ опубликованъ, произвелъ сильное впечатлѣніе и въ Австро-Венгріи, и въ Россіи. Мы должны сознаться, что до сихъ поръ ничего не знали объ этомъ разговорѣ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ (рѣчь, очевидно, идетъ о немъ) заявилъ Тюрру, что въ Россіи и слѣда нѣтъ ненависти къ мадьярамъ, что вмѣшательство Россіи въ пользу Австріи въ 1849 году было личнымъ дѣломъ императора Николая I. Русскіе офицеры,—говорилъ гр. Игнатьевъ,— симпатизировали мадьярамъ и имѣли по этому поводу дуэли съ австрійскими офицерами. Позднѣе,—продолжалъ гр. Игнатьевъ,—мадьяры ошибочно считали меня за сторонника панславизма, тогда какъ я всегда былъ, наоборотъ, защитникомъ независимости небольшихъ балканскихъ государствъ. Кромѣ

---

*) *Raoul Chélard*: „Les Russes et les Hongrois“ (15 Juin).

того, графъ Н. П. Игнатьевъ былъ противникомъ послѣдней русско-турецкой войны, потому что, въ его глазахъ, лучшее средство сохранить независимость мелкихъ славянскихъ народностей состоитъ въ томъ, чтобъ удержать турокъ въ Константинополѣ.

Признаемся чистосердечно: намъ эти заявленія нынѣшняго предсѣдателя петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества кажутся удивительными...

Любопытно и то, что̀ сообщаетъ Шеляръ о сербскомъ генералѣ и русскомъ, если не ошибаемся, полковникѣ, г. Комаровѣ, редакторѣ *Свѣта*. Въ бесѣдѣ съ нѣмецкимъ писателемъ, Максомъ Шютцемъ, г. Комаровъ спрашивалъ, продолжаютъ ли насъ ненавидѣть въ Венгріи за вмѣшательство въ 1849 году, которое самъ г. Комаровъ оплакиваетъ... Какіе все странные ново-славянофилы!

Шеляръ сообщаетъ намъ, что и съ мадьярской стороны въ послѣднее время были примирительныя и дружелюбныя по отношенію къ Россіи заявленія. Онъ напоминаетъ о рѣчи престарѣлаго Морица Іокая, сказанной русскимъ журналистамъ на международномъ съѣздѣ журналистовъ въ Будапештѣ, въ іюнѣ прошлаго года. Іокай говорилъ, что у народовъ не должно быть ненависти другъ къ другу, что на обязанности писателей лежитъ проповѣдь между націями идей братства.

Мы вполнѣ, отъ всего сердца, сочувствуемъ словамъ Іокая, сожалѣя лишь о томъ, что въ Будапештѣ не было достаточнаго представительства русской печати (были г. Василевскій - Буква изъ *Русскихъ Вѣдомостей*, г. Гурляндъ изъ *Новостей Дня* и кто-то еще). Послѣ взаимныхъ привѣтствій,—сообщаетъ г. Шеляръ,—русскіе и мадьярскіе журналисты попадали другъ другу въ объятія. *Русскую Мысль* трудно даже наивному человѣку обвинить въ шовинизмѣ, но мы уклонились бы отъ объятій, а, воздавши должную хвалу политической энергіи, уму и талантливости мадьярской націи, напомнили бы объ угнетаемыхъ ею славянахъ и румынахъ. По этому пункту, если сообщеніе г. Шеляра правильно, мы расходимся съ графомъ Игнатьевымъ и съ редакторомъ *Свѣта*.

Шеляръ говоритъ, что онъ хорошо знаетъ Венгрію, часто ѣздитъ въ этой странѣ по разнымъ направленіямъ и не встрѣчаетъ нигдѣ враждебныхъ по отношенію къ Россіи чувствъ. Этому мы можемъ только порадоваться. Но насъ немного удивляетъ политическая наивность французскаго публициста: онъ говоритъ, что въ Венгріи замѣчается стремленіе къ симпатичному сближенію съ Россіей съ той поры, какъ русская политика по отношенію къ балканскимъ государствамъ отличается такою же платоническою, отеческою и безкорыстною благосклонностью, которую расточаетъ (prodigue) этимъ государствамъ Австро-Венгрія... Сербія, Боснія и Герцеговина знаютъ объ этой отеческой благосклонности...

При равныхъ другихъ условіяхъ, судьба австрійскихъ славянъ занимаетъ насъ болѣе, чѣмъ судьба другихъ изъ населяющихъ Габсбургскую монархію народностей. Поэтому мы еще разъ отмѣтимъ ту героическую

борьбу, которую ведутъ въ Цислейтаніи чехи за свою національную самостоятельность. Какъ знаетъ читатель, нѣмецкіе централисты вынудили гр. Бадени закрыть рейхсратъ. Агитація продолжается, однако, въ странѣ съ прежнею страстностью. Попытки примиренія между нѣмцами и чехами до сихъ поръ не имѣютъ никакихъ результатовъ. Нѣмцы упорно не хотятъ признавать въ Богеміи и Моравіи равноправности языковъ, а чехи не могутъ отступиться отъ этого справедливаго требованія, осуществленія котораго стоило имъ столько жертвъ и энергіи.

Frankfurter Zeitung замѣчаетъ, что въ Австріи дуетъ теперь сильный федералистическій вѣтеръ, и не видитъ въ этомъ ничего дурного. Федерализмъ,—возражаетъ *Frankfurter Zeitung* вѣнской газетѣ,—не разложеніе, а дѣйствительное разрѣшеніе австрійскихъ вопросовъ. Плохо то, что дѣло взяли въ свои руки не нѣмецкіе либералы въ союзѣ съ чешскими демократами, а клерикалы и феодалы. Главная вина въ этомъ, по мнѣнію газеты, падаетъ на чеховъ, которые изъ національной односторонности соединились не съ нѣмецкими либералами, а съ реакціонерами. Намъ это обвиненіе со стороны такого серьезнаго органа, какъ *Frankfurter Zeitung*, представляется страннымъ. Какъ чехи могли вступить въ соглашеніе съ австро-нѣмецкими либералами-централистами, когда эти послѣдніе открыто признаютъ славянъ низшею расой и слышать не хотятъ даже о равноправности языковъ? Мы также полагаемъ, что соединеніе стремленій къ національной автономіи съ реакціонными и клерикальными теченіями есть зло, но не главная, а исключительная отвѣтственность за это лежитъ на австро-нѣмецкихъ централистахъ, которые въ жертву нѣмецко - централистической идеѣ принесли основные принципы либерализма и, находясь долгое время у власти, не сдѣлали никакой уступки чешскимъ національнымъ требованіямъ.

Естественно, что при нынѣшнихъ условіяхъ соглашеніе Цислейтаніи съ Транслейтаніей все откладывается. Такое измѣненіе конституціи, какого требуетъ клерикально-феодально-славянское большинство парламента, т.-е. федерація вмѣсто дуализма,—не можетъ быть произведено безъ согласія Венгріи. А среди мадьяръ сильно теченіе совсѣмъ отдѣлиться отъ Австріи, сохранивши развѣ личную унію съ цислейтанскою половиной имперіи.

Если сбудется мечта нѣкоторыхъ изъ австро-славянскихъ дѣятелей, если габсбургская держава, дѣйствительно, превратится въ монархическую Швейцарію, это будетъ имѣть огромное международное значеніе,—и не къ выгодѣ нашего отечества. Удовлетворенные австрійскіе славяне перестанутъ тяготѣть къ Россіи, вліяніе Австріи сильно подымется на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ, близорукое высокомѣріе австро-нѣмецкихъ централистовъ приводитъ къ результатамъ, которыхъ они по меньшей мѣрѣ не могутъ желать.

Юбилейныя торжества въ Англіи кончились. Между правительствомъ и представителями колоній происходили совѣщанія, которыя въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ дадутъ практическіе результаты. Дѣло идетъ объ

установленіи крѣпкой федералистической связи могущественныхъ британскихъ колоній съ ихъ великою метрополіей. На банкетѣ въ честь первыхъ министровъ колоній было произнесено много рѣчей въ этомъ направленіи. Премьеръ Канады, французъ по происхожденію, Лорье, сказалъ, что существуетъ мнѣніе, по которому Канада, обладающая населеніемъ, превосходящимъ по численности многія независимыя націи, можетъ сдѣлаться сама независимою націей. «Я отвѣчу на это просто,—прибавилъ Лорье,—Канада уже и теперь нація. Канада свободна, и эта свобода — наша національность. Хотя Канада и признаетъ верховенство Великобританіи, но я могу сказать, что независимость не можетъ дать намъ больше того, что̀ мы имѣемъ въ настоящее время».

Рейдъ, говорившій отъ имени австралійскихъ колоній, кончилъ свою рѣчь слѣдующими словами, вызвавшими общія рукоплесканія: «Наши австралійскія колоніи восторженно выражаютъ свою лойяльность по отношенію къ имперіи, потому что они увѣрены, что тамъ, гдѣ водруженъ британскій флагъ, всѣ люди безъ различія классовъ и вѣроисповѣданій пользуются благами свободнаго управленія и справедливости».

Шумнымъ одобреніемъ встрѣчена была и рѣчь бывшаго главы либеральнаго кабинета, лорда Розбери. «Великій американскій ораторъ Даніель Вебстеръ,—сказалъ лордъ Розбери,—въ одной изъ своихъ рѣчей изобразилъ, какою извѣстностью во всѣхъ частяхъ земного шара пользуются британскій флагъ, часовой и барабанъ; но есть нѣчто, столь же и повсюду извѣстное, что̀ лучше британскаго часового и барабана и что̀ вездѣ сопровождаетъ британскій флагъ: это—британское чувство конституціонной свободы. Наша великая имперія можетъ гордиться тѣмъ, что тамъ, гдѣ она шествовала, она оставляла свой шатеръ,—шатеръ свободы и конституціонныхъ учрежденій».

По отношенію къ Ирландіи нельзя сказать, чтобъ Англія раскинула удобный шатеръ, и понятно поэтому, что ирландцы демонстративно отказались участвовать въ чествованіи шестидесятилѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи. Не мало серьезныхъ причинъ недовольства и въ Индіи. На эту несчастную страну обрушились голодъ, чума и страшное землетрясеніе. Въ газетахъ появляются извѣстія о сильномъ броженіи среди туземнаго населенія, способномъ перейти въ революцію.

Въ Стокгольмѣ происходилъ международный съѣздъ журналистовъ (русскихъ, кажется, совсѣмъ не было). По окончаніи съѣзда король Оскаръ далъ его членамъ роскошный банкетъ и произнесъ на немъ рѣчь, знаменательную въ особенности въ устахъ царственнаго оратора. Поблагодаривъ за многочисленныя доказательства симпатіи, король сказалъ: «Въ числѣ современныхъ учрежденій печать безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Сила, которою она располагаетъ, представляется, дѣйствительно, первенствующею, и пока печать, какъ это ей подобаетъ, будетъ исполнена сознанія лежащей на ней громадной отвѣтственности, являющейся неизбѣж-

нымъ послѣдствіемъ этой ея силы, до тѣхъ поръ ее, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать великимъ благомъ для человѣческаго общества.

«Вотъ почему шведскій народъ имѣетъ полное основаніе радоваться тому, что мѣстомъ третьяго конгресса журналистовъ былъ избранъ въ нынѣшнемъ году Стокгольмъ. Я служу выразителемъ его чувствъ, высказывая вамъ за это благодарность, и надѣюсь, что вы унесете отсюда съ собою на родину пріятныя воспоминанія и благопріятныя впечатлѣнія. Память о вашемъ пребываніи среди насъ не такъ скоро изгладится. Швеція — одно изъ тѣхъ государствъ, гдѣ конституціонныя вольности давно уже пустили крѣпкіе корни. Въ особенности печать пользуется у насъ, можно сказать, почти неограниченною свободой, но съ любовью къ свободѣ и независимости страна наша всегда умѣла сочетать уваженіе къ законамъ и преданность своему верховному вождю. Исторія Швеціи служитъ тому доказательствомъ, и весьма рѣдкія исключенія только подтверждаютъ общее правило. Было время, когда наши шведскія знамена развѣвались далеко за предѣлами отечества, но событія этой славной, хотя и не всегда счастливой эпохи теперь не болѣе какъ воспоминанія. Нашъ народъ, этотъ потомокъ древнихъ викинговъ, стремится въ настоящее время лишь къ стяжанію славы мирными подвигами и къ побѣдамъ въ области культуры и просвѣщенія».

Въ заключеніе король Оскаръ поднялъ бокалъ въ честь международнаго конгресса печати. Слѣдующій конгрессъ назначенъ въ Лиссабонѣ.

Съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Петербургѣ образовался комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу греческихъ семействъ, пострадавшихъ въ греко-турецкую войну. Комитетъ обнародовалъ слѣдующее воззваніе: «Война принесла много горя и несчастья семействамъ убитыхъ и раненыхъ. Жертвы ея нуждаются въ христіанской помощи. Плачъ и слезы раздаются вездѣ среди бѣдствующаго населенія греческаго королевства. Великодушный русскій народъ несомнѣнно откликнется на зовъ несчастныхъ жертвъ убійственной войны.

«Увѣренные въ сочувствіи русскаго народа къ несчастному населенію православной Греціи, мы, съ Высочайшаго соизволенія открываемъ подписку въ пользу пострадавшихъ въ настоящую греко-турецкую войну греческихъ семействъ.

«Каждая лепта, какъ бы она ни была незначительна, будетъ нами принята съ величайшею благодарностью».

Пожертвованія могутъ быть высылаемы въ с.-петербургскій учетный и ссудный банкъ.

В. Г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль 1897 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Повѣсти и разсказы“. *С. Н. Смирновой.* — „Очерки и разсказы“. *М. К—ой.* — „Среди причта“. Романъ *Н. А. Лейкина.* — „Особый міръ“. Повѣсть *Арсенія Г.*

Повѣсти и разсказы С. Н. Смирновой. Изданіе А. С. Суворина. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 2 рубля. Въ своихъ повѣстяхъ (*Химера* и *Въ огонь и въ воду*) г-жа Смирнова изображаетъ петербургскій чиновно-барскій кругъ, въ которомъ разыгрываются довольно заурядные романы, и главный интересъ въ названныхъ повѣстяхъ представляютъ не фабулы этихъ романовъ, а фигуры и характеры дѣйствующихъ лицъ, написанныхъ спокойно, твердою и увѣренною рукой, съ знаніемъ той среды, въ которой происходятъ передаваемыя писательницей событія. Въ первой повѣсти особенно интересенъ полковникъ Иванъ Сергѣевичъ, человѣкъ лѣтъ сорока, знаменитый своими путешествіями по едва доступнымъ дебрямъ Средней Азіи. У полковника есть другъ, самый задушевный другъ,—больше, чѣмъ братъ родной,—важный петербургскій чиновникъ Константинъ Дмитріевичъ Томилинъ, ученый и серьезно занятый человѣкъ, женатый на хорошенькой и умной женщинѣ, на Марьѣ Владиміровнѣ. У Томилиныхъ въ домѣ живетъ ея сестра, дѣвушка, Александра Владиміровна или Шура, какъ зовутъ ее въ семьѣ. Въ одинъ изъ своихъ періодическихъ пріѣздовъ, между двумя путешествіями, Иванъ Сергѣевичъ случайно попадаетъ съ какого-то юбилейнаго обѣда къ молодому дипломату Вадковскому, хлыщу и карьеристу. Подъ вліяніемъ выпитаго за обѣдомъ шампанскаго Вадковскій похваляется своимъ романомъ съ одною женщиной, которая подарила ему стоящую тутъ же на столѣ шкатулку изъ слоновой кости съ артистически вырѣзаною на крышкѣ „Химерой“. Иванъ Сергѣевичъ узнаетъ шкатулку, не давая замѣтить это хозяину, такъ какъ вещь эту онъ самъ привезъ изъ Китая и подарилъ Томилину. Для полковника ясно, что жена его друга измѣняетъ мужу изъ-за любви къ ничтожному и дрянному франту Вадковскому. Но ясность эта смѣняется скоро сомнѣніемъ и подозрѣніемъ, что ге-

роиней этого романа была не Томилина, а ея сестра Шура, которую Марья Васильевна старалась усватать за дипломата; когда же это не удалось, стала хлопотать о томъ, чтобы навязать ее въ жены Ивану Сергѣевичу. До Шуры полковнику нѣтъ дѣла, но семейный покой своего друга онъ рѣшается охранить во что бы то ни стало, если окажется, что въ Вадковскаго влюблена его жена. Вся повѣсть посвящена разрѣшенію этого вопроса для полковника и для читателя, которому мы рекомендуемъ обратиться за отвѣтомъ къ живо и талантливо написанному произведенію г-жи Смирновой.

Въ повѣсти *Въ огонь и въ воду* дѣйствіе происходитъ въ домѣ богатаго и важнаго барина Булатова, у котораго гоститъ родственница Марья Алексѣевна, жена инженера Сергѣя Михайловича Маркова. А родство ихъ такое: Булатовъ женатъ на родной сестрѣ Маркова, Аннѣ Михайловнѣ. Въ Марью Алексѣевну влюбленъ племянникъ Булатова, студентъ Коля, и ухаживаетъ за нею настолько явно, что всѣ замѣчаютъ это, но большого значенія не придаютъ „блажи“ молодого человѣка, въ полной увѣренности, что этимъ не нарушится ни душевный покой Марьи Алексѣевны, ни семейное счастье Маркова. Увѣренность въ послѣднемъ, по всей вѣроятности, оправдалась бы, еслибъ не пріѣхала въ Петербургъ и не вселилась въ домъ Булатова восьмидесятилѣтняя бабушка Марковыхъ, Екатерина Платоновна, весьма типическая старуха, послѣдняя представительница суровыхъ, крѣпостническихъ временъ царствованій Александра I и Николая I. Авторъ вполнѣ справедливо называетъ Екатерину Платоновну „монументальною старухой“. Она, на самомъ дѣлѣ, точно изъ одного камня высѣчена и непоколебимо стоитъ на твердой, какъ гранитъ, основѣ своихъ стародавнихъ убѣжденій и вѣрованій, сохранившихся во всей неприкосновенности самой подлинной „Аракчеевщины“. Ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняясь, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, бабушка громогласно высказываетъ все, что почитаетъ за правду. Зоркая и умная старуха скоро распознала увлеченіе студента, смѣтила опасность, которую это представляетъ для семейства Сергѣя Маркова, и приняла свои прямолинейныя мѣры къ огражденію чести и счастья своего внука. Бѣдъ она надѣлала, разумѣется, очень большихъ и непоправимыхъ, разсказывать про которыя было бы слишкомъ долго и мало интересно для читателя, не видящаго дѣйствующихъ лицъ такими, какими представляются они въ повѣсти г-жи Смирновой.

А въ этой повѣсти почти всѣ лица типичны и, болѣе или менѣе, оригинальны. Не лишена своеобразности и среда, въ которой разыгрывается романъ Марьи Алексѣевны, кончающійся полнымъ разочарованіемъ въ студентѣ Колѣ, предметѣ ея ото всѣхъ и отъ него самого затаенной любви. Относительно мужа и всѣхъ мужчинъ она высказываетъ своей золовкѣ Аннѣ Михайловнѣ весьма горькія сужденія.—„Вы, можетъ быть, не знаете, что мужъ мнѣ измѣняетъ,—говоритъ Маркова,—но я знаю. И еслибъ тутъ была страсть, увлеченіе... Ничего подобнаго! А просто такъ, случай подвернулся. Я не хочу васъ обманывать и не скажу, что я страдала отъ этого. Нѣтъ, этого не было. Это гадко, противно... но чтобы ревновать, я этого не понимаю. Ревновать къ чему? Я даже не считаю этого измѣной. По моему, есть одна только измѣна,—страшная, непоправимая,—это когда отдаютъ свою душу другому!... Но не этого они боятся. Они боятся только одного—нашего паденія!... О, тутъ они небо и землю перевернутъ, чтобы только не допустить до этого. Сохрани себя, свое тѣло...

Но чтобы сохранить душу человѣка... А, кто объ этомъ думаетъ!...“ Анна Михайловна не согласна и возражаетъ: „Нѣтъ, пусть мой Владиміръ Ивановичъ душой паритъ гдѣ хочетъ, но чтобы никакихъ утѣшительницъ у него на сторонѣ не было“... Въ этомъ выразились и, такъ сказать, резюмировались два женскихъ характера, отлично очерченныхъ и выдержанныхъ въ повѣсти.

Четыре небольшихъ разсказа, дополняющіе книжку, написаны такъ же живо и такъ же интересны не столько фабулами, сколько фигурами дѣйствующихъ лицъ.

Очерки и замѣтки, М. К—ой. Москва, 1897 г. Цѣна 1 руб. Въ книжкѣ г-жи К—ой напечатано шесть „очерковъ“, изъ нихъ два довольно большихъ озаглавлены: *Слабый ростокъ* и *Экзаменъ*. Въ обоихъ разсказахъ,—какъ и быть должно въ произведеніяхъ женщины,—первыя мѣста занимаютъ женщины и жестоко страдаютъ. Ихъ горькою долей, да и всею книжкой, писательница старается доказать необходимость расширенія „правъ женщинъ“. Какъ ни странно это, а не только у насъ, но и во всей Европѣ оказывается нужнымъ наканунѣ двадцатаго столѣтія доказывать, что нельзя держать женщинъ на положеніи существъ, „лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ“ со дня рожденія и только за то, что на свѣтъ онѣ явились „дѣвочками“, а не мальчиками. Судя по „замѣткамъ“ г-жи К—ой, писательница эта принадлежитъ къ той фракціи борцовъ за „эмансипацію“ женщинъ, которая считаетъ возможнымъ полное уравненіе всѣхъ правъ мужчинъ и женщинъ, безъ какихъ бы то ни было ограниченій. Заключить это можно изъ того, что на стр. 201 въ своемъ возраженіи на брошюрку базельскаго профессора Фелинга г-жа К—а говоритъ: „Женщина, съ оружіемъ въ рукахъ защищающая свое отечество, зрѣлище, если не смѣшное, то вполнѣ непривычное, хотя и возможное“. Далѣе г-жа К—а ссылается на нѣкоторые историческіе примѣры, доказывающіе неустрашимость женщинъ, и заканчиваетъ такъ: „Всѣмъ извѣстна выносливость женщинъ, а это ли не лучшія качества для солдата? Мы не думаемъ, чтобы женщины не были въ состояніи обучаться маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, еслибъ это отъ нихъ требовалось“. Никто не сомнѣвается въ томъ, что женщинъ можно выучить маршировать и стрѣлять и даже быть храбрыми,—существуютъ же у африканскихъ царьковъ полки „амазонокъ“,—а аргументація г-жи К—ой представляется намъ все-таки неудачною и неубѣдительною. Въ этой аргументаціи все подрывается фразой: „Еслибъ это отъ нихъ требовалось“. Все дѣло-то въ томъ, что до сихъ поръ отъ нихъ, т.-е. отъ женщинъ, ничего не „требуется“, кромѣ того, чтобъ онѣ, по-старинѣ, были добрыми супругами, матерями, хозяйками и воспитательницами молодого поколѣнія. Большаго отъ нихъ никто не требуетъ и на защиту отечества съ оружіемъ въ рукахъ никто ихъ не призываетъ. И весь вопросъ въ томъ, что не отъ нихъ требуютъ, а женщины требуютъ равноправности или, по меньшей мѣрѣ, расширенія своихъ правъ. Мы предпочли бы, чтобы, при такихъ требованіяхъ, по существу своему, вполнѣ законныхъ, поборницы эмансипаціи женщинъ предлагали и мужчинамъ прекратить хожденіе „съ оружіемъ въ рукахъ“ и настаивали бы на эмансипаціи мужчинъ отъ обязанности маршировать, стрѣлять и избивать себѣ подобныхъ. Въ „замѣткахъ“ на отзывы Поля Бурже о свободѣ женщинъ въ Америкѣ г-жа К—а полемизируетъ съ французскимъ романистомъ, но оба они, г. Бурже и г-жа К—а, упускаютъ изъ виду то вліяніе, которое на развитіе правъ женщинъ въ Америкѣ

оказало отсутствіе тамъ постоянныхъ армій и обязательной военной службы. Вообще, всѣ „замѣтки о случайно прочитанномъ“ г-жею К—ой весьма слабы, хотя мѣстами и довольно задорны. За то ея беллетристическіе очерки, въ особенности два вышеназванныхъ, написаны горячо и талантливо. Въ нихъ все дышетъ искренностью и правдой, производитъ хорошее впечатлѣніе, доказываетъ лучше и убѣдительнѣе всѣхъ ея „замѣтокъ“ настоятельную необходимость уравнять права женщинъ и мужчинъ на образованіе (безъ маршировки) и на службу государству (безъ оружія въ рукахъ),—необходимость открыть женщинамъ свободный доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія съ программами, ничѣмъ не разнящимися отъ программъ мужскихъ учебныхъ заведеній, и съ правами, какія эти послѣднія заведенія даютъ окончившимъ въ нихъ курсъ. Этими „очерками“ не менѣе убѣдительно уясняется необходимость оградить идущихъ на службу и на трудъ женщинъ отъ произвола разныхъ господъ, власть имѣющихъ и пользующихся своею властью для удовлетворенія всякихъ дрянныхъ или нелѣпыхъ побужденій, начиная съ наглыхъ ухаживаній и кончая нахальнымъ проведеніемъ въ практику дикихъ убѣжденій, будто „назначеніе женщины—замужъ выходить и дѣтей родить, а не службой заниматься“, хотя бы служба эта и была закономъ дозволена женщинамъ. Очерки г-жи К—ой читаются съ большимъ интересомъ и мѣстами производятъ впечатлѣніе правдивыхъ разсказовъ о томъ, что лично испытала, пережила и выстрадала сама писательница.

Среди причта. Романъ Н. А. Лейкина. Спб., 1897 г. Ц. 1 руб. Романъ *Среди причта* даетъ не картину быта нашего духовенства, а лишь нѣсколько жанровыхъ сценъ, связанныхъ между собою тѣмъ, что въ нихъ появляется герой повѣствованія, Михайло Благолѣповъ, сынъ деревенскаго дьякона, исключенный изъ семинаріи и призываемый къ отбыванію воинской повинности. Михайло Благолѣповъ любитъ выпить и во хмѣлю проявляетъ наклонность къ буйству. О томъ, что ему предстоитъ идти въ солдаты, онъ не особенно сокрушается, такъ какъ въ деревнѣ при родителяхъ ему дѣлать нечего: поступить въ учителя онъ не можетъ по неимѣнію образовательнаго ценза, попытки сдѣлаться помощникомъ волостнаго писаря или конторщикомъ въ барскомъ имѣніи кончились тѣмъ, что его отовсюду прогоняли за его неуживчивый нравъ. Старикъ отецъ тяготится бездѣльничающимъ сыномъ и доволенъ тѣмъ, что Михайлу заберутъ въ военную службу, ибо для „сего бездѣльника куда были бы кстати исправительныя ежевыя рукавицы солдатской жизни“. Мать, конечно, сокрушается о своемъ Мишенькѣ, но еще болѣе сокрушается молодая крестьянская дѣвушка Ульяна не столько о пьянствующемъ семинаристѣ, сколько о себѣ самой.—„Тебя мнѣ не жаль,—говоритъ она, при разставаньи.—Богъ съ тобой! А себя мнѣ жаль. Ну, что я? Ну, куда я, когда родится ребенокъ?..“—Въ разрѣшеніи этого тяжелаго и мудренаго для деревенской дѣвушки вопроса и заключается сущность романа. Въ городѣ, хорошо ли, худо ли, все же есть возможность скрыть послѣдствія незаконной связи безъ большого срама для дѣвицы и безъ огромнаго скандала „среди причта“, каковой скандалъ неизбѣжно произойдетъ, какъ только раскроется, кто виновникъ позора, долженствующаго лечь не только на семью дѣвушки, но и на весь церковный причетъ. Если бы не солдатчина, Михайло Благолѣповъ пристроился бы какъ-нибудь въ хоръ соборныхъ пѣвчихъ, при протекціи своей родной тетки, просвирни, перевезъ бы Ульяну въ городъ, нашелъ бы ей мѣсто „въ гор-

ничныя", и въ городѣ она скрыла бы „свой грѣхъ". Но все это можетъ сбыться лишь въ томъ случаѣ, если Михайло вынетъ, при жеребьевкѣ, очень дальній нумеръ. Скандалъ разразился много раньше, чѣмъ ожидали его виновники. Мать Ульяны узнала про „грѣхъ" дочери, тотчасъ по отъѣздѣ семинариста въ городъ, и жестоко избила дѣвушку, угрожая выгнать ее изъ дому. Узнавши объ этомъ, Михайло признался во всемъ теткѣ, и добрая просвирня позволила ему пріютить въ ея квартирѣ бѣдняжку Ульяну, обѣщала найти ей мѣсто и помочь все скрыть, когда потребуется. Выписанная Михайлой Ульяна пришла въ городъ и мѣсто тотчасъ же получила у священника, но не выдержала и разрыдалась въ рекрутскомъ присутствіи, когда узнала, что ея возлюбленный принятъ въ солдаты. Михайло напился пьянъ, отправился къ священнику, во всемъ признался и, валяясь въ ногахъ, просилъ какъ можно скорѣе обвѣнчать его съ Ульяной. На другой день просьбу эту онъ повторилъ уже совершенно трезвый, и романъ кончается описаніемъ свадьбы семинариста - новобранца съ крестьянскою дѣвушкой. Захолустный городокъ въ полномъ удовольствіи отъ такого романическаго случая, и всѣ обыватели, узнавшіе о немъ, спѣшатъ выразить свое сочувствіе и помочь, чѣмъ кто въ силахъ, интересному жениху и хорошенькой невѣстѣ. Такое же удовольствіе доставитъ и читателю честный поступокъ забулдыги-семинариста, женившагося на крестьянкѣ, „покрывшаго грѣхъ" честнымъ бракомъ, сразу поднявшагося нравственно и переставшаго быть „забулдыгой". Повѣствованіе тянется немного вяло, но всѣ лица очень живы, очень просты и необыкновенно милы и симпатичны своею простотой и правдивостью, не исключая отца дьякона, родителя героя романа, суроваго брюзги и ругателя, но въ душѣ добраго и честнаго человѣка.

Особый міръ. Повѣсть Арсенія Г. Москва, 1897 г. Цѣна 75 к. *Особый міръ*, съ которымъ знакомитъ насъ авторъ, находится отъ насъ близехонько, въ самомъ городѣ Москвѣ, и нигдѣ, кромѣ Бѣлокаменной, нельзя найти ничего, подобнаго этому „особому міру". Подъ этимъ наименованіемъ авторъ описываетъ кружокъ московскихъ купцовъ, разбогатѣвшихъ, зажирѣвшихъ, изболтавшихся и зазнавшихся. Въ старые годы ихъ отцы и дѣды торговали, заводили фабрики, сами работали, хорошо ли, плохо ли, наживали капиталы, не особенно разбирая средства, и прославились своимъ самодурствомъ. Дѣти и внуки такихъ отцовъ и дѣдовъ получили въ наслѣдство готовые милліоны и полную возможность не утруждать себя традиціонною купеческою работой и жить въ свое удовольствіе, пользуясь большими капиталами. Это новое купеческое поколѣніе пустилось „во вся тяжкія", стало продѣлывать такія штуки, за которыя получило названіе „саврасовъ". Но эти „саврасы" скоро разбились на двѣ группы. Одна изъ нихъ не можетъ еще отрѣшиться отъ старинныхъ повадокъ „купеческихъ сынковъ", „саврасничаетъ" просто и грязновато, въ свое удовольствіе, и не особенно хлопочетъ о томъ, чтобы прикрыть въ себѣ „чумазаго". Люди другой группы тщательно прячутъ сидящаго въ нихъ, прирожденнаго „чумазаго", отчасти сами вѣрятъ въ то, будто „чумазый" въ нихъ переродился во что-то чистое, порядочное и даже прекрасное. Вотъ эту-то вторую группу джентльменствующихъ „саврасовъ" и притворяющихся „чумазыхъ" изобразилъ г. Арсеній Г. въ своей книжкѣ довольно вѣрно, хотя нѣсколько односторонне. Изъ „особаго міра" онъ взялъ только небольшой кружокъ толстокарманниковъ, возмнившихъ себя знатоками музыки и забравшихъ въ свои руки нѣкое „весьма фешенебельное му-

зыкальное общество“. На что же это имъ понадобилось?—Одинъ умный и дѣльный человѣкъ, тоже купецъ, стоящій особнякомъ отъ этой компаніи, отвѣчаетъ такъ на заданный вопросъ: „Пока капиталъ являлся силой производительной и былъ въ рукахъ тѣхъ, которые сами его создавали, некогда было отвлекаться отъ прямого дѣла. Но капиталъ перешелъ въ руки людей, которымъ нечего дѣлать. Терпѣнія и умѣнія изучать искусство и науку, какъ слѣдуетъ, конечно, нѣтъ, зато есть охота смертная покрыть свое купеческое имя славой, — вотъ и начинается... А наука и искусство—области, куда легче всего сунуть свой носъ“. Его собесѣдникъ, Линицкій, изъ купцовъ же,—герой повѣсти, человѣкъ, по-настоящему, развитой и европейски образованный, но не богатый,—высказываетъ такія сужденія: „Вліянія на внутреннюю жизнь страны добиться очень не легко, и только немногимъ удается добиться вліянія на дѣла родного города, а между тѣмъ обидно прожить жизнь при милліонахъ и не представлять изъ себя ровно ничего... Нуженъ отводный каналъ для бурно напирающаго желанія богатыхъ людей имѣть вліяніе. Тутъ-то и попалось бѣдное искусство. Туда, гдѣ, по-видимому, такъ легко достается слава, все и хлынуло“... Хлынуло въ эту область разжирѣвшее купечество и начало распоряжаться въ ней по-своему, по наслѣдственной повадкѣ: нраву моему не препятствуй и понимай, „чего моя нога хочетъ“.—Авторъ говоритъ устами своего героя: „Обратите вниманіе хотя бы на типъ современнаго купеческаго молодца, получившаго тятенькины милліоны,—чего только онъ себѣ не позволяетъ! Никакого уваженія ни къ чему. Знать ничего не хочетъ! Сидитъ въ роскошномъ палаццо, выстроенномъ въ его собственномъ стилѣ, пишетъ какія - нибудь дикія картины, сочиняетъ какія - нибудь дикія теоріи собственной скульптуры или литературы и разсуждаетъ по этому поводу, какъ истый кулакъ: папеньки наши меценатствовали, но это стоило дорого, а мы сами пишемъ, поемъ, рисуемъ, сочиняемъ,— и славы больше, и стóитъ все-таки дешевле“... Далѣе авторъ приводитъ любопытныя выдержки изъ книги одного такого „купеческаго молодца“, сочинившаго книгу, озаглавленную: *Новая универсальная теорія искусства*,—выдержки, весьма характерныя, представляющія собой образецъ нахальства зазнавшагося савраса.—Старикъ музыкантъ, основатель и директоръ „музыкальнаго общества“, вокругъ котораго вертится вся фабула повѣсти г. Арсенія Г., разсказываетъ исторію этого общества и свою собственную біографію, чтò ярко иллюстрируетъ отношенія къ искусству „печенеговъ“, какъ называетъ старый артистъ капиталистовъ, попечителей общества и членовъ его совѣта.

Фабула повѣсти представляетъ собой повѣствованіе о злоключеніяхъ молодой, очень красивой и талантливой артистки-скрипачки, ученицы консерваторіи. Сама по себѣ фабула проста и совсѣмъ не нова, авторъ разсказываетъ о болѣе или менѣе безцеремонныхъ ухаживаніяхъ за красивою ученицей профессоровъ и учениковъ консерваторіи, о несчастной любви къ героинѣ даровитаго, но некрасиваго и слабохарактернаго поэта, о легкой побѣдѣ надъ неопытною дѣвушкой одного женатаго милліонера - печенега, связь съ которымъ принесла артисткѣ много горя и могла бы привести къ самымъ грустнымъ послѣдствіямъ, если бы скрипачку не спасъ ея выдающійся талантъ. Главный интересъ повѣсти заключается въ изображеніи того „особаго міра“, который крѣпко заграбасталъ искусство въ Москвѣ и надъ нимъ издѣвается. Выведенныя на сцену авторомъ дѣйствующія лица не могутъ быть названы типами, но фигуры ихъ написаны живо, „печенеги“ изображе-

ны правдиво и съ знаніемъ ихъ особенностей, и представляются читателю довольно забавными и... гадкими.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. III (*май — іюнь*). — „Молодое поколѣніе“. *К. Вагнера.*

Вопросы Философіи и Психологіи, *май—іюнь.* Тридцать восьмая книга московскаго философскаго журнала открывается статьею В. С. Соловьева: *Понятіе о Богѣ,* въ которой онъ заступается за великаго еврейскаго философа противъ профессора Введенскаго. Профессоръ Струве разсуждаетъ о способностяхъ и развитіи философствующаго ума, Б. Н. Чичеринъ споритъ съ княземъ С. Н. Трубецкимъ объ идеализмѣ, а В. С. Соловьевъ съ проф. Шершеневичемъ, напечатавшимъ въ этой же книгѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи* замѣтку по поводу извѣстной нашимъ читателямъ книги *Оправданіе добра.* Укажемъ, кромѣ того, на статью Л. М. Лопатина: *Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза,* и на работу П. П. Соколова: *Факты и теорія цвѣтного слуха.*

Для обширнаго круга читателей интересно будетъ продолженіе труда г. Гилярова: *Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи.* Авторъ отмѣчаетъ многія дѣйствительно печальныя, позорныя и опасныя явленія въ умственной жизни современной Франціи, но черезчуръ сгущаетъ краски, вдохновляясь Брюнетьеромъ и Бурже. Очень, по брюнетьеровскому шаблону, достается наукѣ, не исполнившей обѣщаній, которыхъ она никому не давала. „Отравляются наши чувства, — говоритъ Гиляровъ, — какъ и все остальное (?) нашимъ разумомъ. По мѣрѣ культурнаго прогресса нашъ умственный кругозоръ все расширяется и создаетъ все новыя потребности; но матеріальная среда, въ которой мы живемъ, остается неизмѣнной и потому не можетъ удовлетворять этихъ возрастающихъ потребностей“. Это утвержденіе о неизмѣнности матеріальной среды представляется для насъ не совсѣмъ яснымъ. Далѣе, по мнѣнію г. Гилярова, „никто, конечно, не отрицаетъ, что наука можетъ способствовать внѣшнему благосостоянію единичныхъ людей *); но въ настоящее время стало для большинства совершенно безспорнымъ и то, что она неспособна дать человѣку никакого нравственнаго руководства“. Еслибъ и дѣйствительно это стало безспорнымъ для большинства (что требуется доказать), то и тогда мы отнеслись бы отрицательно къ плебисциту, неумѣстному именно въ вопросахъ науки и философіи. Рѣшительно не признаемъ мы философскаго значенія за слѣдующимъ приговоромъ г. Гилярова: „Несостоятельность науки дать отвѣтъ на нравственные запросы въ настоящее время такой общепризнанный фактъ (теперь уже *общепризнанный*), что его обыкновенно только отмѣчаютъ, но о немъ не распространяются, какъ о дѣлѣ вполнѣ безспорномъ и очевидномъ“. Мы держимся прямо противоположнаго взгляда: нравственное руководительство науки для человѣка постоянно возрастаетъ, несмотря на временныя, болѣе или менѣе прискорбныя уклоненія въ сторону, несмотря на нравственное паденіе однихъ, на унылое безсиліе или мрачное отчаяніе другихъ. Для г. Гилярова,

*) Почему же только единичныхъ людей, а не общества? Мы должны прибавить, что иногда не можемъ различить, гдѣ авторъ излагаетъ и гдѣ говоритъ отъ себя.

напримѣръ, „всѣ политическіе идеалы одинаково ничтожны, и изъ соціальныхъ затрудненій столь же мало выхода, какъ и изъ всѣхъ остальныхъ“. Очень поучительно сопоставить съ этими мнѣніями г. Гилярова тѣ взгляды, которые развиваются В. О. Ключевскимъ въ статьѣ *Западное вліяніе въ Россіи XVII в.* Этотъ моментъ въ нашей духовной жизни,—говоритъ авторъ,—„придалъ, какъ бы сказать, нѣкоторую нерѣшительность научной поступи русскаго ума, сказывавшуюся въ припадкахъ недовѣрія къ образованію“. Въ массѣ русскихъ людей замѣчается грусть объ ограниченности и тщетѣ пытливаго человѣческаго разумѣнія. „Не есть ли, — говоритъ В. О. Ключевскій, — это научное уныніе запоздалый, оторвавшійся отъ своего источника и нѣсколько переродившійся отзывъ вкусоваго ощущенія отъ науки, отвѣданной поневолѣ, безъ внутренняго къ ней влеченія, безъ жажды знанія, когда въ школу вербовали и наряжали, какъ вербовали и наряжали въ заводившіеся тогда *полки иноземнаго строя?*“ В. О. Ключевскій приводитъ изъ одного древне - русскаго поученія слѣдующія „идеи“, совершенно достойныя Брюнетьера: „Богомерзостенъ предъ Богомъ всякъ любяй геометрію, а се душевніи грѣси учитися геометріи и эллинскимъ книгамъ; проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости, высочайшаго себе не изыскуй, глубочайшаго себе не испытуй, а елико же предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи“.

Подождемъ окончанія статьи г. Гилярова. Насъ интересуютъ его выводы. Изъ рецензій отмѣтимъ одну, на весьма поучительную, судя по ней, книгу Фолькельта, лейпцигскаго профессора философіи, объ *Эстетикѣ трагическаго*. Очень обстоятельно и отчетливо составленъ обзоръ иностранныхъ философскихъ журналовъ (*The Monist*, *Revue Philosophique;* особенно интересна статья Фулье: *Гегемонія науки и философіи*).

Молодое поколѣніе (Jeunesse). К. Вагнеръ. Удостоено преміи Французской академіей. Перев. съ 17 франц. изданія С. Леонтьева. Единственный переводъ, разрѣшенный и одобренный авторомъ съ его портрет. и факсимиле. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. Авторъ принадлежитъ къ людямъ, которые недовольны современнымъ направленіемъ умовъ. Онъ съ грустью смотритъ на позитивную философію и на реализмъ въ наукѣ. Безъ вѣры въ таинственное не можетъ человѣчество, по его мнѣнію, идти впередъ. Онъ скептически смотритъ на вѣру людей въ зиждительную силу разума, онъ приписываетъ великій вредъ увлеченію естествознаніемъ. Въ людяхъ поколебалось, думаетъ онъ, всякое чувство отвѣтственности за свои поступки подъ вліяніемъ ученія, отрицающаго свободу, провозглашающаго невмѣняемость преступленій, вызываемыхъ аффектами и безсознательными импульсами, видящаго въ основѣ всякаго духовнаго явленія подкладку физіологическаго характера и своекорыстные матеріалистическіе разсчеты.

Подъ вліяніенъ этихъ опасныхъ, по мнѣнію г. Вагнера,—теорій, смотрящихъ на человѣка какъ на машину и орудіе слѣпого произвола природы, молодежь потеряла вѣру въ себя, въ свои силы, въ свое высокое предназначеніе, безнадежно опускаетъ руки, скептически относится ко всякимъ оптимистическимъ сужденіямъ людей, въ ней по немногу атрофируется воля, теряются высшія чувства, инстиктивная вѣра въ правду и добро; юноши увлекаются вѣрой въ утилитарную теорію нравственности, толкуя ее по-своему, къ своей эгоистической вы-

годѣ, возводятъ въ культъ свой собственный эгоизмъ, руководятся въ своихъ поступкахъ карьеристическими соображеніями, и, увѣренные въ теоріи наслажденія, какъ основномъ принципѣ жизни, предаются безъ смущенія и безъ разбора всякимъ удовольствіямъ, не останавливаясь и передъ развратомъ, въ погонѣ за сильными ощущеніями.

Таково начертаніе умственнаго и нравственнаго облика современнаго поколѣнія, сдѣланное суровымъ судьей нашего вѣка. Все это, конечно, явное преувеличеніе, вытекающее изъ односторонняго міросозерцанія автора, съ глубочайшимъ отрицаніемъ отзывающагося о современной цивилизаціи.

La critique est aisée, невольно скажете, вздохнувши, когда, прочтя всю первую часть книги, въ которой авторъ даетъ такую суровую отповѣдь нашему вѣку, вы перейдете къ положительной части трактата. Тутъ вы увидите, что гора родила мышь.

Какъ поправить тѣ великіе недуги человѣчества, которые, нещадно бія себя въ грудь, оплакиваетъ авторъ? Надо вернуться къ природѣ,— вотъ средство, въ которомъ г. Вагнеръ видитъ панацею всѣхъ золъ. А какъ вернуться? Что отвѣчаетъ авторъ на этотъ, казалось бы, сложный вопросъ, надъ которымъ такъ много и часто безнадежно трудились крупнѣйшіе умы?

Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ просто — при помощи общихъ мѣстъ. Вотъ его совѣты. Гуляйте на воздухѣ, занимайтесь ручнымъ трудомъ, возлюбите деревню и мужика, вернитесь къ непосредственности чувствъ и простотѣ міросозерцанія народа, прилѣпитесь къ труду и учитесь переносить страданія. Эти банальные совѣты авторъ банально мотивируетъ, прибѣгая къ вычурной, фразистой формѣ рѣчи. Для подтвержденія такого нашего приговора приведемъ первый попавшійся примѣръ. Г. Вагнеръ посвящаетъ цѣлую главу обсужденію великой пользы „страданія и мукъ“, причемъ онъ, по своей привычкѣ, мало доказываетъ, но за то много говоритъ. „Я считаю страданье лучшимъ другомъ человѣка,— заявляетъ онъ.—Безъ него человѣчество оставалось бы въ первобытномъ состояніи варварства, и ему обязаны процвѣтаніемъ всего прекраснаго. Каждый юноша долженъ его уважать, чтить *превыше всего* (!) на свѣтѣ, любить и *лобызать въ пыли кровавые слѣды его шаговъ*“ (?).

Кончаетъ велерѣчивый авторъ тѣмъ, что внушаетъ молодежи весьма благонамѣренныя правила: уважать своихъ родителей, не увлекаться алкоголемъ, быть осторожнѣе съ дамскимъ поломъ, причемъ во многихъ словахъ говоритъ то, что такъ сжато и мѣтко выразилъ Кузьма Прутковъ, сказавшій: „Не шути съ женщинами, эти шутки глупы и неприличны“. Авторъ проповѣдуетъ, впрочемъ, все время хорошія вещи: теплоту семейнаго очага, святость дружбы и брака, цѣломудріе, женственность, причемъ увлекается до того, что серьезно требуетъ совсѣмъ въ духѣ рыцарей среднихъ вѣковъ, „культа женщины“.

Книга была бы хороша и полезна, еслибъ была написана серьезнѣе, не такъ поверхностно, не такъ фразисто, еслибъ авторъ справедливѣе и безпристрастнѣе отнесся къ новой наукѣ и позитивной философіи.

Переводъ изданъ съ портретомъ автора и его факсимиле. Не правда ли, какая роскошь?

КРИТИКА.

„Опытъ художественной критики". *Н. А. Былѣева.*

Опытъ художественной критики. Герой русской поэзіи XIX вѣка. Н. А. Былѣева *). Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, 1897 г. Читая эту книгу, мы совершенно случайно вспомнили объ ея первомъ изданіи. Тогда она носила заглавіе: *Опытъ художественной критики. Сочиненіе И. С. Тургенева.—Рудинъ и Затишье.* Н. Аверьяновъ. Цѣна 28 коп. Москва. 1889 г.

Теперь измѣнено заглавіе; въ старый текстъ введены кое-гдѣ вставки; напечатана новая небольшая статейка о *Героѣ нашего времени.*

Нѣсколькихъ выдержекъ будетъ достаточно, чтобы познакомить читателя съ этимъ „опытомъ художественной критики; „Надпись при посылкѣ книжки 1-го изданія одному изъ представителей 40-хъ годовъ. Отецъ мой! Когда, осіянный миротворнымъ свѣтомъ твоей зари вечерней, ты мнѣ явился и взору моему проникнуть далъ въ души твоей таинственныя сферы, то понялъ я, что жизнь твоя богатая страданьми (sic) есть жертва искупленія для счастья вѣчнаго тобой любимыхъ. Прими же бѣдное творенье моихъ больныхъ прошедшихъ дней, прочти его и въ немъ узнай, о чемъ теперь молюсь я" (стр. V—VI). Въ тонѣ такого наивнаго риторизма написана вся книга. Теплая симпатія автора къ Тургеневу и другимъ представителямъ 40-хъ годовъ заслуживаетъ полнаго уваженія, но выражается она въ такихъ формахъ, которыя невольно вызываютъ улыбку. Особенно курьезны рѣчи, которыя *могли бы* произнести тургеневскіе герои и которыя авторъ влагаетъ имъ въ уста.

ИСТОРІЯ.

„Исторія запорожскихъ козаковъ". *Д. И. Эварницкаго.*—„Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества". Томы 96—97.—„Архивъ князя Ѳ. А. Куракина". Кн. VI.—„Алфабетъ на именныя книги".

Исторія запорожскихъ козаковъ. 1686 — 1734 гг. Д. И. Эварницкаго. Томъ третій. Спб., 1897 г., in 8. Стр. IV+646. Ц. 4 руб. Объемистый третій томъ *Исторіи запорожскихъ козаковъ*, которою давно и много занимается г. Эварницкій, охватываетъ сравнительно съ объемомъ книги очень небольшой промежутокъ времени съ 1686 по 1734 годъ. Это—фактическій, въ хронологическомъ порядкѣ, разсказъ, основанный частью на архивномъ матеріалѣ; этотъ архивный матеріалъ авторъ не перерабатываетъ, но, какъ и самъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи, менѣе важный (съ его, конечно, точки зрѣнія) „пересказываетъ собственными словами", а болѣе важный матеріалъ „приводитъ цѣликомъ". Отсутствіе анализа внутренней исторіи Запорожья и критической разработки источниковъ дѣлаютъ изъ труда нашего автора частью полезный справочникъ, частью любопытное собраніе матеріаловъ. Если смотрѣть на книгу г. Эварницкаго какъ на ученый историческій трудъ, то о ней трудно сказать что-либо удовлетворительное; если же помириться на взглядѣ, что это—сборникъ подготовительнаго характера для будущаго историческаго очерка Запорожья, то критика

---

*) На второй страницѣ въ скобкахъ поставлено: Аверьянова.

не откажется отъ благодарности по адресу собирателя. Для автора на первомъ планѣ—собиранiе фактовъ; его интересуетъ не ихъ логическая послѣдовательность, не закономѣрность цѣлаго процесса, а просто ихъ наличность и хронологическiй распорядокъ. Совершенно неяснымъ остается для читателя, какую цѣль преслѣдуетъ авторъ въ своемъ изложенiи и на какой контингентъ читателей разсчитано послѣднее. Критика могла бы поспорить и со многими отправными пунктами автора, но это завело бы слишкомъ далеко. Искусное перо какого-нибудь французскаго историка, хотя бы Э. Лависса, автора превосходныхъ очерковъ по исторiи Пруссiи, недавно появившихся въ русскомъ переводѣ, сдѣлало бы изъ толстыхъ томовъ г. Эварницкаго интересный и поучительный историческiй этюдъ, которымъ бы зачитывались многiе, а теперь,—да не посѣтуетъ на насъ почтенный авторъ,—ему трудно, очень трудно, набрести на читателя, если только авторъ самъ не попытается составить изъ своего обширнаго труда сжатый этюдъ въ указанномъ сейчасъ стилѣ *Очерковъ* Лависса.

Въ книгѣ двадцать одна глава: онѣ заняты изложенiемъ *походовъ* запорожцевъ на Крымъ и Азовъ вмѣстѣ съ московскими войсками, *походовъ* подъ турецкiе городки, Тавань, Кызыкермень и другiе, на низовье Днѣпра, разсказомъ объ участiи гетмана Мазепы и запорожцевъ въ войнѣ Петра I со шведскимъ королемъ, удаленiи ихъ въ предѣлы Крымскаго ханства и возвращенiи при Аннѣ Ивановнѣ. Шестьсотъ слишкомъ страницъ такого фактическаго разсказа, обнимающаго едва сорокъ восемь лѣтъ, утомятъ кого угодно, и въ наше время публика уже лѣнится (и совершенно справедливо) читать такiе волюмы, ибо мѣсто простой любознательности заступило сознательное стремленiе къ научному знанiю, опираясь на которое, можно жить и дѣйствовать среди современной дѣйствительности, понимать, изъ какихъ условiй она выросла и какъ слѣдуетъ идти дальше. Не всегда ясный стиль, не всегда свѣжiй тонъ изложенiя тоже мало привлекательны для нынѣшняго читателя. Всѣ сдѣланныя замѣчанiя не мѣшаютъ, конечно, признать за книгой автора большое значенiе, какъ источника для будущей исторiи Запорожья. Остановимся еще на одной подробности.

Извѣстна роль гетмана Мазепы въ эпоху полтавской баталiи. Авторъ пишетъ на 391 страницѣ: „Что касается запорожцевъ, то измѣна ихъ русскому царю произошла вовсе не по ихъ винѣ и была исторически подготовлена тѣми обстоятельствами, въ какiя Запорожье было поставлено послѣ соединенiя съ Великою Россiей". Далѣе слѣдуетъ мало кому понятная и едва ли для чего нужная апологiя запорожцевъ съ точки зрѣнiя историка-моралиста; она заканчивается фразой весьма любопытной: „Вся предшествовавшая до 1708 г. исторiя запорожскихъ козаковъ,—пишетъ г. Эварницкiй,—показала, что они, говоря вообще и исключая нѣкоторые единичные случаи, никогда не были *сепаратистами* въ политическомъ отношенiи. Не будучи *сепаратистами*, запорожцы, напротивъ того, были *панславистами*, и въ этомъ случаѣ „голопузые" лыцари опередили и взглядами, и дѣйствiями своихъ современниковъ на 200 — 250 лѣтъ впередъ: принимая къ себѣ въ Сичу и сербовъ, и волоховъ, и ляховъ, и черногорцевъ, они какъ бы самымъ дѣломъ говорили, что сила всѣхъ славянъ въ полномъ единенiи между собою и въ противопоставленiи себя всему неславянскому мiру". Несомнѣнно, что такое мнѣнiе г. Эварницкаго черезчуръ оригинально, и мы избавимъ себя отъ труда съ нимъ спорить, такъ какъ стали бы говорить на разныхъ языкахъ, да кромѣ того поссорились бы изъ-за

употребленія такихъ капризныхъ терминовъ, какъ сепаратизмъ и панславизмъ. Какъ историкъ-моралистъ, г. Эварницкій отличается большимъ идеализмомъ (въ отношеніи къ Москвѣ у него, впрочемъ, идеализмъ особаго сорта) и склонностью къ метафизическимъ построеніямъ. Вотъ, напримѣръ, характерная въ этомъ отношеніи фраза: „Запорожье всегда имѣло глубокое значеніе во всей внутренней жизни южно-русскаго народа и его внѣшнихъ отношеній; оно было отпечаткомъ его завѣтныхъ стремленій, хранителемъ его политическихъ и общественныхъ идеаловъ и всегда служило для южно-русскаго народа живымъ предвозвѣстникомъ свободы и равенства, *мужества* и *храбрости*, живымъ протестомъ противъ насилія и рабства. На Запорожье всегда опирались въ критическіе моменты величайшіе изъ малороссійскихъ дѣятелей. Запорожье, наконецъ, всегда было ядромъ военныхъ силъ всего южно-русскаго народа“. Написавъ эту фразу, г. Эварницкій настойчиво увѣряетъ насъ, что именно такого взгляда держался на Запорожье царь Петръ. Увѣреніе это, по нашему мнѣнію, смѣло настолько же, насколько оригинально то, что запорожцы были панславистами. Читатели невольно спросятъ насъ: какъ же смотритъ почтенный авторъ на гетмана Мазепу, о дѣйствіяхъ котораго говорится въ книгѣ не мало? Тутъ имѣемъ дѣло съ историкомъ-психологомъ. Индивидуальной личности Мазепы авторъ противопоставляетъ коллективную личность чернаго народа и козацкой массы. „Мазепа, — говоритъ авторъ (стр. 33), — не могъ быть *истинно-національнымъ* дѣятелемъ; не могъ быть потому, что по воспитанію и по понятіямъ онъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ малороссіянинъ, и его натурѣ противны были всѣ простонародныя стремленія и традиціи малороссіянъ“. Это не помѣшало Мазепѣ увлечь за собою запорожцевъ на борьбу съ Петромъ, а г. Эварницкому—ядовито замѣтить, что князь Василій Голицынъ и „близкіе клевреты его“ посадили Мазепу въ гетманы, а малороссійская чернота, стало быть, присутствовала на коломацкой радѣ 25 іюня 1687 г. лишь въ качествѣ величественной декораціи, вродѣ тѣхъ великолѣпныхъ стадъ, деревень и веселящихся людей, на которыхъ сто лѣтъ спустя любовалась Екатерина II, не подозрѣвая чаръ великаго чародѣя Потемкина. Мазепа,—говоритъ далѣе авторъ,—прикрываясь силой и правомъ, дарованными ему Москвой, выступилъ противъ стремленій низшаго класса людей Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ массы запорожскаго войска“. Авторъ утверждаетъ, что Мазепа „старался казаться поборникомъ великороссійскихъ интересовъ и монархическихъ началъ въ Малой Россіи“ и что „русскіе цари безусловно вѣрили искренности Мазепы“ (стр. 34), но за то „малороссійская масса и масса запорожскаго войска, понимая настоящія стремленія (какія же?) Мазепы, всѣми мѣрами противились ему“. Но что же это значитъ, что пока Мазепа притворяется другомъ Москвы, кошъ борется съ нимъ, понимая какія-то его „*настоящія стремленія*“ и, стало быть, зная, что Мазепа лжетъ, притворяясь другомъ Москвы, а какъ только гетманъ сбросилъ маску, пошелъ съ нимъ же противъ московскаго царя? Воля ваша, а тутъ что-то неясно, какъ неясны и противорѣчивы утвержденія автора на стр. 34 и 386. Оставляя въ сторонѣ замѣчаніе о томъ, какъ „изъ Запорожья могла бы выдти своего рода *Черногорія*“ и что Мазепа — „натура весьма сложная и трудно доступная для пониманія“, оставляя также въ сторонѣ, что Мазепа, по словамъ автора, „пріобрѣлъ свѣтскій лоскъ и латинское образованіе, усвоилъ польскій образъ мыслей; въ то же время, имѣя кривую душу и лживое сердце, могъ усвоить тон-

кое, но безсердечное и фальшивое къ людямъ отношеніе, могъ думать о возможности отторженія Малороссіи отъ Великороссіи",—перейдемъ къ общему заключенію автора о личности Мазепы, не вдаваясь въ оцѣнку стройности психологическаго анализа г. Эварницкаго, „Въ общемъ, въ характерѣ Мазепы сочетались черты частнаго человѣка, черты непріятныя, своекорыстныя и отталкивающія, и черты общественнаго малороссійскаго дѣятеля, хотѣвшаго видѣть свою родину независимою въ политическомъ отношеніи. Какъ представитель польско-аристократическаго и бюрократическаго начала въ Малороссійскомъ краѣ, Мазепа по необходимости встрѣчалъ страшную оппозицію со стороны запорожскаго войска, которое искони вѣковъ (?) своего существованія считало себя хранителемъ *народно-козацкихъ началъ* не только въ одномъ Запорожьи, но и во всей Малороссіи. Отсюда вражда Мазепы къ запорожцамъ и запорожцевъ къ Мазепѣ", который, „обладая, несомнѣнно, умомъ государственнаго человѣка, по своимъ симпатіямъ и по всѣмъ своимъ замашкамъ былъ болѣе полякъ, нежели малороссіянинъ, и игралъ скорѣе въ руку Польши, чѣмъ Россіи. Отъ того онъ не зналъ *истиннаго духа* малороссіянъ, и въ этомъ его главнѣйшая ошибка: свернуть массу съ протореннаго ею историческаго пути не могутъ даже геніальные люди, а тѣмъ менѣе люди посредственныхъ умовъ и дарованій". Не говоря о сбивчивости этой характеристики, трудно помириться съ ней, благодаря манерѣ автора оперировать выраженіями, подъ которыя можно подставить или какія угодно понятія, или же ничего. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, такое „истинный духъ" малороссіянъ? или „народно-козацкія начала"? и т. п.?

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Спб., 1896 г. Томы 96 и 97. Ц. 3 руб. за томъ. Томъ 96-й *Сборника* составляетъ продолженіе 92-го и заключаетъ въ себѣ переписку между маркизомъ Шетарди и французскимъ правительствомъ съ 1 мая по 28 ноября 1741 г., извлеченную изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и частью уже извѣстную по изданію Пекарскаго *Маркизъ де ла-Шетарди въ Россіи* (Спб., 1862 г.). Главный интересъ тома—въ подробностяхъ учиненнаго Елизаветою дворцоваго переворота, въ его развитіи, обстановкѣ и поведеніи дѣйствующихъ лицъ. Предисловіе къ тому слабо исчерпало матеріалъ, да и по своему тону не совсѣмъ подходитъ къ уровню ученаго изданія. Томъ 97-й—трудъ В. А. Уляницкаго—посвященъ политической перепискѣ Екатерины Второй за 1769—1771 гг. и не снабженъ никакимъ руководящимъ введеніемъ, составляя также продолженіе нѣсколькихъ изъ предшествующихъ томовъ *Сборника*. Оба тома отличаются обычными достоинствами и недостатками настоящаго изданія, давно и хорошо извѣстными ученой публикѣ; по-прежнему въ нихъ попадаются досадныя опечатки и помѣщены не всегда точные переводы съ французскаго текста, такъ что изслѣдователь, не желающій, подобно Н. Д. Чечулину, попасть въ какое-нибудь совершенно неожиданное недоразумѣніе, долженъ относиться къ переводу съ опаской и обращаться къ оригиналу. Въ изданіи *Сборника* многое слѣдовало бы измѣнить и поставить иначе, ради его большей научной высоты (слѣдовало бы, напримѣръ, широко утилизировать молодыя научныя силы), тѣмъ не менѣе и въ данномъ своемъ видѣ онъ представляетъ значительное подспорье и порою ничѣмъ не замѣнимый источникъ для всякаго, кто посвящаетъ свои силы изученію русской исторіи XVIII столѣтія и не имѣетъ возможности предпринять трудный походъ въ архивы. На основаніи *Сборника* возможны въ наши дни

цѣлыя докторскія диссертаціи, особенно по внѣшней политикѣ. Диссертація Н. Чечулина и ея результатъ—проектъ отмѣны публичныхъ диспутовъ—недавній тому примѣръ, хотя бы и не совсѣмъ пріятный для *Сборника*, дальнѣйшихъ томовъ котораго приходится ждать съ нетерпѣніемъ, ибо есть признаки, что страницы *Сборника* станутъ болѣе благосклонными къ матеріаламъ по XIX вѣку: на изученіе Н. Ѳ. Дубровина, какъ извѣстно, передано все дѣло о декабристахъ, и само собою разумѣется, что трудъ послѣдняго только и можетъ появиться въ *Сборникѣ*.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая. Саратовъ, 1896 г. Цѣна 3 руб. Изданіе архива села Надеждина начато было подъ редакціей М. И. Семевскаго, продолжается подъ редакціей В. Н. Смольянинова и ежегодно даетъ о себѣ знать цѣлымъ объемистымъ томомъ въ 30 печатныхъ листовъ. Достаточно хорошее по внѣшности и въ значительной мѣрѣ любопытное по содержанію, оно тѣмъ не менѣе не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія современной археографіи; мѣшаетъ нѣсколько цѣльности впечатлѣнія и тотъ неумѣстно панегирическій тонъ, въ который впадаетъ порою редакторъ *Архива*, почему-то приплетающій къ послѣднему г. Бартенева, какъ авторитетнаго археографа, — роль, на которую едва ли могъ бы претендовать издатель *Русскаго Архива*... Не мало можетъ смутить читателя и то обстоятельство, что гг. Куракинъ и Смольяниновъ даже документы первой половины XVIII столѣтія не стѣсняются издавать съ пропусками или „въ сокращенномъ видѣ", дѣлая то „*по разнымъ причинамъ*", какъ объяснено въ оглавленіи. Причины эти во всякомъ случаѣ не цензурныя, а просто—игра издательской техники упомянутыхъ господъ... Историкъ-изслѣдователь тѣмъ не менѣе будетъ весьма признателенъ и за то, что согласно своему разумѣнію смогли дать гг. Куракинъ и Смольяниновъ. Давно ли въ самомъ дѣлѣ у насъ стали не только что издавать, а и просто дорожить фамильными документами. Не даромъ Ив. Ег. Забѣлинъ въ своемъ превосходномъ введеніи къ книгѣ *Кунцово и древній Сѣтунскій станъ* замѣтилъ, что о боярской старой жизни мы вообще мало имѣемъ надобныхъ свѣдѣній, которыя, конечно, въ изобиліи существовали въ боярскихъ же домашнихъ архивахъ, но по милости „офранцуженія" боярскихъ умовъ въ XVIII столѣтіи съ презрѣніемъ были отброшены прочь и погибали безслѣдно частью отъ пожаровъ, а больше всего отъ полнаго равнодушія къ памяти о предкахъ, отъ полнаго образованнаго небреженія ко всему, что только напоминало о времени дѣдовъ... Въ наши дни успѣли перегнуться нѣсколько въ обратную сторону, и въ рукахъ русскаго изслѣдователя уже не одинъ томъ частнаго собранія актовъ (Воронцовыхъ, Шереметевыхъ, Куракиныхъ, Шидловскихъ, Савеловыхъ и др.). Шестая книга настоящаго собранія состоитъ изъ документовъ 1712, 1713, 1770—1772 гг.: это—отрывки изъ записокъ князей Бориса Ивановича и Александра Борисовича Куракиныхъ и переписки ихъ съ разными лицами; довольно значительная часть писемъ и мемуары князя Александра — на французскомъ языкѣ. Здѣсь очень много матеріала для дипломатической исторіи и частью для бытовой, нѣкоторыя свѣдѣнія о графахъ Никитѣ и Петрѣ Панинныхъ, Румянцевыхъ, Талызиныхъ, Орловыхъ, Разумовскихъ, Головкиныхъ, Апраксиныхъ и др. Входить сейчасъ во всѣ мелочи напечатанной въ VI-й книгѣ переписки нѣтъ возможности; переписка эта получитъ значеніе лишь по отпечатаніи значительнѣйшей ея части, вслѣдствіе чего и нельзя не пожелать,

чтобъ издатели вели свое изданіе съ большею быстротой и съ меньшими купюрами. Куракинскій архивъ, теперь издаваемый, далеко не весь попалъ къ нынѣшнему владѣльцу путемъ наслѣдованія. Пришлось не мало потратить силъ на то, чтобы вернуть на старое пепелище утраченныя фамиліей бумаги и попавшія въ разныя руки: однѣ бумаги были куплены въ Москвѣ, другія въ Петербургѣ. Всего своеобразнѣе стоитъ дѣло съ бумагами, пріобрѣтенными кн. Куракинымъ въ Петербургѣ: онѣ куплены были когда-то Н. В. Калачовымъ и принесены въ даръ основанному имъ Археологическому институту, который долженъ былъ выпускать ученыхъ архивистовъ и быть объединяющимъ центромъ для всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій; будучи по самой задачѣ своей учрежденіемъ исключительно археографическимъ, Археологическій институтъ крайне нуждался въ архивныхъ документахъ, и Н. В. Калачовъ на собственныя средства пріобрѣлъ для него маленькій архивъ Куракиныхъ. По смерти Калачова и изложеніи основныхъ цѣлей учрежденія, благодарный институтъ *продалъ пожертвованные* документы въ Надеждино, уподобившись продавцу, отъ котораго пріобрѣлъ бумаги самъ Калачовъ... Такимъ образомъ пріобрѣтены были для настоящаго изданія нѣкоторые фамильные документы, о которыхъ вспомнилъ въ предисловіи къ VI-й книгѣ редакторъ *Архива* г. Смольяниновъ (стр. XIV).

Алфабетъ на именныя книги пехотнаго азовскаго полку званія и имянъ съ отечествы и съ прозвища нижепоказанныхъ разныхъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ положено въ окладъ мужскаго полу душъ, за помѣщики и за разночинцы. Съ предисловіемъ проф. П. Н. Милюкова. Рязань, 1897 г. За послѣднее время замѣчается особенное оживленіе ученой и издательской дѣятельности рязанской губернской ученой архивной коммиссіи, работающей при непосредственномъ и живомъ руководствѣ А. Д. Повалишина. Книжка, заголовокъ которой только что приведенъ, является предвѣстникомъ цѣлаго ряда другихъ изданій коммиссіи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ недавно вышедшій *Отчетъ о дѣятельности* коммиссіи за 1896 г.; помимо обычныхъ *Извѣстій*, печатаются *Акты Рязанскаго края* по программѣ П. Н. Милюкова и *Писцовыя книги Рязанскаго края* подъ редакціей В. Н. Сторожева, причемъ въ интересахъ полноты перваго изданія С. А. Шумаковымъ отпечатана превосходная опись такъ называемыхъ грамотъ Коллегіи Экономіи по Переяславлю Рязанскому. Документъ, изданный въ разбираемой книжкѣ, принадлежитъ къ разряду описей и относится къ 1722 г. Сколько помнится, подобныхъ документовъ еще не было въ печати; если это такъ, то мы рекомендуемъ его особенному вниманію нашихъ археографовъ, которые до сихъ поръ не обращали своихъ силъ на розыскъ, обработку и изданіе матеріаловъ по ревизіямъ XVIII столѣтія. *Алфабетъ* относится къ моменту, когда Петръ I отдавалъ первыя распоряженія для того, чтобы привести въ дѣйствіе расквартированія полковъ по тѣмъ самымъ мѣстностямъ, которыя должны были платить деньги на ихъ содержаніе. Это была довольно своеобразная военно-финансовая организація (далеко не вполнѣ удавшаяся), которая, съ одной стороны, шла въ духѣ старыхъ финансовъ (точно опредѣлять, на какое именно употребленіе пойдетъ каждая взысканная съ плательщиковъ копѣйка), а съ другой—копировала шведскую систему распредѣленія войскъ. Въ началѣ 1722 г. во всѣ провинціи Россіи посланы были генералы и оберъ-офицеры для того, чтобы на мѣстѣ разложить „полки на души“. Въ Рязанской провинціи,

во всей Московской губерніи, къ которой эта провинція принадлежала, долженъ былъ произвести раскладку „генералъ-майоръ и лейбъ-гвардіи майоръ князь Юсуповъ“. Подобно другимъ уполномоченнымъ, онъ получилъ инструкцію, которая между прочимъ гласила слѣдующее: „когда которую роту разложишь, то отдашь за своею рукою первому оберъ-офицеру той роты роспись, въ которой написать имена деревнямъ и число душъ мужского пола въ каждой и число дворовъ; такую-жъ дать и помѣщикамъ оныхъ деревень. А когда весь полкъ разложишь, то полковнику того полка такимъ же образомъ дать книгу за своею рукою на весь его полкъ, и отъ него такую-жъ взять себѣ“. Напечатанный проф. Милюковымъ документъ не есть эта книга, а лишь указатель именъ къ книгѣ, до насъ не дошедшей или пока неизвѣстной; хотя въ „алфабетѣ“ и нѣтъ означенія числа дворовъ, однако онъ вполнѣ замѣняетъ самую книгу, представляя собою полный списокъ населенныхъ имѣній той мѣстности Рязанской губерніи, на которую возложено было содержаніе Азовскаго пѣхотнаго полка (означена на приложенной къ книжкѣ картѣ). То были Окологородный и Поницкій станы Рязанскаго уѣзда, Перевитскій и Ростиславскій станы Зарайскаго уѣзда и Моржевскій станъ Михайловскаго уѣзда (все это—станы, вошедшіе въ изданныя В. Н. Сторожевымъ рязанскія платежницы XVI вѣка). Для историка русскаго соціальнаго и экономическаго строя подобные документы представляютъ большой интересъ, и нельзя не пожелать, чтобы губернскія архивныя коммиссіи обратили на нихъ свое вниманіе. Рязанскій *Алфабетъ* найденъ былъ въ мѣстномъ архивѣ губернскаго правленія. Быть можетъ, это не случайность,—и подобные документы ютятся по архивамъ другихъ губернскихъ правленій, не обращая на себя вниманія мѣстныхъ любителей отечественной исторіи.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Задачи вексельной реформы“. *С. М. Бараца.*— „Систематическій сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по поземельному устройству крестьянъ Царства Польскаго“. *М. Д. Скрябина.*

Задачи вексельной реформы въ Россіи. С. М. Бараца. Спб., 1896 г. Въ 1893 году изданъ проектъ устава вексельнаго, выработанный такъ же, какъ и объяснительная къ нему записка, проф. Цитовичемъ. Оцѣнкѣ этого проекта и посвящена книга г. Бараца. Разсмотрѣвъ очень подробно и всесторонне проектъ, авторъ находитъ его вполнѣ неудовлетворительнымъ; эту неудовлетворительность авторъ объясняетъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что составитель проекта—спеціалистъ по юриспруденціи—не могъ справиться съ экономической стороной вопроса: юридическая сторона въ проектѣ заняла слишкомъ много мѣста, а экономическая вовсе игнорирована. Самая система проекта, по мнѣнію автора, неудовлетворительна: стремленіе составителя создать самобытную русскую систему изложенія оказалось неудачнымъ; къ внѣшнимъ же недостаткамъ проекта надо отнести чрезмѣрную его длинноту, не всегда удачную терминологію и редакцію статей, неясность и противорѣчія, встрѣчаемыя во многихъ статьяхъ.

Авторъ рѣшительно возстаетъ противъ имѣющагося въ проектѣ постановленія, что сумма векселя должна быть не ниже 100 рублей; ограниченіе это, будучи крайне стѣснительнымъ для вексельнаго оборота, должно въ значительной мѣрѣ подорвать экономическое значеніе вексе-

ля. Касаясь далѣе протеста векселей, г. Барацъ находитъ, что въ этомъ вопросѣ составителемъ проекта сдѣлана самая существенная ошибка: въ проектѣ протестъ обставленъ съ особой строгостью, причемъ требуются два протеста въ неплатежѣ—протестъ векселедержателя и протестъ нотаріуса; эта двукратность и вся сложная процедура протеста должны оказать весьма вредное вліяніе на быстроту обращенія векселя.

Въ общемъ авторъ находитъ, что проектъ не стоитъ на надлежащей высотѣ и не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ, и что вопреки своей главной цѣли проектъ не только не обезпечиваетъ, но стѣсняетъ, затрудняетъ обращеніе векселя. Въ заключеніе г. Барацъ дѣлаетъ такую, пожалуй, слишкомъ сильную и рѣзкую характеристику проекта: „Проектъ 1893 года—ракета. Это—произведеніе вздутое, самодовольное, полное неясностей, сумбура и противорѣчій, безусловно игнорирующее экономическую сторону векселя и полное дефектовъ съ точки зрѣнія юридической".

Систематическій сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по поземельному устройству крестьянъ Царства Польскаго. Составилъ М. Д. Скрябинъ. Изданіе неоффиціальное. Радомъ, 1896 г. Въ разсматриваемомъ изданіи заключается богатый матеріалъ по вопросу о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Авторъ собралъ относящіяся къ указанному вопросу Высочайшія повелѣнія, постановленія учредительнаго комитета, рѣшенія и циркуляры временной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ Царства Польскаго, циркуляры и разъясненія министерства внутреннихъ дѣлъ и земскаго отдѣла, рѣшенія правительствующаго сената, а также иныя узаконенія и распоряженія по другимъ вѣдомствамъ. Во многихъ мѣстахъ для разъясненія неясностей составитель присоединилъ къ тексту весьма дѣльныя замѣчанія. Весь этотъ обширный матеріалъ раздѣленъ на двѣ части; одна относится къ устройству крестьянъ на земляхъ, подошедшихъ подъ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г., а другая—къ устройству крестьянъ на земляхъ, пріобрѣтенныхъ при помощи крестьянскаго поземельнаго банка. Составленъ сборникъ весьма полно и толково и можетъ служить очень цѣннымъ пособіемъ для лицъ, интересующихся положеніемъ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Водяныя растенія средней Россіи". *Б. Федченка и А. Флерова.* — „Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи". *И. Я. Акинфіева.*—„Біологія растеній". *Вюильмена.*—„Популярныя рѣчи проф. Гельмгольтца".

Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растеній, дико растущихъ въ средней Россіи. Составили Б. Федченко и А. Флеровъ. Москва, 1897 г. Ц. 40 к. Состаленный Б. Федченко и А. Флеровымъ, опредѣлитель водяныхъ растеній средней Россіи является продолженіемъ не оконченной покойнымъ П. Ф. Маевскимъ серіи краткихъ опредѣлителей растеній, имѣющихъ значительный успѣхъ въ качествѣ руководства для начинающихъ ботаниковъ-систематиковъ. Обиліе (32) фотоцинкографій облегчаетъ пользованіе опредѣлителемъ. Желая полнаго успѣха авторамъ и привѣтствуя появленіе этой полезной книжки, нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи авторами было обращено вниманіе на неяс-

ность и слишкомъ малый масштабъ нѣкоторыхъ рисунковъ. Для полнаго успѣха и цѣна могла бы быть уменьшена, по крайней мѣрѣ, на половину.

Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Систематика растеній Россіи. И. Я. Акинфіева. Екатеринославъ, 1896 г. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Ц. 30 к. Разошедшееся въ продажѣ первое изданіе *Таблицъ для опредѣленія семействъ цвѣтковыхъ растеній* побудило автора выпустить второе изданіе. Во второмъ изданіи *Опредѣлителя семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи*, значительно дополненномъ, прибавленъ списокъ всѣхъ классовъ и наиболѣе распространенныхъ семействъ, родовъ и видовъ растеній, встрѣчающихся въ Россіи. Въ началѣ книги предпосланъ коротенькій морфологическій очеркъ цвѣтка и наставленіе, какъ пользоваться *Опредѣлителемъ*. Можно указать на нѣкоторыя опечатки и мелкія неточности, вообще нежелательныя въ подобнаго рода изданіяхъ. Цѣна (30 к.) не можетъ быть названа высокой. Вообще *Опредѣлитель* г. Акинфіева послужитъ хорошимъ пособіемъ въ школѣ и начинающимъ ботаникамъ.

Научно-образовательная библіотека. Біологія растеній. Вюильменъ, проф. медиц. фак. въ Нанси. Переводъ И. А. Петровскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. К. А. Тимирязева. М., 1897 г. Ц. 50 к. Указавъ въ краткомъ введеніи, что опредѣленіе понятій „жизнь“ и „растеніе“ почти невозможно, что „жизнь связана съ чередованіемъ химическихъ, морфологическихъ и физіологическихъ синтеза и анализа“, „познакомиться же съ жизнью растенія значитъ прежде всего познакомиться со строеніемъ и свойствами клѣточки, этой общей основы жизни растеній и животныхъ, потомъ съ тѣми спеціальными особенностями, которыя представляетъ клѣточка растенія“, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію жизни растеній съ трехъ точекъ зрѣнія: разсматриваетъ жизнь клѣточную, жизнь индивидуальную и жизнь общественную. Такимъ образомъ вся книга распадается на три части. Первая часть знакомитъ съ клѣточкой, ея химическими, физическими и морфологическими свойствами, размноженіемъ и видоизмѣненіемъ и особенностями дифференцировки растительной клѣтки. Во второй части читатель знакомится съ индивидуальной жизнью растенія. Запасшись краткими, но достаточными свѣдѣніями строенія растенія, читатель переходитъ къ знакомству съ функціями растеній. Наконецъ, послѣдняя часть посвящена общественной жизни растеній. Общественные виды, различные способы опыленія, распредѣленіе растеній, борьба между дикорастущими растеніями, паразитизмъ, симбіозъ и проч., все это въ высшей степени интересные вопросы, знакомство съ которыми можно почерпнуть въ книгѣ проф. Вюильмена.

„Несмотря на малый объемъ книжки, — говоритъ въ предисловіи проф. К. А. Тимирязевъ, — ея содержаніе довольно богато и разнообразно, охватывая почти всѣ выдающіяся явленія, начиная съ жизни клѣточки и кончая соціальной жизнью высшихъ представителей растительнаго міра. По нѣкоторымъ вопросамъ, по которымъ наука сдѣлала значительные успѣхи, со времени выхода французскаго оригинала, русскимъ переводчикомъ сдѣланы необходимыя исправленія и добавленія. Въ общемъ итогѣ, я полагаю, что книга эта доставитъ интересное чтеніе для всякаго читателя, не спеціалиста, но желающаго ознакомиться, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ основными явленіями растительной жизни“.

Занимательность предмета, хорошій переводъ, обиліе рисунковъ и невысокая цѣна — все это условія самаго широкаго распространенія книжки среди читающей публики.

Популярныя рѣчи профессора Г. Гельмгольтца. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, подъ редакціей О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Части I и II. Цѣна 2 руб. Давно чувствовалась потребность въ русскомъ переводѣ популярныхъ лекцій и рѣчей Г. фонъ Гельмгольтца. Въ настоящее время эта потребность удовлетворена только отчасти, ибо въ вышедшихъ двухъ томахъ *Популярныхъ рѣчей профессора Г. Гельмгольтца* помѣщено всего 8 рѣчей, слѣдовательно, менѣе половины всѣхъ рѣчей, составляющихъ 2 тома *Vorträge und Reden von Hermann von Helmholtz*. Въ виду этого нельзя не пожелать, чтобы переводъ и остальныхъ рѣчей появился по возможности въ скоромъ времени.

Въ составъ вышедшихъ двухъ частей *Популярныхъ рѣчей* вошли рѣчи какъ изъ перваго, такъ и второго тома *Vorträge und Reden*. Чѣмъ руководились редакторы русскаго перевода при выборѣ рѣчей, подлежавшихъ переводу, не извѣстно, ибо они не предпослали къ переводу никакого предисловія. Нельзя также не пожалѣть, что въ русскомъ переводѣ нигдѣ не указано ни времени, ни мѣста, гдѣ произнесена та или иная рѣчь, указаніе же времени (вездѣ приведенное въ нѣмецкомъ оригиналѣ) очень важно, ибо однѣ рѣчи Г. фонъ Гельмгольтца относятся къ 50-мъ годамъ, а другія—къ 80-мъ. Въ I часть вошли слѣдующія рѣчи: 1) о взаимодѣйствіи силъ природы (1854 г.), 2) о сохраненіи силы,—лекція, служившая введеніемъ къ цѣлому ряду лекцій, прочтенныхъ Г. фонъ Гельмгольтцемъ въ Карлсруе зимой 1862—1863 г., 3) о цѣли и объ успѣхахъ естествознанія (1869 г.) и 4) современное развитіе взглядовъ Фарадея на электричество,—такъ называемое „Фарадеевское“ чтеніе, произнесенное въ лондонскомъ химическомъ обществѣ въ 1881 г.

Вторую часть *Популярныхъ рѣчей* составляетъ: 1) о зрѣніи человѣка, лекція, прочитанная въ Кенигсбергѣ въ 1855 г., 2) новѣйшіе успѣхи теоріи зрѣнія,—лекціи, прочитанныя во Франкфуртѣ на Майнѣ и Гейдельбергѣ въ 1868 году, 3) вихревыя бури и грозы, лекція прочитанная въ Гамбургѣ въ 1875 и 4) возникновеніе планетной системы (чтеніе въ Гейдельбергѣ и Кельнѣ въ 1871 г.). Считая излишнимъ говорить о значеніи и интересѣ популярныхъ рѣчей Г. фонъ Гельмгольтца, укажемъ только, что русскій переводъ написанъ хорошимъ языкомъ; что же касается до внѣшности изданія и рисунковъ, то и они не позволяютъ сдѣлать ни малѣйшаго упрека.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ К. Тиль и К°“. *Н. В. Тулупова.* — „Самовозгараніе угля, хлопка и проч.“. *Ф. А. Даниловы.*

Императорское Русское Техническое Общество. Московское отдѣленіе. Постоянная коммиссія по техническому образованію. Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ К. Тиль и К° въ Москвѣ. Докладъ Н. В. Тулупова, прочитанный въ засѣданіи постоянной коммиссіи 3 февраля 1897 г., и замѣчанія по докладу, высказанныя нѣкоторыми членами коммиссіи. Москва, 1897 г. Цѣна 10 коп. На второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническо-

му и профессіональному образованію былъ весьма обстоятельно разработанъ съ теоретической стороны насущный вопросъ нашихъ дней—о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня нашего рабочаго. Теперь остается пока раскрытымъ еще болѣе важный вопросъ—о практическихъ мѣропріятіяхъ для осуществленія этой доброй цѣли. Какого рода попытки дѣлаются у насъ въ настоящее время и къ какимъ видимымъ результатамъ приводятъ онѣ — вотъ о чемъ стóитъ почаще и почаще говорить, вотъ какого рода матеріалы нужно теперь понемногу отовсюду собирать. Въ концѣ концовъ можно будетъ, послѣ тщательнаго изученія этого мало обслѣдованнаго дѣла, придти къ какимъ-нибудь положительнымъ и поучительнымъ выводамъ.

Вотъ почему докладъ г. Тулупова не можетъ быть оставленъ безъ вниманія. Референтъ тоже ссылается на новизну дѣла и отсутствіе сколько-нибудь значительнаго опыта и наблюденій въ этой области, какъ серьезный тормазъ къ проведенію въ жизнь какихъ бы то ни было, съ виду хорошихъ, плановъ. „Вотъ почему, — говоритъ онъ,— всякаго рода положительныя данныя о томъ, какъ возникли и развились чтенія и бесѣды въ той или другой мѣстности, какихъ результатовъ достигли они при наличности тѣхъ или иныхъ условій, являются насущною необходимостью въ данное время“.

Заводъ К. Тиль — одинъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ Москвы. Любопытно, что воскресныя чтенія для рабочихъ возникли здѣсь по иниціативѣ одного изъ молодыхъ прикащиковъ, которую охотно поддержала жена владѣльца завода, О. М. Тиль, а также мѣстный приходскій священникъ, получившій на свое имя разрѣшеніе вести эти чтенія. Аудиторія, повидимому, была не изъ особенно благодарныхъ: все народъ въ большинствѣ неграмотный, уже хорошо свыкшійся съ заведеннымъ изстари обычаемъ проводить праздники, т.-е. забавляясь спиртными напитками, безцѣльнымъ шатаньемъ и глазѣньемъ по улицамъ, да устраиваньемъ кулачныхъ боевъ.

Стоило, однако, приступить къ чтеніямъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ аудиторія, сначала поддававшаяся туго, стала быстро разрастаться въ своей цифрѣ и дошла до 1,000 человѣкъ. Чтенія дѣлились, какъ водится, на двѣ части: духовно-нравственную,—тутъ читалъ что-нибудь священникъ,—и свѣтскую, если можно такъ выразиться. Тутъ читалось и по исторіи, и по естествознанію и географіи, и изъ художественной литературы — Островскій, А. Толстой, Гоголь, Мольеръ и проч.

Всего болѣе интересовалась эта публика чтеніями по исторіи. Любимымъ героемъ является Петръ Великій. Съ захватывающимъ вниманіемъ слушали рабочіе о воспитаніи этого царя и о первыхъ годахъ его царствованія: толпа въ 1,020 слушателей была какъ одинъ человѣкъ. Не такъ уже внимательно слушали второе чтеніе о Петрѣ, посвященное его реформамъ. Оно было мало понятно. Мы, однако, не думаемъ, чтобъ отсюда слѣдовало заключать о недоступности этого сюжета для рабочихъ. Весь вопросъ въ томъ, *какъ* излагать предметъ.

Произведенія Гоголя не производили особаго впечатлѣнія. Его юморъ, а особенно лиризмъ, думается намъ, предназначенъ только для интеллигенціи, сродной по духу и развитію автору. За то „Лѣкарь поневолѣ“ Мольера привелъ слушателей въ неописуемый восторгъ: вся аудиторія потрясалась отъ оглушительнаго смѣха слушателей. И это, конечно, очень понятно: юморъ Мольера слишкомъ общедоступенъ, чтобы не сказать—примитивенъ. На другой день, однако, явился у нихъ

анализъ: „хорошо-то хорошо, — говорили они, — только что-жъ намъ пустяки-то слушать, *намъ бы что-нибудь подѣльнѣе*“.

Тургеневскіе „Пѣвцы“ провалились: „намъ кабакъ-то и такъ надоѣлъ, —заявляли многіе, —а тутъ еще про него читаютъ“. Безъ успѣха прошло и чтеніе о Швейцаріи: картинъ на экранѣ было показано очень мало, а длинныхъ описаній природы слишкомъ много. Вообще, слишкомъ рискованно предлагать литературу описательную. Драматизмъ, движеніе—вотъ что обусловливаетъ успѣхъ.

Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ данныхъ можно, кажется, заключить о серьезномъ настроеніи рабочаго человѣка, о его искренней жаждѣ знанія и о необходимости неотложно приняться за утоленіе этой жажды. И нельзя не порадоваться, что рефератъ г. Тулупова послужилъ поводомъ къ постановленію коммиссіи—приняться за организацію научно-популярныхъ курсовъ и чтеній для рабочихъ. Съ этою цѣлью, по предложенію В. П. Вахтерова, поддержанному Н. В. Касаткинымъ и особенно докторомъ А. В. Погожевымъ, человѣкомъ весьма компетентнымъ въ подобныхъ вопросахъ, образована особая коммиссія, имѣющая въ виду привлечь къ участію въ своихъ планахъ самихъ заводчиковъ и фабрикантовъ.

Самовозгараніе угля, хлопка, замасленнаго тряпья, сѣна, табака и проч. Сущность явленія, причины его и способы предупрежденія. Съ 6 рис. въ текстѣ. Составилъ инженеръ-технологъ Ф. А. Даниловъ. Ц. 20 к. 1896 г. Вопросъ о способности къ самовозгаранію нѣкоторыхъ тѣлъ, несмотря на большой научный и практическій интересъ, до сихъ поръ мало разработанъ въ научномъ отношеніи, и въ этомъ дѣлѣ много еще остается неяснаго и гадательнаго. Случаи самовозгаранія не всегда подвергаются тщательному и строгому разслѣдованію, да, наконецъ, во многихъ случаяхъ трудно бываетъ установить даже, произошло ли дѣйствительно самовозгараніе, или былъ простой пожаръ. Въ общемъ явленіе самовозгаранія объясняется довольно удовлетворительно, но подробности оставляютъ многаго желать въ смыслѣ большей обстоятельности и обоснованности.

Книжка Данилова повидимому не претендуетъ на изслѣдованіе затронутаго вопроса во всемъ его объемѣ, а ограничивается сообщеніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ автору фактовъ и указаній относительно самопроизвольнаго возгаранія. Предметъ слишкомъ обширенъ, чтобы его можно было исчерпать со всѣхъ сторонъ въ маленькой брошюркѣ въ 29 страничекъ. Авторъ знакомитъ въ общихъ чертахъ съ сущностью явленія и приводитъ рядъ случаевъ самовозгаранія разнаго рода матеріаловъ изъ русской и заграничной практики. Общее впечатлѣніе отъ брошюры Данилова такое, что имѣющагося матеріала недостаточно для всесторонняго рѣшенія вопроса о самовозгараніи. Взгляды отдѣльныхъ лицъ здѣсь часто расходятся, какъ, напримѣръ, по вопросу о вентиляціи каменнаго угля, о способности хлопка къ самовозгаранію и проч. Многое еще нуждается въ провѣркѣ и болѣе тщательномъ изслѣдованіи, чтобы можно было сказать окончательное слово объ этомъ интересномъ явленіи. Книжка Данилова даетъ только схему вопроса и знакомитъ съ нимъ только въ самыхъ общихъ чертахъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„По югу Россіи". *В. А. Бертенсона.*—„Историческая записка объ учрежденіи Имп. Общ. Сельск. Хозяйства". *А. П. Перепелкина.*—„Виноградарство на песчаныхъ почвахъ". *В. А. Бертенсона.*

По югу Россіи. В. А. Бертенсона. Вып. II, 1896 г. Ц. 50 к. Въ небольшой брошюрѣ авторъ описываетъ нѣкоторыя образцовыя хозяйства, экономіи, молочныя фермы, шелководство, винодѣліе, заводы, сельско-хозяйственныя школы, шелководныя станціи въ Подольской, Кутаисской, Херсонской, Бессарабской, Кіевской, Черниговской и Екатеринославской губ.

Въ приднѣстровской части Подольской губ., по склонамъ гористыхъ береговъ Днѣстра, расположены обширные виноградники, дающіе нѣжное, довольно тонкое вино, сходное съ рейнскими винами. Особенно славятся здѣсь вина имѣній князя Витгенштейна (м. Каменка), Арцимовича (около с. Рыбинцы) и Зиновьевой (с. Стройницы). У Арцимовичей получается 4,000—5,000 ведеръ въ годъ. Цѣна доходитъ до 12 р. за ведро. У крестьянъ виноградарство мало развито.

Главными предметами полеводства во всей приднѣстровской полосѣ являются пшеница и кукуруза. Значительную роль въ хозяйствѣ играетъ также садоводство (яблоки, груши, сливы, абрикосы). Съ удаленіемъ отъ Днѣстра виноградники и плодовые сады исчезаютъ, а кукуруза мѣстами смѣняется свеклою.

Далѣе описывается одинъ изъ самыхъ южныхъ свеклосахарныхъ заводовъ въ Черноминѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губ., близъ станціи Попелюхи, принадлежащій г. Черномскому. Авторъ касается, впрочемъ, только сельско-хозяйственной стороны дѣла, культуры свекловицы, сѣвооборотовъ и пр. Между прочимъ, авторъ отмѣчаетъ сравнительную достаточность населенія, несмотря на его малоземелье.

Работы на плантаціяхъ и на заводѣ даютъ ему хорошій заработокъ. Тѣмъ не менѣе крестьяне, благодаря крайнему своему невѣжеству, лѣни, безпечности, склонности къ пьянству, совсѣмъ не обезпечены. И при высокихъ цѣнахъ на трудъ здѣсь всегда ощущается недостатокъ рабочихъ рукъ.

Въ Ямпольскомъ уѣздѣ авторъ отмѣчаетъ образцовую экономію (Деребчинскую) барона А. А. Маса. Въ имѣніи имѣется опытное поле, химическая лабораторія, заводикъ для переработки подольскихъ фосфоритовъ въ суперфосфоты, прекрасный рабочій и молочный скотъ, отличныя постройки и проч. Весьма также хвалитъ авторъ экономію Маньковскаго въ с. Боровкѣ.

Верстахъ въ 30 отъ Могилева, на линіи желѣзной дороги, расположено пользующееся громкой извѣстностью Немерчинское хозяйство Бущинскаго, главнымъ образомъ свеклосѣмянное. Оно поставлено прекрасно, имѣетъ отдѣленія въ Подольской губ. (Винницкій у., с. Поповка у г. Якубовскаго) и въ Уманьскомъ у., Кіевской губ. (у гг. Котовича и Кличинскаго). Производство сѣмянъ достигаетъ уже внушительныхъ размѣровъ.

Въ имѣніи Чихачева с. Куриловцы почва тяжелая, глинистая. Есть также болотистая, кислыя почвы „мочары", удобряемыя дефекаціонной известковой грязью съ свеклосахарныхъ заводовъ. Тутъ же есть залежи мѣла, гипса, фосфоритовъ. Послѣдніе перерабатываются въ муку въ имѣніи графа Путятина (с. Глѣбово, Ушицкаго уѣзда). Здѣсь,

между прочимъ, воздѣлываются конскіе бобы, чечевица, макъ. Есть винокуренный заводъ, перерабатывающій кукурузу и картофель. На 1,000 дес. раскинулся лѣсъ (дубъ, грабъ, ясень, кленъ). Производится посадка ели и сосны. Въ м. Дункевцахъ (экономія Скибневскаго) существуетъ нѣсколько десятковъ шерстяныхъ фабрикъ. Имѣніе это одно изъ лучшихъ хозяйствъ въ юго-западномъ краѣ. Въ экономіи хорошій винокуренный заводъ, ведется овцеводство и самыя разнообразныя культуры.

Въ имѣньи Старорыпипьскаго, въ с. Карабчіевкѣ, на границѣ Подольскаго и Проскуровскаго уу., хозяйство весьма разнообразное, воздѣлываніе свекловичныхъ сѣмянъ и кормовыхъ травъ (ежа, овсяница, райграсъ, клеверъ, тимоѳеевка), коневодство (англоарабская порода), свиноводство, огородничество, молочное хозяйство, птицеводство. Въ имѣніи продаются симментальскіе бычки, линкольскіе поросята, пекинскія утки, тулузскіе гуси, куры-лонгшаны. Отсутствіе хорошихъ дорогъ и невѣжественность населенія—главные тормазы для процвѣтанія здѣсь сельскаго хозяйства.

Во 2-й части своей интересной брошюры авторъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, отмѣчаетъ нѣкоторые пробѣлы въ дѣятельности одесскаго городского управленія, относящіеся къ утилизаціи сточныхъ водъ и скотобойныхъ остатковъ, а также къ снабженію города молокомъ. Далѣе описываетъ южный берегъ Крыма, собственно ливадійскую молочную ферму, паркъ и шелководство тамъ. Послѣ этого авторъ говоритъ о восточномъ побережьи Чернаго моря, о питомникѣ американскихъ лозъ и о филоксерѣ въ Кутаисской губ., о существующихъ на югѣ сельско-хозяйственныхъ школахъ, о шелководствѣ въ разныхъ мѣстахъ, и описываетъ нѣкоторыя изъ наиболѣе замѣчательныхъ экономій.

Книжка Бертенсона—это настоящій калейдоскопъ, въ которомъ чрезвычайно быстро смѣняются факты, цифры, впечатлѣнія, наблюденія, выводы, касающіеся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ спеціально сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ. Можетъ быть, все это нѣсколько отрывочно, такъ сказать эскизно и носитъ характеръ путевыхъ набросковъ, но тѣмъ не менѣе брошюрка заключаетъ въ себѣ много полезнаго матеріала по отчизновѣдѣнію и читается съ интересомъ.

Историческая записка объ учрежденіи Имп. Москов. общества сельск. хозяйства и воспоминанія о дѣяніяхъ общества за 75-лѣтіе. Состав. А. П. Перепелкинъ. Цѣна 5 руб. Объемистый трудъ А. П. Перепелкина составленъ по порученію Московскаго общества сельскаго хозяйства по случаю исполнившагося въ декабрѣ 1895 года семидесятипятилѣтія дѣйствій общества. Въ прошломъ, какъ извѣстно, общество много было обязано своему неутомимому секретарю С. А. Маслову; поэтому можно назвать умѣстнымъ приложеніе къ исторической запискѣ выдержекъ изъ путевыхъ замѣтокъ С. А. Маслова, характеризующихъ русскія хозяйства въ сороковыхъ и 50-хъ годахъ. Но многіе изъ вновь перепечатанныхъ оффиціальныхъ документовъ свободно могли бы быть исключены; историки разыщутъ ихъ и въ другихъ мѣстахъ, а безъ нихъ настоящая книга выиграла бы въ удобообозрѣваемости.

Украшеніемъ книги, значительно оживляющимъ интересъ къ исторіи Московскаго общества, слѣдуетъ назвать 125 портретовъ, большею частью изящно исполненныхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между прочимъ, пор-

треты П. Д. Киселева, С. А. Маслова, П. Г. Павлова, А. И. Васильчикова, А. И. Кошелева, И. А. Стебута, А. П. Богданова, Н. В. Верещагина, П. А. Ильенкова, А. П. Людоговскаго, А. И. Чупрова, Д. И. Менделѣева, П. А. Костычева, К. Э. Линдемана, Р. И. Шредера и другихъ лицъ, которымъ русская сельско-хозяйственная мысль обязана многимъ. Къ сожалѣнію, то лицо, которое безъ колебаній считается наиболѣе выдающимся дѣятелемъ въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній—И. А. Стебутъ, представлено во копіи чрезвычайно неудачнаго портрета, помѣщеннаго въ залѣ Московскаго общества.

Виноградарство на песчаныхъ почвахъ. В. А. Бертенсона. Одесса. 1897 г. Цѣна 60 коп. Гибельность песчаныхъ почвъ для существованія филоксеры, подмѣченная впервые 25 лѣтъ тому назадъ во Франціи, представляетъ въ хозяйственномъ отношеніи весьма удобное обстоятельство, такъ какъ капитальная стоимость песковъ сравнительно низка и утилизація ихъ подъ другія культуры даетъ невыгодные результаты. Виноградъ на пескахъ развивается хорошо и быстро созрѣваетъ, вино получается доброкачественное, животные паразиты и сорныя травы вредятъ меньше, чѣмъ на черноземѣ и на глинѣ. Особое значеніе виноградники на пескахъ должны представлять у насъ для Астраханской и Таврической губерній, гдѣ песками заняты обширныя площади.

Брошюра В. А. Бертенсона заключаетъ въ себѣ обстоятельное изложеніе вопросовъ объ отношеніи песчаныхъ почвъ къ филоксерѣ и къ культурѣ винограда и пріемовъ устройства и веденія виноградника на пескахъ.

УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ.

„Упрощенныя правила русскаго правописанія“. *А. К. Ястребова.*— „Руководству къ первоначальному обученію письму“. *Ѳ. В. Грекова.* — „Конспектъ географіи“. *А. Ильинскаго.*—„Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка“. *А. Гофмана.*—„De suppliciis“. *Цицерона.*—„Практическій курсъ французскаго языка“. *Л. Н. Фюмеля.*— „Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ“.

Упрощенныя правила русскаго правописанія, изложенныя въ видѣ разбора (около 200 правилъ). Сост. учитель А. К. Ястребовъ. Калуга, 1896 г. Ц. 35 к. Среди составителей пособій и руководствъ по изученію русскаго языка, орѳографія все больше становится цѣлью для себя самой, и потому гг. составители все больше ухищряются ради нея. *Упрощенныя правила русскаго правописанія*, изложенныя г. Ястребовымъ въ видѣ разбора, могутъ служить лучшимъ доказательствомъ этого. „У каждаго преданнаго дѣлу учителя, - говоритъ составитель во введеніи,—есть запасъ такъ или иначе упрощенныхъ правилъ“, которыхъ „множество, но, къ сожалѣнію, они мало извѣстны педагогической литературѣ, и поэтому остаются разрозненными, разнохарактерными и недостаточно провѣренными на опытѣ“ (Введ., стр. I). Эти упрощенныя правила г. Ястребовъ упрощаетъ въ своей книжкѣ еще болѣе, располагаетъ ихъ въ довольно своеобразной системѣ и, повидимому, очень доволенъ собой: по крайней мѣрѣ, онъ съ большимъ достоинствомъ перечисляетъ всѣ особенности своего руководства. Къ сожалѣнію, однако, весьма трудно назвать это руководство сколько-нибудь цѣннымъ и найти въ немъ что-либо другое, кромѣ самой настойчивой погони за орѳографіей.

Чтобы не распространяться долго о разбираемомъ пособіи, а долго распространяться о немъ положительно не стоитъ, остановимся всего на какомъ-нибудь одномъ его §. Возьмемъ хотя § 46: „двѣ одинакихъ буквы,—читаемъ мы здѣсь,—поддать, вообще (г. под.+сл. gam.=2 g.), (г. bo + сл. общ. =20) =частица (под.), съ прибавленіемъ слова (дать), потому пишется двѣ буквы (g) (стр. 21). Всякій читатель, конечно, будетъ недоумѣвать, что такое означаютъ тутъ знакъ плюсъ, знакъ равенства, скобки, зачѣмъ тутъ буквы, сопровождаемыя точками и все прочее. Недоумѣніе, конечно, вполнѣ законное, но объясненіе его все-таки можно найти во введеніи. Во-первыхъ, г. Ястребовъ, убѣжденный, что „въ учебномъ дѣлѣ нѣтъ ничего хуже, какъ неопредѣленность, случайность", заявляетъ: „чтобы научить чему-нибудь скоро и основательно, необходимо, чтобы мелочи (!), т.-е. слова, связывающія главныя мысли, не затрудняли учащагося,—лучше, если они вездѣ будутъ *одинаковыя*,—тогда рельефнѣе выступятъ особенности предмета" (Введ., стр. III и IV); во-вторыхъ, всякія сокращенія, ради которыхъ и встрѣчаются въ разсматриваемомъ пособіи плюсы, знаки равенства и проч., составляютъ цѣль руководства г. Ястребова: по выраженію его, „сокращенія представляютъ собой, такъ сказать, вѣхи, по которымъ проходитъ мышленіе, опредѣляя употребленіе того или другого письменнаго знака" (Введ., стр. V и VI). Если принять еще во вниманіе, что ради тѣхъ же сокращеній „все общее,—какъ выражается составитель,—выводится за скобки" (Введ., стр. III), то, кажется, вполнѣ правильно будетъ заключить о пособіи г. Ястребова, что болѣе упорной погони за орѳографіей и представить себѣ мудрено. Оставляя въ сторонѣ все прочее, не можемъ не поставить г. Ястребову вопроса, какъ онъ думаетъ, на какомъ языкѣ будутъ говорить учащіеся по его книгѣ послѣ всѣхъ сокращеній, встрѣчающихся въ этой книгѣ, и при той *одинаковости* изложенія правилъ, о которой авторъ такъ хлопочетъ.

Руководство къ первоначальному обученію письму въ связи съ обученіемъ чтенію по методу Ушинскаго для занятій въ семьѣ, сельскихъ, городскихъ и церковно-приходскихъ училищахъ. Составилъ Ѳ. В. Грековъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.—Его же: 1) Тетради для первоначальнаго обученія письму, 5 номеровъ, по 10 коп. 2) Таблица рисунковъ и текста, правильнаго положенія пальцевъ, кисти, пера, корпуса, головы, рукъ, ногъ и тетрадки при письмѣ. Цѣна 20 коп. Г. Грековъ очень трудолюбивый педагогъ. Какъ мы узнаемъ изъ лежащаго передъ нами сейчасъ *Руководства*, имъ предпринятъ цѣлый рядъ разнообразныхъ изданій по части чистописанія, изъ коихъ нѣкоторыя уже одобрены соотвѣтствующими учрежденіями. Что касается до разбираемаго нами сейчасъ изданія, то, предназначенное главнымъ образомъ для семьи, оно во всякомъ случаѣ не можетъ быть названо безполезнымъ, такъ какъ, сколько намъ извѣстно, въ таковыхъ изданіяхъ чувствуется недостатокъ. Маленькое недоразумѣніе: для чего понадобилось г. Грекову издавать *Таблицу рисунковъ и текста?* Всякій, покупающій *Руководство* и *Тетради*, непремѣнно купитъ и *Таблицу*, какъ неотъемлемую часть курса. Заплативъ за нее цѣлыхъ 20 коп., покупатель развернетъ ее и, къ удивленію, увидитъ передъ собой одинъ листъ печатной бумаги, на которомъ изображены тѣ самые 5 рисунковъ, какіе помѣщены въ *Руководствѣ*, причемъ такъ называемый текстъ представитъ ему лишь нѣсколько сокращенныхъ извлеченій все изъ того же *Руководства.*

Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической, составленный по новѣйшимъ учебнымъ географическимъ изданіямъ. Пособіе при изученіи и повтореніи учебнаго курса географіи. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Составилъ Александръ Ильинскій. Воронежъ, 1896 г. Ц. 80 к. Книжка г. Ильинскаго хотя и не представляетъ изъ себя ничего выдающагося среди существующихъ учебниковъ географіи, все же заслуживаетъ вниманія. Географическія свѣдѣнія въ ней изложены сжато, но достаточно полно, причемъ мѣстами даются указанія на причинную связь между физической географіей данныхъ странъ и ихъ производительностью. Въ концѣ книги приложены не безъинтересныя свѣдѣнія о сравнительной грамотности различныхъ странъ. Весьма умѣстны также помѣщенныя тутъ же конспектированныя данныя относительно продуктивности какъ отдѣльныхъ частей Россійской имперіи, такъ и тѣхъ или иныхъ иностранныхъ государствъ. Свѣдѣнія эти весьма пригодятся ученикамъ при повтореніи курса географіи. Слишкомъ высокой намъ кажется цѣна.

Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка для мужскихъ гимназій и прогимназій. Сост. Августъ Гофманъ, директоръ с.-петербургской седьмой гимназіи. Вып. I. Курсъ второго класса. Спб., 1897 г. Ц. 50 к. Какъ и подобаетъ директору гимназіи, г. Германъ составилъ 1-й выпускъ своей *Начальной хрестоматіи нѣмецкаго языка*, строго примѣнительно къ программамъ и учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Онъ не выходитъ изъ предѣловъ „объяснительныхъ записокъ" къ программамъ новыхъ языковъ, и потому его предисловіе заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, перечисленіе указаній этихъ записокъ, съ другой—разъясненіе, какъ именно выполнены въ его хрестоматіи означенныя указанія, а 1-й выпускъ самой *Хрестоматіи* раздѣленъ на пять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый удовлетворяетъ какому-либо требованію министерскихъ программъ. Тутъ послѣдовательно помѣщены упражненія въ нѣмецкомъ письмѣ и чтеніи, нѣмецкія статьи, предназначающіяся для перевода на русскій языкъ, потомъ прибавленіе къ этимъ нѣмецкимъ статьямъ, далѣе русскія статьи для перевода на нѣмецкій и, наконецъ, словари нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій. Большинство статей достаточно нравоучительны и назидательны, а орѳографія нѣмецкая подчинена авторитетному съ извѣстной точки зрѣнія словарю Дудена, русская же—академическому руководству Я. К. Грота.

Принимая во вниманія все выше сказанное, мы вправѣ, кажется, прійти къ заключенію, что *Начальная хрестоматія* г. Гофмана—пособіе, въ полномъ смыслѣ слова законное и, такъ сказать, достаточно корректное. Несомнѣнно, что она найдетъ себѣ сбытъ и будетъ широко распространена.

De suppliciis (о казняхъ), рѣчь М. Туллія Цицерона противъ Г. Верреса. Казань, 1896 г. Во введеніи къ переводу рѣчи Цицерона „о казняхъ" неизвѣстный переводчикъ ея весьма умѣстно знакомитъ читателей не только съ порядкомъ судебнаго процесса въ Римѣ, но и съ тѣми условіями, при которыхъ названная рѣчь говорилась Цицерономъ. Было бы весьма желательно, кромѣ того, знать, для кого именно предназначается переводъ рѣчи „о казняхъ"; но такъ какъ объ этомъ не упоминается во введеніи, то приходится предполагать, что переводчикъ имѣлъ въ виду всѣхъ желающихъ. Если наше предположеніе вѣрно, то цѣль переводчика вполнѣ достигнута, потому что

переводъ написанъ хорошимъ языкомъ и читается легко, живо и съ интересомъ. Другое дѣло, если разбираемымъ переводомъ вздумаетъ воспользоваться спеціалистъ: этотъ послѣдній нашелъ бы кое-гдѣ въ переводѣ и неточности, и нѣкоторыя отступленія отъ текста. Необходимо прибавить въ заключеніе, что многочисленныя примѣчанія, сдѣланныя переводчикомъ, весьма полезны и дѣйствительно разъясняютъ все, что можетъ показаться на первый взглядъ не совсѣмъ понятнымъ. Почему только переводчикъ боится „длинныхъ“ словъ, и что значитъ его примѣчаніе: „лат. prorraetor, точнѣе было бы передать чрезъ „генералъ-губернаторъ“, но за длиннотою (?) этого слова я ставлю то „губернаторъ“, то „намѣстникъ“ (стр. 11)?

Практическій курсъ французскаго языка по натуральному (реальному) методу. Составилъ Л. Н. Фюмель. Изд. 2-е, пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное. Одесса, 1896 г. Ц. 1 р. Намъ уже неоднократно приходилось говорить о преимуществахъ, такъ называемаго, натуральнаго метода изученія иностраннаго живого языка,—метода, подобнаго тому, которымъ каждый ребенокъ изучаетъ свой родной языкъ, и потому мы не можемъ отнестись къ *Практическому курсу французскаго языка*, составленному г. Фюмелемъ, иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ. Учебникъ этотъ мы видимъ впервые, хотя онъ выходитъ уже вторымъ изданіемъ, пересмотрѣннымъ, исправленнымъ и значительно дополненнымъ; что же касается до перваго изданія, то, по словамъ составителя, оно „разошлось въ самое короткое время въ количествѣ двухъ тысячъ экземпляровъ“ (предисл., стр. VI). Въ такомъ фактѣ, конечно, нѣтъ ничего мудренаго: натуральный методъ завоевываетъ себѣ все больше правъ на существованіе, и учебники, составленные именно по этому методу, должны раскупаться на расхватъ. Г. Фюмель удачно сгруппировываетъ въ своемъ предисловіи всѣ доводы за натуральный методъ; повторимъ здѣсь вмѣстѣ съ нимъ и мы, что, во-первыхъ, при этомъ методѣ получается громадная экономія во времени; во-вторыхъ, учащіеся научаются думать именно на томъ языкѣ, который изучаютъ, и, въ-третьихъ, учебный матеріалъ разрабатывается на самомъ урокѣ, а не требуетъ какихъ-нибудь продолжительныхъ домашнихъ подготовокъ (предисловіе).

Переходя къ оцѣнкѣ самого *Практическаго курса*, мы должны сказать, что первая часть его расположена по отдѣльнымъ урокамъ и притомъ въ надлежащій послѣдовательности. Можетъ быть, нѣкоторые частные пріемы обращеній и вопросовъ учителя къ ученикамъ могутъ показаться нѣсколько надоѣдливыми и излишне однообразными, но безъ этого, повидимому, обойтись трудно; жаль только, что г. Фюмель не иллюстрировалъ первой части своего *Курса* рисунками, какъ это вполнѣ цѣлесообразно дѣлаютъ другіе составители руководствъ по натуральному методу. Что касается второй части и, главное, разсказовъ въ ней, то они временами черезчуръ шаблонны и мало интересны, но не забудемъ, что ученики пока имѣютъ малый запасъ словъ, и потому приходится, по русской пословицѣ, „по одежкѣ протягивать ножки“. Наконецъ, въ третьей части, т.-е. теоретической, хотя она имѣетъ въ виду уже не натуральный методъ и представляетъ собой „старую погудку на новый ладъ“, встрѣчаются очень полезныя и интересныя упражненія: таковы, напримѣръ, упражненія, подъ заглавіемъ *Exercices d'inversion* (стр. 244 и слѣд.), гдѣ ученику предоставляется полная возможность обнаружить не только сознательное, но и самостоятель-

ное отношеніе къ изучаемому языку. Здѣсь умѣстно будетъ прибавить, что если въ руководствѣ г. Фюмеля совсѣмъ отсутствуютъ переводы съ русскаго языка на французскій, то оно отъ этого только выигрываетъ: вѣдь, именно благодаря такимъ переводамъ, учащіеся и не научаются думать по-французски, такъ что каждую французскую фразу въ разговорѣ имъ непремѣнно надо перевести на русскій языкъ.

Книга г. Фюмеля стóитъ 1 рубль; это не дорого, потому что кромѣ тѣхъ трехъ частей, на которыя указано выше, и которыя составлены достаточно подробно и обстоятельно, въ ней есть еще и французско-русскій словарь. Во всякомъ случаѣ, желаемъ разбираемой книгѣ столь же широкаго распространенія, какимъ она пользовалась до сихъ поръ.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Составлено Комитетомъ по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ (Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности). Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ, 1896 г. Цѣна 25 коп.

Это очень полезное пособіе для всѣхъ лицъ и учрежденій, предпринимающихъ устройство народныхъ сельскихъ библіотекъ. Оно знакомитъ публику съ тѣми правилами, которымъ подлежатъ открытіе и надзоръ за этими библіотеками. Тутъ же даются подробныя указанія на ходъ дѣлопроизводства по разрѣшенію подобныхъ предпріятій, согласно нынѣ дѣйствующимъ правиламъ и правительственнымъ распоряженіемъ. „Таковыя указанія,—справедливо говорится въ предисловіи,—тѣмъ болѣе необходимы, что нерѣдко все дѣло устройства народной библіотеки и даже самая инициатива тормазятся, вслѣдствіе незнанія хода дѣлопроизводства или же благое начинаніе направляется по нежелательному для учредителей пути, вслѣдствіе незнанія соотвѣтственныхъ законоположеній“.

Въ главѣ первой разсматриваются типы народныхъ библіотекъ; во второй—о ходатайствѣ и дѣлопроизводствѣ по учрежденію безплатныхъ народныхъ библіотекъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; въ третьей—о правилахъ по устройству безплатныхъ публичныхъ библіотекъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Глава четвертая посвящена школьнымъ библіотекамъ, а пятая—библіотекамъ духовнаго вѣдомства. Въ приложеніи помѣщены: правила о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними; статьи изъ устава о цензурѣ и печати; формы прошеній, форма существенной части волостного (сельскаго) приговора по поводу устройства сельской библіотеки, примѣрные уставы сельской библіотеки (или безплатной читальни), устраиваемой: а) земствомъ (или городскою думой), б) волостнымъ сходомъ или сельскимъ обществомъ и в) частными лицами—однимъ или нѣсколькими, или же обществами промышленными, желѣзнодорожными, грамотности, трезвости, благотворительности, разнаго рода товариществами, попечительствами и т. п.

Въ заключеніе помѣщены примѣрные каталоги, составленные изъ книгъ, разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для употребленія въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ, стоимостью отъ 25 р. с. до 800 р.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство", *мартъ, апрѣль, май.*—„Міръ Божій", *май.*—„Вѣстникъ Европы", *іюнь.*—„Русское Обозрѣніе", *май.* — „Дѣтское Чтеніе", *февраль, іюнь.* — „Родникъ", *январъ, іюнь.*

Три года тому назадъ, давая отчетъ объ одномъ изъ сибирскихъ разсказовъ г. Елпатьевскаго, мы говорили слѣдующее: въ разсказахъ г. Елпатьевскаго имѣется извѣстная оригинальность тона, дѣлающая ихъ интересными. Какъ-то невольно при чтеніи этихъ разсказовъ навертывается сравненіе съ разсказами другого, болѣе сильнаго по таланту и болѣе разносторонняго беллетриста, г. Короленка. Сюжеты почти одинаковы, но въ тонѣ громадная разница. Оба беллетриста часто бываютъ пейзажистами, и пейзажи ихъ, повидимому, совершенно одинаковы, такъ какъ рисуютъ они одно и то же. Но въ душѣ г. Короленка сибирскій пейзажъ возбуждаетъ по большей части чувство возвышеннаго, иногда съ легкой примѣсью тихой грусти. Величіе природы не подавляетъ его, а только импонируетъ ему. Его сильная художественная натура, такъ сказать, чувствуетъ себя дома среди сибирскаго суроваго ландшафта, возбуждающаго въ немъ чувства величія и благоговѣнія. Для г. Елпатьевскаго, напротивъ, сибирскій ландшафтъ переполненъ ужасомъ. При его созерцаніи имъ овладѣваетъ чувство безпредѣльнаго, трепетнаго страха и мрачнаго безпросвѣтнаго одиночества. Г. Елпатьевскій всѣми фибрами своей души трепещетъ, отчаивается, и для него просвѣтъ только внѣ списываемой имъ жизни,— только въ той странѣ, гдѣ цвѣтутъ сирени и слышится не вой тайги, а человѣческая рѣчь. И то, и другое настроеніе имѣетъ свое основаніе въ разницѣ художественныхъ натуръ, и трудно было бы назвать одно изъ нихъ болѣе вѣрнымъ дѣйствительности. Они одинако вѣрны ей.

Въ новомъ своемъ разсказѣ, или очеркѣ, *Ѣдутъ* г. Елпатьевскій остается вѣренъ тому настроенію, трепетнаго ужаса, которымъ переполнены и другіе его разсказы. Это настроеніе до того сильно охватываетъ автора, что съ одной стороны почти исключаетъ всякіе иные мотивы, болѣе человѣческіе, а съ другой, доходя до крайней напряженности, выливается въ чисто-музыкальныхъ аккордахъ, полныхъ такой трепетной силы, что читатель захватывается во власть гипнотизирующихъ его звуковъ и совершенно забываетъ вмѣстѣ съ авторомъ и его героями о существованіи въ той же суровой странѣ, переполненной ужасами природы и страданіями людей, иной, болѣе свѣтлой и болѣе полной человѣческой жизни. Г. Елпатьевскій именно этой музыкальностью своего описанія добивается почти полной художественной иллюзіи въ желательномъ ему смыслѣ.

Сюжетъ очерка г. Елпатьевскаго почти настолько же непередаваемъ, какъ непередаваемъ сюжетъ какой-нибудь музыкальной поэмы.

Мужъ и жена, ссыльные въ мрачную страну льдинъ, въ этотъ „адъ ссыльныхъ и рай чиновниковъ", по выраженію Сперанскаго, ѣдутъ на родину... Жизнь въ Сибири разбила и исковеркала ихъ обоихъ: и его, „бѣлокурое безуміе", экспансивнаго, поэтическаго южанина, вносящаго съ собой вездѣ шумъ, веселье, игривое и бурное, какъ пѣна шампанскаго, у котораго и страшное, и непоправимое горе красиво и изливается въ звукахъ то страстной, то грустной симфоніи, и ее, уравновѣшенную, но глубокую и вдумчивую натуру сѣверянки, сорванную съ своего мѣста въ уютномъ петербургскомъ кабинетикѣ этимъ „бѣлокурымъ безуміемъ". Тамъ, гдѣ плещутъ волны мрачной Ангары,

гдѣ стонутъ вѣтры и воетъ дикая тайга, лежатъ зарытыми въ снѣгахъ ихъ дѣти; тамъ надломились ихъ натуры: его уже въ настоящемъ безуміи, ея—въ отчужденности отъ міра и даже отъ него, когда-то столь любимаго и столь увлекательнаго, а теперь просто страдальца съ разбитой душой и съ больнымъ мозгомъ. Страшная, полная трепетнаго ужаса картина духовнаго паденія и душевнаго разлада, среди страшнаго, полнаго трепетнаго ужаса сибирскаго ландшафта.

Они ѣдутъ... и „все шли утесы, холодные, каменные, увѣнчанные темной щетиной хвойныхъ деревьевъ... Огромныя, нагромоздившіяся другъ на друга и не успѣвшія растаять послѣ недавняго ледохода синія льдины въ дикомъ безпорядкѣ лежали на берегу, блестя на солнцѣ и капая холодными крупными каплями; тянулась безконечная гладь темной рѣки, и чуть виднѣлся вдали такой же скалистый берегъ, окаймленный такой же смутно-синѣющею полосой тающихъ льдинъ".

„Сибири не люблю,—говоритъ несчастный,—утесовъ этихъ каменныхъ, деревьевъ страшныхъ, мглы этой смоляной... Они не уходятъ... Все идутъ и идутъ. Я боюсь, боюсь. Мнѣ страшно... Господи, скоро ли?" „Тайга воетъ, рѣка реветъ, льдины лѣзутъ на берегъ... больше ничего... люди молчатъ, птицы молчатъ... Красокъ никакихъ... Жалобы, угрозы; угрозы и жалобы... Теплая нота, что-нибудь примиряющее, не годится, это было бы невѣрнымъ настроеніемъ... Хотѣлось бы чѣмъ-нибудь выразить безпомощность, тоску одиночества... что-нибудь вродѣ плача ребенка, затерявшагося въ тайгѣ".

Вотъ какова сибирская симфонія несчастнаго больного художника, заброшеннаго вдали отъ милыхъ ему сиреней, отъ соловьинаго пѣнья, отъ цвѣтущихъ яблонь... Страшна гибель этого ребенка, затерявшагося въ тайгѣ и такъ безнадежно и безпомощно плачущаго.

А вотъ и жизнь въ этой страшной странѣ, въ этомъ адѣ для нѣжныхъ, кроткихъ художественныхъ натуръ,—жизнь, олицетворяемая безумной сибирской ѣздой:

„Распластавшись въ воздухѣ, словно не касаясь земли, летятъ пристяжныя, чуть покачиваясь, несется обросшій шерстью, какъ овца, обезумѣвшій иноходецъ и злобно кусаетъ за шеи отстающихъ пристяжекъ и въ дикой ярости не ржетъ, а, какъ безумный звѣрь, воетъ и реветъ... Какъ зайцы, пригнули уши къ шеѣ пристяжки, дикимъ ревомъ заревѣлъ иноходецъ, въ безумной свалкѣ заметалась тайга... Глухимъ гуломъ гудитъ дорога, громкимъ вздохомъ прогремѣлъ мостъ, какъ вспугнутыя птицы, взнеслась тройка въ гору, рвется вѣтеръ и свиститъ въ уши, колокольчикъ припалъ къ дугѣ и съ жалкимъ ужасомъ разговариваетъ: А-а-а!..."

Бѣдные, разбитые ужасомъ сибирской жизни люди, слабые и жалкіе, жертвы чего-то сильнаго, какъ рокъ, и столько же безпощаднаго, какъ рокъ, и еще больше жертвы своего собственнаго кроткаго, гуманистическаго безсилія, привыкшіе любить и не умѣвшіе ненавидѣть, уходящіе въ красивое горе, въ риѳмованную тоску, въ музыкальную скорбь въ такое время и при такихъ условіяхъ, когда требуются вопли негодованія и нечеловѣческіе крики злобы... Выпрямитъ ли ихъ согбенныя фигуры страна, гдѣ цвѣтутъ сирени и яблони, гдѣ сладостно поетъ и рыдаетъ о жизни, о счастьи, о любви соловей? На нихъ уже пахнуло воздухомъ этой милой страны, имъ уже улыбнулась Волга-матушка своими мягкими, ласкающими и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво-грустными картинами. Онъ началъ что-то вспоминать, что-то новое, постороннее наполнявшимъ до сихъ поръ его душу ужасу и его кор-

рективу—надеждѣ, начало вырисовываться въ его душѣ... „Словно я не видѣлъ тебя давно, давно,—говоритъ онъ ей,—да и кажется, ничего не видѣлъ... Неловко какъ-то, пусто. Словно я бѣжалъ куда-то и упалъ въ яму... холодную, темную яму, и ты ушла отъ меня!“ „Чувство пустоты и тревоги,—описываетъ далѣе его новое состояніе авторъ,—не покидало его. Ему начинало думаться, что онъ чужой среди этого шума и блеска, что онъ изжилъ все и отставленнымъ инвалидомъ ѣдетъ неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ, никому и ничему не нужный, ни на что не годный. Какой-то *неопредѣленный страхъ* и *смутная тоска* поднимались въ немъ“. „Все мнѣ тамъ чужимъ представляется“,—говоритъ онъ женѣ.

А она?...

„Я не хочу умирать... Я жить хочу. Вася, милый мой, любимый, я жить хочу!“ – худенькое тѣло въ судорожныхъ рыданіяхъ билось на колѣняхъ его, а напряженный глухой голосъ повторялъ: жить, жить, жить... Онъ цѣловалъ руки жены, цѣловалъ мокрые отъ слезъ глаза, она замирала, тихо вздрагивая, и лучистые, блестѣвшіе слезами глаза смотрѣли кротко и печально, а надорванный голосъ тихо и жалобно повторялъ: „Мнѣ отдохнуть бы немного, забыть... забыть!“

Забудутъ ли они, отдохнутъ ли они? Или забравшійся въ ихъ кроткія, полныя всепрощающей, но ничего не забывающей любви и лишенныя спасительной ненависти души ледяной ужасъ навсегда заморозилъ всѣ сѣмена жизни, и имъ не оттаять и въ этой милой, родной странѣ, гдѣ такъ сладко благоухаютъ сирени и яблони, гдѣ такъ „робко и неувѣренно“ рыдаетъ соловей? Авторъ ничего не говоритъ объ этомъ читателю.

Исключительныя натуры, исключительныя условія, а потому, конечно, страшно и жалко, но... что же намъ-то, нормальнымъ людямъ, при нормальныхъ условіяхъ существующимъ, ужъ очень-то убиваться?—скажетъ иной проницательный читатель и докажетъ этими словами свою проницательность... только „съ другой стороны“, какъ говорилъ про своего барина безсмертный Осипъ. Леденящій и убивающій всѣ жизненные ростки ужасъ, конечно, психическое состояніе совершенно исключительное. Хотя немножко трудновато говорить объ исключительности даже такого психическаго состоянія, когда среди насъ раздаются такіе страшные вопли отчаянія умирающей и жаждущей жизни человѣческой души, какимъ, напримѣръ, представляются намъ *Мужики* А. П. Чехова. Но пусть, это будетъ состояніе исключительное. Но не исключительно то состояніе, которое указываетъ для своихъ несчастныхъ изломанныхъ жизнью или, лучше сказать, испуганныхъ глядящей имъ въ глаза смертью героевъ г. Елпатьевскій... Это состояніе, вѣдь, единственный выходъ изъ состоянія леденящаго ужаса... *Неопредѣленный страхъ и смутная тоска* — вотъ доминирующая нота нашей русской симфоніи. Ими, этими смутными и горькими чувствами переполнена наша дѣйствительность, они захватили въ свою власть бѣдную русскую душу—и не только душу горемычной русской интеллигенціи, но и всю великую нашу народную душу. И не одинъ г. Елпатьевскій у насъ является пѣвцомъ этой тоски, этой всенародной грусти. И посильнѣе его художники, начиная съ Лермонтова и Тургенева, наполняли этими народными чувствами свои чаши и подносили ихъ къ изсохшимъ устамъ читателя... „У насъ смѣха мало, мы смѣяться не умѣемъ,—говоритъ безумный герой очерка г. Елпатьевскаго.—Вѣдь, смѣхъ и есть настоящее общественное чувство—одинъ смѣхъ,

а горе всегда эгоистическое, антиобщественное настроеніе, уродство, мучительство".

Дѣйствительно ли это такъ, мы не знаемъ. Думается намъ, что не совсѣмъ такъ, что бываетъ такое горе, которое, будучи несомнѣннымъ мучительствомъ и мученіемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ истинное и при извѣстныхъ условіяхъ единственно возможное общественное настроеніе. Но думается также и то, что однимъ мучительствомъ и однимъ мученичествомъ долго прожить нельзя, ибо эти психическія состоянія, при затяжности ихъ, суть въ нѣкоторомъ родѣ преддверіе смерти и что поэтому намъ, дѣйствительно, надо что-нибудь, кромѣ неопредѣленнаго страха и смутной тоски. Смѣха ли намъ надо или другого чего, но надо, непремѣнно надо!...

Леденящій и убивающій всѣ ростки жизни ужасъ, и неопредѣленный страхъ, и смутная тоска не единственныя настроенія, знакомыя г. Елпатьевскому, не единственныя струны на его лирѣ, употребляя старинное выраженіе. Нѣтъ, онъ знакомъ и со смѣхомъ, котораго такъ хочется его „бѣлокурому безумію"... Помѣщенный въ майской книжкѣ *Міра Божія* очеркъ его *Въ кухнѣ* полонъ настоящаго, здороваго юмора. Это опять-таки, также какъ и музыкальность очерка *Ѣдутъ,* составляетъ признакъ таланта. Художественный талантъ рѣдко можно представить себѣ при отсутствіи той черточки художественной натуры, которая именуется юморомъ. Отсутствіе этого свойства доказываетъ почти всегда односторонность и неполноту натуры, нѣкотораго рода дальтонизмъ въ художественномъ воспріятіи... Юмора—и довольно веселаго юмора—достаточно у г. Елпатьевскаго. И, однако, такъ сильна доминирующая въ житейскихъ аккордахъ нота тоски, что его юморъ въ концѣ-концовъ болью сжимаетъ сердце. Нельзя не улыбаться, читая о похожденіяхъ легкомысленнаго пса Тамерлана, о строптивой лошади Варварѣ, о преисполненномъ своего кучерского достоинства Флорѣ, о горничной Фелицатѣ, которой „шашнадцать" лѣтъ, у которой задорно поднятый кверху носъ, не закрывающійся отъ смѣха ротъ, выдающійся талантъ бить посуду и пожирающее влеченіе къ жакеткамъ. Нельзя не смѣяться надъ старой глухой кухаркой Ориной, съ ея виноватымъ и приниженнымъ выраженіемъ лица, съ ея застывшими морщинами, безнадежно влюбленной въ легкомысленнаго Тамерлана... Но когда вы въ концѣ очерка видите, какъ Орина, крѣпко охвативши руками шею и прижимаясь къ волнистой головѣ Тамерлана, жалобно причитаетъ: „Тамерланушка! Дѣтушко ты мое, красавецъ мой писаный. Покинулъ ты меня, Тамерланушка!" — вамъ уже не до смѣха; щемящая тоска заползаетъ вамъ снова въ душу; вамъ становится чего-то и предъ кѣмъ-то, можетъ быть, предъ этой самой глухой и смѣшной кухаркой Ориной, стыдно, и вы уподобляетесь ея сердитому барину, осторожно затворяете двери и, тихо крадучись, словно боясь кого разбудить, неслышно уходите... и уносите въ своей душѣ смутную тоску и щемящій стыдъ... Вамъ жалко и стыдно за эти несчастныя существа, и точно вы сами въ чемъ-то виноваты предъ ними, чѣмъ-то отвѣтственны за ихъ ничтожное и горестное существованіе, надъ которымъ вы только что такъ непринужденно-весело смѣялись... И въ самомъ дѣлѣ, вотъ хоть бы у этой Орины... глухота съ двѣнадцати лѣтъ, много смѣху и издѣвки видѣла она надъ собой... А тамъ молодой парень Ларивонъ... „Жди меня, Оринушка!" Постояли у калитки, подержались за руки, поцѣловалъ онъ ее, и разошлись.

Только и счастьица въ долгой жизни человѣка было... И осталась

она въ Алатырѣ-городѣ слезы лить, горе-горевать. Божья воля, Ему виднѣе... Осталась сестрица Настенька—въ Сибирь съ мужемъ прикащикомъ пошла. Осталась Настенькина дочка Лизанька... и пишетъ она къ теткѣ Оринѣ изъ Питера: „а про человѣка того я и забыла совсѣмъ... только душа у меня болитъ, а больше ничего нѣту... милая тетенька, ужъ такъ ли мнѣ горько, такъ ли мнѣ тяжко...“ „Да, забудешь ихъ...— думаетъ Орина.—Пять десятковъ скоро, а она все помнитъ“.

Только всего въ жизни Орины и было; и вся-то жизнь Оринъ, Флоровъ, Фелицатъ и прочаго такого народишка только изъ этого и состоитъ. А вѣдь этотъ народишка есть не что иное какъ великій историческій русскій народъ. Ну, какъ тутъ въ Тамерлана не влюбиться и надъ лохматой Тамерлановой головой слезы не проливать?... „Покинулъ ты меня, Тамерланушка!...“

Смѣшно... Но какая же щемящая тоска, какой неопредѣленный страхъ!... Все это послабѣе леденящаго ужаса, но и это можетъ, вѣдь, убить ростки жизни.

Любопытно, что и разсказъ г. Мельшина *Юность* преисполненъ если не той же убивающей ростки жизни тоской, то, во всякомъ случаѣ, тихой, неопредѣленной грустью,—грустью человѣка, прожившаго жизнь, ничего отъ нея больше не ожидающаго, и, подводя итоги пережитаго и передуманнаго, приходящаго къ убѣжденію, что жизнь-то имъ, пожалуй, и даромъ прожита, что и жить-то ему, пожалуй, было незачѣмъ. Всего любопытнѣе именно то обстоятельство, что сюжетъ разсказа г. Мельшина, повидимому, не давалъ бы повода для порожденія такого настроенія. Авторъ отъ имени „неудачницы“ описываетъ юность, славную, веселую юность, полную радостныхъ надеждъ, благихъ упованій, возвышенныхъ идеаловъ, немедленно же, сейчасъ же по вступленіи юношей и молодыхъ дѣвушекъ въ жизнь подлежащихъ осуществленію,— юность, полную горячихъ стремленій, борьбы и самоотверженія. Кажется, чего бы веселѣе и отраднѣе? Повидимому, тутъ-то бы во всѣ тимпаны громкозвучные и забить надо при видѣ трепетанія живой жизни въ сердцахъ всѣхъ этихъ милыхъ „башибузуковъ“, вскорѣ превратившихся въ „демократовъ“, при видѣ этого искренняго и прелестнаго идолопоклонника и отрицателя авторитетовъ, яростнаго, хоть и непослѣдовательнаго поклонника Писарева, Лешки Доманскаго, при видѣ мудраго юнца Мохначева, лавриста, все откладывающаго отъ одного срока до другого начало своей дѣятельности на служеніе народу, даже при видѣ новаго Гамлетика и нытика, Степы Осинцева, заѣденнаго рефлексіей, измаявшагося въ красивыхъ колебаніяхъ между радикальнѣйшими понятіями о долгѣ и сознаніемъ своего собственнаго безсилія,—словомъ, юноши того поколѣнія, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго былъ Надсонъ. Повторяемъ, что при разсказѣ о вступленіи въ жизнь этой хорошей молодежи, повидимому, въ тимпаны бы забить надо, радоваться бы и плясать предъ ковчегомъ великихъ идей и возвышенныхъ стремленій. А вмѣсто этого, читаете вы и все время чувствуете, что у васъ что-то щиплетъ за сердце, чувствуете, что васъ захватываетъ въ свою власть какая-то сила не то жгучей жалости, не то пренебрежительнаго или снисходительнаго сожалѣнія. Во всякомъ случаѣ, далеко это не радостныя чувства. И только дочитавъ разсказъ г. Мельшина, вы начинаете понимать, въ чемъ причина постепенно охватывающаго васъ тяжкаго настроенія. „Жизнь прожить — не поле перейти,— заканчиваетъ г. Мельшинъ свой разсказъ „неудачницы“.— Прошла молодость, разбиты свѣтлыя мечты. Изъ далекаго глухого угла,

гдѣ я тяну теперь въ одиночествѣ лямку скучной и неблагодарной работы за насущный кусокъ хлѣба, я люблю улетать мечтой къ блаженной порѣ, когда все казалось такимъ простымъ и яснымъ, когда счастье жизни видѣлось, прежде всего, въ жертвѣ и подвигѣ, когда въ людей такъ вѣрилось и такъ просто и вмѣстѣ такъ пламенно любилось...“ „Неудачница“ передаетъ далѣе о судьбѣ своихъ подругъ и товарищей,—не веселая это судьба, по крайней мѣрѣ, если судить о ней съ точки зрѣнія того времени, когда „казалось“, когда „видѣлось“, когда „вѣрилось“ и „любилось“. И невесела она именно потому, что людямъ теперь перестало „казаться“, „видѣться“, „вѣриться“ и „любиться“. Юность прошла, что̀, разумѣется, вполнѣ законно (надо же ей пройти), но вмѣстѣ съ ней прошли, куда-то исчезли и ея высокіе идеалы,—что̀ ужъ далеко не законно, ибо что это за идеалы, которые составляютъ достояніе одной только юности? Или, лучше сказать, что это за жизнь, которая не терпитъ идеаловъ юности? Да и что это за люди, которые не умѣютъ и не могутъ, по своему духовному безсилію, пронести эти идеалы до могилы?... И что же осталось отъ всѣхъ этихъ милыхъ „башибузуковъ“ и отъ ихъ товарищей? А вотъ что: „примите мой привѣтъ,—говоритъ „неудачница“,—всѣ, кто сохранилъ хоть тѣнь теплаго чувства къ свѣтлому прошлому, всѣ, въ комъ охлажденное годами сердце еще способно сладко забиться при звукахъ словъ, когда-то насъ окрылявшихъ и призывавшихъ къ дружной, честной работѣ“.

Какъ? Только-то? Только это и осталось отъ всего бурнаго фейерверка юности? Даже не теплое чувство, а только его тѣнь, не окрыленіе и призывъ къ честной работѣ, а только слабое старческое біеніе охладѣвшихъ сердецъ?

Новый разсказъ г. Мельшина отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками, какъ и его извѣстное произведеніе *Въ мірѣ отверженныхъ*. Тотъ же мягкій, немного блѣдноватый колоритъ, та же умѣренность въ расположеніи красокъ, то же симпатическое, нѣсколько неопредѣленное, смутно-гуманистическое настроеніе, преисполненное умственныхъ сомнѣній и тихой душевной грусти и то же отсутствіе яркихъ контуровъ въ изображеніи лицъ. Все это можетъ дать поводъ полагать, что талантъ г. Мельшина уже опредѣлился вполнѣ и что дальше достигнутыхъ имъ съ перваго же раза предѣловъ онъ не пойдетъ. Но намъ кажется, что такое заключеніе будетъ черезчуръ поспѣшнымъ. По крайней мѣрѣ, мы не рѣшаемся сдѣлать его.

Изъ серьезныхъ статей разбираемыхъ книгъ *Русскаго Богатства* отмѣтимъ статьи г. Ратнера *Карлъ Марксъ и его русскій критикъ* и г. Мануилова *Хлѣбныя цѣны и народное хозяйство*.

Статья г. Ратнера написана по поводу извѣстныхъ вылазокъ г. Слонимскаго съ цѣлями ниспроверженія незаслуженнаго, по мнѣнію г. Слонимскаго, научнаго авторитета Маркса. Статьи г. Слонимскаго были встрѣчены нашей серьезной журналистикой пренебрежительнымъ молчаніемъ, котораго онѣ, по существу, дѣйствительно, и заслуживали. *Русское Богатство* даже заявило, что оно было намѣрено побесѣдовать съ г. Слонимскимъ, но потомъ пришло къ тому же убѣжденію, какое высказалъ г. Николай -онъ, т.-е. что нападенія, подобныя вылазкѣ г. Слонимскаго, сами себя побиваютъ. Теперь, очевидно, редакція журнала держится нѣсколько иныхъ взглядовъ на это дѣло. Сами по себѣ статьи г. Слонимскаго, можетъ быть, и не заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе разговоровъ о нихъ. Но тутъ имѣется одно обстоятельство, на которое мы уже указали въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ обозрѣ-

ній. Обстоятельство это въ томъ состоитъ, что статьи г. Слонимскаго не представляютъ исключенія, той ласточки, которая весны не дѣлаетъ.

Статья г. Ратнера—очень дѣльная и интересно и умѣло написанная статья, вполнѣ убѣдительно доказывающая, что г. Слонимскій взялся говорить о томъ, чего онъ не понимаетъ. „Нельзя не высказать сожалѣнія,—говоритъ г. Ратнеръ,—что въ русской литературѣ въ этой области (въ пониманіи ученія Маркса) царитъ смута, доходящая нерѣдко до полнаго смѣшенія понятій. Трудовая теорія цѣнности и теорія прибавочной цѣнности, вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ, мысль о необходимости для каждой страны переживать эпоху капитализма, вопросъ о роли личности въ исторіи, о цѣлесообразности и причинности явленій общественной жизни,—всѣ эти и еще многіе другіе вопросы, сваливаемые въ одну кучу подъ общимъ именемъ „марксизма“, трактуются заодно съ приведеніемъ ихъ часто въ ничѣмъ необъяснимую зависимость. А между тѣмъ общеизвѣстные факты изъ прошлаго и настоящаго литературы по названнымъ вопросамъ могли бы, кажется, доказать отсутствіе необходимой связи между указанными вопросами...“ Это—общее и вполнѣ вѣрное замѣчаніе. А вотъ одинъ примѣръ относительно умѣнья русскаго критика Маркса разбираться въ томъ ученіи, которое онъ хочетъ дискредитировать. Дѣло идетъ о возраженіяхъ г. Слонимскаго противъ теоріи цѣнности Маркса. „Внѣ связи съ этими условіями (условіями исключительно капиталистическаго хозяйства) трудовой законъ и не обладалъ бы научною силой,—замѣчаетъ г. Ратнеръ.—Онъ имѣетъ значеніе не только, *несмотря* на товарную форму современнаго хозяйства, *несмотря* на спеціализацію занятій, но именно *въ силу* этой товарной формы и *въ силу* этой спеціализаціи... Трудовой законъ Маркса есть просто плодъ экономической дѣйствительности... Въ этомъ заключается историчность закона цѣнности Маркса—одно изъ важнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ достоинствъ этого ученія. Г. Слонимскій не только не понялъ этого, но на полномъ непониманіи этого построилъ всю свою критику“... „Мы видимъ,—продолжаетъ г. Ратнеръ,—выдающуюся заслугу Маркса въ томъ, что въ качествѣ опредѣлителя цѣнности онъ беретъ трудъ человѣческій не въ голомъ, такъ сказать, видѣ, отвлеченномъ отъ всѣхъ условій пространства и времени. При этомъ общественныя и природныя условія никакъ нельзя назвать *посторонними,* полагая вполнѣ естественнымъ и законнымъ вліяніе этихъ общественныхъ условій на факторъ, устанавливающій общественную цѣнность товаровъ. Иначе думаетъ г. Слонимскій; по его мнѣнію, слѣдуетъ выбрать мѣриломъ цѣнность или трудъ, или общественныя условія производства, иначе получится непримѣримое внутреннее противорѣчіе“. Разбирая далѣе критику г. Слонимскаго положенія Маркса объ общественно-необходимомъ рабочемъ времени, г. Ратнеръ замѣчаетъ: „*Средняго труда* (измышленнаго г. Слонимскимъ) не существуетъ; онъ можетъ быть полученъ путемъ ариѳметическихъ и логическихъ выкладокъ и быть пущенъ въ ходъ при изслѣдованіи. Но вѣдь законъ общественно необходимаго времени не логическая абстракція, не методологическій пріемъ, помогающій намъ при изслѣдованіи экономическихъ явленій,—общественно-необходимое время—это фактъ экономической жизни. Пускаясь въ поиски за своеобразнымъ *среднимъ трудомъ*, г. Слонимскій въ сущности доказалъ полное непониманіе закона, подвергаемаго имъ, однако, разбору“.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ слѣдить за дальнѣйшими возраженіями г. Ратнера „русскому критику“ Маркса. Замѣтимъ толь-

ко, что и дальше возраженія идутъ въ томъ же тонѣ, спокойномъ, ровномъ и выдержанномъ.

Переходимъ къ статьѣ г. Мануилова. По нашему мнѣнію, эта статья одна изъ лучшихъ, если не самая лучшая изъ написанныхъ по поводу надѣлавшаго такъ много шуму изслѣдованія. Вопросъ о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ обсуждался съ такою горячностью, съ такими странными, чтобы не сказать болѣе, полемическими пріемами, что самый вопросъ остался и до сихъ поръ мало выясненнымъ. Противники въ этомъ знаменитомъ отнынѣ въ лѣтописяхъ нашей литературѣ спорѣ отвлеклись въ сторону отъ вопроса, въ сторону его политическаго, главнымъ образомъ, значенія, причемъ, какъ извѣстно, дѣло не обошлось безъ инсинуацій, довольно-таки непріятныхъ, и безъ обвиненій въ тенденціозности, не вполнѣ опрятной и наукѣ не приличествующей. Статья г. Мануилова представляетъ одну изъ попытокъ серьезно разобраться въ самомъ вопросѣ, оставляя въ сторонѣ его политическую сторону. Но тутъ вышло нѣчто вполнѣ неожиданное: статья, написанная съ очевидными цѣлями защиты основныхъ положеній изслѣдованія, какъ-то сама собой вышла чуть ли не самымъ дѣльнымъ изъ опроверженій этихъ положеній. Мы говоримъ о второй части статьи, наиболѣе важной, трактующей о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на крестьянское хозяйство. Исходя изъ того, почти всѣми экономистами признаваемаго, положенія, что крестьянское хозяйство по отношенію къ производимому ими продукту, хлѣбу, есть хозяйство хотя и не всецѣло, но преимущественно натуральное, г. Мануиловъ естественно долженъ признать и основное положеніе изслѣдованія о выгодности для крестьянскаго хозяйства низкихъ цѣнъ, или въ томъ случаѣ, когда крестьянское хозяйство наиболѣе приближается къ типу натуральнаго, т.-е. вполнѣ отъ рынка независимаго ни въ качествѣ продавца, ни въ качествѣ покупателя, положеніе о полной независимости такого хозяйства отъ цѣнъ. Для простодушнаго и несофистическаго читателя при подобной постановкѣ вопроса представляется нѣсколько неяснымъ самый смыслъ появленія ученаго изслѣдованія, доказывающаго то, что ясно и безъ всякаго изслѣдованія. Если я не покупаю и не продаю продуктовъ своего хозяйства, то какое вліяніе въ самомъ дѣлѣ могутъ имѣть на мое хозяйство рыночныя цѣны производимаго мной продукта, который для меня-то вѣдь не есть товаръ. Для такого простодушнаго и несофистическаго читателя весь вопросъ и сводится къ тому, дѣйствительно ли его хозяйство столь независимо отъ рыночныхъ цѣнъ, дѣйствительно ли онъ потребляетъ его продукты, а не продаетъ и не покупаетъ ихъ. Онъ полагаетъ, что именно на этотъ вопросъ и должно быть устремлено все вниманіе изслѣдующихъ вопросъ ученыхъ.

Но что же, однако, намъ слушать простака-читателя? Послушаемъ лучше г. Мануилова. „Еслибы крестьянское населеніе дѣйствительно потребляло хотя бы тотъ минимумъ растительной пищи, который устанавливается законами физіологіи,—разсуждаетъ г. Мануиловъ,—и еслибъ крестьянскій скотъ кормился хоть сколько-нибудь добропорядочно, то русское крестьянство не только бы не могло продавать хлѣба, но покупало бы его. Въ такомъ случаѣ крестьяне находились бы въ положеніи мелкихъ собственниковъ и такъ же, какъ они, относились бы равнодушно къ цѣнамъ или были бы заинтересованы въ низкихъ цѣнахъ; такова теоретическая сторона вопроса“. „Но,—продолжаетъ ученый,—въ дѣйствительности крестьянскій хлѣбъ появляется на рынкѣ (то-то и есть, что появляется). Выше говорилось о крестьян-

ствѣ, какъ цѣломъ, и было показано, что это цѣлое" и т. д. „Но въ дѣйствительности крестьянское населеніе не представляетъ однообразной массы... Если признать, что въ общемъ крестьянское населеніе не получаетъ съ своихъ земель нужнаго ему количества хлѣба, то продажа крестьянскаго хлѣба на рынкѣ можетъ происходить отъ неравномѣрности распредѣленія земли между крестьянскими хозяйствами".

Ну, вотъ, именно это самое настоящее и есть!—говоритъ простакъ. И еще больше онъ соглашается, когда г. Мануиловъ говоритъ, что крестьяне, принадлежащіе къ категоріи необезпеченныхъ, продаютъ не только овесъ, нужный имъ для корма скота, но также и хлѣбъ, отнюдь не составляющій избытка, и что крестьяне бываютъ вынуждены продавать осенью не только часть продовольственнаго и кормового хлѣба, но даже и сѣменного, и что имъ не всегда удается вновь покупать весною, а приходится сжимать до крайности потребленіе, питаться суррогатами и морить голодомъ скотину. „Нужно признать, что *фактически* крестьяне, даже необезпеченные хлѣбомъ и кормомъ, несутъ часть своего хлѣба на рынокъ и не всегда вновь покупаютъ его".

Послѣ признанія такого *фактическаго* положенія дѣлъ для нашего гипотетическаго простака выводы ясны и очевидны. Коли необезпеченная категорія крестьянъ является фактически не покупателями, а продавцами, такъ повидимому и толковать нечего. На хозяйство такихъ крестьянъ (а ихъ большинство, 52%, если не больше) цѣны хлѣба вліяютъ, а не безразличны. Это, во-первыхъ. И для него, какъ для продавца, выгодно, чтобъ эти цѣны были выше, при высокихъ-то и меньше продать придется и *при другихъ одинаковыхъ условіяхъ* дома на свое потребленіе больше останется, да и скотину лучше прокормить и т. д.

Такъ разсуждаетъ нашъ гипотетическій простакъ. Но какъ же онъ будетъ изумленъ, когда прочитаетъ слѣдующія дальнѣйшія разсужденія автора статьи:

„Еслибъ русское крестьянство потребляло хотя бы минимальное количество пищи, предписываемое законами физіологіи, то продавала бы хлѣбъ только первая изъ группъ крестьянства (имѣющая излишки); она одна только и страдала бы отъ низкихъ цѣнъ, вторая (у которой хлѣба въ обрѣзъ) не продавала бы и не покупала и поэтому относилась бы безразлично къ цѣнамъ; а самая многочисленная, третья группа покупала бы и была бы заинтересована въ низкихъ цѣнахъ. Но въ дѣйствительности"...

Мы уже видѣли, какъ бываетъ въ дѣйствительности. Но г. Мануиловъ разсуждаетъ такъ: „Итакъ, теоретически справедливо, что большинству русскаго крестьянства или безразлично, каковы цѣны на хлѣбъ, или выгоднѣе, чтобы цѣны были низки; но на практикѣ это теоретическое положеніе должно быть ограничено". Разсуждаетъ-то онъ вполнѣ, какъ видите, правильно; и вдругъ... съ помощью Божіей, такой оборотъ, „трудно представить себѣ, чтобы такое ограниченіе было очень значительно", хотя изъ всего имъ сказаннаго очевидно, что оно значительно до того, что почти всецѣло уничтожаетъ (на практикѣ, конечно) значеніе „чистаго" случая. „Намъ могутъ замѣтить,—продолжаетъ г. Мануиловъ,—что въ виду фактическаго положенія крестьянъ высказанный выше теоретическій выводъ не имѣетъ значенія. Но это невѣрно. Постоянный интересъ крестьянина, продающаго не излишки, а часть своей пищи заключается въ томъ, чтобы не продавать ея".

Вотъ, вѣдь, подумаешь, мудрость какая. Ну, а если, несмотря на этотъ дѣйствительно постоянный интересъ, крестьянинъ все-таки про-

даетъ, ибо вынужденъ продавать? Какое тогда-то значеніе имѣетъ этотъ пресловутый теоретическій выводъ? Г. Мануиловъ не оставляетъ, однако, безъ отвѣта и этого вопроса... Этотъ вопросъ имѣетъ значеніе для экономической политики, ибо при существующихъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства поднятіе хлѣбныхъ цѣнъ можетъ только *улучшить условія его ликвидаціи*, и направлять экономическую политику въ эту сторону значитъ заботиться не о томъ, чтобы предотвратить банкротство крестьянскаго хозяйства, а лишь о томъ, чтобъ это банкротство совершилось выгоднѣе для разоряющихся хозяевъ".

Во-первыхъ, и это вѣдь для „разоряющихся"-то хозяевъ дѣло не маленькое... ликвидація-то хозяйства при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, если, конечно, ликвидація неизбѣжна. А во-вторыхъ, какъ говорится гдѣ-то у Некрасова, шла борона все прямо, да и свернула въ сторону. Вопросъ, вѣдь, шелъ не о желательности той или иной экономической политики, а просто о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на крестьянское хозяйство. Желательность же той или иной экономической политики вызывается совсѣмъ не этимъ, во всякомъ случаѣ только второстепеннымъ условіемъ (для крестьянскаго-то хозяйства второстепеннымъ, ибо голодать и питаться суррогатами приходится и при высокихъ и при низкихъ цѣнахъ) а иными, общими условіями, въ которыхъ находится крестьянское хозяйство.

Хроникеръ *Вѣстника Европы* съ большой настойчивостью добивается того, чтобы была приподнята завѣса, за которой скрываются вожделѣнія реакціонной прессы относительно такъ называемаго дворянскаго вопроса. Онъ на основаніи нѣкоторыхъ заявленій *Москов. Вѣд.* утверждаетъ, что, наконецъ, приподнятъ хоть уголокъ этой завѣсы и изъ-за него виднѣются „сто тысячъ полицейместеровъ". Дворянскія усадьбы и ихъ обладатели должны вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ были до отмѣны крѣпостного права—центрами и носителями полицейско-административной власти. „Маски долой!"—обращается хроникеръ къ охранительной прессѣ, державшейся будто бы теперь выжидательной политики.

Намъ думается, однако, что хроникеръ напрасно ужъ такъ старается о снятіи масокъ. Въ сущности онѣ давно сняты. Правда, охранительные органы теперь ходятъ все больше кругомъ, да около вопроса и неохотно ставятъ точки на *i*, предпочитая гипнотизировать пока простодушнаго читателя длиннѣйшими и безтолковѣйшими разсужденіями какихъ-нибудь Тихомировыхъ на тему о необходимости расчлененія государства на сословія, что яко бы составляетъ необходимое условіе существованія самодержавной монархіи, и время отъ времени производить набѣги и вылазки въ сферу чужой совѣсти и чужихъ убѣжденій. Но это еще не значитъ, чтобъ они, эти охранители, не ставили точекъ на *i* въ другихъ отдѣлахъ своихъ органовъ, кромѣ передовыхъ. Тутъ у нихъ всякое лыко въ строку идетъ: и воспоминанія, и записки, и даже частная переписка ихъ пророковъ и вѣщателей. Собственно говоря, наиболѣе любопытное и наиболѣе рельефное изъ области ихъ стремленій надо искать не въ разныхъ передовицахъ и серьезныхъ статьяхъ ихъ органовъ, а именно въ этомъ отдѣлѣ „смѣси". Замѣчательно интересна въ этомъ отношеніи печатающаяся въ *Русскомъ Обозрѣніи* переписка знаменитаго жреца и вѣщаго барда охранителей К. Леонтьева съ г. Губастовымъ. Цитируемыя ниже мѣста относятся къ очень недавнему времени, къ 1889 году, когда, какъ извѣстно, охранительныя стремленія вылились уже въ ту окончательную форму, въ которой пребываютъ и по настоящее время... Намъ уже не въ пер-

вый разъ приходится обращать вниманіе читателя на фигуру К. Леонтьева, какъ на очень характерную и представляющую очень значительный интересъ для психолога. Если его переписка выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ, она составитъ любопытный „человѣческій документъ“ не только для психолога, но и для историка нашей современности и даже для соціолога. Они найдутъ тутъ такое смѣшеніе настоящаго озлобленнаго барина-крѣпостника, отрицателя, ханжи-византійца и свирѣпѣйшаго татарина, какое можно найти только въ Россіи, въ средѣ русскаго вырождающагося барства, вкусившаго отъ дерева европейскаго знанія и приспособившаго плоды его къ своей особой крѣпостной культурѣ, распадающейся, но живущей въ психіи этого своеобразнаго общественнаго класса.

Прежде всего отмѣтимъ мнѣніе Леонтьева о современной охранительной печати. „Катковъ и Аксаковъ, хотя и вносили въ дѣло свою страстность и свои какъ политическіе, такъ и всякіе другіе разсчеты, но у нихъ все было крупно и до мелкихъ и подлыхъ придирокъ никогда не доходило. Безъ нихъ нравственный уровень охранительныхъ газетъ (*Гражданинъ*, *Московскія Вѣдомости*, *Русское Дѣло*) немедленно и ужасно понизился. Я говорю—нравственный уровень, потому что со стороны умственной всѣ они ведутся не дурно“... Недурно, конечно, въ смыслѣ умѣнья пользоваться обстоятельствами. Вообще же это преинтересный отзывъ объ охранителяхъ ихъ вѣщаго пророка.

А въ чемъ состоитъ сущность этого „недурного“ веденія дѣлъ, что скрывается за завѣсой—это видно изъ слѣдующаго утвержденія Леонтьева, приподнимающаго уже не только уголокъ завѣсы, а открывающаго предъ нами всю тайну охранителей. „Все истинно прочное, вѣковое создавалось медленно, толчками, идеями смутными, неясными; такъ сложились у насъ два *великихъ* учрежденія: самодержавіе и *крѣпостное право*“... Такое „откровенное“ заявленіе съ ясностью доказываетъ, что когда наши охранители говорятъ о расчлененіи общества на сословія, то подъ этою формулой и надо понимать именно крѣпостной строй. Это не значитъ, разумѣется, чтобы крѣпостной строй они понимали именно въ такой формѣ, въ какой онъ существовалъ до реформы—формы могутъ быть и иными. Для такого полувизантійца, полутатарина, какъ К. Леонтьевъ, до глубины души ненавидѣвшаго всякое закономѣрное развитіе общества, всякую законность, эти формы могутъ представляться даже соціалистическими, хотя, конечно, своеобразно-соціалистическими, вродѣ аракчеевскихъ фаланстеровъ или арестантскихъ казармъ... „Я того мнѣнія,—говоритъ онъ,—что соціализмъ въ XX и XXI вѣкѣ начнетъ на почвѣ государственно-экономической играть ту роль, которую играло христіанство на почвѣ религіозно-государственной тогда, когда оно начинало торжествовать. Теперь соціализмъ еще находится въ періодѣ мучениковъ и первыхъ общинъ. Найдется и для него свой Константинъ; очень можетъ быть, и даже всего вѣроятнѣе, что этого экономическаго Константина будутъ звать Александръ, Николай, Георгій, но ни въ какомъ случаѣ не Людовикъ, не Вильгельмъ и т. д. То, что теперь крайняя революція, станетъ тогда *охраненіемъ*, орудіемъ *строгаго принужденія*, дисциплиной, даже *рабствомъ*“.

Вотъ для чего оказывается, между прочимъ, необходимы съ чисто государственной точки зрѣнія сто тысячъ полицеймейстеровъ, по мнѣнію наиболѣе яркихъ представителей охранительныхъ стремленій.

„Если соціализмъ не будетъ въ силахъ создать попеременнымъ путемъ,—и крови и мирныхъ реформъ,—„новое *неравенство правъ* и но-

вую разнородность развитія, близится *конецъ всему*", — уясняетъ свою мысль К. Леонтьевъ.

Сравнивая далѣе нашего извѣстнаго метафизика Вл. Соловьева съ Гартманомъ и отдавая первому предпочтеніе, Леонтьевъ замѣчаетъ: „Вл. Соловьевъ уже тѣмъ хорошъ, что при всей воздушной высотѣ своей мистики и метафизики онъ даетъ уму осязательную, видимую цѣль: подчиненіе папству—разъ, сохраненіе самодержавія—два, идеалъ приблизительнаго хозяйственнаго улучшенія—три (соціализмъ консервативный)"... „Я, оставаясь самъ,—продолжаетъ Леонтьевъ,—на почвѣ простого и стараго православія, какъ мыслящій человѣкъ все болѣе и болѣе начинаю думать, что ученіе его имѣетъ будущность въ Россіи".

Еще одна заключительная цитата:

„Когда я думаю о Россіи будущей, то я какъ conditio sine qua non ставлю появленіе такихъ мыслителей и вождей, которые сумѣютъ къ дѣлу приложить тотъ родъ ненависти къ этой все - Америкѣ, которою я теперь почти одиноко въ глубинѣ сердца моего безсильно пылаю. Чувство мое пророчитъ мнѣ, что славянскій, православный царь возьметъ когда-нибудь въ руки соціалистическое движеніе и съ благословенія церкви учредитъ соціалистическую форму жизнн. И будетъ этотъ соціализмъ новымъ и *суровымъ троякимъ рабствомъ*: общинамъ, церкви и царю. И вся Америка эта ренановская—къ чорту!".

Но, вѣдь, это же просто кликушество!—скажете вы. Оно, конечно, кликушество – господа охранители, конечно, не доросли еще до гигантскаго роста своего пророка. Когда же простые людишки доростаютъ до своихъ вождей? Но если вы вѣрите не въ одно только могущество такъ называемаго хода вещей, но и въ могущество идей-силъ, то вы въ вожделѣніяхъ Леонтьева усмотрите не одно только смѣшное кликушество, а и настоящую идею - силу, съ которой приходится считаться, какъ бы нелѣпа она ни представлялась вамъ съ перваго взгляда. Идея крѣпостного строя еще слишкомъ крѣпко сидитъ въ душѣ современнаго русскаго человѣка высшаго культурнаго класса, чтобъ ее, идею-то эту, было возможно игнорировать. Правда и то, что чѣмъ въ болѣе яркой и въ болѣе нелѣпой формѣ она выступаетъ, тѣмъ болѣе она близится къ своей окончательной погибели. И въ этомъ, собственно говоря, и утѣшеніе соціолога. Съ другой стороны, этими же соображеніями объясняются и умолчанія и реторическія фигуры охранительной прессы и ея гипнотизированіе читателя, яко бы, серьезными разсужденіями о расчлененіи на сословія; ими объясняется и то, что защитники дворянской реформы не хотятъ до поры до времени идти дальше общихъ мѣстъ, выжидая для раскрытія картъ другой болѣе удобной минуты и ограничиваясь пока подготовкой мнѣнія посредствомъ печатанія хоть бы тѣхъ же писемъ К. Леонтьева. Хроникеръ *Вѣст. Евр.* совершенно правъ, говоря, что не легко предложить прямо и открыто, тридцать шесть лѣтъ спустя послѣ 19 февраля, обращеніе народа въ полузависимое состояніе, отличающееся отъ крѣпостного не столько свойствомъ, сколько степенью. Это, дѣйствительно, не легко; но въ томъ-то и состоитъ могущество идей-силъ, что онѣ подготовляютъ то что совершиться теперь сразу не можетъ. Потому - то идея такъ и, опасна... для тѣхъ или иныхъ интересовъ.

Во всякомъ случаѣ идеи К. Леонтьева не простое кликушество.

Дѣтское Чтеніе, *февраль—іюнь.* Самою капитальною художественною вещью истекшаго полугодія является повѣсть Вас. Ив. Немировича-Данченко *Поднебесный аулъ*, до сихъ поръ еще не оконченная.

Содержанiе взято изъ кавказскихъ былей добраго времени, когда наши солдаты умѣли выказать свое мужество въ борьбѣ съ дикими горцами. Особенное вниманiе читателя обращаетъ на себя типъ русской образованной женщины, вышедшей изъ высшихъ слоевъ общества, но въ моментъ общаго народнаго горя или нужды умѣющей забыть всѣ сословные предразсудки и личные интересы и, повинуясь голосу сердца, пойти на помощь простому русскому человѣку, не останавливаясь даже и передъ мыслiю о пожертвованiи, ради этой высшей цѣли, собственною своею жизнью. Такова изображенная г. Немировичемъ-Данченко генеральша. Это какъ бы съ неба ниспосланный ангелъ для солдатъ: она лучше, искуснѣе, успѣшнѣе всякаго фельдшера ходила за ранеными, останавливала у нихъ кровотеченiе, бинтовала ихъ больныя ноги и т. д. Она же, однажды, замѣтивъ въ средѣ солдатъ замѣшательство и боязнь пойти по шатающемуся мосту, выстроенному надъ страшною бездной, рѣшила своимъ примѣромъ внушить имъ бодрость духа и съ собственнымъ ребенкомъ на рукахъ сама верхомъ проѣхала по этому мосту. Тогда солдаты устыдились своей робости и смѣлымъ шагомъ отважились двинуться по страшному мосту. Они ее боготворили. Она сопровождала мужа во всѣхъ его походахъ и притомъ не какъ свидѣтель, но какъ живой участникъ во всѣхъ заботахъ, трудахъ, лишенiяхъ и бѣдствiяхъ. Не разъ и пули летали мимо нея, но это ей было ни почемъ.

Бѣлое золото г. Мамина-Сибиряка—большая повѣсть, изъ прiисковой жизни, только что еще начатая, и мы поговоримъ о ней, когда она будетъ окончена. Г. Баранцевичъ далъ трогательную картинку изъ жизни обитателей подвала *Дѣдушкино кресло,* принадлежащую къ *Сказкамъ чернаго таракана.* Изъ народнаго быта выдѣляются еще очерки г. Соловьева-Несмѣлова. Обращаетъ на себя серьезное вниманiе описанное г. Телешовымъ посѣщенiе имъ шахты. Это одна изъ самыхъ тяжелыхъ, утомительныхъ и невеселыхъ по своимъ впечатлѣнiямъ „прогулокъ“ въ мрачное подземелье. Нельзя не пожалѣть, что авторъ изобразилъ все это въ видѣ бѣглаго эскиза. А между тѣмъ сюжетъ таковъ, что стоило бы на немъ остановиться и подольше. Въ дѣтской литературѣ очень желательны картины, подобныя этой, писанныя съ натуры и знакомящiя русскихъ дѣтей съ родиной, бытомъ и трудомъ нашего богатыря-работника.

Съ удовольствiемъ прочтется симпатичный очеркъ г. Засодимскаго *Ужасное несчастiе*—изъ воспоминанiй рабочаго муравья. Много смѣха, благодушнаго, безобиднаго,—вызоветъ и не въ однихъ дѣтяхъ, но и во взрослыхъ читателяхъ юмористическiй этюдецъ, *Знакъ отличiя мистера Смита,* сочиненный вдвоемъ гг. Альбовымъ и Ладыженскимъ.

Стихи это—камень преткновенiя, это самое слабое мѣсто нашихъ дѣтскихъ журналовъ. А между тѣмъ въ *Дѣтскомъ Отдыхѣ* нерѣдко попадаются удачные образцы. Чѣмъ это объяснить себѣ? Да тѣмъ, что авторы, когда писали, не старались искусственно прилаживаться къ дѣтямъ; поэтому они не впадали въ дѣтство и не сочиняли сантиментальныхъ, слезливыхъ, скучно-назидательныхъ стихотворенiй. Прекрасная поэма г. Величка *Мушá* (носильщикъ кладей) могла бы украсить собою любой журналъ для взрослыхъ. Солдатъ просто и задушевно разсказываетъ, какъ ему пришлось на Кавказѣ, въ качествѣ караульнаго, вести изъ зданiя суда въ тюрьму, ночью двухъ здоровеннѣйшихъ крѣпышей-арестантовъ, изъ которыхъ одинъ осужденъ былъ за убiйство и смотрѣлъ страшнымъ разбойникомъ. Дойдя до рѣки Куры,

муша вдругъ, среди ночного безмолвія и мрака, ударивъ сильно въ грудь обоихъ спутниковъ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ въ кандалахъ къ рѣкѣ, чтобы переплыть на другую сторону и—поминай, какъ звали! Солдатъ, взволнованный, напряженный, цѣлитъ въ него изъ ружья, но тутъ его охватываетъ неудержимая жалость къ арестанту и ужасъ передъ своею новою ролью—убійцы, и онъ бросается въ ноги мушѣ, онъ умоляетъ его, во имя всего святого, оставить мысль о побѣгѣ, не губить его, несчастнаго солдата, который долженъ будетъ жизнью отвѣтить за мушу. Арестантъ, ни слова не знавшій по-русски, сердцемъ уразумѣлъ по встревоженнымъ жестамъ и воплямъ обезпамятавшаго отъ ужаса солдатика, въ чемъ состоитъ мольба послѣдняго, растрогался его слезами и страданіемъ и добровольно пошелъ съ нимъ въ тюрьму. Солдатъ не помнитъ, какъ онъ вернулся въ тюрьму, какъ попалъ въ лазаретъ... Весь душевный организмъ его былъ потрясенъ, и онъ не скоро оправился. Выздоровѣвъ, онъ узнаетъ, что муша повѣшенъ. Съ тѣхъ поръ муки совѣсти, сознаніе своей виновности передъ мушой не даютъ солдату покою. Доживъ до глубокой старости, онъ все еще жалуется, что его не покидаетъ мрачный призракъ муши, который погибъ, будто бы, изъ-за него.

Въ лицѣ гг. Рубакина, Чеглока и Долина можно, кажется, видѣть залогъ того, что научно-популярная литература для дѣтей даетъ надежды на дальнѣйшее развитіе. Пользуясь живой, разговорной, можно сказать, художественною формой изложенія, они умѣютъ привлечь интересъ читателей къ наукѣ, возбудить въ нихъ страсть къ знанію и незамѣтно, просто, непринужденно сообщаютъ полезнѣйшія свѣдѣнія. Прямую противоположность этимъ авторамъ представляетъ собою г. Коропчевскій, который, хотя и не мало уже написалъ для дѣтей, но совсѣмъ не овладѣлъ секретомъ—писать интересно, и самыя, казалось бы, любопытныя темы облекаетъ въ скучнѣйшія формы. Едва ли дѣти читаютъ его.

Обширная біографія знаменитой Бичеръ-Стоу, автора *Хижины дяди Тома,* написанная г. Ив. Ивановымъ, интересна и высокопоучительна, и мы увѣрены, что она не замедлитъ появиться въ видѣ отдѣльной книжки, обратитъ на себя серьезное вниманіе комтентныхъ судей дѣтской литературы и займетъ въ ряду біографій, написанныхъ для дѣтей, почетное мѣсто.

Уже изъ этого бѣглаго перечня цѣлой группы удачныхъ статей, помѣщенныхъ за 5 мѣсяцевъ въ одномъ журналѣ, не трудно заключить, какъ богатъ этотъ журналъ цѣннымъ матеріаломъ и какую помощь онъ оказываетъ дѣлу развитія родной, оригинальной дѣтской литературы.

Родникъ, *январъ—іюнь*. Какъ всегда, характерною чертой этого журнала служитъ очевидное стремленіе, при посредствѣ соотвѣтственно подобранныхъ произведеній, проводить тѣ или иныя нравственныя тенденціи, вызывать добрыя чувства въ читателяхъ-дѣтяхъ; не одинъ изъ помѣщенныхъ здѣсь художественныхъ очерковъ заставитъ отзывчивую молодую голову, быть можетъ, впервые призадуматься надъ серьезными вопросами жизни и внимательнѣе относиться къ своему собственному поведенію, размышляя о послѣдствіяхъ, которыя могутъ вытекать изъ каждаго нашего мало обдуманнаго поступка.

Въ очеркѣ г. Сливицкаго *Новичокъ* живо и тепло разсказана исторія школьника, попавшаго, совершенно безвинно, по одному простому недоразумѣнію, въ жертвы жестокихъ и грубыхъ преслѣдаваній со сто-

роны товарищей. Психологiя „новичка“, такъ близко знакомая по личному опыту каждому школьнику, своими трогательными и тонкими подробностями, удачно изображаемыми г. Сливицкимъ, заставитъ читателей поразобраться въ своихъ собственныхъ взглядахъ на товарищество, въ принципахъ, руководящихъ молодыми людьми въ ихъ взаимоотношенiяхъ и, быть можетъ, побудитъ ихъ внести въ традицiонно установленные у нихъ порядки общежитiя нѣкоторыя существенныя поправки.

Очень удаченъ и симпатиченъ по выполненiю и по мысли и другой разсказъ г. Сливицкаго *Чудная птица*—о томъ, какъ въ угрюмомъ, томимомъ муками одиночества, зачерствѣвшемъ душою арестантѣ, въ короткое время произошла полная перемѣна и характера, и душевнаго настроенiя, и всего строя его нравственныхъ понятiй .Поводомъ къ этой благотворной перемѣнѣ послужило появленiе веселой птички-щеголихи, въ одиночной камерѣ горемычнаго арестанта. Онъ сразу умилился душой и почувствовалъ, что онъ не одинъ, что у него есть живое утѣшенiе въ горѣ, есть другъ, живущiй съ нимъ душа въ душу... Пѣнiе птички наводило его на трогательныя воспоминанiя о прошломъ, а ея талантливое подражанiе голосамъ домашнихъ птицъ пробудило въ немъ страстное стремленiе къ родинѣ, любовь къ домашнему очагу, къ родной, покинутой имъ семьѣ, къ честной, тихой, трудовой жизни въ деревнѣ, и, по выпускѣ изъ тюрьмы, изъ него сдѣлался работящiй, примѣрный, хорошiй мужикъ-работникъ и добрый семьянинъ. Онъ всю жизнь любилъ говорить, что это только „чудная птичка“ сумѣла сдѣлать изъ него настоящаго человѣка.

Хотя и Л. Л. Толстой (сынъ графа Льва Николаевича) стремится къ моральному воздѣйствiю на читателей, но онъ нерѣдко, къ сожалѣнiю, вдается въ сантиментальность и, совершенно напрасно подражая великому психологу—автору *Дѣтства и Отрочества*, претендуетъ на тонкiй и глубокiй анализъ въ области дѣтской психологiи,—это выходитъ у него какъ-то искусственно, натянуто. Впрочемъ, тамъ, гдѣ этого излишняго старанiя нѣтъ, получается доброе, хорошее впечатлѣнiе—въ читателяхъ вызывается сочувствiе то къ несчастному, забитому глухонѣмому, то къ добрымъ домашнимъ животнымъ и т. д.

Трудно было ожидать, чтобы авторъ прекрасной бiографической повѣсти о Пушкинѣ, г. Авенарiусъ, могъ написать такую мало симпатичную вещь, какъ *Школа жизни великаго юмориста*. Здѣсь описывается юность Гоголя.

Авторъ изображаетъ этого „великаго юмориста“ совсѣмъ ничтожнымъ зубоскаломъ, очень много болтающимъ и глупостей, и даже подчасъ, пошлостей. Въ лицѣ героя бiографической повѣсти намъ данъ какой-то сѣренькiй человѣкъ, плутоватый, съ чертами самаго банальнаго пройдохи (см., наприм., стр. 596).

Гоголю г. Авенарiуса вполнѣ соотвѣтствуетъ и другой ничтожный и пустой человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ изображенiи нашего автора—Данилевскiй. Поучительно будетъ дѣтямъ читать о томъ, какiя прогулки совершали оба друга и какiе при этомъ они водили разговоры. Вотъ они оба—на Екатерингофскомъ гуляньѣ. Всѣ „особы прекраснаго пола“, какъ выражается авторъ, такъ и впились глазами въ Данилевскаго, этого красавца-мужчину.

— Вотъ, вотъ, и эта опять на тебя оглянулась!—говорилъ Гоголь.—Въ твоемъ ослѣпительномъ блескѣ (Данилевскiй былъ гвардеецъ) я темный спутникъ, совсѣмъ пропадаю.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Данилевскій упрекаетъ Гоголя, зачѣмъ онъ носитъ шляпу на бекрень.

— Да ты на себя погляди: полъ-уха тоже кивером закрылъ,— возражаетъ „великій юмористъ".

— Киверомъ, а не горшкомъ!—отвѣчаетъ Данилевскій.

— Все дѣло, стало-быть, въ головномъ уборѣ?

— По Сенькѣ и шапка: коли военный ее заломитъ на-бекрень,— значитъ, самъ чортъ ему не братъ; а вашъ братъ штафирка,—значитъ,—трусъ либо пьянъ.

„Штафирка", наболтавшись съ гвардейскимъ красавцемъ о разныхъ вещахъ и, между прочимъ, о своей карьерѣ, причемъ онъ выразилъ полное отвращеніе къ „чиноперамъ", вдругъ, ни съ того, ни съ сего сталъ жаловаться, что въ немъ „мало святости" (стр. 613) и много „мірской суеты". Впрочемъ, онъ собирается къ святымъ мѣстамъ, ко гробу Господню...

Товарищъ возражаетъ, что о спасеніи еще рано думать. Гоголь сразу соглашается: „Согласенъ. Времени впереди довольно". И, пока что̀, они зашли въ веселый ресторанъ съ цыганками. Авторъ описываетъ, какъ эти „фараоновы дочери" (такъ назвалъ ихъ здѣсь Гоголь) неистово кружатся, пляшутъ, съ дикими взвизгиваніями и завываніями.

Картинка для дѣтской повѣсти!...

Справедливость требуетъ оговориться и напомнить, что одна ласточка весны не дѣлаетъ; что одна неудачная вещь не можетъ испортить общаго впечатлѣнія, получаемаго отъ чтенія этого журнала. Это впечатлѣніе говоритъ за журналъ. Его главная задача, повторяемъ еще разъ, — пробуждать добрыя чувства. И задачу эту онъ, говоря вообще, выполняетъ съ успѣхомъ, добросовѣстно и умѣло.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1897 г.

Абрамовъ, Я. В. Аренда и наемъ. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Адресная книга книгопродавцевъ, издателей, торговцевъ нотами и редакцій газетъ и журналовъ въ Россіи. Изд. 3. Эд. Гинлейна 1897 — 1898 гг. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

Барановъ, А. Въ защиту погибшихъ женщинъ. Изд. 2-е. Казань, 1897 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Бобрѣевъ, Михаилъ. Систематическій курсъ ариѳметики. Либава, 1897 г. Ц. 50 к.

Быховскій, В. В. Обвиненіе и защита при законѣ 18 марта 1896 года. М., 1897 г. Ц. 60 к.

Гегаръ, Альфредъ, д-ръ. Половое влеченіе. Пер. съ нѣмецк., д-ра Л. Лейненберга. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Гейгеръ, Л. Значеніе языка въ исторіи развитія человѣчества, Вып. VI-й. Пер. Л. С. Зака. Одесса, 1897 г.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Вып. VI-й. Спб., 1897 г. Ц. 12 вып. 12 р. съ пер. 14 р.

Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Т. IV. М., 1897 г. Ц. 4 р.

Десятый съѣздъ земскихъ врачей Смоленской губ. Изд. смол. губерн. земства. Смоленскъ, 1897 г.

Зигертъ, В. Грѣхи юности, ихъ причины, слѣдствія и способы устраненія. Одесса, 1897 г. Ц. 30 к.

Золотаревъ, Л. А. Гигіена брака. М., 1897 г. Ц. 30 к.

Изслѣдованіе крестьянскаго скотоводства въ Саратовской грберніи, произведенное въ 1895 году. Т. II. Саратовъ, 1897 г.

Исторія россійскаго флота въ царствованіе Петра Великаго. Пер. неизд. англійской рукописи гр. Е. Путятинъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Казанскій, П. Международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности. Одесса, 1897 г.

— Международный союзъ для печатанія таможенныхъ тарифовъ. Спб., 1897 г.

— Международный противоневольничій союзъ. Одесса, 1897 г.

Киплингъ, Редвярдъ. Индусскіе разсказы. № 3. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Лейкинъ, Н. А. Дачные страдальцы. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Майльсъ, Альфредъ. Естественная исторія въ разсказахъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Нансенъ, Фритіофъ. „Во мракѣ ночи и во льдахъ“. Полный пер. со швед. М. Вечеслова. IV и V вып. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 30 к. за выпускъ.

Образовательная библіотека. Антонъ Лампа. Силы природы и естественные законы. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1897 г.

Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей. Спб., 1897 г.

Отчетъ дирекціи херсонской общественной библіотеки за 1896 г. Херсонъ, 1897 г.

Піонтковскій, А. А. Исправительно воспитательные институты въ Сѣверн. Америкѣ. Ярославль, 1897 г.

Позадъ, Адольфъ. Очеркъ современныхъ теорій происхожденія семьи, общества и государства. Сер. II. Вып. IV-й. Подъ ред. Л. Зака. Одесса, 1897 г.

Полиновскій, М. Б. Письма дѣвушекъ. Одесса, 1897 г. Ц. 30 к.

Покровскій, К. Д. Женщины астрономы и ихъ работы. Спб., 1897 г.

Поповъ, Иванъ. Естественный и нравственный законъ. Сергіевъ-Посадъ, 1897 г. Ц. 3 р.

Пружанскій, Н. Отверженный. Изъ записокъ сумашедшаго.

Пясецкій, В. Н. Архитектурныя формы ранняго возрожденія въ Италіи. Спб., 1897 г. Ц. 3 р. 30 к.

Рибо, Т. Психологія чувствъ. Ч. II. Кіевъ, 1897 г.

Рихтеръ, Д. И. и Розинъ, В. В. Путеводитель № 1. Поѣздка въ Новгородъ Великій. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Харьковъ, 1897 г. Ц. 50 к.

Савенковъ, Ив. Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. М., 1897 г.

Сафоновъ, А. П. Царствованіе Императора Александра II. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Сеньобосъ, Ш. Политическая исторія современной Европы. Ч. I. Спб., 1997 г. Ц. 2 р.

Сиргусовъ, М. Краткій исторический обзоръ развитія ученія о питаніи растеній, какъ введеніе въ земледѣльч. химію. Рига, 1897 г. Ц. 30 к.

Смирновъ, С. И. Повѣсти и разсказы. Спб., 1897 г.

Спенсеръ, Гербертъ. Основныя начала. Спб., 1897 г.

Фэдо, Ф. Ботаникъ-любитель. Съ франц. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Хэдсонъ, У. Натуралистъ на Ла-Платѣ. 2 ч. Спб., 1897 г. Ц. 50 к. кажд. части.

Чихановъ, Б. Учебникъ ариѳметики. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Люблинъ, 1897 г. Ц. 50 к.

Членовъ, Е. В., д-ръ мед. Глухонѣмые и ихъ обученіе въ Западной Европѣ и въ Россіи. Москва., 1897 г. Ц. 1 р.

Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Т. I. Спб., 1897 г.

Энгельгардтъ, А. П. Русскій Сѣверъ. Путевые записки. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Для личныхъ переговоровъ и пріема рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—4 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

---

16 августа 1897 года редакція, контора и книжный магазинъ „Русской Мысли" переводятся на Б. Никитскую, въ д. Вельтищевой.

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки 1897 г.:

(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. — „	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу.	14 „	10 „ 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Р. М.» безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годоваго экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногородняго адреса на иногордній и иногородняго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщить его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

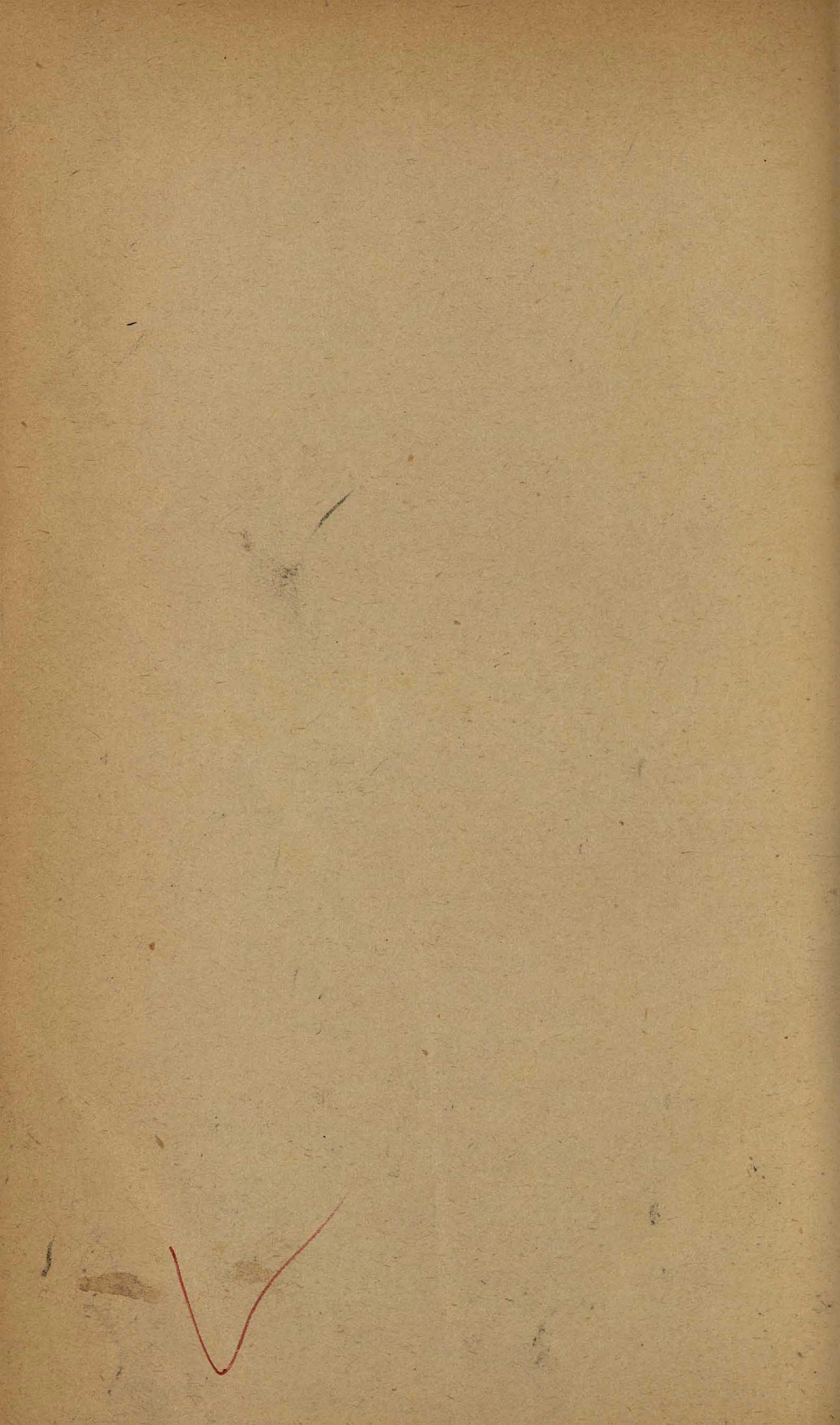
Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевскаго переулка и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

RFID 20185334605

М Ф

8/492

